

Рисунки
оthers
in Cat.
1944

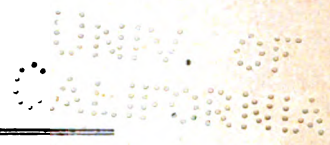
Russkaja Mysl

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1891.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW order 3/29/64

NO COPY
AVAILABLE

Москва. Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

AP50
K875
v. 12:1
MAIN

	Стр.
I. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА В. Г. БѢЛИНСКАГО БЪ А. И. ГЕРЦЕНУ	1
II. ЧАЙЛДЪ ГАРОЛДЪ. (Вайрона). Пѣснь третья. Переводъ П. А. Козлова. <i>Продолженіе</i>	26
III. САВЕЛЛИ. Романъ Жильбера Огюстева Тьерри. Переводъ В. М. Р.	43
IV. УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ. (Повѣсть).—Каронина.	77
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Меремковскаго.	111
VI. АСВЕТКА. Повѣсть Элизы Ожешковой. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	112
VII. СМѢНА. (Романъ). Часть I, гл. I—II.—А. И. Эртеля . . .	161
VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ф. Е. Корша.	198
IX. ПИСЬМА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ. (Замѣтки о текущей народной жизни).—Гл. И. Успенскаго.	202
X. МОТИВЫ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПОЭЗИИ.—В. П. Острогорскаго .	1
XI. НОВАЯ БЮГРАФІЯ МИРАБО.—Н. И. Карѣева.	25
XII. РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ XVI И XVII ВѢКОВЪ.—Ф. Ф. Мартенса	38
XIII. РОССІЯ ВЪ ЦИФРАХЪ.—В. В. Бирюковича	55
XIV. ЭКСКУРСЫ ВЪ ОБЛАСТЬ РУССКАГО ЭПОСА.—Вс. Ф. Миллера. .	67
XV. ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО.—М. А. Протополова.	98
XVI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА КРЕСТЬЯНСКАГО ПОЗЕМЕЛЬНАГО БАНКА ЗА 1889 ГОДЪ.—М. Я. Герценштейна.	113
XVII. СОСТАВЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ЗЕМСКИХЪ СОБОРАХЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.—В. О. Ключевскаго.	132

863070

	Стр.
ХІІІ. КАКЪ ВОЗНИКЪ НАШЪ СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. (Историческая справка по подлиннымъ документамъ судебной реформы).— Гр. А. Дманшіева.	148
ХІХ. 1890 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. — В. А. Гольцева	160
ХХ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Сессія земскаго собранія Московской губерніи. — Участіе городского головы въ дѣлахъ земства.—Балансъ крестьянскаго банка.—Прощеніе растраты въ Александровскомъ дворянскомъ банкѣ.—Погромъ на домашнее обученіе.—Элеваторы и хлѣбные склады на желѣзныхъ дорогахъ.—Бурсъ и фиксація кредитнаго рубля.—Новая конверсія.—С. Я. Капустинъ †. — Сообщеніе <i>Правительственнаго Вѣстника</i>	170
ХХІ. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Метеорологія и сельское хозяйство.— А. И. Воейкова.	192
ХХІІ. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Волная волюшка</i> , драма изъ временъ Ивана Грознаго, въ 5-ти дѣйств. и 6-ти картинахъ, И. В. Шпагинскаго; <i>Подъ иметомъ утра-ты</i> , драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи, Г. Д. (мотивъ заимствованъ); <i>Причудницы</i> (<i>Les précieuses ridicules</i> , ком. въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Мольера, перев. С. Е. Путяты; <i>Царь Иоаннъ четвертый</i> , хроника въ 5-ти дѣйств. и 9-ти картин. съ прологомъ, кн. А. И. Сумбатова.—Ан.	208
ХХІІІ. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.—Н. В. Шелгунова.	216
ХХІV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія и біографія. — Политическая экономія и статистика. — Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники и дѣтскія книги.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь 1890 г.—«Русское Обозрѣніе», сентябрь—декабрь 1890 г.—«Русская Старина», мартъ—декабрь 1890 г.	1

Digitized by Google

Неизданныя письма В. Г. Бѣлинскаго къ А. И. Герцену.

(1846 г.).

Отношенія между Бѣлинскимъ и Герценомъ, въ общихъ чертахъ, достаточно выяснены въ русской литературѣ. Нѣкоторыя новыя черты даютъ печатающіеся въ *Русской Мысли* письма Огарева. Изъ *Дневника* Герцена отъ 1842—1845 гг. видно, что Бѣлинскій не мало писалъ ему въ это время. Между прочимъ, въ *Дневникѣ* этомъ встрѣчаемъ отмѣтку отъ 17 мая 1844 г., которую мы считаемъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь, въ виду печатаемыхъ дальше въ письмахъ Бѣлинскаго его замѣчаній о московскихъ славянофилахъ: «Огромное письмо вродѣ диссертации отъ Бѣлинскаго. Возраженіе на мое, писанное къ Ивану Павловичу (Галахову); энергія и невозможность дѣла сломили его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; они загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: «я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу»; онъ страдаетъ и за свои страданія хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы; я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ *fatras* ихъ негѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ и неправъ; онъ не умѣетъ *чаять жизни будущаго отъка*, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—умерщвленіе плода во чревѣ матери. Буду писать къ нему такое же длинное письмо. Странное положеніе мое, какое-то невольное *juste milieu* въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я человекъ Запада, передъ ихъ врагами человекъ Востока.

Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся.

Въ сожалѣнію, въ нашей коллекціи не сохранилось «огромнаго» писемъ Гудинскаго, ни вообще другихъ писемъ его, кромѣ девяти, слѣдующихъ далѣе.

Спб., 1846 г., января 2. Милый мой Герценъ, давно мнѣ сильно хотѣлось поговорить съ тобою и о томъ, и о семъ, и о твоихъ статьяхъ *Объ изученіи природы*, и о твоей статейкѣ *О пристрастіи*, и о твоей превосходной повѣсти, обнаружившей въ тебѣ новый талантъ, который, мнѣ кажется, лучше и выше всѣхъ твоихъ старыхъ талантовъ (за исключеніемъ фельетоннаго—о г. Ведринѣ, Ярополкѣ Водянскомъ и пр.), и объ истинномъ направленіи и значеніи твоего таланта, и обо многомъ прочемъ. Но все не было то случая, то времени. Потому я все ждалъ тебя, и разъ опять испыталъ понапрасну сильное нервическое потрясеніе по поводу прихода г. Герца, о которомъ мнѣ возвѣстили, какъ о г. Герценѣ. Наконецъ, слышу, что ты собираешься ѣхать не то будущею весной, не то будущею осенью. Оставляя все прочее до будущаго случая, пишу теперь къ тебѣ не о тебѣ, а о самомъ себѣ, о собственной моей особѣ. Прежде всего, твою руку и съ нею честное слово, что все написанное здѣсь останется, впредь до разрѣшенія, строгою тайной между тобою, Кичуръ, Гривскимъ и Кршмъ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Я твердо рѣшился оставить *О. З.* *) и ихъ благороднаго, безкорыстнаго владѣльца. Это желаніе давно уже было моею идеей fixe; но я все надѣялся выполнить его чудеснымъ способомъ, благодаря моей фантазіи, которая у меня услужлива не менѣе фантазіи г. Манилова, и надеждамъ на богатыхъ земли. Теперь я увидѣлъ ясно, что все это вздоръ, и что надо прибѣгнуть къ средствамъ, болѣе обыкновеннымъ, болѣе труднымъ, но за то и болѣе дѣйствительнымъ. Но прежде о причинахъ, а потомъ уже о средствахъ. Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненные силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно, я недѣлю въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ, лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмѣлья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно шатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье, видимо, разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ. Я больной писаю боль-

*) *Отечество. Записки.*

шую статью о *Жизни и соч. Кольцова*, и работала съ наслажде-
ніемъ; въ другое время, я въ 3 недѣли чуть не изготовила къ пе-
чати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня ве-
селымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ невыно-
сима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою
голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ, и безъ того
брызгливый и мелочно-раздражительный. Всякій другой трудъ, не
официальный, не ex officio, былъ мнѣ отраденъ и полезенъ. Вотъ
первая и главная причина. Вторая—съ г. Крвскимъ невозможно
имѣть дѣла. Это, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ, но онъ
пріобрѣтатель, слѣд., вампиръ, всегда готовый высосать изъ чело-
вѣка кровь и душу, а потомъ бросить его за окно, какъ выжатый
лимонъ. До меня дошли слухи, что онъ жалуется, что я мало рабо-
таю, что онъ выдаетъ себя за моего благодѣтеля, который изъ ве-
лкодущія держитъ меня, когда уже я ему и не нуженъ. Еще годъ
назадъ тому онъ (узналъ я недавно изъ втораго источника) въ
внимномъ кругу пріобрѣтателей сказалъ: «Б. выписался и мнѣ по-
ра его прогнать». Я живу впередъ забираемыми у него деньгами, и
ясно вижу, что онъ не хочетъ мнѣ ихъ давать: значить, хочетъ
отъ меня отдѣлаться. Мнѣ, во что бы ни стало, надо упредить его.
Не говоря уже о томъ, что съ такимъ человѣкомъ мнѣ нельзя имѣть
дѣла, хочется дать ему замѣтить, что-де Богъ не выдастъ, свинья
не съестъ. Въ журналѣ его я играю теперь довольно послѣднюю
роль: ругаю Булгарина, эту самую бранью намекаю, что Кр.—
прекрасный человѣкъ, герой добродѣтели. Служить орудіемъ подле-
цу для достиженія его подлыхъ цѣлей и ругать другаго подлеца не
во имя истины и добра, а въ качествѣ холопа подлеца № 1,—это
гадко. Что за человѣкъ Кр.—вы всё давно знаете. Вы знаете его
позорную исторію съ Броненбергомъ. Онъ отказалъ ему, и на его
мѣсто взялъ нѣкоего г. Фурмана, въ сравненіи съ которымъ гг. Ко-
ни и Межевичъ имѣютъ полное право считать себя литераторами
перваго разряда. Видите, какая сволочь начала лѣзть въ *О. З.* Раз-
умѣется, Кр. обращается съ Ф. какъ съ канальей, что его гру-
бой ищанско-пропріетерной душѣ очень пріятно. Забавна одна
статья его условія съ Ф.: «Вы слышали (говорилъ ему Кр. тономъ
оскорбленной невинности), что сдѣлалъ со мною Кривбергъ? Я не
хочу впередъ такихъ исторій, и для этого вы подпишитесь на ус-
ловіи, что ваши переводы принадлежатъ мнѣ навсегда, и я имѣю
право издавать ихъ отдѣльно; за это я вамъ прибавлю: Кр—гу я
платилъ 40 руб. асс. съ листа, вамъ я буду платить 12 руб. се-
ребромъ». И такъ, за два рубля мѣди онъ купилъ у него право на

вѣчное потомственное владѣніе его переводами, вмѣсто единовременнаго журнальнаго! Каковъ?... А вотъ и еще анекдотъ о нашемъ Плюшкинѣ. Ольхинъ даетъ ему 20 руб. сер. на плату за листъ переводчикамъ Вальтера-Скота, а Кр. платитъ имъ только 40 р. асс., слѣд., воруетъ по 30 р. съ листа (а за редакцію беретъ деньги своимъ чередомъ). Ольхинъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ къ нему браниться. Видя, что дѣло плохо, Кр. велѣлъ подать завтракъ, послалъ за шампанскимъ, ѣлъ, пилъ и цѣловался съ Ольхинымъ, и тотъ, въ восторгѣ отъ такой чести, вышелъ вполне удовлетвореннымъ и позволилъ и впредь обворовывать себя. Чѣмъ же Булгаринъ хуже Кр—го? Нѣтъ, Кр. во сто разъ хуже и теперь въ 1000 разъ опаснѣе Булгарина. Онъ захватилъ все, овладѣлъ всѣмъ. Крнбръ предлагалъ Ольхину переводить въ *В. для Ч.* (которой Ольхинъ сдѣлался теперь владѣльцемъ), и Ольхинъ сказалъ ему: «Радъ бы, да не могу—боюсь, Кр. разсердится на меня».

Чтобы отдѣлаться отъ этого стервеца, мнѣ нужно имѣть хоть 1,000 руб. серебромъ, потому что я забралъ у Кр. до 1 числа апрѣля, и долженъ буду до этого времени работать, не получая денегъ, но зарабатывая уже полученные, а безъ денегъ нельзя жить съ семействомъ. Открываются кое-какіе виды на 2,500 р. асс., остальную тысячу какъ-нибудь авось найдемъ. Къ Пасхѣ я издаю толстый, огромный альманахъ. Достоевскій даетъ повѣсть, Тургеневъ—повѣсть и поэму, Некр.—юмористическую статью въ стихахъ (*Семейство*,— онъ на эти вещи собаку съѣлъ), Панаевъ—повѣсть; вотъ уже пять статей есть; шестую напишу самъ; надѣюсь у Майкова выпросить поэмку. Теперь обращаюсь къ тебѣ: повѣсть или жизнь! Если бы, сверхъ этого, ты далъ что-нибудь печальное, журнальное, юмористическое, о жизни или російской словесности, или о томъ и другомъ вмѣстѣ, хорошо бы было! Но я хочу не одного легкаго и потому прошу Грановскаго, нельзя ли историч. статьи, лишь бы имѣла общій интересъ и смотрѣла беллетристически. На всякій случай, скажи юному профессору Кавелину, нельзя ли и отъ него поживиться чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Его лекціи, которыхъ начало онъ прислалъ мнѣ (за что я благодаренъ ему до-нельзя), чудо какъ хороши; основная мысль ихъ о племенномъ и родовомъ характерѣ русской исторіи въ противоположность личному характеру западной исторіи—геніальная мысль, и онъ развиваетъ ее превосходно. Ахъ, если бы онъ далъ мнѣ статью, въ которой бы развилъ эту мысль, сдѣлавъ сокращеніе изъ своихъ лекцій, я бы не зналъ, какъ и благодарить его! Самъ я хочу на-

писать что-нибудь о современномъ значеніи поэзіи. Такимъ образомъ, были бы повѣсти, юмористическія стихотворенія и статьи серьезнаго содержанія—и альманахъ вышелъ бы на славу. Кстати, попроси Бячра попросить у Галахова (ста одного) какого-нибудь разсказца (я бы заплатилъ ему, какъ и многимъ изъ вкладчиковъ, по выходѣ альманаха). Теперь о твоей повѣсти. Ты пишешь 2-ю ч. *Кто виноватъ?* Если она будетъ такъ же хороша, какъ 1-я ч., — она будетъ превосходна; но если бы ты написалъ новую другую, и еще лучше, я, все-таки, лучше бы хотѣлъ имѣть 2-ю ч. *Кто виноватъ?* чтобы имѣть удовольствіе замѣтить въ выносѣ, что-де 1-я ч. этой повѣсти была напечатана въ такомъ - то № 0. З. Понимаешь? Когда я кончу мои работы въ 0. З. начисто, то пошлю въ редакцію *С. Пчелы* письмо, прося извѣстить публику, что я больше не принимаю никакого участія въ 0. З. Это произведетъ свой эффектъ. Если вы не будете давать ему ни строки, равно какъ и никто изъ порядочныхъ людей, можетъ быть, что ему на будущій годъ нельзя будетъ и объявить подписки. Впрочемъ, немудрено, что онъ и самъ давно рѣшилъ прекратить изданіе (вѣдь, у него послѣ нынѣшняго года будетъ въ ломбардѣ не менѣе 400,000 асс.) — пусть же кончитъ срамно; если же нѣтъ, то почувствуетъ, чтò я для него значу, и тогда я предпишу ему хорошія условія.

И такъ, вотъ въ чемъ дѣло. Отвѣчай мнѣ скорѣе. Анекдоты о Бр. можешь пустить по Москвѣ, только не говори, что узналъ ихъ отъ меня. Но о моемъ намѣреніи оставить 0. З. — пока тайна; кромѣ того, я хочу раздѣлаться съ Бр. политично, съ сохраненіемъ всѣхъ конвенансовъ, и буду вредить ему какъ человѣкъ *сomme il faut*. Объ альманахѣ тоже (если можно и сколько можно) держать въ секретѣ. Скажи Бавелину, что его порученіе о деньгахъ выполнить не могу: въ эти дѣла я давно уже далъ себѣ слово не вмѣшиваться, а теперь я съ этимъ канальей тѣмъ болѣе не могу говорить ни о чемъ, кромѣ что прямо относится ко мнѣ. Анненковъ 8 января ѣдетъ. Въ Берлинѣ увидится съ Будрявцевымъ, и, можетъ быть, я и отъ этого получу повѣсть. Увидя столько въ моемъ альманахѣ повѣстей, отнятыхъ у 0. З., Бр. сдѣлается боленъ — у него разольется жолчь. Анн. тоже пришлетъ что-нибудь вродеъ путевыхъ замѣтокъ. Я печатаю Кольцова съ Ольхинымъ — онъ печатаетъ, а барышъ пополамъ: это еще видъ въ будущемъ, для лѣта. Съ Пасхѣ же я кончу 1-ю ч. моей *Ист. русск. литературы*. Лишь бы извернуться на первыхъ-то порахъ, а тамъ, я знаю, все пойдетъ лучше, чѣмъ было: я буду получать не меньше, если еще не больше, за работу, которая будетъ легче и прият-

нѣе. Жму тебѣ руку, Н. А. также, потому всѣмъ тожъ, и съ нетерпѣніемъ жду твоего отвѣта.

В. В.

Спб., 1846 г., января 14. Наѣлся же я порядкомъ грязи, полѣнившись написать тебѣ мой адресъ, и думалъ, что тебѣ скажетъ его Ктчрь. Вотъ онъ: на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина, кв. № 43.

Несказанно благодаренъ я тебѣ, любезный Герценъ, что ты не замедлилъ отвѣтомъ, котораго я ожидалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Не могу спорить противъ того, чтобы ты дѣйствительно не имѣлъ своихъ причинъ не желать отказать Бузымѣ Роцину *) въ продолженіи твоей повѣсти. Дѣлай, какъ знаешь. Но только на новую повѣсть твою мнѣ плоха надежда. Альманахъ долженъ выйти къ Пасхѣ; времени мало. Пора уже собирать и въ цензуру представлять. Цензоровъ у насъ мало, а работы у нихъ гибель, оттого они страшно задерживаютъ рукописи. Чтобы ты успѣлъ написать новую повѣсть—невѣроятно, даже невозможно. Притомъ же, бросивши продолжать и доканчивать старую, чтобы начать новую, ты испортишь себѣ. Я увѣренъ, что ты не захочешь оставить меня безъ твоей повѣсти, но данное слово Роцину тоже что-нибудь да значить. Дѣлай, какъ знаешь, а мое мнѣніе вотъ какое: надо сплутовать. Напиши къ *нему* письмо (пошутливѣе), что твой пегасъ охромѣлъ и повѣсть твоя, сначала шедшая хорошо, пошла вяло, надоѣла тебѣ, и ты ее забросилъ до времени. А потомъ, какъ я скажу тебѣ, что пора, напиши къ нему, что-де, къ крайнему твоему прискорбію, ты никакъ не могъ долго колебаться между обязанностью выполнить слово, данное подлецу и чуждому тебѣ человеку, и между необходимостью помочь въ бѣдѣ порядочному человеку и пріятелю твоему; но что за неустойку ты дашь ему другую повѣсть когда-нибудь. Вотъ и все. Мое отсутствіе изъ *О. З.* скоро будетъ замѣтно, и *когда-нибудь* ты можешь замѣтить ему, что ты готовъ быть сотрудникомъ направленія, принципа, но не человека, особенно если этотъ человекъ мошенникъ. Ты съумѣешь сказать все это такъ, что оно будетъ понятно, а придраться не къ чему. Насчетъ писемъ Б — на **) объ Испаніи нечего и говорить: разумѣется, давайте. Анненковъ уѣхалъ 8 числа и увезъ съ собою мои послѣднія радости, такъ что я теперь живу вовсе безъ радостей.

*) А. А. Краевскому.

**) В. Боткина.

Ахъ, братцы, плохо мое здоровье — бѣда! Иногда, знаете, лѣзть въ голову всякая дрянь, напр., какъ страшно оставить жену и дочь безъ куска хлѣба и пр. До моей болѣзни прошлою осенью я былъ богатырь въ сравненіи съ тѣмъ, что я теперь. Не могу поворотиться на стулѣ, чтобы не задохнуться отъ истощенія. Полгода, даже 4 мѣс. за границею — и, можетъ быть, я лѣтъ на пятью или болѣе опять пошелъ бы какъ ни въ чемъ не бывало. Но бѣдность не порокъ, а хуже порока. Бѣднякъ — подлецъ, который долженъ самъ себя презирать, какъ парю, не имѣющую права даже на солнечный свѣтъ. О. З. и петербургскій климатъ догнали меня. Съ чего-то, по обычаю всѣхъ нищихъ фантазеровъ, я прошлою весной возложилъ было великія надежды на Огарева. И, конечно, мои надежды на его сердце и душу нисколько не были неумны; но я уже послѣ убѣдился, что человѣкъ безъ воли и характера — такой же подлецъ, какъ и человѣкъ безъ денегъ, и что всего глупѣе надѣяться на того, кто по горло въ золотѣ умираетъ съ голоду *).

Статьи у Галахова просить не нужно. Это половинчатый человѣкъ. Въ немъ много хорошаго, но это хорошее на откупъ у Давыдова и Кузьмы Рощина. О Кавелинѣ ты говоришь дѣло: я бы самъ не рѣшился взять у него статьи даромъ. А насчетъ того, что пишешь ты о деньгахъ мнѣ, право, мнѣ совѣстно и больно говорить. Бого я не грабилъ — даже Бтчра, богатаго человѣка! Ну, да теперь не до того, — теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я имѣю право быть подлецомъ. Что-жъ дѣлать, свѣтъ подло устроены. Ужь, конечно, и ты совсѣмъ не богачъ, имѣешь нужное, но не лишнее, а Огаревъ — богачъ не только предо мною или Бтчромъ, нищими подлецами, но и передъ тобою, человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, обезпеченнымъ, слѣдовательно, почти честнымъ; но выходитъ, что я грабилъ и граблю не только тебя, но и Бтчра, а не Огарева **). Тыфу ты къ чорту! да что я присталъ къ Ог., какъ будто бы онъ на то и родился богатымъ, чтобы быть моимъ опекуномъ или богатымъ дядею? Все это очень подло, а подло потому, что я нищъ и болѣнъ, на себя не надѣюсь и готовъ хвататься за соломенку. Не знаю, откуда возьмешь ты 500 рублей, но если можешь достать, то иди скорѣе: я твердо рѣшился не брать у Кр. ***) ни копѣйки.

*) Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Огарева было разъяснено финансовое положеніе Огарева вслѣдствіе обязательствъ, которыя онъ принялъ на себя по отношенію къ своей женѣ, М. Д.—нѣ.

**) Это писано еще при жизни отца Герцена, когда послѣдній еще не имѣлъ независимыхъ средствъ.

***) Краевского.

Пожми за меня крѣпко руку Бршу и М. С. Щ—ну*), вѣдь, они тоже подлецы страшные, какъ и я, и питаются собственнымъ потомъ и кровью. М. С. насчетъ собственного поту и крови еще есть чего лизнуть — толстъ, потливъ и полнокровентъ; не какъ Бршъ до сихъ поръ не съѣлъ самого себя—не понимаю.

Прощай. О поклонахъ моихъ Натальѣ Александровнѣ я рѣшился никогда не писать: она должна знать, что я всегда носомъ моего сердца обоняю почку розы ея благополучія (я, братецъ, недавно опять прочелъ Хаджи - Бабу и проникся духомъ восточной реторикѣ). А Грановскаго понукай — нельзя ли хоть чего-нибудь вродѣ извлеченія изъ его теперешнихъ публичныхъ лекцій. Что до участія въ литературномъ прибавленіи къ *М. Вѣд.*, тутъ для меня нѣтъ ничего. Да мнѣ лишь бы на первый-то случай какъ-нибудь извернуться, а у меня и своей работы пропасть, — работы, которая дастъ мнѣ хорошія деньги. О новомъ журналѣ въ Пит. подумываютъ многое, имѣя меня въ виду, и я знаю, что мнѣ не дадутъ и 2-хъ лѣтъ поблаженствовать безъ проклятой журнальной работы.

Прощай.

В. В.

Вотъ и еще приписочка, въ которой еще разъ прошу тебя и всѣхъ васъ держать въ тайнѣ это дѣло, потому что это можетъ мнѣ повредить. Отъ тайны будетъ зависѣть мой перевѣсъ надъ жидомъ: въ объясненіи съ нимъ—мнѣ надо упредить его. Это не человекъ, а дьяволъ; но многое у него—не столько скупость, сколько расчетъ. Онъ дастъ мнѣ разбирать нѣмецкіе, французскіе, латинскіе буквари, грамматикѣ; недавно я писалъ объ итальянской грамматикѣ. Все это не потому только, чтобы ему жаль было платить другимъ за такія рецензіи, кромѣ платы мнѣ, но и потому, чтобы заставить меня забыть, что я закваска, соль, духъ и жизнь его пухлага, водянаго журнала (въ которомъ все хорошее—мое, потому что безъ меня ни ты, ни Ботк., ни Тург., ни многіе другіе ему ничего бы не давали), и заставить меня увѣриться, что я просто — чернорабочій, который беретъ не больно качествомъ, сколько количествомъ работы. Святители! о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры (да еще какой: византійской!), и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ выѣзжаетъ въ

*) М. С. Щ—ну.

Ерусалимъ своихъ успѣховъ. Булгаринъ ему въ ученики не годится. Но—что я болтаю—развѣ всего этого вы не знаете сами?

Портретъ Гр—го вышелъ у Борб.—чудо изъ чудесъ. Твой, о Герценъ, очень похожъ, но никому не нравится. Это не ты,—ты долженъ быть веселъ, съ улыбкою. У ногъ Зевса я хочу видѣть орла, у ногъ Искандера я хочу видѣть рядъ бутылокъ съ нѣсколькими, для разнообразія, штофами; при Зевсѣ долженъ быть Ганимедъ, при Искандерѣ—Кетчеръ, наливающій, подливающій, разливающій и осушающій (ревущій левъ зачѣмъ?—это само по себѣ). Портретъ Натальи Александровны—прелесть; я готовъ былъ бы украсить его, еслибъ представился случай. Какъ хорошъ портретъ Щепкина! Слеза, братецъ мой, чуть не прошибла меня, когда я его увидѣлъ, эти старыя, но прекрасныя съ ихъ старостью черты. Мнѣ показалось, будто онъ, друзьяка, самъ вошелъ ко мнѣ. Кто хочетъ убѣдиться, что старость имѣетъ свою красоту, пусть посмотритъ на этотъ портретъ, если не можетъ видѣть подлинника. О портретахъ твоихъ дѣтей не сужу,—Саша измѣняется, другихъ я не видалъ. Они понравились моей дочери—она пробовала даже ихъ ѣсть, но стекло помѣшалось... Ну, прощайте. Смотрите же—никому, кромѣ нашихъ близкихъ. Ахъ, говорятъ, *бѣднякъ* Огаревъ умираетъ съ голоду за границею; что бы вамъ сложиться по подпискѣ помочь ему: я бы тоже пожертвовалъ 1 рубль серебромъ.

Спб., 1846 г., января 26. Твое рѣшеніе, любезный Герценъ, отдать *Кто виноватъ?* Кр—му, а не мнѣ, совершенно справедливо. Подлости другихъ даютъ намъ право поступать подло даже съ подлецами. Но только мнѣ, соглашаясь, что ты правъ, приходится волкомъ выть. Я думалъ, что у меня будутъ двѣ капитальныя повѣсти—Достоевскаго и твоя, а мнѣ надо брать повѣстями. Я еще не знаю, успѣешь ли ты мнѣ написать двѣ вещицы, какъ общаешь,—уже одно то, что это не повѣсти въ *твоемъ* родѣ, т.-е. съ глубокою гуманною мыслію въ основѣ, при внѣшней веселости и легкости—важно. Такия вещи, какъ *Кто виноватъ?* не часто приходятъ въ голову, а, между тѣмъ, одной такой вещи достаточно бы для успѣха альманаха.

Какъ васъ всѣхъ благодарить за ваше участіе, не знаю, и не считаю нужнымъ, но не могу не сказать, что это участіе мени глубоко трогаетъ. Я раздумался и созналъ, что въ одномъ отношеніи былъ вполне счастливъ—много людей любили меня больше, нежели сколько я стоилъ. Цѣловаться не съ женщинами въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ и глупо, и пошло,—такъ хоть ступни

побольше Мих. Семеновича за меня, въ изъявленіе моихъ къ нему горячихъ чувствъ. Статьѣ г. Соловьева очень радъ, что, однако, не мѣшаетъ мнѣ печалиться о томъ, что при ней не будетъ статьи шепеляваго профессора. И статья была бы на славу, и имя автора—все это, братецъ, не что-нибудь такъ. А, все-таки, мнѣ хотѣлось бы, чтобы Бавелинъ, о чемъ бы ни писалъ, коснулся своего взгляда на русскую исторію въ сравненіи съ исторіей Западной Европы. А то уграду, ей-Богу, уграду—скажи ему. Такия мысли держать подъ спудомъ грѣхъ.

Удивили и обрадовали меня двѣ строки твои о Станкевичѣ: «Ѣдетъ за границу и очень бы желалъ тебя взять. Стоитъ рѣшиться». Чего же лучше? Одолжаться вообще неприятно чѣмъ бы то ни было, и одолжать пріятнѣе; но если уже такая доля, то лучше одолжаться порядочными людьми или вовсе никѣмъ не одолжаться. Я А. Ст. хорошо узналъ въ его пріѣздъ въ Питеръ, и мнѣ быть одолженнымъ ему будетъ такъ же легко, сколько легко быть одолженнымъ всякимъ человѣкомъ, котораго много любишь и много уважаешь, а поэтому считаешь близкимъ и роднымъ себѣ. Мнѣ нужно только знать—какъ и какимъ образомъ, когда, а, главное, не стѣснить ли это его, и не повредить ли хоть сколько-нибудь его отношеніямъ къ отцу? Гдѣ онъ? Напиши поскорѣе, ради Аллаха, да кстати скажи ему: нельзя ли де поскорѣе повѣстицы или рассказа—онъ тиснулъ уже таковой въ Питеръ—на славу. А самъ ты, коли писать для альманаха, такъ брось сборы и пиши, да и другихъ торопи. Времени мало; просрочить—значитъ все испортить. Если Ст. Ѣдетъ весною, благодаря альманаху, я оставляю семейство не при чемъ, да и ворочусь ни съ чѣмъ; если онъ Ѣдетъ осенью, я, м. б., и своихъ деньжонокъ прихватчу, да, пожалуй, еще и такъ, что чужихъ не нужно будетъ, а если и нужно, то немного. Все это важно.

Пока довольно. Скоро буду писать больше, по омазін. Отрывокъ изъ записокъ М. С.—вещь драгоцѣнная; я вспрыгнувъ, какъ прочелъ, что онъ хочетъ дать. Это будетъ одинъ изъ перловъ альманаха. Что Бтчръ говорилъ Галахову—ничего; если дастъ что порядочное, не мѣшаетъ; я заплачу—однако, съ концомъ. Объ оставленіи мною О. З. говорить еще не нужно. Мнѣ надо помянуть недѣлю, другую—не больше.

Прощай. Бланияся всѣмъ и скажи Сашѣ, что тебѣ, молъ, кланяется

Бѣлинскій.

Альманахъ Некрасова дереть; больше 200 экз. продано съ понедѣльника (21 января) по пятницу (25).

Спб., 1846 г., февраля 6. Письмо и деньги твои (100 р. с.) получилъ вчера, любезный мой Герценъ, — за что все не благодарю, потому что это лишнее. Радъ я несказанно, что нѣтъ причины опасаться не получить отъ тебя ничего для альманаха, такъ какъ *Сорока-Воровка* кончена и придетъ ко мнѣ въ-время. А, все-таки, грустно и больно, что *Кто виноватъ?* ушелъ у меня изъ рукъ. Такія повѣсти (если 2 и 3 часть не уступаютъ первой) являются рѣдко, и въ моемъ альманахѣ она была бы капитальною статьей, раздѣляя восторгъ публики съ повѣстью Достоевскаго (*Сбритыя банкенбарды*), а это было бы больше, нежели сколько можно желать издателю альманаха даже и во снѣ, не только на яву. Словно бѣсъ какой дразнить меня этою повѣстью, и разставшись съ нею, я все не перестаю строить на ея счетъ предположительные планы, наприм., перепечаталъ бы и первую часть изъ *О. З.* вмѣстѣ съ двумя остальными и этимъ началъ бы альманахъ. Тогда фурорный успѣхъ альманаха былъ бы вѣрнѣе того, что Погодинъ — воръ, Шевырко — дуракъ *), а Аксаковъ — шутъ **). Но, повторяю, соблазнителемъ невинности твоей совѣсти быть не хочу, а только не могу не замѣтить, кстати, что исторія этой повѣсти мнѣ сильно открыла глаза на причину успѣховъ въ жизни мерзавцевъ: они поступаютъ съ честными людьми какъ съ мерзавцами, а честные люди за это поступаютъ съ мерзавцами какъ съ людьми, которые словно во сто разъ честнѣе ихъ, честныхъ людей. Борьба неравная! Удивительно ли, что успѣхъ на сторонѣ мерзавцевъ? По крайней мѣрѣ, потѣшь меня однимъ: сдери съ Рощина рублей по 80 серебромъ, или ужь ни въ какомъ случаѣ не меньше 250 асс. за листъ. Повѣсть твоя имѣла успѣхъ страшный, и требованіе такой цѣны за ея продолженіе никому не покажется страннымъ. Отдавая 1-ю ч., ты имѣлъ право не дорожить ею, потому что не зналъ ея цѣны. Теперь другое дѣло. Некрасовъ хочетъ сдѣлать именно это. Онъ обѣщаль Рощину повѣсть еще весною и впередъ взялъ у него 50 р. с., а о цѣнѣ не условился. Вотъ онъ и хочетъ просить 250 р. асс. за листъ, чтобы отдать ее мнѣ, если тотъ испугается такой платы, или наказать его ею, если согласится. Чтобы мой альманахъ устоялъ послѣ *Петербургскаго Сборника*, необходимо во что бы ни стало сдѣлать его гораздо толще, не менѣе 50 листовъ (можно и больше), а потому больше повѣстей изъ русской жизни, до которыхъ наша

*) Шевыревъ.

**) Конст. Серг.

публика страшно падка. А потому я повѣсти Некрасова—будь она не больше, какъ порядочна—буду радъ донелзя.

Что статья Кавелина будетъ дьявольски хороша, въ этомъ я увѣренъ какъ нелзя больше. Ея идея (а отчасти и манера Кавелина развивать эту идею) мнѣ извѣстна, а этого довольно, чтобы смотрѣть на эту статью какъ на что-то весьма необыкновенное.

Впрочемъ, не подумай, чтобы я не дорожилъ твоею *Сорокой-Воровкой*: увѣренъ, что это граціозно-остроумная и, по твоему обыкновенію, дьявольски умная вещь; но послѣ *Кто виноватъ?* во всякой твоей повѣсти не такой пробы, ты всегда будешь безъ вины виноватъ. Если бы я не цѣнилъ въ тебѣ человѣка такъ же много, или еще и больше, нежели писателя, я какъ Потемкинъ Фонвизину, послѣ представленія *Бригадира*, сказалъ бы тебѣ: «Умри, Герценъ!» Но Потемкинъ ошибся: Фонвизинъ не умеръ, и потому написалъ *Недоросля*. Я не хочу ошибаться, и вѣрно, что послѣ *Кто виноватъ?* ты напишешь такую вещь, которая заставитъ всѣхъ сказать о тебѣ: «Правъ, собака! Давно бы ему приняться за повѣсти!» Вотъ тебѣ и комплиментъ, и сильный каламбуръ.

Ты пишешь: «Гранов. *могъ бы* прислать изъ послѣдующихъ лекцій». Если *могъ бы*, то почему же не *пришлетъ*? Зачѣмъ тутъ *бы*? Статья г. Соловьева я радъ несказанно, и прошу тебя поблагодарить его отъ меня за нее.

По экземпляру вкладчикамъ, по законамъ вѣжливости гниющаго Запада, дарится отъ издателя всѣмъ, и давшимъ статью даромъ, и получившимъ за нее деньги. А отпечатать 50 экземпля. особо той или другой статьи—дѣло плевое и не стоящее издателю ни хлопотъ, ни траты. Но если мой альманахъ пойдетъ хорошо (на что я имѣю не совсѣмъ безосновательныя причины надеяться), то я не вижу никакой причины не заплатить Кав—ну и г. Соловьеву,—вѣдь, я долженъ буду получить большія выгоды. Будетъ съ меня и того, что эти люди съ такою благородною готовностью спѣшатъ помочь мнѣ безъ всякихъ расчетовъ. Въ случаѣ неуспѣха, я не постыжусь остаться одолженнымъ ими: зачѣмъ же имъ стыдиться получить отъ меня законное вознагражденіе за трудъ, въ случаѣ успѣха съ моей стороны? Это ужъ было бы слишкомъ по-московски прекраснодушно. Въ случаѣ успѣха, и ты, о Герценъ, будешь пьянъ на мои деньги, да напишешь *редереромъ* (удивительное вино: я выпиваю его по цѣлой бутылкѣ съ большою пріятностью и безъ ущерба здравію) и

Кетчера и всѣхъ нашихъ; а я въ тотъ самый день (по условію) нарѣжусь въ Питерѣ. По части шампанскаго Кетчеръ—мой крестный отецъ, и я не знаю, какъ и благодарить его. Но всѣмъ солиднымъ винамъ (за исключеніемъ хереса, къ которому чувствую еще нѣкоторую слабость) питаю полное презрѣніе и, кромѣ шамп., никакого ни капли въ ротъ, а шампанское тотчасъ же послѣ супу. Ожидалъ ли ты отъ меня такого прогресса?

Статьѣ г. Мельгунова очень радъ, нечего и говорить объ этомъ. Не знаю, что онъ напишетъ, но увѣренъ, что все будетъ человѣчески хорошо. Поблагодари его отъ меня.

А когда Станкевичъ думаетъ ѣхать? Увѣдомь. И когда М. С. думаетъ выслать отрывокъ изъ записокъ? Этотъ гостинецъ словно съ неба свалился мнѣ,—и мнѣ страшно одной мысли, чтобъ онъ какъ-нибудь не увернулся отъ меня, и я до тѣхъ поръ не смѣю считать его своимъ, пока не ущиплюсь за него и руками, и зубами.

Это письмо пишется къ тебѣ наканунѣ его отправления (5 фев.), а завтра, братецъ ты мой, посылается къ г. Брвскому цыдулка съ возвѣщеніемъ о выходѣ изъ его службы. Думаю, что отвѣтитъ: какъ-де хотите; но не считаю невозможнымъ, что, одумавшись, примется и за переговоры. Но ни за что не соглашусь губить здоровье и жизнь на каторжную работу. Надо хоть отдохнуть; а тамъ, если опять запречься въ журналъ, то ужь въ такой, гдѣ бы я былъ и редакторомъ, а не сотрудникомъ только. Увидишь, какой эффектъ произведетъ на славянофиловъ статья во 2 № *О. З.*: *Голосъ въ защиту отъ голоса Москвитянина.*

Пишешь ты: *сегодня* бенефисъ Щепкина, а когда было это «сегодня» — Аллахъ вѣдаетъ — на письмѣ числа не выставлено. Увѣдомь, какъ сошелъ бенефисъ.

Альманахъ Прер. дереть, да и только. Только три книги на Русь шли такъ страшно: *Мертвыя души*, *Тарантасъ* и *Петербургскій Сборникъ*. Эхъ, какъ бы моя попала въ четвертыя! Письма Б—на получилъ.

Прощай. Что Кетчеръ? Какъ-то недавно во снѣ я ужасно обрадовался его пріѣзду въ Питеръ и весьма любовно съ нимъ лобызался, но — что очень странно — шампанскаго не пилъ. И такъ, крестному папенькѣ крѣпко жму руку, а равно и всѣмъ вамъ.

Твой В. Бьлинскій.

Какой это Соколовъ такъ жестоко отваялъ въ *О. З.* бѣднаго Ефремова? Жаль даже.

А какъ бы придумать моему альмамаху названіе попроче и получше? Оно затрудняетъ меня.

Спб., февраля 19. Деньги и статьи получилъ. Четчера ототпнуть и отступорить можешь. Ходъ дѣла былъ чрезвычайный. Я, будто мимоходомъ, увѣдомилъ Рощина, предлагавшаго мнѣ взять у него денегъ, что, спасая здоровье и жизнь, бросаю работу журнальную, и прошу только добавить мнѣ рублей 50 сереб., остающихся за нимъ по 1 апрѣля. Въ отвѣтъ получаю, что безъ меня онъ не можетъ счесться, что, дескать, придите—обо всемъ перетолкуемъ. Прихожу. Сцена была интересная. Онъ явно былъ смущенъ. Не зналъ, какъ начать—думалъ шуткою, да не вышло. Онъ ожидалъ, можетъ быть, что я намекну о недостаточности платы, а я холодно и спокойно заговорилъ о жизни и здоровьѣ. «Да, вѣдь, надо же работать-то». — «Буду дѣлать, что мнѣ пріятно и не стѣсняясь срочностью». — «Гмъ! Какъ же это? Надо подумать объ *От. Зап.* Что дѣлаетъ Бронебергъ?» — «Не знаю». — «Гмъ! а Некрасовъ?» и т. д. Наконецъ: «не знаете ли кого?» Вообще былъ сконфуженъ сильно, но опасности своей не понимаетъ—этс ясно. Онъ смотритъ на меня не какъ на душу своего журнала, а какъ на работающаго вола, котораго трудно замѣнить, но потеря котораго все же не есть потеря всего. Видите ли, онъ не только скупъ, но и тупъ въ соразмѣрности. Теперь понятно, что, платя мнѣ бездѣлицу, онъ искренно считалъ себя монжъ благодѣтелемъ. Въ апрѣлѣ ѣдетъ въ Москву—кажется, переманивать въ Петербургъ Галахова. Желая успѣха. Сначала я рѣшился отказать по чувству глубокаго оскорбленія, глубокаго негодованія; а теперь у меня къ нему нѣтъ ничего. Быть съ нимъ вмѣстѣ мнѣ тяжело, потому что я не способенъ играть комедію; но вотъ и все. Ты пишешь, что не знаешь, радоваться или нѣтъ. Отвѣчаю утвердительно: радоваться. Дѣло идетъ не только о здоровьѣ—о жизни и умѣ моемъ. Вѣдь, я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ, а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и низенкая манера писать обо всемъ. Ты правъ, что пьеса Некрасова *Взъ дорожъ* превосходна; онъ написалъ и еще нѣсколько такихъ же и напишетъ ихъ еще больше; но онъ говоритъ, это оттого, что онъ не работаетъ въ журналѣ. Я понимаю это. Отдыхъ и свобода не научатъ меня стихи писать, но дадутъ мнѣ возможность писать такъ хорошо, какъ дано мнѣ писать. А то, вѣдь, я давно уже не пишу... А что я могу прожить и безъ *От. З.*, можетъ быть, еще лучше, это, кажется, ясно. Въ головѣ у меня много дѣльныхъ предпріятій и затѣй, которыя при *О. З.* никогда бы не выполнить, и у меня есть теперь иня, а это много.

Твоя *Сорока-Воровка* отзывается анекдотомъ, но рассказана мастерски и производитъ глубокое впечатлѣніе. Разговоръ — пре-

лесть, умно чертовски. Одного боюсь: всю запретять. Буду хлопотать, хотя въ душѣ и мало надежды. Мысль *Записокъ медика* прекрасна, и я увѣренъ, что ты мастерски воспользуешься ею. Статья *Данила Галицкій* — дѣльный и занимательный монографъ, мнѣ очень нравится. Вѣдь, это г. Соловьева? Почему онъ не выставилъ имени? Узнай стороной и увѣдомь. О статьѣ Кавелина нечего и говорить, — это чудо. И такъ, вы, лѣндивые и бездѣятельные москвичи, оказались исправнѣе нашихъ петербургскихъ скорописцевъ. Спасибо вамъ!

А что мой альманахъ долженъ быть слономъ или левиафаномъ, это такъ. Пьеса Некр. *Взъ дорогъ* нисколько не виновата въ успѣхѣ альманаха. *Будные люди* — другое дѣло, и то потому, что о нихъ заранѣе прошли слухи. Сперва покупаютъ книгу, а потомъ читать; люди, поступающіе наоборотъ, у насъ рѣдки, да и тѣ покупаютъ не альманахи. Повѣрь мнѣ, между покупателями *Пет. Сборн.* много, много есть людей, которымъ только и понравится статья Панаева *О парижскихъ увеселеніяхъ*. Мнѣ рисковать нельзя; мнѣ нуженъ успѣхъ вѣрный и быстрый, нужно, что называется, сорвать банкъ. Одинъ альманахъ разошелся — глядь, за нимъ является другой — покупатели ужъ смотрятъ на него недоувѣрчиво. Имъ давай новаго, повтореній они не любятъ. У меня тѣ же имена, кромѣ твоего и Мих. Сем. Когда альманахъ порядкомъ разойдется, тогда статья Кавелина поможетъ его окончательному ходу, а сперва она испугаетъ всѣхъ своимъ названіемъ — скажутъ: ученость, сушь, скуна! И такъ, мнѣ остается рассчитывать на множество повѣстей да на толщину баснословную. И вѣрь мнѣ: я не ошибусь. Вы, москвичи, народъ немножко идеальный, вы способны написать или собрать хорошую книгу, но продать ее не ваше дѣло: тутъ вамъ остается только снять шляпу да низко намъ поклониться. Прозаическій переводъ Шекспира — вещь хорошая; но примись Бетчеръ за дѣло поумнѣе, черезъ насъ, у него было бы втрое больше покупателей, пошло бы лучше. И благородная цѣль была бы достигнута вѣрнѣе, и карманъ переводчика чаще бы видѣлся съ Депре. Я знаю только одну книгу, которая не нуждается даже въ объявленіи для столицы: это 2 ч. *Мертвыхъ Душъ*. Но, вѣдь, такая книга только одна и была на Руси. Что же до цѣны, альманахъ Некр. очень дешевъ. *Вчера и сегодня* стодитъ 150 коп. сер., а, вѣдь, дороже *Пет. Сборника*. Рискнуть потратить на книгу тысячъ пять, да не положить за нее 14 р. — невозможно. Политипажи — дѣло доброе: они вербуютъ тѣхъ покупателей, которые иначе не чи-

таютъ книгъ, какъ только глазами, а для кармана всё поучатели хороши. Я въ альм. Некр. знаю толку больше, нежели большая часть купившихъ его, а не купилъ бы его и при деньгахъ, за то купилъ бы порядочный переводъ Тацита, если бы такой вышелъ, и ты тоже; а покупатели альманаховъ Тацита не купили бы,—и отъ *Илиады* Гнѣдича сладко спится.

Бѣднаго Языкова постигло страшное несчастье—у него умеръ Саша—чудесный мальчикъ. Бѣдная мать чуть не сошла съ ума, молоко готовилось броситься ей въ голову, она уже заговаривалась. Страшно подумать, смерть двухмѣсячнаго ребенка! Моей дочери только восемь мѣсяцевъ, а я ужь думаю: если тебѣ суждено умереть, зачѣмъ ты не умерла полгода назадъ? Чего стоить матери родить ребенка, чего стоить поставить его на ноги, чего стоить ребенку пройти черезъ прорѣзываніе зубовъ, крупы, кори, скарлатины, коклюши, поносы, запоры — смерть такъ и бьется за него съ жизнью, и если жизнь побѣждаетъ, то для того, чтобы ребенокъ сдѣлался современемъ чиновникомъ или офицеромъ, барышнею и барынею! Было изъ чего хлопотать! Смѣшно и страшно! Жизнь наполнена ужаснаго юмора. Бѣдный Языковъ!

Боли мнѣ не ѣхать за границу, такъ и не ѣхать. У меня давно уже нѣтъ жгучихъ желаній, и потому мнѣ легко отказываться отъ всего, что не удастся. Съ М. С. въ Крымъ и Одессу очень бы хотѣлось; но семейство въ Петербургѣ оставить на лѣто не хочется, а переѣхать ему въ Гапсаль—двойные расходы. Впрочемъ, посмотрю.

Твоему пріѣзду въ апрѣль радъ до-нельзя.

Зачѣмъ ты прислалъ мнѣ диссертацию Надеждина — не понимаю. Развѣ для вѣсу посылки? Это другое дѣло.

Если будешь писать къ Рошину, пиши такъ, чтобы я тутъ былъ въ сторонѣ. И вообще, въ этомъ дѣлѣ всего лучше поступать политично. Наприм., изъяви ему свое искреннее сожалѣніе, что чертовская журнальная работа, разборъ бугварей, глупыхъ романовъ и тому подобнаго вздору такъ доканали меня, что я принужденъ былъ подумать о спасеніи жизни, и намеки, что, вслѣдствіе этого обстоятельства, ревность многихъ бывшихъ владчиковъ *О. З.* должна теперъ охладѣть. Послѣднее особенно нужно ему. Онъ все думаетъ, что вы *для него* трудились; ему и въ голову не входитъ, что васъ привлекли не лица, не лицо, а благородное по возможности направленіе лучшаго сравнительно журнала. Если хотите, онъ, можетъ быть, думаетъ и это, но только

себя считаетъ виновникомъ всего хорошаго въ его журналѣ. Не худо изъявить ему сожалѣнiе, что *О. З.* теперь должны много потерять въ духѣ и направленiи. Ты бы это ловже могъ сдѣлать. Но оскорблять его прямо вовсе не нужно. Вотъ говорить о немъ правду за глаза — это другое дѣло. Да для этого слишкомъ достаточно одного Бетчера.

Ну, пока больше писать не о чемъ. Прощай.

В. Б.

Спб., 1846 г., марта 20. Получилъ я конецъ статьи Бавелина, записки доктора Брупова, отрывокъ М. С. и, наконецъ, статью Мельгунова. И все то благо, все добро. Статья Бавелина — эпоха въ исторiи русской исторiи, съ нея начнется философическое изученiе нашей исторiи. Я былъ въ восторгѣ отъ взгляда на Грознаго. Я по какому-то инстинкту всегда думалъ о Грозномъ хорошо, но у меня не было знанiя для оправданiя моего взгляда.

Записки доктора Брупова — превосходная вещь. Больше пока ничего не скажу. При свиданiи, мнѣ много будетъ говорить съ тобою о твоёмъ талантѣ. Твой талантъ — вещь не шуточная, и если ты будешь писать меньше тома въ годъ, то будешь стоить быть повѣщеннымъ за пальцы. Отрывокъ М. С. — прелесть. Читая его, я будто слушалъ автора, столько же милого, сколько и толстаго. Статья Мельгунова мнѣ очень понравилась, и очень благодаренъ ему за нее. Особенно мнѣ нравится первая половина и тотъ старшій румянцевскiй генераль, который Суворова, Наполеона, Веллингтона и Бутузова называлъ мальчишками. Вообще, въ этой статьѣ много мемуарнаго интереса, — читая ее переносишься въ доброе старое время и попадаешь въ какое-то тихое раздумье. Ты что-то писалъ мнѣ о статьѣ Рулье — не дурно бы, не мѣшало бы и Грановскаго что-нибудь. Чисто-литературныхъ статей у меня теперь по горло — ѣшь не хочу, и потому ученыхъ еще двѣ было бы очень не худо. Имя моему альманаху — *Левiафанъ*. Выйдетъ онъ осенью, но въ цензуру пойдетъ надняхъ и немедленно будетъ печататься.

Насчетъ путешествiя съ М. С., — кажется, что поѣду. Мнѣ обѣщаютъ денегъ, и какъ получу, сейчасъ же пишу, что ѣду. Семейство отправляю въ Гапсаль — это и дача въ порядочномъ климатѣ, и курсъ леченiя для жены, что будетъ ей очень полезно. Тарантасъ, стоящiй на дворѣ М. С., видится мнѣ и днемъ и ночью — это не солмогубовскому тарантасу чета. Святители! сдѣлать верстъ тысячи четыре, на югъ, дорогою спать, ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ, ни о чемъ не заботиться, не писать, даже не читать

русскихъ книгъ для библіографіи,—да это для меня лучше магометова рая, а гурій не надо—чортъ съ ними!

Рошинъ ѣдетъ въ Москву 2 апрѣля, кажется, переманивать въ Питеръ Галахова. Онъ говоритъ обо мнѣ, какъ о потерянномъ мальчишкѣ, котораго ему жаль; говоритъ, что я никогда не умѣлъ покориться никакому долгу, никакой обязанности. Теперь черезъ Некр. пытается о моихъ дѣлахъ, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ участіе, и, кажется, ему хочется, чтобы я взялъ у него денегъ, да нѣтъ же—скорѣй повѣшусь. Вообще, ему, какъ видно, неловко, и онъ сконфуженъ. Слышалъ я, что онъ распространяетъ слухи, что хочетъ мнѣ отказать, какъ человѣку безпокойному и его издацію опасному. Поздно схватился!

Мнѣ непремѣнно пужно знать, когда именно думаетъ ѣхать М. С. Я такъ и буду готовиться. Альманаха при мнѣ напечатается листовъ до 15, остальные безъ меня (я поручаю надежному человѣку), а къ пріѣзду моему онъ будетъ готовъ, а въ октябрѣ выпущу.

Здравствуй Николай Платоновичъ! Наконецъ-то твое возвращеніе—уже не мнѣ. Я былъ на тебя сердитъ и больно, братецъ, а за что—спроси у Герцена. А теперь я хотѣлъ бы поскорѣй увидѣть твою воинобранную наружность и на радости такого созерцанія выпить редереру,—что это за вино, братецъ ты мой! Сатину и всѣмъ вамъ жму руку.

В. В.

Спб., апрѣля 6. Вчера записалъ было я къ тебѣ письмо, сегодня хотѣлъ кончить, а теперь бросаю его и пишу новое, потому что получилъ твое, котораго такъ долго ждалъ. Признаюсь, я началъ было безпокоиться, думая, что и на мою поѣздку на югъ (о которой даже во снѣ брежу) чортъ наложитъ свой хвостъ. Что ты мнѣ толкуешь о важности и пользѣ для меня отъ этой поѣздки? Я самъ слишкомъ хорошо понимаю это, и ѣду не только за здоровьемъ, но и за жизнью. Дорога, воздухъ, климатъ, лѣнь, законная праздность, беззаботность, новые предметы, и все это-бъ съ такимъ спутникомъ, какъ М. С., да я отъ одной мысли объ этомъ чувствую себя здоровѣе. И мой докторъ (очень хорошій докторъ, хотя и не Бруповъ) сказалъ мнѣ, что, по роду моей болѣзни, такая поѣздка лучше всякихъ лѣкарствъ и леченій. И такъ, М. С. ѣдетъ рѣшительно, и я знаю теперь, когда и могу готовиться. Развѣ только что-нибудь непредвидѣнное и необыкновенное заставитъ меня отказаться; но, во всякомъ случаѣ, я наднихъ беру

мѣсто въ малъ-ность. Вчера я именно о томъ и писалъ къ тебѣ, чтобы ты какъ можно скорѣе увѣдомилъ меня, ѣдетъ ли М. С. и когда именно. Вотъ почему сегодняшнее письмо твое ужасно обрадовало меня, такъ что куда дѣвалась лѣнь, и я сейчасъ же сѣлъ писать отвѣтъ, несмотря на то, что А. А. Т. ѣдетъ во вторникъ. Извѣстiе объ обрѣтенiи явленныхъ 500 р.—тоже не послѣднее обстоятельство въ письмѣ твоёмъ, меня обрадовавшее. Только этихъ денегъ ты мнѣ не высылай, а отдай мнѣ ихъ въ Москвѣ. Оно проще и хлопотъ меньше; можетъ быть, станеть ихъ на мѣсяць и по приѣздѣ въ Питеръ, а тамъ—что будетъ, то и будетъ, а пока—*vogue la galère!* Нашему брату, подмecu, т.-е. нищему, а не то, чтобы мошеннику, даже полезно иногда довѣриться случаю и положить на авось. Дѣлать-то больше нечего, а, притомъ, если такая поведенцiя можетъ сгубить, то она же иногда можетъ и спасти.

Ну, братецъ ты мой, спасибо тебѣ за интермессо къ *Кто виноватъ?* Я изъ нея окончательно убѣдился, что ты—большой человѣкъ въ нашей литературѣ, а не дилетантъ, не партизанъ, не наѣзникъ отъ нечего дѣлать. Ты не поэтъ: объ этомъ смѣшно и толковать; но, вѣдь, и Вольтеръ не былъ поэтъ не только въ *Генриадѣ*, но и въ *Кандидѣ*, однако, его *Кандидъ* потягается въ долговѣчности со многими великими художественными созданiями, а многiя невеликия уже пережилъ и еще больше переживеть ихъ. У художественныхъ натуръ умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазiю, и потому въ своихъ творенiяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди—ограниченны и чуть не глухы (Пушкинъ, Гоголь). У тебя, какъ у природы, по преимуществу, мыслящей и сознательной, наоборотъ—талантъ и фантазiя ушли въ умъ, оживленный и согрѣтый, такъ сказать, *осердеченный* гуманистическимъ направлениемъ, не привитымъ и не вычитаннымъ, а присущимъ твоей натурѣ. У тебя страшно много ума, такъ много, что я и не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку; у тебя много и таланта, и фантазiи, но не того чистаго и самостоятельнаго таланта, который все рождаетъ самъ изъ себя и пользуется умомъ, какъ низшимъ подчиненнымъ ему началомъ,—нѣтъ, твой талантъ—чортъ его знаетъ—такой же бастардъ или пасынокъ, въ отношенiи къ твоей натурѣ, какъ и умъ, въ отношенiи къ художественнымъ натурамъ. Не умѣю ясиѣ выразиться, но увѣренъ, что ты поймешь это лучше меня (если еще не думалъ объ этомъ вопросѣ) и мнѣ же выскажешь это, такъ ясно и опредѣленно, что я закричу: эврика! эврика! Есть умы чисто-спекулятивные, для которыхъ мышленiе почти то же, что чистая математика, и вотъ, когда

такіе умы принимаются за повзію, у нихъ выходятъ аллегоріи, которыя тѣмъ глупѣе, чѣмъ умнѣе. Сочетаніе сухаго и даже влажнаго и теплаго ума съ бездарностью родить камни и полѣна, которые показывала, вмѣсто дѣтей, Рея Броносу. Но у тебя при умѣ живомъ и осердеченномъ есть своего рода талантъ; въ чемъ онъ состоитъ, не умѣю сказать, но дѣло въ томъ, что я глупѣе тебя на много разъ, искусство (если не ошибаюсь) мнѣ сроднѣе, чѣмъ тебѣ, фантазія у меня преобладаетъ надъ умомъ, и, кажись, по всему этому, такому *своего рода* таланту скорѣе слѣдовало бы быть у меня, чѣмъ у тебя (уже по одному тому, что тебѣ читать Банта, Гегелеву феноменологію и логику ни почемъ, а у меня трещить голова иногда и отъ твоихъ философскихъ статей), а вотъ у меня такого *своего рода* таланта ни больше, ни меньше, какъ настолько, сколько нужно, чтобы понять, оцѣнить и полюбить твой талантъ. И такіе таланты необходимы и полезны не менѣе художественныхъ. Если ты лѣтъ въ десять напишешь три - четыре тома, поплотиѣе и порядочнаго разиѣра, ты—большое имя въ нашей литературѣ, и попадешь не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Барамзина. Ты можешь оказать сильное и благодѣтельное вліяніе на современность. У тебя свой особенный родъ, подъ который поддѣлываться такъ же опасно, какъ и подъ произведенія истиннаго художества. Какъ Носъ въ гоголевской повѣсти того же имени, ты можешь сказать о себѣ: «Я самъ по себѣ!» Дѣятельныя идеи и талантливое живое ихъ воплощеніе— великое дѣло, но только тогда, когда все это неразрывно связано съ личностью автора и относится къ ней, какъ изображеніе на сургучѣ относится къ выдавившей его печати. Этимъ-то ты и берешь. У тебя все оригинально, все свое—даже недостатки. Но поэтому-то и недостатки у тебя часто обращаются въ достоинства. Такъ, наприм., къ числу твоихъ личныхъ недостатковъ принадлежитъ страстишка безпрестанно острить, но въ твоихъ повѣстяхъ такого рода выходы бывають удивительно хороши. Пиши, братъ, ниши, какъ можно больше пиши, не для себя, а для дѣла: у тебя такой талантъ, за скрытіе котораго ты вполне заслужилъ бы проклятіе.

А объ Рошинѣ и О. З. ты напрасно хлопчешь. За себя лично и за другихъ я могу бояться худа; но въ отношеніи къ общему дѣлу я предпочитаю быть оптимистомъ. Тебя смущаетъ, что въ литературѣ не останется органа благородныхъ и умныхъ убѣжденій. Это и такъ, да не такъ. Я увѣренъ, что не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ я буду полнымъ редакторомъ журнала. Спекулянты не упустятъ основать журналъ, рассчитывая именно на меня. Обо мнѣ те-

перь знают многіе такіе, которые ничего не читаютъ, и они смотрятъ на меня съ уваженіемъ, какъ на человѣка, одареннаго добродѣльной способностью дѣлать другихъ богатыми, оставаясь нищимъ. *О. З.* уже стары, и въ нихъ я самъ старъ, потому что, наладившись разъ, какъ-то противъ моей воли, иду одною и тою же походкой. Я связанъ съ этимъ журналомъ своего рода преданіемъ: привыкъ щадить людей важныхъ только для него, и вообще держаться тона не всегда моего, а часто тона журнала. Вѣдь, и Роцинъ не могъ же не отразить своей личности въ своемъ журналѣ. Мнѣ надо отдохнуть, во-первыхъ, для спасенія жизни и восстановленія (возможнаго) здоровья, а, во-вторыхъ, и для того, чтобы стрясти съ сандалій моихъ прахъ *О. З.*, забыть, что я образовывалъ съ ними когда-то сіамскихъ близнецовъ. Кроме того, у меня на памяти много грѣховъ, надѣланныхъ во время оно въ *О. З.* И какъ хорошо, что мои статьи печатались безъ имени, и я въ новомъ журналѣ всегда могу отпереться отъ того, что говорилъ встарь, еслибъ меня стали уличать! Жизнь — премудренная вещь; иногда пережѣна квартиры освѣжаетъ человѣка нравственно. Повѣрь мнѣ, что всѣ мы въ новомъ журналѣ будемъ тѣ же, да не тѣ, и новый журналъ не будетъ *О. З.* не по одному имени. Я надѣюсь, что буду издавать журналъ. А съ Роцинымъ мнѣ дѣлать нечего. Это страшно ожесточенный эгоистъ, для котораго люди — средство и либерализмъ — средство. Онъ очень уменъ по-своему и на Чичикова смотреть совѣмъ не какъ на гения, какъ смотримъ на него всѣ мы, а какъ на своего брата Кондрата. Но въ литературѣ онъ человѣкъ тупой и круглый невѣжда. Не пошли ему меня его счастливая звѣзда, его мерзкія *О. З.* лопнули бы на второмъ годѣ. Повторяю: личность его не могла не отразиться на *О. З.*, и вотъ причина, почему въ нихъ такъ много балласту, почему толщину ихъ всѣ ставятъ въ порокъ и почему, дороже, онъ такъ гадки, несмотря на участие въ нихъ мое и многихъ порядочныхъ людей. Я же не могу быть съ человѣкомъ на торговыхъ отношеніяхъ. Вотъ другое дѣло, еслибъ хозяиномъ *О. З.* былъ Борщъ, я готовъ бы остаться навсегда работникомъ этого журнала. Въ Роцину у меня никогда не лежало сердце, но все же думалъ о немъ лучше, чего онъ стоилъ. Оставаясь при немъ, я долженъ лицезрѣть, на что у меня нѣтъ ни охоты, ни умѣнья. А писать у него изрѣдка — вздоръ, дудки. Ему самому смертельно хочется этого, и онъ уже подѣзжалъ ко мнѣ чрезъ Панаева, да не надуетъ. У него расчетъ вѣрный: я напишу ему въ годъ рецензій десятка два (разумѣется, столько хорошихъ, сколько это въ моихъ средствахъ), да статьи три-четыре: направ-

леніе и духъ журнала спасется, а я за это получу много-много рублей 500 серебромъ въ годъ. Бто же въ дуракахъ-то? А, между тѣмъ, хоть и меньше, а все срочная работа, а я изъ-за нея своего дѣла не буду дѣлать, а отъ его работы сытъ не буду. Онъ теперь мечется то къ тому, то къ другому, и никого не находитъ. Заказалъ статью Милановскому, котораго уже не разъ гонялъ отъ себя по шеѣ, какъ пустаго и гадкаго мальчишку. Не знаю, что будетъ впереди, а пока я просто изумленъ тѣмъ, какъ имя мое вездѣ извѣстно и въ какомъ оно почетѣ у російской публики: этого мнѣ и во снѣ не снилось. Вѣсть о разрывѣ давно уже прошла и въ провинцію. Всѣ подлецы и филистимляне петербургскіе (даже и совсѣмъ не литературные) въ восторгѣ, что у *О. З.* волосы обрѣзаны, а сыны Израіля печалются объ этомъ. Р. этого не ожидалъ. Но теперь онъ, кажется, все понялъ, но, думая, что я играю съ нимъ комедію, хочетъ выждать и переломить меня. Посмотримъ. Въ Москву онъ не поѣхалъ. У него образовалась фистула и онъ вытерпѣлъ довольно мучительную операцію, и теперь лежитъ. Но, вѣроятно, оправившись, поѣдетъ надувать Галахова. Съ Богомъ!

Бончаю письмо извѣстіемъ, что мы съ Некрасовымъ взяли билетъ въ маль-постъ на 26 апрѣля.

В. Б.

Одесса, 1846 г., іюля 4. Вчера получилъ письмо твое, любезный Герценъ, за которое тебѣ большое спасибо. Насчетъ перваго пункта вполне полагаюсь на тебя; не забывай только одного — распорядиться въ томъ случаѣ, если мы разѣдемся.

Мои путевыя впечатлѣнія собственно будутъ вовсе не путевыми впечатлѣніями, какъ твои письма объ изученіи природы—вовсе не объ изученіи природы письма. Ты самъ знаешь, что и много ли можно сказать у насъ о томъ, что замѣтишь и чѣмъ впечатлишься въ дорогѣ. И такъ, путевыя впечатлѣнія у меня будутъ только рамкой статьи или, лучше сказать, придишкой къ ней. Они будутъ состоятъ больше въ толкахъ о сѣверной погодѣ и еще сѣвернѣйшихъ дорогахъ. А буду писать я вотъ о чемъ:

1. О театрѣ русскомъ, причинахъ его гнуснаго состоянія и причинахъ скорого и совершеннаго паденія сценическаго искусства въ Россіи. Тутъ будетъ сказано многое изъ того, что уже было говорено и другими, и мною, но предметъ будетъ разсмотрѣнъ à fond. М. С. игралъ въ Калугѣ, Харьковѣ, теперь играетъ въ Одессѣ, а, можетъ быть, будетъ играть въ Николаевѣ, Севастополѣ, Симферополѣ и чортъ знаетъ гдѣ еще. Я видѣлъ много, ходя

и на репетиціи, и на представленіи, толкаюсь между актерами. Сверхъ того, М. С. преусердно снабжаетъ меня комментаріями и фактами, что все будетъ ново и сильно.

2. Въ Харьковѣ я прочелъ *Московский Сборникъ*: луплю и на-риваю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, не-смотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія, и, подлець, зацѣпляетъ меня въ лицѣ О. З. Какъ умно и зло казнить онъ аристократическія за-машки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, да-ровитымъ и дѣльнымъ человекомъ, будучи славянофиломъ. За то Хомяковъ—я-жъ его, ракалю! Дамъ я ему зацѣплять меня, узна-еть онъ мои крючки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный-то ёр-никъ! Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь.

3. Я не читалъ еще ругательства Сенковского, но радъ ему, какъ новому матеріалу для моей статьи.

Изъ этого видишь, что моя статья будетъ журнально-фельетон-ною болтовней о всякой всячинѣ, одобренною полемическимъ задо-ромъ. Ужъ одобрю!

Въ Балугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще, я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть по-рядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!

Здоровье мое лучше. Я, конечно, свѣжъ и замѣтно крѣпче, но кашель все еще и не думаетъ оставлять меня. Съ 25 іюня начались было въ Одессѣ жары, но съ 30 опять посвѣжѣло; впрочемъ, все тепло, такъ что ночью потѣешь въ легкомъ пальто. Началъ было я читать Данта, т. е. купаться въ морѣ, да кровь прилила къ гру-ди, и я цѣлое утро харкалъ кровью; докторъ велѣлъ на время пре-кратить купанья.

Вотъ что скверно. Послѣднія два письма отъ жены получилъ я въ Харьковѣ, отъ 22 и 27 мая, въ обоихъ она жалуется на огор-ченія и лихорадку; а съ тѣхъ поръ до сей минуты не получаю ни строки и не знаю, что съ нею дѣлается, тоска! Безъ этого мнѣ было бы весело far niente.

Соколовъ—славный малый, но впалъ въ провинціальное пре-краснодушіе. Оттого, что ты въ письмѣ ко мнѣ не упомянулъ о немъ, чуть не расплакался. О, провинція—ужасная вещь! Одесса лучше всѣхъ губернскихъ городовъ, это—рѣшительно третья сто-лица Россіи, очаровательный городъ, но—для проходящихъ. Оста-таться жить въ ней—гибель.

Наташѣ Александровнѣ мой поклонъ. А что-жь ты не пишешь: гдѣ теперь пьетъ Старевъ и селадонствуетъ Сатинъ? Всѣмъ нашимъ жму руку. Что ты не сообщишь мнѣ ни одной новой остроты Корша? Поклонись отъ меня его семейству и не сказывай Марьѣ Федоровнѣ, что меня беспокоитъ неизвѣстность о положеніи моего семейства: она, пожалуй, сочтетъ меня за примѣрнаго (!) семьянина; а такое мнѣніе съ ея стороны хуже самой злой остроты Корша. Если не поклонись, скажи имъ что-нибудь.

В. В.

М. С. страдаетъ отъ одесскихъ жаровъ и своего чрева,—насилу носить его. Вамъ всѣмъ кланяется, а жертву своего обольщенія, Марью Башперовну, цѣлуетъ—такой шалуны!

Симферополь, 1846 г., сентября 6. Здравствуй, любезный Герценъ! Пишу къ тебѣ изъ тридевятаго царства, чтобы зналъ ты, что мы еще существуемъ на бѣломъ свѣтѣ, хотя онъ и кажется намъ куда какъ чернымъ. Въѣхавши въ крымскія степи, мы увидѣли три новыя для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разные колѣна одного племени,—такъ много общаго въ ихъ фізіономіи. Если они говорятъ и не однимъ языкомъ, то, тѣмъ не менѣе, хорошо понимаютъ другъ друга. А смотреть рѣшительно славянофилами. Но—увы!—въ лицѣ татаръ даже и настоящее, коренное, восточное, патриархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія лукаваго Запада: татары большею частью носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду брѣютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотческихъ обычаевъ временъ Кошкина: своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т.-е. тарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себѣ спросить его, почему, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ онъ ихъ съ мѣста на мѣсто? Словомъ, принципъ смиренія и кротости постигнуть ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеть что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевырко и вся почтенная славянофильская братія.

Несмотря на то, Симферополь, по своему мѣстоположенію, очень миленькій городокъ: онъ не въ горахъ, но отъ него начинаются горы и изъ него видна вершина Чатырь-Дага. Послѣ степей Новороссіи, обожженныхъ солнцемъ, пыльныхъ и голыхъ, я

бы видѣлъ себя теперь какъ бы въ новомъ мѣрѣ, еслибъ не страшный припадокъ геморроя, который теперь проходитъ, а мучить началъ меня съ 24 числа прошлаго мѣсяца.

Настоящая цѣль этого письма — напомнить всѣмъ вамъ о *Букиньонтъ* или *Букильонтъ*, — пьесѣ, которую Сатинъ видѣлъ въ Парижѣ и о которой онъ говорилъ Михаилу Семеновичу, какъ о такой пьесѣ, въ которой для него есть хорошая роль. А онъ давно уже подумываетъ о своемъ бенефисѣ и хотѣлъ бы узнать во-время, до какой степени можетъ онъ надѣяться на ваше содѣйствіе въ этомъ случаѣ.

Нѣтъ! Я не путешественникъ, особливо по степямъ. Напишешь домой письмо—и получаешь отвѣтъ на него черезъ полтора мѣсяца: слуга покорный пускаться впредъ въ такія Австраліи!

Когда ты будешь читать это письмо, я уже, вѣроятно, буду на пути въ Москву. По сіе время еще не пришли въ Симферополь *О. З.* и *Б. для Ч.* за августъ. Прощай. Бланияюсь всѣмъ нашимъ и остаюсь жаждущій увидѣться съ ними поскорѣй

В. Бѣлинскій.

P.S. Не знаю, привезу ли съ собою здоровья; но ужь бороду непремѣнно привезу: вышла, братецъ, бородка весьма недурная.

Въ заключеніе писемъ Бѣлинскаго слѣдуетъ напомнить, что альманаха онъ не издалъ, а статьи, собранныя и приготовленныя для него, передалъ въ *Современникъ*, который купили у Плеткева Панаевъ и Некрасовъ и въ которомъ положеніе Бѣлинскаго мало измѣнилось противъ положенія въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДЪ *).

(Вайрона).

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Послѣдній отпрыскъ рода, плодъ единый
Моей любви, о Ада! дочь моя,
На мать похожа-ль ты? Чужда кручины,
Съ улыбкою послѣдній разъ меня
Ты проводила, но тогда насъ грѣла
Надежда, что теперь одѣлась тьмой...
Чу, вѣтеръ дуетъ; буря зашумѣла;
Я въ даль несусь; куда-жь стремлюся смѣло?
Не знаю, но безъ слезъ покину край родной.

II.

Я снова мчусь средь волнъ; я снова въ морѣ!
Какъ конь, что вѣренъ всаднику, волна
Покорна мнѣ, бушуя на просторѣ.
Буда-бъ меня ни принесла она,
Ей шлю привѣтъ! Пусть будетъ смять грозою
Мой парусъ, все-жь я понесусь впередъ!
Я въ этомъ сходенъ съ порослью морскою:
Разъединясь съ родимую скалою,
Она несется въ даль по волѣ бурныхъ водъ.

III.

Я жертву добровольнаго изгнанья
Въ дни юности воспѣлъ. Съ моей душой

*) Русская Мысль, кн. XI.

Сроднилось это мрачное созданье;
 Такъ вѣтеръ гонитъ тучу предъ собой.
 Я въ жизни испыталъ страданій много;
 Остывшихъ слезъ и думъ тяжелыхъ слѣдъ
 Въ поэмѣ скрыть; теперь моя дорога
 Идетъ пустыней мрачной и убогой,
 Гдѣ властвуютъ пески, но гдѣ растеній нѣтъ.

IV.

Я, можетъ быть, узнавъ волненья страсти,
 Узнавъ тяжелый гнетъ душевныхъ мукъ,
 Надъ лирой не имѣю прежней власти,
 Но все-жь ее не выпущу изъ рукъ.
 Я буду пѣть, стремясь найти забвенье,
 Мою тоску стараясь заглушить;
 Увы, быть можетъ, эти пѣснопѣнья
 Лишь мнѣ доставятъ только наслажденье,
 Все-жь буду рваться къ нимъ, чтобъ ихъ благословить.

V.

Ето жизненныхъ тревогъ вкушалъ отравы,
 Ето одряхлѣлъ отъ горя, не отъ лѣтъ,
 Ето чуждъ любви, не гонится за славой,
 Бого не удивить коварствомъ свѣтъ,
 Чье сердце честолюбьемъ не согрѣто, —
 Тотъ знаетъ, какъ въ тайникъ своей души
 Заглядывать отраднo; въ блескѣ свѣта
 Витаютъ тамъ созданія поэта,
 Что полны дивныхъ чаръ и вѣчно хороши.

VI.

Мы въ образы и формы облакаемъ
 Созданія фантазій своей,
 Сливаясь съ волшебнымъ мысли краемъ,
 Чтобъ создавать и чувствовать сильнѣй.
 Что я?—ничто; но ты, мой духъ незримый,
 Ты проникаешь всюду. Я съ тобой
 Витаю въ царствѣ грѣзъ. Въ мой край любимый
 Вхожу, тяжелой горестью томимый:
 Я здѣсь утратилъ все, а тамъ живу мечтой!

VII.

Но мыслямъ слишкомъ много я простора
 Даваѣ. Такая ихъ одѣла мгла,
 Что черепъ мой не вынесъ ихъ напора
 И приняѣ видъ кипящаго котла.
 Я сдерживать не могъ порывовъ страсти
 Въ дни юности. Тѣмъ жизнь я отравилъ;
 Могу-ль теперь не признавать ихъ власти?
 Все-жъ измѣнился я: судьбы напасти
 Безъ ропота сносить я не лишился силъ.

VIII.

Довольно о быломъ; печать молчанья
 Наложимъ на него. Гарольдъ опять
 Предъ вами. Все гнетуть его страданья,
 Но днямъ его не въ силахъ угрожать.
 Увы! Гарольда время измѣнило.
 Кого-жъ оно щадить? Когда оно
 Проносится, насъ покидаетъ сила,
 Въ насъ гаснетъ мысль, лишаѣ благо пыла...
 Въ бокалѣ у краевъ лишь пѣнится вино!

IX.

Свой кубокъ осушить признавъ за благо,
 Гарольдъ на днѣ его полынь нашелъ;
 Теперь фѣалъ наполнивъ чистой влагой,
 Онъ думалъ, что уйдетъ отъ прежнихъ золъ;
 Но цѣпь его незримая давила,
 Хотя оковъ не раздавался звонъ;
 Былой тоски не уменьшалась сила;
 Куда-бъ нога Гарольда не ступила,
 Съ прошедшей мукою все сталкивался онъ.

X.

Рѣшился Чайльдъ, холодный и суровый,
 Сойдясь съ толпой, съ ней вновь дѣлать досугъ;
 Кто радости узнать не можетъ новой,
 Тотъ не сроднится съ болью новыхъ мукъ.
 Онъ все мечтаѣ, сливаясь съ толпою,
 Слѣдить за ней, тѣмъ насыщая умъ.

Такъ дѣлалъ онъ, любуясь красою
 Далекихъ странъ, обласканныхъ судьбою,
 Гдѣ, путешествуя, вкушалъ онъ сладость думъ.

XI.

Бто, созерцая розу, чуждъ желанья
 Ее похитить? Съ силой красоты
 Вести борьбу—напрасное старанье...
 О, сердце! постарѣть не можешь ты.
 Бто славы лучъ встрѣчаетъ безъ привѣта?
 Хоть труденъ путь, всѣ гонятся за нимъ...
 Гарольдъ опять въ водоворотѣ свѣта,
 Но грудь его иной мечтой согрѣта
 И преданъ онъ теперь стремленіямъ инымъ.

XII.

Увы! созналъ онъ скоро, что напрасно
 Сошелся съ безсердечною толпой;
 Съ людьми онъ не былъ въ силахъ жить согласно,
 Склоняясь передъ волею чужой.
 Покорный лишь однимъ своимъ стремленьямъ,
 Не могъ мириться онъ съ царящимъ зломъ;
 Гордыни полнъ, чужимъ не вѣрилъ мнѣньямъ
 И понялъ, на толпу глядя съ презрѣньемъ,
 Что можетъ, бросивъ свѣтъ, лишь жить въ себѣ самомъ.

XIII.

Онъ какъ друзей встрѣчалъ утесы, горы;
 Ему служилъ жилищемъ океанъ;
 Лазурь небесъ его плѣняла взоры;
 Любилъ онъ блескъ и солнце южныхъ странъ;
 Любилъ ущелья, степи, скалы, воды,—
 Гарольдъ въ общеніи съ ними жить привыкъ;
 Любилъ лѣса, пещеръ нѣмые своды,
 Но книгами пренебрегалъ,—природы
 Ему понятнѣй былъ таинственный языкъ.

XIV.

Какъ нѣкогда халдеи, звѣздъ теченье
 Онъ созерцалъ и въ нихъ мечты своей
 Онъ поселялъ волшебныя видѣнья;

Блескъ звѣздъ не могъ ихъ затмѣвать лучей.
 Но такъ парить всегда нельзя мечтою,—
 Земною цѣпью скованъ сынъ земли.
 Она отводитъ взоръ его съ враждою
 Отъ неба, что плѣняетъ красотою
 И такъ привѣтливо киваетъ намъ вдали.

XV.

Живя съ людьми, онъ влялъ свое безсилье
 И чахъ, тяжелымъ преданный мечтамъ;
 Такъ, опустивъ подрѣзанныя крылья,
 Изъ влѣтки соколъ рвется къ небесамъ.
 Порой Гарольдъ не могъ мириться болѣ
 Съ тюрьмой своей и звалъ свободу вновь;
 Такъ соколъ, удрученъ тяжелой долей,
 Все бьется въ тѣсной влѣткѣ, рвется къ волѣ,
 Но только грудь и клювъ онъ разбиваетъ въ кровь.

XVI.

Хоть безъ надеждъ, но менѣе унылый,
 Гарольдъ опять сбитанія начнетъ;
 Та мысль, что онъ сгубилъ напрасно силы,
 Что съ смертью вѣчный миръ онъ обрѣтетъ,—
 Его душѣ даритъ успокоенье,
 Его сближая съ мрачною тоской;
 Такъ моряки въ тяжелый мигъ крушенья
 Надѣются въ винѣ найти забвенье,
 Чтобъ кончить жизни путь, глумясь надъ судьбой.

XVII.

Остановись! здѣсь царства прахъ суровый;
 Здѣсь слѣдъ землетрясенья схороненъ;
 На мѣстѣ томъ что-жь нѣтъ трофеевъ славы
 И нѣтъ побѣдой созданныхъ колоннъ?
 Ихъ нѣтъ; но не угасла правды сила,
 И безъ прикрасъ то поле не умереть.
 Побѣда! что-жь ты міру подарила?
 Какъ кровь войны поля обогатила!
 Ужель великій бой принесъ лишь этотъ плодъ?

XVIII.

Передъ Гарольдомъ Франціи могила,
 Бровавая равнина Ватерло;
 Здѣсь, въ часъ одинъ, судьба орла сгубила
 И развѣчала славное чело.
 Онъ, съ высоты спустившись, съ силой новой
 Бровавыми когтями землю взрылъ,
 Но смялъ его напоръ враговъ суровый...
 Онъ палъ, влача разбитыя оковы,
 Что имъ сраженный міръ съ проклятыяи носилъ.

XIX.

Заслуженная кара!... Но свободы
 Не знаетъ міръ,—какъ прежде, онъ въ цѣпяхъ;
 Ужель лишь для того дрались народы,
 Чтобъ одного бойца повергнуть въ прахъ?
 Прочь рабства гнетъ! Сольются-ль съ свѣтомъ тѣни?
 Покончивъ съ львомъ, сдадимся-ль въ плѣнь волкамъ?
 Ужель, среди хвалебныхъ пѣсногѣній,
 Предъ тронами падемъ мы на колѣни?
 Нѣтъ, расточать грѣшно напрасно еиміамъ!

XX.

Коль міръ, возставъ, не могъ достигнуть цѣли,
 Что толку въ томъ, что палъ одинъ тиранъ?
 Вотще лилася кровь, вотще скорбѣли
 И матери, и жены,—жгучихъ ранъ
 Европа не излечитъ, если годы
 Она страдала даромъ... Славы лучъ
 Тогда лишь можетъ радовать народы,
 Богда сплетенъ съ оружіемъ миртъ свободы;
 Тѣмъ мечъ Гармодія былъ славенъ и могучъ.

XXI.

Бельгійская столица ликовала *);
 Гремѣлъ оркестръ; шумящій длился балъ;
 Красивыхъ дамъ и воиновъ сновала

) Въ ночь передъ сраженіемъ при Ватерлоо въ Брюсселѣ былъ данъ балъ.

Нарядная толпа средь пышныхъ залъ.
 Отрадою дышали разговоры;
 Веселый смѣхъ звучалъ со всѣхъ сторонъ;
 Когда-жь, плѣняя слухъ, гремѣли хоры,
 Любовь сулила пламенные взоры...
 Вдругъ прозвучалъ вдали какой-то скорбный стонъ.

XXII.

Вы слышите?—то вѣтра вой печальный,
 То шумъ колесъ о камни мостовой...
 За танцы вновь! Пусть длится говоръ бальный!
 Забудемъ сонъ для радости! Съ зарей
 Веселія покинемъ миръ кипучій!
 Чу! снова раздается мрачный зовъ,
 Боторому какъ будто вторять тучи.
 Все ближе, громче этотъ зовъ могучій...
 Скорѣй къ оружью всѣ! То пушекъ грозный ревъ.

XXIII.

Брауншвейгскій герцогъ первый этотъ грохотъ
 Услышалъ. Злымъ предчувствіемъ томимъ,
 Онъ вскрикнулъ: «Грянулъ бой!»—но встрѣтилъ хохотъ
 Его слова,—никто не вѣрилъ имъ.
 Однакожь, гула понялъ онъ значенье;
 Его отца такой же выстрѣлъ смялъ.
 Въ его груди проснулась жажда мщенья:
 Отваги полнъ, онъ бросился въ сраженье
 И, впереди несясь, пронзенный пулей, палъ.

XXIV.

Въ смятеньи всѣ; изъ глазъ струятся слезы;
 Ланиты дамъ, что рдѣли отъ похвалъ,
 Поблекли въ мигъ одинъ; судьбы угрозы
 Въ уныніе повергли шумный балъ.
 Средь вздоховъ слышны трепетныя рѣчи;
 Послѣдній, можетъ быть, звучитъ привѣтъ;
 Влюбленные дождутся-ль новой встрѣчи?
 Какъ это знать, когда кровавой сѣчей
 Въначаетъ ночь утѣхъ таинственный разсвѣтъ?

XXV.

Жь коню стремится всадникъ; батарея
 За батареей мчится въ грозный бой;
 Несутся эскадроны, пламенья
 Отъ храбрости; идетъ за строемъ строй.
 Орудія грохочутъ въ отдаленьи;
 Гремить, войска сзывая, барабанъ;
 Тревожить гражданъ мрачность опасеній:
 «Враги идутъ!»—они кричатъ въ смятеньи...
 Унынемъ и тоской весь городъ обуянь.

XXVI.

Чу! Камероновъ пѣсня резвучала.
 Тѣ звуки—Лохіела бранный зовъ;
 Ему не разъ Шотландія внимала;
 Не разъ онъ устрашалъ ея враговъ.
 Та пѣснь, во мракъ ночи, рѣжетъ ухо,
 Но славнымъ прошлымъ горецъ упоенъ;
 Она въ немъ пробуждаетъ бодрость духа;
 Лишь до его она коснется слуха,
 Онъ вспоминаетъ васъ, Лохель и Камеронъ! *)).

XXVII.

Войска идутъ Арденскими лѣсами,
 Деревья ихъ, покрытыя росой,
 Какъ будто слезы льютъ надъ храбрецами,
 Что, полные надеждъ, стремятся въ бой.
 Не видѣть имъ заката лучъ багровый!
 Какъ та трава, что топчутъ ноги ихъ,
 Они падутъ. Ихъ скосятъ рокъ суровый...
 Одѣнутся-жь они травой новой,
 Когда ихъ смерть сожметъ въ объятяхъ роговыхъ.

XXVIII.

Еще вчера всѣ были полны силы;
 Всѣхъ увлекалъ красавицъ нѣжный зовъ;
 Раздался въ ночь сигналъ войны унылый;

*) Сэръ Эвенъ Камеронъ и его потомокъ Дональдъ (отважный) Лохель 1745 г.

Съ зарею каждый къ бою былъ готовъ.
 Блеснулъ лучами день; гроза настала...
 Войска бросались бѣшено въ огонь;
 Валились трупы грудами. Стонала
 Земля и съ прахомъ тѣлъ свой прахъ сливала...
 Здѣсь вмѣстѣ другъ и врагъ! гдѣ всадникъ, тамъ же конь!

XXIX.

Хвалу воздамъ лишь одному герою...
 (Я не вступлю въ борьбу съ другимъ пѣвцомъ).
 Герой погибшій былъ въ родствѣ со мною;
 Я-жь ссорился не разъ съ его отцомъ.
 Къ тому же, красятъ пѣснь дѣянья славы:
 Всѣхъ поражая храбростью своей,
 О, юный Говардъ, воинъ величавый,
 Подъ градомъ пуль ты въ схваткѣ палъ кровавой!
 Изъ тѣхъ, что пали тамъ, кто былъ тебя славнѣй?

XXX.

Кто не оплакалъ юнаго героя?
 Къ чему-жь моя слеза? Когда въ тѣни
 Я дерева стоялъ, на мѣстѣ боя,
 Гдѣ онъ въ пылу борьбы окончилъ дни,
 Весна вокругъ бросала волны свѣта;
 Порхая, птицы пѣли средь вѣтвей;
 Ея дыханьемъ было все согрѣто;
 Но я не могъ ей подарить привѣта:
 Я думалъ лишь о тѣхъ, что не вернутся съ ней.

XXXI.

Я вспомнилъ въ это тяжкое мгновенье
 Его и тѣхъ, что рокъ навѣкъ унесъ;
 Людей, любившихъ ихъ, одно забвенье
 Могло-бъ спасти отъ горя и отъ слезъ.
 Архангельской трубы лишь могутъ звуки
 Усопшихъ вызвать къ свѣту. Громъ похвалъ
 Не въ силахъ заглушить страдальца муки;
 Все будетъ другъ, въ тоскѣ ломая руки,
 О другъ слезы лить, хоть онъ со славой палъ.

XXXII.

Надъ скорбью верхъ беретъ улыбки сила:
 Смѣясь, мы плачемъ. Долго дубъ гниеть
 Предъ тѣмъ, чтобъ пасть; безъ мачтъ и безъ вѣтрила
 Боралъ выносить натискъ бурныхъ водъ;
 Хоть замокъ палъ, крѣпки его основы;
 Все длится день, хоть въ небѣ много тучъ;
 Руины вестъ борьбу съ судьбой готовы;
 Переживаютъ узника оковы;
 Такъ въ сердцѣ, полною мукъ, не гаснетъ жизни лучъ.

XXXIII.

Когда въ осколки зеркало разбито,
 Въ нихъ тотъ же отражается предметъ;
 Такъ сердце, гдѣ нѣмая мука скрыта,
 Весь вѣкъ хранить ея тяжелый слѣдъ.
 Оно осуждено на увяданье
 Средь холода, унынія и тьмы;
 И что-жь?—скорбя, оно хранить молчанье;
 Нѣтъ словъ, чтобъ эти высказать страданья, —
 Съ сердечной тайною не расстаемся мы.

XXXIV.

Живуче горе; корень, полный яда,
 Засохнуть не даетъ его вѣтвямъ;
 О, если смерть была бы мукъ награда,
 Ихъ выносить не трудно было-бъ намъ!
 Но жизнь усугубляетъ гнетъ печали;
 Тамъ возлѣ моря Мертваго *) плоды,
 Что пепелъ начиналъ, съ деревь срывали;
 Не долго-бъ жили мы, когда-бъ считали
 Лишь радостные дни, страданій скрывъ слѣды.

XXXV.

Псалмистъ опредѣлилъ предѣлы жизни,
 Но съ нимъ не согласилось Ватерло;
 Мы видимъ, поминая павшихъ въ тризнь,

*) На берегу Мертваго моря росли яблоки, которыхъ плоды были наполнены пепломъ. Vide Tacitus Histor. lib., v. 7.

Какъ нашихъ дней ничтожнѣе число,
 Молва трубить о битвѣ знаменитой;
 Но что-жь потомство вымолвить о ней?
 «Тамъ націи, всѣ воедино слиты,
 Сражались; палъ предъ ними врагъ разбитый!»
 Вотъ все, что въ памяти останется людей.

XXXVI.

Тамъ, въ Ватерло, сраженный волей рока,
 Славнѣйшій, но не худшій смертный палъ;
 То гордой мыслью онъ парилъ высоко,
 То въ мелочахъ начтожныхъ утопалъ.
 Его сгубили крайности. Порфиру
 Носилъ бы онъ, пль не владѣлъ бы ей,
 Когда бы не служилъ угрозой міру;
 Стремясь къ недостижимому кумиру,
 Онъ, какъ Юпитеръ, вновь хотѣлъ громить людей.

XXXVII.

Онъ плѣнникъ былъ и властелинъ вселенной;
 Предъ нимъ, хоть онъ низринутый боець,
 Все міръ стоитъ колѣнопреклоненный,—
 Такъ ярокъ и лучистъ его вѣнецъ.
 Ему такъ долго слава въ счастья льстила,
 Рабою у его склоняясь ногъ,
 Что въ божество его преобразила;
 Онъ думалъ, что его безъ грани сила,
 И міръ, дрожа предъ нимъ, повѣрилъ, что онъ—богъ.

XXXVIII.

То властвуя, то смять судьбой тяжелой,
 То міръ грома, то съ поля битвы мчась,
 Онъ создалъ, разшатавъ кругомъ престолы,
 Имперію, что въ прахъ повергнулъ разъ,
 Затѣмъ себѣ престолъ воздвигнулъ новый;
 Но сдерживать не могъ своихъ страстей,
 На властолюбье наложивъ оковы;
 Онъ, зная свѣтъ, забылъ про рокъ суровый —
 Сегодня лучшій другъ, а завтра бичъ людей.

XXXIX.

Онъ палъ... То были-ль мудрость, сила воли,
Иль гордость, но онъ мугу скрыть съумѣлъ,
Своихъ враговъ усугубляя боли.
Глумиться надъ тоской его хотѣлъ
Ихъ сонмъ, но онъ, съ улыбкою безстрастья,
Душою бодръ, на встрѣчу бѣдъ пошелъ;
Сраженъ въ борьбѣ, любимецъ гордый счастья,
Чуждаяся притворнаго участья,
Главу не опустилъ подъ гнетомъ тяжкихъ золь.

XE.

Онъ сдѣлался мудрѣй, когда паденье
Ему глаза открыло. Въ дни побѣдъ
Онъ къ людямъ не хотѣлъ скрывать презрѣнья.
Хоть онъ былъ правъ влеймить презрѣньемъ свѣтъ,
Но долженъ былъ, чтобъ не попрасть союза,
Съ клеветами скрывать свой гордый взглядъ.
Онъ тѣмъ порвалъ съ приверженцами узы.
Борьба за власть — тяжелая обуза:
Въ числѣ другихъ вождей узналъ онъ этотъ адъ.

XLI.

Когда-бъ одинъ, стражаяся съ врагами,
Онъ подъ напоромъ бури изнемогъ,
Какъ башня, что ведетъ борьбу съ годами,
Весь родъ людской онъ презирать бы могъ;
Но онъ престоломъ былъ обязанъ міру.
Предъ тѣмъ, чтобы глумиться надъ толпой,
Какъ Діогенъ, онъ снятъ съ себя порфиру
Обязанъ былъ; вѣнчанному кумиру
Позорно циника изображать собой.

XLII.

Онъ былъ за то низринуть, что съ покоемъ
Мириться былъ не въ силахъ. Тотъ, чья грудь
Опалена желаній бурныхъ зноемъ,
Не можетъ, бредя славой, отдохнуть:

Его влечетъ невѣдомая сила;
 Желаніямъ его предѣловъ нѣтъ;
 Не можетъ охладить онъ сердца пыла;
 Ему покой ужаснѣй, чѣмъ могила;
 Тотъ къ гибели идетъ, кто тѣмъ огнемъ согрѣтъ.

XLIII.

Такой душевный пылъ даетъ рожденье
 Безумцамъ, заражающимъ людей
 Своимъ безумьемъ; сила увлеченья
 Плодитъ пѣвцовъ, фанатиковъ, вождей...
 Въ нимъ миръ питаетъ зависть, а ихъ участь
 Завидна ли? Ихъ горекъ каждый мигъ;
 Для нихъ не тайна скрытыхъ мукъ живучесть...
 Весь вѣкъ ихъ тяжкихъ думъ терзаетъ жгучесть.
 Кто-бъ рваться къ славѣ сталъ, узнавъ страданья ихъ?

XLIV.

Дыша борьбой, они волненій просятъ;
 Какъ лава, въ жилахъ ихъ струится кровь;
 Ихъ цѣлый вѣкъ на крыльяхъ бури носятъ,
 Пока не сбросятъ ихъ на землю вновь;
 А все же имъ дыханье бури мило;
 Когда ихъ жизнь должна спокойно течь,
 Они, скорбя, кончаютъ дни уныло...
 Такъ пламени, безъ пищи, меркнетъ сила;
 Такъ губить ржавчина въ ножны вложенный мечъ.

XLV.

Кто былъ въ горахъ, тотъ знаетъ, что вершины
 Высокихъ скалъ скрываетъ вѣчный снѣгъ.
 Вражду толпы встрѣчаютъ властелины;
 Она вѣнчаетъ злобою успѣхъ.
 Окинуть славы лучъ лишь можетъ взглядомъ
 Счастливый вождь; земля блеститъ подъ нимъ,
 А горы льдинъ, что бурями и хладомъ
 Ему грозятъ, онъ только видитъ рядомъ:
 Не можетъ громъ побѣдъ къ наградамъ вестъ инымъ!

XLVI.

Оставимъ миръ страстей! Одни созданья
 Природы вѣчно юной и мечты
 Душъ приносятъ въ даръ очарованье...
 О Рейны! какъ величавъ и мощенъ ты!
 Тамъ Чайльдъ Гарольдъ волшебною картиной
 Любуется, здѣсь дремлетъ надъ холмомъ
 Зеленый лѣсъ; тамъ свѣтлыя долины
 Плѣвняютъ взоръ; вдали видны руины,
 Что доживаютъ вѣкъ, одѣтыя плющомъ.

XLVII.

Имѣетъ сходство съ ними духъ могучій,
 Что, скрывъ страданья, борется съ толпой.
 Заброшены онъ; лишь вѣтръ да тучи
 Остались имъ вѣрны; своей красой
 И смлою развалины когда-то
 Гордились; оглашалъ ихъ схватокъ громъ,
 Но тщетно будутъ ждать онъ возврата
 Минувшихъ дней: бывшее смертью смято;
 Давно ужъ рыцари заснули вѣчнымъ сномъ.

XLVIII.

Владѣльцы замковъ тѣхъ во время оно
 Съ вассалами грабежъ пускали въ ходъ;
 Какъ гордо развѣвались ихъ знамена!
 Предъ властью ихъ главу склонялъ народъ;
 Такъ почему-жь не славны эти лица?
 Что-жь, какъ вождямъ, недоставало имъ:
 Исторіи блестящая-ль страница?
 Украшенная-ль надписью гробница?
 Вѣдь, влекъ душевный пылъ и ихъ къ дѣяньямъ злымъ.

XLIX.

Примѣрами безстрашія богаты
 Ихъ войны, о которыхъ миръ забылъ.
 Хоть рыцари всегда носили латы,
 Въ сердца ихъ проникалъ любовный пылъ;
 Но не могла любовь смягчить ихъ нравы:
 Изъ-за красавицъ часто кровь лилась,

Оканчивался споръ борьбой кровавой,
И Рейнъ, впередъ несяся величаво,
Той кровью обогаля свои струи не разъ.

L.

Волшебная рѣка, которой волны
Богатство въ даръ приносятъ берегамъ,
Привѣтъ тебѣ! Когда бы, злобы полный,
Не рвался смертный къ распрямъ и боямъ,
Плѣнительный твой берегъ, орошаемъ
Живительными волнами, исполнѣ
Имѣлъ бы сходство, миръ плѣняя, съ раемъ!
Порабощенъ я былъ бы чуднымъ краемъ,
Когда бъ, какъ Лета, Рейнъ могъ дать забвенью мнѣ.

LI.

Враждующихъ здѣсь стягивались силы:
Лилася кровь, валились груды тѣлъ,
Но тѣхъ бойцовъ исчезли и могилы,
Забвеніе—ихъ подвиговъ удѣлъ.
Рѣка, лишь мигъ, катилася лентой алой,
Затѣмъ сіянье солнечныхъ лучей
Она опять съ любовью отражала.
Какъ быстро-бъ въ даль она струи ни мчала,
Не заглупить во мнѣ ей сновъ минувшихъ дней.

LII.

Такъ думалъ Чайльдъ, дорогу направляя
Вдоль берега, гдѣ птишекъ пѣснь неслась;
Онъ шелъ впередъ, красой любуясь края,
Что примирить могла-бъ съ изгнаньемъ васъ.
Хотя слѣды заботъ, что замѣнили
Былыхъ страстей и увлеченій пылъ,
Его чело угрюмое морщили
Порой, скрывать улыбку онъ усилій
Не дѣлалъ: чудный видъ его душѣ былъ милъ.

LIII.

Хотя въ его груди остыли страсти,
Гарольдъ не могъ, сочувствіемъ согрѣтъ,

Не признавать любви волшебной власти,—
 Презрѣнiемъ нельзя встрѣчать прiвѣтъ!
 Душа порою таетъ, какъ бывало,
 Хотя чужды стали мы страстямъ земнымъ;
 Его одно созданiе плѣняло,
 Когда тоска Гарольда грудь терзала,—
 Онъ, полонъ нѣжности, мечталъ сойтися съ нимъ.

LIV.

Онъ презиралъ людей, чуждаясь свѣта,
 А созерцалъ съ любовью дѣтскiй взглядъ.
 Хотя непостижима странность эта,
 Пускай ее другiе объяснятъ!
 Кто дни влачить въ тиши уединенья,
 Тотъ разжигать души угасшiй пылъ
 Не станетъ. Съ нимъ сродняется забвенье;
 Гарольдъ же, полонъ прежняго волненья,
 Любовь минувшихъ дней, скитаясь, не забылъ.

LV.

Гарольдъ былъ вѣренъ милой; связь сильнѣе
 Законныхъ узъ соединяла ихъ;
 Она была чиста. Благоговѣя
 Предъ чувствомъ, онъ на ласки женъ другихъ
 Не обращалъ вниманья; гнетъ разлуки
 Его объялъ тоскою; ей томимъ,
 Онъ пѣсню заглушить старался муки
 И, къ милой простирая скорбно руки,
 Къ ней обратился онъ съ посланiемъ такимъ:

1.

Скала Драхенфельса, съ зубчатымъ вѣнцомъ,
 Надъ Рейномъ царить горделиво,
 Красиво лѣса зеленѣютъ кругомъ;
 Желтѣетъ роскошная нива;
 Рѣка оmyваетъ подножье холмовъ,
 Одѣтыхъ лозой виноградной;
 Бѣлѣетъ вдоль берега рядъ городовъ,
 Съ картиной сливаясь отрадной...
 Я видомъ такимъ наслаждался-бъ вдвойнѣ,
 Когда бы ты здѣсь улыбалася мнѣ!

2.

Брестянки, нарвавши цвѣтовъ полевыхъ,
 Въ Эдемѣ являются этомъ;
 Какъ ласковы взоры ихъ глазъ голубыхъ,
 Что сладостнымъ дышать привѣтомъ!
 Развалины замковъ, покрытыхъ плющомъ,
 Вьичають утесовъ вершины;
 Здѣсь—арка, могильнымъ заснувшая сномъ,
 Тамъ—скалы висятъ надъ стремниной...
 Легко-бъ мнѣ дышалось въ томъ чудномъ краю,
 Когда бы ты руку сжимала мою!

3.

Изъ лилій букетъ я досталъ для тебя.
 Увы! онъ завянетъ дорогой,
 Но встрѣтъ его съ лаской: онъ посланъ, любя;
 Съ нимъ помысловъ связано много.
 Надѣюсь, когда тѣ увидишь цвѣты,
 Ты снова сроднишься со мною
 И душу свою, помня счастья мечты,
 Съ моею сочетаешь душою!
 Близъ свѣтлаго Рейна мой нарванъ букетъ;
 Онъ сердцу отъ сердца приноситъ привѣтъ.

4.

Рѣка горделиво, волнуясь, бѣжитъ
 И съ каждымъ ея поворотомъ
 Является новый плѣнительный видъ.
 Нѣтъ счета природнымъ красотамъ.
 Кто не былъ бы счастливъ всю жизнь провести
 Средь этой страны благодатной?
 О, Боже! красивѣе края найти
 Въ вселенной нельзя необъятной;
 Та мѣстность еще-бъ мнѣ казалась милѣй,
 Когда-бъ ты со мною любовалася ей!

Павель Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

САВЕЛЛИ.

Романъ Жильбера Огюстена Тьерри.

I.

Наступалъ вечеръ, окутывая туманомъ Лондонъ, — апрѣльскій вечеръ, сырой и дождливый. Въ тотъ годъ (1854) рано стала весна, распустила сады сырой Англiи и едва не залила солнцемъ страну, гдѣ, какъ поется въ старомъ мадригалѣ, «такъ зелены поля, такъ бѣлоктуры головки, такъ нѣжны голубыя очи, такъ обольстительны улыбки».

На золоченой башнѣ Вестминстера часы пробили семь и шумная городская жизнь начала утихать; банкиръ Флитъ-Стрита запиралъ контору, довольный, что возвращается домой; на набережной зажигались фонари и великолѣпныя выставки серебряныхъ и золотыхъ вещей сверкали при газовомъ освѣщенiи. Еще немного — и лужайки въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ сдѣлаются мѣстомъ ночлега ворюшекъ, спящихъ подъ открытымъ небомъ, приютомъ любви блуждающихъ по ночамъ ирландокъ... Наступалъ вечеръ, апрѣльскій вечеръ, сырой и свѣжій.

Въ Ридентъ-Стритѣ,halbway отъ цирка, во мракѣ ночи выдѣлялся яркимъ освѣщенiемъ ресторанъ Артиди, итальянскій кабачокъ, пользовавшійся большою извѣстностью. По обыкновению, въ отдѣльныхъ кабинетахъ ютились влюбленные пары, fast people, люди, проживающіе жизнь, swells или дѣвицы изъ Пимлико, которыя веселились, но веселились по-англійски, скромно и тихо: меньше было поцѣлуевъ, чѣмъ бутылокъ — british respectability!... Въ тотъ вечеръ, впрочемъ, въ ресторанѣ раздавались не одни пьяные разговоры, не одинъ только влюбленный шепотъ. Въ первомъ этажѣ, въ самомъ уединенномъ кабинетѣ, за столомъ молча сидѣли два

господина, повидимому, сильно озабоченные чѣмъ-то. Одному изъ нихъ можно было дать лѣтъ сорокъ; это былъ высокій, полный мужчина, съ длинными волосами еще безъ признаковъ сѣдины и съ густою бородой, бѣднякъ, судя по плачевному состоянію его костюма: вѣроятно, одинъ изъ голодающихъ, профессоръ литературы или концертантъ: эти люди отовсюду съѣзжаются въ Лондонъ, гдѣ такъ трудно подняться на чужую лѣстницу и гдѣ поданный изъ милости кусокъ останавливается въ горлѣ.

Въ эту минуту онъ съ жадностью ѣлъ ветчину, ростбивъ, всѣ лакомыя блюда англійскаго стола, и безмолвно поглощалъ пиво и мозельское вино. Другой, уже старикъ, смотрѣлъ, какъ жадно ѣлъ его товарищъ, а самъ почти не прикасался къ разставленнымъ передъ нимъ кушаньямъ. Это былъ джентльменъ съ тщательно выбритымъ лицомъ, съ сѣдою бахромкой вокругъ большой лысины и въ безукоризненномъ костюмѣ. Блескъ темныхъ глазъ, бронзовый цвѣтъ лица и излишество жестовъ сразу выдавали въ немъ иностранца.

— Per Vasso!—громко воскликнулъ господинъ съ длинными волосами.—Che granzo!... Oh! veramente stupenda...

— Извините, Марино!—прервалъ его другой,—мальчикъ, который служить намъ, итальянецъ; давайте говорить по-французски и будемъ осторожны.

Тотъ поклонился, не отрываясь отъ ѣды. ?

— Значить, серьезный разговоръ, ваше сіятельство?

— Да, очень, серьезный.

— Ebbene!... Давайте говорить по-французски, хотя это «гнусавый, полуварварскій и отвратительный жаргонъ», какъ удачно опредѣлилъ его нашъ великій Альфіери!... Боже, какъ хорошо я чувствую себя здѣсь! Бухня, достойная Апиція, вина, которая воспѣлъ бы Горацій, и милостивая улыбка самаго великодушнаго изъ Меценатовъ!... Кроме того,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ, сыщиковъ, шпионовъ, всѣхъ этихъ полицейскихъ ужасовъ господина Бонапарта... А! этотъ господинъ Бонапартъ!...

Послѣ этого восклицанія онъ опять началъ хватать куски съ своей тарелки,—очевидно, его желудокъ запасался на завтра.

— Получили вы какія-нибудь извѣстія отъ того господина члена «Молодой Италіи»?—рѣзко спросилъ старикъ, котораго Марино называлъ «ваше сіятельство». Онъ произнесъ эти слова ядовитымъ и необыкновенно презрительнымъ тономъ.

— Никаких! — возразилъ его собесѣдникъ. — Глубокое молчаніе, — слѣдовательно, великіе замыслы!

— Или, вѣрнѣе, великая измѣна, наивный вы человѣкъ!

— О, ваше сіятельство!

— Читаете ли вы, молодые люди, когда-нибудь швейцарскія или нѣмецкія газеты? Нѣтъ?... Ну, такъ вашъ Мадзини опять взялся за перо. Онъ не беретъ больше взаймы денегъ у другихъ, онъ нахально бредетъ у нихъ мысли: то же бандитство. Теперь этотъ знаменитый Жозефъ пишетъ. О, глупости пишетъ! Свобода похристіански, освобожденіе посредствомъ Евангелія! Плохой Джоберти этотъ «пророкъ идей»! Ватиканъ пошлетъ ему, конечно, свое благословеніе: аминь!... Я повторяю, страшная измѣна!

Марино продолжалъ напыщеннымъ тономъ:

— Ренегатъ онъ, освободитель Рима!... Его славный защитникъ!

— А я? — воскликнулъ его сіятельство, бросая салфетку и вскакивая съ мѣста. — Я, можетъ быть, тамъ не былъ... тамъ... при осадѣ Рима! Членъ вашего учредительнаго собранія и итальянскій воинъ! Но я... я не разсуждалъ... я дрался! Непрїатели, французы господина Бонапарта, подняли меня, на баррикадѣ Портеза, безъ чувствъ, прострѣленного пулями!

— О, конечно! — замѣтилъ Марино, стараясь успокоить его гнѣвъ, — ваше сіятельство были преисполнены античнымъ духомъ, настоящій Боклесь, богъ Марсь, палладинъ, достойный Капитолія!

— Ошибаетесь, мой другъ, такъ какъ ваши мадзинисты оттолкнули меня теперь. Я, повидимому, ни къ чему неспособенъ, я трусъ и измѣнникъ!... Да, измѣнникъ! Это слово было сказано, я знаю... Неблагодарное отечество!

— Пш... всегда отечество неблагодарно!... Но какъ нѣла божественная Паста! *Dolce ingrata patria!* Неблагодарная, но, все-таки, милая отчизна!

Глубокое молчаніе послѣдовало за этою цитатою и «палладинъ, достойный Капитолія», растянулся на диванѣ.

— Наконецъ, да или нѣтъ? — спросилъ онъ, — получили вы извѣстія?

— Ну, такъ, да! — произнесъ Марино, приблизившись съ таинственнымъ видомъ. — Помните вы человѣка, служившаго подъ вашимъ начальствомъ въ легионѣ Красныхъ? Высокій молодець... Піанори?... Но нѣтъ, клянусь честью, я ничего не знаю, ничего!

Въ эту минуту къ нимъ долетѣлъ гнусавый и протяжный крикъ продавца газетъ:

— Evening Papers! Важныя телеграммы изъ Франціи!
Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Риджентъ-Стрита доносился какой-то глухой шумъ.

Голосъ продавца продолжалъ выкрикивать:

— Ужасное покушеніе на жизнь французскаго императора!
Итальянцы переглянулись, и его сіятельство бросился къ звонку; вошелъ мальчикъ.

— Скорѣе!... Скорѣе... пошлите купить газету!

Слуга вышелъ, но скорѣе вернулся и принесъ газету. Тогда, наклонившись надъ листомъ, старикъ прочелъ громкимъ голосомъ:

«Послѣднія телеграммы. Парижъ, 5 ч. дня. Сегодня въ предмѣстьѣ Елисейскихъ полей какой-то злоумышленникъ, по имени Піанори, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пистолета въ французскаго императора. Наполеонъ невредимъ. Убійца, тяжело раненый и почти растерзанный толпой, находится въ рукахъ правосудія». Никакихъ иныхъ подробностей не было; внизу подъ телеграммой, присланной изъ Франціи, стояло множество телеграммъ изъ Италіи.

Старикъ читалъ дальше:

«Неаполь, 10 ч. утра. Вчера въ театрѣ Санъ-Карло давалось первое представленіе новаго балета *Цвѣты и женщины*. Зала была блестяща. Приѣмъ публики восторженный, танцовщицъ вызывали до семи разъ».

Газета выпала у него изъ рукъ и бывшій членъ Римскаго собранія тяжело упалъ на стулъ. Онъ опустилъ голову, точно подъ гнетомъ отчаяннаго стыда; голосъ его сдѣлался глухъ, а на глазахъ блеснули слезы:

— Еще эшафотъ! — прошепталъ онъ. — Все наша кровь, наша!... А въ то время, какъ мы изнываемъ отъ страданій, эта гнусная Италія поетъ, танцуетъ и забавляется любовью!... Ну, такъ, безстыдная нація, если таковъ твой жребій, пусть онъ исполнится!

Онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Что до меня, съ меня довольно!... Довольно моего безконечнаго изгнанія, скитаній по бѣлому свѣту, жизни днаго звѣря, преслѣдуемаго всѣми полиціями!... А, ваши члены «Молодой Италіи» презираютъ мои сѣдые волосы! Пускай! Отнынѣ эти сѣдые волосы не преклонятся передъ ними! *Finita la commedia!* Я вновь дѣлаюсь свободнымъ человѣкомъ!

— Какъ такъ? — спросилъ Марино, корча улыбку.

— Я хочу сдѣлаться самимъ собой и не имѣть другаго господина, кромѣ себя!

Онъ всталъ и началъ скорыми шагами прохаживаться по комнатѣ, размахивая руками и возбуждаясь звуками собственныхъ словъ.

— Да, рѣшено!... Завтра я пишу кардиналу, государственному секретарю. Я зналъ когда-то господина Антонелли и...

— Какъ! вы хотите писать этому человѣку?

— Ему самому. Я буду ходатайствовать о прощени и въ амнистии нѣтъ сомнѣнiя. Чортъ возьми! я хочу быть похожъ на другихъ. *O Bonagnuoli tornati in bastardi!*

Онъ закурилъ сигару и опять растянулся на диванѣ; закрывъ глаза и нуская къ потолку кольца дыма, онъ продолжалъ:

— Наконецъ-то я увижу тебя, моя Равенна, мой край родной, и тебя, мой давно покинутый дорогой дворецъ въ Porta Serrata!... А! счастливая Италия надрывается отъ радости! Прочь политику, сантиментальныя бредни, прочь черную нищету! Пусть длится вихрь удовольствiй, вѣчный маскарадъ, безконечный карнаваль!... Броне того, одиночество тяготитъ меня: я хочу жениться.

— Жениться?—съ легкимъ вздохомъ повторилъ Марино, садясь на диванъ.—Ваше сiятельство забываете о своихъ шестидесяти годахъ.

Старикъ приподнялъ голову.

— Шестидесять три года, господинъ музыкантъ; я помню объ этомъ. И потому я хочу жениться соотвѣтственно съ моими нллюзиями, согласно съ моралью моей родины! Я поищу какую-нибудь красавицу-примадонну за кулисами Санъ-Карло или звѣзду среди балеринъ театра Скала.

— Ваше сiятельство шутите!

— Я никогда не шучу!

— А портреты предковъ въ вашемъ дворцѣ, великiе кондотьеры, погибшiе за честь Итали... какъ они день и ночь будутъ смотрѣть на ваше сiятельство?

Старикъ, блѣдный, вскочилъ съ дивана, направился къ окну и съ силой распахнулъ его; онъ задыхался отъ гнѣва. Марино последовалъ за нимъ и облокотился на подоконникъ. На улицѣ передъ фасадомъ ресторана собралась толпа. Труппа странствующихъ музыкантовъ, составляющихъ одно изъ золь Лондона, давала уличный концертъ. Пиляли двѣ скрипки, фальшиво бреччала арфа и, покрывая эти разноголосые звуки, какая-то женщина пѣла *brindisi* изъ *Травиаты*, это *Libiamo ne lieti calici*, такое популярное, благодаря своей вульгарности.

— Красивый тебръ, — замѣтилъ Марино, — но недостаетъ школы... Ахъ, еслибъ я давалъ ей уроки!

— Э, крошка! Э, piccola! — крикнулъ его сѣятельство. — Вотъ тебѣ шиллингъ, бери. Теперь иди навѣрхъ и спой намъ пѣсенку.

Женщина подняла голову, кончила свою бравурную арію и направилась въ домъ; нѣсколько минутъ спустя она появилась въ кабинетѣ. Она была прекрасна, молода, стройна, съ матовымъ цвѣтомъ лица итальянки, съ большими синими глазами и черными волосами, падавшими пышными кольцами, схваченными золотой шпилькой. Черты ея лица своею правильностью напоминали красавицъ Транстевера, которыхъ съумѣлъ сдѣлать божественными дивный геній Санціо. Она была одѣта въ яркій, бросающійся въ глаза, костюмъ комической оперы: ярко-красную юбку Фенеллы, купленную, вѣроятно, въ хламъ Бовенъ-Гарденскаго театра. У корсажа была приколота вѣтка искусственныхъ цвѣтовъ, букетъ дикаго шиповника.

Стоя среди комнаты, уличная дива нахально разсматривала обоихъ мужчинъ, улыбаясь имъ и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ. Осмотръ продолжался недолго и взглядъ ея ласково устремился на господина въ черномъ.

— Вотъ я, мосье. Что спѣтъ вамъ? Santa Lucia? Но у васъ нѣтъ рояля для аккомпанимента.

Его сѣятельство надѣлъ пенснѣ и разсматривалъ пѣвицу съ видомъ знатока.

— Правда. Какъ, ты говоришь по-французски, прелесть моя?

— Конечно. Мой отецъ былъ профессоромъ въ Марсели.

— Ты родилась во Франціи?

— Нѣтъ. Въ Римѣ.

— Дочь профессора? Не дурно!... Молодая ученая, значитъ?

— Да, я знаю все... Даже знаю то, чего не слѣдуетъ знать.

Она засмѣялась, слѣдя за обоими мужчинами, тоже улыбающимися.

Его сѣятельство заговорилъ опять, указывая на шиповникъ, приколотый къ ея платью:

— Значитъ, ты не такъ дика, какъ эмблема твоего украшенія?

— И, кромѣ того, болѣе свѣжа! — возразила она вызывающимъ и насмѣшливымъ тономъ.

— Дай мнѣ твой букетъ, красавица.

— Никогда! Это — талисманъ.

— Отъ дурнаго глаза?

— Вашъ не особенно хорошегъ. Нѣтъ, я люблю эти цвѣты: мой отецъ любилъ ихъ.

— Красивая фраза. Да здравствуетъ чувство!... Какъ зовутъ тебя?

— Бѣлла.

— Это твое прозвище. А другое, настоящее имя, данное Богомъ? Пѣвица пожала плечами.

— О, Богъ...—прошептала она.

— Чортъ возьми!... Папистка и либералка? Странный случай! Бѣлла, повидимому, колебалась; потомъ, вдругъ сдѣлавшись серьезной, произнесла:

— Вы итальянцы, я вижу это. Ну, такъ меня зовутъ Розина Савелли.

Она произнесла это имя съ такою гордостью, точно говорила: я Фалконъ или я Малибранъ. Безъ сомнѣнiя, она ожидала произвести эффектъ; эффектъ не замедлилъ последовать.

— Савелли?—повторилъ его сiятельство.—Я зналъ во время осады Рима какого-то Сципиона Савелли; онъ сражался подъ моимъ начальствомъ и былъ раненъ на Санъ-Панкрацкомъ бастионѣ. Онъ былъ молодецъ.

— Это былъ мой отецъ.

— Вашъ отецъ?... О, простите, мадемуазель Савелли!... Вы пробуждаете во мнѣ ужасныя воспоминанiя. Имя, записанное въ мартирологи святой свободы! Савелли—одна изъ жертвъ, если я не ошибаюсь, господина Бонапарта...

Дѣвушка страшно поблѣднѣла; глаза ея сверкали, она отвѣтила сдавленнымъ голосомъ:

— Они два раза разстрѣляли его. Это былъ мой отецъ.

— Разстрѣляли два раза! Злодѣи!... Но гдѣ и какъ совершилось это преступленiе?

— Въ Провансѣ. Послѣ переворота, во время страшнаго возстанiя на югѣ.

— Я угадываю, увы! Многiе предводители «Молодой Италiи» соединились съ французскими республиканцами и геройски погибли. Вѣчно наша тщетная мечта, безумiе!

— Безумiе, можетъ быть, но чудное! Мой отецъ командовалъ въ Варѣ отрядомъ республиканцевъ. О, да, мосье, онъ былъ молодецъ!... Страстный поклонникъ свободы, горячiй защитникъ своей дорогой Италiи! А какъ онъ ненавидѣлъ Бонапарта, разрушителя Рима, покровителя папы и духовенства! Бонапартъ прежде зналъ этого человѣка, карбонарiя, какъ и онъ, такъ какъ они оба были за-

говорщиками въ одномъ легионѣ, въ одной вентѣ. Ренегатъ! И такъ, Савелли хотѣлъ сражаться. При первыхъ звукахъ набата онъ покинулъ Марсель, учениковъ, друзей и поспѣшилъ соединиться съ остальными. Герой! Онъ былъ взятъ на какой-то баррикадѣ и сейчасъ же разстрѣлянъ. Звѣри, эти солдаты! Но смерть не хотѣла взять его: онъ не былъ убитъ. Прострѣленного пулями, но еще живаго, его положили въ госпиталь, перевязали его раны. Изъ человѣколюбія, можетъ быть, думаете вы? Какъ же! Человѣческія чувства въ хищныхъ звѣряхъ! Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, что это были за люди, ихъ «смѣшанныя комиссія» и прокуроръ Бенаръ—ужасный Бенаръ,—«бѣлый живодеръ», какъ его называли! Злодѣй! По приказанію этого Бенара, моего отца, почти умирающаго, привели на военный совѣтъ. Онъ едва стоялъ на ногахъ, изъ ранъ еще сочилась кровь. Негодяи, злодѣи! Онъ былъ осужденъ и тогда... тогда эти разбойники разстрѣляли его во второй разъ! О, негодяи!...

Она передала свой рассказъ съ дикимъ увлеченіемъ, съ страстною мимикой, скрежеща зубами и потрясая кулаками, прерывая его криками и хриплыми итальянскими восклицаніями, со взглядомъ, полнымъ ненависти.

Она остановилась, задыхаясь. Старикъ смотрѣлъ на нее молча и задумавшись.

— Негодяи!—произнесъ онъ, наконецъ.—А вы, дочь его, что сдѣлали вы, чтобы отомстить?

— Я?—воскликнула она съ бѣшенствомъ.—Я была учительницей въ Марсели. Меня выгнали, какъ негоднаго щенка... и я свлонила голову...

— Это все?... Мало же.

— Увы!

— И теперь, бѣдняжка, ты скитаешься по лондонскимъ улицамъ, едва влача жизнь?

— Я такъ голодала!

Она, содрогаясь, опять замолчала; старикъ продолжалъ ее разсматривать и изучать.

— Несчастный Савелли!—прошепталъ онъ, вставая.

Вдругъ Розина подбѣжала къ нему и, говоря ему также «ты», воскликнула:

— Послушай, мнѣ двадцать два года и я красива,—хочешь ты отомстить за убитаго?... Хочешь?... И я буду принадлежать тебѣ... отдамъ тебѣ и тѣло, и душу!

Старикъ вздрогнулъ.

— Приходите ко мнѣ, мадемуазель.

- Когда?
- Завтра.
- Куда?
- Улица Пигадали, номеръ 3.
- А кого мнѣ спросить?
- Бнзя Гвидо де-Карпеня.

II.

Вечеромъ, 24 ноября 1856 г., дворець Тюльери сіялъ блестящій освѣщеніемъ. На площади Каруселя двигались въ нѣсколько рядовъ экипажи, въѣзжали во дворъ, останавливались подъ сводомъ, непрерывно высаживали декольтированныхъ дамъ и мужчинъ въ парадныхъ мундирахъ. Былъ балъ во дворцѣ, первый балъ зимняго сезона.

Онъ не существуетъ больше, этотъ дворець Тюльери. Съ первой минуты своей предсмертной агоніи коммуна 1871 г. предназначила его къ разрушенію.

Безумцы! Неужели, разрушая нѣсколько камней, свидѣтельствующихъ о прошломъ величіи, они думали уничтожить самое прошлое?... Долго возвышались обрушенные стѣны и полуразвалившійся куполъ, печальные и точно взывающіе противъ междоусобной войны; теперь даже развалины исчезли, *etiam regere*. И вотъ наступаетъ новый вѣкъ, равнодушный къ нашимъ сожалѣніямъ; уже дѣти съ удивленіемъ смотрятъ, когда имъ говорятъ: «Здѣсь былъ дворець, гдѣ жили короли». Забвеніе, быстрое забвеніе, настоящая человѣческая могила!...

Авторъ этого разсказа посѣщалъ когда-то старинное жилище королей, онъ видѣлъ тамъ послѣднихъ властелиновъ: да позволять ему вызвать ихъ видѣнія.

Подъ сводомъ, направо, возвышалась широкая каменная лѣстница съ двумя площадками, крутая, тяжелая для подъема монументальная лѣстница. Въ пріемные дни она освѣщалась канделябрами и на каждой ступени стоялъ неподвижный въ своей блестящей стальной бронѣ колоссъ - гренадеръ. Наверху, въ первой пріемной, камергеръ въ красномъ мундирѣ принималъ гостей. Затѣмъ они переходили въ бальную галерею, длинную залу, украшенную бѣлою рѣзьбой съ золотомъ, немного крикливое подражаніе версальской галереи и напыщенное сооруженіе короля Людовика-Филиппа. Въ ней не было ни одной картины, кромѣ портрета Наполеона III верхомъ, писаннаго Горасомъ Верне и занимающаго всю

среднюю стѣну. Вдоль стѣны тянулся двойной рядъ скамеекъ, гдѣ дамы и молодыя дѣвушки выставляли на показъ свои пышные туалеты, а въ одномъ углу возвышалась эстрада «маленькаго оркестра», — другой, Штрауса, помѣщался въ залѣ Маршаловъ.

Хрустальные люстры и канделябры ярко освѣщали золото и зеркала, и по пышности мундировъ, по переливамъ шелка и камней, императорскіе балы представляли зрѣлище невиданное никогда послѣ.

Въ концѣ бальной галереи широкая арка, задрапированная малиновымъ бархатомъ, вела въ залу Маршаловъ. Эта знаменитая зала, долго славившаяся чудомъ архитектуры, представляла четырехугольную громаду, возвышавшуюся во всю высоту центрального свода. Гигантскія каріатиды изъ бѣлаго мрамора поддерживали сводъ, и портреты во весь ростъ маршаловъ первой имперіи украшали стѣны. Видъ былъ грандіозный и производилъ странное впечатлѣніе величія. На эстрадѣ подъ пурпуровымъ балдахиномъ возвышался тронъ. Здѣсь, во время официальныхъ вечеровъ, почти всегда находился Наполеонъ III. Обыкновенно онъ выходилъ изъ собственныхъ апартаментовъ въ 10 часовъ, балъ уже былъ открытъ и начинались представленія императрицъ. Въ двѣнадцать часовъ Наполеонъ обходилъ бальную галерею и затѣмъ вскорѣ удалялся во внутренніе покои дворца.

И такъ, въ тотъ вечеръ, — вечеръ официальной среды, — въ Тюльери давался балъ. Шумный говоръ наполнял императорскія залы и балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда виконтъ Марсель Бенаръ, пріѣхавъ изъ своего клуба, попалъ въ бальную толкотню. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати восьми, съ красивымъ лицомъ и гордою осанкой, высокой брюнетъ съ черными жгучими глазами. Онъ отличался манерами и немного вызывающею внѣшностью модныхъ щеголей; длинные усы съ закрученными концами, бородака à l'impériale, прическа съ проборомъ посерединѣ головы и гладко зачесанными на вискахъ волосами, — однимъ словомъ, какъ говорили тогда, «un gandin». На его тонкой и стройной фигурѣ ловко сидѣла красивая форма аудитора государственнаго совѣта: голубой фракъ съ расшитыми обшлагами и воротникомъ, бѣлые панталоны, прямая шпага, шляпа съ черными перьями, небрежно сунутая подъ руку.

Высоко поднявъ голову, съ моноклемъ въ глазу, виконтъ вошелъ, небрежно раскачиваясь и — высшій тонъ — волоча по паркету башмаки съ пряжками. Онъ взглядомъ окинулъ гостей, задышавшихся въ первой галереѣ, сдѣлалъ презрительную гримасу и быстро направился въ залу Маршаловъ. Но на порогѣ ему пришлось

остановиться: тройной рядъ кавалеровъ и дамъ заслонялъ ему входъ. Въ эту минуту Наполеонъ танцевалъ кадрили и со всѣхъ сторонъ бросились смотрѣть на танцующаго императора. Марсель Бенаръ, раздосадованный, вернулся назадъ и сѣлъ съ скучающимъ лицомъ.

Передъ нимъ вружились безчисленные пары танцующихъ, но все люди мелкіе. Придворный этикетъ требовалъ, чтобы зала Маршаловъ служила для удовольствій высокихъ сановниковъ, иностранныхъ пословъ, министровъ, генераловъ, сенаторовъ и государственныхъ совѣтниковъ. Представители же болѣе скромныхъ должностей довольствовались балною галлереей. Здѣсь встрѣчались префекты и подпрефекты, директоры министерствъ, начальники дивизій, инженеры, полковники и цѣлая армія густыхъ и тонкихъ эпюлетъ; здѣсь же находились магистраты, важные въ своихъ черныхъ мундирахъ, и члены института во фракахъ съ зелеными пальмами, вызывавшихъ сначала шепотъ, а потомъ улыбку въ господахъ гренадерахъ и гвардейскихъ стрѣлкахъ.

Марсель Бенаръ смотрѣлъ на эту балную суматоху съ видомъ человѣка, которому давно прискучило великолѣпіе императорскихъ баловъ.

— Привѣтъ самому веселому изъ виконтовъ! — говорилъ ему молодой господинъ въ формѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

— Это вы, Гравенуаръ! — произнесъ Марсель. — Какъ живете, дорогой мой? Боже! какая ужасная давка!

— Болѣе тысячи приглашеній, повидимому; весь цвѣтъ имперіи: каковъ букетъ!... Какъ здоровье графа Бенара?

— Моего отца?... Ему лучше. Онъ вернулся и уже принялся за дѣла въ государственномъ совѣтѣ.

— Радъ слышать пріятное извѣстіе! Чѣмъ онъ страдалъ?

— Нервнымъ разстройствомъ; доктора тутъ ничего не понимаютъ. Но теперь, слава Богу, онъ совсѣмъ оправился.

— Вы одни, виконтъ?

— Одинъ съ своею скукой.

— Мадемуазель Марія-Анна не пріѣхала съ вами?

Марсель Бенаръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, сестра осталась съ отцомъ... Она, впрочемъ, никогда не выѣзжаетъ.

Онъ всталъ и оба сдѣлали нѣсколько шаговъ въ толпѣ.

— Гдѣ вы провели охотничій сезонъ? — спросилъ дипломатъ.

— Въ Нормандіи, въ моемъ маленькомъ Сассевильскомъ замкѣ.

— Гдѣ это вашъ Сассевильскій замокъ?

— На Нижней Сенъ, около Фегана. Это имѣніе досталось мнѣ отъ моей бѣдной матери.

— Красивое помѣстье?

— Я нахожу его идеальнымъ: оно мое... Ахъ, Боже мой! Гравенуаръ, что это?

«Это» была молодая женщина, сидѣвшая на креслѣ и окруженная толпой шумныхъ поклонниковъ. Она была замѣчательно красива: брюнетка съ большими синими глазами, роскошными плечами, тонкою и изящною таліей. Черные волосы, вьющіеся на лбу, ниспадали по тогдашней модѣ длинными косами, граціозно обрамлявшими овалъ ея лица. Единственнымъ украшеніемъ волосъ служила гирлянда шиповника, усѣянная брилліантами; букетъ тѣхъ же цвѣтовъ былъ приколотъ у корсажа. Небрежно развалившись въ креслѣ, дама закрывала даже колѣни сосѣдей своимъ широкимъ желтымъ атласнымъ платьемъ съ тремя оборками изъ черныхъ кружевъ. Ея немного полная рука играла большимъ вѣеромъ изъ марабу, то складывая его, то раскрывая кокетливымъ и рассчитаннымъ движеніемъ. Поклонники всѣхъ возрастовъ—и старые, и молодые—тѣснились вокругъ, ухаживая за ней и осыпая комплиментами. Красавица, повидимому, веселилась. При каждой немного вольной шуткѣ, она смущенно откидывалась назадъ, раскрывала вѣеръ, прятала половину лица и видны были только большіе глаза, смѣющіеся отъ удовольствія. Въ эту минуту самозабвенія и рассчитанной скромности красавица, откидываясь, выставяла ножку и тогда раздавался восторженный шепотъ.

— А! Что эта за франтесса?—спросилъ виконтъ у пріятели. Гравенуаръ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Да развѣ вы вы знаете?... Розина!

— Какая Розина?

— Вы огорчаете меня, дорогой мой! Вы дѣлаетесь отшельникомъ... Модная красавица... Розина... княгиня де-Карпенья.

Марсель разсмѣялся.

— Я не зналъ... Странное имя!... Титулъ изъ квартала Бреда, безъ сомнѣнія?

— Нѣтъ... Княгиня самая настоящая!... Эта Карпенья знаменитая фамилія въ Романѣ. Данте посвятилъ имъ цѣлый стихъ въ *Аду Божественной комедіи*. Она сама, говорятъ, урожденная д'А-Прата, тоже старинная дворянская фамилія въ Равеннѣ. Но за это я не ручаюсь. Какъ бы то ни было, я былъ ей представленъ въ прошломъ году въ Венеціи. Она занимала палатку на Canal Grande, принимала избранное общество и вела открытую жизнь.

Марсель издали рассматривал молодую женщину.

— Дѣйствительно, замѣчательно красива!...

— Но какой странный туалетъ!... Розовые цвѣты при желтомъ платьѣ!... Иностранка, что-жь!

— Между тѣмъ, милѣйшая Розина истая парижанка... Боевничаетъ со всѣми, предпочтенія—никому.

— Ба!... Что за фантазія надѣть австрійскіе цвѣта?

— Можетъ быть, въ честь благороднаго супруга, стараго заговорщика, теперь раскаявшагося и попавшаго въ милость.

— А, у нея есть, значить, мужъ?

— О, плохенькій!... Его никогда не видно; говорятъ, что они ненавидятъ другъ друга и живутъ врозь.

— Въ такомъ случаѣ, представьте меня, мой дорогой.

— Ловелась!

И они направились къ княгинѣ де-Барпенья.

— Мосье де-Гравенуаръ!—воскликнула княгиня, увидавъ аташе посольства.—Какъ васъ рѣдко видно съ нѣкоторыхъ поръ!

Тотъ извинился нѣсколькими банальными фразами.

— Я, наконецъ, устроилась въ Пасси,—продолжала молодая женщина,—въ моемъ крошечномъ монастырѣ и...

— Можно сдѣлаться пріоромъ въ вашемъ монастырѣ, княгиня?

— Ни даже пономаремъ!... Но я съ радостью принимаю тѣхъ друзей, которые рѣшаются на такое далекое путешествіе.

— Княгиня,—сказалъ Гравенуаръ,—позвольте мнѣ представить вамъ одного изъ моихъ товарищей, виконта Марсея Бенара.

Игравшая вѣеромъ рука дрогнула и краска залила на минуту блѣдное лицо итальянки.

— Мосье Марсель Бенаръ?—повторила она, сдѣлавшись очень серьезной,—можетъ быть, родственникъ графа Брута Бенара?

— Мой отецъ, княгиня.

— А!... Бывшій генераль-прокуроръ.

— Онъ самый.

— Вашъ отецъ, мосье!

Большіе синіе глаза устремились на нѣсколько мгновений на виконта, затѣмъ молодая женщина, не опуская глазъ, протянула ему руку.

— Другъ моего друга — вы теперь мой другъ. Садитесь же, cher monsieur.

Она говорила по-французски правильно и звучно, съ легкимъ акцентомъ той стороны горъ; ея голосъ ласкалъ, уста улыбались,

отрывая великолѣпные бѣлые зубы. Прерванный разговоръ возобновился. Скоро онъ превратился въ перекрестный огонь бойкихъ комплиментовъ, свѣтскихъ вольностей, часто непристойныхъ шутокъ, двусмысленныхъ остротъ. Старый баронъ Ла-Шене, шестидесятилѣтній волокита съ нафабранными усами, лысый и гордящійся своимъ черепомъ à la Морни, говорилъ громче всѣхъ, болталъ всякій вздоръ, циничный въ своей претенціозной глупости. Молодая женщина слушала, возражала, забавляясь сама и забавляя другихъ.

Оркестръ заигралъ прелюдію вальса Юганна Штрауса *Morgenblätter*.

— Княгиня, позвольте просить васъ на туръ вальса?—обратился къ молодой женщинѣ аудиторъ государственнаго совѣта.

Она сейчасъ же встала.

— Обыкновенно я мало танцую; но я ни въ чемъ не могу отказать сыну графа Бенара.

— Берегитесь! Онъ многого потребуетъ!—крикнулъ старый Ла-Шене.

— Въ его года это неудивительно!—весело возразила княгиня.

Княгиня медленно взяла руку молодого человѣка и оперлась на нее лѣниво и томно... А онъ, взволнованный, возбужденный, молча увлекалъ ее впередъ, боясь нарушить очарованіе этой минуты.

— И такъ, виконтъ,—спросила она во второй разъ,—вы сынъ графа Брута Бенара, бывшаго генераль-прокурора?

— Теперь члена государственнаго совѣта. Да, княгиня... Вы знаете моего отца?

— О, не лично; но я знаю его имя... Одно изъ самыхъ славныхъ въ вашей императорской Франціи.

И она льстиво прибавила:

— Имя, которое не легко, вѣроятно, носить.

Марсель поклонился; затѣмъ, обхвативъ талію молодой женщины, увлекъ ее въ вихрь вальса.

Трепеща отъ удовольствія, она вальсировала, крѣпко прижавшись къ нему, закрывъ глаза, касаясь иногда щекой его лица и точно отдаваясь сжимавшимъ ее объятіямъ. Вдругъ имъ пришлось остановиться: музыка оборвалась. Дирижеръ оркестра ударилъ три раза по пюпитру и сейчасъ же мѣдные инструменты и скрипки заиграли оффиціальныи «гимнъ» *Королевы Гортензи*. Высокая фигура оберъ-камергера герцога де-Бассано появилась на порогъ бальной галлерей и провозгласила установленную формулу:

— Императоръ!

— Что происходитъ?—спросила удивленная княгиня де-Барпенья.

— Императоръ, —отвѣтилъ Марсель.—Онъ обходить балныя залы, прежде чѣмъ удалиться въ свои покои.

Почти рѣзкимъ усилиемъ молодая женщина вырвалась изъ обвинявшихъ ее рукъ. Удивительная переиѣна совершилась въ ней: исчезла томная поза, глаза ея сверкали и легкія подергиванія пробѣгали по лицу.

— Императоръ!—воскликнула она.—Скорѣе... скорѣе, вивонтъ... подойдемте ближе!

Въ галлерей танцующія пары стали уже въ два ряда, толкаясь, чтобы лучше видѣть. Подъ покровительствомъ своего кавалера княгиня де-Барпенья попала въ первый рядъ толпы. Оркестръ молчалъ теперь; глухой шепотъ пробѣгалъ отъ одной группы къ другой: медленно приближался императорскій «выходъ». Впереди шли офицеры гвардіи въ кирасахъ и стальныхъ каскахъ съ бѣлыми султанами; за ними адъютанты въ небесно-голубыхъ мундирахъ съ серебряными эксельбантами, церемоніймейстеры въ лиловомъ, шталмейстеры въ бонапартистскихъ цвѣтахъ, золотомъ съ зеленымъ; оберъ-камергеръ въ своей ярко-красной одеждѣ, за нимъ самъ императоръ.

На Наполеонѣ III была надѣта форма дивизионнаго генерала и лента Почетнаго Легіона. Онъ шелъ, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ и волоча ногу, съ скучающимъ, даже мрачнымъ лицомъ, обидывая безжизненнымъ взглядомъ волнующуюся толпу. Онъ шелъ, машинально поднимая правую руку и покручивая усь. Иногда, когда онъ въ пестрой толпѣ узнавалъ знакомаго сановника, лицо его быстро свѣтлѣло; онъ подходилъ и милостиво говорилъ какое-нибудь приѣтствіе, очаровывая своею лаской.

Онъ проходилъ уже... Вдругъ княгиня де - Барпенья вытянула голову, чтобы лучше видѣть, и уронила вѣеръ; въ то же время, она испуганно вскрикнула.

Наполеонъ остановился: онъ нагнулся и поднялъ вѣеръ. Тогда молодая дама съ удивительною смѣлостью сдѣлала шагъ къ нему, протягивая руку. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ они смотрѣли другъ на друга. Она побраснѣла, но смотрѣла на него дерзко.

Императоръ поклонился и направился дальше.

Онъ улыбался теперь, раскачиваясь еще больше, и пальцы его, не переставая, теребили усь. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ дальше,

онъ узналъ камергера Ла-Шене и сдѣлалъ ему знакъ: тотъ наклонился и императоръ шепотомъ сказалъ ему нѣсколько словъ.

Черезъ полчаса Наполеонъ III удалился въ свои покои.

II.

— Вашъ императоръ прелестенъ! — объявила молодая женщина, наивно и простодушно. — Любезенъ и милъ!

Она опять взяла руку своего кавалера и направилась съ нимъ по залѣ, кокетничая и болтая.

— Какой чудный балъ, мосье Бенаръ! Я была на многихъ официальныхъ празднествахъ въ Италиі, но—увы!—наши несчастные *festicciuolo* не могутъ соперничать съ пышностью вашего двора! Они такъ ничтожны, наши принцы: нищіе, настояціе *lazzaroni*!... О, чудный балъ!

— Вы навсегда поселились въ Парижъ?—спросилъ Марсель.

— На нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ. Я обожаю вашъ Парижъ.

— А нашихъ парижанъ, внягиня?

— Вашихъ парижанъ!... Они слишкомъ опасны, слишкомъ страшны для такой бѣдной женщины, какъ я, одинокой и беззащитной.

Она говорила съ нѣжными измѣненіями въ голосѣ, опять опираясь на его руку, опять страстно прижимая ее къ груди. Бесѣдуя такимъ образомъ, они достигли залы, гдѣ былъ устроенъ буфетъ. Тамъ происходила беспорядочная и звѣрская давка; офицеры и чиновники осаждали буфетъ, и каждый, толкаясь кулаками и локтями, старался схватить на лету стаканъ шампанскаго или тартинку *foie gras*: возмутительное зрѣлище,—звѣрь просыпался въ эти минуты въ чловѣкѣ.

— По какимъ днямъ вы принимаете, внягиня?—спросилъ Марсель, котораго заставили задуматься послѣднія слова «одинокой и беззащитной женщины».

— По субботамъ, виконтъ; но вы будете желаннымъ гостемъ во всякій день. О, если бы я могла...

Она не кончила и рѣзко отступила назадъ.

— Ахъ, Боже мой! — прошептала она. — Идите въ другую сторону!... Избѣжимъ этого чловѣка... вонъ того!... Онъ такой злой!...

Робкимъ движеніемъ она указала на сидѣвшаго на диванѣ, увлеченнаго оживленнымъ разговоромъ, старика въ изящномъ придворномъ костюмѣ—фракѣ *à la française*, кружевномъ жабо и шиагѣ.

— Кто же это такой злой? — спросил Марсель темного на-
смѣшливо. — Этотъ господинъ, котораго я вижу, бритый и совер-
шенно лысый? Восхитительный черепъ! На конкурсѣ плѣшивыхъ
даже нашъ другъ Ла-Шене признаетъ себя побѣжденнымъ.

Онъ вставилъ въ глазъ монокль и, дерзко разсматривая сидѣв-
шаго господина, продолжалъ:

— Да это старый церковный етиторъ! Или, по крайней мѣрѣ,
отецъ диаконъ... Монсиньоръ безъ фіолетовыхъ чулокъ! Вы бои-
тесь его? Какіе пустяки!

— Онъ очень золъ! — произнесла она растеряннымъ тономъ
знашавшей дѣвочки: она казалась дѣйствительно испуганною.

Марсель повернулъ въ другую сторону, чтобы не проходить
мимо лысаго господина, но тотъ уже поднялся и, не прерывая раз-
говора, слѣдовалъ за виконтомъ и молодою женщиной. Имъ прип-
лось остановиться.

— Я голодна, — сказала княгиня де-Барпенья, внезапно успо-
коиваясь. — Попробуйте добраться до буфета.

Не безъ труда Марсель очистилъ дорогу своей дамѣ и, усадивъ
ее за накрытый столъ, самъ сталъ сзади, охраняя ее.

Голосъ, выдѣлившійся изъ гула толпы, заставилъ его обер-
нуться.

— Кто сегодня «чичисбеемъ» прелестной Розины?

— Мнѣ только что представили его... это Бенаръ.

— Родственникъ государственнаго совѣтника?

— Кажется.

Послѣдовало короткое молчаніе, затѣмъ опять раздался высо-
кошвырный и насмѣшливый голосъ:

—... Человѣка, котораго такъ жестоко опозорилъ поэтъ:

Le procureur Besnard, Brutus de pacotille,
Fils du bourreau, bourreau par vertu de famille! *)

Марсель быстро обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ гос-
подиномъ съ наружностью монсиньора, который въ свою очередь
нахально смѣрилъ его съ головы до ногъ.

— Какіе отвратительные стихи, — произнесъ молодой чело-
вѣкъ, — и вы, милостивый государь, повидимому, нуждаетесь въ
небольшомъ урокѣ поэзіи!... Я сынъ графа Брута Бенара... Потру-
дитесь подождать меня... Мнѣ надо поговорить съ вами.

*) Прокуроръ Бенаръ, негодный Брутъ, сынъ палача, палачъ по семейнымъ тра-
диціямъ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Къ вашимъ услугамъ, мосье... Вы найдете меня... но и здѣсь, я полагаю... Въ залѣ Аполлона.

Въ продолженіе этого разговора княгиня не шевельнулась.

Слышала ли она?...

Вскорѣ она взяла руку своего кавалера и Марсель быстро отвелъ ее на мѣсто.

Возвращеніе княгини де-Барпенья было встрѣчено радостными восклицаніями. Ла-Шене, Гравенуаръ и остальные ждали ее; составилъ кружокъ и снова полилась веселая и свѣтская болтовня. Камергеръ Ла-Шене съ торжествующимъ видомъ пригладилъ обѣ пряди волосъ, оставшіяся на вискахъ, и наклонился къ плечу княгини де-Барпенья.

— О, очаровательница! — говорилъ онъ. — Искусно же вы играете вѣромъ, побѣдительница сердець... какой эффектъ!... Если бы вы хотѣли...

— Если бы я хотѣла... что? — спросила она, взглянувъ на него своимъ дерзкимъ и, въ то же время, наивнымъ взоромъ.

Онъ придвинулся еще ближе и очень тихо прошепталъ ей на ухо нѣсколько словъ. Молодая женщина откинулась назадъ и звонко разсмѣялась.

— О, si done! злая шутка!... Такое ничтожество, какъ я!... Вздоръ!

— Что онъ говорить, этотъ искуситель женщинъ? — спросилъ Гравенуаръ.

— Ничего! — отвѣтила она, — «глупыя любезности!» — и, указывая на золотой ключъ, висящій, какъ орденъ, на красномъ фракѣ камергера, прибавила:

— Онъ хочетъ открыть мнѣ всѣ двери этого дворца!... *Che razzo!*...

Марсель, между тѣмъ, поспѣшилъ на назначенное свиданіе. Отдаленная отъ балльной галлерей, зала Аполлона бывала почти всегда пуста въ этотъ поздній часъ. Незнакомецъ, небрежно развалившись въ креслѣ, теперь одинъ ожидалъ его. Виконтъ придвинулъ стулъ къ креслу, сѣлъ и, наклонившись къ оскорбившему его чelовѣку, сказалъ:

— Я сынъ графа Брута Бенара... а вы сейчасъ оскорбили моего отца!

Тотъ погладилъ кружева своего жабо и, спокойно улыбаясь, отвѣтилъ мягкимъ и нѣжнымъ тономъ:

— Оскорбилъ вашего отца, мой бѣдный виконтъ?... Увы! онъ не изъ тѣхъ, кого можно оскорбить.

Марсель сдернулъ перчатку съ лѣвой руки.

— Что вы хотите сказать?

— Прокуроръ Бенаръ, — продолжалъ тотъ невозмутимо, — бывший председатель смѣшанныхъ комиссій, совершалъ возмутительныя злодѣйства.

Молодой человекъ всталъ съ угрожающимъ видомъ.

— Вы жете!... Мой отецъ всегда исполнялъ свой долгъ.

— Даже, — медленно произнесъ незнакомецъ, — даже когда приказалъ разстрѣлять два раза несчастнаго Савелли?... Вашъ отецъ — негодяй!...

Перчатка скользнула по его лицу. Старикъ вскочилъ во весь ростъ.

— Я васъ убью завтра, милостивый государь!

Молодой человекъ пожалъ плечами.

— Соотечественникъ Полишинеля!... Ваше имя?

— Вотъ моя карточка.

Марсель Бенаръ схватилъ ее, посмотрѣлъ и, пораженный, прочиталъ:

«Князь де-Карпенья».

Въ бальной галереѣ вокругъ красавицы Розины толпа ухаживателей сплотилась еще тѣснѣе. Ла-Шене и Гравенуаръ въ особенности поддерживали общее оживленіе.

Марсель побѣждалъ къ нимъ.

III.

Графъ Брутъ Бенаръ носилъ одно изъ наиболѣе славныхъ именъ великой эпохи имперіи: онъ былъ родной сынъ Жозефа Бенара, друга Сійеса и родственника Мальмезонъ, — сынъ того Бенара, который принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи переворота восемнадцатаго брюмера.

Все знаютъ общественную жизнь этого выдающагося юриста, одного изъ редакторовъ кодекса Камбасереса 1793 года, члена учредительнаго собранія, конвента, совѣта пятисотъ, трибуната, охранительнаго сената и графа имперіи, — однимъ словомъ, истиннаго сына революціи; но многимъ неизвѣстны теперь интересныя подробности его частной жизни и, въ особенности, странная тайна его смерти.

Правда, въ *Gazette Nationale* или *Moniteur Universel* въ ну-

меръ 16 июня 1810 г. была напечатана слѣдующая замѣтка, написанная буквой С., т.-е. самимъ Сово, знаменитостью тѣхъ дней:

«Мы узнали о смерти графа Бенара, члена сената и высшего императорскаго суда, одного изъ командоровъ Почетнаго Легіона, неожиданно скончавшагося вчера въ Парижѣ. Ничто не давало повода ожидать такого быстрого конца—ни года, ни крѣпкое сложение этого неутомимаго труженика: графъ Бенаръ скончался отъ разрыва сердца. Всѣ тѣ, кто могъ оцѣнить характеръ этого великаго человѣка, раздѣлять сожалѣнія, которыя сооблаговолили выразить вдовѣ Е. В. императоръ и король.

«Графъ Бенаръ оставилъ сына, который будетъ достойнымъ наследникомъ его добродѣтелей».

Между тѣмъ, въ другой газетѣ, *Indiscret*, роялистскомъ памфлетѣ, издаваемомъ Фошъ-Борелемъ, появилась слѣдующая странная замѣтка:

«Бенаръ (Луи-Жозефъ); названный графъ Бенаръ, называвшійся когда-то гражданиномъ La Vertu, родился въ Амонтскомъ округѣ въ 1750 г., умеръ въ Парижѣ въ 1810... Биографія этого человѣка потребовала бы цѣлые томы; приговоръ надъ нимъ можетъ выразиться однимъ словомъ: негодяй!

«Луи-Жозефъ Бенаръ былъ священникомъ въ Безансонской епархіи, когда вспыхнула гнусная революція. Выбранный депутатомъ отъ духовенства своего округа въ генеральные штаты 1789 года, онъ съ первыхъ дней захвата власти собраніемъ, присвоившимъ себѣ названіе учредительнаго, является однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ разрушенія конституціонной церкви: самъ Грегуаръ былъ менѣе жестокъ. Позднѣе, какъ членъ конвента, въ безумные и кровавые дни, онъ засѣдалъ съ монтаньярами, подавалъ голосъ за смерть короля, поклонялся богинѣ Разума; онъ отправилъ на гильотину безчисленное количество жертвъ... его называли La Vertu!... Въ это же время онъ довершилъ свой позоръ торжественною измѣной своему священству. Этотъ разстрига влюбился въ пѣвицу театра Фаваръ, знаменитую Флорину, и женился на закулисной нимфѣ. Гобель, Сійесь, Шабо, священники и ренегаты, какъ и онъ, рукоплескали ему. О, времена, о нравы!...

«Восемнадцатаго брюмера, La Vertu, членъ совѣта пятисотъ и отвратительный фругидористъ, предложилъ свои услуги Бонапарту; корсиканецъ не отвергъ подобнаго помощника. Бенаръ сдѣлался трибуномъ и скоро ему предложили сенаторское кресло въ награду за его заслуги. Бывшій санкюлотъ надѣваетъ шелковые

панталоны, La Vertu получает графскій титулъ и ex-нимфа Флорина имѣеть прїѣздъ ко двору!... Но Господь справедливъ.

«15 іюня 1810 года мы слышимъ о внезапной кончинѣ имперскаго сенатора. Ужасный скандалъ: несчастный, доведенный до отчаянія публичнымъ распутствомъ жены, лишилъ себя жизни! Еще одинъ изъ нашихъ якобинцевъ предсталъ на судъ Божій!... Они почіуютъ отъ своихъ трудовъ и дѣла ихъ слѣдуютъ за ними.

«Жозефъ Бенаръ оставилъ сына... бѣдное дитя!»

Этотъ сынъ, объявленный въ императорской газетѣ «достойнымъ наслѣдникомъ родительскихъ добродѣтелей», былъ графъ Бенаръ, впоследствии членъ государственнаго совѣта, командоръ ордена Почетнаго Легіона.

Его звали Брутомъ, такъ какъ онъ родился 5 фримера III года и мѣстнымъ отцомъ его былъ Лаканаль, второй гражданинъ La Vertu. Молодость его прошла въ тяжелой борьбѣ съ жизнью. Его мать, женщина такая же расточительная, какъ и безнравственная, умерла въ первые годы реставраціи, оставивъ сына безъ всякихъ средствъ. Въ эти годы дикой реакціи, въ дни страшнаго террора и превотальнаго суда, сынъ цареубійцы почувствовалъ, какъ тяжело нести имя отца; но изъ гордости онъ принялъ эту тяжесть. Древней аристократіи герцоговъ и маркизовъ, возвратившихся изъ эмиграціи, онъ съ наслажденіемъ, точно вызовъ, бросилъ свой имперскій титулъ: графъ Брутъ Бенаръ. Его осмѣяли и характеръ его омрачился... А, между тѣмъ, этотъ экзальтированный бонапартистъ былъ бы у мѣста среди святошъ, сторонниковъ «свѣтской конгрегациі» и другихъ приверженцевъ «миссіонерскаго креста». Никогда онъ не принималъ участія въ «вентахъ» карбонаріевъ, никогда не кричалъ: «долой іезуитовъ!»—такъ влекло его къ «черному челу». Его душа была тогда уже полна страннаго мистицизма; онъ вѣрилъ, горячо вѣрилъ: священникъ Жозефъ Бенаръ, отступившій отъ Христа, далъ жизнь экзальтированному католику.

Приписавшись къ парижскому суду, молодой адвокатъ рано приобрѣлъ блестящую извѣстность. Въ тридцать два года его называли чуть не соперникомъ Дюпена, Одилона Барро и Шедетанжа, хотя онъ былъ далеко не такъ богатъ, какъ эти защитники бѣдноты. Но впоследствии этотъ либераль уже не охотно защищаетъ либераловъ, и громкіе процессы какого-нибудь Поля-Луи или Веранже оставляютъ его равнодушнымъ и вызываютъ презрѣніе. Наглость палаты, уличные беспорядки, глухой шумъ близкой революціи не нравились ему. Изъ всей революціи онъ любилъ только разрушителя—Наполеона.

Послѣдующее министерство назначило Брута Бенара адъюнктомъ суда департамента Сены и съ тѣхъ поръ быстро идетъ его повышение; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ надѣлъ черную тогу, пурпуровую мантию съ горностаевымъ мѣхомъ: онъ сдѣлался неутомимымъ и безсмѣннымъ прокуроромъ. Опытный юристъ, краснорѣчивый ораторъ, суровый и въ высшей степени честный, прославившійся независимостью характера, онъ былъ страшнымъ обвинителемъ. Въ сынѣ священника, бывшего члена конвента, соединилось вмѣстѣ что-то террористское и инвизиторское. Полный фанатизмъ католикъ считалъ личными своими врагами враговъ своего Бога. Можетъ быть, сынъ хотѣлъ искупить атеизмъ отца, а, можетъ быть, онъ надѣялся, что заслуги его зачтутся бѣдной душѣ, страдающей въ чистилищѣ. Строгий къ чужимъ слабостямъ, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ ихъ, этотъ суровый гонитель людей обладалъ сердцемъ такимъ же неумолимымъ, какъ лезвіе гильотины, которую онъ однажды во время засѣданій называлъ «последнею моралью Франціи». «Оправданіе преступника, — любилъ онъ повторять, — есть осужденіе его судей!»

Правительство 1848 года застало Бенара генераль-прокуроромъ и, несмотря на его вызывающее поведеніе, не посмѣло его коснуться; въ декабрѣ 1851 г. онъ занималъ то же мѣсто.

Какимъ радостнымъ крикомъ привѣтствовала этотъ мистикъ извѣстіе о государственномъ переворотѣ! Какъ онъ рукоплескалъ уничтоженію республики, «убіенію звѣря, взрожденнаго богохульствомъ», какъ онъ выражался! Между тѣмъ, югъ волновался; въ департаментахъ Вара и устьеви Роны свирѣпствовала жакерія; итальянскіе изгнанники сражались среди возставшихъ: начиналась космополитическая революція. Приняты были крутыя мѣры. Всѣ зачинщики были преданы генераль-прокуроромъ суду смѣшанныхъ комиссій; онъ направилъ противъ нихъ свое ожесточенное краснорѣчіе. Благодаря ему, Ламбесса и гнилая Гвіана наполнились ссыльными, — по тогдашнему выраженію, онъ колонизовалъ владѣнща; людей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ предалъ военному суду, т.-е. прямо приговорилъ къ смерти.

Множество народа было разстрѣляно, даже одного несчастнаго итальянца, раненаго только пулями перваго взвода, разстрѣляли вторично. Въ этомъ плачевномъ событіи самъ генераль-прокуроръ отдавалъ приказанія и настоятельно требовалъ вторичной казни: кровь несчастнаго Савелли дѣйствительно обагрила руки Брута Бенара. За то побужденные 1851 года ненавидѣли безжалостнаго поставщика на эшафоты. «Вотъ идетъ бѣлый живо

дѣль, — шептало населеніе въ дни официальныхъ торжествъ при видѣ блѣднаго старика въ красной мантіи.

Такое усердіе требовало вознагражденія: въ день наступленія 1854 года прокуроръ смѣшанныхъ комиссій сдѣлался членомъ государственнаго совѣта.

Министры новой имперіи надѣялись, вѣроятно, найти въ немъ сторонника; они ошиблись и скоро узнали, какого человѣка посадили себѣ на шею. Вскорѣ послѣ его назначенія государственный совѣтъ обсуждалъ уставъ одного финансоваго общества, предпріятія въ высшей степени подозрительнаго: дѣло шло объ утвержденіи монополіи. Высокопоставленная особа, весьма близкая ко двору, берущая и дающая взятки, статсъ-секретарь, тайно проводилъ этотъ проектъ; не было сомнѣнія, что онъ получилъ за это взятку. Правительственное давленіе было сильно и совѣтъ, несмотря на свое неудовольствіе, хотѣлъ уже утвердить уставъ, когда вдругъ поднялся Бенаръ.

— Я двадцать четыре года практикую, какъ юристъ, — воскликнулъ онъ, — но до сихъ поръ еще не зналъ, до чего можетъ дойти общественное мошенничество!

— Милостивый государь, — возразилъ ему президентъ Барошъ, — это собраніе никогда еще не слыхало подобныхъ выраженій.

— Пусть теперь послушаетъ, — отвѣтилъ графъ и продолжалъ свою рѣчь.

Проектъ концессіи былъ отвергнутъ.

Взбѣшенный скандаломъ, министръ побѣждалъ жаловаться къ императору, который вскорѣ потребовалъ къ себѣ слишкомъ независимаго обличителя.

Защита графа Бенара была коротка и суха.

— Ваше величество призвали меня въ совѣтъ... чтобы совѣтовать, я полагаю, а не для того только, чтобы одобрять.

Затѣмъ, когда разговоръ порешель на общую почву, онъ сказалъ еще:

— Государь, Богъ прощаетъ политическое преступленіе, если оно необходимо для блага страны; бесполезное же преступленіе становится вдвойнѣ преступнымъ.

Можетъ быть, онъ намекалъ на дѣло втораго декабря, а, можетъ быть, на собственную исторію, на казнь Савелли. Наполеонъ III закрутилъ свой усъ и молча, улыбаясь, согласился съ графомъ Брутомъ.

Графъ Брутъ Бенаръ вошелъ въ милость къ своему недвѣрчи-

вому государю; но съ этого же дня министры въ глубинѣ души возненавидѣли непреклоннаго обличителя.

Онъ былъ въ то время уже сѣдой и сторбленный старикъ съ красивою головою, длинными волосами, отгнутыми назадъ, и полными огня глазами. Похоронивъ жену, онъ жилъ съ сыномъ Марселемъ и дочерью Маріей-Анной въ маленькомъ отелѣ, въ предмѣстьи Бретейя, доставшемся ему въ приданое за женою, гдѣ, утомленный жизнью, онъ надѣялся отдохнуть отъ столькихъ волненій.

Свое жалованье онъ ежегодно дѣлилъ на три части: одну жертвовалъ обществу св. Винцента де-Поль, членомъ котораго онъ состоялъ; другую тайно разсылалъ бѣднымъ семьямъ преступниковъ, которыхъ онъ когда-то преслѣдовалъ и казнилъ; третья — менѣе восьми тысячъ франковъ — должна была удовлетворять его потребности. Отдавъ дѣтямъ увеличенное имъ состояніе матери, онъ отказался жить въ первомъ этажѣ ихъ отеля и занялъ наверху двѣ комнаты: маленькую, унылую каморку, съ желѣзною кроватью, нѣсколькими соломенными стульями, стариннымъ кресломъ и наложивъ съ распятіемъ янсенистовъ, и скромную гостиную. Здѣсь находилось другое распятіе, множество книгъ и рояль, на которомъ въ зимніе вечера играла его дочь. Изъ желанія ли умерщвлять свою плоть, или исполняя данный обѣтъ, старикъ жилъ очень скромно, но онъ гордился своею скромностью. Въ то время, какъ сынъ его, виконтъ, посѣтитель будуаровъ и Café Anglais, держалъ лакеевъ и экипажи, онъ довольствовался услугами одной старой служанки, Филомены.

Дни государственнаго совѣтника проходили въ неустанномъ трудѣ. Вставалъ онъ ежедневно, зимой и лѣтомъ, въ пять часовъ и тотчасъ же садился за письменный столъ. Въ семь часовъ отправлялся къ ранней обѣднѣ въ часовню св. Валеріи и оставался тамъ долго, погруженный въ молитву, доходящую до экстаза. Возвратившись домой, онъ садился опять за работу и спускался внизъ только къ завтраку. Онъ цѣловалъ дочь, разговаривалъ немного съ сыномъ, съѣдалъ за нихъ столомъ свой завтракъ и уходилъ въ совѣтъ, къ своимъ обязанностямъ.

Исполнялъ онъ эти обязанности съ неумолимою суровостью фанатика, желающаго угодить только себѣ. Товарищи не любили его, но уважали. Въ законодательномъ отдѣленіи выслушивали его мнѣніе, въ общемъ собраніи восторгались его рѣчами. Въ свѣтскихъ кружкахъ сначала испугались монашескаго образа жизни этого мизантропа, но скоро оставили въ покоѣ странное существо, стронившееся отъ всѣхъ. Приглашенія на балы и концерты какъ

Будто не доходили до графа Бенара и, за исключеніем нѣкоторыхъ обязательныхъ министерскихъ обѣдовъ, онъ никуда не ѣздилъ. Всѣ вечера онъ проводилъ въ обществѣ дочери, болѣзненной и слабой дѣвушки. «Ну, милочка, ты моя опера, я слушаю», и онъ садился въ кресло и до часа ночи искалъ въ звукахъ чуднаго голоса дочери успокоенія и отдыха.

За то на нелюдиимаго старика сыпались разныя остроты: имперская знать охотно подсмѣивалась надъ странностями «господина Брута», какъ его фамиллярно звали. Въ совѣтѣ это суровое имя служило предметомъ ѣдкихъ наемѣшекъ молодыхъ аудиторомъ; даже какой-то рекетмейстеръ направилъ на него въ латинскихъ стихахъ эпиграмму, болѣе наполненную, впрочемъ, пентаметрами, чѣмъ остротами:

«Древній Брутъ осудилъ когда-то на смерть своего сына за то, что онъ слишкомъ любилъ этрусскихъ дамъ, а ты, современный Брутъ, что сдѣлаешь ты съ своимъ сыномъ?»

Шутка была, конечно, глупая; тѣмъ не менѣе, министръ, заставивъ ее перевести себѣ, нашелъ ее очень изящной и прелестной.

Такъ доживалъ послѣдній періодъ жизни разбитый старикъ, съ каждымъ днемъ приближаясь къ недалекой уже цѣли — къ смерти.

IV.

Пробило восемь часовъ и свѣтъ ноябрьскаго снѣжнаго утра озарилъ монашескую келью графа Бенара. Въ рабочемъ кабинетѣ у камина, въ которомъ тлѣло нѣсколько головней, сидѣлъ совѣтникъ и разговаривалъ съ дочерью.

Въ этотъ день онъ проснулся еще мрачнѣе обыкновеннаго, а, между тѣмъ, въ этотъ день, 25 ноября—5 фримера по республиканскому стилю, они семейно праздновали день его рожденія. Маріа-Анна съ разсвѣтомъ принесла въ комнату отца корзину цвѣтовъ; поджидали прихода Марсея, но напрасно. Послѣ нѣсколькихъ минутъ болтовни молодая дѣвушка спустилась въ комнату брата и сейчасъ же вернулась, блѣдная и встревоженная.

— О, Боже мой! Комната пуста, кровать не смята даже!... Съ нимъ случилось несчастіе!

Но старикъ пожалъ плечами и горе, давно причиняемое ему Марселемъ, вылилось изъ сердца въ горькихъ словахъ:

— Вотъ они, сыновья нашей буржуазіи! Ни къ чему не годятся! Они въ тысячу разъ виновнѣе развратниковъ древней аристо-

вратія! И мы должны покровительствовать этому! О, издыхающее и осужденное общество!... Дитя мое, поидежь молиться Богу.

Въ девять часовъ, возвратившись домой, отецъ и дочь очутились опять одни въ библіотекѣ. Отъ Марселя не было ни писемъ, ни телеграммы.

— У меня сердце болитъ сегодня, — сказала графъ Бенаръ. — Спою, милая, убаюкаю мою грусть!

У Маріи-Анны глаза были полны слезъ; но она покорно съѣла за рояль и скоро раздался ей прекрасный симпатичный голосъ mezzo-сопрано. Она выбрала нѣсколько звучныхъ арій старыхъ французскихъ композиторовъ, Далеирака и Мевля; но раздраженный жестъ отца рѣзко остановилъ ее: очевидно, старинный репертуаръ театра Фавара и дивы Флорины не нравились ему.

— Нѣтъ, не эти глупости!... Спою лучше пѣсню врихи.

— Пѣсню, которую мы слышали въ Одьернѣ? — спросила дочь, блѣднѣя. — Я, право, не знаю, помню ли я ее, и боюсь...

— Ничего. Попробуй... Я слушаю.

Марія-Анна запѣла грустную пѣсню на мотивъ народной баллады, которую она слышала въ Бретани на берегу голубаго залива, подъ стоны елей и немолчный ревъ волнъ. Эту пѣсню ее братъ перевелъ стихами, тяжелыми, нескладными стихами дилетанта, почти безъ рѣимы, но, все-таки, полными наивнаго и глубокаго чувства.

Сидя въ креслѣ, графъ Бенаръ слушалъ, закрывъ глаза. Иногда, когда страстная нота звучала громче, онъ открывалъ глаза и устремлялъ ихъ на дочь.

— Совершенно голосъ матери! — тихо шепталъ онъ. — О, Боже мой!

Маріи-Аннѣ было двадцать два года. Она была очень некрасива к, повидимому, страдала отъ этого; обычное выраженіе ея лица показывало, что она не совсѣмъ примирилась со своею участью. Сутулая спина, голова, ушедшая въ плечи, дѣлали ее почти горбатой; на блѣдномъ, худомъ лицѣ выдѣлялись большіе голубые глаза; приглаженные на вискахъ волосы казались выпцвѣтшими, полинявшими. Въ туалетѣ она придерживалась большой строгости: ея коричневое шелковое платье безъ всякихъ украшеній падало неграціозными складками и тюлевый шарфъ окутывалъ шею, скрывая, можетъ быть, какой-нибудь шрамъ. Все въ этой дѣвушкѣ показывало малокровіе и болѣзненность.

— Довольно, милая! — прервалъ ее графъ Бенаръ, удивленный экзальтаціей пѣвицы. — Какъ ты блѣдна сегодня! Ты больна?

— Какъ всегда, отецъ... менѣ чѣмъ всегда, потому что сегодня ваше рожденіе.

— Скука гнететъ тебя, милое дитя; я бы хотѣлъ, чтобы ты развлекалась немного.

— Развлекалась?—повторила она съ горькою улыбкой.

— Тебѣ слѣдовало поѣхать вчера съ братомъ на балъ въ Тюльери.

Браска залила лицо несчастной дѣвушки.

— О, отецъ!... Это жестоко!... — произнесла Марія-Анна, вставая и дѣлая нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

Теперь можно было видѣть, что мадемуазель Бенаръ, некрасивая, болѣзненная, была, кромѣ того, калѣка, — она хромала. Старикъ бросился къ ней и обнялъ ее.

— Прости... о, прости... моя дорогая!

И онъ страстно сжималъ въ объятіяхъ несчастную дѣвушку, ласково говорившую ему:

— О, отецъ! Даже, если бы Богъ создалъ несчастную Марію-Анну такой же, какъ всѣ остальные женщины, то и тогда она не измѣнила бы своей жизни. Какъ вы живете, такъ и я хочу жить!

Въ эту минуту дверь библіотеки отворилась и вошелъ Марсель.

Возвратившись за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, вибонтъ прошелъ сначала въ свою комнату, чтобы снять мундиръ и надѣть статское платье; онъ явился въ перчаткахъ, со шляпой въ рукѣ, готовый опять ѣхать. Графъ Бенаръ однимъ взглядомъ выразилъ сыну свое недовольство; затѣмъ онъ сѣлъ, не произнеся ни слова. Марсель медленными шагами приблизился къ нему.

— Отецъ, извините, пожалуйста, мое отсутствіе въ такой день; но я не могъ вернуться ранѣе... Я дерусь сейчасъ на дуэли.

Старикъ вздрогнулъ, но сейчасъ же овладѣлъ собою и почти равнодушно произнесъ:

— Дуэль?... Поздравляю!... А изъ-за чего?

— Чтобы защитить мою честь... вашу, отецъ.

— Мою честь?...—графъ Бенаръ поднялся.—Мою честь, говорите вы?... Кто же посмѣлъ ее затронуть?

— Вчера на балѣ, во дворцѣ, одинъ нахалъ не побоялся назвать нашу семью «родомъ налачей». Онъ оскорбилъ такимъ образомъ моего дѣда, васъ, отецъ, насъ всѣхъ, наконецъ. Оскорбленіе было публично; публичнымъ былъ и отвѣтъ... Я далъ ему дощечину!

— И ты убьешь его?—воскликнула Марія-Анна, содрогаясь.

Графъ Бенаръ, блѣдный, съ любовью смотрѣлъ теперь на сына. Его Марсель... такой же легкомысленный, какъ другіе... даже болѣе, чѣмъ другіе, увы... но благородный и полный отваги... Старикъ протянулъ ему руку.

— Ты хорошо поступилъ, сынъ мой! Охраненіе чести—одна изъ нравственныхъ обязанностей, возложенныхъ Богомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ дуэль законна; она охрана добраго имени и здѣсь свѣтъ правъ вопреки закону... Имя оскорбителя?

— Какой-то князь де-Карпенья.

— Итальянецъ... Все объясняется... Какихъ онъ лѣтъ?

Сынъ наблюдалъ за отцомъ: выраженіе его лица испугало Марселя. Онъ угадывалъ глухую злобу, влоковавшую въ сердцѣ старика, а, можетъ быть, и тайное желаніе потребовать самому удовлетворенія. Сынъ счелъ своимъ долгомъ обмануть его.

— Какихъ лѣтъ?... Да приблизительно моихъ. Простая ссора молодыхъ людей.

— Но, вѣдь, дѣло дошло до оскорбленія дѣйствіемъ.

— Ба!—весело произнесъ Марсель.—Немного погорячились и, какъ говорятъ въ водевиляхъ, «слишкомъ грубо пригласили на завтракъ».

— Ты обманываешь меня... Какія условія дуэли?

— Забавныя!... Настоящая шутка!... Стрѣляться на двадцати пяти шагахъ.

— Ты хорошо владѣешь пистолетомъ, я знаю... Кто твои секунданты?

— Мой другъ Гравенуаръ и баронъ Ла-Шене.

— Я предпочелъ бы другихъ... Гдѣ условились драться?

— Въ Вокрессонѣ, въ паркѣ Гравенуара.

— Хорошо!... Я ѣду съ тобой.

Молодой человѣкъ протянулъ руку, точно загоразивая отцу дорогу.

— Нѣтъ, умоляю васъ, нѣтъ!... Вы поставите меня въ смѣшное положеніе!

Смѣшное положеніе!... Графъ Бенаръ опустился на кресло, теряя сознание: ноги его подкосились, кровь стучала въ вискахъ, сердце сжималось, онъ задыхался. Но онъ сдѣлалъ надъ собою энергическое усиліе и оправился; онъ даже нашелъ силы улыбнуться.

— Вотъ жестокое слово, сынъ мой!... Хорошо, я останусь. Я не хочу ставить тебя въ смѣшное положеніе.

Тяжелое молчаніе послѣдовало за этимъ грустнымъ отвѣтомъ.

Первымъ заговорилъ Марсель, но на этотъ разъ торжественнымъ тономъ:

— Я иду драться, отецъ, и наказать оскорбителя. Могу я предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Вопросъ, Марсель? Я слушаю.

Молодой человекъ пристально смотрѣлъ на того, изъ-за любви къ кому онъ убьетъ... или будетъ убить, пожалуй, и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Отецъ, какое преступленіе совершилъ итальянецъ Савелли?

Бывшій прокуроръ не опустилъ глазъ подъ взглядомъ сына.

— Савелли?... Что ты хочешь знать?... Это слишкомъ хорошо известно всѣмъ!

— Нѣтъ, недостаточно!... Я былъ въ Парижѣ, далеко отъ васъ, когда совершалась эта плачевная исторія. Никогда вы не говорили мнѣ о ней; я знаю ее только по рассказамъ другихъ... лживымъ и полнымъ клеветы. Ради Бога, отецъ, скажите... Въ какомъ преступленіи виновенъ несчастный Савелли?

Графъ Бенаръ отвѣтилъ не сразу. Нѣсколько разъ онъ провелъ рукой по лбу и глазамъ, точно собирая разбросанныя воспоминашя и, наконецъ, выпрямился.⁶

— А! ты тоже сомнѣваешься, сынъ мой! Слушай... На слѣдующій день послѣ спасительнаго декабрьскаго переворота демагоги нашего юга возмутились. Шайки бунтовщиковъ точно разбойники врывались въ деревни, грабили дома, поджигали церкви... негодяи! Я былъ въ то время прокуроромъ и получилъ назначеніе предсѣдателя смѣшанной коммиссіи. Распоряженія изъ Парижа требовали усмиренія бунта, долгъ мой запрещалъ слабость: мнѣ приказывали усмирять... Среди шаякъ находились люди увлеченные: къ нимъ я былъ снисходителенъ; но большинство преступниковъ состояло изъ виновниковъ междуусобной войны, анархистовъ, враговъ общественнаго порядка, богохульниковъ, отрицающихъ вѣчные законы: съ ними я былъ неумолимъ... Одной изъ этихъ шаякъ предводительствовалъ какой-то Сципionъ Савелли, приверженецъ Мадзини, политическій изгнанникъ, за которымъ давно слѣдили. Лишенный родины, итальянецъ былъ однимъ изъ вожаковъ космополитической революціи. Подобно своимъ единомышленникамъ, онъ мечталъ объ уничтоженіи нашей Франціи: я разумѣю Францію монархическую и христіанскую, великую Францію нашихъ предковъ. Его схватили на баррикадѣ; онъ только что собственноручно убилъ двухъ нашихъ солдатъ. Офи-

церь, командовавший отрядомъ, приказалъ разстрѣлять плѣнника; но онъ оправился отъ своихъ ранъ... Тогда...

Брутъ Бенаръ остановился; можетъ быть, онъ не рѣшался договорить.

— Тогда его разстрѣляли вторично! — прошепталъ Марсель, опуская голову.

— Да, вторично! — воскликнулъ бывший прокуроръ громкимъ голосомъ, — такъ какъ два раза онъ самъ былъ убійцей!... О, я знаю, я знаю: жизнь нашихъ солдатъ ничтожна... что она въ сравненіи съ драгоценнымъ существованіемъ почтенныхъ гражданъ? Пусть июньское возстаніе уничтожило бы цѣлую армию... Ура!... палачи!... А посмѣй тронуть одного изъ господъ революціонеровъ... Ужасъ! Они мученики!... Когда несчастный отрядъ дѣлается мишенью для пуль бунтовщиковъ: это хорошо!... А когда наши солдаты смѣютъ защищаться и отстрѣливаться: это подло!... Не таковы мои понятія о нравственности, и совѣсть у меня другая, чѣмъ у писаекъ памфлетистовъ... Сципіонъ Савелли былъ убійца, — его нужно было казнить. Онъ хотѣлъ низвергнуть нашу Францію — наша Франція должна была уничтожить его. Не прикасайтесь къ кивоту завѣта, — отъ этого умираютъ! Я примѣнилъ къ нему вѣчную логику, законъ возмездія... И я не раскаиваюсь въ этомъ.

— Разстрѣлянь два раза? — снова прошепталъ Марсель.

— Я могъ бы, какъ многіе другіе, — продолжалъ Брутъ Бенаръ, — разыграть комедію Пилата, омыть руки и сказать: военный судъ приговорилъ его; пусть онъ отвѣчаетъ!... Я не сдѣлаю этого. Я требовалъ приговора, я настаивалъ на казни: я, несомнѣнно, я казнилъ его!... О! они знаютъ это, братья и друзья, члены тайныхъ обществъ. Съ того дня ихъ ненависть обрушилась на меня: меня осыпали клеветами и оскорбленіями. Но что мнѣ до всего этого, когда совѣсть никогда меня не упрекала? Пять лѣтъ я сердцемъ моимъ припадаю къ Господу и ни разу Господь мнѣ не сказалъ: кровь человѣческая вопіетъ ко Мнѣ противъ тебя! Нѣтъ, помсти-нѣ, я ни въ чемъ не раскаиваюсь!

Онъ замолчалъ, но и сынъ также молчалъ. Протянувъ руку, старикъ взялъ распятіе, стоявшее на столѣ, и, протягивая его Марселю, произнесъ:

— Ты, — не отпирайся, — ты солгалъ. Ваша дуэль — дуэль на смерть; я чувствую это, я знаю. И не кончится этотъ день, а тотъ, кто носить мое имя, кому принадлежитъ моя любовь, мой сынъ, мой бѣдный сынъ, можетъ быть, погибнетъ за честь отца... И такъ, вотъ мой Господь, мой Судья, который осуждаетъ или прощаетъ

судей... смотри!... Я владу руку на крестъ и повторяю: я исполнилъ свой долгъ... я ни въ чемъ не раскаиваюсь!

Послѣ этой торжественной клятвы опять наступило молчаніе. Марсель Бенаръ медленно подошелъ къ отцу, опустился на колѣни, взялъ его руку и поцѣловалъ.

— Простите меня, отецъ... я тоже сомнѣвался.

Старикъ схватилъ голову сына и покрылъ ее поцѣлуями.

— Иди, мой сынъ, исполни твой долгъ, какъ я, по моему мнѣнію, исполнилъ свой долгъ передъ родиной!... И да судить меня Господь въ этотъ день!

Молодой человѣкъ поднялся съ блестящимъ взоромъ и радостнымъ лицомъ.

— Онъ насъ не судить, отецъ, и я возвращусь побѣдителемъ!... Теперь я оставляю васъ. Необходимо!...

Графъ Бенаръ проводилъ сына до двери, гдѣ долго прижималъ его къ груди:

— Ты знаешь, — говорилъ онъ, — если ты умрешь, умру и я.

Когда дверь затворилась, бѣдный графъ Брутъ, шатаясь, прислонился къ стѣнѣ; дрожь пробѣгала по его тѣлу, на лбу выступилъ потъ, потому все въ комнатѣ закружилось, завертѣлось передъ нимъ... сначала медленно... потомъ скорѣе... въ страшномъ вихрѣ...

— Савелли!... — проговорилъ онъ. — О, Савелли!

И онъ упалъ за-мертво.

У.

Марсель Бенаръ быстро сбѣжалъ уже двѣ-трети лѣстницы, когда услышалъ за собою умоляющій голосъ: то Марія - Анна догоняла его:

— Марсель!... Марсель!...

Голосъ ея былъ такъ полонъ слезъ, что молодой человѣкъ остановился, взволнованный. Марія-Анна догнала его и произнесла съ горькимъ упрекомъ:

— Ты ушелъ, даже не простившись со мною!

Марсель наклонился и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Не плачь, Маріонетта! Эта дуэль — настоящая забава! При томъ же, ты знаешь, что она не первая у меня и что я отлично стрѣляю, недаромъ меня считаютъ лучшимъ стрѣлкомъ Парижа. Я всажу въ него пулю; нахаль получить заслуженный урокъ и я вернусь къ обѣду съ отличнымъ аппетитомъ. Закажи что-нибудь вкусное къ вечеру.

Онъ говорилъ смѣясь, развязнымъ тономъ, какъ будто отпра-влялся на веселую прогулку; но губы его слегка подергивало. Не смотря на всю свою храбрость, бѣдный юноша чувствовалъ, вѣро-ятно, замираніе сердца... Придетъ онъ, или же принесутъ его?

— Марсель!... Марсель!... — повторяла Марія-Анна, не находя другихъ словъ.

Онъ еще разъ пожалъ руки сестры и бѣгомъ спустился съ лѣстницы. Передъ подъѣздомъ стояло ландо. Въ открытое окно Ма-рія-Анна видѣла двухъ мужчинъ, повидимому, секундантовъ бра-та. Дѣвушка сразу узнала ихъ, молодого Гравенуара, съ вьющеюся бородкой, и стараго барона Ла-Шене, съ вздернутымъ носомъ, длин-ными усами, нѣсколькими волосиками, прилизанными на вискахъ. Мужчины поклонились ей и Марсель вскочилъ въ быстро помчав-шуюся карету.

Дулъ сѣверный ноябрьскій вѣтеръ, рѣзкій и холодный, обры-вая съ деревьевъ послѣдніе засохшіе листья; свинцовыя тучи на-висли въ воздухъ и хлопья падающаго снѣга засыпали мостовую. Стоя неподвижно, съ непокрытою головой, Марія-Анна смотрѣла вслѣдъ удаляющемуся экипажу. Онъ давно уже скрылся, а Марія-Анна все еще смотрѣла. Голосъ служанки вывелъ ее изъ задум-чивосте.

— Васъ засыпало снѣгомъ, мадемуазель! Простудитесь!

Молодая дѣвушка встряхнула платье и, войдя въ отель, молча прошла въ свою комнату.

Комната Маріи-Анны, въ противоположность кельѣ, гдѣ нахо-дилось себѣ удовлетвореніе гордое смиреніе отца, была восхититель-на. Графъ Бенаръ самъ выбралъ обстановку для дочери: обои изъ голубаго плюша, мебель съ лазурными разводами и прелестную кровать, гдѣ, думалъ онъ, будетъ покоиться его любимое дитя. Онъ же наполнилъ ея крошечную бібліотеку душевнотельными книгами, поставилъ въ полумракѣ налож, у котораго каждое утро и вечеръ молодая дѣвушка молилась Богу. Бронильница изъ дымча-таго оникса, распятіе въ бархатной рамѣ, — все это были подарки отца, а на каминѣ стоялъ послѣдній его подарокъ: статуетка Бо-жіей Матери.

Марія-Анна вошла и глаза ея отвернулись отъ милосердаго Христа и отъ скорбной Божіей Матери. Дѣвушка съ трудомъ дота-щилась до окна, упала въ кресло около письменнаго стола и точно оцѣпенѣла. Взявъ, наконецъ, листъ бумаги, она взволнованно, краснѣя, начала писать:

«Моему отцу. Если Марсея убьютъ сегодня, я не переживу

его: я тоже умру. Я молю о милосердіи Христа и Пресвятую Дѣву; на колѣняхъ прошу прощенія у васъ, отецъ.

«Сознавая, что я для всѣхъ являлась предметомъ насмѣшекъ или отвращенія, я много страдала и не въ силахъ долѣе страдать. Я оставляю все мое состояніе въ пользу конгрегаціи Добраго Пастыря: мнѣ такъ нужны молитвы! Я...»

Она остановилась и выронила перо.

— Дрянная дѣвчонка!—воскликнула она.—О, дрянная, дрянная!—Она вскочила внѣ себя и бросила начатое письмо въ топившійся каминъ.

Тогда Марія-Анна подошла къ налою, взяла висѣвшія на стѣнѣ четки и начала молиться: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да...» Но она остановилась и, глядя на распятіе, продолжала:

— Ты создалъ меня некрасивой, калѣжкой, смѣшной... Тебѣ этого недостаточно. Въ сердцѣ уroda Ты, по великой благодати Своей, вложилъ еще подлое сердце... И я называю Тебя «Отче нашъ»!

Она продолжала перебирать четки: «Богородице, Дѣво, радуйся»...

— Довольно!—произнесла она, вставая.—Я не вѣрю... Развѣ я могу вѣрить?

Глаза ея блестяли, лицо приняло нехорошее выраженіе... Говоря это, она открыла книжный шкафъ. Тамъ на полкахъ стоялъ цѣлый рядъ душеспасительныхъ книжекъ. Она раздвинула ихъ, чтобы достать тщательно спрятанную сзади книгу, потихоньку взятую, вѣроятно, въ библіотекѣ графа Бенара. Смятыя во многихъ мѣстахъ страницы показывали, сколько разъ ихъ читали и перечитывали. Убѣдившись, что дверь заперта, Марія-Анна подошла къ окну, сѣла въ кресло, открыла наугадъ запретную книгу и начала читать: «Я замѣчалъ, что сестра теряетъ спокойствіе и здоровье. Она худѣетъ, глаза ея ввалились, походка сдѣлалась медленнѣе и голосъ ослабѣлъ. Разъ я засталъ ее въ слезахъ передъ распятіемъ. Свѣтскіе выѣзды, одиночество, мое присутствіе, мое отсутствіе, день, ночь,—все разстроивало ее. Невольные вздохи вылетали изъ ея груди. Она бралась за работу и бросала ее, открывала книгу и не могла читать, начинала фразу и не оканчивала, заливалась слезами и уходила молиться».

Марія-Анна прервала чтеніе; дрожь пробѣгала по ея тѣлу, красна выступила на лицѣ, голубоватые глаза, обрамленные темными кругами, странно блестяли.

— Да, это то!—прошептала она.—Да, это именно то!

Она закрыла книгу и просидѣла нѣсколько минутъ въ глубокой задумчивости.

— О, Боже мой! — произнесла она, наконецъ, сложивъ руки. — Боже мой! Боже, сжался!

Потомъ она опять взяла книгу, перевернула нѣсколько страницъ и начала опять читать:

«Жена, дѣти займутъ твои дни... И какая женщина не постарается сдѣлать тебя счастливымъ? Пылкость твоей души, твоя благородная внѣшность, твой гордый и нѣжный взглядъ, — все обезпечиваетъ тебѣ ея любовь.

«О! съ какимъ восторгомъ она заключитъ тебя въ свои объятія, прижметъ къ сердцу! Какъ всё ея взгляды, всё мысли будутъ обращены къ тебѣ, чтобы предупреждать малѣйшія неприятности! Она будетъ полна любви и нѣжной ласки; тебѣ будетъ казаться, что ты опять встрѣтилъ сестру...»

— Сестру!... О, нѣтъ! — воскликнула она съ бѣшенствомъ. — Нѣтъ! Лучше пусть остается такимъ, каковъ онъ есть... вѣтренный... ухаживающій за всѣми женщинами... чѣмъ видѣть, какъ онъ будетъ любить одну... и эта одна буду не я!

И вдругъ Марія-Анна, поднявъ глаза, увидала свое отраженіе въ зеркалѣ. Да, это была она, — она съ своимъ блѣднымъ лицомъ, отталкивающимъ безобразіемъ, съ вздернутымъ носомъ, широкимъ ртомъ, толстыми губами... Она увидала себя и размѣялась съ злобнымъ отчаяніемъ, отчего отражавшееся въ зеркалѣ лицо сдѣлалось еще отвратительнѣе.

— У Рене сестра была красивая и ее можно было любить, — прошептала несчастная. — А я?... О! во мнѣ течетъ кровь богоотступника, я — внучка священника-растриги и комедіантки!

Раздавшійся въ эту минуту нерѣшительный стукъ въ дверь заставилъ ее вздрогнуть; она бросила книгу подъ кресло и побѣжала отпирать.

— Идите скорѣе, мадемуазель! — воскликнула служанка графа Бенара. — Вашему отцу дурно!

В. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ.

(Повѣсть).

I.

Отецъ Дениса, Петръ Чехловъ, былъ настоящій, коренной русскій купецъ, въ которомъ безпрестанно чередовались чувства грѣха и блудливости, страхъ передъ Богомъ и непреодолимое влеченіе къ озорству.

Жизнь его проходила среди торговыхъ плутней и купеческаго вѣроломства, — тѣмъ онъ и нажился, ставши богатымъ лѣсопромышленникомъ; но, въ то же время, душа его въ нѣкоторые моменты полна была раскаянія за все содѣянное, а воображеніе безпрестанно рисовало ему ужасы ада. И всѣ эти чувства выражались въ немъ неукротимо, какъ у здоровеннаго дикаря. Мужчина онъ былъ огромный, съ краснымъ лицомъ, съ желѣзными нервами; крови въ немъ текло столько, что ея вполне достаточно было бы для двухъ десятковъ департаментскихъ чиновниковъ. Когда онъ шагалъ по полу, тряслась мебель, дребезжала посуда въ шкафахъ и гнулся полъ; когда онъ снималъ съ себя верхнее платье и оставался въ одной рубахѣ - косовороткѣ, то она, казалось, вотъ сейчасъ треснетъ на его гигатскомъ тѣлѣ, какъ папиросная бумага. Говорили ли онъ, смѣялся ли, ѣлъ или спалъ, — все это сопровождалось необычайными звуками. Завалившись послѣ обѣда спать, онъ оглашалъ домъ храпомъ и свистомъ, какой издаетъ паровикъ, когда выпускаетъ отработавшій паръ. Когда онъ просыпался и пролилъ квасу, голосъ его походилъ на рычаніе льва. Отъ времени до времени онъ приглашалъ фельдшера и «пускалъ кровь», — безъ этого ему и жить было бы нельзя. Но, однако, и послѣ кровопусканія здоровья его дѣвать было некуда. Зимой, бывало, напарившись въ банѣ до совершенной одури, онъ выбѣгалъ прямо на

воздухъ и батался по снѣгу, и снѣгъ таялъ вокругъ него, какъ отъ раскаленной желѣзной печки. Въ молодые годы онъ неоднократно, въ день Брещенія, прыгалъ въ проруби, не изъ религіознаго рвенія, а ради торжества. Изъ этого можно сообразить, въ какой мѣрѣ выражались его чувства.

Ежегодно онъ ѣздилъ въ Нижній на ярмарку и ежегодно устраивалъ тамъ генеральный дебошъ... Играла музыка, порхали ночныя бабочки, лилось рѣвкой вино. Но дальше что происходило, онъ уже обыкновенно не помнилъ. Только на утро, проснувшись, съ рычаньемъ, выходящимъ откуда-то изъ глубины утробы, онъ припоминалъ вчерашнее и сразу становился тихимъ и робкимъ.

— Василій!...— тихо звалъ онъ слугу.

Василій просовывалъ голову въ номеръ. А Петръ Чехловъ сконфуженно смотрѣлъ на него.

— Никакъ я вчерась напугалъ тутъ васъ?

— Да, ужъ было дѣло, Петръ Иванычъ... Очень вы разгорячились,—говорилъ слуга и съ укоризной смотрѣлъ на гиганта.

— Переложилъ малость... Ну, да ладно, давай счетъ...— робко, почти шепотомъ говорилъ Чехловъ.

— Счетъ готовъ, извольте!

Слуга при этомъ вынималъ изъ бокового кармана сюртука длинный листъ и, попрежнему, съ укоромъ смотрѣлъ. Петръ Чехловъ глядѣлъ на итогъ, въ которомъ красовались цифры 1,300 рублей.

— Что ужъ это больно много!—возразилъ онъ, но робко и не поднимая глазъ.

— Помилуйте, Петръ Иванычъ, даже еще мало-съ... Извольте сами припомнить: выловили всеё до чиста рыбу изъ акварія и велѣли сварить; а самый акварій расшибли... разъ?

Петръ Чехловъ со стыдомъ припомнилъ, что это дѣйствительно такъ и было.

— А послѣ того вы стали швырять бутылки въ канделябру и всё шесть лампъ съ пузырями окончательно перебили... два?

Петръ Чехловъ смутно припомнилъ, что и это было, и крикнулъ.

— Впослѣдствіи времени, когда вы провожали барышень съ лѣстницы, перилы раздомали... три?

— Перилы? Перилы-то зачѣмъ?—изумился самъ Чехловъ.

— Да Богъ васъ знаетъ!

— Да ты не врешь ли, братъ? Чтой-то ужъ больно мудрено чугунины перилы расшибить...—пытался возражать Петръ Чехловъ, но слуга сурово взглянулъ на него.

— Не вѣрите? А вы идите, да сами и поглядите, коли я вру! Были перилы и вѣту ихъ теперь!

И говоря это, слуга съ сердитымъ укоромъ смотрѣлъ на Петра Иваныча, а онъ сконфуженно смотрѣлъ на свои, еще необутыя ноги.

— Ну, ужъ ладно. Плачу.

— То-то и есть... А вы говорите: врешь! Бабы вы сами изволили сообразить, что вы вчерась...

— Да ужъ ладно, ладно!

— А после того занавѣси изгадили соусомъ изъ-подъ карася.

— Ну, будетъ, будетъ! Чего раскудахтался? Говорю, плачу. На, получай!

При этихъ словахъ Петръ Чехловъ торопливо отсчитывалъ требующую сумму съ надлежащею прибавкой слугѣ на чай и спѣшилъ выбраться изъ гостиницы. На лицѣ его выражались стыдъ и испугъ. Онъ радъ былъ, что деньгами развязался съ скандаломъ, но и послѣ расплаты за дебошъ долго не могъ успокоиться. Срамно было на душѣ; изъ глубины утробы отъ времени до времени выходили стонъ и рычанье.

— Э-эхъ!—рычалъ онъ, вспоминая, какъ валилъ перила.

Это-то ощущение срамоты и вызывало въ немъ другія, противоположныя чувства.

По нѣсколько разъ въ году бывали такіе дни.

Съ утра Петръ Чехловъ вставалъ какой-то тихій и грустный. Но всѣ домашніе уже знали, что на него нашло «божественное». Бога вспомнилъ. Дѣйствительно, не притрогиваясь къ чаю, онъ вдругъ говорилъ, ни къ кому не обращаясь:

— Иконы надо подымать!

Изъ домашнихъ никто, конечно, не возражалъ ему.

— Порѣшилъ я нынче молебень съ водосвятиемъ... Припасите, что тутъ нужно, а я пойду подымать...

Въ домѣ тотчасъ начиналась суета, чистка, мытье. Петръ Чехловъ шелъ за священниками въ церковь. Когда въ церкви все было готово, онъ съ нѣкоторыми изъ домашнихъ поднималъ иконы и несъ ихъ по улицамъ. Самъ онъ благоговѣнно держалъ образъ Божіей матери. На лицѣ его было смиреніе и мольба; въ головахъ его, вчера еще охришемъ отъ лая и божбы, теперь слышалось умиленіе. Тотъ гигантъ, вчера только разбойничавшій на лѣсной пристани, сегодня съ любовью и мольбой смотрѣлъ на ликъ Богородицы и дрожащимъ голосомъ пѣлъ: «Заступница усердная!» Чудовище, недавно еще разбивавшее трактиры, гроза прикащиковъ,

злой отецъ, жестокий мужъ, въ собственномъ домѣ стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и со слезами на глазахъ умолялъ о прощениіи... Во все продолженіе молебна онъ вглядывался въ ликъ «Мати Бога вышняго», какъ бы стараясь въ Ея взорѣ уловить тѣнь прощениа себѣ, окаянному. И къ концу молебна онъ чувствовалъ, осязательно видѣлъ, что вроткіе, прекрасные глаза милостиво обращены на него и прощаютъ мерзкія его дѣла. Весь сіяющій, съ непокрытою головой, онъ несъ тогда образа обратно въ церковь, раздавалъ милостыню всѣмъ нищимъ и убогимъ, тысячи жертвовалъ на богоугодныя дѣла и становился мягокъ и добръ даже съ домашними. Дѣтей ласкалъ, какъ умѣлъ, прикащиковъ и дворню отпускалъ гулять, жену не называлъ «чертовой перешницей». И даже нѣсколько дней спустя послѣ этого онъ чувствовалъ на себѣ вроткіе взоры чуднаго образа, и сердце его было полно смиренія.

Но проходило время, жизнь шла своимъ чередомъ и Петръ Чехловъ становился прежнимъ. Такъ и шла колесомъ его жизнь: сначала озорство по базарамъ и ярмаркамъ, потомъ ощущеніе срама; вслѣдъ затѣмъ разбой на лѣсномъ дворѣ и ужасъ передъ Богомъ, Котораго онъ представлялъ не иначе, какъ въ видѣ безконечно огромнаго и грознаго Чехлова.

Дѣтскія впечатлѣнія Дениса всѣ сосредоточивались на отцѣ. Крупная фигура отца все заслоняла. Съ самаго ранняго дѣтства всѣ самыя сильныя чувства вызывалъ въ немъ отецъ. Иначе не могло и быть. Петръ Чехловъ и самъ по себѣ былъ крупнымъ лицомъ, а по сравненію съ домашними особенно выдѣлялся; при этомъ весь строй большаго дома сосредоточивался на немъ. Отецъ одинъ жилъ, а прочіе только помогали ему жить. Два старшіе брата Дениса были прикащиками отца; мать являлась лишь безмолвною исполнительницей воли хозяина. Такимъ образомъ, отецъ положилъ неизгладимые слѣды на душу Дениса и, самъ не зная того, сталъ безпощаднымъ воспитателемъ его.

Тѣмъ болѣе, что мальчикъ и наружностью вышелъ въ отца; тѣ же некрасивыя, но крупныя черты лица, та же большая голова, то же желѣзное здоровье. Только ростомъ Денисъ не вышелъ; большая голова его съ широкимъ лицомъ сидѣла на низкомъ туловищѣ, которое поддерживалось толстыми, короткими ногами. За это школьники прозвали его «полѣномъ дровъ». Но, получивъ много чертъ отъ отца, какъ себялюбіе, врутое сердце, способность къ рѣзкимъ реакціямъ, онъ много имѣлъ и своего. Такъ, Петръ Чехловъ былъ человѣкъ общительный, любившій толпу и базаръ, а

Денисъ съ раннаго дѣтства поражалъ сосредоточенностью и склонностью къ одиночеству.

Эти черты современемъ еще болѣе въ немъ усилились. Въ семьѣ онъ занялъ исключительное положеніе. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ троихъ сыновей онъ одинъ былъ отданъ въ гимназію. Явилось ли это вслѣдствіе обычнаго самодурства отца, или у послѣдняго съ Денисомъ связанъ былъ какой-нибудь особенный расчетъ, только онъ непремѣнно желалъ сдѣлать изъ него «ученаго», какъ онъ называлъ всѣхъ людей, которые знаютъ нѣсколько больше грамоты. Два старшіе брата неотлучно находились при лѣсной торговлѣ, а Денисъ отданъ былъ въ гимназію. «Пушай будетъ докторомъ или мировымъ судьей», — говорилъ отецъ.

— Но ежели только ты, бестія ѡдакая, забудешь Бога и крестъ перестанешь носить, шкуру съ тебя спущу! — добавлялъ онъ подъ пьяную руку, подзывая къ себѣ Дениса.

Такимъ образомъ, одиночество, съ поступленіемъ въ гимназію, стало неизбѣжно для Дениса. Еще до школы онъ предпочиталъ играть одинъ. Присутствіе дѣтей его возраста раздражало его; очень смиренный вообще, онъ тогда становился злымъ, драчливымъ и буйнымъ. Съ поступленіемъ же въ гимназію онъ и отъ домашнихъ своихъ отдѣлился. Что у него осталось общаго съ ними? Отецъ едва умѣлъ нацарапать счетъ, сколько кому «атпущина бревнѣ», а онъ уже съ перваго класса заучивалъ какія-то мудренныя слова, которыя дико звучали подъ сводами купеческаго дома. Приготовивъ уроки, онъ угрюмо слонялся по этимъ комнатамъ и не зналъ, куда себя дѣть. Чаше всего онъ забивался въ такой уголокъ дома, куда рѣдко ступала человѣческая нога, и безконечно долго о чемъ-то думалъ. И сколько одинокому мальчику пришлось передумать наединѣ съ собой! Душа, оставленная въ одиночествѣ, дѣлается глубокой, но узкой; мысль, родившаяся въ пустынѣ и не встрѣтившая другой мысли, вырастаетъ оригинальною, но некрасивою, какъ безобразный колючій кактусъ; сердце, оторванное отъ другихъ сердець, каменѣетъ. Жизнь мальчика все болѣе и болѣе обособлялась отъ другихъ жизней и душевное развитіе его все рѣзче выдѣлялось и переходило на особый путь.

Онъ сталъ исключительно наблюдателемъ всего окружающаго, а не участникомъ его. Отсюда его необыкновенно высокое мнѣніе о себѣ и сознаніе ничтожества всѣхъ, кого онъ видѣлъ. Наблюденія его были тонкія, слишкомъ тонкія для дѣтскаго возраста. Въ школѣ онъ не находилъ товарища, съ которымъ ему пріятно было бы вести дружескія отношенія; ласки онъ холодно отклонялъ. Школь-

ники въ свою очередь платили ему жестокими насмѣшками. «Чехловъ! полюбно дровъ!» — дразнили его безпрестанно и развивали эту кличку съ жестокимъ остроуміемъ мальчишекъ. Денисъ отъ этого остроумія становился еще холоднѣе къ товарищамъ.

Иногда онъ находилъ временныхъ друзей, благодаря подаркамъ въ видѣ карандашей или булокъ, которые онъ могъ покупать съ излишкомъ. Но недѣтская наблюдательность его очень скоро отравила его дружбу. Онъ замѣтилъ, что когда у него были булки, у него были друзья, а когда не было булокъ, и друзей не было. Изошренная наблюдательность его, конечно, не останавливалась на одномъ этомъ фактѣ, а распространялась на все, что онъ видѣлъ; умъ же его, работавшій одиноко, дѣлалъ соответствующіе выводы, дурные выводы о дурныхъ сторонахъ людей... Обыкновенно принято называть тонкимъ наблюдателемъ того человѣка, который способенъ подмѣчать самыя незначительныя дурныя черты другого человѣка; было бы, конечно, справедливѣе считать тонкимъ наблюдателемъ того, кто умѣетъ открыть въ самомъ дурномъ человѣкѣ крупицу чести и добра. Вся мысль маленькаго Дениса была направлена на перваго рода наблюденія, потому что онъ росъ одиноко, безъ капли любви и участія съ чьей-нибудь стороны.

Кто еще могъ бы его любить? И кого онъ любилъ бы? Отца — ни въ какомъ случаѣ. Петръ Чехловъ былъ лѣсопромышленникомъ, купцомъ, отцомъ, хозяиномъ, но другомъ для дѣтей — никогда. Денисъ его или боялся, когда онъ былъ дома, или забывалъ, когда тотъ уѣзжалъ. Единственные случаи, когда мальчикъ могъ вести бесѣды съ отцомъ, падали на тѣ часы, когда послѣдній былъ пьянъ, — не до чортиковъ пьянъ, потому что пьяный до чортиковъ отецъ все крошилъ и громилъ въ дошѣ, а тагъ, навеселѣ. Денисъ тогда много говорилъ съ отцомъ, хотя не переставалъ наблюдать за нимъ, чтобы при первомъ подозрительномъ движеніи его дать тягу.

Иногда у Дениса являлась потребность приласкаться къ матери, и онъ подходилъ и ласкался, но черезъ короткое время съ грустью уходилъ прочь. На его ласки мать отвѣчала: «Ты, можетъ, хочешь вареньица вишневаго? А то покушай, я тебѣ дамъ, пирожка съ визигой...» Несчастливая женщина вѣчно чувствовала ужасъ жизни и, кромѣ ужаса, ничего не понимала, развѣ воть только жажду, да голодь, да сонъ. Въ испуганномъ сердцѣ ея не было мѣста любви.

А у мальчика была страшная потребность въ этой любви.

Часто на него находило такое состояніе, что онъ вдругъ начиналъ плакать безъ всякой причины, наединѣ съ собой. Никто его передъ тѣмъ не обидѣлъ, ничего не случилось, а онъ истерически рыдалъ. Нарыдавшись вдоволь, онъ нѣсколько дней ходилъ веселѣе, но потомъ его сердце опять начинало болѣть отъ невѣдомой тоски. Разъ въ такомъ состояніи онъ сталъ молиться и сразу почувствовалъ радость и восторгъ, какихъ онъ никогда не зналъ. Съ этого дня онъ часто сталъ молиться. Онъ уходилъ въ необитаемую комнату, куда никто не заглядывалъ, становился на колѣни передъ всеѣми забытою, запыленною иконой, на которой не видать было изображенія, и, обливаясь слезами, молился ей. О чемъ онъ плакалъ и почему молился, онъ въ первое время не зналъ. Онъ только чувствовалъ, что когда постоять на пыльномъ полу полутемной комнаты, изъ оконъ которой видѣлся только безлюдный дровяной дворъ, поплачетъ и помолится, тоска его проходитъ и онъ испытываетъ такое восторженное счастье, какого ни отъ чего другого онъ не испытывалъ.

Этотъ секретъ никому невѣдомаго счастья онъ открылъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ. И долго онъ пользовался имъ, скрывая его отъ всѣхъ. Онъ молился вмѣстѣ съ другими передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, въ церкви и на молебнахъ, но холодно и равнодушно. Наблюдая за другими, онъ видѣлъ, что и они въ это время молятся лѣниво, и не только лѣниво, но прямо-таки недобросовѣстно. Такъ, онъ подмѣтилъ, что многіе во время молитвы зѣваютъ до слезъ, прикрывая ротъ рукой, другіе клячутъ носомъ и если окончательно не дремлютъ, то только потому, что дѣвчочка вдругъ иногда рѣзко закричитъ... А онъ зналъ секретъ чудной молитвы. И когда онъ наблюдалъ недобросовѣстность людей и вспоминалъ свой секретъ, сердце его наполнялось вдругъ гордою радостью. Онъ былъ убѣжденъ, что одинъ знаетъ тайну молитвы въ полутемной комнатѣ съ пыльнымъ поломъ, передъ темнымъ образомъ, на которомъ неизвѣстно что было изображено.

Но пришла пора, когда и эта радость была отнята у него. Вѣрнѣе, онъ самъ у себя отнял ее. Это случилось благодаря все той же его недѣтской наблюдательности. Каждый шагъ свой онъ обдумывалъ, каждую мысль свою разлагалъ, а затѣмъ наблюдалъ, какъ дѣлаютъ то же самое другіе люди и какъ они думаютъ о той же вещи... Задумался онъ о своемъ секретѣ. Зачѣмъ онъ молится?—разъ спросилъ онъ себя, когда послѣ молитвы не почувствовалъ прежняго счастья. Сначала онъ ничего не могъ отвѣтить себѣ, но самый этотъ вопросъ заставилъ тоскливо сжаться

его маленькое сердце. А много подумавъ надъ этимъ, онъ замѣтилъ въ себѣ много новыхъ вещей. Прежде всего, онъ увидѣлъ, что молится не для Бога, а для себя; когда онъ молится, то непременно что-нибудь просить или благодарить за что-нибудь выпрошенное. А развѣ это не гадко?... Въ первомъ классѣ гимназіи онъ былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ; только одинъ предметъ не давался ему—математика. Онъ былъ такъ тушъ въ математику, что даже «камчадалы» сивялись надъ нимъ; учитель же, зная, что по другимъ предметамъ онъ учится въ первомъ ряду, усиленно нападалъ на него, пыталъ, мучилъ. «Чехловъ! вы опять урока не приготовили?»—чуть не каждый день говорилъ онъ. Чехловъ урокъ готовилъ, но не зналъ и вралъ. «За лѣность я опять вамъ ставлю единицу. Садитесь!»—говорилъ учитель. А сзади мальчуганы обыкновенно шептали рѣшмы: «Чехловъ! полѣно дровъ! Садись и не лѣнись!» Въ классѣ эта сцена обратилась въ привычку. Денисъ, обидчивый и самолюбивый, неслезанно мучился. Наконецъ, измученный и оскорбленный, онъ однажды со слезами обратился за помощью къ Богу, знакомъ котораго была черная безъ яснаго образа икона въ пустой комнатѣ. Обливаясь обидными, измученными слезами, онъ молился о томъ, чтобы Богъ далъ ему способности къ ариметикѣ и чтобы его не мучилъ учитель и мальчишки. И на другой день, учитель дѣйствительно въ первый разъ не издѣвался надъ нимъ и поставилъ ему четверку. Съ этого дня Денисъ каждый разъ наканунѣ урока ариметики молился, причемъ скромно просилъ себѣ хоть тройки. Потомъ онъ сталъ просить и другихъ вещей.

И вотъ теперь ему стало гадко отъ этого. Онъ думалъ и видѣлъ, что онъ любилъ не Бога, а себя, и молился не изъ любви къ Нему, а ради своей выгоды. Мучимый этими мыслями, онъ сталъ пытливо наблюдать за другими и убѣдился, что всѣ дѣлаютъ то же. Однажды онъ обратился за разъясненіемъ къ отцу.

Это было послѣ одного обѣда. Въ разсѣянности Денисъ забылъ помолиться на образа по окончаніи обѣда. Отецъ тотчасъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Эй, ты! емназистъ! что морду-то не перекрестишь?

Мальчикъ вздрогнулъ и сталъ креститься. Потомъ, когда отецъ остался одинъ, онъ подошелъ къ нему и, пытливо взглядываясь въ него, сказалъ:

— Я всегда молюсь, тятенька... Только не знаю, какъ молиться...

— Учи молитвы, коли не знаешь!—отвѣтилъ отецъ.

— А своими словами можно?

— И своими можно. А по книжкѣ на что же лучше! Лучше, какъ сказано въ молитвенникѣ, ничего, братъ, не выдумаешь, — возразилъ отецъ и широко зѣвнулъ.

— А нельзя такъ, чтобы любить Бога, но не молиться?

— Это какъ же такъ? Какъ же ты, дуракъ, не крестимши лба, Бога будешь любить?—крикнулъ отецъ строго.

— Тятенька, ты не бранись... Я только хочу спросить, зачѣмъ молятся Богу?... Не бранись, тятенька!—сказалъ со слезами на глазахъ Денисъ, но съ прежнею пытливостью.

— Какъ же ты этого не знаешь?—мягче заговорилъ отецъ.— Богъ все далъ, Онъ же, по своей волѣ, можетъ и взять все. По Его святой волѣ ты питаешься, одѣваешься, Онъ же можетъ и отнять у тебя хлѣбъ насущный. По Его волѣ ты родился, по Его же волѣ и волосъ съ головы твоей не упадетъ,—говорилъ отецъ догматически.

— Поэтому и молятся? Чтобы Онъ далъ хлѣбъ и все?—спросилъ Денисъ.

— Ни почему другому. И ежели Онъ далъ, то благодарить за милосердіе Его.

— И бояться поэтому же?

— И бояться.

— А если не бояться?—пытливо спросилъ Денисъ.

— А не будешь бояться, такъ ты, мерзавецъ, угодишь въ адъ!—сказалъ мрачно отецъ.

— Значить, молиться надо, чтобы Богъ далъ хлѣбъ и чтобы не быть въ аду?

— Молиться надо за все и на всякомъ мѣстѣ,—сказалъ отецъ и опять широко зѣвнулъ.

— Молиться—это значитъ просить что-нибудь?—продолжалъ допрашивать мальчикъ.

— Завсегда проси,—отвѣчалъ отецъ.

— Для себя?

— Не для одного себя. Молись за всѣхъ—и за отца, родителя твоего, и за мать, родительницу, и за братьевъ...

— Чтобы и вы не были въ аду?

— Ну, братъ, довольно глупъ ты еще для такихъ разговоровъ! Иди-ка лучше, по добру по здорову, пока въ затылокъ тебѣ не влетѣло! И мнѣ надо отдохнуть малость! — сказалъ отецъ, прервавъ бесѣду, и зѣвнулъ такъ, что затрепетали окна.

Денисъ угрюмо пошелъ прочь. Этотъ разговоръ не только не

разрѣшилъ его сомнѣній, но еще болѣе смутилъ его. Онъ наблюдалъ за всѣми окружающими и убѣждался, что они не любятъ Бога и молятся только потому, что нуждаются въ чемъ-нибудь. Объ отцѣ онъ ничего не думалъ. Но мать онъ наблюдалъ. И видѣлъ, что иногда, когда отецъ приходилъ пьяный и начиналъ буянить, она съ ужасомъ стоитъ на колыняхъ передъ иконой и молится, чтобы тятенька ее не побилъ. Старая нянька разъ молилась передъ иконой, потому что разбила глиняный тазъ, и просила, чтобы мамаша не ругала ее. Старый прикащикъ однажды сказалъ ему, что купилъ нечаянно гнилой лѣсъ и молилъ Бога, чтобы какъ-нибудь сбыть его съ рукъ; нарочно свѣчку поставилъ, чтобы сбыть его по хорошей цѣнѣ. И увѣренъ былъ, что Богъ поможетъ ему продать его...

— Ты гадкій!—закричалъ ему со злобой Денисъ и не хотѣлъ больше говорить съ нимъ.

Тяжкое сомнѣніе это сопровождало душу Дениса во весь отроческій возрастъ. Онъ продолжалъ въ извѣстные часы уходить въ таинственную комнату съ черною иконой и молился, попрежнему, горячо, со слезами. Но восторженной радости уже не было, потому что не было простоты. Онъ сталъ молиться не сердцемъ, а умомъ. Умъ разложилъ и эту тайну на мелкія части. Во время молитвы онъ наблюдалъ за собой, и не молился, а изучалъ, какъ надо молиться. Когда въ молитву вкрадывалась какая-нибудь просьба, онъ тотчасъ ловилъ себя на мѣстѣ преступленія, уличалъ и тутъ же просилъ Бога, чтобы Онъ простилъ его. Въ другое время онъ уличалъ себя, также на мѣстѣ преступленія, въ томъ, что слезы его нечестныя: ему совсѣмъ не хотѣлось плавать, а, между тѣмъ, онъ плакалъ, насильно выжимая воду изъ глазъ. И онъ принимался тутъ же молить о прощеніи этихъ нечестныхъ слезъ.

Въ концѣ-концовъ, ѣдкій умъ мальчика растравилъ эти счастливыя минуты. Онъ сталъ спрашивать себя, зачѣмъ онъ проситъ Бога простить ему? Значить, онъ боится наказанія? А если бы не было наказанія, то онъ и не просилъ бы прощенія? Значить, и молится не изъ любви къ Богу, а изъ страха? На молитвѣ ничего не надо просить; чтѣ бы ни просилъ, всегда просишь для себя, для своей выгоды. Если даже просить, чтобы Богъ сдѣлалъ добрымъ, — и это для себя.

Недужинный умъ мальчика сталъ создавать сотни хитросплетеній, метафизически-тонкихъ и острыхъ, но въ конецъ растравляющихъ его простое религіозное чувство. Онъ улавливалъ безжизненно малые моменты, изъ которыхъ состоитъ молитва его. Онъ,

напримѣръ, наблюдалъ за своимъ шепотомъ молитвенныхъ словъ; слѣдилъ, насколько ему лѣнь кланяться; видѣлъ, какъ ему непріятно пачкать руки объ полъ, густо покрытый пылью, и обо всемъ этомъ тутъ же думалъ, а потомъ тотчасъ же думалъ о томъ, что думалъ.

Немудрено, что первые юношескіе годы его ознаменовались какимъ-то жестокосердіемъ, которое всюду онъ сталъ проявлять. Прежде всего, онъ пересталъ молиться. Оборвалось это сразу. Однажды къ нему зашелъ товарищъ. Не найдя его въ комнатахъ, онъ спросилъ у матери, гдѣ его можно найти. Та не знала, гдѣ, между прочимъ, велѣла заглянуть въ ту комнату, которая служила для Дениса храмомъ.

— Онъ, можетъ, тамъ, погляди... Онъ любитъ тамъ сидѣть одинъ-одинѣшенекъ. Иной разъ часъ сидитъ, два сидитъ, а зачѣмъ—Богъ его знаетъ,—сказала мать.

Товарищъ пошелъ въ указанную комнату, широко распахнулъ ей дверь и вдругъ въ полумракѣ замѣтилъ Дениса стоящимъ на коленяхъ и что-то шепчущимъ, съ рукой, поднятой на молитву. Онъ улыбнулся. А Денисъ вскочилъ какъ ужаленный и весь красный. Ему такъ чего-то было стыдно, что онъ потомъ никогда не могъ безъ краски въ лицѣ вспомнить объ этой минутѣ.

Вотъ съ этого дня онъ больше ужъ никогда не ходилъ въ таинственную комнату, гдѣ былъ его храмъ, и когда спустя нѣкоторое время комнату эту обратили въ умывальную, онъ не только не оскорбился этимъ кощунствомъ, но даже какъ будто радъ былъ. И потомъ онъ не только не молился, но сталъ смѣяться и надъ тѣми, кто молился. Когда кто-нибудь изъ товарищей въ церкви, куда ходили гимназисты, принимался усердно креститься и кланяться, Денисъ съ злобнымъ торжествомъ издѣвался надъ нимъ. Ему даже стыдно было за того, кого онъ видѣлъ молящимся; онъ смотрѣлъ на такого и думалъ: и зачѣмъ онъ выказываетъ себя смѣшнымъ?

Самъ Денисъ въ эти годы пуще всего боялся быть смѣшнымъ. Во избѣжаніе этого, онъ сталъ самъ смѣяться. Раньше угрюмый и безотвѣтный, онъ теперь сдѣлался злымъ шутникомъ и убѣдился, что его начали бояться. Въ обществѣ онъ сталъ озорнымъ и драчливымъ, и изъ оскорбляемаго превратился въ оскорбителя. Онъ убѣдился опытнымъ путемъ, что всегда слѣдуетъ кулакъ держать наготовѣ, тогда будутъ уважать, и при первой надобности подставлять его къ носу оскорбителя, тогда будутъ любить. Занимался уроками онъ въ это время плохо, отличался неисправимою лѣнностью. Впрочемъ, его переводили изъ класса въ классъ,

ибо онъ никогда не отказывался отвѣчать урокъ, смѣло фантазируя свои отвѣты; каждый учитель, конечно, видѣлъ, что Чехловъ, вмѣсто отвѣта, храбро вретъ, но—такова сила смѣлости—ни одинъ изъ нихъ не рѣшался водружать ему колъ. Былъ, однако, одинъ предметъ, надъ которымъ въ это время Денисъ работалъ сознательно и съ увлеченіемъ, это—языкъ. Онъ сталъ читать много книгъ, какія только попадались, больше всего романы, и учился выражаться, какъ выражаются герои. Искусство говорить далось ему. Въ шестомъ классѣ онъ уже такъ красиво говорилъ, что изумлялъ не однихъ товарищей. Сначала это было книжное краснобайство, но подъ влияніемъ неумолкающаго ума языкъ его сталъ оригинальнымъ и гибкимъ, какъ вся его натура. Тѣмъ не менѣе, онъ пока не находилъ приложенія для своего искусства, а только щеголялъ имъ, самъ прислушиваясь къ словамъ своимъ. Во всемъ прочемъ онъ оставался лѣнтяемъ и ко всякой книгѣ, за исключеніемъ необязательныхъ, питалъ непреодолимое отвращеніе.

Въ седьмомъ и восьмомъ классѣ онъ нерѣдко и въ классѣ не являлся. Выходя утромъ изъ дома, онъ показывалъ всѣ видимости, что идетъ въ гимназію, но на самомъ дѣлѣ отправлялся шататься по городу. Посѣщалъ базары, слонялся въ уличной толпѣ или уходилъ на пристань рѣки и тамъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ уходятъ и приходятъ пароходы, какъ ихъ грузятъ, какъ пассажиры сѣзжаются. Словомъ, въ эти два года онъ сталъ записнымъ повѣсой и только опытный наблюдатель могъ бы открыть въ немъ присутствіе недюжиннаго человѣка.

Аттестата зрѣлости онъ, разумѣется, не получилъ—провалился по всѣмъ предметамъ. Какъ это отразилось бы на его самолюбивой натурѣ при обыкновенныхъ условіяхъ—трудно сказать, но въ это время въ его жизни совершилось событіе, затушевавшее его неудачу. Въ тѣ дни, когда онъ держалъ экзамены, внезапно, отъ удара, умеръ его отецъ. Въ семьѣ поднялся переполохъ, въ которомъ про Дениса всѣ забыли; такъ что когда онъ шелъ домой съ послѣдняго экзамена, онъ зналъ, что дома никто не полюбопытствуетъ, какъ его дѣла. Мать ходила потерянною и не знала, плакать ли ей о смерти «самого», или радоваться; старшіе братья приводили въ извѣстность дѣла отца и спорили о наслѣдствѣ. Денисъ во всемъ этомъ просто чувствовалъ себя лишнимъ, окончательно забытымъ и предоставленнымъ самому себѣ.

Все это лѣто онъ провелъ на улицѣ, по увеселительнымъ мѣстамъ и рѣдко показывался домой. Онъ немного безпокоился

насчетъ своей доли въ наслѣдствѣ, но ему лѣнь было спорить съ братьями, лѣнь и отчасти гадко. Поэтому онъ ни разу не свравился у братьевъ, какъ они намѣрены съ нимъ поступить. Братья сами вспомнили о немъ и, въ виду его явной оторванности отъ всей семьи, предложили немедленно же выдѣлить его. Назначенная ему сумма была такъ заманчива, что онъ и не подумалъ спросить, дѣйствительно ли это его доля. Онъ просто согласился на все. Деньги его положены были въ банкъ, а до совершеннолѣтія его мать назначили опекушкой.

— И больше ты къ намъ не имѣй никакихъ касательствъ! — сказали ему послѣ того братья.

— Зачѣмъ же! — возразилъ презрительно Денисъ, не любившій своихъ братьевъ.

— Ну, то-то же!... Возьми—и больше ничего.

На этожъ Денисъ и покончилъ съ своею семьей, бывшею все время чужой для него, а послѣ смерти отца, который механическою силой держалъ ее вмѣстѣ, стала совсѣмъ тягостной. Осенью онъ простился съ матерью и братьями и уѣхалъ въ одинъ изъ университетовъ, чтобы поступить вольнослушателемъ. Черезъ годъ онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ и окончательно освобожденъ. Деньги онъ положилъ въ частный банкъ, гдѣ ему легче было имѣть текущій счетъ и гдѣ проценты были вдвое больше.

Въ университетѣ, однако, продолжалось его одиночество, хотя по внѣшности онъ не выдѣлялся изъ остальной молодежи. Занимался онъ такъ же плохо, какъ и въ гимназій; не было предмета, который бы интересовалъ его. Наука была чужда складу его ума, и ея истины не казались ему ни великими, ни любопытными. Лекціи онъ слушалъ съ величайшею скугой.

Внѣ ученической жизни онъ оставался повѣсой. На него въ это время напала страсть щегольства. Онъ тщательно подбиралъ фасоны и цвѣта платья, чтобы добиться гармоніи въ своей негармонической фигурѣ; но дальше текущей моды изобрѣтательность его здѣсь не пошла. Штаны онъ носилъ самые узкіе, сапоги востроносые; сиреневыя перчатки и трость съ собачьей мордой довершали его костюмъ. И скоро это ему показалось пошлымъ и смѣшнымъ. Думая объ этомъ, онъ убѣдился, что страсть украшать свою наружность всегда оканчивается пошлымъ подражаніемъ; одни желаютъ только одѣваться такъ, «какъ всѣ», другіе стараются отличиться и превзойти всѣхъ великолѣпіемъ; но ни тѣмъ, ни другимъ никогда не удастся выполнить свои желанія; первые всегда находятъ людей, туалетъ которыхъ лучше

ихъ; вторые никогда не находятъ людей, которые одѣвались бы хуже ихъ. Однажды Чехловъ пытливо взглянулъ на себя въ зеркало и, къ ужасу своему, увидѣлъ, что онъ поразительно похожъ на всѣхъ и каждаго, что фигура его стала безличною и ничтожною.

Естатн сказать, въ это время онъ обдумалъ много тѣхъ мелочей, изъ которыхъ слагается жизнь, и открылъ множество пошлостей, незамѣтныхъ для обыкновенныхъ людей. При этомъ съ жизнью каждаго наблюдаемаго имъ человѣка онъ поступалъ такъ, какъ ребенокъ обращается съ куклой, — отрывалъ съ головы прилепленные волосы, стиралъ пальцемъ нарисованные глаза, отламывалъ пришитые носъ и уши и самую кукольную голову, и въ основѣ всего этого находилъ безформенную и безобразную тряпицу, набитую соромъ. Въ основаніи каждой жизни онъ неизмѣнно отрывалъ пошлую глупость или совершенную бессмыслицу.

Нѣсколько разъ онъ пробовалъ сойтись ближе съ товарищами-студентами и началъ было ходить на вечеринки и сходки. Но онъ не нашелъ для себя здѣсь ничего, чѣмъ бы можно было увлечься, что полюбить и чему отдать себя. Прежде всего, ядовитая мысль его отравила простоту юношескихъ отношеній и чувствъ, которыми одушевлялись товарищи; ни въ одномъ юношѣ онъ не замѣтилъ истинной жажды вѣры, — кровь бушуетъ, а разумъ молчитъ. И это еще лучшіе. Въ большинствѣ же онъ открывалъ явную неискренность. Молча наблюдая, онъ старался угадать будущее каждаго: вотъ этотъ, такъ горячо говорящій о братствѣ, завтра, навѣрное, предастъ... а этотъ, съ такимъ гордымъ взглядомъ проповѣдующій о непримиреніи со зломъ, черезъ нѣкоторое время будетъ купленъ за копѣйку... а вотъ этотъ, глядящій такими наивными голубыми глазами, непремѣнно будетъ прокуроромъ... Онъ смотрѣлъ на каждаго, думалъ и предсказывалъ, кого какая ждетъ судьба въ будущемъ и по какимъ ямамъ разсядутся всѣ эти молодые, чистые, взволнованные.

Во-вторыхъ, Денисъ просто не понималъ, о чемъ, въ сущности, говорятъ. Если бы кто-нибудь заговорилъ о себѣ и о томъ, что лежитъ у него на душѣ, это было бы понятно; но здѣсь думали и говорили обо всемъ, кромѣ себя самихъ. Денисъ, вѣчно занятый наблюденіями надъ глубиной собственной души, чувствовалъ себя чужимъ при разсужденіяхъ о какомъ-то «народѣ» (тогда какъ онъ думалъ только о человѣкѣ), о какихъ-то «общественныхъ задачахъ», — для него всѣ такія вещи казались не толь-

ко далекими и невозможными, но онъ просто не существовали для него. Вотъ если бы изучить человѣка, т.-е. себя, спуститься на дно своей души и посмотреть эти глубокія, подводныя тайны, это онъ понялъ бы и въ дѣлѣ такой огромной важности принялъ бы живое участіе. Здѣсь же ему скучно было и горячія юношескія рѣчи еще большій холодъ нагоняли на него. Онъ пересталъ ходить на вечеринки.

Среди этого холода прошла вся его юность. Онъ не находилъ, кого и что любить.

Въ этомъ возрастѣ люди увлекаются впервые любовью къ женщинѣ, но онъ и здѣсь остался только въ роли сосредоточеннаго на себѣ наблюдателя. Ни одна женщина не могла увлечь его или, вѣрнѣе, его собственное самолюбіе не было удовлетворено ни одною изъ нихъ; а тѣ, съ которыми онъ знакомился, принадлежали къ подонкамъ «женскаго сословія», изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что, въ сущности, всѣ женщины одинаковы.

И къ чему только ни прикасался онъ, все оказывалось пустымъ или отвратительнымъ. Были минуты, когда онъ съ наслажденіемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ разрабатывалъ картину смерти. Самоубійство было несвойственно его коренастой, здоровой натурѣ; по всей вѣроятности, рука его никогда не поднялась бы на самоуничтоженіе, именно потому, что и эта мускулистая рука, и все это здоровое тѣло любили жизнь и отказались бы повиноваться душѣ. Тѣмъ не менѣе, умъ его съ мельчайшими подробностями изучалъ и наблюдалъ смерть,—это было вродѣ того эстетическаго наслажденія, которое испытываютъ многіе, наблюдая на сценѣ кровавыя убійства.

Въ такомъ-то состояніи застало его вѣяніе одного нравственнаго ученія. Онъ его принялъ съ величайшею поспѣшностью, какъ будто это было его собственное, имъ самимъ созданное. Удивительное впечатлѣніе произвело оно на него! Онъ почувствовалъ себя такъ же, какъ человѣкъ, который, идя темною, беззвѣдною ночью по незнакомому мѣсту и ощущая невольный ужасъ посреди этого мрака, вдругъ поднимаетъ изъ-подъ ногъ палку; повидимому, ничего не случилось—та же беззвѣдная ночь, то же незнакомое мѣсто, то же зловѣщее молчаніе кругомъ, а, между тѣмъ, сжимая въ рукѣ поднятую палку, человѣкъ чувствуетъ внезапный приливъ бодрости и сердце его перестаетъ дрожать невольнымъ ночнымъ ужасомъ. Усвоивъ ученіе, Человъ сразу почувствовалъ въ себѣ небывалое мужество, увѣренность и силу; самъ признавая себя до этой минуты повѣсой, никому ненужнымъ и ничего незнающимъ, онъ

вдруг успокоился и гордо осматрѣлся кругомъ... Ученіе не явилось для него въ видѣ солнечнаго луча, освѣтившаго ночь, и не сдѣлало его умственно богаче; читая и обдумывая его, онъ не испытывалъ ни восторга, даваемого истиной, ни любви, доставляемой милымъ, дорогимъ предметомъ, — нѣтъ, онъ почувствовалъ въ себѣ только приливъ самоувѣренности и безстрашія передъ жизнью, которая была до сихъ поръ темна и холодна; такою она и послѣ того осталась у него, только теперь онъ запасся на всякій случай крѣпкимъ, внушительнымъ оружіемъ.

А любви, попрежнему, не знало его сердце.

II.

Съ полей только что сошелъ снѣгъ. Въ оврагѣ, рядомъ съ домомъ Хординыхъ, бушевала рѣчонка весеннимъ шумомъ. Отъ блѣднаго неба, по которому плыли бѣлесоватая тучки, вѣяло холодомъ; солнце, казалось, смотрѣло куда-то мимо, въ непредѣльную даль, и только изрѣдка, нехотя, бросало равнодушныя взгляды на землю. И земля лежала безцвѣтною и скучною. Повсюду на ней видѣлись только сѣрыя краски; голый лѣсъ безъ листьевъ, голыя поля съ бурю травой, рыжія пашни, — все это сливалось въ одно непредѣльно-хмурое пространство, въ которомъ взору не на чѣмъ остановиться.

Но Александра Яковлевна даже и въ такомъ видѣ любила природу. Когда мужъ и Буреевъ ушли съ собакой на охоту, а по хозяйству сдѣланы были всѣ распоряженія, она одѣлась въ теплое пальто и вышла изъ дому. Не любила она только гулять по торнымъ дорогамъ; повѣтому, минуя усадьбу и ея окрестности, она прямо пошла по краю оврага, чтобы добраться до глухой, дикой мѣстности, прозванной «разбойничьимъ гнѣздомъ».

Тамъ правильный лѣсъ съ стройными деревьями, который тянулся вдоль всего оврага, вдругъ переходилъ въ невообразимую путаницу разнообразныхъ породъ, плотно переплетающихся и давившихъ другъ друга; оврагъ вдругъ развѣтвлялся на нѣсколько глубокихъ и узкихъ корридоровъ, мѣстами причудливо изрытыхъ и голыхъ, мѣстами заросшихъ густою чащей лѣса; тамъ одни деревья поломаны были бурей, а другія въ безпорядкѣ валялись, загораживая своими трунами путь, третьи, росшія по откосамъ, торчали вершинами не кверху, какъ обыкновенно, а книзу, протягивая свои вѣтви до самаго дна овраговъ; съ лужаекъ, залитыхъ солнцемъ, тамъ внезапно можно было попасть въ темную

ищу, гдѣ пахнетъ затхлостью, какъ въ подземельи; въ тихую погоду тамъ стояла зловѣщая тишина, во время дождя—оглушительный ревъ бѣгущей воды; а лишь только начинался вѣтеръ — по всѣмъ темнымъ корридорамъ этого мѣста поднимался свистъ и вой. Для хозяина это было проклятое мѣсто, которымъ не только нельзя было воспользоваться, но къ которому и подступиться-то трудно; проклятымъ это мѣсто слыло и у мужиковъ, которые говорили, что тамъ *онъ* бросаетъ въ прохожихъ пнями... А попросту говоря, это заброшенное прежними владѣльцами мѣсто одичало и сдѣлалось своеобразно красивымъ.

Туда и направилась Александра Яковлевна. По дорогѣ она дѣлала букетъ изъ фіолетовыхъ анемоновъ, единственныхъ пока цвѣтовъ, которые цѣлыми семьями ютились по солнечнымъ лужайкамъ среди прошлогодней травы, или срывала древесныя почки и вдыхала въ себя ихъ рѣзкій ароматъ. Больше ничего не было вокругъ; насѣкомые еще не жужжали; изрѣдка выпорхнеть изъ-подъ куста какая-нибудь пташка и молча юркнуть въ другой кустъ. Лѣсъ стоялъ мертвый; покрытая темнымъ ковромъ прошлогодней травы земля не ожила еще. Александра Яковлевна скорымъ шагомъ прошла перелѣски и скоро очутилась въ любимомъ своемъ «разбойничьемъ гнѣздѣ». Выбравъ сухую лужайку, расположенную на раздѣлѣ двухъ овраговъ, она сѣла и съ наслажденіемъ прислушивалась къ разнообразнымъ звукамъ, раздававшимся кругомъ.

Картина мгновенно здѣсь измѣнялась. «Проклятое мѣсто» шумно праздновало возвращеніе весны и оглашало воздухъ сотнями живыхъ звуковъ; въ то время, какъ окрестные лѣса и поля мрачно еще молчали, какъ бы обдумывая какую-то мрачную задачу, предстоящую на страдное лѣто, это дикое мѣсто праздновало буйный и веселый пиръ. На днѣ разсѣлинъ гремѣли водопады и журчали ручьи; лѣсъ шелестѣлъ, распространяя вокругъ себя волны аромата распускающихся листьевъ; въ заросляхъ его то и дѣло раздавался какой-то трескъ; повсюду шныряли птицы, озабоченныя и, въ то же время, веселыя. Въ воздухѣ уже слышалось жужжанье мошекъ и комаровъ; муравьи хлопотали вокругъ своихъ городовъ, ремонтируя ихъ послѣ разрушительной зимы. Но надъ всѣмъ этимъ царилъ неопредѣленный гулъ, который нельзя было выдѣлить въ отчетливый звукъ, но который покрывалъ собою всѣ другіе звуки, какъ воздухъ покрываетъ собою всѣ предметы, это—эхо всего здѣсь звучащаго и отражаемаго крутыми стѣнами овраговъ.

Александра Яковлевна любила это мѣсто, въ особенности въ тѣ дни, когда жизнь усадьбы ужъ слишкомъ давила ее уныніемъ.

Она приходила сюда и раздумывалась о своей жизни под шум дикаго мѣста, которое однимъ своимъ дикимъ видомъ смягчало ея расходившіеся нервы. Такъ случилось и теперь. Усѣвшись въ свѣтлой, теплой лужайкѣ, она съ улыбкой вслушивалась въ разнообразныя звуки, которые раздавались около нея, и безъ горечи думала о вещахъ, въ другомъ мѣстѣ вызывавшихъ въ ней тяжелое раздраженіе. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ они съ мужемъ живутъ здѣсь, но она до сихъ поръ никакъ не можетъ понять, зачѣмъ именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ... Ежедневно въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ она просыпалась утромъ съ надеждой на что-то новое, которое нынче, вотъ въ этотъ наступающій день придетъ; но день проходилъ въ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, а ничего новаго не совершалось. Это новое, эта переменна жизни не рисовалась ей въ какой-нибудь опредѣленной формѣ; это была не мысль и не чувство, а какое-то смутное ощущеніе, которое не имѣло ни основаній, ни опредѣленнаго конца. Но, странное дѣло, только благодаря этому неосновательному ожиданію какой-то перемены въ своей жизни, она и могла прожить три темныхъ года. Безъ ожиданія этой смутной перемены она бы, вѣроятно, и жить не могла.

Но, призывая смутное будущее, она всѣми силами отталкивала отъ себя настоящее, текущее, потому что оно было невыносимо. Каждый вчерашній день непременно оскорблялъ одно изъ ея вѣрованій, издѣвался надъ ея честностью; каждый прошедшій день терзалъ ея душу и сердце. Сначала она закрывала глаза на все происходящее и пыталась забыть обиды, но этихъ обидъ стало такъ много совершаться и онѣ такъ исполосовали ея душу, что она больше не въ силахъ была хоронить ихъ въ себѣ. Она безпрестанно обдумывала ихъ, сознательно встрѣчала, и въ этой сознательности было единственное ея утѣшеніе. Она сознавала оскорбленія и всѣ неприятели жизни и довольна была, что хоть сознаетъ. Но не знала, какъ избавиться отъ нихъ.

Сейчасъ, сидя на лужайкѣ передъ живописнымъ «разбойничьимъ гнѣздомъ», она также думала о нихъ и сознавала. Взоръ ея блуждалъ по сторонамъ, слухъ воспринималъ всѣ звуки буйнаго мѣста, широко праздновавшаго рожденіе весны, но на ряду съ ощущеніями этого чуднаго уголка она мысленно работала надъ разборомъ своей жизни. Какая странная жизнь! Говорить одно, а дѣлать обратное, мыслить честно, а поступать подло, мысленно бороться со всякою неправдой, а въ своей жизни собственными руками под-

держивать эту неправду, думать обо всемъ на свѣтѣ и не уметь собственную жизнь устроить безупречно, носить въ душѣ золото и топтать его въ грязь своими же собственными ногами, возмущаться безчеловѣчною жестокостью, которая гдѣ-то тамъ, далеко, совершена, и хладнокровно присутствовать при безчеловѣчныхъ сценѣхъ... Неужели это со всѣми такъ? Какъ это происходитъ, что, зная отлично, какъ устроить жизнь миллионѣвъ, не уметь свою собственную жизнь облагородить?...

Вдругъ гдѣ-то близко въ глубинѣ одного изъ овраговъ раздался ружейный выстрѣлъ и эхомъ пронесся по всему «разбойничьему гнѣзду»; вслѣдъ затѣмъ послышалось характерное тявканье собаки, которая увѣрена въ близкомъ присутствіи птицы, но никакъ не можетъ отыскать ея засаду; потомъ слышались голоса.

Александра Яковлевна поспѣшно встала и оглядывалась вокругъ съ нахмуреннымъ лицомъ. «Неужели онъ сюда зашелъ охотиться?»—подумала она, и когда среди шума уловила знакомый голосъ, то быстро пошла въ обратную отъ мѣста выстрѣла сторону. Здѣсь ей непріятно было встрѣчаться съ мужемъ; почему, она не спрашивала себя, но только торопилась уйти.

И, быстро удаляясь отъ «разбойничьяго гнѣзда», она задумалась о мужѣ; мысли ея исключительно стали вертѣться около него. Онъ былъ заколдованнымъ кругомъ для нея; о чемъ бы она ни задумалась, непременно кончить мужемъ. И тогда въ душѣ ея подлипаются мысли одна другой тяжелѣе. Даже наружность его стала вызывать въ ней непріятныя мысли, хотя еще недавно она съ негодованіемъ отвергла бы обвиненіе въ пристрастіи къ наружной красотѣ... Онъ облысѣлъ еще больше, хотя таковой молодой, а на лицѣ его появилась какая-то плоская сытость, щеки отдулись, губы стали краснѣе и жирнѣе... все его лицо стало плоскимъ... Знаете, наружность человѣка много говоритъ! Если внутри человѣка бьются живыя струи мысли, чувства, фантазіи, это сейчасъ же отражается на формѣ его лица; когда же все это почему-либо умираетъ, изжвѣняется мгновенно и форма лица, точно огурецъ, внутренность котораго окисла и сгнила, лицо дѣлается плоскимъ. Это неизбежно. Отъ всей души я посовѣтывала бы всѣмъ дамамъ и мужчинамъ, желающимъ казаться красивыми, больше размышлять, больше учиться и больше изучать свои мысли,—это самое вѣрное средство сохранить красоту носа, щекъ, глазъ и ушей до глубокой старости... Посмотрите, какимъ благороднымъ дѣлается лицо самаго безобразнаго человѣка, внутри котораго появилось острое страданіе за другаго человѣка...

По былъ ли когда-нибудь онъ благородень?—вдругъ перебилъ Александра Яковлевна свои веселыя мысли и блѣдное лицо ея вдругъ вспыхнуло.—Нѣтъ, это невозможно!... Вѣдь, онъ поѣхалъ же и ней добровольно, когда ее везли на дальнѣй Востокъ, и жилъ такъ добровольно подвергая себя всѣмъ тягестямъ подневольной жизни. И она любила его.

Солнце было уже за полдень, но отъ блѣдныхъ лучей было холодно. Удалившись на полверсты отъ «разбойничьяго гнѣзда», Александра Яковлевна пошла тихо; кругомъ опять стоялъ мертвый лѣсъ и сѣрые, скучныя поля. Она продолжала раздумывать о томъ же. Но по мѣрѣ того, какъ шаги уводили ее дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ раздавались выстрѣлы мужа, мысль о немъ становилась ниче; за то она незамѣтно переходила къ себѣ, къ своей частной жизни... Ей вдругъ стало неловко за свои жалобы и нытье. И жалобы и нытье ей, правда, одной только были извѣстны; это были жалобы внутреннія, про себя. Но это немного лучше. Въ сущности, все ея размышленія заключались только въ нытье и жалобахъ.

Эта мысль впервые сейчасъ пришла ей въ голову и очень поразила ее. Ей вдругъ стало стыдно за себя... Жалобы и стоны—вѣдь, это признакъ нищенской, попрошайской натуры! Ей всегда были противны люди, которые вѣчно на что-нибудь жалуются; то нѣтъ у нихъ «настоящаго дѣла», «по душѣ», то «окружающее общество» дрянно... И ноютъ, и ноютъ безъ конца! Жалобы обращаются у этихъ попрошайекъ въ привычку, и они такъ же легко ноютъ, какъ легко нищій выжимаетъ слезы у себя. Но это не дурная профессія,—попрошайки съ аппетитомъ кушаютъ и ноютъ, и вообще устраиваются недурно, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо лучше, нежели тѣ, которые мечутся въ разныя стороны... Мало того, исподволь и подъ шумокъ, потихоньку и незамѣтно, они начинаютъ обвинять не себя, не свою попрошайскую натуру, а все окружающее...

Александра Яковлевна на минуту даже остановилась и съ краской въ лицѣ машинально посмотрѣла на кучку голыхъ березъ, которые тихо скрипѣли сухими вѣтвями. Потомъ она торопливо пошла домой, но съ тою же краской въ лицѣ, какъ будто ее открыто, въ присутствіи честныхъ людей, обвинили въ северномъ поступкѣ. И ускоряя шаги, не разбирая дороги, черезъ кусты, по прошлогоднему бурьяну, который трещалъ подъ ея ногами, она шла къ дому и горячо оправдывалась въ взведенномъ на нее обвиненіи, словно тѣ же честные люди продолжали неотступно идти за ней и настойчиво ждали этихъ опроверженій.

Нѣтъ, не все же она ныла и не всегда жаловалась. Возвратившись съ мужемъ изъ дальнихъ мѣстъ (куда попала собственно она, а не мужъ, который только ради любви къ ней поѣхалъ туда), она не только не жаловалась, но, напротивъ, всѣхъ удивляла своимъ бодримъ весельемъ и жизнерадостностью. Все ей тогда казалось новымъ, чистымъ, и люди, встрѣчающіеся съ ней, внушали ей одну только любовь. Она чувствовала въ себѣ столько силы, что готова была терпѣть въ тыячу разъ большую нужду, чѣмъ та, какую они выносили. Мужъ долго не могъ пристроиться, но это ей было ни почемъ. Она сама исполняла всѣ грязныя и тяжелыя работы, въ то же время, не переставая слѣдить за всею текущею жизнью и мыслью. Но вдругъ все это измѣнилось. Мужъ взялъ мѣсто управляющаго имѣніемъ и все пошло скверно. Быть можетъ, ей тогда надо было рѣзче и грубѣе выразить свое неодобреніе этому шагу мужа; быть можетъ, въ крайнемъ случаѣ ей наотрѣзъ надо было бы отказаться слѣдовать за нимъ, и, быть можетъ, она виновата въ томъ, что слишкомъ неопредѣленно убѣждала его со всѣхъ сторонъ обдумать положеніе. Но иначе тогда и не могла говорить. Впервые, всѣ мысли ея о будущемъ были радужныя, а потомъ... тогда у ней былъ Андриша.

Лишь только Александра Яковлевна мысленно произнесла это волшебное имя, какъ кровь вся отхлынула отъ ея лица, она внезапно присѣла подъ первое дерево, какъ будто кто ударилъ ее, и испуганными глазами смотрѣла попеременно на этотъ голый съ сухими вѣтвями лѣсъ, на эти сѣрыя поля, на это бѣлесоватое, холодное небо, по которому тихо плыли холодныя облака, словно она надѣялась отыскать вокругъ себя помощь и защитить свою беззащитную душу противъ внезапнаго, вѣроломнаго удара. Потомъ по лицу ея прошла судорога, и слезы потекли по щекамъ.

Въ Андришу, въ продолженіе его жизни, она вложила все сердце и всѣ свои помыслы. Это былъ удивительный мальчикъ, съ золотистыми волосами и съ большими сѣрыми глазами, въ которые мать всегда съ волненіемъ смотрѣла и не могла насмотрѣться. На второмъ году онъ обнаружилъ уже необыкновенныя способности, поражавшія всѣхъ постороннихъ, а въ три года мать съ нимъ была какъ съ взрослымъ товарищемъ; днемъ они гуляли, разговаривая о всѣхъ встрѣчныхъ предметахъ, играли и рассказывали другъ другу импровизированныя сказки и рассказы, а ночью, обнявшись, они всегда вмѣстѣ спали. Воспитаніе его наполнило все ея время и заняло всѣ ея силы, причемъ, страстно слѣдя за каждымъ шагомъ ребенка, она, въ то же время, зорко слѣдила за собою и преслѣдова-

ла въ себѣ малѣйшую неправду, а когда она убѣдилась, что, несмотря на свое званіе образованной женщины, она ничего не знаетъ, въ ней открылась неутолимая жажда познанія. Никогда она такъ много не училась и не мыслила, какъ въ это время, и никогда она не была чище и справедливѣе, какъ въ продолженіе этой глубокой любви.

Только въ одномъ она не могла сладить съ собою: когда посторонніе, при первомъ знакомствѣ съ ребенкомъ, поражались его свѣтлымъ умомъ, она вся вспыхивала отъ гордой радости. И эта гордость неизмѣнно присутствовала въ ней, смотрѣла ли она долгимъ взглядомъ въ большіе глаза ребенка, слѣдила ли за его рѣзвою игрой, сравнивала ли его съ другими дѣтьми. Въ будущемъ ей рисовался свѣтлый геній, который дастъ міру свою великую истину, и эта тайная мысль наполняла ея сердце почти религиознымъ восторгомъ. Посторонніе люди, удивлявшіеся острому мышленію мальчика и его нѣжному сердцу, качали головой и предостерегали мать, чтобы она не торопилась развивать ребенка. Она гордо отвѣчала, что ей не къ чему развивать его преднамѣренно.

— Я никогда не толкаю его впередъ, онъ самъ меня ведетъ куда-то... Мнѣ нельзя даже задавать ему свои вопросы, я едва успѣваю отвѣчать на его... И мнѣ кажется иногда, что не я его учу, а онъ меня...

Посторонніе не вѣрили; но въ ея словахъ заключалась бѣлая правда, чѣмъ это принято думать. Мать едва успѣвала отвѣчать на вопросы сына, а предостереженія постороннихъ просто казались ей смѣшными и шаблонными. Несравненно большее впечатлѣніе производили на нее слова простыхъ, темныхъ людей, которые по простотѣ своей души не считали нужнымъ скрывать свои мѣнія о необыкновенномъ ребенкѣ.

— Господи Боже мой! И откуда можетъ родиться такая умница?—говаривала одна старуха и съ умиленіемъ смотрѣла на свѣтлый образъ мальчика.

Александра Яковлевна гордо оглядывала маленькую фигурку.

— Милый дѣтушка! Только не жалецъ на Божьемъ свѣтѣ!—прибавляла старуха.

— Что ты болтаешь, старая?—вскрикивала Александра Яковлевна и старалась презрительно разсмѣяться надъ зловѣщимъ и глупымъ карканьемъ, но, вмѣсто смѣха, по ея лицу пробѣгала судорожная улыбка.

— Нѣтъ, милая, нельзя такимъ жить промежду насъ, грѣшныхъ,—грустно сказала старуха.

— Это почему?

— А потому, родная, что ангелы на небѣ нужны Богу...

Александра Яковлевна силилась осмѣять эти суевѣрные слова глухой старухи, но въ душѣ ея каждый разъ послѣ такого разговора оставался непонятный слѣдъ ужаса. Умъ ея критически разбивалъ темное вѣрованіе старухи; это вѣрованіе, думала она, основано на дѣйствительной истинѣ; въ народѣ дѣтская жизнь окружена такими опасностями, какія не можетъ вынести тонкій организмъ; житье тотъ только, которому ни почемъ грязь, голодъ, побой; выдающимся же дѣтямъ нѣтъ мѣста въ такой обстановкѣ...

Но это говорила ей критическая мысль, а сердце сжималось отъ страха. Чтобы не мучить себя, она со злобой обрывала такіе разговоры.

— И какой же умница-то онъ у тебя!... Такъ бы вотъ все и говорилъ съ нимъ, и глядѣлъ на него!... Милый дѣтушка! Не дологъ только вѣкъ твой! — говорила съ умиленіемъ другая какая-нибудь женщина.

Александра Яковлевна съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ обрывала:

— Что же тебѣ объ его вѣкѣ-то говорить? Это вотъ твой вѣкъ, дѣйствительно, кончился, и тебѣ пора подумать о Богѣ, а не говорить вздора!

— А ты не гнѣвайся, милая!... Я жалѣючи тебя говорю, чтобы ты не тосковала до смерти, коли въ случаѣ чего... — отвѣчала старуха и съ какою-то свѣтлою печалью смотрѣла на смѣющеся лицо ребенка.

Александра Яковлевна чувствовала, что по отношенію къ сыну она стала суевѣрной. Доводы разсудка не помогали. Отъ одной мысли, что она можетъ потерять сына, сердце ея холодѣло. Въ такія минуты она съ ужасомъ глядѣла въ самую глубину любимыхъ глазъ и въ ихъ блескѣ желала отгадать загадку, будутъ эти глаза долго свѣтить ей или они безвозвратно потухнутъ отъ какой-то невѣдомой бури. И днемъ, и ночью эта мысль преслѣдовала ее.

Однажды, въ теплый майскій день, она отворила всѣ окна, выходящія въ садъ; въ саду цвѣла черемуха; въ кустахъ ея шумѣли воробьи. Вдругъ въ окно влетѣла ласточка и, напуганная незнакомымъ мѣстомъ, принялась колотиться въ стѣны, въ потолокъ и въ верхнія оконныя стекла. Они съ Андриюшей все это видѣли. Андриюша съ восхищеннымъ взоромъ слѣдилъ, какъ летала ласточка, бѣгалъ по всѣмъ угламъ, куда она бросалась, и взволнованно просилъ мать поймать ее.

— Нельзя, милый дѣтвѣ, поймать ее! — возражала съ улыбкой мать.

— Поймай, мама, поймай! — кричалъ въ попыткахъ Андруша. Александра Яковлевна сдѣлала видъ, что она ловить. Но ласточка въ эту минуту тяжело ударилась въ стекло, упала отъ удара внизъ на окно и, почувствовавъ струю вольнаго воздуха, съ громкимъ крикомъ вылетѣла на волю. Андруша посмотрѣлъ ей въ слѣдъ, по тому пути, куда она скрылась, и на комнату, гдѣ она сейчасъ была, и вдругъ скучно присмирѣлъ.

Въ это время вошла кухарка, и Александра Яковлевна, смѣясь, рассказала ей маленькое происшествіе. Но кухарка таинственно покачала головою.

— Охъ, милая барыня... не хорошо это, — проговорила она шепотомъ.

— Что не хорошо? — удивленно спросила Александра Яковлевна.

— Да ласточка-то влетѣла и улетѣла.

— Ну, такъ что же?

— Да, вѣдь, это душа улетѣла! — убѣжденно сказала баба.

— Какая душа?

— Живая душа, милая барыня... Прилетѣла, попорхала тутъ и улетѣла вонъ...

— Убирайся вонъ, дура! — крикнула въ страшномъ гнѣвѣ Александра Яковлевна, и сердце ея сжалось отъ тоски.

А ровно черезъ двѣ недѣли она стояла на кучѣ желтой кладбищенской земли и тупо смотрѣла въ яму, куда опускали Андрушу.

Какъ она пережила эти дни, она и до сихъ поръ не понимаетъ. Это не былъ ужасъ передъ смертью; въ ея сердцѣ не раздавался вопль; ни стонъ, ни слезъ, ни жалобъ, ни проклятій не раздавалось съ ея устъ; она переживала страданіе, которое ничѣмъ нельзя было выразить; казалось, сама смерть поселилась въ ея душѣ, и она коченѣетъ. Она продолжала заниматься тѣми мелочами, изъ которыхъ состоитъ обыденная жизнь, но какъ бессмысленная, холодная машина. Ни въ одной такой мелочи, да и ни въ чемъ, мысль ея больше не участвовала. Самый фактъ смерти сына она не понимала. Это былъ ударъ, который оглушилъ ее, отъ котораго она потеряла сознаніе, котораго не помнила и не представляла себѣ въ живомъ образѣ.

Но мало-по-малу сознаніе возвратилось, и вотъ когда началось настоящее страданіе. По ночамъ часто она съ воплемъ вскакивала

и обнимала пустое пространство. А днем она обдумывала смерть, и дума эта была такая безконечная, что у ней темнѣла голова. Мальчикъ задохнулся отъ дифтерита, — это было понятно ей. Понятно ей было и то, что это нѣжное тѣло, разбитое страшнымъ ударомъ, должно лежать въ ямѣ; отъ него останется гореть пыли, и это понятно. Но куда же дѣлся этотъ взглядъ большихъ глазъ, дарившій счастье всѣмъ, кто только встрѣчалъ его? Куда пропала эта нѣжная любовь, которую, какъ цвѣтущая роза, распространилъ вокругъ себя мальчикъ? Гдѣ теперь эта сильная, хотя и дѣтская еще мысль? Неужели *это* закопано въ яму также? Если въ природѣ ничего не пропадаетъ, то какъ же можетъ безслѣдно исчезнуть мысль, которая чрезъ нѣкоторое время превратилась бы въ могучій потокъ идей, и чувство, которое распространило бы вокругъ себя горячіе лучи счастья? Неужели все это брошено безвозвратно въ яму? А если не пропало, то гдѣ же его искать?..

И Александра Яковлевна завидовала тѣмъ простымъ женщинамъ, которыя вѣрятъ, что умершее дитя превращается въ ангела и становится хранителемъ людей. Она была бы счастлива даже и вѣрой той женщины, которая въ ласточкѣ видѣла душу. Пусть бы духъ удивительнаго ребенка леталъ по небу въ видѣ ласточки, — съ этимъ она примирилась бы. Но чтобы онъ безслѣдно погибъ, чтобы родившаяся мысль зарыта была навсегда въ грязную яму, — это сознание было выше ея силъ.

Жизнь ея обратилась въ ночь. Только слезы, когда она въ состояніи была плакать, облегчали ее. Но когда она начинала рыдать, мужъ сердито уходилъ изъ комнаты, а иногда и совсѣмъ изъ дома. Онъ долго не осмѣливался попрекать ее этими слезами, но онѣ, наконецъ, стали раздражать его.

— Ты только растравляешь нашу рану! — замѣчалъ онъ не одинъ разъ.

Самъ онъ давно успокоился, а когда что-нибудь напоминало о сынѣ, онъ торопился выбросить изъ себя тяжелое воспоминание. Точно такую же онъ желалъ бы видѣть и Александру Яковлевну. Тутъ какъ разъ подошли самыя усиленные хлопоты по присканію мѣста и ради лучшаго устройства — и ему совсѣмъ некогда было вспоминать о потерѣ сына. Всякую мысль онъ считалъ теперь не только тяжелою, но и вредною. Ему казалось, что это мѣшаетъ его какимъ-то важнымъ дѣламъ, его жизни. Хранить память объ исчезнувшемъ сынишкѣ — это только безцѣльно и бесполезно растравлять себя, растравлять въ то время, какъ ему надо жить живою жизнью и дѣлать какое-то важное дѣло. Чувствительность — роскошь лю-

дей, которымъ дѣлать нечего; ему, напротивъ, нужна вся энергія для тѣхъ предстоящихъ дѣлъ, которыя онъ долженъ исполнять. Поэтому онъ сталъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ смотрѣть на слезы Александры Яковлевны. Онъ былъ увѣренъ, что она часто плачетъ искусственно, отъ нечего дѣлать, или ради того, чтобы насильно вызвать темнѣющій образъ Андрюши, но не высказывалъ этого.

За то онъ открыто сталъ говорить о вредѣ столь долгаго сосредоточенія на личной жизни. Выражалъ онъ это довольно шаблонно.

— Это показываетъ, что у тебя нѣтъ и не было общественныхъ интересовъ... а исключительно только личные! Когда личная жизнь была наполнена, ты чувствовала себя счастливою, но лишь только твои личные интересы потерпѣли тяжкое крушеніе, ты очутилась на воздухѣ, безъ почвы, безъ цѣли и жизни...

Такъ онъ однажды сказалъ, и сказалъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, раздраженный невнимательнымъ отношеніемъ къ нему Александры Яковлевны; онъ только что вернулся съ объѣзда имѣнія, усталый и голодный, а она не сдѣлала даже распоряженія объ обѣдѣ. Въмѣсто того, она сидѣла въ своей спальнѣ и, перебирая оставшіяся отъ Андрюши вещи, обливала ихъ слезами. Но когда онъ сказалъ ей это, съ ней сдѣлалось что-то непонятное. Она вдругъ выпрямилась, отерла послѣднія капли слезъ и вызывающе оглянула мужа.

— Развѣ любовь къ дѣтямъ — дурное дѣло? — спросила она и въ упоръ посмотрѣла на мужа.

— Кто же это говорить!... — возразилъ онъ и трусливо опустилъ глаза въ тарелку.

— Но, вѣдь, ты дѣлаешь такое сопоставленіе?

— Я только говорю объ обществѣ, котораго не нужно забывать ради себя и дѣтей.

— Кто же это общество? Развѣ дитя не членъ общества? А воспитаніе сильныхъ и правдивыхъ людей не общественное дѣло?... Развѣ истинная любовь къ дѣтямъ можетъ чему-либо помѣшать? — продолжала спрашивать Александра Яковлевна съ гнѣвною краской въ лицѣ.

— Въ общемъ — да, но подъ общественными интересами, какъ тебѣ извѣстно, принято разумѣть кое-что другое... — сказалъ колко мужъ.

— Да, мнѣ извѣстно это. Но мнѣ, въ то же время, извѣстны люди, которые подъ прикрытіемъ общественного дѣла только свои

длинши устраиваютъ. И они неуязвимы! Упрекну ихъ за грязную личную жизнь, они сошлутся на общественныя дѣла, которыя якобы ихъ всецѣло занимаютъ; а когда ихъ уличаютъ въ общественной бездѣятельности, они спрячутся за личную жизнь, которая якобы полна лишеній и невзгодъ... Повторяю, эти лицемеры неуязвимы, и потому-то они такъ ненавистны мнѣ... И никогда мнѣ не придетъ въ голову принимать за настоящую монету ихъ истасканныя фразы: «общественные интересы», «личная почва»...

— Ты, я вижу, раздражена, Саша... и потому умолгаю, — проормоталъ трусливо Хординъ.

— Да, раздражена!... Но какого свойства раздраженіе людей, которые начинаютъ говорить объ общественныхъ дѣлахъ потому только, что забыли заправить ихъ супъ?

Хординъ, почувствовавъ направленіе этого выстрѣла, побрасывалъ и бросилъ злобный взглядъ на жену, но промолчалъ.

Съ этой поры между ними возникли тяжелыя отношенія.

Александра Яковлевна круто измѣнилась. Прежде всего, съ той поры никто не видалъ слезъ на ея лицѣ и ни съ кѣмъ никогда она не говорила о погибшемъ своемъ мальчикѣ. Она поняла, что и образъ его, и слезы, вызываемыя имъ, посторонній взглядъ можетъ только оскорбить. А потомъ мысли ея приняли другое направленіе. Она глубоко задумалась надъ своею и окружающею жизнью, задумалась не надъ вопросами, а именно надъ жизнью, и, притомъ, личной...

Когда нѣтъ общей жизни, тогда мысль, до этихъ поръ витавшая гдѣ-то далеко отъ ея носителя, упорно сосредоточивается на себѣ, на своей личности... А общей жизни, дѣйствительно, не было. На кого изъ знакомыхъ она ни смотрѣла, общественнаго человека нигдѣ не находила, а замѣчала только личнаго, обособленнаго, порвавшаго связи съ обществомъ. И вотъ когда на нее посыпались сюрпризы, она, раздумываясь надъ безпорядочною и неряшливою жизнью каждаго, кого встрѣчала, какъ будто въ первый разъ открыла глаза. Изумленіе ея было тѣмъ сильнѣе, что до этой поры она жила болѣе трехъ лѣтъ въ чистой сферѣ дѣтской любви, а когда не стало ребенка, благородный образъ его все же неизмѣнно жилъ въ ней и окружалъ ее исключительною атмосферой страдальческой любви. Теперь она въ упоръ посмотрѣла на эту обыденную жизнь и почувствовала брезгливость, перешедшую скоро въ отвращеніе. Сначала, какъ женщина, для которой чистота обыденныхъ отношеній стоитъ всегда на первомъ планѣ, а потомъ, какъ думающій человекъ, она пришла къ убѣжденію, что безупречность

жизни — первый долгъ и что только непорядочные люди могут ставить въ противорѣчіе свою и общую жизнь. Александра Яковлева часто съ изумленіемъ спрашивала: «Да чѣмъ же мы отличаемся отъ темныхъ людей?»

Это настроеніе заняло ее всецѣло; тяжелая потеря мало-помалу теряла свою острую боль. Образъ ея мальчика неизмѣнно жилъ въ ней, но оставался невидимымъ и неосязаемымъ; онъ навѣвалъ на нее свѣтлыя мысли, чистыя желанія и жажду исправленія. Иногда ей приходила въ голову черная и скверная мысль, она подавляла ее, но не во имя чего-то отвлеченнаго, а въ память милаго мальчика. Въ другой разъ, во время внутренней борьбы, образъ его со-всѣмъ не являлся ей, но она чувствовала, что удержалъ ее отъ дурнаго слова или поступка кто-то милый, любимый...

Только по временамъ далекій образъ, скрывшійся во мглѣ прошедшаго, вдругъ вставалъ передъ нею съ плотью и кровью, и тогда она переживала невыносимое страданіе. Такъ случилось и въ эту минуту. Она сидѣла подъ деревомъ голаго дѣса и слезы градомъ катились по ея лицу. И вдругъ все—и ея мысли, и ея наблюденія, и ея возростающее недовольство мужемъ, и вся эта жизнь, изъ которой она ищетъ выхода, но не находитъ, и самые эти поиски выхода, рѣшительно все показалось ей такимъ ничтожнымъ и ненужнымъ передъ какою-то необъятною пустыней.

Когда слезы утихли и острое страданіе прошло, она поднялась съ мѣста и пошла по направленію къ дому, равнодушная и холодная, какъ то небо, которое висѣло надъ ней, какъ этотъ мертвый дѣсъ, гдѣ она сидѣла.

Дома она машинально принялась за исполненіе обязанностей хозяйки. Часы показывали близость обѣда, и она вмѣстѣ съ прислугой тотчасъ же стала накрывать на столъ. Устанавливая приборы, она спросила сестру Буреева, пріѣхавшую погостить сюда:

— Маша, вы не знаете, пріѣдетъ кто-нибудь сегодня изъ рода?

Молодая дѣвушка имѣла привычку при всякомъ разговорѣ немного краснѣть, но отъ этого вопроса хорошенькое, свѣжее лицо ея залилось густою краской.

— Право, не знаю... можетъ быть... Сегодня воскресенье!— съ дѣтскимъ волненіемъ лепетала она въ отвѣтъ Александрѣ Яковлеву.

— Бажется, общалъ Мизинцевъ быть?— почти про себя замѣтила Александра Яковлева.

— Да, онъ пріѣдетъ!— подтвердила дѣвушка ея предположеніе,

притомъ, съ такою послѣдностью, что окончательно сконфузилась, обливаясь кровью вся, вплоть до ушей, и растерянно отвернулась въ сторону; а въ глазахъ ея появилось выраженіе ребенка, который тайно лизнулъ варенье и былъ накрытъ на мѣстѣ этого преступленія.

Но Александра Яковлевна не обратила вниманія на ея замѣшательство и равнодушно уставляла столъ. Черезъ нѣсколько минутъ на дворѣ послышались голоса возвращающихся съ охоты Хордина и Буреева. Они шумно вошли и съ ихъ приходомъ весь домъ какъ будто заговорилъ, зашумѣлъ, задвигался. Громкими восклицаніями они выразили радость при видѣ накрытаго стола. Потомъ, наскоро умывшись, они усѣлись за дымящійся обѣдъ, утоляя добытый на охотѣ голодъ. Хординъ, съ раскраснѣвшимися лицомъ, ѣлъ такъ аппетитно, что у сытаго человѣка могъ вызвать желаніе еще разъ пообѣдать. Буреевъ не отставалъ отъ него, хотя не очень былъ голоденъ. Въ то же время, они оба шумно говорили, перебивая другъ друга; разговоръ вертѣлся исключительно на эпизодахъ только что происходившей охоты. Буреевъ, не бывшій охотникомъ и сопровождавшій Хордина отъ ужасающей скуки, въ юмористическомъ видѣ представилъ картину, какъ Хординъ ползъ въ травѣ и какъ вдругъ слетѣлъ внизъ, въ какую-то яму, закрытую кустами, потомъ вдругъ, принявъ притворно-мрачное выраженіе, онъ обратился къ Александрѣ Яковлевнѣ.

— А знаете, что, вѣдь, супругъ вашъ чуть было не застрѣлилъ своего «Султана»!

— Нечаянно?—спросила равнодушно Александра Яковлевна.

— Какое нечаянно! Просто прицѣлился и—бацъ! Въ счастью, осѣчва...

Дѣвушка вдругъ заволновалась при этихъ словахъ брата; Александра Яковлевна съ интересомъ взглянула на мужа.

— За что же это?—спросила она!

Хординъ вдругъ озлился точно также, какъ онъ озлился, должно быть, на охотѣ.

— Да, негодий, все время спугивалъ у меня дичь!

— Это хваленая-то собака!... Это «Султанъ»-то, которымъ онъ гордится и котораго считаетъ особенно породистымъ!—дразнилъ со смѣхомъ Буреевъ.—А онъ оказался самаго плебейскаго происхожденія, не лучше любой уличной бродяги, которая при видѣ утки бросается съ открытою пастью, чтобы поймать и сожрать ее!—и Буреевъ залился добродушнымъ смѣхомъ.

Хординъ злился.

— Ну, теперь, братъ, какъ красно ни говори о его породистости, я не повѣрю, — добавилъ онъ.

Эти слова были началомъ длиннаго спора про собакъ. Буревъ подсмѣивался, а Хординъ, задѣтый за живое, горячился. Когда первый сталъ доказывать низкое происхождение «Султана», Хординъ подробно и съ раздраженіемъ опровергалъ. Спорщики забыли о присутствующихъ и подняли шумъ. Самый же предметъ этого спора сидѣлъ на заднихъ ногахъ недалеко отъ стола, рабски хлопалъ по полу хвостомъ и горящими глазами смотрѣлъ на нѣкоторыя блюда.

— Ты посмотри на его уши!—говорилъ Хординъ убѣжденно и указывалъ на большія эластичныя уши «Султана».

— Ну, что же уши? Обыкновеннаго легаша!...—возразилъ Буревъ.

— Нѣтъ, не обыкновеннаго!... Такихъ длинныхъ, шелковыхъ ушей не бываетъ у непородистой собаки... А хвостъ... ты знаешь, что такое хвостъ?—разгоряченно спросилъ Хординъ.

— Хвостъ есть принадлежность большинства животныхъ и нѣкоторой части людей,—возразилъ Буревъ.

— А ты не знаешь, какое его назначеніе у хорошей собаки?—переспрашивалъ Хординъ, не обращая вниманія на смѣхъ товарища.

— Да я думаю, просто вилять.

— Я тебя серьезно спрашиваю... Значеніе руля, вотъ что такое хвостъ для собаки. И вотъ гдѣ отличіе породистой собаки отъ непородистой... породистая управляетъ этимъ рулемъ артистически! Когда она дѣлаетъ стойбу, хвостъ ея вполне вертикаленъ, какъ палка, а если она ищетъ, хвостъ ея дѣлаетъ правильныя боковыя движенія... Непородистая же собака умѣетъ только мухъ гонять этимъ рулемъ.

Дальше Хординъ разбиралъ какую-то шишку на головѣ собаки, которая обозначала особую ея талантливость, какіе-то изгибы на лапахъ, какой-то уголъ на мордѣ его. «Султанъ» слушалъ, слушалъ и, не дождавшись подачи со стола, вдругъ судорожно разинулъ пасть и дико завылъ. Александра Яковлевна закричала на него и выгнала его за дверь, чѣмъ и кончился споръ объ аристократическомъ его происхожденіи.

Встрѣтивъ холодный и укоризненный взглядъ жены, Хординъ немного смутился и съ озабоченнымъ видомъ спросилъ:

— А что, привезли сегодняшнюю почту?

Какъ будто журналы и газеты ему были крайне необходимы!

— Привезли.

— Просмотрѣла? Ничего новаго нѣтъ?—съ тою же озабоченностью узнавалъ онъ.

Александра Яковлевна молча пожала плечами.

Онъ, повидимому, удовлетворился этимъ и перевелъ разговоръ опять на сегодняшнюю охоту.

А когда обѣдъ кончился, онъ пригласилъ Буреева въ дальнюю комнату отдохнуть, т. е. попросту выспаться. Въ этой комнатѣ, растянувшись на кушеткѣ, съ лицомъ, сияющимъ послѣобѣденнымъ довольствомъ, онъ вспомнилъ молодую бабу, которую они сегодня встрѣтили по дорогѣ. «Ахъ, хороша, шельма!» — проговорилъ онъ и захохоталъ. Буреевъ также засмѣялся, не потому, что ему было весело, а просто по добротѣ душевной. Насчетъ этой встрѣчи между ними моментально началась игривая бесѣда, невозможная въ дамскомъ обществѣ, и Хординъ съ замирающимъ смѣхомъ развивалъ ее. А Буреевъ вторилъ ему, и опять не потому, что любилъ скверные разговоры, а по добротѣ и мягкости душевной, изъ нежеланія нарушить веселое настроеніе товарища.

Хординъ дѣйствительно любилъ на эту тему «пошутить», но только, разумѣется, въ подходящемъ обществѣ, потому что, какъ образованный человѣкъ, онъ держался двухъ политикъ—внутренней и внѣшней. Эти двѣ политики онъ имѣлъ во всемъ. Дома у себя онъ былъ одинъ, въ обществѣ — другой; съ дѣтьми велъ себя иначе, чѣмъ со взрослыми, съ женой иначе, чѣмъ съ постороннею женщиной, въ дамскомъ обществѣ не такъ, какъ въ мужскомъ, и между холостыми иначе, нежели съ женатыми. Оттого нѣкоторымъ онъ казался крайне неискреннимъ, даже лживымъ, но это совсѣмъ не такъ. Онъ не лгалъ, а просто имѣлъ два лица и попеременно ихъ показывалъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ обществѣ онъ считался человѣкомъ крайне свободныхъ мнѣній, а дома у себя превращался, безъ всякаго усилія съ своей стороны, въ самаго обыкновеннаго мѣщанина, живущаго исключительно ради куска; въ дамскомъ обществѣ онъ производилъ впечатлѣніе приличнаго и скромнаго молодаго человѣка, а когда оставался въ мужскомъ обществѣ, то поражалъ всѣхъ поганымъ воображеніемъ и скверными словами. Съ дѣтьми онъ велъ себя наставительно и твердо, а между взрослыми бывалъ легкомысленно веселымъ. Защитникъ женскихъ правъ повсюду, на Александру Яковлеву онъ смотрѣлъ глазами господина, имѣющаго полное право не принимать въ расчетъ ея убѣжденій. И все это онъ дѣлалъ безъ малѣйшаго усилія, ибо имѣлъ два лица.

Черезъ нѣкоторое время, оборвавъ на полусловѣ какую-то скверную фразу, онъ вдругъ со свистомъ захрапѣлъ.

Буреевъ, изъ нежеланія противорѣчить товарищу, также захотѣлъ было уснуть, но не могъ. Въ комнатѣ было дымно отъ выкуреннаго табаку; храпъ товарища рѣзалъ по нервамъ, какъ звукъ пилы; вся комната показалась ему какою-то скучной и мрачной. Тогда онъ на цыпочкахъ, чтобы не разбудить Хордина, выбрался за дверь и пошелъ отыскивать дамъ.

Въ залѣ онъ нашелъ только Александру Яковлевну. Она сидѣла за пустымъ столомъ и, облокотившись на него, смотрѣла въ одну точку. Буреевъ остановился въ дверяхъ и долго смотрѣлъ на нее. Ея лицо показалось ему, въ одно и то же время, прекраснымъ и несчастнымъ; а, можетъ быть, оно и показалось ему прекраснымъ потому, что на немъ лежала печать страданія. И доброе сердце его заняло. Онъ порывисто шагнулъ впередъ и сказалъ съ волненіемъ:

— Эхъ, Александра Яковлевна... Тоскливо вамъ здѣсь?

— Что же дѣлать, Нифонтъ Алексѣичъ?—выговорила она съ усиленіемъ, вздрогнувъ отъ неожиданнаго обращенія.

— Знаю, что ничего не подѣлаешь, да, все-таки, не съ нами бы вамъ жить... Ужь больно мы здѣсь задичали...

— Ну, ужъ это неправда!—сказала Александра Яковлевна.— Если есть сознаніе, то близко и исправленіе.

— Что вы, Богъ съ вами! Сознанія-то у каждаго изъ насъ довольно, да лѣнь и эта, знаете, непреоборимая привычка влестись къ грязи..

Добродушное лицо Буреева вдругъ стало негодующимъ, а въ смѣющихся глазахъ его показался огонекъ. Повидимому, что-то накипѣло у него, и онъ желалъ подѣлиться съ Александрой Яковлевной, которую сильно уважалъ. Но ему помѣшали высказаться.

Въ эту минуту въ комнату вошли сначала Маша, вся красная отъ волненія, а за ней Мизинцевъ.

— А вотъ онъ и самъ нашъ моралистъ! Онъ вотъ знаетъ, какъ мало очистить грѣшную нашу жизнь!—закричалъ Буреевъ при видѣ вошедшаго.

Мизинцевъ, однако, не отвѣтилъ на замѣчаніе и сначала молча со всѣми поздоровался, потомъ ушелъ обратно въ прихожую, очистилъ отъ дорожной пыли свое платье и пригладилъ сбившіеся на одну сторону свои густые волосы; безъ этого онъ не могъ бы слова сказать. Вся фигура его, начиная съ платья и

кончая лицомъ, здоровымъ и чистымъ, производила впечатлѣніе какой-то свѣжести.

Страхнувъ послѣднюю пыль, приставшую къ сапогамъ, онъ тогда только подошелъ къ столу и принялъ участіе въ разговорѣ. Но на обращенные къ нему вопросы онъ не отвѣчалъ беспорядочно и торопливо, какъ это дѣлаютъ люди, не видавшіеся цѣлую недѣлю, а обдуманно и по порядку. Сначала рассказалъ, почему онъ не пріѣхалъ къ обѣду, потомъ перешелъ къ передачѣ новостей городскихъ и, наконецъ, сталъ по порядку разспрашивать о томъ, какъ кто жилъ за эту истекшую недѣлю. Однако, на этотъ разъ онъ измѣнилъ своей натурѣ; въ то время, какъ Буреевъ отвѣчалъ на какой-то его вопросъ, онъ неожиданно перебилъ его:

— А я, Александра Яковлевна, хотѣлъ къ вамъ привезти одного новаго знакомаго, — сказалъ онъ съ оживившимся лицомъ.

— Что же не привезли? — возразила машинально Александра Яковлевна.

— Да усумнился, будетъ ли это удобно.

— Развѣ вашъ знакомый изъ тѣхъ людей, принимать которыхъ можетъ быть неудобно? — спросила съ улыбкой Александра Яковлевна.

— Совсѣмъ напротивъ! Когда вы увидите его одинъ разъ, то пожелаете увидѣть и въ другой... Но все же я счелъ нужнымъ предварительно спросить вашего согласія... А гдѣ вашъ мужъ?

— Спать... Но кто же это такой? — живо освѣдомилась Александра Яковлевна.

Мизинцевъ назвалъ Чехлова и въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ, какъ съ нимъ познакомился.

— Должно быть, вашъ единомышленникъ? — возразила Александра Яковлевна въ отвѣтъ на описаніе и засмѣялась.

— Это вы сами разсудите... Я только смѣло могу увѣрить васъ, что вы встрѣтите челоуѣка, какого раньше нигдѣ не видали, услышите слова, которыхъ никогда не слыхали, и убѣжденія, сущность которыхъ поразитъ васъ до глубины души, — сказалъ съ восторгомъ Мизинцевъ.

— Любопытно! И мнѣ можно присутствовать при появленіи сего сказочнаго мужа? — вдругъ спросилъ полу-иронически, полу-серьезно Буреевъ.

— Чѣмъ больше народу, тѣмъ охотнѣе онъ говоритъ... — отвѣчалъ Мизинцевъ.

Въ эту минуту вошелъ проснувшійся Хординъ, а прислуга внесла самоваръ. Въ компаніи безпорядочно засуетились. Александра Яковлевна должна была встать и приготовить все къ чаю. Этимъ приготовленіемъ воспользовалась Маша и увела Мизинцева въ садъ. А когда они оба воротились изъ сада, надо было торопиться выпить чаю, такъ какъ до обратнаго поѣзда оставался всего часъ, усадьба же отъ станціи отстояла версты на двѣ. Благодаря этому, о Чехловѣ никто больше не вспоминалъ.

Между тѣмъ, Александра Яковлевна была очень заинтересована словами Мизинцева и всю слѣдующую недѣлю провела въ какомъ-то ожиданіи. «Вотъ въ воскресенье пріѣдетъ Чехловъ», — думала она. Имя это рѣзко врѣзалось въ ея память.

Каролинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Туманъ.

Тумановъ млечныхъ покрывало
Долины, горы, небеса
И необъятные лѣса
Ревнивымъ облакомъ скрывало.
Но вдругъ безжизненная мгла,
Цѣпляясь за верхушки лѣса,
Какъ исполинская завѣса,
Разорвалась и поплыла...
Открылся мiръ прекраснѣй грѣзы,
И засинѣли небеса,
Какъ благодарственныя слезы,
На розахъ вспыхнула роса.
И мягкiй свѣтъ упалъ на доли,
На берегъ съ пѣною валовъ,
На скалы—вѣчные престолы,
Жилища царственныхъ орловъ.
Ужъ море теплое дышало
И, торжествуя, предо мной
До края неба трепетало
Своей воздушной синевой.

Кривъ.

Д. Мережковский.

АСКЕТКА.

Повѣсть Элизы Ожешковой.

I.

Бѣлая занавѣсь изъ грубаго полотна раздвинулась и открыла огромную желѣзную рѣшетку, отдѣляющую духовенство отъ монастырскаго хора. Органъ съ вышины бросилъ огромную волну глубокихъ звуковъ, алтарь загорѣлся ослѣпительнымъ свѣтомъ, а у его подножія грянулъ могучій хоръ, сопровождающій торжественную епископскую службу: «Боже, воззри къ немощи моей, Господи, поспѣши на спасеніе мое».

Въ свѣтъ, разгорающемся все ярче и ярче, выступала позолота стройныхъ колоннъ алтаря, золотое и серебряное шитье епископскою шапки и посоха, драгоценныя, тяжелыя переплеты книгъ, пестрыя цвѣта орарей и епитрахилей, а дальше цѣлое море мужскихъ и женскихъ головъ, лентъ, перьевъ, вуалей, широкихъ шляпъ на головахъ женщинъ. Среди клубовъ дыма ритмически побрягивали сереоряныя кадильницы, а хоры то съ той, то съ другой стороны оглашали храмъ торжественнымъ напѣвомъ: «Слава Тебѣ, единосущная и нераздѣльная Троица, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!»

Начиная съ широкихъ ступеней, отдѣляющихъ рѣшетку отъ великолѣпнаго мозаичнаго пола, до самой глубины высокой и длинной залы, гдѣ въ глубокой нишѣ розы и лампы окружали литую изъ серебра статую святой покровительницы монастыря, въ два ряда, почти до половины скрытыя темными скамьями, стояли монахи въ черныхъ платьяхъ, съ рвзко выдѣляющимися линіями золотыхъ крестовъ на груди и въ бѣлыхъ платкахъ, покрывающихъ голову и шею. На бѣлыя платки были наброшены черныя вуали, спускающіеся до кожанаго пояса съ привязанными къ нему четками.

Наверху неясными линиями вырисовывались очертанія стройных арокъ и темныя пятна оконъ. Ниже, по серединѣ храма, воздвигался огромный подсвѣчникъ, точно мистическое дерево, высоко поднимающій символъ вѣчной, несмолгающей мольбы и поклоненія, ни на минуту не гаснущій огонь огромной свѣчи. У подножія немногихъ поднятыхъ надъ уровнемъ пола скамеекъ бѣлѣлись два ряда легкихъ вуалей, покрывающихъ сотни дѣтскихъ и дѣвичьихъ головъ.

Отъ темныхъ поручней, тянувшихся вдоль скамей, рѣзко отдѣлялись ряды бѣлыхъ рукъ, которыя теперь, одна за другою, по очереди протягивались за зажженною свѣчой; ее подавала такая же бѣлая рука въ черномъ рукавѣ монашеской рясы. Двѣ фигуры, высокія, тонкія, съ золотыми крестами на груди, съ лицами, до губъ закрытыми вуалями, безъ малѣйшаго шелеста двигались вдоль двухъ рядовъ лавокъ, отдѣляли изъ пучка желтыхъ восковыхъ свѣчъ одну за другою и подавали протягивающейся къ нимъ рукѣ. Два ряда огоньковъ вытягивались все дальше и дальше, точно свѣтлые ручейки, нетерпѣливо стремящіеся слиться съ моремъ огня, заливающего алтарь. Но одна монахиня не обращаетъ вниманія ни на что, не отнимаетъ своихъ рукъ отъ поручня скамьи, не беретъ протянутую ей свѣчку. Подающая ждетъ съ минуту, наконецъ, тихо шепчетъ изъ-подъ своего вуаля:

— Сестра Мехтильда!

— Да восхваляю Тебя всѣмъ сердцемъ моимъ!... — послѣ минутной тишины гремятъ два хора по обѣимъ сторонамъ рѣшетки и органъ бросаетъ съ высоты полные, долгіе аккорды.

Сестра Мехтильда, съ низко опущенною головою и крѣпко сплетенными пальцами, не поетъ, лишь только ея блѣдныя губы чуть-чуть шевелятся въ еле слышномъ шепотѣ.

— Господи, за что Ты оставилъ меня? Боже мой, стала ли я недостойна Твоей милости?

— Велики дѣла Господни!... — поютъ два хора и трели органа вторятъ имъ.

Рука съ протянутою свѣчой начинаетъ дрожать.

— Сестра Мехтильда!

Она не слышитъ, не поднимаетъ головы, не расплетаетъ пальцевъ, но, несмотря на неподвижность ея фигуры, глубокимъ горемъ вѣетъ отъ ея медленнаго шепота.

— Душа моя угасла и, отдаленная отъ пламени, въ которомъ горѣла, дрожитъ теперь отъ холода и тревоги.

По ея исхудалымъ плечамъ пробѣгаетъ легкая дрожь, голова опускается еще ниже и пальцы сплетаются еще крѣпче.

Монахиня, раздающая свѣчи, удивляется: «Что такое случилось? Что такое случилось съ этою самою благочестивою, самою преданною изъ служительницъ Бога? И голоса своего къ пѣнію сестеръ не присоединяетъ и не спѣшитъ исполнить одного изъ обрядовъ сегодняшняго великаго богослуженія... Можетъ быть, она видитъ теперь то, чего только ее, ее одну изъ всѣхъ сестеръ, удостоиваетъ Господь? Можетъ быть, ея душа вотъ-вотъ краснымъ огонькомъ вырвется изъ блѣдныхъ устъ и сольется съ моремъ огня, заливающаго алтарь?» Полная покорности предъ духовнымъ превосходствомъ сестры Мехтильды, монахиня съ пучкомъ желтыхъ свѣчъ стоитъ еще съ минуту, наконецъ, несмѣло дотрагивается до ея чернаго рукава и снова шепчетъ:

— Сестра Мехтильда!

Сестра Мехтильда, наконецъ, услышала и, не поднимая головы, движеніемъ человѣка, находящагося во снѣ, протянула руку за свѣчой. Съ пронзительнымъ звономъ колокольчиковъ, который вдругъ раздался у ступеней алтаря, съ дрожащимъ голосомъ старца въ тяжелой митрѣ, сверкающей брилліантами, который теперь поетъ одинъ: «Beatus vir qui timet Dominum», смѣшивается чуть слышный, скорбный шепотъ блѣдной монахини:

— Я привыкла къ милости Твоей, Искушитель, и теперь, когда Ты отнял ее у меня, я страдаю и погибаю!

Тонкій вуаль сильно колеблется отъ глубокаго вздоха, вырывающагося изъ глубины души. Давно, давно уже Господь началъ замыкать ея душу въ твердую и сухую скорлупу. Она теперь стоитъ, какъ лань, потерявшая дорогу къ источнику животельной влаги. Холодно стало внутри ея, тамъ царитъ мертвое оцѣпенѣніе и тоска, такая тоска, что сестра Мехтильда чувствуетъ, какъ она проникаетъ въ каждую ея жилу, въ каждую извилину измученнаго мозга. Она тоскуетъ по своей жизни, полной горячихъ чувствъ и высокихъ полетовъ, которые такъ долго были ея удѣломъ, по небесной Женихѣ, лица Ботораго она давно уже не видитъ, и хотя тѣлесными очами смотритъ на Его изображеніе, духовныя очи угасли, ея силы объаты грѣховною дремотой.

Въ дрожащей рукѣ сестры Мехтильды свѣча колеблется изъ стороны въ сторону и усѣваетъ желтыми крупными каплями черныи рукавъ ея одежды и поручень скамьи. Сестра Мехтильда напрасно старается пробудиться, воспламенѣть душою и, какъ зерно ладона, растопиться въ раздающейся вокругъ хвалѣ Божіей.

Цѣлый потокъ тоновъ, звуковъ. Пѣніе смогло, но органъ, не переставая, тянетъ нить мелодій, которыя спадаютъ внизъ и то торжественными, то рыдающими аккордами безъ перерыва, безъ конца расплываются по храму. У алтаря каждую минуту позвякиваютъ колокольчики, бренчатъ цѣпи кадильницъ, отовсюду раздается горячій молитвенный шепоть.

Въ этомъ сложномъ хорѣ звуковъ ухо сестры Мехтильды различаетъ одинъ, самый слабый. Звукъ этотъ—тихое, слабое, подавленное рыданіе. Въ головѣ сестры Мехтильды пробѣгаетъ мысль: «Бто-то плачетъ»—и опять исчезаетъ, оставивъ ее такою же сухой и холодной, какъ и прежде. Ничего, ничего! Ни одного полета мысли, ни одного порыва чувства къ небу и Богу! Подъ тѣнью вуаля глаза ея также угасли и уснули, какъ и ея душа.

Хоры по обѣимъ сторонамъ рѣшотки пробуждаются отъ своего молчанія:

— Хвалите имя Господне, хвалите, рабы Господа!...

Сестра Мехтильда также поетъ, а когда изъ ея груди выходятъ торжественные звуки псалма, ухо слышитъ снова тихое рыданіе, точно придавленное къ самой землѣ тяжестью и обиліемъ звуковъ.

— Бто-то плачетъ!

Всенощная приближается къ концу; толпа утомляется и все тѣснѣе напираетъ на нижнюю часть рѣшотки. Какой-то старичокъ стоитъ на колѣняхъ въ самомъ углу и съ горячею молитвой киваетъ головой, точно хочетъ рассказать алтарю исторію своихъ долгихъ невзгодъ и испытаній; еще ближе нѣсколько дѣтскихъ рученонъ изо всей силы цѣпляются за желѣзные прутья и два маленькихъ румяныхъ личика съ любопытствомъ заглядываютъ въ глубину монастырскихъ хоръ...

— *Jam sol recedit igneus*,—раздается дрожащій голосъ епископа.

Сестра Мехтильда повторяетъ слова гимна, а ухо ея все ловитъ тревожащій ее звукъ, и въ головѣ невольно слагается вопросъ:

— Бто это тамъ плачетъ?

Черезъ-чуръ уже давно земныя рыданія стали ничтожными для нея, какъ и земной смѣхъ, черезъ-чуръ глубоко въѣлось въ нее убѣжденіе, что источники того и другаго, какъ и вообще всего брэннаго, мутны и достойны презрѣнія, чтобы она могла теперь опустить глаза и посмотрѣть, кто это тамъ плачетъ у самой земли. Однако, вопросъ этотъ, безъ ея вѣдома, остается въ ея умѣ и гдѣ-то, въ самомъ отдаленномъ углу ея души, пробуждаетъ давно молчащую струну земнаго состраданія.

Рыданія становятся все громче и вопросъ: «кто тамъ плачетъ?»—все повторяется въ головѣ сестры Мехтильды, несмотря на то, что уста ея шепчуть святыя слова: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою».

Напрасно, напрасно напряженіемъ всей своей воли она усиливается вознести молитву свою, какъ кадило предъ ликомъ Творца,—мысль ея, точно птица съ отяжелѣвшими крыльями, падаетъ на землю съ вопросомъ: «кто плачетъ?»

— Величить душа моя Господа! — гремитъ хоръ и монахини становятся на колѣни. Опускается и сестра Мехтильда, и тутъ уже ясно слышится, близко, близко около себя, рыданіе. Она бросаетъ въ сторону только одинъ быстрый взглядъ и вновь съ глазами, устремленными на алтарь, повторяетъ слова гимна.

А въ головѣ ея, какъ стрѣла, пробѣгаютъ слова:

— Ребенокъ плачетъ!

То было крохотное существо, дѣвочка лѣтъ восьми, которая, стоя на колѣняхъ, припала, закрывъ лицо красными ручонками, къ самому полу. Пансіонское платьице, темное и короткое, только до половины прикрывало ея ноги, которыя отъ времени до времени судорожно подергивались отъ спазмодическаго плача. Плакала она, какъ плачутъ малыя дѣти, съ цѣлымъ потокомъ слезъ, съ громкими всхлипываніями. Вдругъ она почувствовала, какъ чья-то рука дотронулась до ея маленькаго кисейнаго вуаля и у самаго своего уха услышала шепотъ:

— О чемъ ты плачешь?

Дѣвочка подняла голову и, прикрывая пальцами заплаканные глаза, могла только произнести:

— О мамѣ...

Но, точно сообразивъ, что оказала кому-то несправедливость, она вновь расплакалась.

— И о папѣ...

Тихій голосъ надъ самымъ ея ухомъ спросилъ еще:

— Когда тебя отдали сюда?

— Вчера.

— Какъ тебя зовутъ?

Дѣвочка овладѣла собою и повернула лицо къ разспрашивающей монахинѣ.

— Клара, — шепнула она, смотря своими глазами, въ которыхъ удивленіе и тревога осушили слезы, на высокую, стройную фигуру сестры Мехтильды. Съ минуту ребенокъ и аскетка смотрѣли въ лицо другъ другу. По тонкому, блѣдному лицу сестры Мехтиль-

ды съ заострившимся носомъ и худыми щеками пробѣжала судорога, глубоко впавшіе глаза вдругъ вспыхнули огнемъ боли и страданія. Имя дѣвочки точно стрѣла пронзила ея сердце. Такъ давно она не слыхала его, и такъ часто повторяла когда-то... въ другой жизни, въ другомъ мѣрѣ!... Изъ той жизни и міра, изъ того отдаленнаго, проклятаго, вырваннаго изъ души прошлаго донеслось это имя, когда-то дорогое ей, а потомъ столь ненавистное. Но когда дѣвочка, поднявъ головку, впиалась въ нее любопытнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несмѣлымъ взглядомъ, сестра Мехтильда точно окаменѣла отъ негодованія. Эти глаза, большіе, темные, казавшіеся такими кроткими и глубокими отъ золотистыхъ рѣсницъ, тоже не были ей незнакомы. Это были два источника, откуда когда-то, въ другой жизни, струились для нея радость и блаженство, а потомъ невыразимая мука... «*Ея* имя и *его* глаза... не злой ли духъ принялъ видъ этого ребенка... не новое ли испытаніе Ты посылаешь мнѣ, Искушитель?»

Полная страха, дрожащая съ головы до ногъ, какъ ласточка въ когтяхъ ястреба, сестра Мехтильда обратила лицо къ алтарю. «Эти земныя, ненавистныя, грѣховныя воспоминанія — не кара ли, не предостереженіе ли, не испытаніе ли, которое Ты послалъ мнѣ, Господь, въ ту минуту, когда духъ мой лѣниво началъ поднимать къ небу свои опавшія, ослабѣвшія крылья?»

Но имя Господа замираетъ на ея устахъ, свѣтъ сознанія исчезаетъ изъ мысли и со страхомъ, который мѣшается съ упоительнымъ блаженствомъ, она чувствуетъ приближеніе одного изъ тѣхъ видѣній, которыхъ удостоилась дважды за всю свою жизнь въ монастырѣ. Но иногда она видѣла и слыхала то, что ея наполняло, а теперь ея глазамъ представляется образъ, который еще сегодня, нѣсколько минутъ тому назадъ, былъ такъ далеко отъ нея, какъ далеко отъ раскаявшагося грѣшника его позорное прошлое, проклятое всѣми силами души, омытое рѣкою слезъ. За тяжелою, залитою свѣтомъ рѣшоткой, вмѣсто алтаря, высокихъ сводовъ храма и низко распростертой толпы, она видитъ лазурный куполъ неба, поле, золотящееся спѣлыми колосьями, прорѣзанное заросшими межами и освѣщенное яркими лучами полуденнаго солнца... На лицѣ и устахъ она чувствуетъ легкое дуновеніе жгучаго вѣтерка, ощущаетъ сладкій аромат полевыхъ цвѣтовъ, а издали, издали, изъ самыхъ тайниковъ души, вырывается звучный голосъ: «Клара, Клара!...» — и передъ нею появляются темные, глубокіе, кроткіе глаза, которые смотрятъ на нее... а она не можетъ отвратить отъ нихъ своего взгляда...

Погасшая свѣча вынала изъ ея рукъ, голова съ глухимъ стукомъ ударилась о поручень лавки, но никто не замѣтилъ этого. Предъ алтаремъ, лицомъ къ молящимся, епископъ держитъ свергающій, какъ солнце, ковчегъ со св. Дарами и медленнымъ движеніемъ осѣняетъ толпу крестнымъ знаменіемъ. Голосъ его становится громче и сильнѣе, все глубже и торжественнѣе вторитъ ему органъ. Еще одинъ взрывъ хора, еще одинъ могучій аккордъ органа—и бѣлая занавѣска съ шелестомъ закрываетъ тяжелую желѣзную рѣшотку.

Монахини поднимаются съ колѣнъ, гасятъ свѣчи и складываютъ ихъ на поручни лавокъ. Внутренность храма наполняетъ полумракъ, въ которомъ мало-по-малу расплываются линіи стрѣльчатыхъ сводовъ. За то ярче горитъ на темномъ фонѣ полная розъ и лампадъ ниша со святымъ изваяніемъ и свѣтъ отъ нея падаетъ на одинокую фигуру, сидящую въ самой глубинѣ хоръ, на особой, высокой скамейкѣ. Это настоятельница монастыря. Глаза ея издали свѣтятся яркимъ и чистымъ свѣтомъ, со старѣющагося, но покрытаго здоровымъ румянцемъ лица, несмотря на отпечатокъ солидной важности, не сходитъ сроднившаяся съ нею полудобродушная, полуснисходительная улыбка. Руки ея еще благочестиво сложены, губы шепчутъ молитвы, а глаза, помимо ея воли, съ заботливою лаской слѣдятъ за бѣлыми маленькими вуалями дѣтей, которыя торопливо сбѣгаютъ съ хоръ, стуча подошвами. Потомъ, когда за послѣднюю воспитанницей затворяются высокія двери хоръ, настоятельница громкимъ голосомъ начинаетъ молитву, а монахини въ полголоса повторяютъ ее. Но въ одномъ изъ рядовъ видѣется промежутокъ; сестра Мехтильда остается невидимой, она все еще стоитъ на колѣняхъ, прижавшись лбомъ къ основанію скамьи.

На потемнѣвшихъ хорахъ раздается: «аминь», и повсюду наступаетъ тишина. Тогда сестра Мехтильда поднимается и, какъ тѣнь, волоча за собою длинныя складки рясы, безъ малѣйшаго шелеста подходитъ къ настоятельницѣ и съ покорно поникшею головой опускается передъ нею на колѣни. Она не говоритъ ничего, ожидаетъ вопроса и позволенія заговорить. Настоятельница не заставляетъ ее долго ждать.

— Чего вы хотите, сестра о Христѣ?

Тогда голосомъ слабымъ, но слышнымъ всѣмъ сестрамъ, сестра Мехтильда заговорила:

— Каюсь передъ вами, преподобная мать, и передъ всѣми сестрами о Христѣ въ грѣхъ, который я допустила сегодня противъ Господа своего. Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ со всѣми углубиться въ

молитву и созерцаніе величія Его, душа моя была занята земными мыслями и поглощена земными воспоминаніями, которыя развертывались передо мною злой духъ. За мое тяжкое прегрѣшеніе прошу васъ, преподобная мать, во имя Христа Бога нашего позволить мнѣ провести сегодняшнюю ночь въ покаянныхъ молитвахъ въ часовнѣ Святаго Сердца.

Въ голосѣ сестры Мехтильды дрожали слезы и глубокое страданіе.

Настоятельница отвѣтила не сразу. По ея ясному лицу прошла тѣнь неудовольствія и замѣшательства. Она очень заботилась о духовной чистотѣ и совершенствѣ подвластныхъ ей сестеръ, но не была равнодушна и къ ихъ тѣлесному здоровью; а чрезмѣрное умерщвленіе плоти занимало самое послѣднее мѣсто въ простомъ и мягкомъ кодексѣ ея вѣрованій. Худоба и прозрачная блѣдность сестры Мехтильды давно уже беспокоили ее, она хорошо понимала, какъ отзовется на брэнной оболочкѣ души ночь, проведенная безъ сна и отдыха, въ молитвахъ и покаяніи, на холодномъ мраморномъ полу монастырской часовни. И, послѣ минутнаго молчанія, она заговорила важнымъ голосомъ:

— Человѣкъ слабъ, но милосердіе Господне безгранично. Вздвѣсьте же, сестра, не впадаете ли вы въ грѣхъ, усомнясь въ милосердіи Божіемъ?

Сестра Мехтильда стояла неподвижно, но на лицѣ ея отпечатывалось желѣзное упорство. Такимъ же тихимъ, но слышнымъ голосомъ, какъ и прежде, она отвѣтила:

— Нашъ святой уставъ приказываетъ намъ за совершенный грѣхъ приносить тотчасъ же покаяніе.

Она была права, и настоятельница хорошо знала объ этомъ. Знала она также, что ея энергія всегда гнулась и должна была уступать передъ знаніями и непреклонною волей, въ особенности въ духовныхъ дѣлахъ, сестры Мехтильды. Другая на ея мѣстѣ, принявъ слова настоятельницы за отпущеніе грѣха, спокойно встала бы съ колѣнъ, но сестра Мехтильда напомнила, что власть настоятельницы и повиновеніе подвластной ей монахини имѣютъ свои границы, и что границы эти обозначены святымъ уставомъ монастыря. И настоятельница сказала:

— Идите съ Богомъ и творите ваше покаяніе.

Сестра Мехтильда встала съ колѣнъ, прямая и стройная, хотя и со склоненною головою, и исчезла въ мрачной глубинѣ хоръ.

Четверть часа спустя три лампы, спускающіяся съ высокихъ сводовъ потолка на толстыхъ шнурахъ, бросали мутный полусвѣтъ

на стѣны трапезной, на узкія ея окна, на полъ, устланный каменными плитами, и на четыре длинныхъ стола, покрытыхъ грубыми скатертями. Мѣсто сестры Мехтильды было не занято. Въ половинѣ ужина завѣдующая кухней мать Флоріана, сухоощавая, костлявая, суетливая, въ высоко подоткнутой рясѣ, взошла на возвышеніе, гдѣ было мѣсто настоятельницы, поставила передъ нею двѣ цинковыхъ тарелки съ пищей и тихо сказала ей:

— Кажется мнѣ, мать Ромуальда, что сегодня сестра Мехтильда погрѣшила противъ послушанія. Вы ей ясно сказали, что всеобщее покаяніе изъ-за пустой причины противно вашей волѣ.

Мать Ромуальда подняла свои спокойные голубые глаза и въ знакъ согласія улыбнулась сестрѣ, съ которой ее сдружила монастырская жизнь. Своею почти шутливою улыбкой мать Ромуальда, казалось, хотѣла сказать: «Что-жь я съ ней подѣлаю? она и усерднѣе всѣхъ, и уставъ лучше всѣхъ знаетъ», — но вдругъ почувствовала угрызеніе совѣсти. Суровость сестры Мехтильды къ самой себѣ и ко всему земному и тѣлесному, казалось, переходила всѣ границы, положенныя вѣрою и монастырскимъ уставомъ, но за то настоятельница чувствовала и чтитъ въ ней присутствіе великаго духа рвенія и самоотреченія.

— Признаемся въ смиреніи, мать Флоріана, — сказала она, — что изъ всѣхъ насъ сестра Мехтильда обладаетъ, по милости Божіей, и бѣльшимъ благочестіемъ, и бѣльшимъ презрѣніемъ къ міру.

Ужинъ окончился, сестры оставили трапезную, и вскорѣ послѣ того пронзительный голосъ колокольчика возвѣстилъ *silentium*, то-есть пору, съ которой разговоры прекращались на всю ночь. Сестрамъ нужно было ложиться спать.

Не долговъ сонъ монахини. Задолго до разсвѣта зазвонили къ заутрени и сестры опять потянулись въ храмъ длинными рядами. Но въ полутемной часовнѣ, при мутномъ свѣтѣ рѣдкихъ лампадъ, передъ алтаремъ, сестра Мехтильда лежала на мраморномъ полу, съ толстою веревкой на шеѣ и съ крестообразно распростертыми руками. Медленно, одинъ за другимъ, протекали часы ночи, порывистый мартовскій вѣтеръ съ протяжнымъ воемъ ударялся въ стѣны часовни и острыми струями врывался сквозь щели узкихъ оконъ. Холодъ мрамора насквозь пронизывалъ лежащую монахиню, нестерпимыя судороги сводили ея распростертыя руки, а она все лежала, не шевелясь, въ смертельной тревогѣ и борьбѣ, прося Бога, чтобы Онъ сократилъ непосланное на нее испытаніе и отженилъ отъ нея тѣ звуки, которые, выйдя изъ устъ робкихъ, непреоборимою силой вновь раскрыли въ ея душѣ гробницу ненавистныхъ мірскихъ воспоминаній...

II.

Мать Ромуальда была права: въ психической сущности сестры Мехтильды главною пружиной было презрѣніе къ міру. Велика была ея вѣра и способность къ идеальной восторженности, но самымъ главнымъ ея чувствомъ было презрѣніе къ міру. Это чувство образовалось въ ней и достигло огромнаго размѣра, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, отчасти внѣшнихъ, отчасти лежащихъ въ ней самой. Дѣтство и первые годы ея молодости были счастливы, она провела ихъ въ невозмутимой гармоніи домашней жизни, въ достаткѣ, среди мирной деревенской тиши. Это ясное утро жизни (до разныхъ встрѣчъ и горькаго опыта было далеко) вселило въ нее глубокую вѣру въ людскую доброту, въ радость жизни, въ необходимость счастья. Ни въ окружающемъ, ни въ самой ея натурѣ не было ничего, что могло бы ей дать понятіе о существованіи зла. Просто-на-просто она совсѣмъ не думала о немъ, и хотя передъ нею проскользывали его слабыя тѣни, но она или не замѣчала ихъ, или вскорѣ забывала о нихъ. Ей было почти двадцать лѣтъ, а она была еще такъ же свѣтла, какъ тотъ небосклонъ, который она привыкла окидывать взоромъ. Безграничныя надежды и упованія кивали въ ней и пѣли радостныя пѣсни, какъ серебристое журчаніе ручейка. Она была пряма, свѣжа, безгранично довѣрчива и неопытна.

Понятіе о злѣ, которое срываетъ съ глазъ людей повязку и острымъ мечомъ поражаетъ сердце, открывалось передъ нею не постепенно, какъ это чаще всего случается, а сразу, вдругъ, во всемъ своемъ ужасѣ. Она увидала вдругъ то, отъ чего со страхомъ и скорбью отвращаются глаза людей, много видавшихъ на своемъ вѣку. То была война. Но въ мракѣ, которой вдругъ воцарился во-кругъ нея и въ ней самой, свѣтилась еще одна звѣзда. Передъ страшнымъ моментомъ, который разсѣкъ ея жизнь на двѣ совершенно несходныя половины, она любила и была любима. Какъ преслѣдуемая серна, съ глазами, помутившимися отъ тревоги, но еще съ неугасшею надеждою на спасеніе, стремится къ своей родной, знакомой лѣсной глуши, такъ и она обратилась къ тому, чей образъ, посреди страшныхъ разочарованій и ужасовъ, охранялъ въ ней вѣру въ людскую доброту и возможность счастья. Несмотря на все это, вѣра и надежда жили еще на днѣ ея сердца и усиливались благодаря тому, что передъ любимымъ ею человѣкомъ открывалось будущее, полное нужды и горя. Это-то болѣе всего и ободряло ее. Терпѣть съ нимъ и для него казалась ей обязанностью и счастьемъ.

Въ пустынь сомнѣнiя, вѣрой и надеждой свѣтились еще передъ нею темные, большiе глаза, которыми свѣтлые рѣсницы и волосы придавали особенную глубину и кротость, и которые недавно еще—и какъ давно, вмѣстѣ съ тѣмъ!—любознательнымъ взоромъ вторили молодымъ устами, вклянувшимся въ неизмѣнной вѣрности... Она пришла и рядомъ съ тѣмъ, кто вклялся ей въ неизмѣнной вѣрности, нашла другую, тоже близкую ей, близкую настолько, что если бы ей приказали выбирать кого-нибудь одного, то сердце ея сильно бы колебалось между любовью и дружбою. Лекомысленная, себялюбивая и страстная женщина, которая провела съ ней дѣтство и молодость, безъ колебанiй и угрызений совѣсти воспользовалась ея отсутствиемъ, пустила въ ходъ все свое обаянiе, чтобы похитить его сердце и занять мѣсто своей подруги. Она увидала все и у ней даже мысли не явилось о борьбѣ или отстаиванiи своего права. Она отстранилась съ наружнымъ равнодушиемъ и со скрытыми отъ всѣхъ слезами, въ которыхъ потонуло все ея будущее. Когда она перестала плакать, то начала смѣяться надъ безумiемъ, что такъ долго ослѣпляло ее. Какъ! точно она и раньше не видала обмановъ, коварства, страданiй, смерти? Прежде она считала слабою тѣню то, что собственно было единственно непоколебимою правдой свѣта и жизни. Въ картинѣ той правды, которая предстала передъ ней, не было уже никакихъ недомолвокъ. Она смотрѣла на человѣческое горе, слабость и непостоянство, видѣла, какъ умираютъ люди, идеи и чувства. Злость и ничтожество двумя мечами до послѣдней ниточки перерѣзали корни ея жизни, на кровавыхъ ранахъ ея сердца посѣяны сѣмена скуки и тревоги, —тревоги, прежде всего. Задатки меланхоли, свойственные каждому человѣку съ горячимъ чувствомъ и способностью къ самонаблюденiю, незамѣтные раньше, при радостномъ блескѣ счастья, теперь заколосились и стали быстро подниматься. Ни увеселенiя, ни работа, ничто не могло интересовать ее. Среди увеселенiй ее преслѣдовали воспоминанiя о видѣнныхъ и пережитыхъ страданiяхъ, отъ работы отрывала руки мысль о бренности всего, созданнаго руками. Развѣ въ присутствii всеобъемлющаго зла веселость не величайшее зло, а при бренности всего существующаго работа не высочайшая глупость? Одно и другое принадлежитъ къ числу тѣхъ заблужденiй, которыми человѣкъ самъ передъ собою прикрываетъ собственное ничтожество и ничтожество свѣта. Для нея ужъ достаточно ошибокъ и разочарованiй, сладкихъ сновъ и ужасныхъ пробужденiй, не хочетъ она ни тѣхъ, ни другихъ, ничего не хочетъ, не вѣритъ ничему, не надѣется ни на что... Какъ атомы въ пространствѣ, душа ея въ своей тѣлесной оболочкѣ блуждаетъ

по презираемому свѣту, пропитанная грызущею тоской, не понимающая ни своей дороги, ни своего предназначенія. Она обладала матеріальнымъ достаткомъ, значить, обыденныя заботы не могли явиться со своею суровой, но иногда спасительной помощью, а жить безъ мысли и цѣли—ни силъ, ни возможности нѣтъ. Она впала въ моральную нищету, тѣмъ болѣе суровую, что это была только капля изъ океана всеобщей нужды.

И вотъ, нѣсколько книжекъ, нѣсколько случайныхъ встрѣчъ рѣшили ея будущность. До сихъ поръ религія въ ней была скорѣе усвоенною съ дѣтства привычкою, чѣмъ органическою частью ея существа. Теперь въ ней она увидала предметъ поклоненія и любви, которой ей не хватало на землѣ. Она принадлежала къ числу тѣхъ, которые для того, чтобы жить, должны вѣрить, любить, носить въ своей душѣ идеалъ и стремиться къ нему. Отсутствіе идеала убивало ее, открытіе его вновь было для нея неожиданнымъ, безмѣрнымъ счастьемъ. Она была уже не одна, она чувствовала вѣчное, хотя и невидимое присутствіе Того, кто облеченъ высшимъ величіемъ, милосердіемъ и силою. Она не была уже окружена обманомъ, потому что снова вѣрила и надѣялась, перестала дрожать отъ холода и томиться отъ скуки, потому что любила и видѣла передъ собою ясную дорогу. Эта дорога, посредствомъ возможно большаго одухотворенія жизни, должна была привести къ своему концу, къ обители неземнаго совершенства и радости. Она бросилась впередъ съ такимъ восторгомъ, съ какимъ потерявшій крушеніе выходитъ на материкъ, неожиданно появившійся изъ лона разъяренной пучины, и очень скоро, въ силу логическихъ послѣдствій своихъ ужасныхъ воспоминаній, новыхъ упованій, надеждъ и страстности своей натуры, дошла до монастыря.

Здѣсь, даже въ тяжелую пору послушничества, она испытывала такое наслажденіе, чувствовала себя настолько удовлетворенною, какъ никогда въ самую лучшую, самую ясную пору своего прошедшаго. Это было тогда, когда она исполняла грубыя, тяжелыя, часто даже унижительныя работы, которыя должны были занимать все время ея тяжелаго испытанія. Физически она принадлежала къ существамъ хрупкимъ, нѣжнымъ, требующимъ заботы и попеченій. Станъ ея былъ тонокъ и строенъ, руки покрыты нѣжною кожей, походка легкая, движенія изящныя. Когда, въ сѣромъ платѣ и бѣломъ вуалѣ послушницы, она тяжелою метлою подметала полъ огромныхъ монастырскихъ корридоровъ, или, склонившись надъ лоханкой, мыла глиняную и цинковую посуду или вы-

носила изъ кухни тяжелыя ведра съ грязными помыями, тогда можно было подумать, что въ ея слабыя члены вселялась новая сила и что только ея руками можно сдѣлать то, что дѣлала она. Иногда казалось, что она переломится подъ тяжестью огромной вязанки дровъ или упадетъ въ обморокъ отъ утомленія и жары передъ раскаленною кухонною печью или среди удушливой атмосферы прачешной. Однако, изъ всѣхъ этихъ работъ, труднѣе которыхъ не выпадаетъ даже на долю каторжниковъ, она выходила всегда съ радостнымъ лицомъ и совершенно удовлетворенною душой. Безъ отдыха она спѣшила приниматься за новую работу, неутомимая и ничего другого не желающая, какъ новаго изнуренія, среди котораго она забывала о прошломъ и трудилась для будущаго. И дѣйствительно, ея теперешнія страданія не были ли только ступенью, ведущею къ высшей степени одухотворенія, отрѣшенія отъ заботъ о тѣлѣ и боязни тѣлесныхъ страданій? Тѣло ея болѣло, а духъ и мысль рвались къ небу, и не были ли тѣ высокіе порывы залогомъ и началомъ тѣхъ восторговъ, которые выпадутъ на ея долю, когда она очистится передъ Богомъ? Наконецъ, она знала о томъ, что послѣ извѣстнаго времени испытанія монастырское начальство, смотря по степени выказаннаго ею усердія, или удѣлитъ ей мѣсто въ своемъ убѣжищѣ, или откажетъ на-отрѣзъ. Можетъ ли быть, чтобы ея снова выбросили въ свѣтъ? Мысль эта наполняла ея такимъ страхомъ и отвращеніемъ, что она готова была скорѣе умереть въ слезахъ и стenanіяхъ у подножія монастырскаго алтаря, чѣмъ снова погрузиться въ ненавистный омутъ свѣта и его жизни. Эта тревога и неувѣренность удвоивали ея усердіе и лучше всякихъ наставницъ учили подавлять въ себѣ остатки воли и выметать изъ памяти до послѣдней соринки все, оставшееся отъ прежней жизни. Но монахини не имѣли ни права, ни желанія отвергать новой послушницы, и сестра Мехтильда послѣ извѣстнаго срока, опредѣленнаго въ уставѣ, приняла постриженіе. Она вручила епископу подписанную ею присягу, и, одѣтая въ рясу, легла посреди монастырскаго хора, покрытая гробовымъ покровомъ, испещреннымъ мертвыми головами. Въ костѣлѣ раздавалась жалобная пѣснь, которую поютъ только у гроба; покровъ волновался отъ рыданій двухъ женщинъ, которыхъ постригали вмѣстѣ съ нею, и только въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежала сестра Мехтильда, оставался спокойнымъ, плотно облекая ея исхудавшее тѣло. Ея подруги въ эту рѣшительную и страшную минуту, можетъ быть, неожиданно для себя почувствовали послѣдній взрывъ сожалѣнія ко всему земному, инстинктивно прониклись тѣмъ стра-

хоть, который проникает во всякое живое существо при упоминаніи о смерти, и громко, отчаянно рыдали. Сестра Мехтильда тоже дрожала, но не отъ страха, не отъ тревоги, а отъ невыразимо-сладостнаго созерцанія благодати Бога, Который на вѣки приближалъ ее къ своему лону. Никогда уже, подобно листку, гонимому бурей, она не будетъ носиться по омерзѣвшему міру, не будетъ мारать своей души его жизнью, не будетъ ранить сердце его мечами.

И съ тѣхъ поръ монастырскій уставъ, который своими терніями еще болѣе увеличивалъ и обострялъ ее энтузіазмъ, все тѣснѣе и тѣснѣе замыкалъ ее въ своемъ узкомъ кругу. Одинъ разъ только сестрѣ Мехтильдѣ угрожало столкновеніе со свѣтомъ. Благодаря своему умѣнью рисовать и исполнять разныя тонкія женскія работы, она получила приказъ обучать всему этому взрослыхъ воспитанницъ монастыря. Готовая повиноваться, она упала къ ногамъ настоятельницы и покорно, горячо начала просить, чтобы ей назначили какое угодно тяжелое послушаніе, только не это. Предшественница матери Ромуальды выслушала и поняла ее. Вмѣсто обученія свѣтскихъ дѣвицъ, сестра Мехтильда была назначена учительницей въ монастырскомъ новиціатѣ, гдѣ всѣ работы шли на украшеніе святыни, тогда какъ въ другомъ случаѣ ее искусство, перенесенное въ свѣтъ, послужило бы только къ приумноженію его соблазновъ и бранныхъ прелестей. Для нея не существовало ни говора, ни смѣха цѣлой толпы дѣтей, которая въ извѣстные часы высыпала въ монастырскіе сады. Она ничего не видѣла, ничего не слышала. Въ абсолютномъ отрѣшеніи отъ всего, что не было стремленіемъ къ Богу, не обращая вниманія ни на что, кромѣ кельи, хора, алтаря и своихъ сестеръ во Христвъ, съ тѣломъ, измученнымъ различными лишеніями, она, сама того не сознавая, представляла одну изъ самыхъ странныхъ загадокъ человѣческаго существованія. Въ ней воплощалась возможность счастья на днѣ сажой мрачной изъ всѣхъ родовъ меланхоліи, какимъ является аскетизмъ, порожденный презрѣніемъ къ міру. Сестра Мехтильда, доведенная землей до отчаянія, теперь искала и находила утѣшеніе въ небѣ. Она была близка къ умерщвленію въ себѣ всего, что не было стремленіемъ къ небу, — она была аскеткой.

III.

Сестрѣ Мехтильдѣ было тридцать лѣтъ съ небольшимъ. Уже двѣнадцать лѣтъ прожила она въ монастырѣ, какъ вдругъ съ ней совершилась странная пережѣна. Она сразу почувствовала упа-

догъ силъ, не физическихъ, а тѣхъ внутреннихъ, о которыхъ она только и заботилась и которыя до сихъ поръ составляли источникъ ея счастья. Изъ ея вѣры и любви не убыло ни одного атома, но онѣ какъ-то перестали оживлять ее. Молилась она съ холодомъ въ душѣ, ея благочестивыя размышленія прерывались какимъ-то каменнымъ оцѣпенѣнiемъ. Съ незнакомою до сихъ поръ неохотою она разставалась со своею постелью, лѣниво шла къ утрени; во время торжественной поздней обѣдни машинально повторяла слова священника, напрасно борясь съ непобѣдимой силой, которая приковывала ея взоръ къ кусочку неба, виднѣвшагося въ окно, или къ яркому солнечному лучу. Она усиливалась опускать глаза къ землѣ или устремлять ихъ на алтарь, но сама не знала, какъ и когда снова поднимала ихъ кверху и слѣдила за проходящими облачкомъ или переливами солнечнаго луча. Бывали дни, когда она, въ своей одинокой кельѣ или въ часовнѣ, похожей на вызолоченный гробъ, плакала горячими слезами и, несмотря на всѣ усилiя, не могла найти причины, только на сердцѣ ея лежала гнетущая тяжесть, изъ-подъ которой она не могла высвободиться и воспарить къ Богу. Во всѣхъ этихъ перемѣнахъ болѣе всего ее удручала потеря недавно еще столь яснаго сознанiя исключительнаго совершенства своей природы. И случилось это тогда, когда ея усердiе и рвенiе, казалось, переходили границы человѣческой силы и удивляли не только лѣнивыхъ, но и самыхъ набожныхъ сестеръ. Она вдругъ ослабѣла, остыла, заснула и казалась самой себѣ угасшею лампадой, трупомъ, механически двигающимся при помощи какой-то посторонней, скрытой въ немъ силы.

Съ обыкновенной точки зрѣнiя положенiе сестры Мехтильды было простымъ послѣдствiемъ долгаго и односторонняго изнуренiя,—мысль утомилась тоже и требовала новой пищи. Наука опредѣлила извѣстное названiе для такого положенiя, но сестра Мехтильда называла это испытанiемъ, которое Богъ послалъ на нее и которое сократить могла только Его воля. Какъ Христосъ въ Гесиманскомъ саду, она молила, чтобы эта чаша миновала ее, но, покуда рука Творца держала край этой чаши у ея губъ, она терпѣливо и покорно пила изъ нея.

Покорная, терпѣливая, но унылая и встревоженная, сестра Мехтильда шла на обычный двухчасовой урокъ рисованiя и вышиванiя по той части монастырскаго зданiя, гдѣ помѣщался новиціатъ. Поспѣшною, тихою походкой, съ руками, сплетенными на груди у золотаго креста, она спустилась съ высокой лѣстницы. Была пора, когда однѣ монахини были заняты въ пансіонѣ или новиціа-

тѣ, другія хлопотали по хозяйству или въ своихъ кельяхъ читали житіе святаго, празднуемаго въ этотъ день. Въ монастырскихъ корридорахъ царствовала та глубокая тишина, которая свойственна только широко раскинувшимся полямъ или пространствамъ, обнесеннымъ толстыми стѣнами. Въ монастырѣ было много корридоровъ, широкихъ и узкихъ, съ бѣлыми стѣнами, прорѣзанными дверями, ведущими въ разные залы, или широкими стеклянными рамами, за которыми виднѣлись различныя часовеньки съ алтарями, убранными бѣлоснѣжными кружевами, или съ серебряными статуями святыхъ.

Осенью или зимою, когда небо покрыто густыми сѣрыми тучами, въ сводчатыхъ корридорахъ было почти темно, но теперь сквозь узкія рамы свинцовыхъ переплетовъ врываются яркіе лучи весенняго солнца и широкими, свѣтлыми пятнами ложились на плиты пола. Сестра Мехтильда вышла въ одинъ изъ корридоровъ и остановилась въ недоумѣніи передъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Въ одной изъ часовень, передъ алтаремъ, убраннымъ кружевами и усыпаннымъ цвѣтами, на колѣняхъ стоялъ ребенокъ. То была дѣвочка лѣтъ семи, слабая, хилая, съ ясными, золотистыми волосами. Глаза ея были подняты вверху, губы быстро, быстро шептали горячую молитву.

Сестра Мехтильда была удивлена. Входъ въ эти корридоры былъ строго воспрещенъ пансіонеркамъ. Откуда же взялась эта? Если бы хоть намекъ на крылья, то можно было бы подумать, что это ангелъ слетѣлъ съ неба по косому солнечному лучу, западающему въ часовню. Сестра Мехтильда сначала было хотѣла убѣждать, но потомъ тихо, медленно приблизилась и стала у стеклянной стѣны, за спиною молящагося ребенка. Дѣвочка скорѣе почувствовала, чѣмъ услышала чье-то близкое присутствіе, обернулась и съ испугомъ вскочила съ колѣнъ. Она знала, что входитъ ей сюда воспрещено, но монахиня положила свою бѣлую руку на ея плечо и спросила:

— О чемъ ты такъ горячо просила св. Яна?

Съ опущенными глазами, крутя конецъ бѣлаго фартучка, дѣвочка заговорила шепотомъ:

— Эти нѣмецкія слова такія трудныя, что я совсѣмъ, совсѣмъ не могу выучить... Вчера панна Іоахима сердилась на меня, что я не знала урока... Сегодня утромъ я учила, учила... и ничего... что выучу, то забуду...

— О чемъ же ты просила св. Яна?

— Чтобы онъ помогъ мнѣ выучить нѣмецкія слова.

Губы сестры Мехтильды были сурово сжаты, но въ ея глазахъ, устремленныхъ на дѣвочку, промелькнула улыбка.

— Какимъ образомъ ты пришла сюда?

Дѣвочка въ первый разъ взглянула на нее прямо.

— Старшія панны говорили, что въ монастырскихъ корридорахъ есть такая хорошенькая, хорошенькая часовенька св. Яна. Я пошла ее искать... Куда идти — не знаю... я шла, шла... все корридоры... У Пресвятой Дѣвы, которая стоитъ тамъ такая нарядная и изъ ручекъ лучи сыплетъ, помолилась немного и опять пошла искать св. Яна... вотъ и нашла!

Разсказывая свои богатырскіе подвиги, дѣвочка оживилась и показала маленькимъ пальцемъ сторону, откуда пришла и гдѣ мѣлилась передъ Пречистою Дѣвой, у которой изъ ручекъ сыплются лучи. Улыбка изъ глазъ сестры Мехтильды перешла и на ея губы.

— Для чего же ты такъ искала именно часовню св. Яна?

— Онъ патронъ папы...

Рука монахини тяжелѣе налегла на плечо ребенка. Какъ бы подтверждая то, о чемъ и раньше почти догадывалась, она протяжно прошептала:

— Да!

И странно смягчившимися глазами она заглянула ребенку прямо въ глаза. Голосъ ея слегка дрожалъ, когда она спросила немного погодя:

— А твою мать какъ зовутъ?

— Клара...

— Да! — повторила сестра Мехтильда, отняла руку отъ плеча дѣвочки и ласково провела по ея волосамъ, но только одинъ разъ... Вдругъ, точно уколотая стрѣлой какого-то воспоминанія, она выпрямилась и порывистымъ движеніемъ оттолкнула отъ себя ребенка. Ея смягчившіеся глаза загорѣлись гнѣвомъ, голосъ поднялся почти до крика:

— Зачѣмъ ты пришла сюда? Пансіонеркамъ входъ сюда воспрещенъ. Ступай, ступай! и помни — не приходи сюда никогда, никогда, никогда!

Она повернулась и побѣжала вдоль корридора такимъ быстрымъ и нервнымъ шагомъ, что другая монахиня, повстрѣчавшаяся съ ней на перекресткѣ, широко открыла глаза отъ изумленія. Мать Норберта, начальница пансіона, сама всегда ходила быстро, съ высоко поднятою головою и такими размашистыми движеніями, что концы вуаля, какъ крылья, трепетали у ея плечо. Долголѣтнее управленіе пансіономъ придавало отъѣнокъ смѣлости и энергіи всей

фигурѣ этой монахини, — немолодой, сильной, съ некрасивымъ, грубымъ, но очень оживленнымъ лицомъ. Потребности пансіона заставляли ее читать много разныхъ книжекъ и вести разговоры, съ религіей ничего общаго не имѣющіе; она привыкла распоряжаться, приказывать, возвышать голосъ, ходить торопливою походкой, съ открытымъ лицомъ смотрѣть прямо въ лицо людямъ обонхъ половъ. И теперь она такъ куда-то спѣшила, такъ задумалась о чемъ-то, что когда сестра Мехтильда, поравнявшись съ нею, низко наклонила голову и вымолвила: «во имя Отца и Сына!» — то начальница пансіона отвѣтила только: «во вѣки», проглотила остальные слова и побѣжала дальше. Но сестра Мехтильда загородила ей дорогу.

— Мать Норберта!

— А, что? что вамъ? Бѣ матушкѣ настоятельница спѣшу! Такая забота... два учителя у насъ уходятъ... оба вмѣстѣ... и, главное, изъ старшихъ классовъ, гдѣ сестры замѣнить ихъ не сумѣютъ... Одинъ заболѣлъ, другой совсѣмъ уѣзжаетъ... что тутъ дѣлать? Бѣгу къ матушкѣ посоветоваться, какимъ манеромъ найти другихъ поскорѣе...

— Мать Норберта!

— Видите ли, прерывать уроковъ я не могу... Тутъ и толковать нечего, — это на совѣсти нашей лежитъ... Сестры хороши для маленькихъ, а въ старшихъ классахъ настоящая наука нужна... А тутъ вдругъ двое... ну, гдѣ мы ихъ теперь возьмемъ? Бѣда сущая! А вамъ нужно что-нибудь? Идете вы такъ скоро, какъ будто у васъ цѣлый пансіонъ на шеѣ, лицо все раскраснѣлось... Ужь не больны ли вы, сохрани Боже?

Съ горящими щеками, съ сверкающими глазами, сестра Мехтильда заговорила громче обыкновеннаго:

— Здоровье и болѣзнь въ рукахъ Божіихъ, но Онъ намъ приказалъ заботиться о чистотѣ душевной, а душа-то и находится въ опасности вслѣдствіе беспорядковъ, которые царятъ въ вашемъ пансіонѣ.

— Беспорядки... въ пансіонѣ? Какіе беспорядки? что такое? — въ испугѣ чуть не закричала мать Норберта.

— Дѣвицы изъ пансіона заходятъ въ закрытые для нихъ монастырскіе корридоры... Я только что видѣла одну въ часовнѣ св. Яна.

Мать Норберта вздохнула свободнѣе, — зная, обвиненіе не было особенно важнымъ, — и поправила сбившійся вуаль.

— Такъ, такъ! Это нехорошо! Что запрещено, то запрещено!

Нечего тутъ толковать... Послушаніе въ пансіонѣ—вещь необходимая! А какую вы тамъ видѣли,—старшую, подростка, маленькую?

— Маленькую,—отвѣтила сестра Мехтильда и въ голосѣ ея что-то дрогнуло.

— Ахъ, эти маленькія!—вздохнула мать Норберта.—Съ ними больше всего хлопотъ... такія-то все слабыя, неразумныя... ни наказывать ихъ нельзя, ни баловать... А вы не узнали, какъ ее зовутъ?

— Она сказала мнѣ свое имя—Клара...

По толстымъ губамъ матери Норберты пробѣжала усмѣшка.

— Ахъ, эта! изо всего пансіона самая маленькая! Еще мѣсяца нѣтъ, какъ ее привезли сюда; бѣдный ребенокъ все хворалъ и не могъ воспитываться въ томъ климатѣ, гдѣ живутъ его родители... Все скучаетъ по дому, такая слабенькая...

Базалось, что мать Норберта выпрашиваетъ пощаду для своей маленькой воспитанницы. Но сестра Мехтильда выпрямилась и выраженіе непреклоннаго упорства снова разлилось по ея худому лицу.

— Мать Норберта, святой уставъ нашъ повелѣваетъ монахинямъ, свободнымъ отъ занятій при пансіонѣ, избѣгать всего, что можетъ напоминать имъ о мірѣ. Дѣвицы изъ пансіона, разгуливающія по корридорамъ, напоминаютъ міръ и... пробуждаютъ грѣшныя мысли...

Слушая свою собесѣдницу, мать Норберта переступала съ ноги на ногу и въ десятый разъ оправляла вуаль на головѣ. Наконецъ, она отвѣтила, слегка пожимая плечами:

— Ну, хорошо, хорошо, я пожурю ее, пожурю... нечего тутъ толковать, за непослушаніе пожурю...

— Ее наказать нужно! — крикнула сестра Мехтильда страстная ненависть свергнула въ ея глазахъ и зашипѣла въ голосѣ.

IV.

Въ тотъ же вечеръ, когда монахини послѣ службы расходились по своимъ бѣльямъ, мать Норберта слегка замедлила шагъ, проходя мимо сестры Мехтильды.

— Исполнено такъ, какъ вы желали,—сказала она,—дѣвочки въ присутствіи всего класса стояла въ углу. За непослушаніе ее наказала, и нечего тутъ толковать. Плакала...

Она забренчала связкою ключей и побѣжала дальше. Огонь свѣчки долго дрожалъ въ рукѣ сестры Мехтильды, прежде чѣмъ прикоснуться къ фитилю небольшой лампочки, которая слабымъ свѣтомъ освѣтила ея келью, Келья была крохотная, но безукоризненно-чистая. Стѣны высокія, бѣлоснѣжныя, высокій потолокъ, сходящійся вверху сводомъ, блестящій мозаичный полъ, какъ почти повсюду въ монастырѣ. На бѣломъ фонѣ стѣны черный крестъ съ бѣлою фигурой Христа, кропильница съ святою водою, тяжелая дверь и окно съ желѣзною рѣшеткой.

У стѣны — узкое ложе съ жесткимъ изголовьемъ, столикъ съ лампочкой и духовными книгами, два стула, глиняная кружка съ водою — и ничего больше. Но сестра Мехтильда ощущала здѣсь обаяніе чего-то невидимаго, но невыразимо отраднаго, — обаяніе одиночества. Въ особенности въ эту пору, послѣ неизбежнаго столкновенія со внѣшнимъ міромъ, — хотя бы это были встрѣчи съ монахинями, — сестра Мехтильда только войдя въ свою келью чувствовала себя совершенно наединѣ со своею душой и съ Богомъ. Для нея, кромѣ чистоты ея души на землѣ и Бога на небѣ, не существовало ничего. Понятно, какъ дорога была минута, когда она не чувствовала себя раздѣленною никакимъ шумомъ съ предметами своей любви и заботы, когда она была твердо убѣждена, что никто и ничто, — ни тихій шелестъ рясы по каменному полу, ни лучъ солнца, закравшійся въ окно, — не помѣшаетъ ей вести тихія, нескончаемыя бесѣды съ своею душой и Богомъ. Монастырскій уставъ, замыкающій двери кельи сестры Мехтильды, лучше оберегалъ ея одиночество, чѣмъ это могли сдѣлать самыя крѣпкіе замки и запоры. Съ радостною увѣренностью она сознавала свою полную безопасность и по цѣлымъ часамъ просиживала на узкомъ и жесткомъ ложѣ, спускаясь мыслью до самой глубины своей души. То были безконечные счеты съ совѣстью, счеты, гдѣ каждая минута, мысль, движеніе прожитаго дня разбивались на мельчайшіе атомы, взвѣшивались, приводились въ связь, причемъ тщательно изслѣдовалось, не было ли чего-нибудь заслуживающаго покаянія. Въ этомъ скрупулезномъ разборѣ однообразной жизни заключалась и неимоверная суровость, и безпредѣльная искренность. Малѣйшей частицы того, что могло показаться грѣхомъ, сестра Мехтильда не прощала себѣ и не пыталась защитить себя ни передъ собою, ни передъ Богомъ. Лишнее слово, безъ котораго можно было обойтись, лишній кусокъ хлѣба послѣ утоленія голода, мимолетная улыбка или секунда лѣни, — все это были пятна, которыя сестра Мехтильда смывала съ своей души сокрушеніемъ,

молитвою, часто даже колючею власяницей. Но бывали дни, которые, послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія, оказывались прожитыми безъ грѣха, и тогда сестра Мехтильда испытывала такое счастье, какое испытываетъ человѣкъ, когда ему удастся схватить преслѣдуемый имъ идеалъ. Она чувствовала себя тогда легкою и бѣлою, какъ снѣгъ, близкою къ Богу, полною надеждъ. Гася лампу, она тихимъ и глубоко прочувствованнымъ голосомъ шептала благодарственную молитву и засыпала съ такою молитвой, съ какою засыпаетъ ребенокъ на груди любящей матери.

Такъ продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Но сегодня тишина и одиночество кельи не производили на сестру Мехтильду обычнаго впечатлѣнія. Она зажгла лампу и, согласно монастырскому уставу, начала провѣрять прожитый день, но совѣсть ея была отягощена важнымъ грѣхомъ, который сжималъ ея сердце и наполнял его горестью и тревогой. И эти чувства, и свой грѣхъ, вмѣстѣ съ его источникомъ, она должна была ясно и чистосердечно сознать, чтобы не совершить еще большаго грѣха, — чтобы не солгать передъ Богомъ. Да, скрывать что-нибудь передъ Богомъ — значитъ обманывать Того, Кто далъ ей вѣру и надежду, въ то время, когда она потеряла всѣ свои надежды, Кто показалъ ей небесную сладость, когда она была отравлена земною горечью. И лицомъ къ лицу со своею затаенною мыслью, сестра Мехтильда сказала себѣ, что ребенокъ, котораго она видѣла въ часовнѣ, произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, навѣялъ грѣховныя, земныя мысли. Нѣтъ, ни передъ собою, ни передъ Богомъ она не желала скрывать, что знала, *кто* этотъ ребенокъ, какія воспоминанія онъ пробудилъ въ ней. И потому-то, что она знала это, она и стремилась къ нему какъ желѣзо стремится къ магниту, а человѣкъ къ тѣни своего утраченнаго счастья. При первомъ прикосновеніи къ этому ребенку она почувствовала, что страстно полюбила его; ей хотѣлось обнять маленькое созданіе, прижать его къ груди, какъ будто бы оно было дорогою тѣнью невозвратнаго прошлаго. И такъ, хотѣ мгновеніе, она могла любить то, что было горстью праха, скоро преходящимъ явленіемъ, — она, всѣ мысли которой должны быть направлены къ небу и Богу! Но, увы, эта горсть праха была чѣмъ-то вродѣ волшебнаго зеркала, которое вдругъ, съ необыкновенною отчетливостью и силой, показало сестрѣ Мехтильдѣ картину далекаго, ненавистнаго, проклятаго прошлаго. Значить, отдаленное могло возвращаться, спящее на днѣ души пробуждаться съ громкимъ крикомъ, выкинутое изъ памяти — заявлять о своемъ существованіи. Значить, послѣ столькихъ лѣтъ самоотреченія она

могла еще вспоминать о прошломъ и горько жалѣть о немъ... Сестра Мехтильда была поражена, но не могла, несмотря на всѣ усилія, подавить въ себѣ это чувство, не могла потому, что подъ наплывомъ воспоминаній утратила сознание всего окружающаго и унеслась мыслью въ прошедшее. Можно было подумывать, что прошедшее, какъ долго побѣждаемое, теперь мстило за свое униженіе. И сестра Мехтильда поддалась ему, потому что у ней не хватило силы сопротивляться. Она не понимала себя, не знала, что сама принадлежитъ къ числу тѣхъ глубокихъ натуръ, раны которыхъ никогда не затягиваются совершенно, а воспоминанія не умираютъ никогда. Сидя на своемъ жесткомъ ложѣ, она и не думала о сведеніи счетовъ съ своею совѣстью, не видѣла ни стѣнъ кельи, ни распятія, ни рѣшетки окна... Она была въ своемъ родномъ, тепломъ, тихомъ гнѣздышкѣ, посреди полей, мокрыхъ пеленой искрящагося снѣга или залитыхъ моремъ золотистой пшеницы, у береговъ голубой рѣки, подъ безконечнымъ куполомъ безоблачнаго неба. Всѣ эти мѣста она обошла поочередно своею памятью, встрѣчая близкихъ людей на каждой тропинкѣ, на каждомъ шагу. Она слышала мычаніе стадъ и птичье щебетанье, различала каждую черточку на знакомыхъ лицахъ, слѣдила за каждымъ словомъ ихъ рѣчи. Воспоминанія вырвались изъ-подъ тяжелаго гнета и воскресили память давно умершихъ поцѣлуевъ, которые осыпали ее лобъ, щеки, губы, разбудили эхо давно забытыхъ словъ и наполнили ихъ радостнымъ звукомъ мрачную келью. Но яснѣе всего предстали предъ сестрой Мехтильдой то мѣсто и время, которыя напоминали ей глаза ребенка во время послѣдняго торжественнаго богослуженія. Съ этимъ мѣстомъ и временемъ были связаны ея самыя лучшія воспоминанія... Медленнымъ, автоматическимъ движеніемъ сестра Мехтильда подняла съ колѣнъ свою исхудалую руку и начала ее разсматривать; эта рука въ то время покоилась въ его рукѣ. Скоро должны были произойти событія, весьма важныя для нихъ обоихъ. И, связанная съ нимъ крѣпкою цѣпью любви и одинаковыхъ мыслей, она долго лежала въ его объятіяхъ, тихая, покорная, вѣрющая... Суровыя черты лица сестры Мехтильды смягчались, на губахъ показалась улыбка, неподвижные глаза заволакивало сладостнымъ туманомъ... То было на узкой полевой тропинкѣ, въ тѣни разросшагося орѣшника, при полномъ блескѣ полуденнаго солнца. Румянецъ стыда заливалъ ея горящія щеки, — она вырвалась и закричала своей подругѣ: «Блара! Блара!» Она теперь дважды произнесла это имя и съ необычайною ясностью,

которая граничила съ галлюцинаціей, увидала, какъ изъ-за высокой стѣны пшеницы показалась розовая фигура дѣвушки съ пучкомъ васильковъ въ рукахъ. На ходу она спугнула стаю маленькихъ птичекъ и онѣ съ пискливымъ щебетомъ поднялись, трепеща крылышками... Надъ ея головою пролетѣла большая бабочка... Далеко, далеко вверху медленно плыли бѣлыя облачка и отъ времени до времени застилали яркій дискъ солнца. Чудная лѣтняя погода, тишина вокругъ, миръ, радость и покой... О, Боже, какъ прекрасенъ Твой свѣтъ! Небо—это дивный сафировый сводъ, земля—коверь, составленный изъ травъ и цвѣтовъ, воздухъ—океанъ благоуханія, сердце человѣка—чаша, до краевъ наполненная счастьемъ!... Вдругъ, съ тою же ясностью, съ которою сестра Мехтильда припомнила райскій разсвѣтъ своей жизни и счастья, она увидала и ихъ разрушеніе. Она слышала гулъ выстрѣловъ, смотрѣла на горящія стѣны своего дома, на трупы и мученія своихъ братьевъ, на озвѣрѣвшихъ людей, залитыхъ заревомъ пожара... И повсюду, повсюду вокругъ она видѣла эти сцены, и, наконецъ, предъ нею предстала послѣдняя, когда руки любимаго ею человѣка сокрушили, разбили ея довѣрчивое сердце, когда передъ ея глазами спустился на землю густой, непроницаемый мракъ. И все, что жило и было подъ этою пеленой мрака стало для нея достойнымъ презрѣнія; она спаслась отъ невѣсти и прибѣгла къ помощи божественной любви, но и теперь, когда передъ ея глазами мракъ снова окутывалъ эту вѣроломную, но полную неотразимой прелести землю, сестра Мехтильда почувствовала горькую, тяжелую жалость. Эта жалость была изъ тѣхъ, изъ которыхъ вырастаютъ высокіе и больные цвѣты меланхоли.

Теперь въ головѣ у ней, какъ у всѣхъ меланхоликовъ, слышались вопли и жалобы, а на сердце налегъ тяжелый камень, который выжималъ слезы изъ ея глазъ. Она сидѣла на своемъ жесткомъ ложѣ и ничего не чувствовала, кромѣ жалости къ райски-прелестной землѣ, на которую спустилась пелена мрака. Зло, брѣнность грѣхъ, страданіе и смерть, всеобщіе и неизбѣжные,—вотъ, Творецъ, Твой свѣтъ! Небо его—обманчивая лазурь, съ которой и головы довѣрчивыхъ людей спадаютъ молніи и громовые удары; земля—кратовая нора, гдѣ копошатся гады, пожирающіе друг друга; воздухъ—океанъ горя и тревоги; сердце человѣка—чаша до краевъ наполненная слезами! Человѣчество—это сборище тѣхъ, забывающихъ, что всякій порывъ вѣтра можетъ развѣять ихъ въ разные стороны, скелетовъ, не помнящихъ того, что тѣло каждому

минуту может свалиться съ ихъ костей,—масса безумцевъ, воображающихъ, что они могутъ настичуть то, что преслѣдуютъ, и разбивающихъ о разныя стѣны свои сердца и головы,—глухихъ павлиновъ, гордящихся яркою окраской своихъ перьевъ,—дѣтей, которыя пускаютъ мыльные пузыри и радостно рукоплещутъ имъ, которыя и жить могутъ только подь условіемъ забвенія того, что было вчера, и незнанія, что будетъ завтра. Въ воздухѣ, въ водахъ, въ чащѣ лѣсовъ, въ звѣриныхъ логовищахъ и человѣческихъ жилищахъ нѣтъ ни доброты, ни снисхожденія, ни безопасности. Повсюду кипитъ свирѣпая борьба, отовсюду сыплются смертельные удары. Даже полевые цвѣты, невинные и прелестные, падаютъ подь косою и серпомъ... Всѣ плоды и явленія земли—добрые или злые—плывутъ по океану времени, сталкиваются другъ друга съ дороги и гибнутъ въ безконечности. Ничто не вѣчно. На землѣ нѣтъ такой вещи, въ области матеріи и духа, которая могла бы избѣгнуть разложенія и гніенія. Какъ тучи, такъ и цвѣты, какъ члены человѣка, такъ и его надежды носятъ въ себѣ зачатки разложенія. Смерть подтачиваетъ все, какъ червякъ дерево. Клеточки, составляющія ткань тѣла новорожденнаго, умираютъ въ первый же день его жизни, замѣняются новыми, которыя умрутъ завтра, но наступитъ день, когда на смѣну умершимъ уже новыхъ не явится. Только смерть сдерживаетъ свое обѣщаніе, все остальное щедро расточаетъ влѣтвы для того лишь, чтобы не сдерживать ихъ.

Сестра Мехтильда плакала тихо, крупными слезами, которыя ровно и медленно падали на ея черную рясу, на золотой крестъ, на блѣдныя руки, но она ничего не чувствовала. Она такъ привыкла бесѣдовать съ Богомъ, что и теперь взывала къ Нему изъ глубины своего отчаянія:

— Боже всемогущій, отчего Ты не смягчишь своего гнѣва? Отче всемилостивый, отчего Ты не смилуешься? Море свѣта, отчего Ты не просвѣтишь свой темный міръ? Агнецъ Божій, взявшій на себя грѣхи міра, развѣ они искуплены? Искупитель, гдѣ же спасеніе? Христось...

Это имя заставило ее содрогнуться и привело въ сознаніе. Она взглянула на распятіе, вскочила на ноги и отчаянно крикнула:

— Да, вѣдь, это богохульство!

Съ судорожно-сжатыми руками, съ помутившимися глазами, она думала, что этотъ одинъ день уничтожилъ долголѣтній трудъ ея сердца и воли, отдалилъ ее отъ Бога, котораго она оскорбила дѣломъ, помышленіемъ и словомъ: дѣломъ—потому, что на ми-

нутку поддавалась земному влеченію; помышленіемъ—потому, что утонула въ земныхъ воспоминаніяхъ; словомъ—потому, что,—о, горе!—вступила въ споръ съ Богомъ... Да, изъ жалости и состраданія къ землѣ, она роптала на ея Творца и Господа. Она шла по стопамъ лжемудрецовъ міра, позорила святое мѣсто, въ которомъ находилась теперь, губила свою душу. Если бы она,—преступная монахиня,—умерла сейчасъ же, то злой духъ унесъ бы въ адъ ея душу, какъ свою законную добычу. Но вѣчное проклятiе и его муки теперь казались ей ничѣмъ въ сравненіи съ угрызеніемъ совѣсти и сознаниемъ того, что она сама увеличила пространство, отдѣляющее ее отъ единственнаго предмета ея любви и поклоненія. Недаромъ и она была ничтожною горстью земнаго праха. Все, что она думала о бренности земли, было приложимо и къ ней. Какъ и все земное, и ее пропитывала злоба грѣха, и она подлежала непостоянству. Она совершила то, что презирала больше всего,—измѣну. Она измѣнила Богу.

Слезы сестры Мехтильды хлынули ручьемъ, изъ груди вырвался стонъ, руки сами протягивались къ распятію. Но рыданія ея вдругъ прекратились, руки упали внизъ; она подняла голову. Нѣтъ, она не подчинится обычному закону міра, она поднимется надъ его грязнымъ моремъ и вознесется надъ нимъ, она вступитъ въ борьбу со всеобщою бренностью и покоритъ этотъ страшный призракъ... И она топнула ногою такъ, какъ будто бы хотѣла оттолкнуть изъ-подъ своихъ ногъ этотъ шаръ изъ праха и грязи. Пусть онъ летитъ въ бездонную пропасть! Она побѣдоносно взлетитъ къ источнику совершеннаго добра и сольется съ нимъ въ обители вѣчности. Она не имѣла ни малѣйшаго представленія, что въ эту минуту она тѣснѣе, чѣмъ когда-нибудь, объединялась съ человѣчествомъ въ гордости и самолюбіи, ее палила жажда какъ можно скорѣе вырваться изъ среды людей, возвыситься надъ нею сокрушеніемъ и терзаніемъ того, что уподобляло ее другимъ и приговывало къ землѣ. Что же это было, если не тѣло, эта тряпка, пропитанная ядовитыми испареніями земли, это гнѣздилище искушеній? Это оно было другомъ земли, союзникомъ сатаны, врагомъ Бога. Недостаточно сурово она еще обращалась съ нимъ до сихъ поръ, не сзумѣла еще подчинить его себѣ. Покорилось было оно почти совсѣмъ, притихло, но то была засада въ ожиданіи благоприятной минуты... О, искуситель, врагъ, вѣчно подстерегающій жертву!...

Теперь губы сестры Мехтильды были крѣпко сжаты, глаза смотрѣли строго и сурово. Блѣдная, какъ полотно, безъ малѣйша-

го колебанія, она твердыми руками сняла съ головы вуаль, растегнула воротъ рясы и, полуобнаженная, упала на колѣни передъ распятіемъ, слабо освѣщеннымъ скуднымъ свѣтомъ лампы. Послышался рѣзкій свистъ плетки и на бѣлой худой спинѣ появилась красная линія.

— Такъ, такъ! Еще, еще! Если бы это было можно, если бы Ты, Господь, позволялъ это, какъ было бы хорошо порвать въ злочья гнилую тряпку—тѣло и выпустить на волю томящуюся въ ней птицу—душу!

Можно было подумать, что та внутренняя сила, которая помогала ей при совершеніи тяжелыхъ и грязныхъ работъ, вновь вступила въ ея руки. На плечахъ ея, на рукахъ, на груди, на шеѣ появлялись все новыя и новыя полосы, потомъ показались капли крови, потомъ кровь потекла узенькими ручейками.

Нанося себѣ удары, сестра Мехтильда не спускала съ распятія восторженныхъ глазъ. Въ страшной боли было наслажденіе, никому непонятное, кромѣ нея. Она страдала только отъ того, что не могла больше страдать, и отъ времени до времени съ ея устъ срывался тихій шепотъ:

— Пусть болитъ сильнѣе! О, Господи, помоги, чтобы болѣло сильнѣе!...

А въ мысли она засчитывала наносимые себѣ удары:

— Это за грѣхи мои! Это за то, что, вмѣсто любви къ Творцу, я почувствовала любовь къ твари! За воспоминаніе о земныхъ прелестьяхъ! За состраданіе къ землѣ! За сомнѣніе въ правильности путей неисповѣдимыхъ Твоихъ!

Наконецъ, она ослабѣла, невольныя слезы потекли изъ глазъ и смѣшались съ кровью. Она уже не могла ни молиться, ни истязать себя больше. Свое намѣреніе она осуществила, истерзала тѣло такъ, что въ немъ угасали сила, мысль и чувства. Плеть съ легкимъ стукомъ упала на полъ и сама сестра Мехтильда распростерлась передъ распятіемъ.

А за окномъ, за тяжелою желѣзною рѣшеткой начиналось ясное, погожее, тихое утро. Въ большомъ монастырскомъ саду становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, на краю небосклона яркимъ полымемъ вспыхнуло маленькое пушистое облачко, по деревьямъ пробѣжалъ легкій вѣтерокъ и шепнулъ зеленымъ листьямъ: солнце встаетъ! солнце встаетъ! Въ гнѣздышкѣ, что прилѣпилось у самого окна, какъ разъ возлѣ желѣзной рѣшетки, проснулась и весело защелкала ласточка.

V.

Съ этого дня сестра Мехтильда освободилась отъ удручающаго ее впечатлѣнія холода и духовной немощи. Напротивъ, теперь она молилась съ большимъ, чѣмъ когда бы то ни было, усердiемъ и яснѣе сознавала свое превосходство. Монахини замѣчали яркія пятна на ея щекахъ и необыкновенный блескъ въ глазахъ. То были признаки лихорадки, которая вотъ уже нѣскольکو дней мучила сестру Мехтильду. Она чувствовала боль въ головѣ и во всѣхъ суставахъ, не могла стоять на ногахъ, а во время богослуженія, чтобы не упасть, должна была прислониться спиною къ стѣнѣ. И неудивительно: послѣ истязанія плетью она надѣла на себя власяницу. Она была больна, тѣло ея представляло почти сплошную рану, но, вслѣдствіе слабости, ей снились сны и представлялись видѣнія, приводившія ее въ восторгъ. Когда, близкая къ полному обмороку, неспособная ни къ какому движенію, она лежала на полу часовни или кельи, то ей казалось, что она стала чистымъ, свободнымъ духомъ, который вотъ-вотъ распростится съ землей и возлетитъ въ ту обитель, которая иногда смутно представлялась ей въ образѣ чего-то златаго необыкновенно яркимъ свѣтомъ, наполненнаго необычайно сладостными звуками. Теперь сестра Мехтильда всецѣло подпала подъ власть тѣхъ фантазмагорій, которыя навѣщаютъ людей съ больными нервами. Достаточно ей было закрыть глаза, чтобы на темномъ или темно-пурпурномъ фонѣ увидеть блѣдный ликъ Христа, кроткіе профили святыхъ съ ласково и сострадательно смотрящими глазами или золотистую вязь линий, сплетающихся въ странныя сочетанія неземныхъ цвѣтовъ, растений, цѣлаго ряда колоннъ. Все это быстро мелькало мимо ея глазъ, колыхалось, смѣнялось одно другимъ, а сестра Мехтильда съ тревожнымъ и восторженнымъ любопытствомъ слѣдила за перемѣнами этого фантастическаго калейдоскопа. Во снѣ эти мистическія видѣнія становились яснѣе, чѣмъ на яву. То снилась ей необъятная дуга яркой радуги, по которой всходили и нисходили свѣтлые духи; то она чувствовала, что ее прикрываетъ какая-то необыкновенно-теплая и мягкая пелена и смиряетъ всю боль ея ранъ... Сестра Мехтильда пробуждалась отъ сна, полная неясной жажды и стремленій, потомъ во время длинной безсонницы вспоминала свои видѣнія съ восторгомъ, который опьянял ее, какъ вино, и давалъ силы встать, идти къ утрени и присоединить свой голосъ къ хору молящихся сестеръ.

Прошло много дней и сестра Мехтильда не обращала никакого вниманія на пансіонерокъ (хотя она не пропускала ни одной службы), но однажды, случайно поднявъ голову отъ молитвенника, она встрѣтилась своимъ взоромъ съ глазами маленькой дѣвочки, которая опустила на колѣни возлѣ нея, набожно сложила руки и начала торопливо шептать:

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...

Сестра Мехтильда стала на колѣни и всею своею силою углубилась въ молитву. Она инстинктивно чувствовала опасность. Это маленькое существо, розовое, свѣтловолосое, было врагомъ, отъ котораго сестра Мехтильда должна была бѣжать, обороняться. До хоръ долеталъ неясный, старческий голосъ ксендза да звонъ колокольчика. Въ узкое окно врывался солнечный лучъ и обливалъ яркимъ свѣтомъ серебряную статую святой.

Въ этой тишинѣ сестра Мехтильда обратила свое лицо къ молящемуся рядомъ съ нею ребенку. Она не могла удержаться, какъ человѣкъ, чувствующій, что на него кто-то наступаетъ, не можетъ не обернуться назадъ. Получасовое стоянье на колѣняхъ утомило дѣвочку, набожныя намѣренія разлетѣлись въ прахъ, и теперь всякая черта ея подвижнаго лица дышала мѣрскою мыслью, вовсе не соответствующею святости храма. Искрающимися глазами она поглядывала на своихъ подругъ, пальцами посылая имъ какіе-то таинственные телеграфные знаки. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ, и, должно быть, очень забавный, потому что дѣвочка не утерпѣла, разсмѣялась и торопливо зажала ротъ рукой. Въ ту же минуту чья-то бѣлая, худая рука дотронулась до ея рукава, чей-то голосъ заговорилъ у ней надъ ухомъ:

— Отчего ты не молишься? Какъ смѣешь въ обители Божіей смѣяться грѣховнымъ смѣхомъ и шалить? Молись! плачь и молись! Ты — легкомысленное, неблагодарное твореніе! Ты не любишь Создателя твоего! Такою же будешь, какъ и твоя грѣшница-мать!

Испуганный ребенокъ видѣлъ склонившееся надъ нимъ лицо, блѣдное, какъ полотно, черные горящіе глаза, искривленные ненавистью губы и угрожающую руку. Послѣднія слова монахини уязвили дѣвочку больше всего, — она съ испугомъ отодвинулась къ старшей воспитанницѣ, крѣпко прижалась къ ней, спрятала лицо въ складкахъ ея платья и расплакалась.

А сестра Мехтильда, задыхаясь, дрожащими пальцами перевертывала листки молитвенника. Она была такъ возмущена маленькимъ созданіемъ, что теперь чувствовала къ нему страстную ненависть. Какъ мала еще и какъ глубоко погрязла въ грѣхъ! Одного

часа не можетъ посвятить Богу... Такимъ же самымъ грѣховнымъ сосудомъ, должно быть, была когда-то и ея мать. Когда сестра Мехтильда смотрѣла на плутоватое личико дѣвочки, передъ глазами ея *та* предстала, какъ живая.

— Боже, какая злоба и горечь наполняютъ меня! Ядъ суроваго негодования излился чрезъ мои уста, и теперь я еще не могу успокоить бѣненіе моего взволнованнаго сердца... кровь, словно молотомъ, стучить мнѣ въ виски... Мысли мои, какъ вихремъ гонимыя, летятъ къ той проклятой минутѣ, когда я узнала объ ихъ грѣхѣ... Развѣ, о Создатель мой, не правда это? Развѣ не правда, что они тяжко, страшно согрѣшили? Не Ты ли запрещаешь убивать Твой надрагоцѣннѣйшій даръ — вѣру? О, смири мои муки, ибо я въ Тебя увѣровала только тогда, когда во мнѣ убили всякую другую вѣру! Сократи дни моихъ испытаній, ибо только Ты одинъ милосердъ! Отпусти мнѣ этотъ новый тяжкій грѣхъ, воззри на мои страданія...

Въ это время у алтаря ксендзъ читалъ латинскую молитву:

— Агнецъ Божій, взявшій грѣхи міра...

Отворилось маленькое окошечко и появилась рука ксендза съ золотою чашей. Монахини, съ опущенными вуалями, подходили къ рѣшеткѣ, принимали св. причастіе и падали ницъ на землю. Не всѣ имѣли право ежедневно удостоиваться этого высшаго утѣшенія,—оно было удѣломъ горсти самыхъ благочестивыхъ, самыхъ отдаленныхъ отъ суеты міра, и къ числу избранныхъ, конечно, принадлежала и сестра Мехтильда. Но сегодня, когда золотая чаша свергнула въ отворѣ окошечка, она не поднялась съ своего мѣста, не пошла къ рѣшеткѣ. Она согрѣшила и не имѣла права приобщаться Богу. Теперь она чувствовала себя опять далекою отъ Него и горячо читала покаянную молитву. Да, читала, но только губами, тогда какъ въ сердцѣ ея продолжало раздаваться проклятіе землѣ и всему земному. Что, если не міръ и его явленія, отдаляло ее отъ Бога, вовлекало въ грѣхъ, становилось между нею и небомъ? О, если бы можно было быть всегда наединѣ только съ однимъ Богомъ! Если бы за этимъ монастыремъ разстилалась пустыня! Какъ счастливы были святые угодники, которымъ выпала такая завидная доля!

Въ этотъ же самый день, когда на монастырской башнѣ пробило двѣнадцать часовъ, настоятельница закрыла свой богато переплетенный молитвенникъ, встала съ своего высокаго мѣста и сказала пѣвучимъ голосомъ: «аминь!» Она опустила вуаль, нагнула на шею толстую веревку, взяла свѣчку и, начавъ новую молитву,

пошла вдоль длинной залы. По мѣрѣ ея приближенія монахини вставали съ своихъ скамеекъ и, тоже съ веревками на шеяхъ, съ зажженными свѣчами, шли во слѣдъ настоятельницы. Вся процессія спустилась съ хоръ, прошла темнымъ, узкимъ корридоромъ мимо богато вызолоченныхъ дверей нѣсколькихъ часовенъ, вступила въ другой корридоръ съ расписанными стѣнами, потемнѣвшими отъ времени, и потянулась дальше, беззвучно скользя по мозаичному полу. Такъ предписывалъ монастырскій уставъ шествовать къ поуденной трапезѣ. Ни веселья, ни пустыхъ шутокъ, — какъ это позволяютъ себѣ миряне, — ни разговора; напротивъ, сосредоточеніе духа, совмѣстная молитва, на шеѣ — веревка, символъ покаянія и умерщвленія плоти.

Наконецъ, изъ длинной и почти совсѣмъ темной аркады процессія вышла сразу въ огромный, широкій корридоръ, залитый ослѣпительнымъ свѣтомъ. Стѣны здѣсь были совершенно бѣлыя; въ открытыя, большія окна врывались потоки солнечныхъ лучей и свѣжаго весенняго воздуха, а изъ-за дверей на противоположной сторонѣ доносился шумъ веселыхъ дѣтскихъ голосовъ, топотъ маленькихъ ногъ, звуки фортепiano. Въ узкой щели одной изъ дверей видѣлись десятки дѣтскихъ глазъ, — черныхъ, сѣрыхъ, голубыхъ; то пансіонерки каждый день наблюдали за суровою процессіей монахинь, идущихъ въ трапезную. Дѣти толкали другъ друга, возились, ссорились, каждой хотѣлось занять мѣсто поудобнѣе, откуда получше видно. Добрыя сестры замѣчали эти отступленія отъ устава, но снисходительно притворялись, что ничего не видятъ. Иногда только въ заднихъ рядахъ тихо двигающейся колонны раздастся грозный голосъ матери Норберты, сопровождаемый не менѣе грознымъ звяканьемъ ключей, и тогда вся стая разсыпается во всея уголки. Но сегодня мать Норберта была занята дѣломъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и куча дѣтскихъ головокъ долго не оставляла своего наблюдательнаго поста. Но вдругъ случилось что-то неожиданное, — толкнулъ ли кто-нибудь кого-нибудь сильнѣе обыкновеннаго, на ногу ли наступилъ, — послышался сердитый крикъ: «Блара, что ты дѣлаешь?» — двери не выдержали, захлопнулись и шаловливая толпа разбѣжалась съ неудержимымъ смѣхомъ. Настоятельница не могла сдержать улыбки, костлявая мать Флоріана сильно втянула носомъ струю воздуха, чтобъ не размѣяться вслухъ, но были и губы, которыя сжались еще болѣе, были глаза, которые во избѣжаніе искушенія еще упорнѣе утаивались въ землю. Сестра Мехтильда чувствовала теперь жгучую ненависть къ молодости, къ веселью, къ смѣху, къ дневному блеску, къ зелени деревьевъ, къ

пѣнию птицъ. Все это было однимъ великимъ сосудомъ грѣха и смерти, ловушкой, предназначенной для человѣческихъ душъ, для ея души. Ахъ, какъ она ненавидѣла все это... какъ много здѣсь было соблазна! Когда изъ-подъ темной аркады она вышла въ свѣтлый корридоръ, то почувствовала, какъ въ ея грудь вливается струя радости, какъ солнечные лучи ласкаютъ ея израненныя щеки, какъ свѣжій вѣтерокъ забрался подъ ея вуаль и охлаждаетъ ея горящіе глаза... она заглядѣлась на кучу дѣтскихъ головъ и перестала даже читать молитву. О, несчастная! Какъ мало, какъ мало еще монастырскія стѣны и рѣшетки отдѣляютъ ее отъ міра! И она возжаждала пустыни, такой темной, глубокой пещеры, куда никогда не заглядываетъ ни лучъ солнца, ни глазъ человѣка. Ничего, кромѣ темноты, слабого свѣта лампы, освѣщающей мертвый, сухой черепъ, вѣчной тишины и одиночества пустыни!

Въ этотъ день,—потому ли, что она не смыкала глазъ во всю ночь, потому ли, что лихорадка оставила ее,—она чувствовала голодъ. Изъ кухни въ мрачную и вѣчно прохладную трапезную долеталъ запахъ кушаній. Сестра Мехтильда внутренне пообѣщала своему тѣлу удручить его самымъ чувствительнымъ образомъ. За то, что почувствовало радость, свѣтъ и ласку тепла, оно будетъ выносить мученія голода. Сестра Мехтильда рѣшила ничего не ѣсть.

Въ трапезной днемъ было гораздо темнѣе, чѣмъ вечеромъ, при лампахъ. Теперь въ узкія окна проникало такъ мало свѣта, что въ огромной комнатѣ царствовалъ сѣрый полумракъ, среди котораго неясно бѣлѣлись скатерти на длинныхъ столахъ, да тускло отсвѣчивала лампада у святаго изваянія, стоящаго въ глубинѣ залы и тонущаго въ цвѣтахъ и кружевахъ. На небольшой рѣзной каведлѣ у окна одна изъ сестеръ читала вслухъ житіе святаго, празднующаго въ этотъ день, а съ ея лѣнивымъ, слегка гнусавымъ голосомъ смѣшивался легкій стукъ металлической посуды и шаговъ прислуживающихъ за столомъ новиціатокъ. По стѣнамъ тянулись фрески съ изображеніемъ сценъ рая, чистилища и ада. Каждая монахиня, обернувшись, могла увидать позади себя ангела или дьявола, кося смерти или вѣнецъ святаго. Фрески доходили до сводчатого потолка и изъ полумрака сверкали сверху пятнами своихъ красокъ. Въ широкое окно, откуда прислуживающія сестры принимали миски съ пищей, видѣлось пламя кухоннаго очага.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ святой статуи, на томъ же самомъ возвышеніи, сидѣла настоятельница за своимъ одинокимъ столомъ и медленно черпала супъ изъ цинковой тарелки серебряною ложкой.

на которой была вырѣзана корона съ девятью зубчиками и гербъ. Дочь аристократическаго дома, некрасивая и небогатая, чтобъ найти себѣ въ свѣтѣ соответственное положеніе, но глубоко вѣрующая, она надѣла монашенскую рясу со спокойною увѣренностью, что такимъ образомъ согласить свои стремленія съ требованіями, которыя можно предъявить къ ея громкому имени. Ей заранѣе гарантировали, — да она и сама не сомнѣвалась въ этомъ, — что ея высокое положеніе, наравнѣ съ внутренними достоинствами, доставитъ ей современемъ первое мѣсто въ монастырѣ.

Мечты ея осуществились. Властью своею она пользовалась въ умѣренной степени, любила ее, но, отдавая полное преимущество небесному надъ земнымъ, думала, что и въ земномъ можетъ найдтись много хорошаго и невиннаго. Это было полное соединеніе настоящей монахини съ изящною и энергичною женщиной. Идеалистическое направленіе ея мыслей и чистота воображенія хранили ее отъ всѣхъ соблазновъ и вождельній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она не думала, чтобы великій Богъ чувствовалъ себя обиженнымъ мелкими отступленіями отъ монастырскаго устава, какъ, наприм., употребленіе серебряной ложки, мягкій коверъ, мягкая подушка, безъ которыхъ она не могла обойтись и считала бы себя очень несчастною. Она не думала, чтобы въ ножкѣ жаренаго индюка могло скрыватьсѣ цѣлое гнѣздо смертныхъ грѣховъ, любила жареную дичь и сладкіе пирожки и не вѣрила, чтобы злой духъ могъ быть изобрѣтателемъ такихъ пріятныхъ вещей. Къ однимъ изъ своихъ сестеръ она чувствовала искреннюю привязанность, къ другимъ — просто любовь о Христѣ, но здоровье и благосостояніе каждой были одинаково близки ея сердцу. Поэтому-то она энергически занималась матеріальными дѣлами своего монастыря, посвящая имъ все время, свободное отъ богослуженія, вела длинные разговоры въ монастырской пріемной со своими свѣтскими совѣтниками и помощниками, погружалась въ различные счеты и соображенія. Эта неустанная дѣятельность была главною причиною ея неизмѣнно-хорошаго расположенія духа. Последнюю черту она любила и въ другихъ и даже осмѣливалась думать, что доброе здоровье и умѣренная веселость болѣе пріятны доброму Богу, чѣмъ измученное тѣло и мрачная душа. За спасеніе своей души она была спокойна, вспоминая о милосердіи Божиюмъ гораздо чаще, чѣмъ о Его справедливости. Чувствуя за собою грѣхъ, она взывала въ глубинѣ души: «О, Господи, Господи, кто устоитъ противъ Тебя?» — а сравненіе неизмѣримато величія Бога съ ея собственнымъ ничтожествомъ успокоивало ее окончательно. Развѣ такое великое Существо можетъ мстить та-

кому малому? Мстила ли бы она сама муравью, какъ бы сильно онъ ее ни укусилъ? Она совершала назначенное уставомъ покаяніе, и въ чемъ его не смягчая, и потомъ снова надолго примирялась съ небомъ и землею.

Такова была мать Ромуальда. Сегодня нельзя было поручиться, съ надлежащимъ ли вниманіемъ она слушаетъ, какъ сестра Эльжбета сильнымъ голосомъ читаетъ житіе святаго мученика Аницета. Супъ не нравился настоятелю и она хотѣла было уже приказать позвать мать Флоріану, когда та явилась сама и поставила на столъ двѣ тарелки. Какъ и всегда, онѣ обмѣнялись дружескою улыбкой. Голубые глаза матери Ромуальды просвѣтлѣли еще болѣе. Житіе святаго Аницета еще не было окончено и потому приходилось говорить шепотомъ.

— Жареный цыпленокъ! Откуда вы достали его такъ рано? Салатъ... Очень хорошо, очень хорошо. Но знаете что?—супъ былъ не достаточно крѣпокъ; для меня это ничего, но для тѣхъ святыхъ сестеръ, которыя умерщвляютъ свою плоть, нужна пища болѣе питательная. Да, да, посмотрите только! Иныя такъ слабы, что еле еле ходятъ. Бѣдняжки! Я знаю хорошо, что это для славы Божіей, но боюсь за ихъ здоровье. Пригните дѣлать супъ покрѣпче, мать Флоріана, покрѣпче! Какъ лишается всѣхъ силъ, такъ нечѣмъ будетъ и Бога славить, а это самое важное (тутъ ея шепотъ еще больше понизился): неизвѣстно еще, можетъ ли угрюмая душа въ голодномъ тѣлѣ быть пріятна Богу, создавшему тепло и ясно солнце!

Вѣроятно, мать Флоріана раздѣляла это сомнѣніе, потому что нѣсколько разъ утвердительно кивнула головою, затѣмъ наклонилась къ настоятелю и зашептала въ свою очередь:

— На пятницу и на субботу пудъ рыбы купила... Щуки и окуни. Съ бѣлымъ соусомъ приготовлю, а вамъ не зажарить ли, а на другое—зелень. А вамъ, можетъ быть, парочку фаршированныхъ яичекъ, а?

— Очень хорошо, очень хорошо!—отвѣтила мать Ромуальда, но разсѣянна, такъ какъ все ея вниманіе было устремлено на одинъ пунктъ въ трапезной. Брови ея нахмурились, мягкія руки точно застыли на столѣ, не выпуская ни ножа, ни вилки.

Въ эту самую минуту въ трапезной окончилось чтеніе житія святаго и сестра Эльжбета лѣнливою, медленною походкой сошла съ кафедръ. Тогда мать Ромуальда положила ножъ и вилку и снова, но, хотя и немного возвышеннымъ голосомъ, проговорила:

— Сестра Мехтильда! вы такъ слабы, что едва держитесь на мѣстѣ!

вахъ. Третьяго дня въ часовнѣ Святаго Сердца сестра Винцента на-силу могла привести васъ въ чувство, а вы, все-таки, умерщвляете себя полнымъ постомъ...

Изъ всѣхъ монахинь только одна сестра Мехтильда сидѣла передъ двумя нетронутыми тарелками съ полузакрытымъ лицомъ, съ веревкой на шеѣ, сидѣла такъ неподвижно, что издали ее можно было принять за статую. На ея блѣдныхъ, крѣпко сжатыхъ губахъ виднѣлся отпечатокъ плохо скрываемаго отчаянія. При первыхъ словахъ настоятельницы она медленно встала и, въ знакъ покорности, низко наклонила голову. Мать Ромуальда продолжала говорить:

— Нашъ святой уставъ приказываетъ закрывать лицо только въ извѣстное время и при опредѣленныхъ условіяхъ. За исключеніемъ этого намъ позволено безпрепятственно глядѣть на свѣтъ Божій и дышать свѣжимъ воздухомъ. Слабое тѣло наше также требуетъ пищи, дабы вмѣстѣ съ нимъ не ослабѣла и душа. Богъ сотворилъ и тѣло, и душу, и сотворенное Имъ пужно охранять отъ разрушенія. Снимите, сестра, веревку съ шеи, откройте лицо и подкрѣпите свои силы со снохойнымъ духомъ и благодарностью Творцу.

Первую часть приказанія сестра Мехтильда исполнила тотчасъ же, — сняла веревку съ шеи и приподняла вуаль.

Мать Ромуальда проговорила довольнымъ голосомъ:

— Очень хорошо, очень хорошо! — и хотѣла уже было взяться за свой серебряный приборъ, какъ замѣтила, что сестра Мехтильда все еще стоитъ и собирается что-то сказать.

— Я, — слышался ея слабый, но ясный голосъ, — вознамѣрилась наложить на себя наказаніе за содѣянный грѣхъ.

Онѣ смотрѣли другъ другу прямо въ глаза, одинаково одѣтыя, преслѣдующія одну цѣль, но идущія къ ней не одинаковыми путями. На худомъ и блѣдномъ лицѣ сестры Мехтильды, какъ это бывало обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, выражалось непреодолимое, суровое упорство. Въ сестрѣ Ромуальдѣ смущеніе, происходящее отъ уваженія къ благочестивой подвижницѣ, боролось съ тѣмъ глухимъ гнѣвомъ, который всегда сопровождаетъ столкнове-ніе двухъ совершенно противоположныхъ натуръ. Съ одной стороны почти совсѣмъ остывшій цыпленокъ, съ другой — эта непокорная монахиня, которая, казалось, только что выдержала тяжелую болѣзнь... Все это такъ подѣйствовало на мать Ромуальду, что она величественно выпрямилась, свергнула своими разгорѣвшимися голубыми глазами и повелительно произнесла:

— А еще одинъ изъ главныхъ параграфовъ нашего устава предписываетъ повиновеніе настоятельницамъ. Во имя власти, врученной мнѣ волею Божіей и избраніемъ сестеръ, я разрѣшаю васъ отъ вашего намѣренія и приказываю вамъ ѣсть.

Она опустила на мѣсто и принялась за своего цыпленка, но не могла скоро успокоиться. «А, вѣдь, я и сама согрѣшила, увлеклась гордостью и гнѣвомъ, — мелькнуло у нея въ головѣ. — О, Господи, Господи, кто устоитъ противъ Тебя?... Нужно будетъ наказать себя за это...» И настоятельница шепнула матери Флоріанѣ:

— Завтра не нужно фаршированныхъ яицъ, сестра... нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Я ограничусь зеленью...

Сестра Мехтильда ѣла, но медленно, съ намѣреніемъ раздражая этою медленностью свой голодь. Изъ глазъ ея выкатились двѣ слезы и упали въ миску. Внутри ея кипѣлъ гнѣвъ, но наружу проявился только этими двумя слезинками, удержать которыхъ не было силъ. Изъ всѣхъ требованій монастырскаго устава послушаніе было самымъ тяжелымъ для этой пылкой души, стремящейся во всемъ дойти до крайности. Сегодня она покорилась, но не могла не возмущаться противъ власти, которая подчинила ея волю своей. Какъ мало эта власть подходитъ къ идеалу самоотреченія и отреченія отъ заботъ о бренномъ тѣлѣ! Какъ недостаточно монастырь удовлетворялъ душу, жаждущую абсолютнаго разрыва съ землей эгоистическаго единенія съ Богомъ! Гдѣ же искать этого, куда бѣжать отъ этого земнаго? Гдѣ прямой путь къ небу? О, пустыня, совершенная тишина, отсутствіе всего живущаго, сладкое, ничѣмъ непорочимое общеніе съ Богомъ... о, пустыня!

И вдругъ сестра Мехтильда вспомнила о кельѣ сестры Каэтаны до оной.

Видѣла эту келью и много слышала о ней... Въ глазахъ блеснула радость. Убѣжище можно найти, недалеко отъ монастыря.

— оной, эйнэшумс

до аолооод, ѣднъ

VI.

— энонэлото атѣвджо

— оооо тиндоня былармой кельѣ сестры Каэтаны въ монастырѣ такъ острожно разсказывали разные легенды. По однимъ свидѣтельствамъ, въ этой кельѣ очень давно была заключена монахиня, обвинявшаяся въ сношеніи съ дьяволомъ. По другимъ, эта келья служила кельею одной прѣшницѣ, нарушившей обѣтъ и подавшей себя земной любовью. Сколько правды здѣсь было — трудно доискаться.

но по вечерамъ въ залахъ новиціата о страшной кельѣ разсказы-
вались цѣлыя исторіи. Можетъ быть, это былъ плодъ празднои фан-
тазіи, а, можетъ быть, здѣсь сказывался отголосокъ тѣхъ трагедій,
которыя разыгрывались когда-то подъ этими мрачными сводами.
Не подлежало сомнѣнію лишь то, что въ кельѣ сестры Каетаны,
кромя двухъ фантастическихъ грѣшницъ, за все время двухсот-
лѣтняго существованія монастыря, жили три монахини. Объ этомъ
свидѣтельствовали монастырскіе акты, а сестра Каетана была у
многихъ на памяти. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ только три монахини
дошли до такого подъема духа, до такого презрѣнія къ тѣлу, что
пожелали затвориться даже отъ своихъ подругъ. Последнею была
сестра Каетана, и келья носила ея имя, хотя въ теченіе двадцати
лѣтъ оставалась незанятою. Изъ младшихъ сестеръ никто не ви-
далъ ея, старшія съ трудомъ могли бы отыскать дорогу къ ней. Из-
вѣстно было только, что въ глубинѣ монастыря есть какой-то тѣс-
ный, никѣмъ не посѣщаемый дворикъ, а на дворикѣ постройка съ
высокимъ, рѣшетчатымъ окномъ, скудно пропускающимъ дневные
лучи.

Велико было всеобщее удивленіе при вѣсти, что сестра Мех-
тильда просила у настоятельницы позволенія занять келью сестры
Каетаны и послѣдовать примѣру тѣхъ отшельницъ, которыя не-
когда не снимали власяницы, не ѣли по нѣскольку дней подрядъ,
спали въ гробу, а въ послѣдніе годы своего существованія отказа-
лись выходить за порогъ своего жилища и говорить съ кѣмъ бы
то ни было. Это поражало даже самыхъ усердныхъ и суровыхъ се-
стеръ, а менѣе благочестивыхъ приводило просто въ трепеть. По-
этому никому не показалось страннымъ, что мать настоятельница
не захотѣла брать на себя отвѣтственности и собрала на совѣтъ
матерей, то-есть тѣхъ монахинь, что прожили около 20 лѣтъ въ
союзѣ съ Богомъ. Что происходило въ высокой залѣ совѣта, какіе
вопросы задавались сестрѣ Мехтильдѣ и какія чувства пробуждали
ея отвѣты, полныя новорности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреборимой
настойчивости,—неизвѣстно, но къ вечеру всѣ уже знали, что
совѣтъ согласился исполнить ея желаніе, съ тѣмъ, однако, непре-
жѣннымъ условіемъ, чтобъ она не прекращала давать уроки въ но-
виціатѣ. Здѣсь было очевидно вліяніе матери Ромуальды, которая
оставляла отшельницѣ хоть маленькій выходъ на свѣтъ Божій и
чистый воздухъ.

Передъ вечеромъ, не задолго до звонка, возвѣщавшаго *silenti-*
um, старая, сгорбленная мать ключница Гертруда отперла давно
заржавѣвшую дверь и обернулась къ стоящей за нею стройной,

блѣдной, какъ полотно, монахинѣ. Онѣ вдвоемъ занимали всю ширину корридорчика, узкаго настолько, что онѣ напоминали щель, прорѣзанную въ толстыхъ, неровныхъ стѣнахъ.

— Да поможетъ Христосъ и да подастъ вамъ силы... — шепнула мать Гертруда и остановилась на минуту. — Тяжела наша жизнь. О, Господи, принимаешь ли Ты наши жертвы? Пятьдесятъ лѣтъ прожила я въ монастырѣ, а какъ сейчасъ помню комнату, гдѣ меня отецъ качалъ на колѣняхъ... Тридцать лѣтъ ни о Янѣ, ни о Манѣ, ни о Эдъжетѣ ни слуху, ни духу, а я ихъ всѣхъ помню, какъ будто вчера видѣла... Трудно забыть, что человекъ сотворенъ изъ персти земной... Пятьдесятъ лѣтъ молюсь я Христу, Его только и люблю... а, все-таки, помню... О, Иисусъ, принимаешь ли Ты наши жертвы?

Она закивала головой и посмотрѣла слезящимися глазами на свою собесѣдницу. Та, съ кружкой воды въ одной рукѣ и съ нѣсколькими духовными книжками въ другой, выпрямилась еще болѣе и отвѣтила:

— Только Онъ милосердъ и вѣченъ; все человѣческое, вмѣстѣ съ его памятью, это только зло и тщета.

Она склонила голову, переступила порогъ низкой двери и проговорила:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

— Во вѣки вѣковъ, — отвѣтила мать Гертруда и, охая, пошла вѣдоль по корридору.

Сестра Мехтильда поставила кружку на полъ и оглядѣлась въ своемъ новомъ помѣщеніи. Это было не трудно. Пять шаговъ вѣдоль, пять шаговъ поперекъ, потолокъ низкій, такой, что рукой достать можно, въ одной изъ посѣрѣвшихъ отъ лѣтъ и отъ сырости стѣнъ прорѣзано полукруглое, рѣшетчатое окошко. Сестра Мехтильда поднялась на цыпочки, заглянула въ окно и узнала, что оно выходитъ во что-то похожее на колодезь. То былъ узкій дворъ между двумя главными монастырскими зданіями и хозяйственными постройками. Нигдѣ ни окна, ни живаго существа. Внизу, на землѣ, валяются разбитые кирпичи, вверху, въ промежуткѣ между крышами, виднѣется крошечный кусочекъ неба. Монахиня снова обернулась лицомъ къ кельѣ и по ея плечамъ пробѣжала дрожь. Непобѣдимый инстинктъ, который во всякомъ живомъ существѣ пробуждаетъ отвращеніе къ гробу, давалъ о себѣ знать. Въ этой тѣсной и низкой комнатѣ, въ погожій и теплый майскій вечеръ, царилъ пронизывающій холодъ и мракъ, среди котораго едва можно было различить очертанія стоящаго на полу гроба. Все осталось здѣсь нетронутымъ со дня смер-

ти сестры Баетаны. Рядомъ съ гробомъ, въ которомъ спала она, а, можетъ быть, и ея предшественницы, стоялъ высокій, черный крестъ, а у его подножія, на небольшомъ табуретѣ, рядомъ съ лампадой, бѣлѣлъ черепъ. Больше ничего.

Долго не стихалъ лихорадочный ознобъ сестры Мехтильды.

— Со мною одинъ Богъ, только Онъ одинъ, — повторяла она и, все-таки, продолжала дрожать.

Давно какъ-то она заглянула сюда, запомнила всю обстановку кельи и знала, что найдетъ здѣсь. Эта обстановка и потянула ее сюда въ минуту неожиданнаго внутренняго разлада. Въ густомъ сумракѣ, передъ высокимъ чернымъ распятіемъ она остановилась съ безсильно повисшими руками и думала о томъ, что здѣсь ее ожидаетъ. Говорили ей, что сюда не доходитъ ни малѣйшаго отголоска шума, царствующаго въ монастырѣ. Мимо этихъ дверей не проходитъ никакой дороги, ничья рука не постучитъ сюда, за этимъ окномъ не зашелеститъ никакое дерево, не защебечетъ никакая птица, только развѣ ночью поднимутъ стукъ крысы, да летучая мышь затрепещетъ въ сосѣднемъ пустомъ сараѣ своими крыльями. Здѣсь вѣчный сумракъ и холодъ, сюда не заглядываетъ ни одинъ солнечный лучъ, самый ягучій лѣтній полдень не можетъ ни осушить глубокаго дна колодца, ни согрѣть толстыхъ стѣнъ, пропитанныхъ вѣковою сыростью.

Здѣсь грѣшницы отбывали свое покаяніе, святые во время недолгаго пребыванія здѣсь завоевывали себѣ небо. Объ этихъ послѣднихъ вѣрныхъ свидѣтельства гласили, что онѣ въ послѣдніе годы своего земнаго существованія, по слабости, не покидали кельи и вообще жили здѣсь не долго. Иначе и быть не могло, и, вспомнивъ объ этомъ, она почувствовала радость. Вѣроятно, скорѣе и для нея придетъ время, когда она будетъ имѣть право вовсе не выходить отсюда, не видать никакой живой твари, ничего не слышать, не чувствовать, ни на минуту не прерывать своего общенія съ Творцомъ. А потомъ, какъ ея предшественницы, и она скоро умретъ.

Сестра Мехтильда упала на колѣни и съ улыбкой, странно смѣшанной со слезами, воскликнула:

— Господи! возьми меня къ Себѣ поскорѣе... Возьми! Сжался... скорѣе, скорѣе!

Никогда болѣе жаркая молитва о ниспосланіи смерти не выходила ни изъ чьихъ устъ, можетъ быть, потому, что ни на чьемъ сердцѣ не лежалъ болѣе тяжелый камень страданія. Сестра Мехтильда объясняла это тѣмъ, что въ монастырѣ она, все-таки, долж-

на была сталкиваться съ жизнью, а здѣсь, въ пустынь, она легко сбросить съ своего сердца давящую его тяжесть. Но теперь она чувствовала, что пустыня не даетъ ей еще всего, что зародыши тоски, сожалѣнія и подавленныхъ желаній еще живы въ ея смятенной душѣ.

— Со мною только Богъ, и только Онъ одинъ, — шептала она и, все-таки, не чувствовала облегченія. Утѣшало ее только воспоминаніе о скорой смерти ея предшественницъ и надежда, что, можетъ быть, и она удостоится такой же милости. Въ монастырѣ колокольчикъ прозвонилъ на *silentium*, но сюда звукъ долеталъ еле-еле, точно жуужанье комара.

Сестра Мехтильда зажгла лампаду, подошла къ гробу и долго стояла надъ нимъ. Казалось, что полотно, покрывающее его внутренность, и подушка, лежащая въ изголовьѣ, сохранили еще очертанія тѣла его послѣдней обладательницы. Гробъ былъ старый, съ истлѣвшими краями, полотно приняло желтоватый оттѣнокъ и сильно отдавало затхлостью. А, можетъ быть, не одна сестра Баетана спала и умерла въ немъ, можетъ быть, онъ служилъ ея предшественницамъ? Сестра Мехтильда окинула тревожнымъ взглядомъ стѣны темной кельи. Изъ этихъ стѣнъ, казалось, выходили странные звуки: то подавленные, страстные рыданія грѣховной земной любви, то вздохи возвышенной любви небесной, то рѣзкій свистъ плетки. Сестра Мехтильда дрожала. Никогда ни власяница, ни плеть, ни суровые посты и бессонныя ночи не возбуждали въ ней такого страха и тревоги, какіе охватывали ее при одной мысли лечь въ этотъ гробъ, прикоснуться къ этому полусгнившему полотну. Она начала было снимать вуаль, но руки не слушались ея и безсильно падали вдоль рясы. Ея тѣло собрало воѣ силы, чтобъ оттолкнуть предлагаемую ему чашу. Но то было тѣло, и сестра Мехтильда съ негодованіемъ и презрѣніемъ повела противъ него борьбу. Она покорить его, она пришла сюда, чтобъ окончателно покорить его. Пусть оно дрожитъ отъ отвращенія, пусть корчится отъ тревоги, — тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе будетъ побѣда души. И, невольно содрогаясь и оглядываясь вокругъ себя, сестра Мехтильда сняла рясу и облеклась во власяницу.

— Изъ любви къ Тебѣ, о Боже!... За грѣхи и ничтожество міра! — слышался ея тихій шепотъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда заходящее солнце заливало еще огненнымъ заревомъ агаціи, осыпанныя бѣлыми цвѣтами, а здѣсь, дрожа на своемъ страшномъ ложѣ, задерживая дыханіе, Мехтильда прислушивалась къ тишинѣ. Тишина была пол-

ная, гробовая, даже слышныя прежде вздохи и рыданія стихли, только издали доносился неясный, не смолкающій ни на минуту шумъ, какъ въ подземелья доходятъ звуки разыгравшейся грозы. Сестра Мехтильда знала, что то были слитые воедино отголоски огромнаго, вѣчно шумнаго города, то былъ земной голосъ. Когда-то она близко знала его и теперь еще умѣла разложить на отдѣльныя фигуры сложную картину многообразной жизни людей. Образъ за образомъ потянулись передъ нею: улицы, пестрѣющія разнокалиберною толпой; обширные сады съ сотнями гуляющихъ; высокіе дома, сверху до низу набитые людьми; муравейникъ, вѣчно куда-то спѣшащій, суетащійся, — муравейникъ, каждая единица котораго родится для того, чтобы умереть, любить для того, чтобы потомъ возненавидѣть, клянется для того, чтобы измѣнять, гонится за блескомъ, а онъ оказывается дымомъ или грязью, преслѣдуетъ счастье, а схватываетъ горе. Сплошная, громадная толпа безумцевъ, не думающихъ объ единственномъ важномъ дѣлѣ, олицетвореніе грѣха и безумія. И какъ шумитъ онъ! Сколько въ этомъ шумѣ жи, жадности, измѣны, обмана, плача и вздоховъ! О, Боже! благодарю Тебя, что все это такъ далеко!

Мысль о томъ, что отъ этого шумнаго міра ее отдѣляютъ толстыя стѣны кельи, наполнило сердце сестры Мехтильды полнымъ спокойствіемъ. Камень, давящій ея грудь, свалился и теперь она могла свободно вздохнуть. И почудилось ей, что Богъ милосердно взираетъ на нее и этотъ взоръ свѣтлымъ огненнымъ лучомъ пробивается сквозь стѣны и спускается къ ея изголовью.

«Богъ со мною, и только Онъ одинъ!» — подумала сестра Мехтильда и заснула тихимъ, глубокимъ сномъ, какинъ засыпаютъ только дѣти.

Съ этого дня монахини видѣли сестру Мехтильду только на хорахъ, да изрѣдка въ трапезной. Въ корридорахъ монастыря ее не видалъ никто, — изъ мрачной кельи прямо къ залу новиціата можно было пройти по узкимъ, мрачнымъ, сырмъ переходамъ, въ которые почти никто не заглядывалъ. Въ трапезную она приходила не каждый день, — всемъ было извѣстно, что обитательница кельи сестры Баетаны къ другимъ способамъ умерщвленія своей плоти прибавила еще и суровый постъ. И даже на хорахъ вокругъ нея образовывалось пустое мѣсто. Сестры, стоящія рядомъ, рѣдко и несмѣло рѣшались взглянуть на нее, пансіонерки старались держаться подальше: а ну, какъ она поймаетъ кого-нибудь, какъ когда-то поймала Блару на самомъ мѣстѣ преступленія?

Сестра Мехтильда замѣчала это и спокойствіе ее возростало.

Миръ сторонился и отдалялся отъ нея. Въ теченіе долгаго ряда дней она могла бы не говорить ни съ кѣмъ, открывать свои уста только для бесѣды съ Богомъ, еслибъ не ея обязательныя занятія въ новиціатѣ.

VII.

Новиціатъ помѣщался въ большой, четырехугольной, высокой залѣ, которая соединялась со спальнями послушницъ и новиціатокъ. Сюда же выходила дверь изъ кельи монахини, слѣдящей за воспитаніемъ своего стада и носитель титулъ начальницы новиціата. Нѣсколько оконъ вмѣстѣ со стеклянною дверью выходили на дворъ, гдѣ росли старыя деревья и былъ разбитъ огородъ съ лѣкарственными травами. Даже зимою, когда дворъ былъ покрытъ густою пеленой снѣга, а деревья ломились подъ тяжестью инея, зала новиціата была самымъ веселымъ мѣстомъ во всемъ монастырѣ. Теперь она вся была залита свѣтомъ, широкою волной врывающимся въ окна, открытыя на дворъ, весь заросшій свѣжею муравой. Вмѣстѣ со свѣтомъ въ комнату вливалось густое благоуханіе шалфея и ромашки, около которыхъ сутилась молодая, румяная монахиня. Посрединѣ залы, за круглымъ столомъ, сидѣли послушницы въ сѣрыхъ и бѣлыхъ вуаляхъ, и новиціатки, которыя послѣ малаго пострига носили уже рясу, впрочемъ, безъ чернаго вуаля и золотатаго креста на груди. Столъ былъ заваленъ шелковыми и бархатными доскутками, золотою и серебряною канителью, позументами, пасмами разноцвѣтнаго шелка и старыми драгоцѣнными кружевами.

Однѣ изъ новиціатокъ нашивали на бѣлую матерію гирлянды бархатныхъ гроздій и листьевъ, другія искусными руками штопали кружева. Въ залѣ царствовало молчаніе, слышался только шелестъ матеріи и стукъ ножницъ, да изъ-за закрытой двери доносились протяжные звуки фисгармоніи. То начальница новиціата, самая лучшая музыкантша во всемъ монастырѣ, учила одну изъ послушницъ воспѣвать звуками славу Божию.

Сестра Мехтильда, наклонившись надъ столомъ, слѣдила, какъ вышиваютъ великолѣпную на престольную пелену. Лишь изрѣдка она указывала пальцемъ какую-нибудь небольшую ошибку, въ короткихъ словахъ объясняла ее или молча брала карандашъ и рисовала на бѣломъ фонѣ какую-нибудь фигуру. Она только что пришла, но не черезъ дворъ, а по внутреннимъ, мрачнымъ переходамъ, и теперь не бросила ни одного взгляда на широкія, освѣщенные солнцемъ окна. Лицо ея похудѣло еще болѣе, на всей фигурѣ лежалъ

отпечатокъ суроваго спокойствія, отъ ея движеній и рѣдкихъ словъ вѣяло леденящимъ холодомъ. Все это плохо гармонировало съ огнемъ, который горѣлъ въ ея воспаленныхъ глазахъ, отвыгшихъ отъ дневнаго свѣта.

Въ комнату вошла мать Ромуальда, осмотрѣлась вокругъ и направилась къ двери, ведущей на дворъ. Настоятельница была задумчива, можетъ быть, огорчена чѣмъ-нибудь, — мало ли заботъ съ монастыремъ? — но увидала монахиню, ухаживающую за цвѣтами, улыбнулась, и пошла къ ней на встрѣчу. Только годъ прошелъ съ постриженія сестры Винценты, а она успѣла уже завоевать любовь настоятельницы и всѣхъ монахинь. Больше всѣхъ она любила ухаживать за больными и за цвѣтами. Мать Магдалена, завѣдующая аптекой и садомъ, признала ее сразу своею помощницей и будущею замѣстительницей. Сестра Винцента занималась огородомъ, сушила травы, приготовляла лѣкарства, очищала въ большомъ монастырскомъ саду деревья отъ червей, осенью выкапывала корни и кусты на зиму, и все это дѣлала съ такою же торопливостью, съ какою читала молитвы на хорахъ. Тамъ, едва сестры успѣвали начать третью молитву, какъ она оканчивала уже десятую, а здѣсь, въ саду, она засыпала словами того, кто попадетъ на встрѣчу, а за неизмѣнимъ слушателей, болтала съ деревьями и цвѣтами. Смѣялась она часто, и хотя старалась сдерживать свой смѣхъ, но въ немъ неволью проскальзывали веселыя, молодыя ноты. Монахини, даже самыя старыя и суровыя, за маленькій ростъ сестры Винценты и ея неизмѣнное веселье называли ее сестричкой, а настоятельница розочкой.

Увидавъ приближающуюся настоятельницу, сестра Винцента радостно защебетала:

— Во имя Отца и Сына! Пришли на мои цвѣточки посмотреть? Господь милостивый послалъ имъ ночью славный дождичекъ, а Пресвятая Дѣва сегодня ихъ солнышкомъ обогрѣла. И какъ зацвѣли отлично! Посмотрите, сколько здѣсь колеровъ, понюхайте, — запахи-то какіе! Вотъ ирисъ цвѣтетъ, цвѣты лиловые, словно аметисты, что мама дала сестрѣ Зосѣ въ приданое. Ей аметисты, а мнѣ ирисъ. Я предпочитаю ирисъ и благодарю Бога за свою долю. А мальвы мои, — видите, матушка? такъ разрослись, такъ вытянулись, что плетня не видно. Цвѣтки такіе деликатныя, блѣдно-розовые, а листь бархатный, точно серебромъ окропленный. Хвала Богу за дивныя дѣла Его! Въ этомъ уголку, матушка, растутъ полынь, настурціи будутъ цвѣсти, здѣсь ромашка, словно блѣдныя звѣздочки рассыпалась по травѣ. А вотъ тутъ я

сѣмя посѣяла для канареекъ матери Магдалены... милыя птички тоже воспѣваютъ славу Божию, и въ монастырѣ отъ нихъ веселѣе становится, надо и о нихъ позаботиться. Еще,—тутъ сестра Винцента не удержалась и залилась серебристымъ хохотомъ,—посмотрите-на, матушка, чтò подъ грушей растетъ!... Ага, увидали! незабудки! Никогда ихъ здѣсь не было, но ужъ я такъ просила мать Магдалену, такъ просила, что она позволила мнѣ занять этотъ кусочекъ земли. Посмотрите-на, какія онѣ голубенькія, съ золотымъ глазкомъ по серединѣ. Ни на что это не нужно, ни зачѣмъ человѣку не пригодится: ни въ пищу ему, ни на одежду не идетъ, а, все-таки, цвѣтеть во славу Божию и красуется для глаза человѣческаго. Хвала Господу за дивныя дѣла Его!

Двѣ черныя фигуры медленно двигались среди роскошно разросшихся цвѣтовъ, останавливались у высокихъ мальвъ, наклонялись надъ голубыми незабудками. Болтовня сестры Винценты долетала до новиціата; послушницы старались скрыть свою невольную улыбку, за то губы сестры Мехтильды сжимались все крѣпче и крѣпче, глаза ни на минуту не отрывались отъ спутанныхъ мотковъ шелка.

Мать Ромуальда ласково потрепала щеку молодой монахини, съ улыбкой назвала ее розочкой, вошла въ залу и сѣла за столъ съ послушницами и новиціатками. Обыкновенно она приходила сюда спустя часъ послѣ обѣда, если ей не мѣшали монастырскія дѣла и ревматизмъ, который она схватила отъ пребыванія въ толстыхъ, сырыхъ стѣнахъ монастыря. Она любила залу новиціата, свѣтлую, съ широкимъ дворомъ за окнами, любила смотрѣть на неувидшія еще щеки молодыхъ послушницъ и обучала ихъ дѣлать искусственные цвѣты, а въ этомъ у нея почти не было соперницъ. И сегодня она взяла ножницы и кусочекъ матеріи и принялась вырѣзывать цвѣточный лепестокъ, но молча. Щебетанье сестры Винценты на время развлекло ее, но теперь она снова погрузилась въ глубокую думу. Долго сидѣла она за своею работой, наконецъ, подняла голову и показала своимъ сосѣдкамъ цвѣтокъ павилики, почти живой цвѣтокъ, съ нѣжными лепестками, съ тоненькимъ стебелькомъ.

— Очень хорошо. Нужно сдѣлать гирлянду изъ такихъ цвѣтовъ на алтарь Пресвятой Дѣвы.—Мать Ромуальда усмѣхнулась, глядя на свою работу, и потомъ монотоннымъ голосомъ, тономъ поученія, продолжала дальше:—Трудъ успокоиваетъ, трудъ утѣшаетъ, трудъ пріучаетъ сердце терпѣливо выносить тернія жизни и дороже цѣнить ея дары. Богъ сотворилъ горе, заботу, искушенія,

всякія потребности, но на встрѣчу имъ послалъ трудъ и сказалъ ему: «Утѣшай, укрощай, корми, одѣвай!»

Рѣсницы сестры Мехтильды поднялись и тотчасъ же опустились. Глаза ея метнули суровый, негодующій взглядъ въ сторону матери Ромуальды, а изъ устъ послышался шипящій голось:

— Трудъ часто бываетъ слугою грѣха, а плоды труда бренны. Все носить въ себѣ зародышъ зла, все временно и скоропреходяще. Только въ одномъ Богъ наша защита, радость и утѣшеніе.

Мать Ромуальда не отвѣтила ничего: можетъ быть, ей не хотѣлось вступать въ споръ съ такою строптивою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такою благочестивою сестрой; можетъ быть, она боялась уронить свое достоинство передъ юными послушницами. По лицу ея проскользнула тѣнь неудовольствія, но тотчасъ же исчезла. Мать Ромуальда вспомнила о святости сестры Мехтильды. Она опустила руки съ работой на колѣни и, не своди глазъ съ открытаго окна, проговорила:

— Посмотрите, дѣти, какъ рады деревья весеннему теплему вѣтерку, какъ весело щебечуть птицы... Богъ сотворилъ и птицъ, и деревья, — нужно любить и удивляться твореніямъ Его!

Когда молодыя головки, довольныя минутой отдыха, оторвались отъ своей работы и повернулись въ сторону веселаго, освѣщеннаго огорода, мать Ромуальда, мало-по-малу оживляясь, заговорила тихимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Въ краю, надъ которымъ Господь распростеръ вѣчно голубое небо, въ странѣ, гдѣ вѣчно зеленѣютъ лавры и кактусы, жилъ великій святой Францискъ, прозванный Ассизскимъ по мѣсту своей родины. Тѣло его было слабо, одежда бѣдна, но въ сердцѣ его горѣлъ огонь чистой, великой любви къ жизни и всему живущему. И когда міръ, какъ и теперь, убирался въ свои весенніе роскошныя уборы, Францискъ говорилъ такую молитву:

«Будь Благословенъ, Господь, за всякое твореніе Твое, наипаче же за свѣтлаго брата нашего, солнце, которое даетъ свѣтъ и тепло; дивно оно, свѣтозарное, и мы видимъ въ немъ Твой образъ, о, Создатель!

«Будь благословенъ, Господь, за сестеръ нашихъ, звѣздъ, что свѣтятся на небѣ, прекрасныя и чистыя.

«Будь благословенъ, Господь, за вѣтеръ и тучи, за воздухъ прозрачный, за все, что даетъ жизнь Твоему творенію.

«Будь благословенъ, Господь, за сестру нашу, воду, драгоценную, чистую и скромную.

«Будь благословенъ, Господь, за брата нашего, огонь, который освѣщаетъ наши ночи и согрѣваетъ насъ.

«Будь благословенъ, Господь, за ласточекъ, веселыхъ, невинныхъ, легкокрылыхъ сестеръ нашихъ.

«Будь благословенъ, Господь, за нашу мать, землю, которая родитъ плоды, травы и цвѣты...»

— Такъ молился онъ, и если замѣчалъ гдѣ-нибудь червяка, ползущаго поперекъ дороги, то переносилъ его на траву, подалше отъ прохожихъ, ягнать оборонялъ отъ обиды козловъ, выпускалъ лисицъ, попавшихся въ капканъ, носилъ птицамъ кормъ въ бесплодную мѣстность. И вотъ, когда онъ умиралъ, цѣлая туча жаворонковъ слетѣлась на крышу его мазанки, и хотя спускалась уже ночь, эти любимцы свѣта своею пѣснью убаюкивали его на вѣчный сонъ.

Она умогла, а черезъ минуту въ залѣ, гдѣ тишина прерывалась только щебетаніемъ птицъ, долетавшимъ извнѣ, да тихими аккордами фисгармонии за сосѣднею дверью, слышались тихія, но ясныя слова:

— Суета суеть и всяческая суета: великолѣпное солнце освѣщаетъ темную землю; дерево усыхаетъ и разсыпается въ прахъ; на ласточку нападаетъ ястребъ; чистоту воды оскверняетъ слюна пьющей ее змѣи. Только Тотъ, Кто обитаетъ на небесахъ, чистъ и вѣченъ.

Слова эти произнесла сестра Мехтильда и взглянула прямо въ лицо настоятельницы. Глаза матери Ромуальды блеснули грознымъ огнемъ. Очевидно, ее вызываютъ на бой. Неужели въ головѣ благочестивой монахини образовался планъ внести расколъ въ монастырь, навязать свое міровоззрѣніе, совершенно несхожее съ міровоззрѣніемъ настоятельницы? Мать Ромуальда, гордо поднявъ голову, собиралась было отвѣтить, но остановилась. Въ комнату торопливо вбѣжала начальница пансіона, взволнованная, огорченная, и заговорила, переступая порогъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Какое счастье, что я нашла васъ здѣсь, матушка! Была въ кельѣ—васъ нѣтъ, на хорахъ—нѣтъ! Ну, думаю, вѣрно въ новиціатѣ, цвѣты дѣлаетъ и о святыхъ рассказываетъ. У насъ въ пансіонѣ несчастье... что тутъ дѣлать? что дѣлать?

Она опустилась на табуретъ, поправила свой вуаль, и, не слушая разспросовъ матери Ромуальды, продолжала дальше:

— Несчастье и большая опасность!... Одна изъ маленькихъ захворала... ей еще вчера было нехорошо, но я думаю себѣ, ни-

чего, пройдет! Отъ уроковъ ее я освободила, приказала кормить грѣбнымъ бульономъ и думала, что все хорошо обойдется... А сегодня—бѣда! Прихожу утромъ въ пансіонъ, мнѣ говорятъ: Клара очень больна!...

Тутъ она остановилась и инстинктивно обернулась въ ту сторону, откуда послышался не громкій, но рѣзкій стукъ. То сестра Мехтильда выронила изъ рукъ ножницы, но поднять ихъ не нагнулась, а машинально взяла въ руки мотокъ желтаго шелка.

— Прихожу, смотрю—лежитъ на своей кровати, разгорѣлась вся, глаза помутились, меня даже не узнала... совсѣмъ больна, нечего тутъ толковать! Я поскорѣ послала за докторомъ... и что-жъ вы думаете? Господи Иисусе, не оставь насъ своимъ милосердіемъ... Вы, преподобная мать, не очень пугайтесь, но для пансіона это вещь очень страшная... нечего тутъ толковать, нужно сказать прямо: пятнистый тифъ!

Выпаливъ эти слова, мать Норберта отерла потъ, струившійся по ея желтымъ щекамъ, и медленно перекрестилась.

Мать Ромуальда внимательно выслушала все, встала и проговорила:

— Эту маленькую нужно какъ можно скорѣ отдѣлить отъ другихъ дѣтей.

— Нечего тутъ толковать,—тоже вставая и поправляя вуаль, воскликнула мать Норберта,—докторъ то же сказалъ: отдѣлить совершенно и поскорѣ... Хорошая вещь, коли болѣзнь нападетъ на бѣдняжекъ... Отдѣлить-то нужно, да куда ее помѣстить?... Въ пансіонскую больницу — къ пансіону очень близко... въ монастырскую...

Она замлалась..

— Вблизи къ сестрамъ.

Мать Ромуальда молчала нѣсколько минутъ, но потомъ, должно быть, пришла къ какому-нибудь рѣшенію и сказала:

— Дѣти эти поручены намъ ихъ родителями и опекунами; монастырь учрежденъ подъ условіемъ, чтобы мы вполнѣ добросовѣстно ухаживали за дѣтьми. Если возможность заразиться грозитъ одинаково и имъ, и намъ, то мы должны принять всю опасность на себя. Распорядитесь, сестра, чтобы бѣдняжка была помѣщена въ монастырскую больницу.

Рѣшеніе настоятельницы, видимо, очень обрадовало мать Норберту, но не устранило всѣхъ ея затрудненій. Несомнѣнно, самъ Господь внушилъ преподобной матери такое святое и мудрое намѣреніе,

монахи отказались от свѣта и его благъ и обрегли свою плоть на умерщвленіе. Если такая страшная болѣзнь должна на кого-нибудь обрушиться, то ужъ лучше на нихъ, на монахинь, чѣмъ на бѣдныхъ дѣвчонокъ, у которыхъ нѣтъ ни воли своей, ни свободы выбора. Дѣло понятное, ясное: нечего тутъ толковать. Но это еще не все. Нужно присматривать за бѣдняжкой. На руки прислуги отдать ее неудобно. Отецъ съ матерью далеко, письмо туда придетъ двѣ недѣли, да двѣ недѣли нужно, чтобы имъ сюда пріѣхать. Изъ свѣтскихъ преподавательницъ ни одна не согласится, да и не обязана согласиться... Необходимо, чтобы кабая-нибудь сестра посвятила себя этому... да такъ посвятила бы, чтобы во все время болѣзни не бывать нигдѣ, не отходить отъ больной и заразы по монастырю не разносить. А кто возьмется за это? Приказать кому-нибудь нельзя, — даже преподобная мать не имѣетъ право.

— Очень хорошо, — отвѣтила мать Ромуальда, — но я увѣрена, что изъ среды сестеръ найдется не одна, которая пойдетъ охотой. Притомъ, — прибавила она немного тише, — мы всѣ знаемъ, какъ и за что пострадали родители этого ребенка. Пусть Господь, который сотворилъ несправедливость и противъ нее выслалъ отвагу, вознаграждаетъ ихъ за эти страданія, а мы тѣмъ болѣе должны заботиться объ ихъ ребенкѣ.

Мать Норберта, въ знакъ согласія, нѣсколько разъ энергически кивнула головой и отерла пальцемъ слезу.

Мать Ромуальда сообщила ей, что тотчасъ же послѣ вечерни она призоветъ къ себѣ всѣхъ ножиныхъ сестеръ и во имя Христа влѣкнетъ влечь, не возьмется ли кто-нибудь за выполненіе этой, хотя мірской, но высокой миссіи. Къ разговору двухъ начальницъ прислушивались перепуганныя послушницы и новиціатки; въ дверь заглянула сестра Винцента и, узнавъ, что дѣло идетъ о болѣзни, торопливо подошла и стала поближе. Только никто не обращалъ вниманія на сестру Мехтильду. Сначала, казалось, она ничего не слыхала, заставляла себя не слушать и, выпрямившаяся, неподвижная, стояла у стола съ опущенными рѣсницами и руками, безсильно повисшими вдоль тѣла. Можно было сказать, что она окаменѣла отъ какой-то страшной внутренней борьбы, только на ея бѣдныхъ, какъ полотно, щекахъ мало-по-малу проступалъ румянецъ.

Спустя часъ, въ ожиданіи вечерни, мать Ромуальда сидѣла и подводила итогъ длинной колонкѣ цифръ въ записной книгѣ. Белья настоятельницы была не велика, но и не мала, съ двумя рѣшетча-

тыми огнями, съ бѣлыми стѣнами, украшенными двумя хорошими картинами религіознаго содержанія и фюфюоровою пестрою кропильницей. Около кровати, на мозаичномъ полу, лежалъ пушистый коврикъ, въ огняхъ, за рѣшетками, цвѣли мѣсячныя розы и фюксіи. Хозяйственные разсчеты, однако, не помѣшали матери Ромуальдѣ услышать легкій стукъ въ дверь. Она подняла голову и сказала:

— Прощу войти!

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—послышался за дверями тихій голосъ сестры Мехтильды. Она тихо затворила дверь, тихо прошла комнату и остановилась передъ изумленною настоятельницей. Съ дрожащими губами, съ разгорѣвшимися щеками, она ждала вопроса, и когда настоятельница спросила, что ей нужно, сестра Мехтильда отвѣтила:

— Во имя Господа Христа, прошу васъ, преподобная мать, поручить мнѣ уходъ за тѣмъ больнымъ ребенкомъ. Всѣми силами души и тѣла я буду стараться выполнить свою обязанность какъ можно лучше.

Мать Ромуальда заговорила не сразу,—она была безгранично изумлена. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она заговорила нетвердымъ голосомъ:

— Вы, сестра, вы хотите ухаживать за этою бѣдняжкой? Очень хорошо... Но откуда же это?... почему? какія побужденія? Я имѣю право и должна знать, какія соображенія разсѣяли вашу ненависть къ этому ребенку и заставляютъ васъ приносить ему въ жертву свою жизнь?

Сестра Мехтильда все стояла съ руками, сплетенными на груди, съ лицомъ, на которомъ нервно подергивался почти каждый мускулъ, и, не поднимая глазъ, тихо-тихо заговорила:

— Я побѣждена, матушка. Страданія этого ребенка и опасность, какая угрожаетъ ему, побѣдили меня... Ахъ, какъ трудно забыть, что человекъ сотворенъ изъ земной персти... Можетъ быть, Господь не оставитъ меня, ибо я иду для того, чтобы хоть на одну каплю уменьшить безпредѣльное море горечи, отъ живаго существа отдалить смерть хоть на одну минуту... Я иду туда потому, что не могу... не могу забыть...

Она безшумно опустилась на колѣни, спрятала лицо въ складкахъ мантии матери Ромуальды и съ тихимъ, глубокимъ рыданіемъ докончила:

— Это его ребенокъ и той, которая отняла его у меня...

Мать Ромуальда подняла глаза кверху и задумалась. Она поняла

все. Въ эту минуту она въ первый разъ поняла, какъ смертельно было изранено это сердце, поняла причину его страстныхъ порывовъ къ небу. Скорбью и состраданіемъ затеплились ея глаза, когда она тихо положила руку на голову склонившейся сестры Мехтильды и съ ласковымъ величіемъ проговорила:

— Богъ сотворилъ несчастіе и страданіе, но противъ нихъ выслалъ милосердіе и сказалъ ему: твори дѣла и прощай! Будь и ты, сестра, олицетвореніемъ милосердія, стоящаго противъ ужасовъ жизни, и охраняй отъ горя тѣхъ, кто нанесъ тебѣ мучительный ударъ.

В. Л.

С М Ъ Н А.

(Романъ).

„... А инѣ и жалѣть надлежитъ удѣючи:
нѣтъ алава, ему же не положенъ срокъ к
всякому овощу домыѣть время“.

Изъ старой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Нумовья.

Огромный гнѣдой меринъ на толстыхъ косматыхъ ногахъ и въ новой хозяйственной сбруѣ съ мѣднымъ наборомъ везъ неторопливою рысцою утробистую, крѣпко скованную купеческую телѣжку. Въ телѣжкѣ сидѣли двое. Одинъ былъ въ чуйкѣ и въ ватномъ картузѣ, другой — въ пальто съ барашковымъ воротникомъ и носилъ шапку. Оба были состроены подѣ стать къ телѣжкѣ: осанисто, крѣпко, утробисто. У обоихъ имѣлись коротко подстриженные бородки, свѣтлые глаза съ удивительно пронизательнымъ выраженіемъ, крѣпкіе, точно вчера выточенные изъ самой бѣлой кости зубы. Но сходство не простиралась далѣе. Тотъ, что въ пальто, черный, съ румяными щеками, обладалъ какою-то неутомною и, отчасти, пріятною непосѣдливостью; алые его губы безпрестанно смѣялись, пронизательность взгляда часто заслонялась веселымъ, самодовлѣющимъ блескомъ, да и волосъ на бородѣ былъ у него шелковистый и курчавый; а рыжая чуйка являла видъ почти свирѣпый, смотрѣла угрюмо и неукоснительно, цвѣтъ лица имѣла желтый, тусклый, волосы жесткіе, какъ щетина, и, вмѣсто улыбки, какъ-то по-волчьи оскаливала зубы.

Стоялъ погожій октябрь. Солнце только что успѣло обогрѣть нахоложенный утренникомъ воздухъ; кое-гдѣ въ низинахъ еще серебрился морозъ... Пахло свѣжестью, тянуло дымкомъ отъ ближ-

ниго жилья. Болеса съ свергающими на солнцѣ шинами и заново подкованныя копыта раскормленнаго мерина звучали гулко и весело по твердо утопанной, лоснящейся дорогѣ. Мѣстность была просторная. Тамъ, откуда ѣхали утробистые люди, мало-по-малу скрывалось широко раскинутое село съ двумя церквями, съ садами и рощами, одѣтыми желтою и багряною листвою, а впереди развертывались ярко-зеленыя озими, обобранныя жнивья, поля, вспаханныя на зябь, и синѣла дальняя степь съ курганами, стогами и перелѣсками.

— Н-да... Мѣста уѣмистыя... первый сортъ...—пробормоталъ рыжій.—Земля-то... ишь ее!—и, немного погодя, когда поравнялись съ свѣжею пахотой, остановилъ лошадь, слѣзъ, поковырялъ кнутовищемъ изсиня-черный пласть, сжалъ въ горсти рыхлый комокъ земли и, съ видомъ какого-то мрачнаго сладострастія, сталъ разминать его между пальцами.

— Не съѣшь, кумъ Егоръ... Ха, ха, ха!—воскликнулъ черный.—Одно мгновеніе дѣйствительно могло казаться, что рыжій не утерпитъ и сожретъ. Но онъ только поднесъ горсть къ лицу, понюхалъ, широко раздувая ноздрями, и бросилъ.

— Что, въ нашей Владимірской не видалъ такого амбре? Ха, ха, ха!—Черный не говорилъ, а кричалъ, впрочемъ, безъ всякихъ усилій съ своей стороны, и во время разговора то и дѣло раскатывался какимъ-то гремящимъ хохотомъ, шлепалъ ладонью по своимъ и по кумовымъ колѣнямъ, вывертывалъ руками, нетерпѣливо вращалъ свое богатырское тѣло.—Здѣсь, братецъ ты мой, вѣлдо-рада насчетъ черноземнаго матеріалу,—продолжалъ онъ,—Графская степь близко—одно!... Ха, ха, ха! Вонъ она, матушка, протянулась... дистанція!... Ха, ха, ха!... Какъ былъ въ прикащикахъ, довелось-таки погулять вдоль ей... Раззудись плечо, размахнись рука, ха, ха, ха!... Эксплуатировалъ! во всѣхъ качествахъ узналъ пропорцію... и въ отношеніи какая продуктивность, и касательно урожайности, и гурты имѣли, и масляное дѣло развивали... Степь почище академіи Петровской: всему научить, ха, ха, ха!

— Ты бы на ней и подыскивалъ ренду.

— Ха, ха, ха!... Руки, кумъ, коротки! Привилегіи подай, протекціи, рекомендаціи... да и участки, забодай ихъ корова, великаты. Мелкій коммерсаптъ не суйся,—баланцъ не сведешь... ха, ха, ха!... Эхъ, кабы подлѣ-то, подлѣ-то мнѣ присосаться! Кабы Мансуриху-то окопировать намъ съ тобою, а?—и онъ въ избытокъ чувствъ ударилъ кума въ загривокъ.

По дорогѣ встрѣчались проѣзжіе и пѣшеходы: мужичокъ въ ху-

домъ зипунишеѣ и въ лаптяхъ, верхомъ на чалой кобылѣ; три бабы въ новыхъ полушубкахъ, въ ботинкахъ, въ шерстяныхъ юбкахъ; старичокъ дворовый въ старомъ, жалобно дребезжавшемъ господскомъ кабріолетѣ; убитанный молодой попъ на бѣговыхъ дрожжахъ, въ тепломъ полукафтанѣ и въ золотыхъ очкахъ; старшина, парой, съ колокольчиками... И всякій разъ, еще задолго, какъ поравняться съ купеческою телѣжкой, встрѣчные широко улыбались, а поравнявшись кланялись и, непремѣнно съ хохотомъ, кричали: «Здорово, Илья Евдокимычъ!» Черный же, отвѣчая на поклонны, неистово грохоталъ и каждому говорилъ веселое словечко пополамъ съ дѣломъ. На разстояніи добрыхъ десяти верстъ много разъ раскатывалось въ сверкающемъ и прозрачномъ воздухѣ: «Ха, ха, ха!... Хо, хо, хо!... Хи, хи, хи!»

— Буда ѣдешь, Илья Евдокимычъ?

— Съ живыхъ народовъ шкуру сдирать... ха, ха, ха!

— Хо, хо, хо!... Ахъ, и шутникъ же ты, дуй ты горой!

— И такъ раздуло: пуговицы отлетаютъ... Митроша! телка-то, телка-то не продавай помимо меня... Лучше, братъ, никто не обманетъ... ха, ха, ха!—Э, тетка Лукерья! Буда потѣшницъ-то ведешь? Если ко мнѣ,—даромъ ноги оттопчете: со вчерашняго дня зарекся... ха, ха, ха! Въ лавку-то зайдите: новый ситчикъ полученъ.—А! Власти предержажей! Зиновею Магарычу! Много засыпалъ горячаго матеріалу? Кошель, небось, ломится отъ государственнаго доходу? ха, ха, ха!... Не забудь долгишки-то мои... Должишки-то мои помни!—Коннычъ! Держись крѣпче, утлый сосуде! не видишь, барскій экипажъ разсыпаться хочетъ... ха, ха, ха!—Отцу Гаврилу! Благослови на жатву грядущаго и тебя не забывающаго паки и паки... гдѣ мздою, а гдѣ и чѣмъ ворота запирають, ха, ха, ха!

— Буда стопы-то направилъ, заблудшая овца?

— А? Погоди, обломаю экспедицію, все расскажу. *Ниву*-то заѣзжай возьми у супруги, вчера получена. А теперь ужъ не взыщи: по обычаю предковъ плюну... ха, ха, ха!—и Илья Евдокимычъ дѣйствительно плевался, но нельзя было разобрать, шутилъ или серьезно, а попъ благосклонно хохоталъ, испуская изъ гортани густые, бархатные звуки.

Рыжій молчалъ, озираясь изподлобья. Мужичка онъ смѣрилъ тавнимъ испытующимъ взглядомъ, какъ будто прикинулъ: а стодить ли распороть ему брюхо? На бабъ плотоядно усмѣхнулся; Конныча пропустилъ безъ вниманія (и черный пошутилъ съ нимъ только изъ приличія); старшинѣ поклонился и даже хотѣлъ изобразить

нѣчто пріятное на лицѣ, но изъ этого ничего не вышло; при встрѣчѣ же съ попомъ насушился болѣе обыкновеннаго и шепнулъ куму:

— Подъ благословенье подойди. Все, говорятъ, лучше.

— Погоди ужь, — отвѣтилъ Илья Евдокимычъ, — раздавимъ съ батькой Смирнова двадцать перваго номеру, вотъ тебѣ и благословенье. Басни-то, другъ, отсталымъ вѣкамъ надо оставить, ха, ха, ха! — Рыжій неприязненно повелъ ноздрями, но смолчалъ.

Съ бойкой дороги свернули на проселокъ. На встрѣчу уже никто не попадался. Мѣста пошли глухія, хотя, попрежнему, привольныя и просторныя. Нѣкоторое время кумовья ѣхали молча. Илья Евдокимычъ жегъ папирсы, Егоръ пристально смотрѣлъ по сторонамъ, загадочно вздыхалъ и двигалъ челюстями.

— Кумъ Илья! Братъ ли мнѣ твое заведенье? — выговорилъ онъ внезапно. — Не подѣискать ли и мнѣ участокъ, ась?

Илья Евдокимычъ съ живостью повернулся и такъ и померъ со смѣху.

— Обдумалъ! — закричалъ онъ, хлопая кума по спинѣ. — Высидѣлъ! Чего ты смыслишь по агрономіи? Что ты видалъ у себя на суглинкѣ? Понимаешь ли, каковъ есть черноземный злакъ?... Ха, ха, ха, участокъ! Химію не хочешь ли развивать? Нѣтъ ли твоего желанія въ астрономы, къ примѣру... въ газетахъ пишутъ мѣсто очистилось? Ха, ха, ха! Ну-кошь спрошу я у тебя: какъ?... какими способами произвести его въ систему? Подсолнухъ? Ленъ? Просо?... У, голова съ мозгомъ! Я пятнадцать лѣтъ прикащикомъ отбарабанилъ. Сколько съизначала бою принялъ, не считая въ той цифрѣ надругательствъ. Кажется, по справедливости возможно объявить и даже описать, что, къ примѣру, курсъ кончилъ и аттестатъ зрѣлости получилъ. А и завѣсьмъ тѣмъ считаю себя глупымъ. Какъ такъ? А вотъ какъ. Теперича стали сѣять рапсъ и травы на сѣмена: люцерну, эспарцетъ... Мало того, купецъ Придорогинъ какую-то церву *) изобрѣлъ, будь она проклята! ха, ха, ха!... Афера обломная, а я не могу, не знаю, пять сотыхъ и одна десятая въ разсужденіи новыхъ способовъ. Между тѣмъ, не тебѣ чета; назначай хоть плебисцитъ въ округѣ, всякій скажетъ, каковъ я есмь экспертъ въ отношеніи части земледѣлія... Стой! Дай тебя раскритиковать, шпионка ты эдакая... ха, ха, ха! Кто купцу и кавалеру Алферову капиталъ приумножилъ въ разсужденіи посѣвъ хлѣбовъ? Илья Евдокимовъ Прытковъ. Кто тыщу монеть огребалъ и всячески былъ превзысканъ отъ хозяина? Опять-таки

*) Церва—*Reseda cuticola*.

Прытковъ... ха, ха, ха! Мнѣ тысячу монеть, а брата Федора въ гимназію втяпалъ, по высшимъ наукамъ далъ стипендію... Барьера, а? ха, ха, ха!... А за что? Въ воздаяніе заслугъ, голова садовая! (Ударъ въ загривокъ). Въ воздаяніе того, что въ семьдесятъ девятомъ году Илья Прытковъ чистаго доходу предоставилъ тридцать тыщъ серебра, не считая, что хозяйскій сынъ Иванъ Антонычъ безъ Федора не можетъ имѣть аппетита и куда ни идти—все виѣсть... Да-съ, кумъ Егоръ, вотъ оно что, ха, ха, ха!... А я, признаться, такъ ужъ укутилъ твое дѣльце—министру финансовъ не втемяшится... ха, ха, ха! Вижу, что трактирное заведеніе не входитъ въ мою программу, а въ лавкѣ я и вовсе—фофанъ, дай, думаю, объявлю ликвидацию эфтому дѣлу, дай препоручу куму... На станцію! Эстафету! Пріѣзжай, господинъ Болодкинъ, обратывай нентюха... ха, ха, ха!... Желаетъ, молю, господинъ центюхъ, въ память кумовства и все такое, объегорить васъ на три тыщи восемьсотъ монеть, ха, ха, ха!... А ты увидалъ черную землю, да и въ меланхолію. Отвѣчай мнѣ по пунктамъ: ты кто? Ты съ допотопныхъ вѣковъ трактирщикъ. За буфетомъ ты родился, за буфетомъ тебя вскормили... Лавку ли взять... Купить, продать, промѣнять, на все ты профессоръ. А земельная часть моя. И ежели я свою часть безъ разсуда забросилъ и превратно вломился въ чужое дѣло, такъ драть меня, драть курицина сына, ха, ха, ха!... Я какъ отошелъ отъ хозяина...

Рыжій все время не то слушалъ, не то злился, и вдругъ, съ какимъ-то лаящимъ звукомъ, началъ точно откусывать и выбрасывать слова:

— Три тыщи. Не толкуй. Ломаного гроша не набавлю. И мѣринъ въ то же число. Мужичѣнни дрянъ, голые, лапотники,—ишь, давеча форсунъ какой встрѣлся!... Цѣмлю недѣлю на нихъ люблюсь. Избы гнилыя, скотинѣнка — одры; пропить, дьяволамъ, нечего, не токма-что купить-продать.

— Эхъ, ты, обломъ обломычъ! (Рыжій даже зубами скрипнулъ). На то и черноземная полоса, что избушки не вполнѣ. А копни-ко ты ее, хижину-то, давнико ее гидравлическимъ прессомъ... Это въ нашей сторонѣ—«по угламъ домовою пылъ метлою посмелъ», и хотя же апартаменты съ рѣзбою, но въ брюхѣ достаточное оскудѣніе питательнаго матеріалу... Недѣлю любовался! На чего ты любовался? Аль не знаешь, какъ сказано про здѣшнія палестины?... Житница имперіи, вотъ какъ сказано! Не говорено: складъ, молю, сапоговъ, аль мануфактурныхъ товаровъ, аль издѣлій какихъ-нибудь,

но прямо—*житница*... Тутешній низшій классъ только видошъ непристоенъ, потому—пахарь, а поиди-ко къ нему на гумно...

— Не густо.

— Не густо?... Ну, да что съ тобой толковать, афера еще впереди. Эхъ, кабы Мансуриху-то мнѣ, Мансуриху-то... ха, ха, ха! И шутъ ее знаетъ нечистый: верстахъ въ десяти отъ того мѣста конспиративную квартиру содержалъ на предметъ наемки, а объ ней не слыхалъ, какихъ она, къ примѣру, убѣжденій!

— Какъ сказалъ?

— Чего?

— Насчетъ хватуры какъ сказалъ?

— Ха, ха, ха... конспиративная.

— Это что-жь обозначаетъ?

— Въѣздъ. Въ базарномъ селѣ для наемки народа содержалъ. У дьячка.

— Та-акъ.

Егоръ сердито засопѣлъ, пошевелилъ брѣвнями, хотѣлъ еще что-то выговорить, но только изо всей силы хлестнулъ лошадь. Илья Евдокимычъ пріятно и на этотъ разъ негромко засмѣялся и продолжалъ растроганнымъ голосомъ:

— Да, гуманекъ, исторія моей жизни есть романъ, и какъ поразсказать тебѣ... По справедливости возможно объявить и даже описать, сколько, къ примѣру, находилось во мнѣ закоснѣлаго духу и какъ черезъ брата Федора и, притомъ, благодаря супругѣ Авдотѣ Лукияновнѣ, я вдругъ увидѣлъ, что есть необразованность... Чать, самъ знаешь, какое было наше развитіе... Съ первобытныхъ вѣковъ питались мракомъ невѣжества! Люди вникали, прозрѣвали, до корня дорывались, а мы опричъ нашей дикости только глазами хлопали. Какъ? что? почему? въ которыхъ смыслахъ?... Не было на это нашего вниманія. Люди стараются, разъясняютъ, газеты печатаютъ, а мы словно дерева безсловесныя!... Но теперь, кумъ Егоръ, ты и самъ видишь, да и я тебѣ утверждаю: я взысканъ, я сообщенъ въ разсужденіи вопросовъ, я приобрѣлъ понятіе. Тамъ въ газетѣ прочтешь, тамъ супруга изъ книжки почерпнешь... Кабыты не примѣтно, анъ въ головѣ-то присовокупляется! А расходъ самый, можно сказать, минимальный: *Ниву* на паяхъ съ отцомъ Гавриломъ получаемъ, *Курьеръ*—съ волостнымъ писаремъ. Учитель у насъ замотался, я у него сочинителя Левитова купилъ два тома, Гоголя четыре книги, окромѣ что въ растрепанномъ состояніи: разные тамъ очерки, стихи и тому подобныя статейки... Конечно, съ осени дѣло мое кипучее, а лѣтомъ, братъ, у

насъ такая компанія—вродѣ комитетъ, али парламентъ, ха, ха, ха!... Первымъ долгомъ недѣли на три Федянька пріѣзжаетъ, потомъ семинаристы. Соберемся, такой загнемъ сюжетъ... Откуда, къ примѣру, проистекло все сущее?... Да-съ!... Федянька-то, что твой Бова-побѣдоносцевъ: разшвыряетъ поповыхъ ребятъ, дня по три съ мыслями собираются. Ахъ, и уменъ, волки его ѣшь!... Теперь сестру Алѣну къ себѣ взялъ, хочетъ обломать, да по акушерской части пустить. И обломаетъ! Обрати вниманіе, должность его какая, описаніе къ примѣру. Эвентарь... скотоводство. Вовче, чтобъ польза для земледѣльческаго народу. Ну, польза-пользой, а, между прочимъ, одного жалованья полторы тыщи монетъ... Ловко? Ха, ха, ха!

— Та-агъ.

— Да что тебя карѣжить?—вскрикнулъ Илья Евдокимычъ, который, въ увлеченіи своимъ повѣствованіемъ, только теперь заиѣтилъ, что куму не по себѣ. И вдругъ того прорвало.

— А я такъ полагаю,—отрубилъ онъ грубымъ голосомъ и въ его глазахъ замигалъ какой-то острый блескъ,—по нашей дикости и какъ мы есть невѣжественные народы, я такъ полагаю, и ты дуракъ, и жена твоя чортова кузла. А Федька—которые есть анаемы-проляты, такъ вотъ!

— Ого!

— Вотъ тебѣ и ого! Я, братъ, разсерчаю—все скажу. Ты меня не зри. Ты думаешь, я слѣпъ? Я не слѣпъ. Я цѣлую недѣлю васъ, идоловъ, взвѣшивалъ.

— Ха, ха, ха!

— Вотъ тебѣ и га, га, га! Чего гогочешь? Ты хайло не развѣвай, а слушай. Жена-то у тебя, аль не вижу, куда рыло воротить? Робята въ пласъ, въ воротничкахъ, въ лаковыхъ полботничкахъ!... На коего дьявола? Погляжось крестникъ твой: десять годовъ ему, а ужъ онъ къ покупателю совсѣмъ съ сапогами въ ротъ влѣзетъ... Констерація! Бульеръ!... У насъ жены-то въ лавкѣ да за буфетомъ, да сама прими, да подай, да взвѣсь, да покупателя улести, да съ пьянымъ мужикомъ умѣй обойтись. А тутъ—фу-ты, ну-ты! Одѣлась, сѣла, чаю нажралась, за книжку взялась... Малому восемь годовъ отъ роду, отъ дѣла отрываетъ, сказки читаетъ, стишки! Въ трактиръ, вишь, не ходи, пьяныхъ мужиковъ испугаешься, неподобныхъ рѣчей наслухаешься... Ха! Малютка какая!... Да остолопина ты эдакая, ему, вѣдь, самая нора съ посудой бѣгать, къ торговлѣ пріучаться, копѣйку зубами цѣплять... Супрруга!... Ты бы, нечѣмъ гоготать, разулъ бы

глаза, да, Господи благослови, направо и налево—въ морду!... Чѣмъ тебѣ заведенье прискучило? Какимъ манеромъ надумалъ продавать?... Анъ брешешь—не прискучило! Жена-барыня сбиваетъ, а жену Федька поджиливаетъ. Ахъ, Федоръ Евдокимычъ! Ахъ, деверѣкъ дорогой! Ахъ, польза! Ахъ, эвентары! Двѣ тыщи семьсотъ, вотъ тебѣ и сказъ весь. И меринъ въ то число... Дуррракъ!

— Да ты ошалѣлъ, Егоръ Севастѣевъ!

— Я-то не ошалѣлъ. Я давишь тебя слушаю, и то не ошалѣлъ. Я на вашъ обычай семь дѣнь взиралъ, и то въ своемъ разумѣ остался, какъ намъ Господь-батюшка послалъ разумъ, а не русскій кулъерь. Ты не ошалѣй. Съ жены-то спусти шкуры двѣ, а Федьку—руки къ лопаткамъ, да къ становому. Вотъ какъ я понимаю. Бонстерація!—Егоръ Севастѣевъ попыхтѣлъ и воскликнулъ съ новою яростью:—Мы-ста, да вы-ста, да откуда сущее явилось!... А не хочешь къ жандару за такія слова? Не хочешь за превратно-злодѣйскую пырпаганду въ теплое мѣсто? На шестой дѣнь, вотъ откуда явилось... дуррракъ! Двѣ тыщи семьсотъ, шабашъ! И меринъ въ то число!—и, помолчавши, добавилъ огорченнымъ тономъ:—Скажи на милость, увмѣстѣхъ въ мальчигахъ жили, я какъ старшій всячески тебѣ руководствовалъ, родители искони-бѣ въ обоюдномъ согласіи и въ сватовствѣ, прїѣзжалъ ты на родину, оказалъ себя въ аккуратѣ, покумились, открылся, что жениться собираешься, и тутъ тебѣ тятенька совѣтъ преподалъ: «Эй, Илюша, не моги подъ вѣнецъ становиться, докуда изъ рукъ въ руки приданаго не получишь!» И что же?... Прошло десять годовъ—сбѣсился! Бунтовскимъ обычаемъ захотѣлъ жить! По книжкамъ, по газетамъ!

Илья Евдокимычъ въ свою очередь готовъ былъ распалиться. Но соображеніе ли о «жандарѣ» и о «тепломъ мѣстѣ» остановило его, или что-то сочувственное шевельнулось въ немъ на послѣднія слова кума, или не хотѣлось терять покупателя, какъ бы то ни было, онъ кончилъ тѣмъ, что беззаботно захохоталъ, ткнувъ туго подпоясаннаго кума въ тую животъ и круто отклонилъ рѣчь въ сторону.

— Ты вотъ долбишь, дятель, а все попустому,—сказалъ онъ шуточно.—Возьмемъ хоть—мужичишки, говоришь, неустойчивы. Сѣмъ-ка я поразскажу насчетъ здѣшняго народонаселенія... ха, ха, ха! Видѣлъ старшину? Первый мой прїятель. Съ нимъ мы одна такую сочинили оказію. Сдавались въ нашемъ селѣ выгона...

Егоръ Севастѣевъ сначала не слушалъ, а только злобно со-

гѣлъ, отвернувшись въ сторону; потомъ съ пренебреженіемъ сталъ вслушиваться; потомъ такъ насторожилъ уши, какъ будто они сами потянулись у него изъ-подъ картуза, и началъ переспрашивать, вникать въ подробности, оскалывать зубы. Немного погодя исторія о «выгонахъ» смѣнилась исторіей о покупкѣ съ аукціона, о задачѣ денегъ на подушное, о ссыпкѣ хлѣба, о церковномъ строеніи вкупѣ съ отцомъ Гаврииломъ, и хохотъ Ильи Евдокимыча сталъ сопровождаться гнусливою и скрипучею второю.

Бѣжали долго. Кормили въ хуторахъ. За хуторами пошли опять поля, и опять степь, и изсиня-черный пласть, и осиновыя кусты, точно вырѣзанные изъ золота, и курганы на горизонтѣ. Переправились черезъ тихую степную рѣчку, взобрались на возвышенность, съ которой открылась даль верстъ на сорокъ, миновали огромное село, гдѣ много разъ спрашивали: какъ тутъ проѣхать на Мансуриху, и, наконецъ, къ вечеру, на закатѣ солнца, нашли деревню Мансуровку, Княжія-Липы тожь, и остановились ночевать у бобылки. Прудъ, заросшій камышомъ, отдѣлялъ поселокъ отъ того берега. За прудомъ пестрѣлъ большой запущенный садъ съ полуразвалившеюся каменною оградой, сверкали березы, столпившись на окраинахъ, простирали могучія вѣтви столѣтнія, на половину обнаженные липы. Въ липахъ сквозили облупленные крыши усадьбы, чернѣлъ своими бревенчатыми, обветшалыми стѣнами длинный, одноэтажный барскій домъ. Съ другой стороны сада сіялъ еще прудъ, чистый и гораздо шире деревенскаго. За тѣмъ прудомъ разстилалась привольная луговая понизь. Чей прудъ? Чья луга? Почему подошла къ самой деревнѣ канава... ишь какая глубокая!—спрашивали кумовья у бобылки. Оказалось, что и прудъ, и луга—барскіе, а канава ограждала «отрѣзокъ» и была «послѣ воли» выкопана господами во избѣжаніе потрава.

Вся окрестность пламенѣла, обогрѣнная лучами заката. Воздухъ былъ звонокъ и чистъ. Небеса ясны. Но какая-то печаль разлита была въ пространство. Въ деревнѣ еще слышны были звуки; отъ нихъ отдавало бодростью, недосугомъ, жильемъ. Стучали цѣпы; съ пронзительнымъ скрипомъ отворялись ворота; коровы мычали; съ пруда гулкими раскатами доносились удары валька; по улицѣ сновалъ народъ,—носились ребятишки съ веселымъ шумомъ; на томъ концѣ ругались двѣ бабы, по-своему оживляя деревенскій вечеръ. Но въ старомъ барскомъ саду и въ усадьбѣ стояла странная, оцѣпенѣлая тишина. Деревья въ ихъ осеннемъ уборѣ, казалось, не радовались потоку позднихъ солнечныхъ лучей и даже те были погружены въ задумчивость, какъ сказалъ бы тонкій на-

блюдатель природы, а просто затихли и... оцѣпенѣли. По временамъ въ ихъ средѣ раздавался невнятный шепоть, едва уловимый звукъ, подобный вздоху, и круглые, лапчатые, блѣдые, золотистые листья отрывались, шуршали въ вѣтвяхъ, падали, медленно вѣясь, на толщѣ такихъ же увядшихъ листьевъ. И тогда въ этомъ безмолвіи чудилось нѣкоторое проявленіе сознанія, слышались застенныя жалобы, предсмертныя пени, какой-то слабый ропоть медленнаго и безслѣднаго исчезновенія. Стекла въ барскомъ домѣ, съ радужными оттѣнками отъ времени, съ приставленными и вмазанными осколками, горѣли не то угрожающимъ, не то прощальнымъ блескомъ. И все точно вымерло: ни человѣка, ни скота, ни собаки, — одно только кладбищенское молчаніе.

Впрочемъ, кумовья были свободны отъ печальнаго настроенія. Напротивъ, то, что видѣлось на томъ берегу, внушало имъ самыя ликующія мысли. Они долго сидѣли на заваленкѣ, всматривались, вздыхали, шептались, прищелкивали языками, толкали другъ друга подъ бока. А Егоръ Севастѣевъ даже неоднократно проскрежеталъ.

— Примѣчай, садина-то! — шипѣлъ онъ, — яблонь... груша... сливнякъ... вишенья... По-нашему, тутъ одного плодоводства на тыщу цѣлковыхъ! А липы... березнякъ... Деревя индѣ можно и по-срубить: для ради расчистки, молъ. Ограду первымъ долгомъ разворочай: помаленьку да полегоньку, но и да завтра, анъ и незамѣтно, а ты тыщъ сто кирпичу ухватишь. Ренду отдержишь: кое, дескать, растаскали, кое дождемъ размыло, такъ и сойдетъ. Лугъ опять... Отрѣзокъ... Ты не будь дуракъ, канаву-то не подправляй, пуцай осыпится: зашла скотина, а ты ее на дворъ. Лошадь — рушь! корова — рушь! теленокъ попался — и съ телка оброкъ получай. Умны тоже и господа которые: ишь, какъ канъ обдуманъ! А выгона безпремѣнно раздери. Хворостнякъ вырубь. Рыба какая есть — неводомъ да на базарь...

— Эхъ, кумъ, лишь бы снять, а то съумѣли бы выворотить на изнанку... Ха, ха, ха!

И Илья Евдокимычъ запустилъ палецъ въ кумовъ животъ. На томъ берегу точно ухнуло и перекачилось какимъ-то многократнымъ стономъ: «Ха-а, ха, ахъ, ахъ, ахъ!»...

На огонекъ къ бобылкѣ явились сосѣди. Набралось человѣкъ двѣнадцать. Даже сельскій староста заблагоразсудилъ нацѣпить медалъ и съ строгимъ видомъ пришелъ освѣдомиться, что за люди. Но при первомъ же взглядѣ на кумовьевъ понялъ, что это люди свои, — «рассейскіе», какъ тотчасъ же мысленно опредѣлилъ, что и строгій видъ совершенно неумѣстенъ. Вскорѣ «рассейскіе» люди достали

изъ телѣжки водку и связку бренделей, заказали яичницу и пригласили старосту и наиболѣе почтенныхъ въ угощенію. Остальные разиѣстились гдѣ могли. Илья Евдокимычъ хлопалъ мужиковъ по животамъ, по спинамъ, запуская имъ пальцы между реберъ, порисалъ хохотомъ рамы, расточалъ прибаутки и веселыя слова, а мимоходомъ спрашивалъ, какова барыня, что за угодыя въ участкѣ, какъ цѣны «за обработку» и извозъ, за сколько сдается садъ, есть ли рыба? Позднѣе, когда эти разспросы начали возбуждать подозрительность, онъ сказалъ, что хочетъ снять въ аренду. И по мѣрѣ того, какъ водка убавлялась, все неострашимѣе покорялъ мужицкія сердца. Хохоть его подхватывался такъ дружно, что бобылка начинала бояться, не развалилась бы изба. Только и слышалось:

— Ну-у, разбитной!

— Ахъ, ухарь, песь тебя задави!

— Ой, матушки мои, уморилъ!...

И само собою разумѣется, что барскія косточки были промыты многосторонне, охотно и безпощадно. Мрачный Егоръ Севастѣевъ, и тотъ, хотя не участвовалъ въ общемъ оживленіи, но безпрестанно оскаливалъ зубы, любуясь, какъ ловко кумъ Илья «завоевывалъ мужичишекъ»; съ своей же стороны подавалъ голосъ рѣдко и съ обычнымъ озлобленіемъ.

— Ты, купецъ, никого не слухай, меня послухай!—шамгалъ разсолодѣвшій отъ вина древній старичокъ, проталкиваясь и подсаживаясь въ Прыткову.—Послухай дѣдушку Мокоея... кхи, кхи, кхи... Наши господа изстари чудные... ась?... Ни то они милосливы, ни то Господь имъ рѣзвости не послалъ, но что касающе дранья, али тамъ кровопролитіевъ... кхи, кхи...

— У насъ розогъ въ заводѣ не было,—отозвались изъ толпы.

— Стой, стой, не слухай... Дай дѣдушкѣ Мокоею сказать... ась?... да, въ заводѣ не было. Съ князей Тибягинныхъ.

— А по мордамъ колачивали!—сказалъ блѣднорусый мужикъ съ испитымъ и возбужденнымъ лицомъ.

— Стой, стой, дай слово сказать... да... кхи... кхи... по мордамъ колачивали. Собственно изъ своихъ, значить, изъ рукъ.

— Руконпашнымъ боемъ дѣйствовали... ха, ха, ха! — въ общему восторгу присутствующихъ сказалъ Илья Евдокимычъ.

— Покойникъ старый баринъ Гараську вполне изуродовалъ.

— Стой, стой...

— А дядю Митяя палкой по лбу.

— Элося!—и старичокъ съ досадою отмахнулся.—Дай слово сказать...

— Тамъ далъ имъ Господь рѣзвости, али нѣтъ, съ ума ли, сдуру—отрѣзокъ-то съумѣли отцанать!

— Да Стѣпкино болото всучили!—подхватилъ блѣднорусый.

— Стой, стой!—завопилъ дѣдушка Мокей и даже привсталъ, приче́мъ обнаружилось, что спина у него колесомъ.—Про что-жь я и говорю. Про то и говорю—горячь былъ сударь Иванъ Петровичъ... ась? Помолчи, помолчи, Листарка! (такъ звали блѣднорусаго мужика). Слухай, купецъ. Вотчина приданая была, приданая. Мы за Евлень-Марковной отошли... князя Тибякина дочь... ась?... барыня наша теперешняя.

— Какая она паша барыня... плакса!—посмѣиваясь, возразилъ староста.

— Слезы роняеть, причины не знает!—съ хохотомъ подхватилъ Илья Евдокимычъ.

Толпа такъ и захохотала. Только Листарка не засмѣялся, а презрительно скривилъ губы и сказалъ:

— Нѣтъ у насъ господь опричѣ царя земнаго да царя небеснаго... Будя!—но за шумомъ его словъ не слышали.

— Брешете! Иванъ Петровичъ умственный былъ! Отецъ былъ!—сердито закричалъ Мокей. — Сколько въ округѣ господь... кхи, кхи... О чемъ бишь?... Красавецъ былъ изъ себя, да!... И Евленья Марковна красовита... А приданныхъ сто восемнадцать душъ... да въ другомъ уѣздѣ двѣ деревни—Иванъ Петровичъ продалъ... Хе, хе, хе, все, бывало, картинки малюеть, либо съ ружьцомъ. А билъ за что... ась? То-то и оно-то! Гараська женѣ два ребра перешибъ... Митяя опять-таки за жену...

— Что-жь онъ у васъ, бабій заступникъ, что-ль, былъ?—язвительно спросилъ Егоръ Севастѣевъ.

— Кхи, кхи... заступникъ...

Опять раздался хохоть.

— Сластиникъ!—вырывались голоса.

— Приспѣшникъ бабій.

— Сластиникъ!—передразнилъ старичокъ.—А жили какъ?... Ну-кось, чья барщина супротивъ мансуровской?... Дуги, лошади, телѣги... Что скота, что хлѣба... Щи, щи... кажинный Божій праздникъ щи съ убойной ѣли!... Дай-то Господи такихъ сластниковъ...

Но тутъ на дѣдушку Мокея накинудись со всѣхъ сторонъ. Листарка вскочилъ съ лавки и закричалъ:

— Ну-ко отрывайся, старый песь, дѣти-то твои чьего заводу?

Въ отвѣтъ на этотъ крикъ сзади протѣснился сынъ Мокея, здоровый мужикъ съ бѣльмомъ, и, засучивая рукава, возопилъ:

— А не хочешь по мордѣ за такія слова?... Смутьянь!

— Тронь!

— И трону.

— И тронь!

На нихъ зашумѣли. Листарку кто-то толкнулъ на лавку. Моѣева сына схватили за руки. Но разъяренные мужики рвались другъ къ другу, особенно Листарка, который весь поблѣлъ отъ злости. Поднялся невообразимый шумъ. Однако, Илья Евдокимычъ сразу нашелся: Моѣеву сыну онъ поднесъ водки и пригласилъ за столъ, а насчетъ бирина сказалъ такое словечко, что всё такъ и полегли животами, а бобылка, закрывшись фартукомъ, шарахнулась за печку.

— Бабы онъ съ усиліемъ... — бормоталъ сконфуженный Моѣей. — Милушки мои! Боли ежели бы онъ съ усиліемъ... дуромъ бы ежели ломилъ...

— Вотъ Петра Иваныча нельзя охаять, — сказалъ староста съ очевидною цѣлью выручить старика.

— Что-жь... и Петра Иванычъ...

— Ладно! — вмѣшался тонкій голосокъ, — а кто отрѣзокъ-то приспособилъ? Бто, будучи посредственникомъ, народъ на дорогахъ замаялъ? Для вашей, говорить, пользы! А у меня, курлацкую гать настилали, кобыла издохла.

— Чуда-акъ! — проговорилъ до сего молчавшій степенный мужикъ. — Чудагъ, это, братцы мои, Петръ Иванычъ. Я тогда въ старостахъ ходилъ. Отрѣзокъ, говорю, сударь, вы ужь мужичкамъ прожертвуйте. Блочокъ махонькій, а вы, молъ, и махонькимъ влочкомъ по рукамъ, по ногамъ насъ свяжете. А! говорить, и свяжу! И знаешь, зачѣмъ свяжу? Желательно мнѣ, чтобъ вы училишшу открыли, да чтобъ кабаковъ у васъ не было... Такъ-то вотъ. Ну, и что же?... Самъ года два спустя померъ, училишши нѣтути... А что касательно кабаковъ...

Степенный мужикъ умолялъ.

— Ха, ха, ха! — загремѣлъ Илья Евдокимычъ, — кабаковъ нѣту, а вольною продажей вся деревня промышляетъ. Такъ, что ли? Но на это прямого отвѣта не послѣдовало.

— Должно спьяну удумалъ вольныхъ людей обвязывать! — сказалъ Листарка.

Староста строго посмотрѣлъ на него.

— То статья особая! — проговорилъ онъ. — Грѣхъ попутаетъ — всякій сопьется. Нечего зря болтать.

— Да и запилъ - то Петръ Иванычъ почитай не задолго до

смерти, — поддержали старосту изъ толпы. Листарка опять презрительно скривилъ губы.

— Нѣтъ, я что говорю, старички, — продолжалъ степенный мужичокъ какимъ-то осторожнымъ голосомъ, — хорошо теперь Евленья Марковна не утѣсняеть, а доведись... наплачешься съ этимъ отрѣзкомъ. И ужъ чего-жь бы лучше, кабы намъ самимъ, къ примѣру... — и онъ искося взглянулъ на Илью Евдокимыча.

— Обдумалъ! — громогласно перебилъ Прытковъ. — Какъ тебя звать-то... Досифеємъ? А по батюшкѣ величаютъ... Степанычемъ? Ну, Досифей Степанычъ, попалъ ты пальцемъ въ небо. Выкушай-ко!... Ничего, ничего, не церемонься, у насъ своя, не купленная. Господинъ староста! пригубьте вашу порцію!... Господа старички, будьте на столь благосклонны!... Ну, давай, братцы, сурьезно говорить. Положимъ, сойдуся я съ барыней, сниму. Ужели-жь я кровь на кровь пойду? Кто я такой? Баринъ ли, аль изъ чиновниковъ, аль поповской породы? Илья Прытковъ, вотъ кто я такой, Владимірской губерніи крестьянинъ-собственникъ. Вотъ онъ сидитъ — кумъ мнѣ; съ недѣлю мѣста приѣхалъ съ родины. Спросите-ка, анъ и по сіе время близкіе мои сродственники за сохой ходятъ, землю-матушку ковыряютъ, трудовымъ потомъ обливаются. Возьму-ль я на себя такую гнусность?... Отрѣзокъ!... Да я первымъ долгомъ подъ выгонъ вамъ его сдамъ... Господи Владыко! Сосѣди! землепашцы! труженики! да обижать... А по-нашему, по-купецки, вотъ какъ: сработалъ — загребай деньги, на подушное нужда пришла — загребай деньги! Пахота, жнитво, сѣвъ, извозъ, молотьба, масло стану бить, быковъ кормить, — растопыривай, ребята, карманы, богатѣй, ха, ха, ха! Эхъ, вы, мякинники, шутъ васъ истолки въ ступѣ! — Илья Евдокимычъ сунулъ въ бокъ сосѣда, потомъ другого.

Опять грянулъ смѣхъ.

— Ужъ дай-то Богъ! — на-перебой говорили мужики. — Намъ отъ Мансурихи ни печали, ни радости.

— Спроваживай нашу плаксу, да и зачинай колесо... по-купецки!

— Заработковъ совсѣмъ рѣшились. Соломкой да мякиной поровить старая вѣдьма!

— Какіе заработки: посѣвъ совсѣмъ сократила.

— Двѣсти десятинъ въ залежь пустила, хрычовка: я, говорить, можетъ, овецъ заведу.

— Дожидайся, заведешь!

— Колотовка!

— Нюня!

— Нѣтъ, она вотъ кто,—со смѣхомъ подхватилъ староста:— я напередъ возилъ податя въ городъ, а исправникъ Сергѣй Сергѣичъ говорить: что ваша одичалая жива? Бняжна одичалая! Такъ писаря, которые были, такъ и надорвались со смѣху... ха, ха, ха! А за ней недоумокъ шестьсотъ цѣлковыхъ!

— И впрямь одичала. Дѣло не дѣло—день въ полѣ шлындаеть, а ночью запрется съ богомолкой Лукерьей, службы служить... ха, ха, ха!

— Послушайте, старички, изъ скотины не утѣсняетъ,—всталъ степенный мужичокъ.

— А попадись-ко! Только слава, что штрафу не беретъ, а ужъ вахнычетъ, нажалится, наврезжить... Да обругай ты, ради Христа, отпусти только душу на покаянье... нытиха!

— Это-съ чего же она все поеть?—освѣдомился Егоръ Сеастѣвъ.

— Спроси. Сынъ, говорить, единоутробный скончался, внучаты далеко, вы, злодѣи, и рады избидѣть сироту. Ихъ, и не любить же она мужиковъ!

— Сиротка!—воскликнулъ Илья Евдокимычъ,—пятьсотъ девятивъ вѣчности, ха, ха, ха!

— Сыниной жены-то, невѣстки-то ейной, аль не осталось?—продолжалъ допрашивать Колодкинъ.

— Ну, съ невѣсткой мы, братъ, и сами не знаемъ, что подѣялось. Жили съ Петромъ Иванычемъ, прямо надо сказать, за любезную душу. На музыкѣ отжариваетъ, дѣти, гости... Ну, хорошо! Только поставили Петра Иваныча посредственникомъ, онъ и приреси себѣ писарька. Вальжанный такой парень. Ладно. Туды-сюды, она возьми съ писарькомъ-то и сбѣжи... то-ись Наталья-то Сергѣевна. Ловко? А послѣ того, слышимъ, руки на себя наложила. А вскорѣ и баринъ померъ. Вотъ оно, братъ, какой грѣхъ.

— По дѣломъ вору мука,—отрубилъ Колодкинъ.—А внучаты гдѣ? Сколько внучать-то?

— Было двое... Андрей-то Петровичъ въ Питерѣ. Ни то слушать, ни то... Богъ ихъ знаетъ. Годовъ, чай, восемь въ вотчину не наѣзжалъ.

— Ну, а еще?

На это тоже отвѣтили не сразу. Наконецъ, староста кашлянулъ и нерѣшительно проговорилъ:

— Барышня есть... Лизавета Петровна. То-ись эфто мы такъ располагаемъ... Потому какъ, напримѣръ, проживала при бабуш-

кѣ и въ собственной теперича похѣсти... И притомъ какъ пошла тутъ заворожка промежду господъ...

— Да чего тутъ толковать!—крикнулъ давно изъявлявшій нетерпѣніе Листарка.—Хотѣлось хрестьянъ въ крѣпость оборотить, анъ мимо! Готовили людямъ—угодили на себѣ! Миѣ, что-ль, одному нянюшка сказывала: «Въ Сибири, говоритъ, наша барышня пески роетъ!...» Поройся-ка! Похлопочи! Узнай, каково на мужицкой шеѣ ѣздить!—и онъ въ первый разъ засмѣялся какимъ-то всхлипывающимъ, визгливымъ, невеселымъ смѣхомъ.

Въ то же время сильно хлопнули дверью и уже въ сѣняхъ послышался сердитый молодой голосъ: «Обрадовались!... Нажрались!...» А степенный мужичокъ почесалъ въ затылкѣ и, потихоньку потянувъ изъ-за спины сосѣда свою шапку, незамѣтно удалился. На Листарку закричали со всѣхъ сторонъ:

— Потитай... смутьянь!

— Прикуси языкъ-то, коли длиненъ!

— Не наше дѣло. Чтò мы знаемъ?

Когда шумъ утихъ, Егоръ Севастѣевъ язвительно сощурилъ глаза, оперся подбородкомъ на кулакъ и съ растановкою произнесъ:

— А молодые-то и у васъ... поговариваютъ!

— Ничаво... пушай... не замай, господинъ купецъ!—торопливо зашамкалъ дѣдушка Мокей.—Внученокъ мой... Алеша...—и вдругъ просіялъ во все лицо, обнаруживая десны съ желтыми, съѣденными зубами.—Гра-амотный, господинъ купецъ!... Дай Богъ ей здоровья, барышня обучила!...!

— Ну, а почему у васъ бабы на полку ходить?—перемѣнилъ рѣчь Илья Евдокимычъ.—Если доведется у меня, прямо озолочу: дѣвкамъ грошъ, а старушкамъ—по полушкѣ буду отваливать... ха, ха, ха!

Бобылкѣ опять пришлось беспокоиться за цѣлость избы.

II.

Одичалая княжна.

— Ахъ, Владычица пресвятая... Агашка! Агашка!... Батя!... Лукерья Савишна!... Да отълигнитесь вы, хари!—такъ встревоженнымъ голосомъ зывала Евгенья Марковна Мансурова, высываясь изъ спальни, гдѣ мерцала лампадка, въ темную смежную комнату.

— Что вамъ?—пробормоталъ изъ-подъ самыхъ ногъ барыни заспанный молодой голосъ.

— Я не сплю, сударыня, — отозвался въ другомъ концѣ комнаты подобострастный шепоть, и маленькая старушка, быстро скользя ногами въ однихъ чулкахъ, подошла къ дверямъ спальни.

— Это ты, Лукерья Савишна?... Слышишь?

— Слышу, сударыня... Охъ, давишь прислушиваюсь... Гогочеть, убей меня Богъ, гогочеть!

Объ нѣкоторое время стояли неподвижно. И странны казались въ полусвѣтѣ эти старческія фигуры: одна въ ночномъ чепцѣ, высокая, худая, съ мертвеннымъ, безкровнымъ лицомъ, на которомъ точно застыло выраженіе подозрительности и какой-то недоумѣвающей тоски, другая — толстенная, съ большимъ фіолетовымъ носомъ, съ сѣдыми волосами, собранными въ пучокъ, въ длинной бѣлой рубахѣ.

— Лѣшій!... Убей меня Богъ, лѣшій!... Съ нами святая сила!... Живыи въ помощи вышняго, въ кровѣ царя небеснаго...

— Какой тамъ, прости Господи, лѣшій?... Выдумаютъ! — грубо отозвался съ полу молодой голосъ, — купцы на деревнѣ гуляютъ... Лѣшій!

— Какіе купцы? Что ты городишь? — спросила Евгенья Марковна.

— Такіе. Вечоръ кухарка Анисья ко двору ходила, сказывала: два купца у Нимфодорихи ночуютъ. Собрали мужиковъ, водкой угощаютъ. Ишь, грохочутъ, сиволапые черти... Обрадовались!

— Путаешь ты, Агашка. Съ какою стати купцамъ ночевать?

— Подите да посмотрите. Чего мнѣ путать? О, Господи, и выспаться-то не дадутъ... а-а-а! — Агашка повернулась на другой бокъ и моментально захрапѣла.

— Это точно, сударыня, — зашептала Лукерья Савишна, — купцы ночуютъ, это точно. И я слыхала. Да, вишь, гогочутъ-то, окаянные... Тьфу! прости, Господи, согрѣшеніе. Ужъ я лежала, лежала, тряслась, тряслась... И барыню-то, думаю, обезпокою, и жутко-то мнѣ...

— Зачѣмъ же они ночуютъ?... И, притомъ, водка, хохоть... Странно какъ-то!... Ты, все-таки, посиди со мной, Лукерья Савишна. А Батя гдѣ?

— Извѣстно, сударыня, гдѣ Батя! Вы надѣтесъ, вы располагетесъ... и нянюшка-то, и старинная-то слуга... А Катерина Митревна дрыхнетъ себѣ во всю прыть, хоть домъ разволоки — заботы мало.

— Охъ, бѣда мнѣ съ вами!... Иди, посиди... да чулокъ-то возьми, можетъ, я и засну подъ твое вязанье... И что вы все ябед-

ничаєте, все дѣлите? Ну, что она тебѣ далась? Ну, спать... Развѣ я повѣрю, что ты не спала? И ты спала. Молчи, знаю. Сядь. Видно, у меня только, горемычной, Господь сонъ отнял... И зачѣмъ они ночуютъ? Съ какой стати мужиковъ спаиваютъ?... Подлинно ли партикулярные люди?... Листарга-Смутьянъ тамъ, не знаешь?... Ничего-то вы не знаете! Говори что-нибудь, бормочи. Ахъ, матушки, какая тоска!

Евгенья Марковна прилегла на кровать. Савишна сѣла у ея ногъ, прикрыла плечи какою-то ветошью и проворно зашевелила спицами.

— Говори что-нибудь, — повторила Евгенья Марковна.

— Что же вамъ, сударыня... Сѣмъ расскажу, какъ меня, грѣшную, сподобилъ Господь къ иже во святыхъ Зосимѣ-Саватѣю, въ пречестную Соловецкую обитель сподѣшествовать?

— Въ Соловки? Туда, бывало, все вольнодумцевъ ссылавали. Времена пошли новыя и заточенья новыя... Охъ, Царица небесная!... Ну, говори, говори. Все врешь, поди, а?

— И, сударыня, да какъ же я осмѣлюсь?... Я иной разъ посмотрю такъ-то хоть бы на Катерину Митревну, и то сердце за васъ, благодѣтелей, разрывается... Господи-батюшка, и повертывается языкъ! И какъ же это возможно природной своей госпожѣ лукавить! Какая нужна совѣсть!...

— Оставь, не наушничай. Все равно не быть тебѣ при ключахъ. Опротивѣли вы мнѣ всё... Ну, пошла въ Соловки... Ну?

— Ну, вотъ, сударыня, и тронулись мы подъ самый подъ Егорьевъ день. А были допрежь того въ Оптиной пустыни...

— Погоди. Для чего ты ходила? Какіе грѣхи отмаливала? О чемъ просила?... Было ли такъ, что всё тебя бросили... какъ ломоть на дорогѣ? И болѣла ты въ одиночку, и думала въ одиночку... И вспоминала, вспоминала... всю-то жизнь, всю жизнь!... Ахъ, матушки, какая тоска!

— Благодѣтели вы наши!... Да развѣ-жь я... Да развѣ-жь мы сродственны съ вашею милостью?... Чтой-то, святители... Сударыня моя, сѣмъ-ка налойчикъ засвѣтимъ, благолѣпное стояньице устроимъ, да отженѣтъ Господь духа печали и тоскованія... асиныки? Намеднись какъ, вѣдь, отлегло отъ душеньки и письмоцо отъ Андрея Петровича получили!

— Не нужно. Письмо, да не то. Ну, въ Оптиной пустыни... ну? Говори скорѣй... ханжа!

— Хи, хи, хи, вотъ ужъ и гнѣваться изволите! Такъ-то наша барыня, генеральша Ознобищева, царство ей небесное, вѣчныя покоя...

— Дура была. Ну, вышли вы подь Егорьевъ день...

— Подь самый Егорьевъ, сударыня. Отслужили молебень... А допрежь молебна позвали насъ за трапезу... И ужь такая ядреная картофь въ пречестной Оптиной пустыни!... Ну, честь-честью вкусили снѣдь, пошли къ молебну. А мнѣ еще говорить одна странница: «Охъ, матушка Савишна! ужь такъ-то поясницу ломить, такъ-то ломить...» И точно: глядимъ, откуда ни-на-есть тучи, какъ хлынетъ дождикъ!... Ахъ, святители вы мои!... Ну, ничего, слава тебѣ Господи, обведрилось. Отслушали молебень, пошли...

Евгенья Марковна оперлась на руку и закрыла глаза. Однообразный рассказъ богомолки струился какъ ручеекъ и, въ соотвѣтствіе съ нимъ, проворно мелькали чулочные спицы въ ея рукахъ. Временами она взглядывала на барыню и замедляла рѣчь, тихонько зѣвала, лѣниво переводила спицами, но, убѣждаясь по трепету рѣсеницъ, что барыня не спитъ, снова возвышала голосъ, и снова безконечною струей журчали однообразныя слова, а спицы быстро, въ тактъ съ словами, продолжали шевелиться. На стѣнахъ обозначались тѣни: странно кивала носатая голова съ пучкомъ на затылкѣ, двигались несоразмѣрно огромныя руки... Угловатое тѣло и чепецъ Евгеньи Марковны чернѣли неподвижнымъ, фантастическимъ силуэтомъ. Изъ смежной комнаты доносилось храпѣніе Агашки, слышенъ былъ неторопливый звукъ маятника. Въ открытую дверь зіяла таинственная темнота, переполненная тѣми едва уловимыми шорохами, которые столь обычны въ пустынныхъ и нежилыхъ помѣщеніяхъ.

Въ рассказѣ Савишны мало было любопытнаго. Безпрестанно повторялись умиленные вздохи, да ремарки о погодѣ, да умилительныя и высокопарныя словеса и безконечныя подробности насчетъ ѣды: «а за трапезой подавали щи со сметками», «а за трапезой горохъ», «а за трапезой лещи сушеные да грибы»... Завсѣмъ тѣмъ Евгенья Марковна не засыпала.

Но она не слушала. По ея лицу съ глубоко-ввалившимися глазами впадинами то и дѣло пробѣгалъ какой-то страдальческій трепетъ, губы вздрагивали и горестно сжимались. Иногда казалось, что она готова вскрикнуть отъ нестерпимой боли... и оставалась безмолвною, неподвижною, съ видомъ человѣка, который рѣшился терпѣть все. Но чѣмъ глубже становилась ночь, тѣмъ безпощаднѣе совершался процессъ истязанія—«духъ тоскованія и печали» ополчался сильнѣе; возбужденіе Евгеньи Марковны росло; нѣжныя розовыя пятна выступали на ея осунувшихся щекахъ... Внезаг

пронесся странный звукъ, похожій на сдавленное рыданіе... Савишна остановилась, прислушалась, боязливо взглянула въ открытую дверь—въ темнотѣ заскрежетало, завозилось, заскрипѣло... Заржавленный, дребезжащій звонъ раздался въ дальнихъ комнатахъ... Пробыло два.

— Затвори... Затвори!...—быстро подымаясь и съ ужасомъ указывая на дверь, прошептала Евгенья Марковна. Потомъ сѣла въ кровати и, сгорбившись, съ потупленнымъ лицомъ, стиснула руки.—За что?... За что?... Голубчикъ Савишна, за что же крестъ-то посланъ?... Ахъ, я горькая... горемычная сирота...

— Сударыня! Благодарѣтельница!—Савишна отбросила чулокъ и кинулась къ Евгеньѣ Марковнѣ.—Капелекъ не дать ли? Святой водицей не спыснуть ли? Матушка вы моя!...

— Дура! — воскликнула Евгенья Марковна, и мгновенно вся ея фигура выпрямилась, а лицо загорѣлось безумнымъ негодованіемъ.—Я тебя спрашиваю—*за что-о?* Чего ты мечешься, какъ угорѣлая кошка?... Какихъ капелекъ?... Оброшена!... Покинута!... Глазъ закрыть некому, слова не съ кѣмъ сказать!... Мужики, мужики, мужики... Разговаривать разучилась!... Лицъ человѣческой утратила!... Что Ты сотворилъ со мною, Создатель? Мужа — отнял! Дѣтище единокровное — отнял! Внуку любимую — и ту отнял!...

— Ахъ, грѣшно, сударыня!... Ахъ, грѣхъ смертный!...

— Молчи! Что ты знаешь?... Вѣкъ свой пятки оттаптывала, да монаховъ объѣдала... Кто я была—отвѣчай!—Бняжна Тибякина была, богачка, первая невѣста въ уѣздѣ... Бняжна! ха, ха, ха... Кто скажетъ теперь? Кто повѣритъ?... Четыреста душъ приданаго... три деревни... три усадьбы... Куда все дѣлось? Буйный вѣтеръ развѣялъ: Иванъ Петровичъ Мансуровъ... съ метресками да съ крѣпостными шлюхами!... Иванъ! слышишь?—и она, сверкая сумасшедшими глазами, грозно подняла руку.

— Охъ, страсти...—лепетала Савишна, крестясь и безтолково бѣгая по комнатѣ.

— Слышишь ли, Иванъ?—все возвышала голосъ Евгенья Марковна.—Не прощу! Вѣчность пройдетъ, а я не прощу!... Предателямъ, сумамъ-переметнымъ, роду дворянскаго злодѣямъ, — всеи прощу, а тебѣ нѣтъ моего прощенья, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... И тебѣ и Натальѣ... Ахъ, Наталья! вынула ты изъ меня душу...—Евгенья Марковна вдругъ обезсиѣла, закрыла лицо и тихо, какъ-то подѣтски всхлипывая, заплакала. Савишна тоже прослезилась. Прошло четверть часа.

— Голубчикъ ты мой, Лукерьюшка! — смягченнымъ голосомъ заговорила Евгенья Марковна, — ахъ, кабы ты знала его!... Вѣдь, какой это былъ сынъ!... Красавецъ, уменъ, образованъ... И вдругъ эдакій ужасъ!... А любилъ-то какъ!... Въ предсмертномъ бреду ее звалъ, все прощалъ, все предавалъ забвенію... Господь не забылъ, настигъ. Ахъ, лучше бы не настигалъ! Боже мой, какъ вспомню — получилъ онъ извѣстіе: отравилась Наталья Сергѣевна. Нѣтъ, нѣтъ, не правъ Ты, Господи, немилосердъ, жестокъ, — неправо наказуешь, неправо милуешь! — Евгенья Марковна снова начала волноваться. — А все онъ, все Иванъ Петровичъ напрокуратилъ!... Онъ разыскалъ этихъ... захудалыхъ! Онъ ввелъ Петрушу въ ихъ океанный домъ!... Поетъ, какъ сирена, грасьѣзна, божественна!... Сцены мнѣ дѣлалъ, самодуркой величалъ... и себя-то я обожаю въ сынѣ, и чувствъ благородныхъ не имѣю, и кровь татарская во мнѣ играетъ... Догадался! Померъ въ-время! Не захлебнулся въ Мансуровскомъ позорѣ!... И она... у, злодѣйка! Бто Лизаньку испортилъ, — эти мысли ей богопротивныя... все она, все она внушала! Восьми лѣтъ ребенка босикомъ водила... Съ мужицкими ребятишками заставляла играть... Доигралась, горемыка! Двѣнадцать лѣтъ мается!... Андрей счастливъ, что младшій, — материнаго яду не всосалъ, даромъ что вышелъ вылитая Наталья Сергѣевна. — Она помолчала и опять нѣсколько успокоилась. Тѣмъ временемъ Савишна безшумно выдвинула на средину комнаты аналой, постелила передъ нимъ старенькій коврикъ и стала зажигать восковыя свѣчи.

— Ахъ, Лукерьюшка, заживо я померла! — тихо продолжала Евгенья Марковна. — Вотъ-то говорятъ — барыня-колотовка, а господа помѣщички одичалою княжной величаютъ... А колотится-то не барыня, не урожденная Тибякина — живой мертвецъ! Съ шестьдесятъ четвертаго году истязуюсь. Господи, Господи! проценты въ жоземельный заплати, въ земство, пусто бы ему было, отдай... да займи, да пригляди. А тамъ — поджоги, тамъ — воровство, тамъ — потравы, тамъ — урочище самовольно выкосили... Выгадывай крохи для сиротъ!... Думала ли я, что такая моя судьба? Въ саду-то, въ этомъ самомъ саду, голубчикъ Савишна, музыка гремѣла!... Егоръ Васильичъ Смирной за двадцать верстѣ нарочнаго прислалъ: не горятъ ли, мошь, Бняжія-Липы? А это отъ потѣшныхъ огней да смоляныхъ бочекъ зарево полыхаетъ!... Какъ сейчасъ помню, я, вдоль аллея, въ первой парѣ шла съ флигель-адъютантомъ, съ Волоцкинь. Такъ ужь ферлакурилъ! Такіе разыскалъ комплименты! — Старушка улыбнулась сквозь слезы. — А еще, милая Лукерьюшка, знаешь березу въ малинной куртнѣ? Подъ тою березой Ваня...

Ваня... стихи-и-и, декларация-а-ция... — Она вскрикнула и махнула рукой. — Все миновало!... Теперь вонъ купчишки съ мужичишками гогочуть, а я не смѣю слова сказать... Ахъ, матушки, какая тоска!... И для чего живу? Бога жду? Сна, сна лишилась... а и засну — не на радость. И скажи, пожалуйста: какъ душа заболить свыше мѣры, такъ этотъ проклятый палачъ мерещится. Нонче свечеру опять приснился. Точь-въ-точь, будучи съ батюшкой въ Тамбовѣ на выборахъ, на площади видѣла. Рожи его окаянной не смогу разобрать, а ужъ зубами скалить, глазами сверкаетъ... И будто народъ, народъ... такъ и кипитъ, такъ валомъ и валитъ на площадь! Етъ чему это?... Охъ, поскорѣе бы сдать въ аренду, поскорѣе бы развязаться... И знаешь, Луша, непременно уѣду къ ангелу-Лизанькѣ... Что-жъ что далеко? Да и не далеко. Вонъ наметнись поѣхъ говорилъ — чугунную дорогу туда провели. Подымусь и поѣду. Станемъ опять ссориться: я — ругать, она — хвалить... хамовъ-то этихъ! — Евгенья Марковна опять улыбнулась, минуты двѣ посидѣла въ задумчивости и рѣшительно проговорила:

— Если и не сдамъ, — Андрею напишу. Пусть какъ знаетъ. Пора мнѣ, старухѣ, и вздохъ дать.

— Готово, сударыня, — доложила Савишна, оправляя подвернувшійся ковригъ.

— Ахъ, готово? — какимъ-то виноватымъ тономъ произнесла Евгенья Марковна и встала. Нѣсколько мгновений на ея лицѣ еще примѣтенъ былъ заботливый слѣдъ послѣднихъ мыслей; затѣмъ все погасло и лицо освѣтилось новымъ, значительнымъ выраженіемъ.

— О, Господи!... услыши молитву мою и вопль мой! — вырвалось у нея какимъ-то надтреснуто-звонящимъ и жалобнымъ стenanіемъ. Она упала на колѣни, прижала къ груди крестообразно сложенные руки и жадно устремила глаза на икону. Губы ея беззвучно шевелились. Но по временамъ страстный и укоризненный шепотъ становился внятнымъ, сѣдая голова начинала трястись, костлявыя руки простирались... и горькія слова молитвы приобретали особый смыслъ, какъ будто Евгенья Марковна Мансурова истину вступала въ пререканіе съ Господомъ Богомъ: «И исчезоша яко дымъ дни мои, — восклицала она, — узвена быхъ яко трава!... Отъ гласа въздыханія моего прильпе кость моя плоти моей... Уподобихся неясныи пустынной, быхъ яко ношныи вранъ на нырищи... Весь день поношаху ми врази мои и хвалящии ми мною клепахуся, зане пепелъ яко хлѣбъ ядохъ и питіе мое съ плачемъ растворяхъ!...»

Савишна, съ глубокимъ и условно-благочестивымъ вздохомъ,

одблала три земныхъ поклона, раскрыла часословъ, пробормотала съ дѣловымъ видомъ: «Кажись, на шестой каѳизмѣ остановились...» и, дождавшись, когда Евгенья Марковна кончила молитву, торжественно загнула: «Имже образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желаетъ душа моя къ Богу крѣпкому, живому...»

— По-сма-три-ва-а-ай! — раздался протяжный крикъ на дворѣ усадьбы. Вслѣдъ затѣмъ загудѣла чугунная доска, точно напоминающая, что въ Бняжихъ-Липахъ еще тлѣетъ жизнь, что кто-то стоитъ на стражѣ, что мерзость запустѣнія не достигла степеней выморочности.

На утро, едва занялась заря, кумовья были уже на ногахъ. «Присогласивъ» за два брѣделя шустрого мальчишку, сына Нимфодорихи, они отправились изслѣдовать мансуровскія владѣнія. Мальчижъ указывалъ имъ грани. Кумовья ничего не пропускали безъ вниманія. Чтобы узнать, глубока ли слой чернозема, они слезили въ ямы, откуда бралась глина для хозяйства; затѣмъ подвергли разсмотрѣнью осеннюю пахоту, зеленя, паръ, луга, залежи... Смеднули, сколько «пропадаетъ зря» подъ широкими межами, отдѣлявшими каждую десятину. Не упустили оцѣнить дубовую рощицу, въ которой гремѣлъ влючъ, питавшій пруды и поившій непрерывною влагой сѣнокосы. Толща чернозема простиралась болѣе чѣмъ на полтора аршина, луга были безспорно хороши, подъ межами сѣбло набиралось десятинъ двадцать, рощица такъ и манила срубить ее на обдѣя, за то все остальное представляло картину весьма унылую. Пашня была небрежная, мелкая, съ несмѣтнымъ количествомъ огрѣховъ; на зеленяхъ такъ и пестрѣли обсѣвки; залежи сплошь заросли бурьяномъ; въ паровомъ клину засѣли сорныя травы въ перемежку съ пыреемъ. Поля были точно разодраны на мелкіе лоскутки, перемежаны и брошены, какъ попало: въ озимомъ осталась незасѣяною значительная часть пашни; въ яровомъ тамъ и сямъ щетинились ржанья жнива, рядомъ съ осеннею пахотой бурѣлъ неубранный клочокъ поздней гречихи, побитой морозомъ. Метали на зябь тоже обрывками и клочками, очевидно, выбирая «гдѣ помягше», уподобивъ клинъ одеждѣ въ заплаткахъ.

Завсѣмъ тѣмъ Илья Евдокимычъ былъ не только веселъ, но даже радостенъ. Колодникъ же выражалъ недоумѣніе и замѣшательство. Будь Егоръ Севастѣевъ одинъ, онъ не обинуясь забраковалъ бы участокъ; за отсутствіемъ свѣдѣній въ мѣстномъ хозяйствѣ, онъ видѣлъ только изъяны, порчу, оскудѣніе, которые по его расчетамъ отнюдь не возмѣщались межами, лугами, садомъ и даже рощею, ежели допустить, что «барыню возможно облагодѣшить» и мо-

лодой дубнякъ, съ теченіемъ времени, предать истребленію. Но его сбивали съ толку веселые возгласы кума, радостный, хотя и сдержанный кумовъ смѣхъ («кабы плаксу не разбудить!»). Егоръ Севастѣевъ чуялъ, что «дѣло загребистое», но никакъ не могъ уловить его признаковъ.

Когда за рощею кумовья достигли границы, на которой возвышался высокій курганъ, они взошли на него, еще разъ и съ сугубою пристальностью обозрѣли окрестность и присѣли на вершинѣ отдохнуть.

— Участоѣ-то плевый, — сказалъ Егоръ Севастѣевъ, пытливо заглядывая въ кумовы глаза. — Землишка забалована: соръ, бурьянъ. Залежи никудашныя; въ клинахъ чортъ ногу сломить. Даромъ только мужикамъ водку пропойли.

— Ха, ха, ха! — разразился Илья Евдокимычъ, но тотчасъ же опомнился и сказалъ Нимфодорихиному сыну: — Ступай-ка, младенецъ, ко двору, мы теперь безъ тебя найдемъ пути сообщенія. Да смотри за мериномъ надзирай!

И, когда мальчикъ ушелъ, съ величайшими подробностями началъ изъяснять куму секреты «забалованной» земли. Выходило такъ, что «забалованность» бываетъ двухъ качествъ: одна — зловредная, другая — смотря по обстоятельствамъ. Зловредная, когда земля истощена, выпажана, обезсилена беспорядочною смѣной хлѣбовъ, когда плугъ выворотилъ наружу плодородную глубину, а пшеница, корнеплоды и масличныя растенія высосали изъ нея всѣ соки, не возобновленные ни удобреніемъ, ни своевременнымъ отдыхомъ, ни толокой.

— А тутъ развѣ не видишь — вся причина въ безтолочи, — въ полголоса говорилъ Илья Евдокимычъ. — Развѣ это система? Это слезы, а не система. Тутъ какъ нарочно приготовлено для эксперта... вотъ погоди, что я раздѣлаю! Видимость-то такая, что надо сдать по са-а-амой минимальной цѣнѣ, а, между прочимъ, въ рукахъ она во всѣхъ смыслахъ достигнетъ преображенія. Землишка еще всковырена, — глубина-то матушка, можетъ, отъ вѣчности свѣту Божьяго не видала! Пары не пробиты... Залежи нуцены зря... Соръ! Стало быть, назрѣло тамъ эфтой силлици, коли бурьянъ съ оглоблю... Ее какъ разодрать плугой, да какъ пустить слѣдомъ соху-Андреевну, да расчесать желѣзными зубьями, да выворотить материкъ, такъ тутъ, что твоя новь: любое сѣй!... Сѣй на первыхъ порахъ подсолнухъ, ленъ, рапсъ, сурѣпку — всю сорную траву переведешь. А тамъ — пшеницѣ, маѣ, просо, ячень... Пле-

выи! Да я такъ разсуждаю, что по справедливости возможно объявить и даже описать, какая здѣсь эльдорада!

— Капиталу изведешь пропасть.

— Работы-то развѣ не слыхалъ почему? Аль вчерась мало господа мужички языки-то развязывали? Эхъ, ты! Да я съ нихъ за одинъ выпасъ—за отрѣзокъ, за царь, контрибуцію взлмоню, подобно какъ Бисмаркъ съ французовъ, ха, ха, ха! Отрѣзокъ-то... вѣдь, это Седанъ, и, притомъ, безъ всякаго междуусобія, какъ ты вчерась совѣтовалъ. А не хочешь, и Плевну тебѣ покажу...

— Гдѣ?—съ какимъ-то хищнымъ блескомъ въ глазахъ спросилъ Болодѣинъ.

— Взирай! — Илья Евдокимычъ указалъ на рошицу.

— Ну, и цѣна ей триста цѣлковыхъ.

— Не видишь?... Ну, прислушайся.

— Будетъ тебѣ языкъ-то сучить.

— Эхъ ты... дятель! Слышишь, ключъ гремитъ? Буда онъ теченіе свое имѣетъ... вонъ-вонъ ложбинка-то раздвоилась?... Направо—въ барскій прудъ, а налѣво?

— Ага!

— Вотъ тебѣ и ага! А ты меня вчерась съ грязью смѣшалъ. Хвастался—разумъ тебѣ даденъ... ха, ха, ха! Разумъ-то, братъ, зерно пополамъ съ мякиной: не раздѣлай посредствомъ сортировки и цѣна—грошъ...

Но Егоръ Севастѣевъ не слушалъ и все смотрѣлъ въ даль. И вдругъ воскликнулъ:

— Ага!... Значить, коли тово, такъ и тово... Ключъ-то отъ-вестъ можно? Ха, ха, ха!

— Раскусилъ.

— Ахъ, дьяволь тебя побери—ключъ-то отъ-вестъ возможно... ха, ха, ха!

— Припиши эпилогъ: колодцевъ ни въ одномъ дворѣ нѣту, все изъ пруда.

— Ага!... Дуракъ этотъ,—Листарка, чтоль его?—въ крѣпость, говорить, оборотить. Вотъ она крѣпость-то... ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха!

— Раскудахтались!... Обрадовались!... По-купецки! Ну, кумъ Илья, владимирскій народъ дуракъ, а здѣсь еще дураче.

Но Илья Евдокимычъ мало того, что не согласился, а даже произнесъ нѣкоторое правоученіе.

— Народъ, кумъ Егоръ, повсюду простъ,—сказалъ онъ,—но смели разбойными способами съ нимъ поступать, эфтого никакъ

невозможно одобрить. Къ чему? Мы всячески должны сообразоваться, а нежели ломить зря. Полегонечку, помянше, поаккуратнѣй!... Надо тоже и земляпашца разобрать по человѣчеству. Ну-ось пусти, къ примѣру, локомотивъ безъ подмазки: сейчасъ тебѣ готова кукуевка и другія катастрофы!... Но ты дѣлай съ разсмотрѣніемъ: тамъ—маслица подлей, тутъ—подмажь, въ иномъ мѣстѣ—сальца подложи, да почисти, да оботри, да отшлифуй, анъ и ему пріятно, и тебѣ не вредно. Я вотъ тебѣ рассказывалъ о выгонахъ и тому подобное. А спроси: не токмо тамъ зло помнить, али считатьъ меня за послѣдняго подлеца, но не иначе какъ единогласно въ ктиторы выбрали! Потому всякій понимаетъ: я веду линію по коммерціи, а онъ—соразмѣрно назначенію земледѣлія. И по совѣсти тебѣ скажу, Егоръ Севастѣвичъ, не вполне благосклонно зубомъ его рвать!

— Рассказывай,—разсѣянно пробормоталъ Колодеинъ.

Илья Евдокимычъ поднялся во весь ростъ, потянулся, взглянулъ, сощурившись, на востокъ и сказалъ;

— Эге! Аврора-то ужъ высоко! Пойдемъ, кумъ, чать, и Мансуриха проснулась,—и кумовья, отчетливо выдѣляясь въ розовомъ сіяніи молодыхъ солнечныхъ лучей, стали спускаться съ кургана.

Къ дому имъ приходилось подходить со стороны выгона. На неопытный глазъ и здѣсь представлялось жестокое опустошеніе. Многочисленные каменные постройки сплошь казались полуразрушенными. Большой скотный дворъ стоялъ безъ воротъ и съ обглоданною крышей; рига такъ и зіяла дырами; амбары облупились; на людскихъ избахъ, вмѣсто крышъ, торчали одни стропила,—въ этихъ избахъ, повидимому, давно не обитали, потому что двери были заколочены, рамы сгнили и рассыпались; только ближайшая къ дому, съ черными тесовыми заплатами на заржавленной желѣзной кровлѣ, съ покосившимся крыльцомъ, улитымъ помоями, имѣла признаки жилья: надъ нею вился дымокъ, а въ рамахъ, въ перемешку съ сахарною бумагой, сверкали стекла. Въ такомъ же убожествѣ были обширные конюшни, сарай, погреба, ледники, кухня около дома... Да и самый домъ казался гробомъ.

— Что ни говори, грошовый участокъ!—воскликнулъ Егоръ Севастѣевъ и, съ нескрываемымъ волненіемъ, ухватилъ за полу Илью Евдокимыча.—Кумъ Илья! жалѣючи тебя говорю—отстань! Али свѣтъ клиномъ сошелся? Ну ее къ праху! Смотри, вѣдь, это Мамай прошелъ.

— Чтѣ ты стукаешь, дятель?—шепотомъ отвѣтилъ Илья Евдокимычъ.—Обрати твое серьезное вниманіе: сплошь кирпичъ! Тамъ

побѣлѣлъ, тамъ подмазалъ—вѣку не будетъ! А страшили-то: все дубь... Да тутъ воткни сотельный билетъ—думать забудь объ ремонтѣ. А удобство... Вонъ изъ этой избы прямо маслобойку можно сворочать, а изъ той—рушку съ мукомольнымъ поставомъ: припрягу къ паровой молотилкѣ, она мнѣ всю зиму будетъ монету ковать! Бонюшни на свинятникъ оборочу...—Вдругъ на его лицѣ изобразилось живѣйшее безпокойство.—Смотри, смотри,—сказалъ онъ указывая по направленію къ дому и отступая задомъ за уголь амбара,—вѣдь, это календари *) приволоклись! Они и есть. Вонъ староста... вонъ Досифей... И старичка съ собой присовокупили... Вѣдь, это они перебивать. Ей-Богу, перебивать! Помнишь, вчерась Досифей словечко-то загнулъ?

Егоръ Севастѣевъ позеленѣлъ отъ злости и уторопленно задвигалъ челюстями. Въ это время за амбарами раздался пронзительный голосъ:

— Ахъ, живорѣзы! Ахъ, окайные самовольцы! Спаржу взрыли... малинникъ потоптали... Арря! пропасти на васъ нѣту... Лукичъ! Лукичъ!... Ѳедька!... Пармень!... Да чьи это свиньи?... Старостины? Такъ и есть, его боровъ. А пестрая?... А поросятница?... Не знаете! Ничего-то вы не знаете. Гоните, гоните на варокъ. Ты, вслоухій! окороти борова-то... Ахъ, матушки, какая тоска!

Бумовья обѣжали сзади амбара и стали выглядывать изъ-за другаго угла. Оттуда видѣнь былъ огородъ, обсаженный акаціями. Евгенья Марковна, одѣтая въ какую-то замасленную и заплатанную кацавейку, въ невѣроятномъ капорѣ, въ юбочкѣ съ высокоподоткнутымъ подоломъ, бѣгала, размахивая палкой, за свиньями, которыя никакъ не хотѣли выходить изъ чащи бурьяна, разросшейся спаржи и одичалаго малинника. Къ барынѣ послѣшали два старичка: одинъ—совсѣмъ древній, другой—лѣтъ шестидесяти, тоже съ палками и въ заплатанныхъ кацавейкахъ, мальчикъ-подростокъ суетился въ чащѣ. Визгъ свиней, шамкающіе крики дворовыхъ, звонкая ругань подростка, плаксивые возгласы Евгеньи Марковны продолжались довольно долго; наконецъ, животныхъ удалось сбить въ кучу; старички, торжественно помахивая палками, погнали ихъ на скотный дворъ; Евгенья Марковна шла слѣдомъ и отъ времени до времени съ необыкновенною раздражительностью шпырляла въ хвосты медленно идущихъ свиней.

*) Календарями зовутъ у насъ крестьянъ, когда хотятъ иронически возмстить ихъ умъ и сметливость. Выраженіе одного разряда съ тѣми, которыя гласятъ: „Мужикъ-т сѣръ, а умъ у него не чортъ съѣлъ“, „сѣрне министры“ и т. п.

Илья Евдокимыч направился къ ней на встрѣчу, размахисто повлонился и развязно протянулъ руку.

— Силь рекомендуюсь,—сказалъ онъ.—Напрасно изволите беспокоиться принимать: въ разсужденіи потраивъ соблюдается довольно установленный порядокъ—позвать старосту и составить протоколъ. А это кумъ мой-съ: господинъ Колодкинъ.

Господинъ Колодкинъ ослабился, приподнялъ картузь и, съ словами: «Дозвольте, сударыня, палочку, мы ихъ по-свойски!»—взялъ у Евгеньи Марковны палку и такъ ошарашилъ старостинаго борова, что тотъ съ визгомъ бросился бѣжать.

— Держи, держи, дѣдушка!—кричалъ Егоръ Севастьявъ,—окорачивай его, подлеца! По рылу-то... по рылу-то!... А ты, папаша, полѣномъ, вонъ полѣно-то валется!... Хорошенько, хорошенько его... Таа-къ! Мы имъ покажемъ, какъ въ барскомъ добрѣ распоряжаться!

Евгенья Марковна на первый разъ растерялась. Безсознательно сунула руку Ильѣ Евдокимычу, машинально вручила Колодкину палку, торопливо опустила подхлюстанный подолъ, подобрала ноги въ спустившихся шерстяныхъ чулкахъ и въ стоптанныхъ калошахъ... Но затѣмъ быстро пришла въ себя.

— Кто-жь вы такіе будете, позвольте спросить?—сказала она, глядя въ упоръ на Илью Евдокимыча.

— Силь рекомендуюсь,—повторилъ тотъ, съ пріятною округленностью наклоняясь къ Евгеньѣ Марковнѣ,—временный второй гильдіи купецъ Прытковъ-съ. Какъ имѣлъ честь выслушать отъ господина прасола Тупикова, что желаете имѣть солиднаго арендатора, и какъ питаю приверженность къ агрономической части и, притомъ, прослужилъ пятнадцать лѣтъ прикащикомъ по эксплуатаціи графскихъ степей, то позвольте имѣть коммерческій разговоръ-съ.

— А!... Сдаю, батюшка, сдаю. Ты что же, въ прикащикахъ-то, денегъ, что ли, много наворовалъ?

— Ха, ха, ха!—загрохоталъ Илья Евдокимычъ, не рассчитавъ силы своихъ легкихъ.

Евгенья Марковна отшатнулась.

— О, чтобъ тебя!—вскрикнула она съ неудовольствіемъ.—И впрямь лѣшій!—И вдругъ вспомнила ночную тревогу.—Ты что же это, батюшка, явился съ серьезнымъ дѣломъ, долженъ показаться помѣщицѣ, а вмѣсто того у меня въ деревнѣ дебоширство завелъ? Я черезъ тебя всю ночь глазъ не смыкала.

— Тесс... Великодушно извините-съ... Приѣхали поздно, не

послѣлъ беспокоить, а тутъ ваши крестьяне... Безпокойный народъ, доложу вамъ! То да сѣ, и даже странно съ какой стати, но вытребовали угощеніе-съ. Собственно во избѣжаніе вляузъ.

Тѣмъ временемъ старички, подъ ревностнымъ предводительствомъ Егора Севастѣева, благополучно загнали свиней.

— Сейчасъ видно расторопнаго человѣка, — вымолвила Евгенья Марковна. — Бумъ онъ тебѣ, говоришь?... Не пойдетъ онъ въ прищипки?

— Помилуйте, капиталный человѣкъ! Имѣеть торговое заведеніе во Владимірской губерніи. И, притомъ, какъ послѣ этого понимать ваше непремѣнное желаніе имѣть арендатора?

— Такъ и понимай, — сухо отвѣтила Евгенья Марковна, — захочу — сдамъ, а не захочу — съ меня воли никто еще не снималъ.

— Однако, объявите вашу минимальную цѣну. И позвольте доложить — только по добротѣ и, притомъ, изъ пристрастія къ агрономіи рѣшаюсь разговаривать.

— Сдѣлай милость, не разговаривай. А цѣна моя три тысячи рублей впередъ. На столъ деньги.

— За деньгами я не постою, деньги при насъ во всякій моментъ-съ. Но какъ понимать цѣну: шесть рублей за десятину, такъ-съ?

— Три тысячи. Какъ хочешь, такъ и понимай. И все впередъ, все впередъ. Сроку двѣнадцать лѣтъ.

— Такъ-съ... Позвольте доложить — высоконожько-съ. Пахоть въ необыкновенномъ запустѣніи, залежи — никуды, по лугамъ трава-типець пробилась...

— Насчетъ луговъ врешь. А залежь и поля безъ тебя знаю.

— Постройки, сами изволите видѣть: одна грусть.

— Знаю.

— По справедливости возможно объявить и даже описать, что при самоличномъ хозяйствѣ и при склонности вашихъ лѣтъ, а притомъ же высокаго происхожденія, вы не тоимо трехъ тысячъ, но и тысячи монетъ никогда не выручите.

Евгенья Марковна сердито пожевала губами и повернула къ дому.

— Такъ какже-съ? — освѣдомился Илья Евдокимычъ, идя за нею слѣдомъ.

Она молчала. Егоръ Севастѣевъ широкими шагами догналъ ихъ, шепотомъ спросилъ:

— Какъ дѣла? — и когда Илья Евдокимычъ такъ же тихо отвѣтилъ: «Клюсть. Шесть» — забѣжалъ впередъ и сказалъ: — Ну,

сударыня, мужички ваши! Гдѣ видано такое озорство? Бѣлымъ днемъ свиньи въ барскомъ огородѣ!

— Нынче, батюшка, свобода, — сочувственно отеликнулась Евгенья Марковна.

— Положимъ, что сдѣлано попущеніе, но надо же и совѣсть знать! Вѣдь, это разбой-съ... И что же-съ, при такой вашей андѣльской добротѣ, какихъ мы авчѣрась словъ наслушались...

Евгенья Марковна приостановилась.

— Ну?

— Да прямо неподобныя слова! И староста... и еще бѣлобрый мужичишка...

— Листарка-Смутянь?

— Вотъ-вотъ. И Досифей Степановъ... Всѣ оказали себя въ сущихъ злодѣяхъ супротивъ помѣщиковъ. Ну-у, разбойники!... Да какъ вы тутъ и живете, дозвольте доложить! Вѣдь, это прямо надо сказать — въ Муромскихъ лѣсахъ поселиться.

— Охъ, батюшка, и не говори! Какъ тебя звать-то? И не говори, Егоръ Севастѣичъ... Это зачѣмъ припелись?

Отъ дома подвигалась толпа крестьянъ. Бумовья отстали и съ особеннымъ выраженіемъ подмигнули другъ другу. Впрочемъ, Колодкинъ подмигнуть больше изъ приличія: взглядъ его оставался разсѣяннымъ и явно избѣгалъ останавливаться на кумѣ.

Оба, медленно приближаясь къ толпѣ, прислушивались. Но вскорѣ трудно стало разобрать. Евгенья Марковна пронзительно и плаксиво кричала, опять повторялись слова:

— Живорѣзы!... Самовольцы океаннныя!... Спаржу взрыли... Малинникъ потоптали...

Мужики оправдывались, снимали и надѣвали шапки, кланялись, сваливали вину на пастуха, говорили, что «ни въ жисть больше не пустять». Когда шумъ нѣсколько стихъ, староста выступилъ впередъ и, отшавлявшись, сказалъ:

— А мы какъ наслышаны, Евленья Марковна, что, напримѣръ, ваша милость сдаете вотчину... и какъ изстари ваши слуги, а вы наши господа, то не будетъ ли ваша милость сдать, то-ись, обчеству? Желаемъ ренду выплачивать вашей милости. Послужить.

— Что-о-о? — протянула Евгенья Марковна.

— Настоящую цѣну дадимъ, сударыня, — поспѣшно вставилъ Досифей Степанычъ.

— Ха, ха, ха!... Вы, должно быть, съ похмѣлья ко мнѣ пожаловали? Должно быть, съ купеческой водки помѣтились?... И садъ, значить, вамъ? И по аллеямъ будете разгуливать? А въ бан-

кетной, можетъ, хорооводы станете водить? Ну, нѣтъ, подождете, голубчики! Слышите вы?... Гдѣ княжеская стопа ходила, вамъ не ходить! Гдѣ господа дворяне съѣзжались, вамъ не водить хорооводовъ!... Вздумали!... Ты-то, Мокей! Ты—старый человекъ, ты меня вняжной помнишь, а?...

— Не слушаютъ, сударыня, не слушаютъ дѣдушку Могея... ась? Какъ не помнить... Я вашу княжескую милость экой вотъ махонькой запомню, хе, хе, хе! А молодые-то не слушаютъ! И правду надо гуторить: обмалковато земельки, утѣсненіе, обида... Это правду надо гуторить. Матушка-барыня! пожалѣй рабовъ твоихъ исконныхъ...

Онъ повалился Евгенъ Марковнѣ въ ноги.

Евгеня Марковна круто отвернулась и, взошедши на ступеньки крыльца, съ волненіемъ сказала:

— Ступайте. Не будетъ этого. Пока жива, Бняжими-Липами вамъ не владѣть! Въ соколиномъ гнѣздѣ галчатамъ не распоряжаться! А тамъ... какъ знаютъ!—она махнула рукой и уже изъ сѣней крикнула:—Возьмите свиней... да Боже упаси въ другой разъ! Слышишь, начальникъ?

Мужики надѣли шапки, стали вздыхать и почесывать въ затылкахъ. Они какъ будто не замѣчали приближавшихся куковьевъ.

— Здорово, ребята!—весело сказалъ Илья Евдокимычъ,—аль поздравить съ арендой? Ха, ха, ха!

— Юды-предатели,—мрачно выговорилъ Колодеинъ.

— Братецъ ты мой... Эхъ!—отвѣтилъ Досифей Степанычъ и отвернулся.

— Ну, что—эхъ!—въ полголоса подхватилъ Илья Евдокимычъ.—Вонъ она четыре тыщи монетъ впередъ ломить, гдѣ вамъ собрать эдакую цифру? Остолопы, шутъ васъ изломай! Говорю, вѣдь, царство небесное при мнѣ узнаете,—нѣтъ, нейметса! Идите-ка, идите за свиньями-то... ха, ха, ха!

— А все ты, Досифей!—съ внезапнымъ азартомъ набросился староста,—сходъ сбилъ, меня, напримѣръ, смутилъ... Только супротивъ Ильи Евдокимыча подлецами себя оказали!... Четыре тыщи—легкое ли дѣло... По сту тридцати цѣлковыхъ со двора!

И, какъ по сигналу, на степеннаго мужичка закричали со всѣхъ сторонъ:

— Миръ въ дуракахъ поставилъ!

— Въ колодезь наплевали по твоей милости!

— За Илью Евдокимычеву хлѣбъ-соль ему же пришли яму рыть!

— Небось, водку-то авчарась жралъ! Падогъ на даровщинку. Досифей виновато опустилъ голову и безмолвствовалъ, только едва замѣтное вздрагиваніе нижней челюсти показывало, что ему не легко.

— Ну, будетъ галдѣть, идите, — сказалъ Илья Евдокимычъ и милостиво присовокупилъ: — Не тужи, Досифей Степанычъ, говорю — свѣтъ увидите, и увидите.

Мужики засмѣялись, тотчасъ же оставили въ покоѣ Досифея и медленно разбрелись — кто на скотный дворъ, а кто въ деревню. Остался одинъ маленькій, необыкновенно добродушный и словоохотливый мужичокъ; онъ юркнулъ сначала въ избу, попросилъ тамъ пить, поговорилъ, заливаясь смѣхомъ, съ древнимъ старичкомъ, грѣвшимся на солнышкѣ, потомъ подошелъ къ кумовьямъ, которые присѣли на бревнѣ около барскаго крыльца.

— Ты чему радъ? — спросилъ его Илья Евдокимычъ, закуривая папиросу.

Мужичокъ такъ и прыснулъ.

— А мы, братецъ ты мой, давишь видимъ, что наше дѣло прощее, ха, ха, ха! — заговорилъ онъ въ полголоса, проворно размахивая руками и уморительно сморщивая крошечное лицо съ безчисленными морщинками. — Только пришли: грядъ, она верезжить на огородъ, ха, ха, ха... Ну, думаемъ, влопались. Что дѣлать? И бѣжать за свиньями непристойно, и оглобли поворачивать негодже... сослужили тебѣ службу, Евдокимычъ, наши свиньи... — и, внезапно сдѣлавшись серьезнымъ, съ необыкновеннымъ видомъ убѣжденности сказалъ: — Не затешишь свиньи — безпремѣнно бы сдала. Ей нельзя намъ не сдать. Посчитай-кось, сколько мы поту пролили на ейной землѣ...

— Да ты, братъ, пига! — сказалъ Илья Евдокимычъ. — Какъ тебя влинуть-то?

— Аеанасемъ. Аеоней крестили. Я, милые мои, продувной.

— А Листарка отчего не пришелъ? — спросилъ Колодеинъ.

— Листарка у насъ, братецъ ты мой, калѣнъ. Листарку стали звать, а онъ такъ-то обругалъ... Безъ того, говорить, наше будетъ...

— Ага!

— И-да-а... Онъ тоже, не гляди, что Смутьяномъ прозвали, — онъ дотошный!...

Въ это время на крыльцо вышла ядреная, краснощекая дѣвча,

съ чуждымъ и страшно насупленнымъ лицомъ, и, прислонившись къ притолкѣ, стала лущить подсолнухи.

— Агаея, нянюшкина дочь, — шепотомъ объявилъ Аеоня и попросилъ у дѣвки подсолнуховъ.

Та только бровями повела.

— Умица! — позвалъ Илья Евдокимычъ, — умывались конѣшній день, аль не любите?

— Безъ умыванья хороша, — не глядя на него, выпалила дѣвка.

Егоръ Севастѣевъ взвѣсилъ дѣвку пронизательнымъ взглядомъ и оскалилъ зубы.

— Тьфу! охальники, пропасти на васъ нѣту! — крикнула дѣвка и, повернувшись такъ стремительно, что отъ удара могучей спины загудѣла притолка, скрылась въ домѣ.

Аеоня такъ и покотился.

— Дворовые, — сказалъ онъ, — вотъ она съ матерью, да Лукичъ, дѣдушка, значить, ейный, да Пармень сторожь.

— Гарнизонъ изрядный, — посмѣиваясь, замѣтилъ Илья Евдокимычъ.

— А какъ, въ примѣру, дѣвка-то... не гуляетъ, ась? — проговорилъ Болодкинъ.

— Ни Боже мой! — живо отвѣтилъ Аеоня, — да у насъ и въ заводѣ, братецъ ты мой...

Илья Евдокимычъ только хотѣлъ подшутить надъ любознательностью кума, какъ та же Агаея, на этотъ разъ съ умытымъ лицомъ, высунувшись изъ дверей, крикнула:

— Эй, купцы! барыня зоветъ, — и опять стремительнымъ поворотомъ спины ударила о притолку.

Егоръ Севастѣевъ плотоядно покосилъ глазомъ.

Проводивши мужиковъ, взволнованная Евгенья Марковна позвала нянюшку и затворилась въ спальнѣ.

— Приѣхали, Батюша, — произнесла она упавшимъ голосомъ. — Арендаторы приѣхали.

— Насъ-то куда дѣнете? — сердито проворчала няня.

— Васъ! Все бы вамъ о себѣ, все о себѣ... Нѣтъ, чтобы о барынѣ подумать. Ахъ, матушки, какая тоска!... Достань мнѣ шерстяное платье... да чепецъ... Опять не выглаженъ? И что это дѣвка твоя дѣлаетъ?... Только косяки ломаетъ, да посуду колотитъ!

— Нанимайте ученыхъ. Лушгу-ханжу приставьте.

— Замолчи ты, ради Христа! Чулки дай. Не нравится онъ мнѣ,

этотъ Прытковъ. Загогочеть, такъ сердце и упадетъ... И слова-то какія подбираетъ... Охо, хо, хо! Аль не сдавать? Говори ты, пожалуйста.

— Чего я буду соваться? Насъ-то на улицу не выкиньте... за службу-то! Одного жалованья четыреста двадцать рублей на сигнатици за вами пропадаетъ.

— Ну, пошла... Погоди, мать моя, дамъ въ аренду—распишусь. Уѣду къ Лизанькѣ,—живите, какъ знаете.

— Небось, не уѣдете.

— Анъ уѣду! Опротивѣли вы мнѣ всё... Охъ, не нравится мнѣ этотъ Прытковъ. Не разбойникъ ли какой?

— Выдумаете! Въ Тишанкѣ трактиръ держать.

— А ты откуда знаешь?

— Нимфодориха сказывала.

— А ты должна доложить. Чтò у васъ слова-то выматывать надо! Ну, а товарищъ его? Этотъ—сейчасъ видно серьезнаго чловѣка... Развѣ онъ не сниметъ ли? Охъ... ну, ступай, Батюша, тогда позову. Не молилась еще я съ этими заботами.

Богда няня удалилась, Евгенья Марковна подошла къ аналою и задумчиво раскрыла часословъ. Но молитвеннаго настроенія не являлось; вмѣсто обычнаго начала канонизмы, она заботливо бормотала: «Сто двадцать Батѣ... Пятьсотъ восемьдесятъ въ земство... Тысячу семьсотъ въ поземельный... Старикамъ тридцать одинъ... Бухаркѣ пятнадцать... Сѣмена купить... яровое обѣять... Ахъ, матушки, какая тоска!»

Бумовъ въвели въ домъ и оставили однихъ. Безпрестанно озираясь и съ осторожностью наступая сапогами, они ходили по огромнымъ комнатамъ, постукивали костяшками пальцевъ о бревенчатыя стѣны, о двери, о косяки, разглядывали половицы, печи, окна, съ особеннымъ выраженіемъ втягивали носами затхлый, нежилой запахъ, трогали расшатанные стулья, кресла съ разодранною и засаленною обивкой, прикасались къ фигурнымъ, облупленнымъ диванамъ, муслили пальцами тусклыя картины въ покоробленныхъ рамахъ.

— Лѣсина-то!—шепталъ Илья Евдовимычъ, — сто лѣтъ стоялъ, еще двѣсти простоить! А мебелишка—хламъ... и рамы сгнили... и печки - то тово... Гляди, гляди, кумъ, книжекъ - то какая прорва!—и онъ остановился на порогѣ слѣдующей комнаты и поманилъ Володкина пальцемъ. Подошли къ запыленнымъ, закрытымъ веревочною сѣткой шкафамъ. — У, чистый Румянцевскій

музей! Развѣ поторговать... на вѣсь ежели?... Тутъ однихъ чтеніевъ лѣтъ на пятьдесятъ хватить!

— Читать читали, а ума не достали,—прошипѣлъ Егоръ Севастѣевъ, недоброжелательно косясь на шкафы.

— Ну, дятель, застучалъ!

Но дальнѣйшій осмотръ разочаровалъ и Илью Евдокимыча: книги были все старыя, съ иностранными названіями, въ ветхихъ переплетахъ, кое-гдѣ обгрызенныхъ мышами, или заклеенныя въ простой картонъ съ холщевыми корешками, на которыхъ братко было написано: «1837, 1845, 1858», «Изъ Москвы», «Изъ Петербурга», «Изъ Итали» и т. п.

Въ столовой загремѣли посудой. Кумовья пошли туда, остановились было около стола, но тотчасъ же отпрянули: въ двери стремительно влетѣла Агаѣя съ кипящимъ самоваромъ и, что есть силы, взбросила его на столъ. Посуда такъ и задрезжала на всѣ лады.

— Ахъ, чтобъ тебя!... Что ты мчишься, словно курьерскій поѣздъ?—съ притворнымъ гнѣвомъ воскликнулъ Илья Евдокимычъ.

Агаѣя сердито всхлинула носомъ,—онъ опять былъ у нея въ сажѣ,—и, грузно тоная босыми пятками, помчалась обратно. Егоръ Севастѣевъ проводилъ ее какимъ-то очумѣлымъ взглядомъ.

Евгенья Марковна, неслышно шлепая туфлями, подошла къ столовой и остановилась въ дверяхъ. Кумовья сидѣли поодаль стола, у стѣнки. Старуха пристально поглядѣла на нихъ. На этотъ разъ Илья Евдокимычъ ей понравился; Болодвинъ же, на лицо котораго она до сихъ поръ не успѣла обратить вниманія, внушилъ ей странный испугъ.

— Охъ, батюшка, лигъ-то у тебя!—воскликнула она и еще всмотрѣлась.—Послушай, я тебя видѣла. Гдѣ я тебя видѣла? Владимирскій, говоришь?... Гм... странно!

— Ха, ха, ха!—раскатился Илья Евдокимычъ, совершенно упустивъ изъ вниманія резонансъ барскаго дома.

— О, чтобъ тебя!—вскрикнула Евгенья Марковна, зажимая уши, и вдругъ разсердилась:—Не смѣй у меня грохотать! Въ дремучемъ бору, что ли, сидишь? Какъ съ тобой съ такимъ дѣломъ нѣтъ? Что? Говори потише, я не глуха.

Ильѣ Евдокимычу удалось достигнуть мягкихъ ногъ и онъ быстро успокоилъ Евгенью Марковну. Тѣмъ временемъ Егоръ Севастѣевъ дѣлалъ всевозможныя усилія, дабы вызвать на своемъ лицѣ нѣкоторое подобіе привлекательности. Явилась Лукерья Савишна и стала наливать чай. Барыня, пригласивши купцовъ къ столу,

сама не съѣла съ ними, а помѣстилась у огня за маленькимъ столикомъ, куда Савишна и подавала ей чай. Въ особицу же поданы были барыни сливки въ крошечномъ молочникѣ и черствый кусокъ бѣлаго хлѣба, — за большимъ столомъ такой роскоши не полагалось.

Илья Евдокимычъ, всячески изощряясь въ словахъ, повелъ разговоръ. Онъ упомянулъ и о томъ, что «не похожъ на прочихъ эксплуататоровъ», что «понимаетъ обстоятельства теченія времени и имѣетъ развитіе ума», не чуждъ прогрессу, читаетъ, получаетъ *Русскій Курьеръ*, что у него братъ кончилъ курсъ въ Петровской академіи и теперь въ сосѣдномъ земствѣ заправляетъ «бюрой», что онъ, Прытковъ, не согласенъ, подобно инымъ, вести дѣла «срыву, да сбазу» и вообще всѣмъ «желаетъ обоюдной пользы интересовъ и исполнѣ гражданскихъ правъ». Евгенья Марковна медленно пережевывала хлѣбъ уцѣлѣвшими передними зубами, заливала изъ блюдечка, слушала, отъ времени до времени не то съ ироніей, не то съ похвалой произносила: «Вд-какъ! вд-какъ!» затѣмъ вытерла сморщенные губы и сказала:

— Высоко летаешь. Буда только сядешь — неизвѣстно. Встарину всякая тварь свое гнѣздо знала. Нонче все пошло наизвороть. Савишна, прибирай.

— Хе, хе, хе... Такъ какъ же, сударыня, насчетъ аренды? — сказалъ нѣсколько сконфуженный Илья Евдокимычъ.

— Сдаю, батюшка. Гляди, рыскай, обнюхивай. Въ полѣ побывай, садъ обревизуй. Изъ дому отдѣляю тебѣ три комнаты: не дворяне, размѣститесь. Остальное для молодыхъ господъ.

— Какое же ваше намѣреніе о самоличномъ иѣстожителствѣ?

— Въ гробу! — сердито крикнула Евгенья Марковна. — Погоди перебивать. Развитіемъ хвалишься, а вѣжливости не научился! Въ саду, ежели молодые господа станутъ жить, не шляться; не соваться на глаза. Доходъ твой, а гулять не тебѣ. Захочешь съ женой деревенскаго развлеченія — возьми самоваръ и ступай въ Гремячій, — видѣлъ рожицу? Ну, а цѣна... Можешь ты мнѣ за годъ впередъ отдать?

— Съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Такъ цѣна двѣ тысячи восемьсотъ. — Она отвернулась къ окну и нервно забарабанила пальцами.

— Та-акъ-съ... Дозвольте теперь садокъ осмотрѣть.

— Твоя воля.

— Ну, кумъ Егоръ, поидемъ!

— Иди, куманекъ. Не въ моготѣ; ноги смерть ноютъ. Отдохну маленько.

Илья Евдокимычъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на кума; одно мгновеніе неопредѣленная, но подозрительная мысль свергнула у него въ головѣ, но онъ тотчасъ же отогналъ ее и на цыпочкахъ, чтобы не обезпокоить отвернувшуюся барыню, вышелъ изъ комнаты. Тогда Егоръ Севастѣевъ такъ же безшумно поднялся, заглянулъ въ двери и, убѣдившись, что остался вдвоемъ, подобострастно произнесъ:

— Что я осмѣлюсь объявить, сударыня...

Евгенья Марковна быстро повернулась. Въ ея глазахъ блеснули слезы.

— Ты зачѣмъ остался? — воскликнула она, проводя рукой по глазамъ.

— Притковъ самый несостоятельный челоуѣкъ-съ. Хотя-жь онъ мнѣ и кумъ, но надо говорить по совѣсти. Какъ вижу неопытность. Желаете получить съ меня двѣ тыщи девятьсотъ?

Евгенья Марковна ужасно взволновалась:

— Ахъ, Владычица Пресвятая... Что вы со мной, изверги, дѣлаете? Чѣмъ несостоятельный... банкротъ? червонный валець? Говори, говори скорѣе!... Гдѣ я тебя видѣла?... Гдѣ я тебя встрѣчала?...

И вдругъ глаза Евгеньи Марковны расширились и переполнились ужасомъ; она прижалась къ креслу и, вытянувъ впередъ руки, неистовымъ голосомъ завопила:

— Ай, батюшки мои, палачъ!... Ай, палачъ!... Люди!... Агашка!...

Въ то же время на дворѣ зазвенѣлъ ямской колокольчикъ.

А. Эртель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ новогреческихъ поэтовъ.

Аристотель Валаорити *).

І. Утесъ и волна.

«Съ дороги прочь, утесъ!—скалъ прибрежной выла
Волна громадная, чернѣя, какъ могила.—
Съ дороги прочь! въ груди безжизненной моей
Теперь гнѣздится вихрь и мощь морскихъ зыбей.
Иду, не пѣною, не ревомъ угрожая,—
Нѣтъ, кровью вздулась я, провлятиемъ сильна я
Людей измученныхъ; они кричатъ тебѣ:
«Утесъ, твой часъ насталъ, и ты падешь въ борьбѣ!»
Пока я, какъ раба, смиренна и уныла,
Твое подножіе и гладила, и мыла,
Ты презиралъ меня и громко хвасталъ всѣмъ,
Что грозный валъ морской приниженъ, нѣмъ и тихъ.
Но я тебя тайкомъ межъ тѣмъ, какъ цѣловала,
Точила день и ночь, въ основѣ подрывала,
А мѣсто, гдѣ въ тебѣ проложенъ мною путь,
Съумѣла я пескомъ и тиной затянуть.
Нагнись и посмотри на корень свой въ пучинѣ:
Его подѣла я, внутри ты пусть отыниѣ.
Съ дороги прочь, утесъ! главу твою теперь
Попреть моя нога; въ рабѣ проснулся звѣрь!»
Утесъ глубоко спалъ; туманами покрытый,
Стоялъ онъ, какъ мертвецъ, вдругъ саваномъ обвитый.
На рывины его высокаго чела
Луна невѣрный свѣтъ, чуть видная, лила.

*) Родился въ Левкадѣ въ 1824 г., умеръ въ 1879 г.

Бругомъ летаютъ сны, проклятій вздохи вѣютъ,
И въ вихрѣ призраки, крутятся, со свистомъ рѣютъ,
Какъ плотоядныхъ птицъ нестройный, шумный рой,
Снуеть и кружится, почуя трупъ гнилой.

Угрюмый ревъ волны, ударъ ея съ размаха
Ужь сколько тысячъ разъ слыхалъ утесъ безъ страха,
И гулъ ея не могъ прервать его покой;
Теперь же вздрогнулъ онъ, какъ будто предъ бѣдой.
«Что ты шумишь, волна? къ чему твои угрозы?
Окуда твой задоръ? Обязанная грѣзы
Приятныя во снѣ мнѣ пѣсней навѣвать,
Пяту мою струей холодной омывать,
Гробишь ты, предо мной въ вѣнцѣ изъ пѣны стоя.
Бто-бъ ни была ты, знай: погибну не легко я!»

«Утесъ, мнѣ имя—месть. За многіе года
Меня взростила скорбь, невзгода и вражда.
Я встарь была слезой, а нынѣ—мы поспоримъ:
Взгляни—и преклонись: я стала цѣлымъ моремъ.
Не тину ужь найдетъ теперь во мнѣ твой взоръ,
Несу я сонмы душъ и смертный приговоръ.
Проснись: духъ тѣвнїа изъ водъ моихъ повѣялъ;
Ты въ гробъ ихъ обратилъ, костями ихъ усѣялъ,
Ихъ ложе къ берегамъ отбросилъ ты чужимъ,
И тѣшилась толпа страданіемъ моимъ,
Ядъ тайной жалости въ мое вливала горе...
Съ дороги прочь, утесъ! скучаетъ тишью море,
И я, твой врагъ, стою, готовая на бой,
Гигантомъ предъ тобой».

Утесъ безмолствовалъ. Волна рванулась смѣло
И разомъ пожрала его пустое тѣло.
Дробить его, крушить могучихъ струй набѣгъ,
И таетъ онъ, какъ снѣгъ.
Взревѣвъ еще надъ нимъ, свирѣпая пучина
Сомкнулась навсегда. На мѣстѣ исполина
Не видно ничего; рѣзвится лишь волна
Надъ гробомъ падшаго, лазурна и смирна.

Иоаннъ Полѣми *).

II. Печаль и радость.

Однажды встрѣтились гдѣ-то
Въ высокихъ, неземныхъ мѣстахъ
Печаль, вся въ черное одѣта,
И Радость рѣзвая въ цвѣтахъ.

Изъ нихъ вторая бѣлокура,
Голубоглаза и юна,
Та черноока и понура,
Но миловидна и она.

Таить подъ нѣжной губокъ складкой
Улыбку Радость въ часъ любой,
Печали взоръ блеститъ украдкой,
Сбѣжать готовою слезой.

Спросила Радость: «Знать, большая
Съ тобой бѣда: ты такъ грустна».
Печаль отвѣтила, вздыхая:
«Мнѣ скорбь на вѣки суждена».

Сердечна Радость отъ природы;
Бѣдняжки жалко стало ей,
И вдругъ туманить видъ невзгоды
Слезой лазурь ея очей.

Улыбки вѣтренной подруга
Слезу роняетъ въ первый разъ.
Печаль глядитъ, глядитъ на друга
И отвести не можетъ глазъ.

И говорить ей: «Украшаетъ
Тебя слеза, моя печать»,
И подойти къ ней поспѣшаетъ
И ну ласкать ее, ласкать.

И что-жь? страданія подруга
Тутъ усмѣхнулась въ первый разъ,
А Радость все глядитъ на друга
И отвести не можетъ глазъ.

И говорить ей: «Украшаетъ
Твой образъ смѣхъ, моя печать»,

*) Современный поэтъ.

И подойти къ ней поспѣшаетъ
И ну ласкать ее, ласкать.

Одну лаская и милуя,
Другая смотритъ ей въ глаза;
Порой, на смѣху поцѣлуя,
То смѣхъ мелькаетъ, то слеза.

И друга Радость приглашаетъ
На вѣкъ остаться съ ней вдвоемъ:
«Одна другую украшаетъ;
Давай же вмѣстѣ заживемъ!»

Близка Печали стала Радость
И ей Печаль порой нужна,
Имъ вмѣстѣ свойственная сладость
Отдѣльно каждой не дана.

Такъ Радость и Печаль на свѣтѣ
Живутъ въ согласьи и въ совѣтѣ.

Ө. Коршъ.

ПИСЬМА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ.

(Замѣтки о текущей народной жизни).

I.

Продажа крестьянскимъ банкомъ земель,—эта прискорбная строчка, прописанная курсивомъ въ скобкахъ, послѣ имени города, откуда прислана корреспонденція, въ послѣднее время стала появляться въ печати все чаще и чаще. Продаются съ публичнаго торга въ отдѣленіяхъ каждаго изъ поименованныхъ въ корреспонденціяхъ городовъ не тысячи, какъ это было недавно, а уже десятки тысячъ десятинъ земли, обремененной десятками тысячъ недоимки. Въ 1889 году *на покупку* земель выдано было крестьянскимъ банкомъ въ ссуду 3.692,133 р., а *въ продажу*, въ томъ же году, подлежало земель на 5.239,869 р. Очевидно, наступило время расплаты, одинаково неожиданной для банка и его должниковъ, за недостатки системы кредита, имѣющаго въ перспективѣ «чувствительное имущественное потрясеніе», какъ о томъ свидѣтельствуеъ отчетъ крестьянскаго банка за 1888 г. Молотокъ началъ постукивать въ первые годы банковыхъ операций изрѣдка и кое-гдѣ,—теперь онъ стучитъ во многихъ мѣстахъ, стучитъ громко и часто въ Полтавѣ и Черниговѣ, въ Курскѣ, Воронежѣ и вообще въ городахъ черноземной полосы, а скоро, очень, очень скоро, застучитъ даже и среди едва-едва обсохшихъ землянокъ новоселовъ. «Уфимское отдѣленіе крестьянскаго поземельнаго банка опубликовало о предназначенной имъ на февраль будущаго 1891 года продажѣ съ публичныхъ торговъ свыше 31,400 дес. земли, за невозможность банку срочныхъ платежей по ссудамъ сельскимъ обществамъ и товариществамъ въ уѣздахъ Уфимскомъ, Белебеевскомъ Стерлитамакскомъ» *). Перечисливъ количество ссудъ и недоимокъ **),

*) *Волжскій Вѣстникъ*, № 307 корр. изъ Уфн.

**) Вотъ цифры того и другаго: изъ означеннаго выше количества десятинъ земли большая часть, а именно около 17,805 дес. (средняя покупная цѣна десятины 17 руб.),

авторъ корреспонденціи говоритъ: «Мы сообщаемъ здѣсь одни итоги, голыя цифры; но эти сухія цифры скрываютъ за собою *глубокую драму* погибшихъ крестьянскихъ надеждъ, можетъ быть, единственныхъ, дельянныхъ въ тайникахъ крестьянской души. «Продажа!»—сколько горя и нужды въ перспективѣ рисуетъ одно это роковое слово для тѣхъ изъ крестьянъ-заемщиковъ, которымъ грозитъ переходъ въ чужія руки купленныхъ, конечно, съ величайшими усиліями, клочковъ земли, успѣвшей поглотить уже много тяжелаго труда!»

Дѣйствительно, какъ ни поучительны и неопровержимы были тѣ цифры, которыя приводились печатью въ доказательство причинъ неудачныхъ покупокъ земель чрезъ крестьянскій поземельный банкъ, система «потрясеній» ни въ малѣйшей степени не измѣнилась въ своей тягостной для покупателей сущности. Не думаемъ, чтобы эта система могла въ чемъ-нибудь измѣниться, если, кромѣ неопровержимыхъ цифръ, потрясенія будутъ дополнены еще и свѣдѣніями о «глубокой драмѣ» живыхъ людей, живыхъ цифръ, невидимыхъ за подличемъ цифръ мертвыхъ. Но что «глубокая драма», обнаруженная хотя бы только до нѣкоторой степени, не въ цифрахъ, а въ живыхъ образахъ человѣческихъ, не пройдетъ даромъ для читателя, для человѣка внимательнаго къ человеку, въ этомъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

II.

Источникомъ для уясненія невзгодъ, переживаемыхъ переселенцами, прежде всего, послужать намъ двѣнадцать собственноруч-

указать на 26 товариществъ Белебеевскаго уѣзда, состоящихъ изъ 897 домохозяевъ, за которыми числятся: капитальнаго долга банку болѣе 220,000 р. (по выданной ссудѣ въ 248,000 руб.) и недоимокъ, срочныхъ платежей и пени 54,730 руб. 67 коп. Слѣдательно, на каждого домохозяина однихъ только недоимокъ, срочныхъ платежей и пени приходится среднимъ числомъ до 61 руб. Затѣмъ по порядку слѣдуетъ Стерлитамакскій уѣздъ, гдѣ банкомъ предназначено въ продажу 7,493 $\frac{1}{2}$ дес., принадлежащихъ 9 товариществамъ, въ составѣ 297 домохозяевъ, и одному сельскому обществу (Варваринскому, Зирганской волости), за накопившуюся на нихъ недоимку,—всего, въ общей сложности, 20,458 руб. Земля эта приобретена была крестьянами за 132,909 руб. (т.-е. въ среднемъ около 18 р. за десятину), причемъ банкомъ выдаво имъ въ ссуду 108,179 р., изъ числа которыхъ нишъ остается въ долгу за заемщиками 95,892 р. 94 коп. И, наконецъ, въ Уфимскомъ уѣздѣ пойдутъ съ торговъ 6,110 $\frac{1}{2}$ дес., стоящихъ вышшимъ ихъ владельцамъ (13 обществамъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ) 122,784 р.—всего по 21 руб. за дес. На приобретение этой земли крестьяне получили изъ банка въ ссуду 107,330 руб. и затѣмъ остается за ними капитальнаго долга банку 94,364 р. 89 коп., а неуплаченныхъ недоимокъ, срочныхъ платежей и пени 21,347 руб. Согласно условіямъ и правиламъ банка, вмѣстѣ съ землею поступаютъ въ продажу *все воздѣланная крестьянами на продаваемой землѣ строенія и озымные посѣвы.*

ныхъ писемъ переселенцевъ изъ Приамурской области и Южно-Уссурийскаго края, затѣмъ восемь писемъ въ *Сельскій Вѣстникъ* (89—90 г.) изъ губерній Оренбургской и Томской, изъ областей Барской, Сыръ-Дарьинской, Акмолинской, Приморской, Приамурской и Южно-Уссурийскаго края, и три корреспонденціи *Новаго Врем.* изъ Акмолинской области. За исключеніемъ корреспонденціи съ Амура, гдѣ переселенческое дѣло организовано весьма обстоятельно, всѣ остальные корреспонденціи переселенцевъ и о переселенцахъ производятъ удручающее впечатлѣніе. «Испытавши всѣ переселенческія невзгоды, я скажу прямо: лучше бы тому человеку не родиться на свѣтъ Божій, который вздумаетъ оставить свое старое поприще и поѣдетъ куда бы то ни было искать привольныхъ мѣстъ» *). Необходимо замѣтить, что переселенцы, о которыхъ идетъ и будетъ идти рѣчь, поселены были на казенныхъ земляхъ, т. е. не были истощены приплатой крестьянскому банку, не обременены огромными срочными взносами по огромному долгу и не обречены на продажу имущества. Помимо облегченія въ размѣрахъ поземельныхъ платежей казнѣ, переселенцы поселились на мѣстахъ, обследованныхъ ходаками, не зря ринулись «на новыя мѣста». «Довѣренные, прибывъ въ Становскую волость, Челябинскаго уѣзда, избрали, по своему усмотрѣнію, участки подъ поселеніе и, возвратившись обратно, объявили обществамъ (двухъ селъ Старый и Новый-Гуть, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губ.), что землю они выбрали, что такихъ угодій, какія они выбрали, нигдѣ не найти и что хлѣбъ и припасы тамъ дешевы». Довѣренные первые принялись продавать свое имущество и первые стали приготовляться въ путь, а за ними поднялись и всѣ желавшіе переселиться. Всѣ условія, казалось, были благоприятны для переселенцевъ. Но вотъ что постигло ихъ прежде всего въ пути: «Наконецъ, 8 мая 1887 года переселенцы рѣшились покинуть старыя мѣста. Въ селахъ Старый и Новый-Гуть происходили плачь и рыданія, прощанія и цѣлованія, и многочисленное собраніе народа на площади. Въ Старомъ-Гутѣ на площади стояло около 70 будокъ, покрытыхъ лубками, рогожами и холстомъ и наполненныхъ разнымъ скарбомъ, изъ коихъ выглядывали маленькіе ребятишки. Толпами тутъ же стояли крестьяне, растерянные, съ унылыми лицами; проѣзжіе спрашивали, что это такое? имъ отвѣчали, что это 36 семействъ отправляются на переселеніе въ Оренбургскую губернію. Ровно въ 2 часа прибыли на площадь

*) Изъ Становой волости, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губ., иллістр. въсрѣдъ Кирилло Чистотинъ. *Сельскій Вѣстникъ*, № 29.

Вѣстный причтъ, приглашенный переселенцами для отслуженія молебна о благополучномъ путешествіи, и волостной старшина съ царемъ, для раздачи переселенцамъ проходныхъ свидѣтельствъ для проводовъ. По окончаніи молебна, переселенцы тронулись въ путь, и по лицамъ ихъ было видно, что на сердцѣ у нихъ жаль словно камень: вѣдь, какъ бы худо ни жилось на старомъ мѣстѣ, а жаль бросать то насиженное гнѣздо, ту родную вышшу, подъ которой родился, выросъ и окрѣпъ въ силахъ. Какъ взглянешь на оставляемый навсегда родной домишко съ заколоченными дверьми и окнами или на то пепелище, гдѣ онъ стоялъ, какъ невольно глаза слезами и обольются... Долго, долго остается въ памяти моей и другихъ переселенцевъ тѣ трогательныя минуты, съ которыхъ началась наша кочевая жизнь. Много бѣдъ, много горестей пришлось перенести этому кочующему люду въ течение 73-хъ дней путешествія. Были даже такіе случаи въ Закарпѣ, что трупы умершихъ переселенцевъ по три дня везлись въ будкахъ по степи Орскаго уѣзда до попутнаго села, и это случалось въ жаркое время!

«Наконецъ, 20-го іюля мы прибыли на мѣсто назначенія, куда еще раньше насъ прибыли переселенцы изъ Пакульской и изъ другихъ волостей. Переселенцы остановились подъ открытымъ небомъ, на избранномъ довѣренными участкѣ. Всѣ были задумчивы, не знали, чѣмъ на первыхъ порахъ заняться, какъ утолить голодъ, какъ прикрыть семейства отъ прохладныхъ восточныхъ вѣтровъ, особенно маленькихъ ребятишекъ, которые цѣлыя ночи въ лагерь не давали покоя своимъ матерямъ. Переселенцы ежедневно толпами ходили по участкамъ и осматривали землю. Но главная забота была въ томъ, что у каждаго переселенца семья была большая: гдѣ же взять хлѣба, чтобы утолить голодъ всѣхъ этихъ 100 человекъ, изнуренныхъ голодовкой еще и въ дорогѣ? И вотъ жены этихъ семействъ, научившіяся дорогой побираться, отправляются изъ табора партіями за подаваніемъ въ сосѣднія селенія, — бодранные, въ лохмотьяхъ, въ черниговскихъ безрукавныхъ свиткахъ; ежедневно они заходятъ по три, по четыре человека къ каждаму дому и этимъ наводятъ страхъ на здѣшнихъ жителей, которые, наконецъ, начинаютъ отказывать въ подаваніи и хлѣба!» У кого было какое-нибудь имущество, стали продавать, покупать муку, — печи выкопали въ берегахъ рѣки Чесноковки. Здѣсь же устроили землянки. Мѣсто по рѣкѣ было самое удобное для поселенія, но обыкновенное въ обиходѣ русской жизни разукрѣпленіе неожиданно поставило переселенцевъ въ затрудненіе.

выходное положеніе. Послѣ того, какъ землемѣръ отмежевалъ причитающійся на душу 5-ти десятинный надѣлъ, оказалось, что 185 десятинъ въ надѣлѣ переселенцевъ были уже сданы М. Г. Им. въ аренду на 6 лѣтъ и что срокъ аренды истекаетъ черезъ годъ. Но самое главное въ этомъ недоразумѣніи было то, что землянки, въ которыхъ поселились переселенцы, были на землѣ, находившейся въ арендѣ. Арендаторы распахали землю, засѣяли ее — и что же вышло? Переселенческія землянки и усадьбы были кругомъ обмѣнены хлѣбомъ арендаторовъ. «Сколько терпѣли переселенцы, *живя въ ихъ хлѣбѣ!*» Единственный выходъ изъ этой тюрьмы — скосить арендаторскій хлѣбъ, что и было исполнено. Послѣдовали иссъ, тяжба; съ переселенцевъ присудили 270 р. убытковъ. Голодные дожили они до весны 1889 г. Хлѣбъ, вслѣдствіе неурожая въ 1888 году, поднялся до 1 р. 20 к. за пудъ. На посѣвъ имъ выдана была ссуда изъ продовольственнаго капитала отъ 25 руб. до 50 р. на семейство; нѣкоторые изъ переселенцевъ воспользовались пособіемъ, побросали землянки и ушли на старыя мѣста, унеся съ собою долгъ земству и долгъ арендатору». «Сколько произошло преждевременныхъ смертей, затрачено денегъ безъ всякой пользы, сколько надорвано силъ!» — заканчиваетъ свое письмо Кирилль Чистотинъ.

Болѣе подробно и обстоятельно пишетъ о бѣдствіяхъ переселенцевъ потомственный почетный гражданинъ А. Озеровъ изъ села Боготола, Томской губ. Упомянувъ объ ежегодномъ наводненіи Сибири «безнравственными толпами ссыльныхъ», онъ говоритъ о новыхъ пришельцахъ, въ большомъ количествѣ притекающихъ также ежегодно въ сибирскія села и деревни, — о переселенцахъ. «Это уже не воры, не разный сбродъ, привыкшій питаться даровымъ хлѣбомъ по острогамъ, — это приходятъ большею частью люди рѣшительно голодные, съ женами, дѣтьми, съ разнымъ домашнимъ скарбомъ. Насмотрѣвъ и облюбовавъ какое-либо мѣсто, значущееся свободнымъ къ переселенію по маршрутной картѣ томскаго чиновника, переселенцы тутъ и садятся; пріѣзжій землемѣръ распланируетъ деревню, отводится участокъ, и «новоселы» (какъ называютъ ихъ здѣсь сибиряки) принимаются за посѣвы, рубку лѣса, постройки и начинаютъ искать заработковъ. Очень трудно бываетъ переселенцу въ первые годы. Денегъ нѣтъ, работу найдешь не съ-разу, да и какъ еще устроишься на новомъ мѣстѣ, — гдѣ, въ какомъ тепломъ углу проводить зиму? Приходится тѣсниться въ какой-нибудь лачугѣ, въ духотѣ, въ грязи, въ лохмотьяхъ. Начинаются болѣзни; семья мретъ; вотъ умеръ грудно

ребенокъ, за нимъ и иостарше, сынъ товарища-переселенца, который пріютился съ семьей все въ той же тѣсной лачугѣ. Надо ѣхать въ сибирское село хоронить невинныя души. Бѣдныя матери, сбѣгавъ къ своимъ сосѣдкамъ съ печальнымъ извѣстіемъ о своемъ горѣ, узнаютъ, что и тамъ есть покойнички. Длиннобородые мужчины, собравшись вмѣстѣ, насчитываютъ девять покойниковъ и рѣшаютъ, во избѣжаніе лишнихъ трудовъ и расходовъ, похоронить ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Въ селѣ, на старожильскомъ кладбищѣ, прохаживая съ удивленіемъ видятъ на одномъ могильномъ холмѣ нѣсколько крестовъ: это похоронены дѣти переселенцевъ. И такъ одинъ за другимъ умираютъ въ холодныхъ и дымныхъ лачугахъ бѣдныя дѣти, пока всѣ не перемерутъ. Теперь матери вздохнуть свободнѣе; ихъ скудные молокомъ сосцы не будутъ болѣе терзаться млочуцами, голодными крошками. Да и какъ кормить малютку, когда самой ѣсть нечего; одна корова на нѣсколько семей, да и то у богатаго переселенца, а развѣ онъ дастъ бѣдняку?

«Вотъ полетѣли съ деревъ желтыя листья—наступаетъ осень, и переселенка припоминаетъ свой домашній, уютный и теплый очагъ въ Бурской губерніи; какъ хороши въ это время тамъ яблоки; мужъ приносилъ ихъ иногда полакомиться. Однако, нужно же и здѣсь, въ Сибири, что-нибудь заготовить на зиму; спрашиваетъ она на старожильскомъ рынкѣ, почему капуста? «Полтора рубля сотня». — «Огурцы?» — «Рубль сотня». — «Картофель?» — «Четвертакъ за мѣшокъ». Нивакихъ другихъ овощей на сибирскихъ рынкахъ не встрѣчается; для приправы, впрочемъ, и для лакомства можно найти лукъ, чеснокъ, морковь, горохъ. Цѣны на все почтенныя. Откуда возьмешь денегъ, чтобы все это запасти и не голодать зимой? И не разъ бѣдная женщина съ плачемъ упрекаетъ мужа, зачѣмъ, молъ, пришли въ эту суровую страну, на лютыя морозы. «Богъ дастъ, поправимся», — скажетъ ей мужъ неувѣреннымъ голосомъ, стараясь не глядѣть на семейную нищету, — вѣдь, есть же примѣры: вотъ деревенька неподалеку, тоже новоселами въ Сибирь пришли, а посмотри - ка теперь, какъ живутъ; не то, что въ Расеѣ». Да, послѣ такого тяжкаго испытанія не грѣшно пожить и въ достаткомъ, только когда-то его наживешь».

Но бываютъ случаи, когда страданія переселенцевъ переходятъ предѣлы терпѣнія и съ отчаянія они рѣшаются на всякое зло, «лишь бы какъ ни-на-есть выйти изъ невыносимаго положенія». Нѣчто подобное случилось съ многочисленною толпой переселенцевъ Бурской губ., изъ уѣздовъ Обояньскаго, Фатежскаго и Старо-Оскольскаго.

«Истративъ всё свои средства и силы, эта семисотенная партія 15 августа 1889 г. въ одинъ голосъ рѣшила «сѣсть», никою не спрашивая, на первое же попавшееся подходящее мѣсто. Это было вблизи гор. Маринска. Около этого города, всего въ пяти верстахъ, расположилась небольшая и небогатая сибирская деревушка Баимъ; въ полуверстѣ разстоянія отъ нея—старожильская посекотина (огороженный выгонъ для скота на пастьбу), а далѣе, въ полуверстѣ, въ сторону къ городу, винокуренный заводъ. Весь этотъ промежутокъ между городомъ и Баимомъ по большей части покрытъ лѣсомъ, а мѣстами на немъ попадаются луговые поляны, черноземъ, годный для пахоты, но не изъ завидныхъ. Почему именно это мѣсто понравилось курянамъ, объяснить хорошенько нельзя; развѣ только съ отчаянія кто-нибудь крикнулъ: становись тутъ, ребята! — и всё остановились, развѣсили свои лохмотья сушить на солнышкѣ по старожильской посекотинѣ и начали соображать, какъ устроиться на этомъ ровномъ мѣстѣ. Посекотина будетъ границей; все, что за посекотиной—старожильское, а что по эту сторону изгороди, то наше. Это чья земля? — государственная, — и мы тоже государственные, — стало быть, эта земля наша. Будемъ обстроиваться... Сибиряки, однако-жь, обратились съ жалобами о захватѣ земли по начальству. Земская и городская полиція напрасно уговаривала переселенцевъ; они заявляли одно: проѣлись, оборвались, обнищали, потеряли всякія силы къ дальнѣйшему путешествію, — пусть дѣлаютъ съ нами, что хотятъ, дальше Сибири не пошлаютъ.

«Неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилось это дѣло, если бы, по счастью, не подѣхалъ въ это время добродушный и ласковый чиновникъ переселенческаго дѣла, землемѣръ А. В. Розановъ. Ему удалось убѣдить курянъ въ незаконности захвата чужой земли, и онъ предложилъ имъ тотчасъ же слѣдовать на другія, свободныя, недалекія мѣста. Въ тотъ же день этотъ голодный и беспорядочный таборъ поднялся и двинулся далѣе» *).

Что же будетъ дѣлать, какъ и чѣмъ будетъ жить «на свободныхъ мѣстахъ» этотъ «голодный» таборъ? Голодны были переселенцы на чужой землѣ и голодные придутъ на свою, свободную землю и поселеніе ихъ, навѣрное, станетъ еще невыносимѣе, чѣмъ было. «Съ 1 января по 1 августа 1889 г. (пишетъ крестьянинъ Горевъ изъ Курганскаго округа, Тобольской губеніи, Могилевской волости) въ нашемъ Дубровскомъ приходѣ родилось 93 младенца,

*) С. В., № 10.

а умерло за это же время 101. Болѣзнь, сгубившая столько дѣтей, для нашего брата непонятна... Да и то сказать, какъ не умирать дѣтямъ, когда по всему Бурганскому округу нѣтъ ни одного доктора?.. Есть въ 55 верстахъ фельдшеръ, но его никогда не дозовешься... Заболѣлъ я, самъ ѣхать не могъ, просилъ пріѣхать черезъ волостное правленіе, но фельдшеръ не явился, *а тутъ хотъ реви!* Если приходится *реветъ* въ старожильскихъ поселеніяхъ, каково же будетъ положеніе переселенцевъ на новыхъ, совершенно безлюдныхъ мѣстахъ?

III.

Изъ азіатскихъ русскихъ областей мы имѣемъ о переселенцахъ гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ изъ другихъ губерній Россіи. Но, въ величайшему прискорбію, всѣ эти свѣдѣнія, за исключеніемъ двухъ-трехъ, одно мрачнѣе другаго.

Съ выселеніемъ въ Турцію, послѣ войны, мусульманскаго населенія, свободныя послѣ нихъ земли Карской области *быстро* были заселены прибывшими изъ разныхъ мѣстъ Закавказья русскими сектантами: духоборами, молоканами, субботниками и разными туземцами изъ христіанъ, такъ что переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній (которыхъ нахлынуло множество) уже не было мѣста, куда бы ихъ пристроить. А, между тѣмъ, въ Карскую область шли изъ Пермской губ., изъ балтійскихъ провинцій (эсты), изъ Самарской губ. Всѣ эти переселенцы должны были уходить изъ Карской области и искать новыхъ мѣсть. Эсты уходять въ Уфимскую губ., самарскіе ушли въ Дагестанскую область и, въ концѣ-концовъ, на средства благотворителей были бесплатно отправлены въ Астрахань. Это было въ 1889 г. и продолжается понынѣ.

Неудачная попытка переселиться въ *Сырь-Дарьинскую область* разсказана возвратившимся на родину крестьяниномъ сл. Россоши, Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда, Филиппомъ Бѣликомъ. Въ 1886 г. этотъ Филиппъ Бѣликъ, съ тремя сыновьями, и его сосѣдь Калинишъ Вишневскій, тоже съ семействомъ, *тайнымъ образомъ*, чтобы не узнало начальство, пораспродали свое имущество и ушли въ Сырь-Дарьинскую область, *дѣ* надѣялись получить даровую землю и лѣса «сколько угодно». Но черезъ два года, въ 1888 г., въ августѣ мѣсяцѣ, Филиппъ Бѣликъ опять появился въ Россошѣ, — появился только съ однимъ сыномъ: два умерли тамъ, въ поселкѣ Дмитровскомъ, Аудиатскаго уѣзда, Сырь-Дарьинской области. Этотъ крестьянинъ, живя въ сл. Россошѣ, былъ

хозяинъ одинъ изъ первыхъ, имѣлъ хорошій домъ на усадьбѣ с рощей и огородомъ, надъ рѣкой, три пары быковъ, лошадь, корову, овецъ, свиней, птицу, хлѣба въ изобиліи, такъ что ежегодно продавалъ пшеницы не менѣе какъ рублей на 200. «А теперь, ушедши съ переселенія, онъ имѣетъ только пару лошадей никомугодныхъ и находится въ полномъ отчаяніи.»

— Бодай наши враги не дождаты ходиты и тамъ житы!

Съ нимъ поѣхало еще семей 20 изъ Евстратовской волости того же Острогожскаго уѣзда. Проѣхавъ 4½ мѣсяца, наконецъ, прибыли въ Сыръ-Дарьинскую область, въ городъ Аулиеатинъ (Аулиеата) и явились къ начальнику уѣзда, который и распорядился поселить ихъ въ поселокъ Дмитровскомъ. При всей бережливости переѣздъ стоилъ Бѣяку 260 р. По прибытіи въ поселокъ Дмитровскъ, отстоящій отъ г. Аулиеатина въ 144 верстахъ, онъ первый долгомъ купилъ за 30 р. двѣ такъ называемыя по тамошнему *сака* (домики), сложенные изъ глины, потомъ приступилъ къ обработкѣ земли, которая тамъ глиниста и вся усыяна мелкимъ, а частью крупнымъ камнемъ, такъ что обработка ея очень трудна; но это еще не все.

«При посѣвѣ хлѣба нужно часто ее поливать, для чего тамъ отъ рѣки пропускаются по полю, по разнымъ направленіямъ, по тамошнему названію *вырчаги*, а по нашему канавы, по которымъ идетъ вода изъ рѣки, тою водою поливаютъ поля. При такой трудности обработки пашни, хлѣба тамъ много сѣять невозможно, а сѣется хлѣбъ преимущественно пшеница и только чтобы хватало на годъ для семьи, потому что если и есть какого излишній хлѣбъ, то онъ сбывается по самой низкой цѣнѣ, а именьки везутъ его въ г. Аулиеатинъ, гдѣ за 12 пудовъ (по тамошнему батману) пшеницы платятъ 1 р. 60 коп. и не дороже 1 р. 80 к., да и то вдомъ настоекъ, пока кто купитъ, ибо тамъ жителей мало. Травы тамъ тоже и растутъ по степи, но, во-первыхъ, не очень съѣдобныя, а, во-вторыхъ, онѣ убираются съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ по травѣ растутъ невысокія (въ четверть) какія-то колючки и еще бурьяны; на лугу же въ рѣкѣ растетъ трава еще сносная для корма скота, но косить ее въ изобиліи нѣтъ возможности, потому что хлѣбъ и травы поспѣваютъ въ это время, а рабочихъ мало, да и вовсе нѣтъ, такъ какъ туда никто изъ рабочихъ никогда не заходитъ. Скотъ тамъ очень дешевъ, несмотря на то, что его мало; такъ, наприм., корова, которая у насъ продается за 45 р., тамъ продается за 7 и не дороже 9 руб., потому что купить некому, и то нужно гнать ее въ г. Аулиеатинъ 144 версты. Лѣса, дѣйствительно, въ изобиліи, но онъ растетъ отъ поселка Дмитровскаго въ 18 верстахъ и на очень высокихъ горахъ, надъ глубокими оврагами, такъ что, срубивши, вывозить его лошадьми нѣтъ никакой возможности, а нужно тащить въ

бѣ. Но хотя бы, при всѣхъ затрудненіяхъ, удалось доставить срубленное дерево въ поселокъ, то оно никуда не требуется, кромѣ только лишь на рова, ибо въ поселкѣ Дмитровскомъ деревянные дома строить воспрещено, эти же его въ городъ за 144 версты, во-первыхъ, очень затруднительно, во-вторыхъ, продать его тамъ можно лишь за 40 коп. и не дороже 50 в.

Бѣликъ чистосердечно признается, что тамъ жизнь очень и очень плохая, *копѣйки негдѣ заработать*, развѣ лишь если у кого есть лишняя котина, то можно продать ее за ничтожную цѣну, какъ выше объяснено; о лишняго скота ни у кого нѣтъ, а есть лошадь и лишь у зажиточныхъ рова или двѣ. При этомъ Бѣликъ присовокупилъ, что всѣ крестьяне поселка Дмитровскаго, собравъ хлѣбъ, сидятъ, ничего почти не дѣлая; ѣдятъ только хлѣбъ, о приваркѣ же болѣе лакомомъ и думать нельзя. Церкви въ поселкѣ нѣтъ, а находится она только за 144 версты, въ городѣ Душетинѣ. Одинъ же разъ въ годъ, въ посту, пріѣзжаетъ изъ города священникъ, созываетъ въ одну болѣе просторную савлю всѣхъ жителей, сповѣдуетъ, на другой день приобщаетъ Св. Тайнъ и затѣмъ уѣзжаетъ. У него, Бѣлика, тамъ умерло два взрослыхъ сына. Умершіе хоронятся такъ: ихъ закапываютъ въ землю, а потомъ берутъ отъ мѣстнаго старосты удостовѣреніе о смерти и, при случаѣ, иной разъ мѣсяцевъ черезъ шесть болѣе, везутъ въ городъ къ священнику, который тогда отпѣваетъ и передаетъ землѣ. Если у кого родится дитя, то сами родители даютъ ему имя, а крещеніе происходитъ часто черезъ годъ, когда въ поселокъ явится священникъ. Если кто изъ жителей вздумаетъ женить сына, то не мало же приметъ горя, потому что обязательно нужно заплатить за невѣсту отъ 40 до 60 р., а взять ихъ негдѣ, такъ какъ *заработковъ нѣтъ*. Бѣликъ въ настоящее время, какъ испытавшій, каково житье на переселеніи, проситъ всѣхъ и cadaго изъ крестьянъ, желающихъ переселиться, не думать никого, а жить на землѣ предковъ, чтобы изъ зажиточнаго хозяйства не сдѣлаться нищимъ *).

Въ *Акмолинской области* дѣла идутъ, повидимому, въ томъ же направленіи, такъ они шли еще и въ 1888 г., т.-е. когда къ переселенцамъ степное генераль-губернаторство относилось не весьма любезно. Въ циркулярѣ г. степнаго генераль-губернатора, опубликованномъ 1 апрѣля 1888 г., *въ видахъ прекращенія совершенно безпорядочнаго переселенія крестьянъ изъ разныхъ губерній въ Степной край*, между прочимъ, сказано: «Уѣздные начальники немедленно требуютъ прибывшихъ переселенцевъ въ свои управленія и провѣряютъ увольнительные приговоры. Если приговоровъ нѣтъ, то уѣздные начальники предлагаютъ вновь прибывшимъ переселенцамъ *выселиться изъ Степнаго края*, объявивъ имъ, что они не получаютъ никакихъ земельныхъ надѣловъ въ означенномъ краѣ; если же переселенцы эти не выселятся въ теченіе

*) *Сельскій Вѣстникъ* 1889 г., № 1.

3 мѣсяцевъ послѣ ихъ предваренія, то уѣздные начальники входятъ съ представленіемъ къ военному губернатору о выдвореніи ихъ этапнымъ порядкомъ изъ Степнаго края, какъ бродячихъ людей. Если переселенцы и имѣютъ увольнительные приговоры, но не имѣютъ разрѣшенія на переселеніе отъ своего губернскаго начальства, то, до полученія разрѣшенія, переселенцы *не имѣютъ права пользоваться никакою землей*, за исключеніемъ земель, которыя сдаются въ аренду киргизами, станичными обществами, частными землевладѣльцами».

Въ 1890 г. мы читаемъ сообщеніе изъ г. Кокчетавы, Акмолинской области, вполнѣ подтверждающее силу и значеніе циркуляра 1 апрѣля 1888 г. и въ настоящее время:

«Сегодня, 1 августа 1890 г., за городомъ ночевало десятка два крестьянъ-переселенцевъ, вызывавшихся сюда изъ поселка Петровскаго для явки въ полицію своихъ паспортовъ. По рассказамъ этихъ крестьянъ, нынѣшней весной ихъ вышло вмѣстѣ изъ Николаевскаго уѣзда, Самарской губ., до 50-ти семействъ. 23 семьи направились черезъ Оренбургъ въ Акмолинскую область, а остальные разѣхались по другимъ мѣстамъ. На вопросъ, что заставило ихъ покинуть свою родину, они, перебивая другъ друга, говорили: жить стало не въ моготу, пошли неурожая, хлѣбъ дорогъ, надѣлъ не окупаютъ платежей; земля вся выпажана, а удобрять нечѣмъ,—навозъ идетъ на топку; за пастьбу головы скота надо отдать въ лѣто 3 рубля. Въ обществѣ, изъ котораго они вышли, было 3,000 десятинъ собственной земли. Выселявшіеся сдали свою землю обществу, на которое были переведены всѣ числившіеся на нихъ недоимки, выправили годовые билеты и вынуждены въ путь на своихъ лошадяхъ: у каждаго домохозяина по 2—3 лошади; денегъ у трехъ-четыреухъ человекъ до 150 руб., у нѣкоторыхъ 20—30 р. Въ дорогѣ издержали, смотря по величинѣ семьи, отъ 20 до 35 руб., а иные шли и Христовымъ именемъ. Въ Акмолинскую область направились они по письмамъ отъ своихъ «ходателей», которые ушли сюда ранѣе, но тоже нигдѣ еще, какъ оказалось, не пристроились. Чиновникъ, завѣдующій въ Оренбургѣ переселенческимъ дѣломъ, подробно сообщилъ имъ, гдѣ есть свободные участки въ Сибири, и предупреждалъ, что въ Акмолинской области не принимаютъ новыхъ переселенцевъ. Но они, все-таки, направились сюда, и именно потому, что 1) они получили письма отъ своихъ односельцевъ, приглашавшихъ ихъ сюда, и 2) писарь читалъ въ газетахъ, что въ Акмолинской области есть «причисленіе» крестьянъ. Тому же, что говорилъ чиновникъ, они не дали вѣры. Въ концѣ іюня проѣхали степною дорогою прямо въ Атбасарскій уѣздъ, гдѣ имъ не позволили даже жить по билетамъ. Тогда они переѣхали въ Кокчетавскій уѣздъ и остановились въ поселкѣ Петровскомъ, во ста верстахъ отъ г. Кокчетавы, куда недѣля черезъ двѣ и вызвали всѣхъ прибывшихъ домохозяевъ для прописки паспортовъ. Поселиться въ Кокчетавскомъ уѣздѣ имъ не разрѣшаютъ,

они не могутъ строить въ поселкѣ своихъ домовъ, не позволяютъ имъ даже въ аренду снимать землю у киргизовъ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ остановились на квартирахъ у мѣстныхъ обывателей по 50 к. въ мѣсяцъ, большинство же переселенцевъ и до сихъ поръ продолжаетъ жить въ кибиткахъ и палаткахъ. Въ поселкѣ всего 40 домовъ, а оставившихся здѣсь переселенцевъ до 50 семействъ изъ разныхъ губерній».

Но одновременно съ извѣстіями о значеніи и въ настоящее время, въ 90 г., циркуляра 1 августа 88, въ послѣдніе мѣсяцы того же 90 г. появились извѣстія, совершенно не соответствующія характеру и цѣлямъ циркуляра. Оказывается, что новый-генералъ-губернаторъ Степной области, г.—л. баронъ Таубе, «объявилъ киргизамъ о своемъ желаніи переселить къ нимъ 8 тысячъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній», причемъ предполагалась возможность безъ вреда киргизамъ переселить въ ихъ степи 400 тысячъ крестьянъ мужскаго пола изъ внутреннихъ губерній. Основанія къ этому, добытыя «особымъ комитетомъ» и поземельною комиссіей, выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ. Пространство Ак. обл. — 479, 200 кв. верстъ или 49. 916, 686 десятинъ. Изъ этого общаго количества 479 т. кв. в. вычитается 25 т. кв. верст., принадлежащихъ козакамъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ, 70 т. кв. верстъ голодной степи и $\frac{1}{4}$ всей области неудобной земли. Въ пользованіи киргизъ остается 29 миліоновъ десятинъ. Всѣхъ киргизъ 334,823 кибитки или 66,889 отдѣльныхъ семей-кибитокъ, слѣдовательно, на кибитку причитается 89 дес., а на семейную юрту 448 дес. Количество скота 1.946,289 головъ, слѣдовательно, на каждую голову скота—15 дес. Комиссія принявъ 13 десятинъ на каждую голову скота вполнѣ достаточною мѣрой, высчитала, что для киргизъ слѣдуетъ выдѣлить 12.223,780, считая 8 штукъ мелкаго скота за 1 голову, а переселенцамъ останется 17.755,540 дес. Удваивая количество земли для киргизъ до 24.447,560 дес., все-таки, остается переселенцамъ около 5 милл. десятинъ, на которыхъ при достаточномъ надѣлѣ можно поселить до 400 т. мужскаго пола крестьянъ изъ внутреннихъ губерній.

Есть, однакожь, на Руси такія мѣста, гдѣ переселенецъ—желанный гость и гдѣ ему оказывается особенное вниманіе. Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ, присланныя переселенцами Черниговской губ., Брелевцаго уѣзда, съ новыхъ мѣстъ поселенія въ Амурской области и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, и два письма оттуда же, помѣщенные въ *Сельскомъ Вѣстникѣ*, единогласно свидѣтельствуютъ, что управленія по переселенческимъ дѣламъ

въ Благовѣщенскѣ и Владивостокѣ стараются облегчить переселанцамъ трудное дѣло поселенія на новыхъ мѣстахъ, на тысячи верстъ удаленныхъ отъ родины.

Въ письмахъ до 1886 года описываются переселенія сухимъ путемъ, черезъ всю Сибирь, съ 1886 года всѣ письма изображаютъ впечатлѣнныя переѣзды на пароходахъ добровольнаго флота. Но по приѣздѣ тѣмъ или другимъ путемъ, всѣ переселенцы также единогласно, и почти слово въ слово, описываютъ «новыя мѣста» въ самомъ привлекательномъ видѣ; также совершенно тождественныя свѣдѣнія о цѣнахъ скота, земледѣльческихъ орудій, хлѣба идутъ изъ всѣхъ новыхъ поселеній крайняго Востока. Приведемъ изъ этихъ писемъ наиболѣе существенныя особенности переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ новаго хозяйства. Переселеніе сухимъ путемъ подробно описалъ крестьянинъ Бозьянъ Кононовъ Делековъ, Полтавской губ., Константиновскаго уѣзда, въ числѣ прочихъ переселившійся въ Амурскую область въ 1883 г.

«Много тогда, — пишетъ онъ, — собралось на Амуръ. Изъ одного нашего мѣстечка Карловки тронулось тогда до 50 семей. Первая партія, въ которой отправился и я, пришла на Амуръ, съ Божіею помощію, благополучно, хотя въ началѣ пути и были пережиты трудныя минуты.

«Дорогой особенно натерпѣлись мы горя, когда везли насъ водой отъ Тюмени до Томска на Курбатовскихъ пароходахъ, черепашинымъ шагомъ, цѣлыхъ 18 дней. На дѣтяхъ появилась болѣзнь, и много ихъ умерло на этомъ пути и въ баракахъ въ Томскѣ. Здѣсь нѣкоторые изъ насъ, съ помощію переселенческаго чиновника, который оказывалъ содѣйствіе намъ не только совѣтами, но понемногу и деньгами, накупили лошаденокъ и поѣхали сухопутьемъ до Читы и Срѣтенска, куда приѣхали передъ самымъ Покровомъ, но далеко не всѣ, нѣкоторые остались, за неимѣніемъ средствъ, кое-гдѣ на зимовку. Въ слѣдствіе поздней осени, изъ Срѣтенска намъ нельзя было и подумать отправиться въ Благовѣщенскъ на плотахъ (по рѣкѣ Амуру). Народа скопилось множество. Дали знать въ Благовѣщенскъ, и оттуда къ намъ въ Срѣтенскъ прислали офицера для завѣдыванія переселенцами и отправки въ Благовѣщенскъ. Офицеръ распорядился отправить на пароходахъ и баржахъ сперва женщинъ и дѣтишекъ, а затѣмъ забрали и мужчинъ со всѣмъ имуществомъ и лошадьми. Только благодаря этому, мы въ первый же годъ, въ зимѣ, прибыли на мѣсто: иначе пришлось бы зимовать въ окрестностяхъ Срѣтенска, гдѣ хлѣба обыкновенно бываетъ достаточно только для своихъ жителей. Когда я приѣхалъ въ Благовѣщенскъ, то у меня осталось отъ поѣздки изъ 200 р., бывшихъ на 8 душъ семейства, всего 5 р., да старая томская лошаденка. Что тутъ съ такимъ богатствомъ подѣлаешь? Но бывшій амурскій губернаторъ г. Лазаревъ отечески позаботился о насъ, переселенцахъ. Не успѣлъ нашъ пароходъ

съ баржей причалить къ пристани, какъ явился на берегъ губернаторъ, а также городское начальство съ козаками и извошиками, которые забрали насъ и повезли на полицейскій дворъ. Тутъ мы начали отдыхать. Отъ губернатора и благовѣщенскихъ благотворителей намъ доставили съѣстные припасы, а козаки и наши жены стряпали намъ пищу. Детишекъ нашихъ барыни носили на рукахъ и, баюкая, называли «гарными хохлачками». Самъ г. Лазаревъ на обѣдѣ въ полицейскомъ дворѣ милостиво разговаривалъ съ нами, мужчинами, совѣтовалъ, какъ жить въ мирѣ съ манчжурами и колодчанами. Черезъ двѣ недѣли выѣхали къ намъ изъ деревень крестьянскія подводы со старшинами и старостами, и насъ начали развозить по деревнямъ. Меня привезли въ деревню Среднебѣлую, въ которой я живу и теперь».

Путь на дальній Востокъ на пароходахъ добровольнаго флота подробно, чѣмъ въ другихъ письмахъ, описанъ крестьяниномъ Иваномъ Лишки изъ Черн. губ., Кролев. уѣзда, въ письмѣ отъ 17 ноября 1886 г. изъ Владивостока, тотчасъ же по прїѣздѣ, когда переселенцы находились еще въ баракахъ.

«... А прибыли въ г. Одессу 9 августа, пробыли до 26, ожидали парохода изъ починки. 26 августа, въ четыре часа пополудни, поднялись по Черному морю, двое сутокъ—до турецкой столицы Константинополь, потомъ Мраморное, Дарданельскій проливъ, потомъ Черное море, на которомъ Моисей получилъ законъ, десять заповѣдей, и переводилъ евреевъ черезъ море, потомъ Архипелагъ (Архипелагъ), на которомъ высочайшія горы, потомъ средиземный городъ Портъ-Саидъ (Порциондъ) и Суевскій (Сулейскій) каналъ, потомъ Красное море, на которомъ жара была страшная, такъ что на палубѣ нельзя устоять, а въ пароходѣ всё безъ рубахъ, пищи вовсе мало употребляли отъ жары... Потомъ г. Коломбо, Индійскій океанъ, на которомъ г. Сингапуръ. Я съ парохода на лодкѣ ѣздилъ въ городъ, хотѣлъ хлѣба купить, но хлѣба нѣту: сидятъ голые у лавкахъ, порешки ѣдятъ. Ѣдятъ людьми, запряжены въ брички, по колѣна сакаваны штаны, въ бричкѣ сидятъ два пана, бѣжить, какъ лошадь, не останавливается». Затѣмъ идутъ: Японское море, Китайское море и, наконецъ, г. Владивостокъ. «Всего переѣзду было 42 дня, прибыли 7 октября, выгрузились 8, помѣстились въ баракахъ. Скоро назначили ходоковъ для обозрѣнія «степу», назначили и меня, Ивана Лишки, и шелъ я четверо сутокъ ни живъ, ни мертвъ: горы, камень, да глина, да лѣса, а затѣмъ я вышелъ въ чистую степь, то стала земля хорошая, хлѣбородна и довольна для всякаго, хлѣба всякіе есть, такъ что десятина тридцать копѣ принесетъ въ лѣто... Еще и васъ, любезный братецъ Савва Степановичъ, прошу до себя, какъ какъ я собственно своими глазами видѣлъ «степь», то можно

жить хорошо, земли—сколько твоихъ силъ хватить вспахать, а также племянника Михаила Игнатыча: если не соберется на свои деньги, то пускай пришлетъ адресъ мнѣ, то я на свои деньги доставлю. Увѣдомляю васъ, братцы, слава Богу, что я вырвался, хотя напервахъ и трудно, потому, на что ни кинь, требуется много денегъ. Если идти сюда, особенно много надо брать желѣза, сухарей, полушубковъ; перевозить лучше въ бочкахъ—набилъ полну, затюковалъ, она пригодится, при перегрузкѣ не побьется.

«Если, Богъ дастъ, приду на «степь», тогда и еще больше напишу. Птицы, тетеряковъ—много, какъ у насъ воробьевъ (горобьевъ, горобецъ), видаль дикихъ возъ, набитыхъ два воза, какъ сноповъ... Медвѣди, тигры, олени, разныхъ звѣрей много; въ рѣкахъ рыбы много, недалеко отъ нашего «степу»; если на рубль купить рыбы, то лошадь не довезетъ, по копѣйки за штуку, фунтовъ 17—18 каждая; дерева разнаго много, дубъ, осина, липа, груша. Кедръ (кедрина) такой, что на немъ растутъ орѣхи, какъ на соснѣ шишки... Рубля на полтора за день насобираешь, волосскихъ и простыхъ орѣховъ (въ одномъ письмѣ прибавлено—и каленыхъ), винограду—довольно, хоть возами вози... Лѣсу насчетъ постройки «не куплять», сколько угодно, также и дровъ».

Благодать и, повидимому, непомятое обиліе богатствъ всякаго естества изображаются въ письмахъ, видимо, въ восторженномъ настроеніи. Одинъ переселенецъ началъ было письмо къ родителямъ въ самомъ грустномъ тонѣ, но когда коснулась рѣчь о «благодати», загрустившій переселенецъ весь засіялъ отъ удовольствія... «Какъ бы я съ вами повидался. Прибудьте хоть одинъ, потому одинокому худо мнѣ жить, хотя имѣю земли сто десятинъ, но трудно мнѣ вспахать, а земли хоть на десять лѣтъ сколько угодно, коси гдѣ хочешь (де-хочь)... Братъ! брось хату ольхову, иди сюда, издѣлаемъ кедрову хату!—чѣмъ дальше, тѣмъ больше восхищается онъ благодатью новыхъ мѣсть.—Рыба дешева, два рубля сотня, а въ сотнѣ 25 пудовъ. Вотъ куда я залетѣлъ! Все не думалъ,—ну, пришлось, слава Богу!»

Изъ той же *Черниговки*, селенія, образовавшагося въ Амурской области изъ переселенцевъ Черниговской губ., какъ видно, гораздо ранѣе 1883—1886 г., обрадованный невиданною благостью, какъ бы въ попыхахъ, пишетъ своему шурина, оставшемуся на родинѣ: «Братецъ Иванъ Максимовичъ, совѣтую какъ можно скорѣй ѣхать къ намъ. Прибудешь въ Владивостокъ, сейчасъ же получишь ссуду, купимъ скотину... Степу много, лѣсу тоже много разнаго, винограду, орѣховъ много, есть даже водяные, какъ жолуди; звѣри,

волки, медвѣди, зубры, козы, кабаны, ягнята безъ суки, лисицы, тигры. Также птицы: лебеди, утки, гуси, журавли, фазаны, тетерева, куры... Много рыбы, щуки, сомъ, сазань, караси, вьюны, лещи; линевь нѣту...»

Въ такомъ родѣ описывается «благодать» во всѣхъ письмахъ новоселовъ. Къ этой благодати надобно еще прибавить и средства, которыми располагають переселенцы въ Амурской области. Изъ писемъ видно, что изъ нихъ есть такіе, которые сразу широко устранивають новое хозяйство на новыхъ мѣстахъ. «Увѣдомляю васъ, что я купилъ трое коней, заплачено пятьсотъ рублей, съ повозкой со всѣмъ. Больше нечего писать». Кромѣ такихъ большихъ «собственныхъ средствъ», переселенецъ, направляющійся въ Амурскую область, долженъ имѣть 600 руб. залогомъ; но, помимо этого, мы въ письмахъ читаемъ о ссудахъ и пособіяхъ въ 350 и 600 руб. Одинъ пишетъ: «я получилъ въ ссуду *только* 350 руб.» Если бы нашъ *курскій* переселенецъ получилъ пособіе въ 35 р., онъ этого благодѣянія не забылъ бы вовеки. Въ Амурскомъ краѣ переселенцы могутъ справляться съ огромными расходами. Пара воловъ до 200 р., корова до 80 р., лошадь отъ 80 до 150 р., самая плохая 40 р. Затѣмъ кузнечныя работы,ковка, починка плуговъ,—все это оплачивается большими деньгами. Но переселенцы съ «рублишкомъ» умѣютъ справиться со всѣми затрудненіями, неизбежными на первыхъ порахъ начала новаго хозяйства.

«Что же было дѣлать (продолжаемъ цитировать письмо переселенца-пѣшехода) и за что спервоначалу приняться? Зажиточные изъ насъ покупали избы, быковъ и скоро обзавелись хозяйствомъ. Но не такъ пришлось мнѣ съ пятью рублями въ рукахъ. Я отдалъ женатаго сына въ работники на годъ за 110 руб., меньшаго парня за 80 руб. и взялъ въ задатокъ за сыновей 70 руб.; перезимовавши, началъ строить избенку *). Сыновья служили въ работахъ, а я зиму молотилъ у мѣстныхъ стариковъ и тѣмъ кормилъ остальное семейство. На другой годъ сыновья выслужили по парѣ воловъ каждый, а чрезъ 2 года по пріѣздѣ на Амуръ мы, слава Богу, зажили хорошо. Теперь я женилъ и втораго сына, имѣю 3 пары воловъ, по 2 лошади и коровы; пашемъ своимъ плугомъ, да и пахать есть что, земли пока довольно. Хлѣбъ родится хорошо, пшеничный сами ѣдимъ, а ярицу продаемъ въ казну и на винокуренный заводъ. Плохо только, что часто случается здѣсь чума и сибирская язва, такъ что много скота пропадаетъ. Кромѣ того, бываетъ, что хлѣбъ портитъ помха (особый туманъ). Всего этого мы на родинѣ не знали, исключая чумы. Чума заносится въ здѣшнія мѣста изъ Манчжуріи, гдѣ она постоянная гостья.

*) Плата взрослому работнику отъ 110—150 р. въ годъ.

Оттуда же въ послѣднюю весну перенесли въ русскія деревни оспу. Впрочемъ, оспу прекратили въ самомъ зародышѣ.

«Плохо еще то, что здѣсь нѣтъ школы, и не только въ нашей деревнѣ, но и во всѣхъ 11 селеніяхъ нашей волости, въ которой до трехъ съ половиной тысячъ душъ обоого пола населенія. И такова только одна наша волость, ибо въ остальныхъ пяти волостяхъ округа вездѣ имѣются волостныя школы. Это побудило наше начальство настоять на волостномъ сходѣ о необходимости школы, и сходъ (на которомъ присутствовалъ и губернаторъ), хотя неохотно, но постановилъ приговоръ объ открытіи волостной школы съ осени нынѣшняго года.

«Въ прошломъ году мы пожелали въ нашей деревнѣ построить церковь. Архіерей, пріѣзжавшій освятить мѣсто подъ церковь, прежде всего, предложилъ намъ закрыть кабакъ, какъ величайшее зло въ деревнѣ, что мы и сдѣлали. Чтобы достать денегъ для церкви, мы посѣяли міромъ въ прошломъ году 8 десятинъ ярицы (яровой ржи), а въ нынѣшнемъ году столько же ярицы и овса; вырученныя отъ продажи этого хлѣба деньги и пошли цѣликомъ на церковь, которую мы теперь оканчиваемъ.

«Вотъ какъ мы, полтавцы, живемъ здѣсь, на Амурѣ! Въ большинствѣ здѣшнихъ переселенческихъ малороссійскихъ деревень порядки и нравы соблюдаются тѣ же, что были и на родинѣ: такія же рубленныя и обѣлennyя хаты, волю въ ярмахъ, только не сѣрыя, а красныя, манчжурской породы; вечерницы и веснянки на улицѣ; свадьбы со всѣмъ ихъ патриархальнымъ обычаемъ, хотя безъ музыки, которая здѣсь въ рѣдкость, и меньше выпивается водки, стоящей 9 руб. ведро. Все это напоминаетъ далеко покинутую Украину, которую, на какомъ бы привольѣ ни жилъ, трудно забыть».

На этихъ письмахъ съ крайняго Востока мы покончимъ съ русскими переселенцами и сообщимъ свѣдѣнія о нѣмецкихъ переселенцахъ, — свѣдѣнія во многомъ поучительныя. Крестьянинъ Маловъ, Таганрогскаго уѣз., Донской обл., подробно изображаетъ *неожиданность* появленія нѣмцевъ въ Таганрогскомъ уѣздѣ и плачевныя послѣдствія этой неожиданности для мѣстныхъ крестьянъ:

«Лѣтъ десять тому назадъ крестьяне бывшаго Миусскаго, а нынѣ Таганрогскаго, округа нѣмцевъ совсѣмъ не видали, ибо, не имѣя по бѣдности хлѣба для продажи, рѣдко или совсѣмъ не бывали въ городѣ Таганрогѣ, куда нѣмцы, жившіе сначала въ западной части Миусскаго округа, привозили для продажи хлѣбъ. Крестьянинъ, при встрѣчѣ въ Таганрогѣ съ нѣмцемъ, думалъ, что нѣмцы эти пріѣзжаютъ изъ-за границы, изъ иностранныхъ земель, а не живутъ въ Россіи, да еще въ близкомъ сосѣдствѣ съ нами. Время шло; землевладѣльцы, не желавшіе почему-либо владѣть землею, такъ какъ арендная цѣна на землю была низка, предлагали крестьянамъ покупать земли. Многіе не упустили случая и покупали, несмотря на трудность покупокъ за безденежемъ, другіе, хотя и со средствами, боялись разстаться съ своими деньгами и отказывались отъ

покупокъ земель. Въ одномъ мѣстѣ, вблизи ровенецкаго вокзала, было одно имѣніе, состоявшее почти изъ 4½ тысячъ десятинъ; владѣлецъ этого имѣнія, человекъ больной, чувствуя приближеніе смерти, изъ чело-вѣколюбія предлагалъ крестьянамъ всѣхъ селеній, расположенныхъ вокругъ его имѣнія, купить оное по 35 руб. за десятину, изъ коихъ около 23 р. банковаго долга можно было перевести на покупателейъ, а по 12 р. они должны были уплатить въ три срока, а именно: при сговорѣ по 1 рублю за десятину, по совершеніи запродажной записки, черезъ два мѣсяца, по 5 р., а черезъ годъ по 6 руб. вмѣсто уплаты денегъ, крестьянамъ предлагалось доставлять въ Таганрогъ табакъ и хлѣбъ, приобретенные въ этомъ имѣніи. Много разъ собирались крестьяне изъ всѣхъ сосѣднихъ деревень къ продавцу земли; онъ разъяснялъ крестьянамъ, что землю онъ раздѣлитъ на части, и каждая часть достанется тому селенію, которое расположено смежно съ нею. Крестьяне судили, редили и ничѣмъ не кончили. Продавецъ, уѣжая въ Таганрогъ, предлагалъ крестьянамъ поскорѣ рѣшить дѣло и явиться къ нему; но крестьяне не поѣхали. Причины особенной не было, а просто по равнодушію къ покупкѣ.

«Но вотъ пріѣзжаютъ на фургонахъ въ продаваемое имѣніе нѣсколько человекъ нѣмцевъ. Затѣхали они переночевать къ одному изъ крестьянъ, къ которому владѣлецъ имѣнія чаще всего обращался съ предложеніемъ о покупкѣ; при разговорѣ нѣмцы проговорились, что они пріѣхали осмотрѣть имѣніе съ цѣлью покупки. Узнали объ этомъ и другіе крестьяне, но и не подумали поторопиться съѣздить въ Таганрогъ къ владѣльцу имѣнія. Уѣхали эти нѣмцы, пріѣхали другіе. Затѣмъ пишутъ крестьянамъ изъ Таганрога, чтобъ они поторопились, ибо имѣется въ виду много другихъ покупателей; но крестьяне опять не поѣхали. Главною причиною этому было то, что жители одного поселка наотрѣзъ отказались участвовать въ покупкѣ земли, а безъ нихъ крестьяне остальныхъ селеній купить были не въ силахъ.

«Наконецъ, нѣсколько нѣмецкихъ обществъ изъ Екатеринославской губ. покупаютъ изъ продаваемаго имѣнія болѣе 3,000 десятинъ, весной переѣзжаютъ сюда и селятся на новой землѣ.

«Сперва приходилось трудно нѣмцамъ-поселянамъ. Хлѣба у нихъ на посѣвъ не было; какія имѣлись деньги, были употреблены на покупку матеріаловъ для возводимыхъ построекъ, такъ что въ первый годъ новые поселенцы начали сдавать земли подъ посѣвъ хлѣба изъ четвертой части крестьянамъ сосѣднихъ деревень.

«Теперь нѣмцы въ два урожайныхъ года изъ бѣдныхъ сдѣлались богачами, такъ что нѣкоторые поговариваютъ сдать здѣшнія земли своимъ односельцамъ, а взаменъ пріобрѣсти вдвое большее количество земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устраиваются новыя нѣмецкія поселенія.

«Со времени появленія здѣсь нѣсколькихъ нѣмецкихъ поселеній цѣны на покупныя и арендныя земли поднялись вдвое и болѣе въ какихъ-нибудь 4 года: раньше земля продавалась не дороже 30 рублей за десятину, съ

разными разсрочками, а въ аренду отдавалась отъ 1 до 1½ руб.; теперь же владѣльцы, желающіе продать землю, просятъ до 75 руб. за десятину, и такую цѣну даютъ покупатели. Арендная же цѣна поднялась до 3 рублей. Въ настоящее время крестьянамъ и мечтать о покупке земли трудно, такъ какъ добавочную сумму, кромѣ ссуды, выдаваемой изъ крестьянскаго банка, трудно достать бѣднякамъ, да и вообще теперь крестьянамъ трудно соперничать съ нѣмцами. Бывали недавно случаи, что крестьяне пробовали покупать землю, но ихъ покупки, въ большинствѣ случаевъ, не удаются; а если кто и купилъ, то неладно выходитъ: проценты въ крестьянскій банкъ почти не уплачиваются по причинѣ разныхъ несчастныхъ случаевъ, отъ которыхъ приходять въ упадокъ и крестьянскія хозяйства. Особенно же много зависитъ отъ несогласія покушниковъ: кто побѣдитъ, тотъ говоритъ, что платить нечѣмъ, а имѣющіе средства говорятъ: *«сколько ни плати въ банкъ процентовъ, все - таки, землю онъ продастъ за недоимку, и деньги, что я плачу, пропадутъ»*. Если бы взыскаііе процентовъ въ крестьянскій банкъ производилось наравнѣ съ выкупными платежами, то нужно думать, они поступали бы гораздо исправнѣе противъ теперешняго. Только теперь крестьяне, не купившіе земли, повѣримъ людямъ, желавшимъ имъ добра и совѣтовавшимъ покупать землю, что жизнь для нихъ становится труднѣе. И, пожалуй, не одному малодушному крестьянину, которому трудно сидѣть на одномъ мѣстѣ, придется побывать на новыхъ вольныхъ земляхъ: Амурѣ, Терекѣ и другихъ. А это совсѣмъ нежелательно, ибо, какъ говоритъ народная пословица, *«на мѣстѣ и камень обростаеъ»*.

Такимъ образомъ, оказывается, что не одно малоземеліе заставляетъ крестьянъ покидать старыя мѣста жительства и переселяться въ чужеземныя страны; тяжкія условія кредита крестьянскаго банка, какъ видимъ, не даетъ возможности расширить земельныя владѣнія на старыхъ мѣстахъ. Крайне было бы желательно, чтобы *«общество вспомошествованія переселенцамъ»*, имѣющее цѣль содѣйствовать заботамъ правительства о благосостояніи переселенцевъ, первѣйшею изъ заботъ своей многосложной дѣятельности признало ненормальность условій разорительнаго кредита крестьянскаго банка и посодѣйствовало измѣненію условій напрасной траты милліоновъ въ производительную ихъ затрату, оживотворяющую пустынные мѣста и дающую милліонамъ трудящагося народа право жить на свѣтѣ по-человѣчески.

Глѣбъ Успенскій.

Мотивы Лермонтовской поэзіи.

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

М. Ю. Лермонтовъ.

I.

Въ нынѣшнемъ 1891 году, 15 іюля, исполнится полстолѣтія съ того момента, когда, сраженный пулею офицера Мартынова, палъ на дуэли первый послѣ Пушкина русскій поэтъ. Ни однимъ некрологомъ не была почтена его смерть, а о томъ, что поэтъ не стало, публика узнала только по слѣдующей замѣткѣ въ газетахъ: «15 іюля около 5 часовъ вечера разразилась на Кавказѣ ужасная буря съ громомъ и молніей, въ это самое время между горами Машукомъ и Бештау скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ». До второй половины пятидесятихъ годовъ не появлялось, за исключеніемъ статей Бѣлинскаго о *Героѣ нашего времени* и о стихотвореніяхъ Лермонтова, ни одной сколько-нибудь выдающейся о немъ критической статьи. Со второй половины пятидесятихъ годовъ начинается изученіе творческой дѣятельности поэта по его юношескимъ тетрадямъ; появляются отрывочные матеріалы біографическіе до статей П. А. Висковатаго въ восьмидесятихъ годахъ въ *Русской Мысли* включительно, а также и критическія статьи о сочиненіяхъ Лермонтова, начиная съ извѣстныхъ статей Галахова въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858 г., статей покойнаго А. Григорьева во *Времени* 1862 г., статья Дудышкина и кончая статьей В. Д. Спасовича *Байронизмъ у Лермонтова*. Статей этихъ, какъ біографическихъ, такъ и критическихъ, довольно много; но странное впечатлѣніе онѣ производятъ. Говорятъ, какъ справедливо замѣтилъ А. Н. Пыпинъ въ своей прекрасной статьѣ при изданіи сочиненій Лермонтова 1873 г., все больше о Байронѣ, о вліяніи на поэта общаго европейскаго настроенія, чѣмъ о самомъ поэтѣ. Кое-гдѣ слышатся прямо упреки Лермонтову якобы въ отсутствіи національности, самостоятельности, что даже высказывается въ нѣкоторыхъ учебникахъ литературы, а въ

Русскомъ Словѣ 1863 г., № 6, въ рецензiи Зайцева о Дудушкинскомъ изданiи сочиненiй Лермонтова страданiя поэта уподобляются страданiямъ шулера въ его драмѣ *Маскарадъ*, а вещами, о которыхъ стѣдуетъ говорить, признаются только *Демонъ*, *Герой нашего времени* и *Маскарадъ*. Кромѣ этихъ произведенiй, строгiй критикъ находитъ у поэта одни альбомныя стишки, мадригалы разнымъ графинямъ, рабскiя подражанiя Пушкину, да изображенiя страстей черкесскихъ, лезгинскихъ и кабардинскихъ. Это писалось лѣтъ черезъ двадцать съ небольшимъ по смерти поэта, а лѣтъ черезъ двадцать еще, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, другой критикъ, приступившiй къ разсмотрѣнiю Лермонтова съ точки зрѣнiя *нравственности*, не нашелъ у него ни любви, ни религiи и даже такъ-таки прямо и возгласилъ на публичной лекцiи, что Лермонтовъ «сдѣлалъ хорошо, умерши въ-время». Такимъ образомъ, и до настоящаго времени значенiе поэзiи Лермонтова остается далеко еще не разъясненнымъ, а самая жизнь его, несмотря на цѣлую массу отрывочныхъ и часто пристрастныхъ биографическихъ замѣтокъ, даже несмотря на болѣе связныя и обстоятельныя труды г. Висковатого, извѣстна очень мало. И какъ ни грустно для нашего національнаго самолюбiя, но, кажется, нельзя не согласиться съ покойнымъ М. Л. Михайловымъ и А. Н. Пыпинымъ, что лучшимъ, что было писано о Лермонтовѣ, кромѣ статей Бѣлинскаго, и до сихъ поръ остается статья нѣмца Боденштедта.

Однудь не претендуя на проведенiе какихъ-либо новыхъ оригинальныхъ взглядовъ на поэта, мы рѣшаемся, въ виду пятидесятилѣтiя съ его смерти, кнѣющаго вызвать широкое распространенiе дешевыхъ изданiй сочиненiй покойнаго, попробовать на основанiи разнородныхъ статей о немъ за истекшiе полвѣка, а также и самостоятельнаго разсмотрѣнiя его творенiй, возобновить въ памяти читателей его литературный образъ и въ общихъ чертахъ указать на главнѣйшiе, преимущественно національныя мотивы его поэзiи.

II.

Цѣлую библиотеку можно составить изъ всего того, что было писано у насъ о подражательности нашей литературы, о псевдоклассицизмахъ, сентиментализмахъ, романтизмахъ, байронизмахъ, нигилизмахъ. Много писано объ исключительной нашей народности, русскихъ добродѣтелей и исторической миссiи; мало только говорилось о томъ, въ какое исключительное отношенiе къ своей родинѣ становится мыслящiй русскiй человекъ, какъ скоро вздумаетъ разсматривать ее съ точки зрѣнiя общечеловѣческой и прилагать къ русской жизни оцѣнку со стороны идеальныхъ требованiй культуры. Какою печальной покажется ему тогда эта огромная страна, одаренная разнообразнѣйшими естественными богатствами, требующими только *искусствомъ утвержденныхъ рукъ*, населенная невѣжественною и нищею народною массою, живущею въ грязи въ невозможной для европейца

бѣдной обстановкѣ, въ огромномъ большинствѣ даже безъ элементарной грамотности! Какимъ жалкимъ должно показаться такому человѣку наше *интеллигентное патентованное меньшинство*, оторванное отъ народа, съ одною только внѣшностью образованія! Какъ невыносимо тяжело жить въ такомъ обществѣ тѣмъ немногимъ единицамъ, которымъ привелось получить образованіе, кого природа съ самаго рожденія одарила подобно пушкинскому пророку гениемъ «чуткаго зрѣнія и слуха, мудростью и пламеннымъ сердцемъ!» Таковыми - то единицами и являются у насъ, совершенно естественно, поэты-художники, поставленные, въ тому же, въ такія условія, въ которыхъ часто нельзя говорить откровенно и прямо; когда нерѣдко «зажиганіе человѣческихъ сердець вѣщимъ глаголомъ» считается преступленіемъ, какъ это и было съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Не нужно прибѣгать для объясненія нашей новой русской литературы ни къ какимъ европейскимъ *измамъ*, чтобы понять, что преобладающимъ пафосомъ нашихъ поэтовъ необходимо должна была быть *скорбь*, въ формѣ ли сильной *сатиры*, печальнаго ли *юмора*, меланхолическаго ли *мечтанья* о заоблачныхъ странахъ, гдѣ нѣтъ болѣзни и печали, — словомъ, отношеніе къ жизни, такъ или иначе, отрицательное.

И въ самомъ дѣлѣ, уже у Кантемира мы встрѣчаемъ эту скорбь о безобразныхъ явленіяхъ русской жизни, о печальномъ положеніи науки, которая «ободрана, въ доскутахъ обшита, изъ всѣхъ домовъ съ предательствомъ сбита», о невозможности даже открыто писать обо всемъ этомъ. Та же скорбь пробивается и у громогласныхъ одописцевъ, и среди оглушающихъ звуковъ трубъ и литавръ слышится печальная нота. Прикрываясь шумихой ложноклассическихъ, чуждыхъ языку и жизни, образовъ, тщетно взываетъ къ просвѣщенію честный Ломоносовъ, а придворный поэтъ Державинъ, падая ницъ передъ богоподобною Фелицей и ликуя передъ военными побѣдами и мишурнымъ блескомъ вѣва, иногда впадаетъ и въ сантиментальную грусть о томъ, что «всякій человѣкъ есть ложь», и даже пишетъ одно изъ самыхъ мрачныхъ стихотвореній *На смерть князя Мещерскаго*. Говорить ли о Фонвизинѣ, довольно ясно показавшемъ «ужасъ нравовъ» въ *Недоростѣ*, послѣ котораго вскорѣ и долженъ былъ прекратить литературную дѣятельность. Даже у Жуковскаго преобладающая нота — опять-таки скорбная, меланхолическая. То же нужно сказать, въ значительной степени, и о рано погибшемъ Батюшковѣ, котораго лучшія произведенія — опять-таки *элегии*.

Громовыя рѣчи Чацкаго, малоумѣстная въ салонѣ Фамусова, — уже открытая скорбная сатира, и этотъ безвременно погибшій на полудникомъ востокѣ Грибоѣдовъ, начинающій вмѣстѣ съ Пушкинымъ нашу новѣйшую литературу, силенъ своею воплощенною въ своего героя скорбью не менѣе, тѣмъ яркимъ изображеніемъ московскаго общества. Пушкинъ, по натурѣ своей, воспитанію и ранней юности эпикуреецъ, мало наклонный къ скорбному раздумью, жизнерадостный «пѣвецъ сладкихъ звуковъ и молитвъ», сказавшій всюду красоты и наслажденій, даже онъ во многихъ лучшихъ

своихъ произведеніяхъ является элегикомъ и сатирикомъ: достаточно вспомнить его *Деревню*, *Лицинію*, многія мѣста изъ *Опытна* и нѣкоторыя лирическія произведенія послѣднихъ лѣтъ его жизни *).

Гоголь, начавшій безпечальными разсказками, уже скоро перешелъ къ скорбной лѣтописи провинціальной и петербургской пошлости, потрясшей его современниковъ и даже многихъ испугавшей, былъ современникомъ Лермонтова и написалъ *Ревизора* еще за годъ до появленія оды *На смерть Пушкина*.

Такимъ образомъ, та скорбь, которая особенно отличаетъ поэзію Лермонтова, составляетъ отличительную черту всей русской поэзіи новѣйшаго времени, и въ этомъ отношеніи Лермонтовъ, независимо именно отъ Байрона, безъ сомнѣнія, имѣвшаго на него вліяніе, есть поэтъ вполне русскій, національный.

III.

«Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова, — говоритъ Боденштедтъ, — раздѣляли съ нимъ его прометеевскую участь; но ни у одного изъ нихъ страданія не вызвали такихъ драгоценныхъ слезъ, которыя служили ему облегченіемъ при жизни и дали неувядаемый вѣнокъ по смерти». Эти слезы, эта постоянно, красною нитью проходящая черезъ всю его поэзію скорбь являются, какъ намъ кажется, естественнымъ результатомъ трехъ причинъ: исключительной природы поэта, историческаго момента въ жизни русскаго общества, совпавшаго съ его поэтическою дѣятельностью, и особыхъ условій домашней обстановки, воспитанія и образованія. Разсмотрѣніемъ этихъ-то трехъ причинъ мы, прежде всего, и займемся, для ясности сопоставляя ихъ съ подобными же факторами, образовавшими поэтическую личность другого великаго поэта — Пушкина.

Какъ и Пушкинъ, Лермонтовъ — натура чрезвычайно рѣдная, отмѣченная съ самаго рожденія печатью гениальности. Какъ и у Пушкина, гений проявляется у него съ дѣтства въ неудержимой потребности творчества. Въ гораздо большей степени, чѣмъ Пушкинъ, Лермонтовъ, еще ребенкомъ, выражаетъ стихами всѣ впечатлѣнія отъ окружающей его жизни. Онъ постоянно набрасывалъ стихи всюду, не только на клочкахъ бумаги, переплетахъ книгъ, но даже на столахъ и стѣнахъ, какъ, напримѣръ, на стѣнѣ одного изъ монастырей, куда ѣздилъ въ дѣтствѣ на богомолье съ родными, или на стѣнахъ помѣщенія на гауптвахтѣ, гдѣ онъ сидѣлъ арестованнымъ за дуэль съ Барантомъ, такъ что его перевели въ другую камеру. «Подбѣрай, — говорилъ онъ шутя своему лакею, выметавшему вмѣстѣ съ соромъ изъ комнаты мальчика исписанные клочки бумаги, — большія деньги будутъ платить, богатъ будешь» (*Русская Мысль* 1882 г., № 2). Крайне строгій къ самому себѣ, онъ печататься сталъ только съ 1837 г., и все, что одо-

*) Въ книгѣ нашей *Очерки Пушкинской Руси* (П., 1880 г. Ц. 50 к.) обращено вниманіе именно на эту элегическую и сатирическую сторону поэзіи Пушкина.

бралъ къ печати, составляетъ только небольшой томъ, но даже и то, сравнительно небольшое, что издано изъ уцѣлѣвшихъ его тетрадей и набросковъ потому, составляетъ количество весьма значительное, причѣмъ современники его рассказываютъ, что остается ненапечатаннымъ еще очень многое. Такимъ образомъ, потребность писать составляла у него, какъ и у Пушкина, отличительную черту основнаго поэтическаго характера, и образы, мгновенно встававшіе въ его воображеніи, облекались у него въ изящную, яркую и музыкальную стихотворную форму, на что указываютъ многія его мелкія произведенія, вызванныя тѣми или другими мимолетными случаями *). Какъ и Пушкинъ, это натура необыкновенно воспримчивая, чуткая, страстная, нервная. Но на этомъ и кончается сходство. Если Пушкинъ *самимъ* весь до мозга костей, какъ эхо отзывающійся на всякое явленіе жизни и во всякомъ отыскивающей преимущественно свѣтлую сторону и ея жизне-радостно наслаждающійся, — сангвиникъ, легко переходящій отъ горя къ радости, отъ отчаянія къ утѣшенію, отъ раздумья къ остроумной шуткѣ, — словомъ, поэтъ по преимуществу радостей жизни, — Лермонтовъ, напротивъ, мрачный *меланхоликъ*, всюду, подобно Байрону или Гейне, отыскивающей въ явленіи сокрытой печальной мысли и, какъ они, находящій въ самой печали утѣшеніе. Въ дѣтствѣ, когда Пушкинъ не писалъ еще ничего, кромѣ *анакреонтическихъ* лицейскихъ стихотвореній, да эпиграммъ, онъ уже создаетъ такія вещи, какъ *У вратъ обители святой*, и цѣлый рядъ произведеній недѣтскаго по содержанію, мрачнаго характера. Любовь, также рано пробуждавшаяся и у Пушкина и его тѣшившая, для Лермонтова только муча, какъ и впоследствии, когда онъ создаетъ уже такія вещи, какъ *Благодарность*, *Мнѣ грустно потому*, *Ребенку*. Вѣчно грызла Лермонтова разлагающая аналитическая мысль и, по рассказамъ близкихъ къ нему лицъ, наприм., кн. Васильчикова, въ немъ, какъ и въ родственнѣхъ поэту по натурѣ Байронѣ и Гейне, какъ и въ его героѣ Печоринѣ, всегда было два человека: одинъ — живущій, дѣйствующій, другой — анализирующій эту жизнь и дѣйствія и отыскивающей въ нихъ ложь, порокъ и пустоту. Въ то время, какъ Пушкинъ весь всецѣло отдается впечатлѣніямъ минуты, весь выливается и въ своихъ стихахъ, и во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, такъ что и въ произведеніяхъ его, какъ и въ его личности, все такъ ясно и просто, — Лермонтовъ, напротивъ, всегда оставался и при жизни, и остается во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ загадкой, которую отгадать не легко по величайшей сложности этой исключительной природы. Симпатичный въ высшей степени для однихъ (Бѣлинскій, И. И. Панаевъ, Боденштедтъ), добродушный и даже ребячески шаловливый для тѣхъ многихъ, которыхъ онъ допускалъ въ свой внутренній міръ, онъ, въ то же время, казался другимъ заносчивымъ и задорнымъ (кн. Васильковъ), а нѣкоторые изъ его товарищей — и дамы въ особенности (*Записки Хвостовой*

*) См. *Записки Хвостовой*, примѣчаніе въ его сочиненіямъ Ефремова и биографическая статья П. А. Висковатого въ *Русской Мысли* 1881 и 1882 гг.

вой)—рисуютъ его какимъ-то безсердечнымъ ловеласомъ, хотя и сознаются всѣ единодушно, что въ натурѣ его было что-то неотразимо обаятельное, такъ что кто его видѣлъ—не могъ не привязаться къ нему и не забывая его никогда. И между тѣмъ какъ Пушкинъ прожилъ всю свою жизнь, такъ сказать, на людяхъ, беря отъ нея все, что она ему давала, и, подобно своему Моцарту, часто смотря на свой гений, какъ на что-то естественное, Лермонтовъ всегда сознавалъ свое превосходство надъ «толпою» и оставался на пьедесталѣ, съ котораго съ высокомернымъ презрѣніемъ взиралъ, подобно Печорину, на ничтожныхъ людей, никогда ни на минуту не примиряясь, какъ Пушкинъ, съ ихъ жалкимъ существованіемъ и больно бичуя ихъ сатирой. Пушкинъ, справедливо названный Гнѣдичемъ Протеемъ, разнообразенъ въ своемъ творествѣ, какъ ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ, и въ этомъ смыслѣ уподобляется величайшимъ гениямъ въ мірѣ, Гетѣ и Шекспиру,—Лермонтовъ при всемъ своемъ гениі, который далеко еще не успѣлъ развиться вполне, болѣе по настроенію *однообразенъ*. Всюду звучитъ у него одна меланхолическая нота, но все, что онъ ни изображаетъ, за рѣдкими исключеніями, набрасываетъ темный флёръ, сообщающій печальный колоритъ его произведеніямъ. Въ этомъ онъ опять-таки сходенъ съ родственными ему по натурѣ Байрономъ и Гейне. Все, что представляется своимъ глазамъ въ томъ, что я вижу, говоритъ онъ своею поэзіей, все это такъ пусто, ничтожно, мелко, такъ скоропреходяще, все это такъ непрочно и носитъ въ себѣ самомъ зачатки разрушенія и тлѣна. Эта мысль, сквозящая почти повсюду въ поэзіи Лермонтова, эта исключительная оцѣнка жизни составляетъ принадлежность, такъ сказать, его общаго умонаклоненія и придаетъ его сочиненіямъ рѣзкій отличительный отъ Пушкина характеръ. Нельзя также не остановиться и на особенностяхъ Лермонтовской *фантазіи*. Она отъ ранняго дѣтства принимаетъ у поэта самые грандіозные прихотливые разбѣры и отличается яркостью и разнообразіемъ причудливыхъ красокъ, хотя, въ то же время, какъ замѣтилъ и Боденштедтъ, никогда не отрывается отъ земли, оставаясь поразительно реальною.

Такимъ образомъ, независимо ни отъ какихъ вліяній современности, домашней обстановки, или Байрона, Лермонтовъ уже является въ мірѣ натурой, подобно Пушкину, творческой. Отъ природы одаренъ онъ необыкновеннымъ умомъ, но умомъ анализирующимъ, уходящимъ въ глубь предметовъ, пылливо ищущимъ познать ихъ сущность и поэтому меланхолическимъ. При этомъ одаренъ онъ по наслѣдству, можетъ быть, отъ болѣзненной, страшно нервной матери и, во всякомъ случаѣ, не совсемъ обыкновеннаго отца, какъ ни мало мы о немъ знаемъ, а также и бабушки, этой энергической и своеобразной деспотки, отъ рожденія болѣзненною впечатлительностью и страстностью, проявлявшеюся у него съ ребяческихъ лѣтъ. Этотъ особый умъ, эта страстность, впечатлительность въ соединеніи съ огромною фантазіей, все вмѣстѣ образуетъ рѣдчайшую организацію, одну изъ тѣхъ, которую природа производитъ для человѣчества такъ рѣдко, какъ будто для того, чтобы показать на нихъ тѣмъ ярче свою творческую силу

Мотивы Лермонтовской поэзии.

и через нихъ проявить свое могущество. Такия рѣдкія натуры, именно въ силу своей геніальности, всегда проявляютъ себя въ мірѣ, пробиваясь сквозь самыя невозможныя для обыкновенной натуры условія, хотя проявленіе это иногда, именно вслѣдствіе извѣстныхъ условій, бываетъ и болѣзненно, и далеко не такъ полно, какъ должно было бы быть. Таковы по геніальности, наприм., натуры Данта, Тасса, Сервантеса, Раблэ, Мольтера; эти натуры подобны рѣдчайшимъ растеніямъ, требующимъ особаго вниманія и ухода, и человѣчество рѣдко умѣетъ ихъ цѣнить, беречь и ухаживать за ними, даже тамъ, гдѣ культура, повидимому, болѣе благопріятствуетъ ихъ разцвѣтанію. Что же удивительнаго въ томъ, что подобныя натуры, явившись на малоплодной нашей нивѣ малокультурной русской жизни, развиваются только въ половину, часто болѣзненно, иногда даже и уродливо, почти всегда гибнуть рано, не успѣвъ сдѣлать и въ половину того, что могли бы онѣ произвести при условіяхъ болѣе благопріятныхъ? Истекающее столѣтіе даетъ намъ цѣлыхъ два такихъ примѣра наиболее яркихъ. Перваго нашего генія, Пушкина, мы гнали и травили, какъ бѣднаго звѣря, чуть не цѣлую жизнь и, въ концѣ-концовъ, допустили убить его въ полномъ разцвѣтѣ генія какому-то проходивцу. Но онъ, все-таки, по своей припряющейся сангвинической натурѣ, успѣлъ дожить до этого разцвѣта и совершить очень много. За то другой геній, Лермонтовъ, натура совсѣмъ противоположная и, можетъ быть, болѣе нѣжная, съ самаго начала своего развитія ставшій въ открытую оппозицію съ обществомъ, едва только смогъ показать малую часть своихъ великихъ силъ, какъ уже погибъ еще совсѣмъ юной отъ руки уже не иностранца, какъ Дантесъ, а отъ настоящаго русскаго своего же товарища, не подозрѣвавшаго въ ослѣпленіи своего офицерскаго самолюбія, какъ и секунданты, какое величайшее преступленіе предъ цѣлою страной совершаютъ они этою позорною дуэлью. «Поэты—гордость націи,—говорить послѣ смерти Лермонтова извѣстный А. П. Ермоловъ.—Можно позволить убить всякаго другаго человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а такихъ людей, какъ Лермонтовъ, не скоро дождешься» (*Записки Погодина, Русскій Вѣстникъ* 1864 г., № 8). И такъ, патріотическое чувство наше можетъ вполне удовлетвориться сознаніемъ, что и у насъ, какъ и въ культурной Европѣ, могутъ являться поэты геніальнѣйшіе. Посмотримъ же, въ какой исторической моментъ былъ поставленъ народившійся геній Лермонтова и насколько этотъ моментъ былъ благопріятенъ для правильнаго его развитія.

IV.

Въ жизни народовъ бываетъ, какъ и въ жизни моря, эпохи приливовъ и отливовъ. Въ одну эпоху, вслѣдствіе историческихъ условій накопленія въ обществѣ новыхъ просвѣтительныхъ идей, жизнь начинаетъ бить могучимъ влѣвомъ. Всѣ функціи этой жизни пріобрѣтаютъ особенную силу и развитіе; общество живетъ точно торопясь, интересами высшими, ста-

рается поскорѣ воплотить въ жизни все то, что выработалось въ сознаниі добраго, полезнаго, благороднаго, и, въ самомъ дѣлѣ, совершаетъ великія дѣла. Такъ было въ эпоху Перикла, въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, во вторую половину XVIII столѣтія. Это эпохи приливовъ. Но отъ крайняго напряженія силъ общество утомляется и какъ бы бессмысленно опускаетъ руки передъ невозможностью быстро достигнуть осуществленія идеаловъ. Начинается, повидимому, полный упадокъ нравовъ, реакція, хотя въ тиши, поменьку, идетъ кротовая работа массъ, которыя, по жѣрѣ силъ, стараются постепенно воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что дала лучшаго эпоха подъема. Такъ было въ послѣдніе вѣка существованія древняго міра и въ средневѣковье; такъ было въ XVII и первую половину XVIII в.; такъ было въ Европѣ въ эпоху Священнаго Союза и въ первую четверть нынѣшняго вѣка. Это эпоха отливовъ. И какъ хорошо живетъ талантамъ и гениямъ въ эпохи приливовъ, такъ, напротивъ, тяжело приходится этимъ избранныкамъ природы въ наступающіе затѣмъ печальные періоды муравьиной работы человѣчества. Подобныя же эпохи приливовъ и отливовъ представляетъ и наша, еще молодая, исторія. Только у насъ, вслѣдствіе лихорадочнаго и порывистаго ея хода и малой культурности, отягчающейся еще крайнею непослѣдовательностью и непрочностью, эти эпохи сдѣляются чаще и неожиданнѣе, завися отъ очень сложныхъ и часто довольно случайныхъ причинъ. Такъ, за вѣкомъ реформъ Петра наступаетъ эпоха придворныхъ переворотовъ и временщиновъ; за первыми годами екатерининскаго царствованія — эпоха мрачной реакціи; съ наступленіемъ «прекраснаго начала Александровыхъ дней» опять эпоха прилива, и вотъ эта-то эпоха и совпала съ развитіемъ гения Пушкина. Очертимъ ее въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ, чтобы тѣмъ рельефнѣе выступила передъ нами та эпоха, когда пришлось развиваться, жить и такъ рано погибнуть Лермонтову.

Дѣтство, отрочество и юность Пушкина совпали съ наибольшимъ подъемомъ духа русскаго общества. Оживленное, съ одной стороны, ближайшими сношеніями съ образованною Европой и патриотическимъ чувствомъ, возбужденнымъ наполеоновскими войнами, съ другой — либеральнымъ направленіемъ самого правительства, озабоченнаго поднятіемъ въ странѣ просвѣщенія, это общество первой четверти настоящаго столѣтія обратилось къ изученію и критикѣ своей родины и произвело одновременно множество талантливыхъ людей во всѣхъ сферахъ государственной, общественной и литературной дѣятельности. Это было то время, когда, по словамъ Чацкого, «вольнѣ всякій дышетъ», и громогласныя филиппики этого энтузіаста были явленіемъ довольно обыкновеннымъ не только въ кружкахъ образованной молодежи, но даже и въ гостинныхъ Фамусовыхъ *).

Въ домѣ своихъ родителей, гдѣ собирались лучшіе тогдашніе писатели,

*) См. *Пыпина*: „Общественное движеніе при Александрѣ I“; *Гончарова*: „Милліоны терзацій“.

Пушкинъ слышалъ немало разговоровъ о современныхъ реформахъ, надеждахъ, вопросахъ общественныхъ и литературныхъ. Лицей, куда стекались дѣти образованнѣйшихъ русскихъ семействъ, хотя и не далъ поэту основательнаго образованія, но былъ учебнымъ заведеніемъ очень живымъ. Онъ находился въ тѣсной связи съ тогдашнею общественною жизнью и литературой, имѣлъ въ преподавательской средѣ выдающихся профессоровъ, и недаромъ самъ поэтъ и его товарищи съ трогательнымъ энтузіазмомъ вспоминаютъ свою дорогую alma mater. Связь тогдашняго лицея, находившагося въ Царскомъ Селѣ, черезъ которое проходили въ походъ двѣнадцатаго года и черезъ которое возвращались изъ-за границы войска, съ военнымъ обществомъ, гдѣ сосредоточивались въ то время почти всѣ умственныя силы, тоже не мало способствовала подъему патриотическаго духа и умственному развитію лицейской молодежи. Что же касается двухлѣтняго пребыванія Пушкина въ столицѣ по выходѣ изъ лицея, то, какъ ни пусто проводилъ онъ время, подобно своему Онѣггину, среди высшаго общества, какъ, повидимому, ни мало вращался среди лучшихъ мыслящихъ современниковъ, тѣмъ не менѣе, то свободномыслящее направленіе, которое отличаетъ поэта въ періодъ до 1825 г., несомнѣнно развилось подъ вліяніемъ либеральнаго общественнаго движенія. Сама безсмертная комедія Грибоедова могла явиться только подъ вліяніемъ этого самаго движенія. Но движеніе это продолжалось весьма недолго. 1825 годъ былъ роковымъ для эпохи прилива, и затѣмъ болѣе четверти вѣка тянется, то усиливаясь, то ослабляясь, эпоха реакціи. Въ эту-то эпоху, совѣтъ отличную отъ предъидущей, и привелось развиваться оригинальной и кипучей натурѣ Лермонтова; въ эту же эпоху и прошла вся его кратковременная поэтическая дѣятельность. А эпоха была слишкомъ тяжелая. Исторія декабристовъ, всѣ эти многочисленныя аресты, ссылки, всеобщая паника среди высшаго общества, была первымъ крупнымъ общественнымъ событіемъ, о которомъ не могъ не слышать въ домѣ своей бабушки впечатлительный одиннадцатилѣтній Лермонтовъ. Страшная холера въ 1830 году и польское возстаніе въ 1831 также не могли не подѣйствовать на эту страстную и нервную натуру, когда ему было уже 16 лѣтъ, а трагическая кончина любимаго поэта-учителя нанесла душѣ юнаго поэта тяжелую рану. Если къ этимъ мрачнымъ событіямъ присоединить еще гоненіе на университеты и закрытіе благороднаго пансіона, то уже всѣхъ этихъ событій слишкомъ достаточно, чтобы понять, на какой печальный ладъ долженъ былъ настраиваться юноша такого величайшаго, глубокаго ума, наклоннаго къ меланхолическому анализу. Историческій моментъ ярко отразился и на всемъ обществѣ, среди котораго Лермонтову приходилось расти и вращаться. Усиленно развившійся милитаризмъ съ военною выправкой и отсутствіемъ образованія выдвинулъ цѣлый рядъ новыхъ неунывающихъ Скалозубовъ съ безшабашною удаляю, скандальными гусарскими подвигами безстыднаго молодечества вродѣ описанныхъ подвиговъ въ юнкерскихъ стихотвореніяхъ Лермонтова, а понятія объ особенной мундирной чести сдѣлали дуэли изъ-за

всякаго пустяка обычнымъ явленіемъ между военною молодежью. «Я помню,—рассказываетъ М. Н. Лонгиновъ (*Русск. Стар.*, VII, стр. 388),—что Столыпинъ (другъ Лермонтова), къ которому изъ уваженія къ его тонкому чувству чести нерѣдко обращались, чтобъ онъ разсудилъ какой-либо щекотливый вопросъ, возникшій между молодыми противниками, показывалъ мнѣ привезенную имъ изъ-за границы книгу *Manuel de duelliste*. Въ ней описаны были всѣ правила, безъ соблюденія которыхъ поединковъ не могъ быть признанъ состоявшимся по всѣмъ правиламъ искусства. «И что это вы вздумали писать стихи?—говоритъ Лермонтову передъ ссылкой за стихотвореніе *На смерть Пушкина* его начальника.— На это есть поэты, а вы корнетъ: ваше дѣло заниматься своимъ взводомъ». Да, это были уже не тѣ военные мыслящіе люди, которые отличались своимъ образованіемъ въ первую четверть столѣтія, и недаромъ бабушка поэта, на вопросъ, какую карьеру намѣрена она избрать для внука, отвѣчала: «А какую хочетъ, лишь бы не былъ военнымъ» (*Зап. Хвостовой*, стр. 87). А чтобъ видѣть, какъ отражалось это время на обществѣ вообще, довольно прочесть записки поклонницы Лермонтова, Е. А. Хвостовой. Какою страшною пустотой отличается это общество, гдѣ барышни живутъ только балами и нарядами и отъ мертвящей скуки принимаютъ курить трубки и сигары, «но не по вкусу, а оттого, что отъ нихъ дѣлается дурно, можно докуриться до безчувствія и забыться!» (*Зап. Хвостовой*, стр. 109). Постояннѣ ужасаешься, читая какъ въ этихъ мемуарахъ, такъ и въ другихъ запискахъ современниковъ рассказы о дикости нравовъ, невѣжествѣ этого quasi-образованнаго общества, среди котораго пришлось поэту жить и развиваться. Богъ знаетъ, что вышло бы даже изъ самого сангвиника Пушкина, если бы, какъ Лермонтовъ, онъ родился пятнадцатью годами позже.

V.

Если, съ одной стороны, на исключительную натуру Лермонтова повліяло время, въ которое онъ жилъ, то еще болѣе должны были повліять на нее совсѣмъ особые обстоятельства семейныя, воспитаніе и обстановка домашняя *). Домъ бабушки поэта, Арсеньевой, былъ очень богатый, строго-аристократическій, замкнутый, куда допускались только свѣтскіе люди высшаго общества, судя по юношескимъ произведеніямъ Лермонтова, не отличавшіеся умственными интересами и относившіеся съ высокоумнымъ презрѣніемъ ко всему, что не принадлежало къ ихъ кругу. По крайней мѣрѣ, шестнадцатилѣтній поэтъ въ предисловіи къ драмѣ *Странный чело-вѣкъ* говоритъ прямо, что выводитъ въ ней живыя лица, и что изображенное имъ общество «всегда остается для него собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ ненависти къ

*) Въ нашихъ соображеніяхъ о дѣтствѣ и юности поэта мы руководствовались, главнымъ образомъ, извѣстными біографическими статьями о Лермонтовѣ П. А. Висковатого въ *Русской Мысли* 1881, 1882, 1883 и 1884 гг.

тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня». Это не былъ тотъ литературный кругъ не только однихъ свѣтскихъ литераторовъ, В. Л. Пушкина и др., но и лучшихъ нашихъ писателей, какъ Барамзинъ, Жуковский, Дмитріевъ, — кругъ, гдѣ росъ дитя Пушкинъ, слышавшій въ домѣ своихъ родителей литературные разговоры и чтенія различныхъ произведеній поэзіи. Кругъ знакомыхъ бабушки Лермонтова, по-видимому, была та, преимущественно, военная золотая молодежь, которая, кромя кутежей, ухаживанья за дамами, да свѣтскихъ сплетенъ, не интересовалась ничѣмъ. Что же касается барышень, выпрашивавшихъ у поэта-мальчика стихи въ альбомъ и, въ то же время, травившихъ его поддразниваніями и кокетствомъ, то здѣсь, конечно, и рѣчи не могло быть о какомъ-нибудь развивающемъ мальчика элементѣ умственномъ. Прибавьте къ этой пустой жизни чванство своею дворянскою родовитостью и жестокия отношенія къ крѣпостнымъ, ярко рисующіяся въ юношескихъ драмахъ поэта и въ поэмѣ *Сашка*, и, несмотря на всю скудость біографическихъ данныхъ о Лермонтовѣ, можно легко себя представить, какая тяжелая атмосфера нравственная чувствовалась въ домѣ его бабушки. Что былъ за человѣкъ дѣдъ поэта съ материнской стороны, умершій отъ удара въ одномъ изъ домашнихъ маскарадовъ, мы не знаемъ; но бабушка его, вышедшая замужъ уже не молодою, лѣтъ на восемь старше мужа, была женщина выдающаяся. По словамъ біографа Лермонтова, П. А. Висковатаго, приводящаго рассказы знавшихъ ее старушкой, она «была стройна, высока, съ строгими, рѣшительными, но весьма симпатичными чертами лица. Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая рѣчь подчиняли ей общество и лицъ, съ которыми приходилось ей сталкиваться».

Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всѣмъ говорила «ты» и никогда никому не стѣснялась высказать, что считала справедливымъ. Прямой, рѣшительный характеръ ея въ болѣе молодые годы носилъ на себѣ печать повелительности и, можетъ быть, отчасти деспотизма, а строгій и повелительный видъ ея доставилъ ей среди молодежи, товарищей поэта по юнкерской школѣ, прозвище «Мары Посадницы». Если къ этому, очень осторожному отзыву біографа прибавить несомнѣнно носившій біографическій характеръ мрачный образъ деспотки бабушки въ драмѣ *Menschen und Leidenschaften*, написанной подъ впечатлѣніями семейной жизни, то нельзя не признать, что эта женщина, имѣвшая такое вліяніе на всю судьбу поэта, особенныхъ симпатій къ себѣ внушать не могла.

Какова была исторія брака родителей Лермонтова и отношеніе бабушки къ зятю, все это недостаточно разъяснено; но что бракъ этотъ былъ не изъ счастливыхъ, что бабушка деспотически стала между мужемъ и женой съ первыхъ же дней брака и въ значительной степени способствовала своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ жизнь семейному разладу, все это, кажется, не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Точно также мало симпатичнымъ рисуется и отецъ Лермонтова, легкомысленный жульнъ и сластолюбивый самодуръ, заведшій въ своемъ домѣ, при живой женѣ и ре-

бенгѣ, любовницу и при мягкомъ и добромъ, но вспыльчивомъ характерѣ, легко дававшій волю «весьма дикимъ и грубымъ проявленіямъ, несовѣстимымъ даже съ условіями порядочности» (*Русская Мысль* 1881 г., кн. X, стр. 7). Какъ бы то ни было, но ребенокъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ пробужденія сознанія росъ, нервный и болѣзненный, посреди тяжелыхъ семейныхъ сценъ, запечатлѣвшихся въ немъ на всю жизнь. Три образа ближайшихъ къ нему по крови лицъ полагаютъ основу мрачнаго характера его поэзіи. Частью въ неясныхъ очертаніяхъ первыхъ впечатлѣній, частью въ позднѣйшихъ разказахъ домашнихъ, въ его воображеніи вырисовывается симпатичный образъ юной страдальцы матери, такъ рано угасшей. «Въ Тарханахъ,— пишетъ П. А. Висковатый,— долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лѣкарственные снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣшеніемъ и помощью,—помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ, и любовь и горе выплала надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ своего ребенка къ себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортеціано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно; звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему свою нервность» (*Русская Мысль* 1881 г., кн. X, стр. 8). Рядомъ съ этимъ образомъ женщины, такой несчастной, любящей и такъ рано угасшей во цвѣтъ молодости, когда сыну не было еще и трехъ лѣтъ, жигъ въ душѣ ребенка образъ отца, котораго вся дворня называла «добрымъ барыномъ» и который въ свои пріѣзды въ село тещи такъ ласкалъ мальчика и казался такимъ гонимымъ, презираемымъ, и къ которому тщетно старалась поселить неприязнь въ ребенка бабушка, насильно оторвавшая внука отъ отца. Наконецъ, постоянно передъ глазами ребенка была она сама, главная виновница семейнаго разлада, любившая внука до безумія, но въ его душѣ никогда не могшая изгладить симпатіи къ его несчастнымъ родителямъ. Если принять въ соображеніе, что ребенокъ по своей болѣзненности долженъ былъ часто оставаться одинъ; что фантазія и впечатлительность развиты были у него страшно, не трудно представить себѣ, сколько долженъ онъ былъ передумать еще въ раннемъ дѣтствѣ о всякихъ семейныхъ отношеніяхъ, о которыхъ, обыкновенно, не задумываются дѣти. Особенно же потрясающимъ образомъ должна была подѣйствовать на Лермонтова, уже шестнадцатилѣтняго юношу, смерть отца, послѣдовавшая вскорѣ послѣ окончательнаго разрыва послѣдняго съ бабушкой, происшедшаго изъ-за намѣренія отца взять сына къ себѣ и послать его изъ благороднаго пансіона доучиваться въ Германію, между тѣмъ какъ бабушка хотѣла послать внука во Францію. Поставленный между отцомъ, хотя и казавшимся юношѣ несчастнымъ, но, все-таки, болѣе или менѣе ему чуждымъ, и бабушкой, его воспитавшей, Лермонтовъ долженъ былъ выбирать между ними и, выбравъ бабушку, остался у нея. Смерть отца, съ которымъ онъ не успѣлъ даже проститься, поразила поэта тѣмъ болѣе,

то послѣдній могъ считать виновникомъ ускоренія этой смерти до нѣкоторой степени себя. Всѣ эти семейныя тяжелыя отношенія отражаются въ эпическихъ стихотвореніяхъ Лермонтова. Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ въ 1831 г.:

„Ужасная судьба отца и сына—
 Жить розно и въ разлукѣ умереть,
 И жребій чуждаго изгнанника нѣтъ
 На роднѣ съ названьемъ гражданина.
 Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
 Постигнуть ты желанной кончиной!
 Дай Богъ, чтобы какъ твой спокоевъ былъ конецъ
 Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиною!
 Но ты простишь мнѣ! Я-ль виновенъ въ томъ,
 Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
 Огонь божественный, отъ самой колибели
 Горѣвшій въ ней, ограданный творцомъ?
 Однако-жь, тщетны были ихъ желанья:
 Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
 Хотя оба стали жертвою страданья!
 Не мнѣ судить, виновенъ ты или нѣтъ!
 Ты свѣтомъ осужденъ... 'А что такое свѣтъ?—
 Толпа людей, то вѣкъ, то благосклонныхъ,
 Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
 И столькожъ же насмѣшливыхъ клеветъ.
 Далеко отъ него, духъ ада или рая,
 Ты счастливей меня: передъ тобой,
 Какъ море жизни, вѣчность роковая
 Неизмѣримо открылась глубиной.
 Ужели вовсе ты не сожалѣешь ни въ
 О дняхъ, потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,
 О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
 Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
 Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
 Ужели теперь совсѣмъ меня не любишь ты?...
 О, если такъ, то небо не сравню
 Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою!
 Пускай на ней блаженства я не знаю,
 По крайней мѣрѣ, я люблю!“

А вотъ что пишетъ поэтъ въ другомъ стихотвореніи того же года

Стансы:

.....

 „Я сынъ страданья. Мой отецъ
 Не зналъ покоя по конецъ;
 Въ слезахъ угасла мать моя;
 Отъ нихъ остался только я,
 Ненужный членъ въ ширю людскомъ,
 Младая вѣтвь на нѣхъ сухомъ:
 Въ ней соку нѣтъ—хоть зелена,
 Дочь смерти—смерть ей суждена“.

Но особенно ярко выступают эти семейныя отношенія въ драмахъ *Странный человекъ* и *Menschen und Leidenschaften*.

Сильно повліяло на натуру и поэзію Лермонтова совершенно особое воспитаніе, которое, будучи, съ одной стороны, такимъ блестящимъ и во многомъ способствуя раннему развитію таланта, съ другой—поставило его въ ложныя отношенія къ русской жизни и къ немногочисленному интеллигентному кругу, во главѣ котораго стояли Станкевичъ и Бѣлинскій, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, исковеркало и его собственную жизнь, а, можетъ быть, и было главнѣйшею причиною его ранней гибели. Уже съ самаго рожденія внука богатая бабушка окружила его самыми страстными заботами и роскошью и, смотря свысока на незнатнаго и бѣднаго зятя, и на дочь, какъ на ребенка, забрала все воспитаніе въ свои руки, стараясь отстранить въ этомъ случаѣ всякое вмѣшательство родителей. Дочь покорилась и медленно угасала; отецъ подчинился тещѣ, и ребенокъ росъ на рукахъ мамушекъ и бабушки. Но вотъ дочь умираетъ, отецъ совершенно отстраненъ отъ сына, и этотъ ребенокъ всецѣло остается въ ея власти. А власть эта была тѣмъ опаснѣе, что подкладкой ея была любовь самая страстная, чуть не безумная. Потерявъ и мужа, и дочь, старуха вся предалась внуку, какъ единственному дорогому для нея существу, изъ котораго по-своему задумала сдѣлать человѣка. Онъ, и одинъ онъ, еще крошечное существо, сдѣлался сосредоточіемъ всей ея жизни. Его болѣзненность заставляла ее еще болѣе за нимъ ухаживать и съ нимъ возиться, и эта-то постоянная возня съ нимъ, баловство, потворство его капризамъ и были, можетъ быть, главнѣйшими причинами порчи характера мальчика и развитія въ немъ капризности и эгоизма, не смягчаемаго ничьею любящею душой. У Пушкина, рядомъ съ гувернантками и гувернерами, была простая любящая нянюшка и бабушка, согрѣвавшія ребенка; у Лермонтова, кромѣ вѣрнопостной и наемной прислуги, готовой исполнить малѣйшую его прихоть, не было живой души, которая смягчила бы его тяжелый нравъ. Бабушка безумно его любила, но сама была рабой его капризовъ, и какъ ни ухаживала за нимъ, какъ ни носилась съ нимъ, искренней его любви добиться не могла никогда и до конца его жизни осталась къ нему въ какихъ-то ложныхъ, неестественныхъ отношеніяхъ. Была, правда, у Лермонтова какая-то, по словамъ біографа, романтическая нѣмка бонна Ремеръ, очень любившая мальчика; но она умерла, когда ему было одиннадцать лѣтъ, да и едва ли бабушка, очень ревновавшая внука ко всѣмъ, дала бы этому вліянію развиться. Были у него и гувернеры, выучившіе его рано иностраннымъ языкамъ; но не видно между этими людьми ни одного, кто бы имѣлъ на него серьезное вліяніе, кто бы своею личностью оставилъ въ его душѣ прочный слѣдъ. Правда, повліялъ на него гувернеръ Жандро своею симпатіей къ личности великаго Наполеона, но и это вліяніе было довольно мимолетное. Не было въ воспитаніи Лермонтова никакой определенной системы, никакого яснаго плана, никакой цѣли, если не считать цѣлью бабушки сдѣлать изъ внука человѣка блестяще-образованнаго для

свѣта, т.-е. владѣющаго въ совершенствѣ тремя языками, и, по возможности, искусствами, т.-е. музыкой и рисованіемъ. Повидимому, всему этому мальчикъ выучилъ хорошо, предоставилъ въ его распоряженіе лѣтъ съ двѣнадцати цѣлую бібліотеку иностранныхъ писателей, но руководить его чтеніемъ было некому, точно также какъ дать работу и направленіе его уму, предоставленному съ дѣтства самому себѣ. А это было тѣмъ опаснѣе, что мальчикъ росъ совершенно уединенно, уходя постоянно въ себя, въ свою фантазію, во внутреннюю возню съ самимъ собою, въ рановременный анализъ себя самого и окружающаго, въ чемъ ему трудно было разобратся. Бабушка тщательно не только дома, но и въ благородномъ пансіонѣ, и даже въ университетѣ, оберегала его отъ вредныхъ вліяній товарищей изъ иного круга. Она, правда, окружала его сверстниками изъ родственниковъ и аристократическихъ знакомыхъ; но мальчикъ, развившійся чрезвычайно рано, при своемъ необыкновенномъ умѣ, былъ гораздо выше ихъ, ни съ кѣмъ особенно близко не сходялся, относился къ нимъ или съ высокоумнымъ презрѣніемъ, или съ пренебрежительною снисходительностью. Тутъ-то, въ домѣ бабушки, и образовался у него тотъ замкнутый и высокоумный, крайне тяжелый для другихъ характеръ, который впоследствии такъ печаливалъ искренно расположенныхъ къ нему людей, какъ Бѣлинскій и Боденштедтъ, справедливо видѣвшихъ въ немъ крайнюю раздвоенность. Этотъ же характеръ помѣшалъ ему и сойтись въ университетѣ съ кружкомъ Станкевича, оставивъ поэта навсегда въ исключительномъ кругу свѣтскаго, нитъ же самимъ презираемаго общества. При томъ домашнемъ режимѣ, который былъ въ домѣ бабушки, онъ и въ благородномъ пансіонѣ, и въ университетѣ всегда держался въ сторонѣ, какъ аристократъ и баричъ, и эти учебныя занятія не могли имѣть на него того благотворнаго вліянія, которое должны были бы имѣть въ смыслѣ расширенія его умственнаго кругозора и направленія его поэтической дѣятельности. Такимъ же изолированнымъ, заключеннымъ въ самомъ себѣ человекомъ остался онъ и въ юнкерскомъ училищѣ, среди товарищей, и въ гусарскомъ полку, и въ пустомъ свѣтскомъ обществѣ. И здѣсь эта изолированность, можетъ быть, и спасла его отъ пошлости и сохранила талантъ. Воспитаніе, данное ему бабушкой, по справедливому выраженію одного изъ критиковъ, было *французско-татарское*, съ одной стороны, свѣтское, книжное, эстетическое, съ другой—аристократическо-помѣщичье, а искусственное уединеніе въ семьѣ, гдѣ у него не было ни единой близкой души, и въ обществѣ, которое онъ презиралъ, не дали ему возможности ни видѣть, ни искать лучшихъ нравственныхъ общественныхъ стремленій, которыми были проникнуты лучшіе люди общества, какъ Бѣлинскій и писатели сороковыхъ годовъ. Особыя обстоятельства дѣтства и раннее развитіе, при природной геніальности, заставили его слишкомъ близко и слишкомъ рано взглянуть на жизнь во всей ея неприглядности; но воспитаніе не помогло въ этой жизни разобратся. Подъ вліяніемъ книгъ, онъ взглянулъ на тогдашнюю Русь съ точки зрѣнія общечеловѣческаго идеала,

а, можетъ быть, и слишкомъ односторонне и требовательно, и ужасуясь, разразившись проклятіями и осужденіями. Его могла бы спасти исторія и философія; но этого-то и не было. И надо же было случиться, чтобы Лермонтовъ остался въ Россіи, гдѣ такъ и не дополнилъ своего образованія. Что поэтъ еще въ то время сознавалъ недостатокъ правильного воспитанія, на это есть и прямой намекъ въ драмѣ *Странный человекъ*; но у поэта не хватило характера восполнить этотъ недостатокъ самому, а кружку Станкевича такъ и остался онъ чуждъ. Въ концѣ жизни онъ уже сталъ входить въ себя и, можетъ быть, дополнилъ бы образованіе чтеніемъ и сближеніемъ съ людьми иного круга, чѣмъ тотъ, который его окружалъ, тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ былъ еще очень молодъ. Но смерть прервала дальнѣйшее его развитіе. Такимъ образомъ, домашняя обстановка и воспитаніе въ значительной степени парализировали его геній, предоставленннй развиваться самостоятельно. Но ни историческій моментъ, въ который Лермонтову пришлось жить, ни сложныя семейныя обстоятельства, ни обстановка, ни само воспитаніе этого генія, все-таки, совсѣмъ убить не могли, именно потому, что это былъ геній. Такъ, ничто не можетъ остановить сильнаго, неудержимо стремящагося горнаго потока. Онъ можетъ лишиться значительной части своей силы, можетъ принять не то направленіе, уходитъ подъ землю и такъ долго течъ, никѣмъ не видимый; но, все-таки, гдѣ-нибудь, такъ или иначе, онъ пробьется и, выйдя изъ-подъ земли, заявитъ міру о своемъ существованіи. Такъ было и съ Лермонтовымъ, потому что даны ему были силы великія.

VI.

Литературная извѣстность Лермонтова началась только съ 1835 года, когда въ *Библіотекѣ для Чтенія* появилось первое напечатанное его произведеніе *Хаджи Абрекъ*, написанное еще въ юнкерской школѣ въ 1833 году и переданное въ журналъ безъ вѣдома автора товарищемъ послѣдняго, Н. Д. Юрьевымъ. Затѣмъ поэтъ не печатаетъ ничего, и только съ 1837 года, послѣ облетѣвшаго въ рукописи всю Россію стихотворенія *На смерть Пушкина*, онъ продолжаетъ печататься до самой своей смерти, тщательно отдѣлывая тѣ произведенія, которыя считаетъ достойными печати. По этимъ-то произведеніямъ, обнимающимъ четырехлѣтній періодъ поэтической жизни, собственно говоря, какъ намъ кажется, и слѣдуетъ судить о литературномъ и общественномъ значеніи Лермонтова. Все же остальное, не предназначенное самимъ авторомъ или по разнымъ причинамъ неудобное къ печати и составляющее объемистый томъ, представляетъ интересъ, по преимуществу, біографическій въ смыслѣ уразумѣнія его личности и сущности его поэзіи. Это, такъ сказать, личная исторія, замыслы, наброски, планы, подготовительная интимная работа къ тому творчеству, съ которымъ поэтъ готовился предстать передъ современниками. Объ этихъ - то многочисленныхъ произведеніяхъ, составляющихъ гораздо

большую часть изъ всего написаннаго Лермонтовымъ и уже неоднократно разобранныхъ нашею критикою, мы и скажемъ нѣсколько словъ, прежде тѣмъ перейдемъ къ его болѣе зрѣлой дѣятельности.

Минорный, часто крайне мрачный, нѣсколько однообразный тонъ слышится въ этихъ произведеніяхъ даже того отроческаго возраста, когда всего естественнѣе должна была бы быть жизнерадостность или легкая романтическая сентиментальность, какъ это видимъ въ юношескихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Независимо ни отъ какихъ литературныхъ вліяній, это какое-то раненое сердце, которое всегда томится и страдаетъ, ища раздѣленія чувства, и нигдѣ и ни въ комъ его не находитъ; а если случайно и найдетъ, то очень скоро разочаруется въ другѣ, чтобы снова страдать еще тѣмъ сильнѣе. Впечатлительная до болѣзненности, съ необыкновенно яркою фантазіей, эта натура, оскорбленная еще въ раннемъ дѣтствѣ въ своихъ лучшихъ чувствахъ семейными отношеніями, сразу, съ самаго пробужденія творческой силы, становится въ оппозицію и семьѣ, и окружающему обществу, съ высокомернымъ преврѣненіемъ относится къ обиденной дѣйствительности и стремится къ необычайному, грандіозному, къ характерамъ неукротимымъ, цѣльнымъ, дикимъ, необузданнымъ. «Поэтъ, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!»—пишетъ пятнадцатилѣтній мальчикъ:

„Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылка любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
.....

И душно кажется на роднѣхъ,
И сердцу тяжело, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится участь наша,
И быстро злоби ядъ ее мрачить,
И намъ горька остмой жизни чаща,
И ужъ ничто души не веселитъ...“ (Монологъ).

«Моя душа,—говоритъ поэтъ (1831 г., іюня 11),—съ дѣтства искала чудснаго. Я жилъ въ свѣтѣ только минутами, любилъ обольщенья свѣта, но не свѣтъ». Онъ чувствуетъ пылъ возвышенныхъ страстей, и «какой-то невѣдомый пророкъ обѣщаетъ ему безсмертье». «И самъ себѣ я въ тѣпость, какъ другимъ: тоска блуждаетъ на моемъ челѣ, я холодею и горю и даже злымъ кажусь».

„Такъ жизнь скучна, когда боренья гнѣтъ...
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ ни можемъ...
Мнѣ нужно дѣйствовать. Я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣмъ
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значить отдыхать“.

Въ этой кипучей, рано созрѣвшей натурѣ необыкновенно рано проснулася и страсть,—и вотъ любовь къ женщинѣ, пылкая, но безъ раздѣ-

ленья или доставляющая только физическое удовлетвореніе минутное и ничего не дающая сердцу и уму, вызываетъ у поэта цѣлый рядъ произведеній, посвященныхъ женщинамъ, также въ высшей степени сворбныхъ. Эти стихи, требующіе почти всегда отъ любви и внутренняго содержанія, къ сожалѣнію, съ переходомъ поэта въ юнкерскую школу, обращаются въ чисто-эротическіе, доходящіе до цинизма. И такихъ произведеній въ Лермонтовскомъ музеѣ насчитывается до сотни.

Мы уже упомянули, какъ отражалась въ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова семейная исторія. Но и независимо отъ нея, эта натура съ дѣтскихъ лѣтъ мучится, рвется, ищетъ покоя, хоть какого-нибудь разрѣшенія своихъ сомнѣній и возникающихъ въ душѣ вопросовъ о назначеніи жизни, о счастьѣ и о своей роли, какъ поэта, да такъ и остается неудовлетворенною. Только Кавказъ, куда возила поэта десятилѣтнимъ ребенкомъ лечиться бабушка, открылъ Лермонтову нѣкоторое успокоеніе въ величественныхъ картинахъ природы, и эта природа такъ ярко запечатлѣлась въ его воображеніи, что онъ неоднократно воспроизводитъ ее по памяти въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ особенною силой и прелестью дышетъ слѣдующее:

„Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, жнны горы, отторгаю отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.

Какъ сладкую пѣсню отчаянн мой,

Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,

Но мнилось, что въ розовый вечера часъ

Та степь повторала мнѣ памятный гласъ.

За это люблю я вершинн тѣхъ скалъ,

Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горы!

Пять лѣтъ пронеслось—все тоскую по васъ.

Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—

И сердце лепечеть, все помня тотъ взоръ:

Люблю я Кавказъ!“

Хотя біографы и утверждаютъ, что Лермонтовъ учился хорошо, но дѣло въ томъ, что, повидимому, образованіе, даваемое въ благородномъ пансіонѣ, какъ и занятія въ полуторагодовое пребываніе въ Московскомъ университетѣ, парализировалось свѣтскими развлеченіями, а что важнѣе всего—образованіе поэта уже было кончено въ тотъ возрастъ, когда именно и слѣдовало учиться серьезно. Правда, и Пушкинъ закончилъ свое формальное образованіе въ лицей семнадцати лѣтъ, но онъ тщательно заботился его дополнить и всегда относился къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, между тѣмъ какъ Лермонтовъ, не привыкшій къ труду и не сближавшійся съ людьми труда, повидимому, отдавалъ слишкомъ много времени гусарскими кутежамъ и свѣтской жизни.

Біографы говорятъ, что Лермонтовъ въ дѣтствѣ много читалъ и что читанные имъ поэты, особенно Байропъ, имѣли на него очень большое

вліяніе. Посмотримъ же, что читалъ Лермонтовъ и дѣйствительно ли это вліяніе было такъ сильно. До пятнадцати лѣтъ (поэтъ говоритъ самъ) онъ не читалъ почти ничего, точно такъ же какъ и не слышалъ въ дѣтствѣ сказокъ и пѣсенъ, о чемъ впоследствии очень сожалѣлъ, — слѣдовательно, былъ вполне предоставленъ своимъ собственнымъ, рано проснувшимся чувствамъ и богатой фантазіи, не ограничиваемой никакимъ опредѣленнымъ національнымъ или инымъ направлениемъ. У Пушкина были и сказки, и пѣсни, и преданія фамиліи, которыхъ наслушался онъ въ раннемъ дѣтствѣ, и Мольеръ, и хотя легкая французская литература; у Лермонтова ничего этого въ дѣтствѣ не было. Первый толчокъ къ поэтическому творчеству далъ Лермонтову тотъ же Пушкинъ, который поразилъ его именно тѣмъ, что наиболее соответствовало пылкой фантазіи и духу раннего протеста поэта; это были: *Кавказскій пленникъ*, *Братья разбойники*, *Бахчисарайскій фонтанъ*, VI глава *Отъѣзда* и нѣкоторыя мелкія стихотворенія. Но дальнѣйшаго вліянія Пушкина въ Лермонтовѣ не видать. Рано попалъ въ руки его Байронъ, который болѣе всѣхъ другихъ поэтовъ подходилъ къ Лермонтову и по своей біографіи, и по общему характеру, но серьезнаго изученія этого поэта въ Лермонтовѣ незамѣтно также и впоследствии, и вліяніе это было опять-таки только толчкомъ впередъ, и всей глубины и широты міровоззрѣнія общественныхъ и политическихъ идеаловъ англійскаго поэта Лермонтовъ, по своему тогдашнему развитію, какъ и потомъ, едва ли и могъ усвоить. Да и самъ онъ совершенно справедливо говоритъ про себя, что онъ «не Байронъ, а другой, еще невѣдомый избранникъ, какъ онъ, гонимый міромъ странникъ, но только съ русскою душой». И если во всѣхъ этихъ, полныхъ прекраснѣйшихъ частностей восточныхъ поэмахъ юношескаго пера, какъ *Измаиль-Бей*, *Хаджи Абрекъ*, *Демонъ*, и видно байроновское вліяніе, то, вѣдь, не въ нихъ же заключается его національное значеніе. Можно только сказать, что глубоко Байрона онъ не усвоилъ; но, несомнѣнно, великій геній послѣдняго былъ для Лермонтова благотворенъ въ смыслѣ общаго подъема духа и побужденія къ болѣе серьезному творчеству. Замѣчательно также, что, при всемъ своемъ умѣ и любви къ Байрону, Лермонтовъ, повидимому, не усвоилъ себѣ ни *Чамдъ Гаромда*, ни *Донъ-Жуана*, точно также, какъ и политическихъ его драмъ. По крайней мѣрѣ, ни въ письмахъ, ни въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ никакого слѣда этихъ произведеній не видно, можетъ быть, потому, что Лермонтовъ былъ лирикъ по преимуществу.

Былъ въ рукахъ юноши Шатобриановскій романъ *Атала*, изъ котораго онъ думалъ написать трагедію; читалъ Лермонтовъ Плутарха, изъ котораго тоже хотѣлъ создать трагедію *Марій* и *Геронъ*, но замыселъ такъ и остался даже безъ попытокъ исполненія; никакого другого слѣда эти писатели на Лермонтовѣ не оставили. Гораздо важнѣе остановиться на отношеніяхъ юноши Лермонтова къ Руссо, писателямъ нѣмецкимъ и Шекспиру. Замѣчательно, что ни въ ранней юности, ни позже онъ, повидимому, не познакомился съ ними основательно, да и едва ли читалъ

этихъ писателей во всѣхъ ихъ лучшихъ произведеніяхъ; иначе — нельзя себѣ представить, чтобы на такую натуру, какъ Лермонтовъ, они не оказали болѣе серьезнаго вліянія. Такъ, Руссо, котораго онъ читалъ, какъ и Байрона, ранѣе другихъ, вызвалъ у него только, хотя и вѣрную, но нѣсколько пренебрежительную оцѣнку *Новой Элоизы*, да, можетъ быть, способствовалъ легкомысленному отношенію къ цивилизаціи, настоящій смыслъ которой Лермонтову не былъ знакомъ. Гёте понравился только *Вертеромъ*, да нѣсколькими случайными стихотвореніями, наприм., *Горныя вершины*, но ни *Вильгельмъ Мейстеръ*, ни *Германъ и Доротея*, ни драмы, ни даже *Фаустъ* не вызываютъ въ юношѣ ни подражаній, ни даже заимствовъ. Но, положимъ, Гёте своимъ олимпийскимъ спокойствіемъ мало соответствовалъ исключительному настроенію своеобразнаго юноши, пусть даже просто потому самому не понравился; но какъ мало повліяли на Лермонтова и Шиллеръ съ Лессингомъ! Отзвуки этихъ поэтовъ находимъ, по словамъ П. А. Висковатого, въ ранней поэмѣ *Преступникъ* (вліяніе *Донъ-Карлоса*), въ нѣсколькихъ, опять-таки случайныхъ переводахъ изъ Шиллера, въ драмѣ *Испанцы* (изображеніе еврея, его дочери, служанки; отношенія къ евреямъ христіанъ навѣяно чтеніемъ *Натана Мудраго*), въ наброскѣ поэмы *Два брата* (*Мессинская невеста* Шиллера) и въ другихъ юношескихъ драмахъ, изъ которыхъ одна даже названа по-нѣмецки: *Menschen und Leidenschaften*. Вліяніе это во всякомъ случаѣ было очень кратковременное, и, притомъ, относительно Шиллера, кажется, только по преимуществу первыхъ драмъ *Sturm'a* и *Drang'a*, изъ которыхъ, можетъ быть, заимствовалъ Лермонтовъ высокопарныя рѣчи героевъ, ихъ романтическій пафосъ, общій духъ протеста и эффекты. Серьезнымъ же изученіемъ лучшихъ драмъ Шиллера и, тѣмъ болѣе, Лессингомъ поэтъ не занимался вовсе. То же можно, кажется, сказать и о Шекспирѣ, изъ котораго есть у него переводъ сценки вѣдьмъ изъ *Макбета* и о которомъ онъ говоритъ очень вѣрно въ письмѣ къ теткѣ Шангирей (1831 г.) по поводу *Гамлета*. Словомъ, хотя нѣсколько величайшихъ иностранныхъ писателей и было знакомо Лермонтову съ ранней юности, но знакомство это было отрывочное, случайное и поверхностное, считая даже и Байрона. Заняться классическими писателями серьезно въ благородномъ пансіонѣ и въ университетѣ онъ, такъ или иначе, не успѣлъ, а когда съ поступленіемъ въ юнкерское училище онъ, по своему собственному сознанию, «былъ оторванъ отъ цѣлей благородныхъ», въ немъ, еще совсѣмъ не сложившемся юношѣ, явились новые гусарскіе интересы и зазвучали невѣдомые ему дотогѣ фривольные мотивы, вродѣ *Уланши*, *Гостиняля* и *Петергофскаго праздника*. Такимъ образомъ, лишенный образованія, такъ сказать, формальнаго, Лермонтовъ не воспользовался въ юности и тою умиротворяющею челоуѣка мудростью и широтою мировоззрѣнія, которыми восполняется недостатокъ этого образованія, серьезное знакомство съ великими поэтами. Поэтому-то и говорить о томъ, что Лермонтовъ — поэтъ, оторванный отъ русской почвы, только подражательный, что своего у него очень

мало, какъ это утверждалось иными критиками, кажется намъ совершенно несправедливымъ. Лермонтовъ именно гениальный самородокъ, но съ рожденія поставленный въ самыя неблагопріятныя условія развитія, изъ которыхъ хуже всего была аристократическая замкнутость крѣпостническаго барства и отсутствіе серьезнаго труда по отношенію къ саморазвитію.

Развитіе Лермонтова, съ которымъ поступилъ онъ въ инженерскую школу, было только поверхностное, книжное, теоретическое и слишкомъ беспорядочное: жизнь русскую зналъ онъ слишкомъ мало и судилъ о ней только по тому, что видѣлъ въ домѣ бабушки и въ аристократической средѣ, въ которой вращался. Но къ тому, что онъ видѣлъ, равнодушенъ онъ не остался, и въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, которыхъ онъ впоследствии не обрабатывалъ, и которыя не могли бы пройти въ печать при тогдашней цензурѣ, онъ затрогивалъ и ставилъ ребромъ такіе серьезные вопросы, которые стали трактоваться въ нашей художественной литературѣ уже послѣ Лермонтова, въ сороковыхъ годахъ, и особенно съ наступленіемъ новаго царствованія. Таковы вопросы о борьбѣ двухъ поколѣній въ патріархальной семьѣ, о крѣпостномъ правѣ, какъ рабовладѣнціи, о свободѣ чувства, ханжествѣ и невѣжествѣ. Все это, конечно, отчасти, можетъ быть, и подсказано Байрономъ и другими писателями, но въ пьесахъ и исторической повѣсти, представляющей особенный интересъ, все наше кровное, русское.

Какъ юношескія драмы, такъ и повѣсть относятся къ кратковременному пребыванію Лермонтова въ Московскомъ университетѣ (1830 и 1831 гг.), слѣдовательно, когда поэту было всего какихъ-нибудь 16—17 лѣтъ. Оставляя романтическую, полную ужасовъ трагедію *Испанцы*, любопытную гуманнымъ отношеніемъ автора къ евреямъ и выдвигаемымъ вопросамъ объ отношеніяхъ сословій, скажемъ объ остальныхъ пьесахъ и повѣсти, для того, чтобы показать, какіе серьезные и широкіе замыслы были у этого юноши въ тотъ возрастъ, когда его поэтический предшественникъ, Пушкинъ, не писалъ еще почти ничего, кромѣ эротическихъ и анакреонтическихъ стиховъ и летучихъ эпиграммъ.

Въ первой драмѣ, названной почему-то по-нѣмецки, *Menschen und Leidenschaften*, передъ нами помѣщица старуха Громова, жестокая скаредница и ханжа, съ ея довѣренною—подколодною змѣей Домной. Страшные помѣщичьи нравы выставлены во всемъ ихъ ужасѣ. Старуха бьетъ по щекамъ своихъ крѣпостныхъ, велятъ пороть на конюшнѣ за разбитую чашку несчастнаго поваренка, въ то же время, читая вмѣстѣ съ Домной евангельскія слова о милосердіи. Эта женщина, полная несокрушимой деспотической воли, яркая представительница стариннаго барскаго семейнаго режима, въ основаніи котораго сконидомство, эгоизмъ и несокрушимая жестокость и лицемеріе. «Зятя зазнаются,—говоритъ она,—внуки уничаютъ, молодежь никого не слушается. Не такъ было въ наше время... Бывало, какъ меня свекровь тузила... я все молчу, и вымолчалась... Нынче все наше русское богатство, все золото праѣдковъ идетъ не на образа, а къ басурманамъ французамъ... Какъ посмотришь на нынѣшній

свѣтъ, такъ и вздрогнешь: дѣвушки съ мужчинами въ однѣхъ комнатахъ сидятъ, говорятъ, индо мнѣ старухѣ за нихъ стыдно... Перемѣнились рускіе...» Полная невѣжественной боязни науки, просвѣщенія, она приходитъ въ ужасъ отъ предложенія послать своего внука учиться въ Германію философіи, и несчастный юноша, съ совершенно убитою волею, парализованной эгоистическою своею воспитательн. цѣй, гибнетъ жертвою страшнаго семейнаго раздора между бабушкой и отцомъ, на сторону котораго у него не хватило силъ стать.

Въ другой драмѣ, *Странный человекъ*, передъ нами опять яркая картина ужасовъ грѣбостнаго права, раскрывающаяся въ разсказѣ мужика, пришедшаго къ молодому барину: съ униженною мольбой купить деревню, чтобы спасти ее отъ жестокостей барыни. «Меня, старика,—говоритъ мужикъ,—прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяться тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ»... «Вѣ-Богу, баринъ, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако, пришелъ конецъ, хоть въ воду»... «Дѣлаетъ госпожа, что вздумается ей милости. Свѣчетъ за всякую малость, а чаще безъ вины». «Разъ какъ-то баринъ донесли, что, дескать, Ѳедька дурно про нее говорить и хочеть въ городъ жаловаться. Вотъ она и приказала руки ему вывертывать на стангѣ... Ѳедька и сталъ безрукій»...

«— Да что же, въ самомъ дѣлѣ,—прерываетъ мужика одинъ изъ слушающихъ разсказъ молодыхъ людей,—кто-нибудь изъ сосѣдей, или исправникъ, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это у насъ есть судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть!»

«— Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей!—отвѣчаетъ мужикъ.— У барыни всѣ судьи подкуплены нашимъ же оброкомъ... Разъ барыня разсердилась, такъ ножницами и кольнула одну изъ дѣвушекъ... А то бороду велитъ щипать волосокъ по волоску».

Въ той же драмѣ, какъ бы для контраста съ этими ужасами, въ которыхъ изнываетъ народъ, рисуется легкомысленное барство въ видѣ кутежа той части свѣтской студенческой молодежи изъ помѣщичьихъ сынковъ, въ которой Лермонтовъ вращался будучи въ университетѣ и которую въ пятидесятыхъ годахъ обрисовалъ такъ ярко гр. Л. Н. Толстой въ своей *Юности*. Не менѣе жалкими выставлены въ драмѣ и женщины. «Вы слишкомъ вольно говорите! Вы смущаете семейственную тишину!»—замѣчаетъ герою пьесы Владиміру на его горячую тираду о пошлости нашей семьи и стремленію къ наживѣ барышня Наташа. Пошлость, ложь и обманъ въ супружескихъ отношеніяхъ и дрянность свѣтской женщины рисуются въ драмѣ *Два брата*. «Ты не мученица добродѣтели, — говоритъ Александръ замужней Вѣрѣ,—ты не жертва страсти и обмана,—ты просто слабая, вѣтренная, непостоянная женщина, вздумавшая, по своей прихоти, располагать судьбой трехъ человекъ!» «На лицѣ твоёмъ будетъ играть улыбка, въ волосахъ будутъ блистать жемчугъ и брилліанты, а на сердцѣ твоёмъ будетъ пусто и темно!»

Повѣсть, впервые напечатанная въ *Вѣстникъ Европы* 1843 г., № 10, и относящаяся, по мнѣнію г. Ефремова, приблизительно также къ 1831 г., самая объемистая изъ всѣхъ юношескихъ произведеній Лермонтова, мелодраматичная по многимъ подробностямъ, наивно-ходульная въ изображеніи страстныхъ сценъ и злодѣйствъ. Тѣмъ не менѣе, она представляетъ большой интересъ, какъ первая попытка въ нашей литературѣ изобразить Пугачевскій бунтъ, вызванный угнетеніемъ крестьянъ. По словамъ В. И. Сажинскаго, она могла быть навѣяна преданіями, слышанными поэтомъ на родинѣ, а никакъ не литературой, такъ какъ *Исторія Пугачевскаго бунта*, Пушкина явилась только въ 1835 г., а *Кавказская дочка* въ 1836 г. Повѣсть составляетъ какъ бы заключеніе перваго періода литературной дѣятельности Лермонтова. Это какъ бы попытка развернуть уже цѣлую картину ужаснаго состоянія народа подъ игомъ крѣпостнаго права и звѣрскіе ожесточенные нравы, нашедшіе себѣ выходъ въ безобразной стихійной мести. Потому ли, что поэтъ не предполагалъ увидѣть подобное произведеніе въ печати, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, но повѣсти этой, къ сожалѣнію, не кончилъ. Однако, и по уцѣлѣвшей части, принимая во вниманіе юность автора и протекающіе отсюда указанные недостатки, можно видѣть, насколько эта вещь, даже въ теперешнемъ своемъ видѣ, серьезно ставитъ крестьянскій вопросъ. А кромѣ того, она представляетъ нѣсколько прекрасныхъ сценъ народной расправы, какъ убійство помѣщицы или послѣдняя сцена пытки ховякии постоялаго двора и ея вѣдота сына, не говоря уже объ описаніи монастыря, нищихъ и самой толпы, готовой подняться по первому незначительному поводу. Во всѣхъ указанныхъ юношескихъ произведеніяхъ, кромѣ интереснаго и живаго матеріала въ изображеніи русской жизни, есть еще одна сторона, весьма любопытная, тѣмъ болѣе въ такомъ раннемъ юношѣ. Это—противупоставленіе пошлой или безобразной жизни личности протестующей, никогда съ этою жизнью не мирящейся и этимъ противорѣчіемъ съ своими нравственными требованіями страдающей. Какъ въ дѣтскихъ попыткахъ, въ поэмахъ изъ кавказской жизни, эта личность воплощается въ разныхъ чересахъ или фантастическомъ, неопредѣленномъ *Демонѣ*, такъ въ этихъ драмахъ и въ повѣсти она выступаетъ уже облеченная въ болѣе ясную національную форму. Таковы въ *Испанцахъ*—Фернандо, въ *Mensch und Leidenschaft*—Юрій, въ *Странномъ челоѣкѣ*—Владиміръ, въ *Духъ братья*—Александръ, въ повѣсти *Горбунъ*—Вадимъ. Положимъ, во всѣхъ этихъ лицахъ всего болѣе видѣнъ самъ поэтъ съ его семейными отношеніями; допустимъ, что и Байронъ, всюду выставляющій также героя, повліялъ на Лермонтова. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что во всѣхъ этихъ лицахъ несомнѣнно отразился тотъ же протестующій, очень еще немногочисленный, одинокій русскій интеллигентъ, который выступилъ у Грибоѣдова въ Чацкомъ во имя благороднаго заступничества за права челоѣка. Въ гораздо болѣе слабой степени появился было этотъ интеллигентъ въ первыхъ поэмахъ Пушкина и отчасти даже

въ Онѣгинѣ, и только у Лермонтова, который былъ и по натурѣ, и по обстоятельствамъ жизни самъ протестантъ *durch und durch*, этотъ интеллигентъ долженъ былъ выступить, и въ самомъ дѣлѣ выступилъ, всего ярче и рѣзче. Это прямо обозначилось въ указанныхъ нами юношескихъ произведеніяхъ; но, къ сожалѣнію, подобная протестующая личность не могла явиться у Лермонтова потому, уже по условіямъ цензурнымъ, и по-эту оставалось только осмѣять одного, единственно возможнаго въ печати комическаго протестанта Печорина, котораго онъ называлъ зло—героемъ нашего времени.

Такимъ образомъ, считая юнкерскую школу, имѣвшую для поэта такое фатальное значеніе, нѣкоторымъ образомъ, гранью между подготовительнымъ періодомъ и печально-кратковременною дѣятельностью, мы видимъ, что, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, въ Лермонтовѣ уже въ 16 — 17 лѣтъ образовался такой глубокой и серьезный писатель, соединившій съ громаднымъ талантомъ вполне опредѣленное направленіе, какого другаго у насъ до него не было. Недостатки же свои Лермонтовъ понималъ вполне, и вотъ какъ въ 1831 г. въ драмѣ *Странный человекъ* характеризуетъ онъ самого себя подъ именемъ Владимира Арбенкина отъ лица одного изъ гостей: «Онъ часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь. Но если онъ и показывался иногда веселымъ, то это была только личина. Какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу беспокойную, и какая-то глубокая печаль съ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего это произошло. Его сердце созрѣло прежде ума. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападений, ни равнодушно переносить ихъ. Его насмѣшки не дышали веселостью: въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества. Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особенно, когда трогали его самолюбіе. У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза: есть глубокія мысли и огненные чувства. Я увѣренъ, что если бы страсти не разрушили его такъ скоро, онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытѣ видѣнъ гений».

Викторъ Острогорскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новая біографія Мирабо.

(Das Leben Mirabeaus von Alfred Stern. Berlin, 1889).

Въ столѣтнюю годовщину великой французской революціи особенно несчастливо случилось первому ея крупному дѣятелю, знаменитому графу Мирабо, о которомъ въ 1889 году вышло въ свѣтъ два большихъ историческихъ труда, одинъ по-французски, другой по-нѣмецки. Одинъ изъ нихъ, томъ въ 730 страницъ, представляющій собою жизнеописаніе Мирабо до начала революціи, является продолженіемъ капитальной работы о родѣ Мирабо, предпринятой нѣсколько лѣтъ тому назадъ академикомъ Луи де-Ломени: смерть автора, успѣвшаго окончить два первые тома этой работы, лишь на время приостановила ея продолженіе, такъ какъ его сынъ, Шарль де Ломени, взялъ на себя трудъ довести начатое дѣло до конца, и вотъ въ позапрошломъ году поступилъ въ продажу указанный томъ, въ которомъ заключается біографія самаго знаменитаго изъ всѣхъ Мирабо. Такимъ образомъ, Мирабо-отецъ, такъ называемый «другъ людей», біографія коего входитъ въ составъ первой части всей работы, и Мирабо-сынъ, герой революціи, нашли своихъ историковъ въ отцѣ и сынѣ Ломени. Последнему остается только выпустить четвертый томъ общаго предпріятія, который будетъ заключать въ себѣ біографію Мирабо уже во время революціи. Если первый томъ работы Ломени-сына, доводящій біографію Мирабо почти до самаго 1789 г., подоспѣлъ къ столѣтней годовщинѣ событія, сдѣлавшаго Мирабо крупною историческою личностію, то нужно желать, чтобы къ столѣтней годовщинѣ со дня смерти великаго трибуна, скончавшагося, какъ извѣстно, 2 апрѣля 1791 года, вышла въ свѣтъ и та часть работы, въ которой должна быть изображена дѣятельность Мирабо въ національномъ собраніи. Читателямъ *Русской Мысли* уже былъ данъ отчетъ о сочиненіи Шарля де-Ломени однимъ изъ рецензентовъ „Библиографическаго отдѣла“ (*Русская Мысль* 1890 г., в. IV), и въ настоящей зашѣткѣ мы остановимся только на другой біографіи Мирабо, принадлежащей перу Альфреда Штерна, профессора исторіи въ цюрихскомъ федеральномъ политехникумѣ. Появленіе этого труда въ 1889 г., повидимому, не было случайностію: наступленіе столѣтней годовщины 1789 г., вообще оживившее интересъ къ изученію

исторіи переворота, который унесъ съ собою «старый порядокъ» во Франціи, могло внушить и почтенному цюрихскому профессору мысль заняться біографіей Мирабо, игравшаго столь видную роль въ событіяхъ того времени, да и самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ прямо заявляетъ, что слѣдовало «*bei der hundertjährigen Wiederkehr der grossen Erinnerungstage des dämonischen Mannes nicht zu vergessen*». Сочиненіе Штерна, состоящее изъ двухъ томовъ по 320 страницъ каждый, содержитъ въ себѣ полную біографію Мирабо, раздѣленную на двѣ части — до революціи и во время революціи. Когда будетъ оконченъ трудъ Ломени, мы будемъ имѣть, такимъ образомъ, двѣ капитальныя работы объ одной изъ главныхъ историческихъ фигуръ французской революціи, и тогда будетъ удобно на основаніи новыхъ изысканій познакомить читающую публику съ замѣчательною личностью, уже столько разъ привлекавшею къ себѣ вниманіе историковъ и, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ остающеюся во многихъ отношеніяхъ психологическою загадкой. Пока мы ограничиваемся нѣсколькими замѣчаніями не о самомъ Мирабо, а объ указанной о немъ книгѣ, которая, конечно, найдетъ читателей среди не одной нѣмецкой публики.

Трудъ проф. Штерна имѣетъ характеръ самостоятельнаго изслѣдованія, произведеннаго на основаніи документальныхъ источниковъ: не ограничившись изученіемъ работъ своихъ предшественниковъ и всего печатнаго матеріала, касающагося Мирабо, авторъ предпринялъ архивныя разысканія въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Невшателѣ и Женевѣ, павшія ему немало интереснаго матеріала, изъ котораго кое-что онъ помѣстилъ въ видѣ *résumé justificatives* въ приложеніяхъ къ обоимъ томамъ своего труда. Впрочемъ, по количеству неизданныхъ источниковъ, вошедшихъ въ работу, сочиненіе Штерна значительно уступаетъ книгѣ Ломени, получившаго громадное количество матеріала въ наслѣдство отъ своего отца и умножившаго его своими собственными разысканіями. Можно даже сказать, что во многихъ отношеніяхъ нѣмецкій біографъ Мирабо прямо зависитъ отъ французскаго. Дѣло въ томъ, что Ломени предпослалъ своему труду рядъ отдѣльныхъ статей о Мирабо, которыми Штернъ, какъ самъ онъ признается, широко воспользовался: пишущему эти строки пришлось прочесть оба труда одинъ за другимъ, французскій прежде нѣмецкаго, и при чтеніи перваго тома біографіи, написанной Штерномъ, весьма легко было отмѣчать тѣ мѣста книги, гдѣ зависимость Штерна отъ Ломени совершенно очевидна. Кромя того, въ своемъ предисловіи первый благодаритъ второго за устные и письменныя сообщенія, которыя онъ ему дѣлалъ, за критическія замѣчанія, присланныя французскимъ историкомъ на корректурныхъ листахъ книги во время ея печатанія. Впрочемъ, и Штернъ не остался въ долгу передъ своимъ корреспондентомъ: и Ломени для своей работы имѣлъ не разъ случай воспользоваться указаніями, какія ему дѣлалъ Штернъ. Сравнивая, кстаті, объ біографіи Мирабо, должно отмѣтить, что изложеніе Ломени является, такъ сказать, болѣе громоздкимъ, благодаря именно массѣ сырого матеріала, включеннаго въ текстъ: подаромъ французская біографія

объясняет превосходить размерами немецкую больше, нежели в два раза, причем еще значительную часть немецкой биографии занимают главы, посвященные предкамъ и родителямъ Мирабо и опирающіяся на работы Ломени-отца. Что касается каждаго тома книги Штерна въ отдѣльности, то второй, несомнѣнно, гораздо болѣе самостоятеленъ, чѣмъ первый, такъ какъ для него авторъ уже не имѣлъ такого подспорья, каковымъ были для перваго тома упомянутыя статьи Ломени-сына *). Кроме того, этотъ второй томъ имѣетъ значеніе какъ бы совершенно отдѣльнаго сочиненія, излагающаго событія французской революціи съ мая 1789 г. по мартъ 1791 года: дѣятельность Мирабо въ эти два года была такъ кипуча, многостороння, вліятельна, что въ рамки его жизнеописанія съ удобствомъ вкладывается исторія цѣлаго періода французской революціи. Поэтому въ числѣ книгъ, рассказывающихъ исторію великаго переворота, не можетъ оставаться неотмѣченнымъ второй томъ биографии Мирабо, написанной Штерномъ, тѣмъ болѣе, что, сосредоточивая изложеніе событій около центральной фигуры, авторъ волей-неволей долженъ былъ касаться такихъ сторонъ дѣла, которыя часто ускользали отъ вниманія общихъ историковъ эпохи, и выводить на сцену людей, принимавшихъ участіе въ политической борьбѣ только благодаря тому, что ихъ трудами пользовался Мирабо, довольно часто, какъ извѣстно, загребавшій жаръ чужими руками. Весьма нерѣдко сосредоточеніе историческихъ событій около одной личности, принимавшей въ нихъ участіе, влечетъ за собою ошибочное преувеличеніе ихъ значенія въ описываемыхъ событіяхъ, но Штернъ не заслуживаетъ упрека съ этой стороны: скорѣе можно думать, что общее его историческое міросозерцаніе покоится на тезисѣ, діаметрально противоположномъ признанію за личностью силы и способности вліять на ходъ событій, что, конечно, должно было его спасти отъ какихъ бы то ни было преувеличеній въ изображеніи дѣятельности Мирабо. Притомъ, самый неуспѣхъ политическихъ плановъ и предпріятій великаго трибуна способенъ скорѣе приводить къ мысли о тщетности индивидуальныхъ попытокъ отвращать теченіе исторіи отъ естественнаго русла, хотя это не мѣшало нѣкоторымъ историкамъ высказывать увѣренность, что Мирабо былъ единственный человекъ, который могъ консолидировать пріобрѣтенія революціи и предотвратить слѣдовавшія за его смертью потрясенія государства.

Личность Мирабо интересна въ двухъ отношеніяхъ: въ историческомъ и въ психологическомъ. Историческій интересъ къ его личности возбуждается, конечно, тою выдающеюся ролью, какую Мирабо игралъ въ началѣ революціи, тою оцѣнкой, какую онъ дѣлалъ положенію вещей, ходу событій, людямъ, принимавшимъ въ нихъ участіе, тѣми, наконецъ, политическими планами, осуществленіе коихъ, по его мнѣнію, только и могло установить

*) Самъ Штернъ указываетъ только на зависимость перваго тома отъ работъ Ломени: „Wie viel der deutsche Biograph Mirabeaus den Arbeiten schuldet, die den Namen Loménie tragen, wird jedes Kapitel des ersten Bandes der nachfolgenden Darstellung beweisen“.

во Франціи конституціонную монархію, упрочить новый общественный строй и спасти страну отъ анархіи. Съ этой точки зрѣнія Мирабо интересенъ для историка не только въ ту пору, когда совершалась его дѣятельность въ національномъ собраніи, но и въ пору, когда происходила въ немъ такъ сказать, подготовка будущаго политическаго борца. Особенно, разумѣется, любопытны его теоретическія воззрѣнія въ области политики, его взгляды на современное положеніе вещей передъ революціей, его предсказанія, касавшіяся будущихъ генеральныхъ штатовъ, его стремленіе къ политической дѣятельности въ то еще время, когда никто не предвидѣлъ событій 1789 г.: историческій матеріалъ, оставшійся отъ Мирабо и Штерна, позволяетъ его биографу прослѣдить, какъ складывались его политическія воззрѣнія и стремленія, когда ничто еще не указывало на событія, которыя открывали передъ честолюбивымъ Мирабо и его поразительно жаждущимъ дѣятельности самыя широкіе горизонты. Быть можетъ, Штерну въ этомъ слѣдовало бы нѣсколько подробнѣе, нежели онъ это сдѣлалъ, остановиться на тѣхъ политическихъ идеяхъ, которыя сложились у Мирабо въ 1789 г. подъ вліяніемъ и жизненнаго опыта, и читавшихся имъ книгъ. Быть можетъ также, что Штерну не мѣшало бы рельефнѣе отбѣнить обстоятельство, что основные элементы политической программы Мирабо въ 1789—91 годахъ уже заключаются въ его теоретическихъ воззрѣніяхъ предъидущихъ лѣтъ. Чтобы выдвинуть все это на первый планъ, на имя Штерна мы, быть можетъ, пожертвовали бы нѣкоторыми подробностями личной судьбы Мирабо, хотя и онъ опять-таки очень любопытенъ въ историческомъ же отношеніи: семейная хроника Мирабо содержитъ въ себѣ массу матеріала для характеристики нравовъ французскаго общества въ XVIII вѣкѣ, такъ что Ломени-отецъ имѣлъ полное право рассмотреть свой трудъ *Les Mirabeau*, какъ «études sur la société française au XVIII siècle». Впрочемъ, въ своей биографіи Штернъ, повидимому, поставилъ себѣ за дѣло прослѣдить шагъ за шагомъ жизнь Мирабо, слѣдуя чисто-хронологическому порядку, что и мѣшало ему при разсмотрѣніи болѣе раннихъ фактовъ упоминать на ихъ значеніе для фактовъ позднѣйшихъ, а при разсмотрѣніи послѣднихъ ссылаться на факты болѣе ранніе: ему некогда, такъ сказать, останавливаться, чтобы подводить итоги подъ предъидущимъ и намѣтивъ послѣдующее, онъ считаетъ излишнимъ сближать однородныя черты и равныхъ моментовъ для того, чтобы дать болѣе или менѣе ясную характеристику главнаго героя своей книги, и все это онъ предоставляетъ дѣлу самому читателю, давая ему массу интересныхъ фактовъ, характеризующихъ нравы французскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка, и личность самого Мирабо, и его политическіе взгляды и стремленія, и его участіе въ событіяхъ революціонной эпохи, но какъ бы остерегаясь отъ того, чтобы высказать собственное сужденіе о человѣкѣ и объ его исторической роли, которое касалось бы не отдѣльныхъ его дѣйствій и намѣреній, а самаго его существа. Я не говорю, чтобы читатель не вынесъ изъ книги Штерна никакого общаго представленія объ историческомъ значеніи Мирабо, но

общее представленіе приходится ему создавать себѣ самому, такъ какъ авторъ на всемъ протяженіи двухъ томовъ заставляетъ говорить самыя факты, взятые въ ихъ хронологической послѣдовательности. Совершенно такъ же (и это, конечно, вполне послѣдовательно) исполняетъ онъ то, что можно назвать психологическою стороною въ задачѣ каждаго біографа, изображающаго какую бы то ни было историческую личность: изъ массы фактовъ, которые онъ могъ бы втиснуть въ свое изложеніе, онъ съ большаго искусствомъ выбираетъ наиболѣе характерныя, давая такимъ образомъ читателю готовый матеріалъ для характеристики Мирабо, какъ личности съ известнымъ темпераментомъ, талантомъ, умственнымъ и нравственнымъ строемъ, но не давая самой характеристики. Между тѣмъ, личность Мирабо, какъ мы сказали, кромѣ интереса историческаго, способна возбуждать интересъ и психологическій: его способности и пороки, его великодушныя стремленія и недостойныя слабости, то обаяніе, которое онъ производилъ на людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, и то недовѣріе, которое онъ, тѣмъ не менѣе, встрѣчалъ съ разныхъ сторонъ, — все это дѣлаетъ личность Мирабо весьма мудреною для пониманія, весьма трудною для характеристики, и уже самое разногласіе, существующее въ приговорахъ о немъ современниковъ и потомства, указываетъ на то, что передъ біографомъ находится здѣсь весьма нелегкая задача. Самъ Штернъ въ концѣ своего предисловія заявляетъ, что въ предметѣ его книги содержится своего рода психологическая проблема, «wie sich so viel Monstrosität des Menschlichen mit so viel politischem Genius verbinden konnte»; но, поставивъ себѣ задачу начертать образъ (ein Lebensbild), «который, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ былъ бы далекъ отъ дѣйствительности», онъ понялъ свою задачу только въ смыслѣ точнаго воспроизведенія отдѣльныхъ чертъ, не забавившись о томъ, чтобы творчески соединить ихъ въ одно цѣлое и, ознакомивъ съ предметомъ по частямъ, дать и цѣлое его изображеніе, болѣе выпуклое и ярче освѣщенное. Читатель былъ бы гораздо болѣе удовлетворенъ по прочтеніи книги, — самой по себѣ, все-таки, интересной, — особенно тогда, если бы Штернъ пошелъ еще далѣе, если бы сміялъ вообще такую психологическую характеристику Мирабо съ историческою характеристикой его политической роли; быть можетъ, читатель и не согласился бы съ тѣмъ или другимъ въ такой характеристикѣ, но она облегчила бы ему составленіе собственнаго взгляда на историческую личность и ея жизненную роль, такъ какъ вполне самостоятельная обработка такихъ приговоровъ, хотя бы и на основаніи искусно выработанныхъ фактовъ, дѣло нелегкое, особенно ежели приходится сочетать точки зрѣнія психолога и историка, подходящихъ къ одному и тому же предмету съ разныхъ сторонъ. Весьма вѣроятно, что если бы Штернъ не уклонился отъ того, чтобы и самому почаще выступать съ собственными сужденіями и приговорами, а не заставлялъ почти всегда говорить только одни факты, какъ бы краснорѣчивы они ни были, его общій выводъ изъ всей книги былъ бы содержательнѣе той формулы, въ которой мы позволяемъ себѣ видѣть «мораль

басни». На послѣдней страницѣ второго тома авторъ разсуждаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. У каждого, кто окидываетъ однимъ взоромъ жизнь Мирабо, являются два вопроса: о судьбѣ самого Мирабо (сложись его молодость иначе) и о ходѣ революціи (не умри онъ такъ безвременно), — и смѣльчаки рѣшались отвѣчать на эти вопросы, но обязанность (Ami) историка лишь въ томъ, чтобы узнать дѣйствительно случившееся, а изъ сопоставленія силы событій и безуспѣшности стремленій генія онъ можетъ быть склоненъ вывести только то заключеніе, что «желѣзная необходимость событій въ общемъ и цѣломъ сильнѣе дѣйствующей въ противность имъ волѣ сильнѣйшей единицы». Не касаясь пока вопроса о вѣрности или невѣрности этого вывода, мы не можемъ не назвать его слишкомъ тощимъ въ сравненіи съ тѣмъ обиліемъ собраннаго Штерномъ матеріала, который самъ напрашивается на болѣе содержательныя обобщенія: и объективныя данныя обоихъ томовъ книги, и частныя соображенія автора, вызванныя нѣкоторыми отдѣльными фактами, позволяютъ, — даже вовсе не прибѣгая къ смѣлымъ гаданіямъ о томъ, что было бы, если бы и т. д., — установить болѣе опредѣленный общій взглядъ на Мирабо, какъ на человѣка и какъ на политическаго дѣятеля, указавъ, между прочимъ, и на то, какія причины, лежавшія въ самой личности Мирабо, мѣшали ему сдѣлаться тѣмъ, къ чему онъ стремился и на что имѣлъ всѣ права по своему политическому таланту, и отмѣтивъ, что проиграла Франція вследствие неосуществленія политическихъ плановъ Мирабо, которымъ и Штернъ не отказываетъ, по крайней мѣрѣ, въ вѣрности пониманія того положенія, въ какомъ находились дѣла, и въ прощательности относительно будущаго. Ссылка на силу событій — общее мѣсто: если планы Мирабо не увѣнчались успѣхомъ, то причины этого заключались не въ однихъ внѣшнихъ по отношенію къ Мирабо обстоятельствахъ, создававшихъ ходъ событій, но и въ собственномъ поведеніи Мирабо, которое тоже участвовало въ созиданіи этого хода наравнѣ съ поведеніемъ другихъ лицъ, игравшихъ ту или другую роль на тогдашней исторической сценѣ, происходило ли дѣйствіе во дворцѣ или въ якобинскомъ клубѣ, въ національномъ собраніи или на городскихъ улицахъ. Въ собственной книгѣ Штерна ходъ событій вовсе не является единымъ и нераздѣльно царящимъ въ исторіи рокомъ. Пристальное изученіе имъ дѣятельности Мирабо во всѣхъ подробностяхъ и на основаніи документовъ, изученіе ея въ связи съ оцѣнкою, какую онъ дѣлалъ поведенію другихъ лицъ, и съ оцѣнкою, какую послѣднія дѣлали его поведенію, должно было привести автора къ пониманію того, что ходъ событій создавался не самъ собою, что событія складывались подъ вліяніемъ отдѣльныхъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ, что разъ Мирабо принималъ въ нихъ большое участіе, его поступки опредѣляли ихъ ходъ и не только тогда, когда онъ достигалъ своихъ цѣлей, но и тогда, когда именно его-то участіе при извѣстномъ къ нему недовѣрїи и портило то самое дѣло, ради котораго онъ напрягалъ всѣ усилія. Штернъ въ своей книгѣ достаточно анализировалъ и полити-

ческую деятельность Мирабо, и главные события эпохи для того, чтобы съ полнымъ правомъ, охватывая жизнь Мирабо однимъ взглядомъ, резюмировать ея историческій смыслъ въ такой формулѣ, которая дѣйствительно была бы выводомъ изъ изученія этой жизни, а не была бы общимъ мѣстомъ, способнымъ имѣть тысячи приложений. Притомъ, идея, что «die eberne Notwendigkeit der Ereignisse im ganzen und grossen ist stärker als der entgegenstrebende Wille des stärksten Einzelnen», въ качествѣ общаго вывода, играетъ скорѣе роль предвзятой мысли, руководившей Штерномъ, когда онъ приступалъ къ изученію жизни Мирабо: ссылка на эту общую формулу, кажется намъ, и помѣшала автору биографіи Мирабо произвести болѣе тонкій анализъ, результатомъ коего могъ бы быть только болѣе содержательный приговоръ объ историческомъ значеніи этого политическаго дѣятеля. Именно Штерну слѣдовало бы внимательнѣе отнестись къ вопросу о томъ, почему воля Мирабо стремилась дѣйствовать въ противность ходу событій, въ чемъ и почему между ними заключалось противорѣчіе, что обуславливало неуспѣхъ Мирабо, несмотря на его почти пророческую проницательность, его энергію, обаятельность его личности, его популярность. И тѣмъ болѣе было бы послѣдовательно со стороны Штерна это сдѣлать въ одномъ общемъ итогѣ, что онъ именно такъ и поступаетъ, когда ему приходится касаться единичныхъ намѣреній и поступковъ своего героя.

При всемъ нашемъ уваженіи къ чисто-ученой сторонѣ сочиненія Штерна, мы самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаемъ противъ историко-философской концепціи, подсказавшей ему такой тощій выводъ относительно ея политической дѣятельности Мирабо и, какъ намъ кажется, отклонившей его отъ болѣе тонкаго анализа фактовъ, который только и могъ привести его къ болѣе содержательному résumé. Въ области исторіи нельзя работать безъ извѣстныхъ историко-философскихъ презумпцій, ясно сознанныхъ и опредѣленно сформулированныхъ или безсознательно руководящихъ научною дѣятельностью историка и узнаваемыхъ только посредствомъ критическаго анализа ея результатовъ. Если наше толкованіе вѣрно, основною историологическою концепціей Штерна является приведенная выше формула о роковой силѣ событій, о роковомъ безсиліи личности, и мы рѣшаемся поставить въ прямую связь то, что на нашъ взглядъ есть капитальный недостатокъ въ сочиненіи Штерна, съ этою формулою, ибо, прежде всего, при предположенной вѣрности мысли, въ ней заключающейся, биографія, какъ отрасль научно-исторической литературы, собственно говоря, почти утрачиваетъ всякій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если историкъ долженъ изучать только дѣйствительно случившееся, а таковымъ нужно считать лишь то, что создано желѣзною необходимостью событій, какіе научные резоны могутъ существовать у историка для того, чтобы изслѣдовать индивидуальныя стремленія, идущія весьма часто наперекоръ теченію, а потому не осуществляющіяся? И, прежде всего, съ этой точки зрѣнія пришлось бы осудить самого Штерна за то, что въ своемъ историческомъ трудѣ (во второй его части, главнымъ образомъ) ему гораздо больше приходится заниматься

неосуществившимися планами и неудавшимися попытками Мирабо, чѣмъ событіями дѣйствительно совершившимися и тѣмъ самымъ доказавшими свою необходимость. Какъ бы мы ни смотрѣли на мысль заключительной формулы Штерна съ общи-исторической точки зрѣнія, въ примѣненіи къ жизни отдѣльнаго человѣка или къ историческому изображенію такой жизни, она является прямо убійственной: въ практическомъ отношеніи принятіе заключительной формулы Штерна равносильно принятію рѣшенія дать полное *laissez passer* совершающимся вокругъ насъ событіямъ, такъ какъ перечтѣ имъ бессмысленно, хотя бы мы были всѣ гениальны, какъ Мирабо; въ теоретическомъ же отношеніи только съ нѣкоторою непослѣдовательностью, допуская внутреннія противорѣчія въ своей работѣ, можно при такомъ фаталистическомъ взглядѣ заниматься біографіями, если только послѣднія не предпринимаются исключительно для доказательства фаталистическаго тезиса. Очевидно, не съ такою цѣлью занялся Штернъ жизнеописаніемъ Мирабо, а потому у него дѣло и не могло обойтись безъ противорѣчія между исторіологическою идеей и дѣйствительнымъ отношеніемъ автора къ своему предмету. Это противорѣчіе мы ставимъ ему даже въ заслугу, ибо для насъ немислимо было бы положить столько труда на изученіе одной исторической личности, какъ бы заранѣе зная, что значеніе ея равно нулю. Съ точки зрѣнія желѣзной необходимости событій, Штерну слѣдовало бы вообще осудить Мирабо за то, что онъ пытался идти наперекоръ имъ, а, между тѣмъ, въ общемъ біографъ находитъ правильною ту оцѣнку, которую его герой дѣлаетъ положенію вещей, и не безъ сочувствія относится къ его политическимъ планамъ. Или различнымъ образомъ судя въ отдѣльности тѣ или другіе планы и попытки Мирабо, одинаково вытекавшіе изъ противленія его воли ходу событій, но не одинаково цѣлесообразные и практичные, судя ихъ именно со стороны ихъ пригодности и осуществимости, Штернъ тѣмъ самымъ признаетъ, что передъ желѣзною необходимостью событій, создаваемыхъ, конечно, поведеніемъ самихъ людей, поведеніе той или иной единицы, дѣйствующей имъ наперекоръ, не всегда бываетъ совсѣмъ бессильно и не всегда должно отступать безъ всякаго успѣха. Только отвергая въ душѣ историческій фатализмъ, только безсознательно вѣря въ активную роль личности въ исторіи, можно вообще, какъ это и дѣлаетъ Штернъ въ біографіи Мирабо, съ интересомъ и вниманіемъ слѣдить за словами и дѣйствіями исторической личности, за ея отношеніями къ людямъ и событіямъ.

Задумавъ дать русскому читателю понятіе о книгѣ Штерна, я невольно остановился подробнѣе всего на такой ея сторонѣ, которая могла бы пройти незамѣченной, если бы не представлялось при этомъ нѣкотораго общаго вопроса касательно біографіи, какъ особаго вида исторической литературы. Когда говорятъ, и, нужно замѣтить, говорятъ въ настоящее время часто, что при современномъ состояніи исторіи, какъ науки, на біографіи слѣдуетъ смотрѣть, какъ на научныя работы не особенно высокаго порядка, то едва ли отдадутъ себѣ ясный отчетъ о томъ, какое значеніе имѣетъ вооб-

не биографическій элементъ въ исторіи. Беря исторію какой-либо эпохи въ прагматическомъ отношеніи, т.-е. исторію какихъ-либо событій, составляющихъ изъ себя цѣлое историческое движеніе, историкъ-аналитикъ необходимо долженъ будетъ разложить эти событія на отдѣльныя дѣйствія отдѣльныхъ людей и каждому лицу указать его мѣсто въ ходѣ этихъ событій; тутъ, тамъ сказать, онъ наблюдаетъ сплетеніе отрывковъ отдѣльныхъ биографій въ сложную ткань скрещивающихся взаимодействій, и лишь тогда онъ наилучшимъ образомъ могъ бы понять ходъ событій даннаго времени, когда ему были бы извѣстны биографіи всѣхъ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Мы, несомнѣнно, достигли бы наиболѣе совершеннаго пониманія, напримѣръ, прагматической стороны французской революціи, если бы биографіи наиболѣе выдающихся ея «героевъ» и наиболѣе типическихъ лицъ изъ «толпы» были изслѣдованы столь же обстоятельно и безпристрастно, какъ изслѣдована въ сочиненіи Штерна жизнь Мирабо. Говоря это, я имѣю въ виду только одну сторону дѣла, значеніе биографій для прагматической исторіи, каковою должна являться, напримѣръ, исторія революціи, разсматриваемой, какъ цѣпь находящихся между собою въ причинной связи событій. Конечно, этимъ не исчерпывается научное значеніе биографіи, и, не касаясь другихъ еще сторонъ дѣла, особое вниманіе слѣдуетъ обратить на то значеніе, какое могутъ имѣть научно разработанныя биографіи для того, что позволительно называть теоріей историческаго процесса. Однимъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ такой теоріи всегда будетъ вопросъ о роли личности въ исторіи, и биографіи историческихъ дѣятелей, принимавшихъ, подобно Мирабо, наибольшее участіе въ событіяхъ, несомнѣнно, должны быть принимаемы въ расчетъ при теоретической разработкѣ отдѣльныхъ частей этого вопроса. Здѣсь не мѣсто, конечно, распространяться о томъ, что въ его рѣшеніи должно основываться на общихъ соображеніяхъ и что необходимо отнести на счетъ фактическаго матеріала, который долженъ въ данномъ случаѣ заключаться въ научно разработанныхъ биографіяхъ, но едва ли лишнимъ, хотя бы и прямо по отношенію къ сочиненію Штерна, будетъ сказать, чего слѣдовало бы требовать отъ научно разработанныхъ биографій въ виду мало, впрочемъ, еще сознаваемыхъ требованій теоріи историческаго процесса. Само собою разумѣется, что написанная Штерномъ биографія Мирабо оказалась бы совершенно неудовлетворительною, если бы мы прикинули къ ней такую мѣрку, но въ этомъ отношеніи неудовлетворительными нужно будетъ признать всѣ существующія въ исторической литературѣ биографіи, даже наилучшія изъ нихъ, и по причинѣ весьма понятной, такъ какъ кто же когда-либо подходилъ къ работѣ надъ биографіей исторической личности со сколько-нибудь выработанною теоріей историческаго процесса, со сколько-нибудь значительнымъ запасомъ нуждающихся въ провѣркѣ положеній и требующихъ рѣшенія вопросовъ о роли личности въ исторіи, со сколько-нибудь намѣченными теоретическими цѣлями? Характеръ всякой научной работы и даже прямо ея содержаніе зависать не только отъ того

фактического материала, который былъ въ распоряженіи работника, но и отъ тѣхъ отвѣтовъ, ради которыхъ онъ приступаетъ къ допросу своихъ свидѣтельствъ, а, въ такомъ случаѣ, что же мудренаго въ томъ, что всѣ существующія біографіи не содержатъ въ себѣ прямыхъ отвѣтовъ на вопросы, интересующіе всякаго, кто занимается теоріей историческаго процесса? Если, однако, многимъ кажется еще весьма проблематичной какая бы то ни была польза отъ подобной теоріи, едва ли кто станетъ отрицать, что самое дѣло біографической литературы, имѣющей свои собственные задачи, только выиграло бы, если бы біографы расширяли кругъ вопросовъ, съ коими они подходятъ къ своему фактическому материалу. Если Штернъ не далъ намъ ни психологической, ни исторической характеристики Мирабо, имъ самимъ сдѣланной, а не той, которая дѣлается самими фактами, то только потому, что самъ съзрѣлъ свою задачу, не поставивъ себѣ нѣкоторыхъ психологическихъ и историческихъ вопросовъ, рѣшеніе коихъ должно было бы привести его къ болѣе опредѣленному и содержательному выводу объ исторической роли Мирабо; но разъ біографъ подходитъ къ своей работѣ съ опредѣленными вопросами относительно личности и роли даннаго лица, естественное расширеніе круга его вопросовъ можетъ совершиться въ одну только сторону, — въ сторону вопросовъ историко-теоретическихъ. Такъ какъ, собственно говоря, нельзя взяться ни за одинъ историческій предметъ, не раздѣляя тѣхъ или другихъ теоретическихъ взглядовъ на сущность историческаго процесса, то чѣмъ они ограниченнѣе, тѣмъ скуднѣе будетъ и содержаніе (не просто фактическое, конечно) работы, въ которой они проявятся даже безъ вѣдома самого историка. Въ приложеніи къ книгѣ Штерна отсутствіе теоретическаго элемента сказывается замѣтнымъ образомъ на томъ общемъ представленіи, какое онъ даетъ объ исторической роли Мирабо: ссылка на общее мѣсто тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать подведенія конкретныхъ итоговъ подъ конкретными фактами, свидѣтельствуешь, что, изучая участіе Мирабо въ событіяхъ французской революціи, онъ не задавался общимъ теоретическимъ вопросомъ о томъ, каковыми можетъ быть — какъ по своимъ мотивамъ, такъ и по своимъ слѣдствіямъ — дѣйствіе единичной личности въ ходѣ событій, соответствующихъ или несоответствующихъ стремленіямъ этой личности. Намъ кажется, что, помимо той пользы, какую могло бы принести теоріи историческаго процесса иное, т. е. болѣе широкое отношеніе Штерна къ предмету своего изслѣдованія, и самое освѣщеніе личности Мирабо значительно выиграло бы, если бы авторъ его біографіи не ограничивался занесеніемъ въ свою книгу только тѣхъ отвѣтовъ, которые даются самими фактами, когда ихъ ни о чемъ даже не спрашиваютъ. Конечно, для читателя, желающаго просто познакомиться съ замѣчательною личностью столь виднаго дѣятеля 1789 г., каковымъ былъ Марabo, въ этомъ бѣды большой нѣтъ, но большая въ этомъ бѣда съ высшей научной точки зрѣнія и особенно для біографіи вообще, которой слѣдуетъ поднять свое научное значеніе въ виду успѣховъ, дѣлаемыхъ другими видами исторической литературы.

Личность Мирабо и его историческая роль дают весьма много поводов для общих соображеній не только моральнаго и политическаго свойства, но именно и чисто историко-теоретическаго содержанія. Какое противорѣчіе мы ни обнаруживали бы между тѣмъ, къ чему онъ стремился, и тѣмъ, что осуществлялось ходомъ событій, мы никакъ не можемъ отказать ему въ значеніи одного изъ наиболѣе рѣзкихъ представителей современнаго ему общества, тѣмъ болѣе, что онъ во многихъ отношеніяхъ гораздо ранѣе другихъ формулировалъ тѣ идеи, которыя потомъ дѣлались общимъ достояніемъ. Съ этой-то особенно стороны и интересны тѣ мѣста перваго тома сочиненія Штерна, гдѣ излагаются политическія воззрѣнія Мирабо, относящіяся ко времени, когда онъ не могли еще быть частями программы, подлежащей непосредственному осуществленію. Его отношеніе къ фізіократическому идеалу «законнаго деспотизма» (I, 140 и слѣд.), къ политическимъ идеямъ Монтескьё и Руссо, къ англійской конституціи, къ задачѣ монархической власти во Франціи, отъ которой онъ желалъ бы «возвращенія странъ ея политическихъ и гражданскихъ правъ», наконецъ, къ реформамъ, бывшимъ, по его мнѣнію, необходимыми въ сферѣ чисто-гражданской (I, 70 и слѣд., 130—131, 175, 178 и др.), напоминаютъ намъ содержаніе позднѣйшихъ брошюръ и cahiers 1789 г. и многихъ реформъ, совершенныхъ національнымъ собраніемъ. Мирабо идетъ впереди своего общества и задолго до того, когда онъ почувствовалъ, что горизонтъ его расширился и что для него наступила пора дѣйствовать, онъ все свое высшее честолюбіе полагалъ въ томъ, чтобы быть «наставникомъ націи» (instructeur de la nation). Въ историко-теоретическомъ отношеніи весьма любопытно прослѣдить на примѣрѣ Мирабо, какъ формируются единичныя личности, которыя ранѣе другихъ приходятъ къ известнымъ идеямъ, дѣлающимся потомъ общимъ мнѣніемъ. Въ данномъ случаѣ Мирабо является человѣкомъ, который не только въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ предвѣрялъ событія, соответствовавшія этимъ желаніямъ и стремленіямъ, но и въ своихъ описаніяхъ, относящихся ко времени оптимистическаго энтузіазма среди представителей прогрессивнаго движенія, онъ прозрѣвалъ грядущія событія, совсѣмъ, напротивъ, не соответствовавшія тому, чего онъ желалъ для Франціи. И тутъ онъ шелъ впереди своихъ современниковъ, весьма часто не понимавшихъ того, что вокругъ нихъ совершалось. Конечно, такой человѣкъ, дѣйствительно, могъ бы дать ходу событіямъ иное направленіе, находись онъ у власти, насколько властное положеніе даетъ человѣку особую силу. Мирабо имѣлъ полное право говорить, что у него имѣлся опредѣленный планъ, который правительству нужно было лишь отдать на простую ратификацію представителей націи, чтобы произвести крупное политическое и общественное преобразование и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взявъ движеніе въ свои руки, упрочить свое положеніе, а у Неккера, которому пришлось сдѣлаться идоломъ націи въ эпоху созыва государственныхъ чиновъ, какъ разъ не было даже намека на что-либо подобное (I, 267): историки революціи порицаютъ за это Неккера, тѣмъ самымъ

отдавая передъ нимъ преимущество Мирабо, и Штернъ не составляетъ тутъ исключенія, такъ что, несмотря на строгій фактицизмъ своей книги и на свое отвращеніе ко всѣмъ гаданіямъ, и онъ долженъ былъ бы сознаться, что будь на мѣстѣ Неккера человекъ со способностями и энергіей Мирабо, революція приняла бы иное направленіе. Исторія такихъ сложныхъ событій, какимъ была французская революція, состоитъ обыкновенно изъ цѣлага ряда рѣшительныхъ моментовъ, отъ коихъ зависитъ, въ какую сторону направится дальнѣйшее теченіе, и это по отношенію къ отдѣльнымъ фактамъ изображаемой эпохи признаетъ и самъ Штернъ (см., наприм., нѣсколько словъ о рѣшительности момента и для Франціи, и для самого Мирабо, созданнаго королевскимъ засѣданіемъ 23 іюня 1789 года, т. II, стр. 26), а потому, конечно, не малое значеніе принадлежитъ тому, кто и какъ имѣетъ возможность дѣйствовать въ рѣшительную минуту, когда другіе скорѣе ждуть чужой инициативы, чѣмъ предполагаютъ дѣйствовать на собственный страхъ. Проводя въ жизнь свою программу, Мирабо не могъ довольствоваться ролью простаго наставника націи; онъ прямо заявлялъ, что роль дѣятеля съ наступленіемъ переворота стала важнѣе роли наставника (I, 266), и цѣлью его стремленій сдѣлалось добиться власти, отстранивъ отъ нея людей, коихъ онъ считалъ неспособными или опасными, и подчинивъ себѣ тѣхъ людей, безъ которыхъ власть не имѣла бы прочной опоры. Въ этомъ стремленіи Мирабо не было ничего несбыточнаго. Post factum легко говорить, что Мирабо потерпѣлъ неудачу потому, что его воля стремилась дѣйствовать въ противорѣчій съ желѣзною необходимостью событій, но совершенно неосновательно обобщать неудачу Мирабо, выставляя фаталистическую формулу, какъ легко post factum выводить успѣхъ Наполеона изъ соотвѣтствія его воли съ ходомъ событій, и, виѣсть съ тѣмъ, одинаково было бы неосновательно утверждать, что Наполеонъ не самъ создалъ свое положеніе, и дѣлать отсюда другой фаталистическій выводъ. Весь интересъ судьбы Мирабо въ революціонные годы въ томъ и заключается, что, по его мнѣнію, люди, главнымъ образомъ и создавшіе событія, вели Францію не туда, куда ей слѣдовало идти, и что онъ добивался власти для осуществленія собственной своей программы, которая могла бы, какъ онъ думалъ, привести государство въ мирную пристань. Весьма многое въ воззрѣніяхъ Мирабо было справедливо, и существовало не мало шансовъ, чтобы Мирабо добился своей цѣли, т.-е. достигъ власти для осуществленія своей правительственной идеи: онъ не хотѣлъ ничего, что само по себѣ было несбыточно, и многіе люди, стремившіеся къ власти для противодѣйствія неодобряемому ими теченію исторіи, не только ея добивались, но достигали и тѣхъ результатовъ, коихъ ждали отъ ея примѣненія. Общеисторіи революціи указывали не разъ на общія причины неудачи Мирабо, а въ повѣствованіи своемъ Штернъ имѣлъ возможность отмѣчать и болѣе частныя причины, лежавшія, между прочимъ, въ недовѣрїи отдѣльныхъ дѣятелей къ самой личности Мирабо, а не его идеямъ только, и въ собственныхъ его ошибкахъ, касавшихся отдѣльныхъ предметовъ, а не всего теченія дѣлъ. Съ точки зрѣнія теорїи исторіи, при опредѣленіи успѣха или

неуспѣха какого-либо дѣятеля весьма интересно классифицировать общія и частныя причины по ихъ значенію для даннаго результата, а такъ какъ причины эти заключаются въ настроеніяхъ и дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, какъ самого дѣятеля, такъ и другихъ людей, то анализъ, о коемъ мы говоримъ, весьма часто будетъ приводить къ открытію главной причины того или другаго явленія не въ общемъ фактѣ, достаточно его, повидимому, объясняющемъ, а въ фактѣ весьма частнаго свойства. Факты, объясняющіе намъ, какъ планы и попытки Мирабо не приводили къ поставленной цѣли, собраны и изображены у Штерна въ достаточномъ количествѣ и съ большою вѣрностью дѣйствительности, и въ этомъ отношеніи представляютъ богатый матеріалъ для иллюстрацій нѣкоторыхъ теоретическихъ положеній о значеніи общихъ и частныхъ причинъ въ ходѣ событій. Частныя причины принято по кое-какимъ теоретическимъ соображеніямъ умалить передъ причинами общими, и, быть можетъ, анализъ причинъ, наприм., историческаго успѣха или неуспѣха какой-либо личности вродѣ Мирабо, могъ бы содѣйствовать установленію болѣе правильнаго взгляда на мѣсто того, который не хочетъ ничего знать, кромѣ общихъ причинъ. Очень обстоятельно слѣдитъ Штернъ и за тѣми средствами, какія пускалъ въ ходъ Мирабо, чтобы добиться власти, мѣняя ихъ сообразно обстоятельствамъ. Совершенно основательно поворотнымъ пунктомъ въ политической жизни Мирабо считаетъ онъ 7 ноября 1789 г., когда Мирабо потерпѣлъ и политическую, и личную неудачу по вопросу о парламентарномъ министерствѣ, ибо, «лишенный всякой надежды достигнуть власти прямымъ путемъ, онъ увидѣлъ себя отброшеннымъ къ роли интригана» (II, 120), вслѣдствіе чего въ скоромъ времени онъ, цѣлью котораго было сдѣлаться руководящимъ министромъ, унивился до роли наемнаго писака и тайнаго агента (I, 151). Нельзя сказать, чтобы и раньше революціи Мирабо не вступалъ на подобный путь, вовсе, однако, не торгуя при этомъ своими убѣжденіями. Удача и неудача человѣка зависятъ отъ цѣлесообразности и примѣнимости средствъ, которыя онъ же и пускаетъ въ ходъ, и самъ Штернъ судитъ иногда планы Мирабо съ этой точки зрѣнія (наприм., I, 170—171), отмѣчая и тѣ случаи, когда онъ совѣтуетъ для упроченія новаго порядка вещей пустить въ ходъ средства, составлявшія одну изъ язвъ стараго порядка (II, 232). Однимъ словомъ, человѣкъ попалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и съ своими собственнымъ дѣломъ, а это не могло содѣйствовать успѣху: причины и результаты такого противорѣчія въ дѣятельности Мирабо могутъ, равнымъ образомъ, представить большой теоретическій интересъ, и, между прочимъ, здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ различіи, какое можетъ существовать между историческою ролью натуръ цѣльныхъ и натуръ, созданныхъ изъ противорѣчій.

Натура Мирабо была натурою послѣдняго рода. Читая сочиненіе Штерна, въ которомъ эта двойственность Мирабо отмѣчена весьма рельефно, какъ-то невольно проникаешься къ Мирабо противоположными чувствами, хотя и имѣешь передъ собою постоянно одного и того же человѣка.

Н. Карѣвъ.

Россія и Англія въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ *).

Внутреннія причины возникновенія международныхъ сношеній между Россіей и Англіей существеннымъ образомъ отличаются отъ причинъ, лежавшихъ въ основаніе первоначальныхъ сношеній Россіи съ Австріей и Пруссіей **). Общность важныхъ политическихъ интересовъ заставила послѣднія двѣ державы искать постояннаго союза Россіи въ борьбѣ противъ Турціи, Польши и Швеціи. Эти три государства были также вѣковыми врагами Россіи, и потому понятно, что московское правительство чрезвычайно радовалось возможности бороться противъ своихъ заклятыхъ недруговъ при союзной помощи двухъ западно-европейскихъ державъ.

Мало того, тѣмъ болѣе Россія дѣлалась сосѣднемъ съ Австріей и Пруссіей державой, тѣмъ болѣе учащались взаимные пограничные и торговые обороты, которые, силою обстоятельствъ, должны были привести къ разнороднымъ дипломатическимъ переговорамъ и международнымъ соглашениямъ. Непосредственное сосѣдство Россіи съ Австріей и Пруссіей, окончательно утвержденное въ концѣ прошлаго столѣтія раздѣломъ Польши, создало такіе общіе политическіе интересы трехъ раздѣлившихъ Польшу державъ, которые должны были привести къ близкимъ союзнымъ отношеніямъ.

Никакихъ подобныхъ причинъ не существовало для международныхъ отношеній Россіи съ Англіей. Обѣ эти державы не знали общихъ полити-

*) Настоящій историческій очеркъ международныхъ отношеній Россіи и Англіи въ продолженіе двухъ столѣтій составитъ введеніе къ печатаемому X тому издаваемого мною *Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами*. Въ основаніе этого очерка, кромѣ архивныхъ источниковъ, положены въ особенности слѣдующія изданія: Ю. В. Толстаго: „Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей 1553—1593 г.“ Сиб., 1875 г. „Сборникъ Русскаго Импер. Историческаго Общества“: „Памятники нашихъ дипломатическихъ сношеній“; Соловьева: „Исторія Россіи“ и др. Ср. также статью Карновича: „Трехсотлѣтнія отношенія между Россіей и Англіей“ (*Отчественныя Записки* 1879 г.).

***) См. первые 9 томовъ моего *Собранія трактатовъ и конвенцій, посвященныхъ отношеніямъ Россіи къ Австріи и Пруссіи*.

чужихъ враговъ, и владѣнія ихъ не сопримасались вплоть до самаго позднѣйшаго времени.

Если Россія временъ московскихъ царей непрерывно сражалась съ поляками и шведами и должна была чрезъ борьбу съ этими народами идти до самосознанія своего государственнаго единства и исторической роли, то, напротивъ, Англія имѣла основаніе видѣть въ Польшѣ и Швеціи своихъ естественныхъ союзниковъ на сѣверѣ Европы. Если Россія и Оттоманская имперія находились, со временъ возникновенія турецкаго владычества на берегахъ Босфора, въ самыхъ непріязненныхъ другъ къ другу отношеніяхъ, то, съ другой стороны, Англія, въ особенности съ XVII в., усматривала въ Турціи богатѣйшій рынокъ для своихъ фабричныхъ и колониальныхъ продуктовъ.

Вотъ почему царь Борисъ Годуновъ считалъ себя вправе обратиться къ англійской королевы съ упрекомъ насчетъ ея дружбы съ Турціей и писать ей, въ маѣ 1600 года, слѣдующее: «А тебѣ бы, сестрѣ нашей любительной, впередъ съ бесермянскими государями не соединитися и не ссылатися, и не дружитися, и ничѣмъ не вспомогати: ни людьми, ни казною, а радѣти бѣ промышляти о томъ, чтобъ всеѣмъ великимъ государямъ крестьянскимъ (христіанскимъ) межъ себя быти въ любви и соединеніи, и въ ссылцѣ, и въ крѣпкой дружбѣ, и стояти бѣ на бусурманъ за одинъ, чтобъ крестьянская рука высила, а бесермянская нивилась».

Наконецъ, неучастіе Московскаго государства въ политическихъ дѣлахъ Западной Европы обуславливало бесполезность для Англіи искать политическаго союза съ Россіей. Такимъ образомъ, исключительно торговыми оборотами съ Московскимъ государствомъ могли дорожить англичане въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, съ половины XVI столѣтія вплоть до начала XVIII вѣка. И понятно, чѣмъ пассивнѣе было участіе московскаго народа въ международныхъ торговыхъ оборотахъ, чѣмъ больше предприимчивости и умѣнья эксплуатировать чужіе неразвитые въ экономическомъ отношеніи народы показывали англичане, тѣмъ больше «Московія» должна была сдѣлаться предметомъ обогащенія и эксплуатаціи для англійскаго народа.

Это основное положеніе проходитъ чрезъ всю исторію первоначальныхъ международныхъ отношеній Россіи съ Англіей и даетъ себя чувствовать даже въ продолженіе XVIII столѣтія. Понятно, что починъ международныхъ сношеній съ Московскимъ государствомъ всецѣло принадлежитъ англичанамъ, для которыхъ неожиданное открытіе русскаго населенія на берегахъ Бѣлаго моря было пріятнымъ сюрпризомъ и большою радостью.

I.

Когда, въ половинѣ XVI вѣка, англійскіе купцы увидѣли, что на западно-европейскихъ рынкахъ сбытъ англійскихъ произведеній постоянно уменьшается, между тѣмъ какъ испанцы и португальцы несказанно обогащаются,

благодаря завладѣнію вновь открытыми странами, они учредили особенную компанію на паяхъ, подъ названіемъ «общества купцовъ, искателей странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній неизвѣстныхъ и доселѣ не посѣщаемыхъ морскими путемъ».

Это общество снарядило въ 1553 году три корабля подъ главнымъ начальствомъ сэра Виллогби, у котораго главнымъ кормчимъ былъ Ричардъ Ченслеръ. 11 мая 1553 года эта экспедиція вышла изъ устья Темзы и взяла путь на сѣверъ. Ненастье и сильные штормы дѣлали плаваніе судовъ весьма опаснымъ. Въ началѣ августа экспедиція прибыла благополучно къ берегамъ сѣверной Норвегіи, гдѣ налетѣвшій шквалъ разрознилъ суда, и 24 августа одинъ Ченслеръ съ своимъ кораблемъ прибылъ къ неизвѣстному ему устью Сѣверной Двины, близъ монастыря Св. Николая. Тутъ Ченслеръ узналъ, что онъ находится во владѣніяхъ московскаго царя, въ которыхъ онъ долженъ былъ зимовать. Холмогорскіе выборные головы донесли въ Москву, что прибыли въ Холмогоры «отъ аглицкаго короля Едварта посоль Рыцертъ и съ нимъ гости». По указу царя Ивана Васильевича велѣно было свободно отпустить Ченслера съ гостями (то-есть англійскими купцами) въ Москву, куда они прибыли въ самомъ концѣ 1553 года.

Царь Иванъ Васильевичъ принялъ весьма благосклонно англійскаго мореплавателя и привезенную имъ грамоту отъ короля Эдуарда VI. Эта грамота отъ 14 февраля 1553 года была адресована ко всемъ государямъ, «обитающимъ страны сѣверныя и восточныя за Ледовитымъ моремъ, а также Восточную Индію». Въ ней краснорѣчиво доказывалось, что Богъ создалъ людей для жизни въ общеніи съ другими и чтобъ они любили и взаимно были любимы, оказывали благодѣянія и принимали взаимныя благодѣянія. Въ особенности же должно поступать человѣколюбиво и милостиво «съ людьми торговыми, которые странствуютъ по всей вселенной, переплываютъ моря и переходятъ пустыни, дабы доставлять въ отдаленнѣйшія страны и государства предметы хорошіе и полезныя, которые, по благости Божіей, находятся въ ихъ странѣ, и дабы обратно вывозить оттуда то, что они тамъ полагаютъ получить для пользы своей страны... Ибо Творцу неба и земли, во Всевышней заботливости о человѣческомъ родѣ, не угодно было, чтобъ все находилось въ какой-либо одной странѣ».

Въ мартѣ 1554 года Ченслеръ былъ отпущенъ изъ Москвы съ грамотою отъ царя Ивана Васильевича къ королю Эдуарду VI. Въ этой грамотѣ царь объявляетъ, что англійскіе суда и корабли могутъ приходить «когда и какъ часто пожелаютъ съ благонадежностію, что имъ не будетъ учинено зла». «И если,—пишетъ царь королю англійскому,—ты пришлешь къ намъ изъ совѣтниковъ вашего величества договориться съ нами, дабы твоей страны торговые люди могли со всякими товарами приходить, и гдѣ въ нашихъ владѣніяхъ пожелаютъ учредить свой торгъ, и имѣть тамъ повольный торгъ со всякою свободою по всемъ нашимъ владѣніямъ со всякими товарами и туда со всякими товарами приходить и оттуда уходить по

нхъ желанію, чтобы никто имъ не чинилъ вреда или препятствія по сей нашей грамотѣ и по нашему слову за нашею печатью».

Такимъ совершенно случайнымъ образомъ начались первыя непосредственныя сношенія между Россіей и Англіей, благодаря непогодѣ, заставившей англійскаго мореплавателя искать убѣжища во владѣніяхъ московскаго царя на Бѣломъ морѣ. Впрочемъ, въ дѣлахъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ упоминается о перепискѣ, бывшей между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и королемъ Эдуардомъ VI до прибытія Ченслера въ Москву, но нѣтъ никакихъ актовъ, свидѣтельствующихъ объ этой перепискѣ. Кромѣ того, трудно себѣ представить, по какому поводу такая переписка могла бы возникнуть.

Ченслеръ, по возвращеніи въ Лондонъ, представилъ подробный докладъ о своемъ путешествіи и о благосклонномъ приѣмѣ, котораго онъ удостоенъ былъ въ Москвѣ. Несмотря на гибель двухъ кораблей, вмѣстѣ съ адмираломъ Виллоуби, извѣстія, сообщенныя Ченслеромъ, произвели въ лондонскомъ торговомъ мірѣ самое благоприятное впечатлѣніе. «Общество купцовъ, искателей открытія странъ» получило отъ королевскаго правительства хартію, въ силу которой оно могло дѣлать открытія на сѣверѣ и поднимать королевскіе флаги и штандарты во всѣхъ открытыхъ агентами общества странахъ.;

Вслѣдъ затѣмъ эта компанія рѣшила вновь отправить Ченслера въ Москву во главѣ экспедиціи, членамъ которой была дана весьма точная и любопытная инструкция. На основаніи ея всѣ служители общества должны были безусловно подчиняться Ченслеру и другимъ агентамъ общества. Всѣ обязались уважать мѣстные законы и порядки страны пребыванія, исправно платить пошлины и подати и отличатьса безукоризненнымъ поведеніемъ.

Весьма любопытно было слѣдующее наставленіе, данное агентамъ: еслибъ царю угодно было присвоить себѣ или предоставить кому-либо одному право вести торговлю съ англичанами, то слѣдуетъ назначить возможно высшую цѣну за англійскіе товары и, наоборотъ, возможно низшую цѣну на русскіе, въ виду того, что первоначально назначенныя цѣны будутъ служить руководствомъ на будущее время. Кромѣ того, агенты общества должны были собирать свѣдѣнія о всѣхъ произведеніяхъ Русской земли, которыя могли бы сдѣлаться предметомъ вывоза въ Англію и, съ другой стороны, о товарахъ, въ которыхъ нуждался русскій народъ.;

Ченслеръ прибылъ въ октябрѣ 1555 года въ Москву, гдѣ представилъ царю грамоту отъ королевы Маріи и ея супруга Филиппа II. Въ этой грамотѣ Ивану Васильевичу дается титулъ «Императора всея Руси» (Emperor of all Russia) и выражается глубочайшая признательность за пожалованіе англійскимъ торговымъ людямъ, приѣзжающимъ во владѣнія московскаго царя. Но для лучшаго «упражненія въ торговомъ дѣлѣ», «удостоверенія» и «обнадеженія» англійское правительство просило московское назначить особыхъ комиссаровъ для переговоровъ съ Ченслеромъ и двумя его то-

вариантами о правахъ и привилегіяхъ, которыми должны пользоваться въ Россіи англійскіе купцы, «привѣтъ, консулы, товарищи и участники» англійскаго общества, снарядившаго экспедицію Ченслера.

Царь Иванъ Васильевичъ также и во второй разъ милостиво принялъ Ченслера и его спутниковъ и поручилъ англійскому комиссару вступить съ думнымъ дьякомъ Висковатовымъ въ переговоры относительно условий англійской торговли въ предѣлахъ Московскаго государства. На основаніи такихъ переговоровъ англійскому обществу купцовъ была пожалована новая царская грамота, утвердившая право англичанъ на беспошлинную торговлю всякими товарами по всей Россіи. Кроме того, было постановлено, что всѣ споры между англійскими купцами и русскими должны были разбираться самимъ царемъ; въ случаѣ обвиненія англичанина, его товары и пожитки не подлежали отобранію въ царскую казну, но выдавались агенту общества. Споры же между самими англійскими купцами подлежали суду агента общества, который имѣлъ право подвергать ихъ исправительнымъ и уголовнымъ наказаніямъ при помощи русскихъ властей.

Но царь не ограничился пожалованіемъ англичанамъ этой весьма льготной грамоты: онъ пожелалъ войти въ непосредственныя сношенія съ англійскимъ королевскимъ правительствомъ. вмѣстѣ съ Ченслеромъ выѣхалъ въ мартѣ 1556 года въ Лондонъ царскій посланникъ, вологодскій намістникъ Осипъ Григорьевичъ Непей. На англійскомъ кораблѣ, на которомъ плылъ царскій посланникъ, находился весьма богатый грузъ изъ русскихъ произведеній, которыя могли вывозить англичане. Тутъ было много воска, тюленьяго жира, сала, мѣховъ, войлоковъ и ватной пряжи, всего на 20,000 ф. ст.

Въ несчастію, плаваніе перваго русскаго посланника, назначеннаго въ Англію, было весьма неудачно: самъ Непей спасся какимъ-то чудомъ во время крушенія корабля, между тѣмъ какъ Ченслеръ, большая часть экипажа и почти весь богатый грузъ погибли. Будучи выброшенъ на шотландскій берегъ, Непей съ трудомъ добрался до англійской границы. Но здѣсь онъ былъ принятъ самымъ ласковымъ образомъ, и посланцы изъ Лондона нарочные гонцы встрѣтили его съ почетомъ и снабдили его всемъ нужнымъ. Въ Лондонѣ московскому посланнику былъ оказанъ самый почетный приѣмъ: его встрѣтилъ лордъ-меръ со всеми старшинами, и съ большою суетою вступилъ Непей въ англійскую столицу. По истеченіи нѣкотораго времени Непей былъ принятъ, на торжественной аудиенціи, королею Филиппомъ и королевою Маріей, которые назначили особенныхъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ нимъ по вопросамъ относительно торговыхъ оборотовъ между Россіей и Англіей. Въ маѣ 1557 г. московскій посланникъ съ почетомъ и подарками былъ отпущенъ изъ Англій на англійскомъ кораблѣ, командиромъ котораго былъ Антошъ Дженнингсонъ.

Непей привезъ въ Москву царю «отъ короля въ подарокъ двухъ лютыхъ звѣрей, военный доспѣхъ, поставъ сарлатнаго, а другой французскаго сукна, да два поставца атласу съ золотомъ». Но, сверхъ того, онъ

привезъ королевскую грамоту отъ апрѣля 1557 г., заслуживающую вниманія. Въ этой грамотѣ выражается, прежде всего, благодарность англійскаго правительства за пожалованіе англійскимъ купцамъ права безпошлинной торговли въ предѣлахъ Московскаго государства. Вслѣдъ затѣмъ, однако, подтверждается со стороны короля Филиппа и королевы Маріи право подданныхъ московскаго царя, «если они пожелаютъ пріѣхать къ намъ (въ Англію) и вести торговлю въ семь нашемъ королевствѣ Англій, свободно пріѣзжать въ сказанное наше королевство Англію и вести свои дѣла во всѣхъ его частяхъ, оставаться въ немъ и выѣзжать изъ онаго кода и сколько разъ имъ нужно будетъ». Сверхъ того, за московскими торговыми людьми было обезпечено право свободно торговать во всемъ королевствѣ, съ освобожденіемъ «отъ уплаты сборовъ и привозныхъ пошлинъ наравнѣ съ подданными другихъ христіанскихъ государей, ведущими торговлю внутри нашего королевства». Для этой цѣли, — сказано далѣе въ грамотѣ, — «мы назначимъ для вашихъ купцовъ въ нашемъ городѣ Лондонѣ одно или нѣсколько зданій, приличныхъ для сего торга, въ коихъ они сами бы жили и складывали свои товары». Для разбирательства во всѣхъ спорахъ и тяжбъ былъ назначенъ судьей верховный канцлеръ англійскаго королевства.

Наконецъ, нельзя не прибавить, что первый русскій посланникъ провезъ на всѣхъ англичанъ самое лучшее впечатлѣніе, и въ королевской грамотѣ отдается полная справедливость разсудительности, степенности и духу примиренія Непен. Этого, какъ мы увидимъ, никакъ нельзя было сказать о всѣхъ другихъ московскихъ посланникахъ, бывшихъ въ Англій.

Прибывшій вмѣстѣ съ Непеей англичанинъ Дженкинсонъ былъ весьма милостиво принятъ царемъ, которому онъ могъ рассказать про свои любопытныя путешествія по всей Европѣ, сѣверной Африкѣ и Малой Азіи. Антонъ Дженкинсонъ, называемый въ архивныхъ актахъ также «Антонъ Якинъ», настолько полюбился царю, что онъ могъ приступить къ исполненію данной ему лондонскимъ обществомъ инструкціи. Онъ просилъ царя Ивана Васильевича разрѣшить ему отправиться Волгою для открытія земель и торговыхъ путей. Царь милостиво не только далъ ему просимое разрѣшеніе, но, сверхъ того, снабдилъ его охранными грамотами къ разнымъ владѣтелямъ земель и странъ, чрезъ которыя Дженкинсону пришлось бы проѣзжать.

Предпримчивый англичанинъ, съ двумя спутниками-соотечественниками и большимъ транспортомъ товаровъ, отважно отправился въ путь чрезъ Каспійское море въ Среднюю Азію. Его путешествіе продолжалось пять мѣсяцевъ, и онъ успѣлъ побывать у туркменъ и доѣхать до Бухары. Въ сентябрѣ 1559 г. Дженкинсонъ возвратился въ Москву, вмѣстѣ съ посланцами къ царю отъ разныхъ средне-азиатскихъ владѣтелей и съ 25 русскими, освобожденными изъ плѣна у туркменъ. Товары свои Дженкинсонъ продалъ и обмѣнялъ на произведенія азіатскихъ странъ, которыя онъ вывезъ въ Англію.

Изъ этого любопытнаго путешествія Дженкинсонъ вынесъ то убѣжденіе, что Россія должна имѣть для англійской торговли еще особенное значеніе, какъ естественный путь для торговыхъ оборотовъ съ Персіей. Поэтому понятно, что открытіе свободной торговли чрезъ Россію съ Персіей сдѣлалось ближайшею цѣлью англичанъ.

И дѣйствительно, когда Дженкинсонъ въ 1561 году вторично прибылъ въ Москву, онъ представилъ царю грамоту королевы Елизаветы отъ 24 апрѣля 1561 года, въ которой королева проситъ снабдить ея посланника необходимыми охранными грамотами для свободнаго слѣдованія въ Персію, къ «великому Сафію, шаху персидскому». Преодолѣвъ различныя затрудненія, Дженкинсонъ получилъ отъ московскаго правительства нужныя грамоты и отправился въ путь чрезъ Астрахань и Каспійское море.

Но, несмотря на энергію и находчивость англичанъ, имъ, все-таки, не удалось завязать правильныя торговыя сношенія съ Персіей, благодаря постояннымъ хищническимъ нападеніямъ, которымъ подвергались они лично и ихъ собственность. Поэтому англійская торговля съ Персіей чрезъ Россію совершенно прекратилась около 1580 года.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, англійское правительство и лондонское купеческое общество должны были особенно дорожить торговлею съ Россіей, которая была поставлена въ самыя выгодныя для англичанъ условія. Вотъ почему лондонское общество «Московія», монополизировавшее всю торговлю съ Россіей, чрезвычайно встревожилось, узнавъ, что въ 1564 году появился въ Москвѣ итальянецъ Барберини, доказывавшій царю и его совѣтникамъ, что товары, привозимые англичанами, не суть англійскіе и могутъ быть болѣе выгодно приобретаемы отъ голландцевъ и нѣмцевъ. Тогда Дженкинсонъ опять появился, въ 1566 году, въ Москвѣ и сталъ доказывать, что итальянецъ Барберини «обманнымъ образомъ» получилъ отъ королевы англійской рекомендательную грамоту къ царю, и что королева нисколько не желаетъ, чтобъ какіе-либо иноземцы, кромѣ англичанъ, были допущены къ устьямъ Двины. Дженкинсону вполнѣ удалось исполнить возложенное на него порученіе: Барберини былъ высланъ изъ Москвы, и царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ англичанамъ новую грамоту, запрещающую всякому иноземцу и даже англичанину, не члену лондонской компаніи, пріѣзжать въ Холмогоры, къ устьямъ Двины, въ Колу, Мезень и даже въ Вардегуусъ. Компаніи же разрѣшалось и впредь безпрепятственно владѣть своимъ дворомъ въ Москвѣ на Варварѣ и, кромѣ того, учредить свои славды въ другихъ мѣстахъ Московскаго царства. Наконецъ, ей разрѣшалось безошлянно провозить товары въ Шемаху, Бухару, Самаркандъ и въ неизвѣстный «Катай» (Китай).

За всѣ эти исключительныя льготы, предоставленныя англичанамъ, царь Иванъ Грозный первоначально никакъ не выговаривалъ. Онъ только просилъ, чтобъ посланнымъ въ Англію русскимъ гостямъ разрѣшено было свободно продавать свои товары и покупать для царской казны «сафировъ и рубиновъ и одеждъ,

какія нужны нашей казнѣ». Съ этихъ же товаровъ не должны быть взимаемы никакія пошлины, «равно какъ и мы въ нашихъ владѣніяхъ съ твоихъ людей,—пишетъ царь королевѣ Елизаветѣ въ апрѣлѣ 1567 года,—никакихъ налоговъ не велимъ брать». Когда же московскіе гости съ товарами изъ царской казны отторговались и пожелаютъ возвратиться, то, просить царь королеву, «вели посадить ихъ на твои корабли, чтобъ отослать ихъ оттуда въ наши владѣнія».

Изъ этого акта видно, что царь Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на торговлю съ Англіей какъ на дѣло, въ которомъ онъ самъ лично больше всего заинтересованъ. Съ товарами изъ царской казны посылалъ онъ своихъ гостей въ Англію и, не имѣя собственныхъ кораблей, онъ посылалъ ихъ на англійскихъ судахъ, и на нихъ же они возвращались обратно. Слѣдовательно, полной взаимности въ торговыхъ оборотахъ между обѣими странами не могло быть, и англійское правительство выговаривало не въ свою собственную пользу, но въ пользу англійскихъ купцовъ различныя права и льготы.

Сверхъ того, царь желалъ пользоваться торговыми оборотами съ Англіей еще для другихъ цѣлей. Онъ просилъ королеву Елизавету отпустить въ Москву «архитектора, который можетъ строить крѣпости, башни и дворцы». Также желалъ онъ имѣть «доктора и аптекаря и другихъ мастеровъ такихъ, которые отыскиваютъ золото и серебро, строятъ корабли и умѣютъ управлять ими». Всѣхъ тѣхъ иностранцевъ царь обѣщалъ пожаловать великими милостями и отличнымъ содержаніемъ, въ особенности если они пожелаютъ навсегда остаться въ Московскомъ государствѣ и на царской службѣ.

Этого мало: Иванъ IV желалъ вступить съ Англіей въ самыя тѣсныя политическія отношенія и заключить съ нею оборонительный союзъ противъ общихъ враговъ. Онъ поручилъ Дженнinsonу объявить англійской королевѣ, что царь требуетъ, «чтобы ея величество была другомъ его друзей и врагомъ его враговъ, и также наоборотъ, и чтобы Англія и Россія были во всѣхъ дѣлахъ заодно».

Но и на этомъ не остановились требованія царя, предъявленныя чрезъ Дженнinsonа «королевѣ въ парламентѣ». Царь «просилъ убѣдительно, чтобы между нимъ и ея королевскимъ величествомъ было учинено клятвенное обѣщаніе, что если бы съ кѣмъ-либо изъ нихъ случилась какая-либо бѣда, то каждый изъ нихъ имѣетъ право прибыть въ страну другого для сбереженія себя и своей жизни, и жить тамъ и имѣть убѣжище безъ боязни и опасности до того времени, пока бѣда не минуетъ и Богъ не устроитъ иначе, и что одинъ будетъ принятъ другимъ съ почетомъ. И хранить это въ величайшей тайнѣ».

Такія требованія московскаго царя сильно озадачили англійское правительство, которое смотрѣло на Московское государство только какъ на новый рынокъ для выгоднаго сбыта англійскихъ произведеній и для полученія нужнаго для англійской промышленности сырья.

Но Англія не считала возможнымъ вступить въ какия-либо политическія обязательства съ Московскимъ государствомъ, съ которымъ она не имѣла ни общихъ враговъ, ни общихъ друзей.

Царь желалъ, чтобы Англія заключила съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Польши и Швеціи, между тѣмъ какъ англійскіе интересы требовали тѣсной дружбы съ этими двумя государствами. Англія постоянно воевала съ католическими державами Западной Европы, и въ этой борьбѣ союзная помощь «Московіи» была немислима. Что же касается взаимнаго клятвеннаго обѣщанія дать другъ другу убѣжище; въ случаѣ постигшей царя или королеву бѣды, вслѣдствіе «тайнаго заговора или по внѣшней враждѣ», то англійская королева не допускала мысли о возможности такого случая въ Англіи.

При такихъ обстоятельствахъ англійская королева признала болѣе осторожнымъ оставить безъ всякаго отвѣта послѣднія предложенія московскаго царя. Но Иванъ Васильевичъ, не получивъ къ назначенному имъ сроку никакого отвѣта изъ Англіи, серьезно разсердился на англичанъ и немедленно принялъ мѣры противъ ихъ торговой эксплуатаціи своихъ подданныхъ. Закрывъ, въ угоду лондонскому обществу «Московіи», свои гавани на Бѣломъ морѣ всѣмъ иноземцамъ, кромѣ агентовъ означеннаго общества, царь Иванъ Васильевичъ, послѣ завоеванія устьевъ Наровы, открылъ Нарву для свободной торговли всѣмъ иноземцамъ. Воспользовались этою льготой, раньше другихъ, опять англичане, не бывшіе агентами бѣломорской компаніи. Тогда послѣдняя настояла предъ англійскимъ правительствомъ насчетъ немедленной посылки въ Москву новаго посольства. Выборъ англійской королевы палъ на начальника англійскихъ почтъ, Тому Рандольфа, который въ октябрѣ 1568 года благополучно прибылъ въ Москву.

II.

Посольство Рандольфа заслуживаетъ особеннаго вниманія. Инструкція, которую онъ получилъ, составлена весьма ловкимъ образомъ. Прежде всего, указывается на сообщенное подъ великою тайной желаніе московскаго царя заключить такой союзъ съ королевою, чтобъ одинъ находилъ, въ случаѣ бѣдствія, убѣжище въ странѣ другаго. Королева полагаетъ, что Дженкинсонъ не уразумѣлъ словъ царя (*might misconceave the words of the said Emperour*). Царь могъ сдѣлать предложеніе о заключеніи союза, но не о случаѣ быть принужденнымъ покинуть свое государство. «Мы ни мало не сомнѣваемся, — пишетъ королева, — въ продолженіи мира въ нашемъ правленіи, не опасаясь ни нашихъ подданныхъ, ни кого-либо изъ иностранныхъ враговъ; съ другой стороны, намъ неизвѣстно что-либо противно сему и о положеніи царя, о могуществѣ и мудрости коего получаемъ лучшія донесенія отъ нашихъ подданныхъ, торгующихъ въ его царствѣ. Поэтому мы полагаемъ, что упомянутый слуга нашъ ошибочно понялъ значеніе сказанныхъ ему царемъ рѣчей».

Тѣмъ не менѣе, Рандольфу поручается увѣрить царя, что «если бы въ правленіи его произошло какое-либо несчастье», онъ будетъ «дружески-принять» во владѣніяхъ королевы и найдетъ надежную дружбу для поддержанія справедливыхъ его желаній.

Другой пунктъ касался союза между Россіей и Англіей. Рандольфу было категорически повелѣно не вступать ни въ какіе переговоры относительно этого вопроса, потому что для Англіи союзъ съ Россіей былъ бы весьма неудобенъ. Англія не можетъ ссориться ни съ Римскою имперіей, ни съ королями польскимъ и шведскимъ. Отъ московскаго правительства Англія желаетъ получить только «нѣкоторыя повольности въ пользу своихъ купцовъ». На этомъ основаніи англійскому посланнику было вѣщено въ обязанность обойти молчаніемъ всѣ предложенія, которыя могутъ быть ему сдѣланы со стороны московскаго правительства.

По прибытіи своемъ въ Москву англійскій посланникъ немедленно могъ убѣдиться, что царь дѣйствительно крайне недоволенъ англійскимъ правительствомъ. Съ октября 1568 года до февраля слѣдующаго года Рандольфъ долженъ былъ выносить всевозможныя униженія и непріятности, раньше чѣмъ удостоился аудіенціи царя. Послѣ приѣма, лишеннаго всякой торжественности и блеска, англійскій посолъ былъ приглашенъ на личное совѣщаніе съ царемъ, обставленное особенною таинственностью. Затѣмъ царь принималъ посланника черезъ нѣсколько недѣль еще разъ и оказалъ ему большую милость. Кромя того, Рандольфъ имѣлъ еще совѣщанія съ любушицемъ Ивана Васильевича, княземъ А. Н. Вяземскимъ. Результатомъ этихъ совѣщаній является новая царская грамота, утверждающая за англійскою торговлею новыя льготы. Англичанамъ разрѣшается вести торговлю съ Персією, везать желѣзную руду въ Вычегдѣ и переплавлять мову въ Москвѣ, въ Новгородѣ и во Псковѣ.

Наконецъ, Рандольфъ также достигъ главной цѣли своего посольства: царь повелѣлъ прекратить въ Нарвѣ торговлю англичанъ, не принадлежащихъ въ лондонскому обществу, выдать посланнику главнаго зачинщика этой торговли и разрѣшить этому обществу захватывать всѣ иноземныя торговыя суда, которыя были бы застигнуты въ предѣлахъ Бѣлаго моря этого мало: съ цѣлью показать свое особенное личное благоволеніе англичанамъ, Иванъ Васильевичъ изъясилъ англійскій дворъ въ Москвѣ изъ вѣдѣнія земщины и передалъ его въ вѣдѣніе опричныхъ.

Однако, снова жалуя англичанамъ торговыя льготы, царь Иванъ Васильевичъ не срывалъ отъ англійскаго посланника крайняго своего недовольства по поводу молчанія его насчетъ союзнаго договора. Царь рѣшилъ отправить, вмѣстѣ съ Рандольфомъ, своего посланника, которому поручено будетъ настоять на окончаніи этого дѣла.

И дѣйствительно, вмѣстѣ съ Рандольфомъ выѣхалъ въ Англію московскій посланникъ Совинъ, которому данъ былъ наказъ требовать отъ англійскаго правительства подписанія формальнаго союзнаго договора.

До мая 1570 года продолжались въ Лондонѣ переговоры между москов-

слимъ посланникомъ и англійскими министрами. Самъ Совинъ, наконецъ, убѣдился, что онъ не можетъ добиться поставленной ему цѣли и что его только морочатъ англійскіе уполномоченные. Поэтому онъ настаивалъ на отъѣздѣ своемъ изъ Лондона и выѣхалъ обратно въ Москву весной 1570 года, будучи снабженъ двумя королевскими грамотами къ царю. Въ первой, открытой грамотѣ, англійская королева, повидимому, идетъ на встрѣчу царю и признаетъ себя его союзницею. Въ ней говорится, что королева вступаетъ съ царемъ «въ дружественный и сестринный союзъ, которому продолжаться на вѣчныя времена», и обязуется «обоюдными и общими силами стоять противъ и нападать на всѣхъ, которые будутъ общими врагами намъ обоимъ», и, наконецъ, обязуется «помогать, пособлять и благопріятствовать одинъ другому противъ нашихъ общихъ враговъ въ той мѣрѣ, какъ установляется сею нашею грамотой».

Заключенный въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, союзъ никакого значенія не имѣлъ и не могъ имѣть въ глазахъ царя Ивана Васильевича. Эта грамота не была союзнымъ договоромъ и ни единымъ словомъ не опредѣляетъ «той мѣры», въ которой царь могъ рассчитывать на союзную помощь королевы англійской, «любезнѣйшей своей сестры». Правда, въ началѣ грамоты союзъ и дружба устанавливаются «въ той мѣрѣ, какую дозволяютъ договоры и союзы», унаслѣдованные или уже давно заключенные королевою съ христіанскими государями Европы. Понятно, что эти союзныя обязательства Англій совершенно парализовали значеніе союза московскимъ царемъ, желавшимъ найти въ Англій опору для своихъ политическихъ видовъ въ отношеніи Швеціи и Польши.

Въ секретной же грамотѣ королева заявляетъ царю, что она настолько заботится о его безопасности, что предлагаетъ царю, супругу его и дѣтямъ прибыть въ ея королевство, еслибъ его «постигла такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внѣшней ли враждѣ», что онъ вынужденъ будетъ покинуть свою страну. Царю обѣщается приѣздъ и почетъ, ему приличествующіе, свобода «исполнять христіанскій законъ, какъ ему будетъ угодно», и право жить въ назначенномъ въ Англій мѣстѣ въ собственномъ иждивеніи на все время, пока ему угодно оставаться въ Англій. Съ цѣлью придать этой грамотѣ совершенно исключительное значеніе, ее подписали не только сама королева Елизавета, но также всѣ главнѣйшіе англійскіе министры.

Понятно, что Иванъ Васильевичъ не могъ быть доволенъ такимъ результатомъ посольства Совина, который, къ тому же, возвратился въ Москву одинъ, безъ Дженкинсона, посылаи котораго, въ качествѣ англійскаго посланника, настоятельнымъ образомъ требовалъ царь.

Въ любопытномъ письмѣ отъ 24 октября 1570 года къ королеви Елизаветѣ Иванъ Васильевичъ даетъ полную свободу своему негодованію. Въ этомъ посланіи царь припоминаетъ всѣ англійскія посольства, бывшія въ Москвѣ и удостоенныя самаго милостиваго съ его стороны приѣма. Англійскимъ гостямъ предоставлены исключительныя льготы со стороны царска-

го правительства, которое постоянно подтверждало и охраняло ихъ торговля права.

Теперь же, — пишетъ царь, — возвратился изъ Англіи посолъ Совинъ, съ которымъ королева своего посла не прислала. «А грамоту еси прислала обычную какъ проѣзжую. А тавія великія дѣла безъ крѣпостей не дѣлаются и безъ пословъ. А ты то дѣло (оборонительнаго и наступательнаго союза) отложила на сторону, а дѣлали съ нашимъ посломъ твои бояре все о торговыхъ дѣлахъ».

«И мы чаяли того, — продолжаетъ царь, — что ты на своемъ государствѣ, государыня, и сама владѣешь, и своей государственной чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому тавія дѣла и хотѣли съ тобою дѣлать. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о честяхъ, и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая (т. е. настоящая) дѣвица...»

Такой гнѣвъ царя имѣлъ непосредственнымъ послѣдствіемъ погромъ всей англійской торговли и прекращеніе всякихъ сношеній съ Англіей. «А мужики торговые, — пишетъ царь, — которые оставили наши государскія головы и нашу государственную честь и нашимъ землямъ прибытокъ, а смотреть своихъ торговыхъ дѣлъ и они посмотреть какъ учнутъ торговать. А Московское государство покажѣто безъ англійскихъ товаровъ не «судно было».

Поэтому никакія грамоты отнынѣ не дѣйствуютъ во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи: «да и всѣ наши грамоты, которыя еси давали о торговыхъ дѣлахъ по сей день, не въ грамоты».

Послѣдствія царскаго гнѣва дали себя почувствовать весьма скоро: царь не только лишилъ англійскихъ купцовъ прежнихъ льготъ и права торговать чрезъ Россію съ Персіею, но онъ также повелѣлъ отобрать у нихъ товары и не платить имъ долговъ. Бѣломорская англійская компанія немедленно обратилась къ своему правительству съ настоятельною просьбой положить царскій гнѣвъ на милость и спасти англійскую торговлю отъ окончательнаго разоренія. Англійская королева исполнила это желаніе и написала царю новую грамоту, въ которой высказываетъ свое недоумѣніе по поводу постигшихъ ея подданныхъ бѣдствій. Вслѣдъ за тѣмъ англійское правительство отправило, наконецъ, Дженкинсона въ Москву съ порученіемъ возстановить прежнія торговля права англійскихъ купцовъ и добиться возвращенія отобранныхъ отъ нихъ имущества.

Изъ привезенной Дженкинсономъ королевской грамоты (іюня 1571 г.) видно, что королева Елизавета обидѣлась царскою грамотой отъ 24 октября 1570 года, въ которой она была названа «пошлою дѣвицей». Посолъ расскажетъ царю, — писала королева, — что «никакіе купцы не управляютъ у насъ государствомъ и дѣлами, но что мы сами печемся о веде-

ни дѣлъ, какъ приличествуетъ дѣвѣ и королеви, поставленной преблагимъ и превъсочайшимъ Богомъ, и что никакому государю не оказывается болѣе повиновенія его подданными, чѣмъ намъ нашими народами».

Гоненія же, предпринятія московскимъ правительствомъ противъ англійскихъ купцовъ, крайне несправедливы, потому что только изъ чувства особенной дружбы къ царю королева разрѣшаетъ купцамъ вывозить въ Московское государство «всякаго рода предметы, какихъ мы не позволимъ вывозить ни къ какимъ инымъ государямъ на всемъ земномъ шарѣ».

Наконецъ, Елизавета еще дипломатично прибавляетъ, что «многіе государи» писали ей, чтобъ она прекратила съ царемъ дружбу. «Но никакія письма,—торжественно заявляетъ королева,—не могли насъ убѣдить, чтобъ мы перестали пребывать съ вами въ дружбѣ».

Царь Иванъ Васильевичъ откровенно высказалъ королеви настоящую причину его гнѣва. Онъ совсѣмъ не потому былъ недоволенъ, что королева не пропустила въ Россію корабельныхъ мастеровъ, какъ она неискренне предполагала. «А что о корабленникахъ,—нищеть царь въ августовской грамотѣ 1571 г.,—и о томъ намъ кручины не бывало». Но царь гнѣвается на королеву за то, что она предъ его посломъ Совиннымъ «на грамотахъ вѣста еси не дѣловала и правды нѣкоторыя не учинила». Другими словами, королева никакого союзнаго договора съ царемъ не заключила—вотъ главная причина царской немилости.

Впрочемъ, когда царь Иванъ Васильевичъ писалъ эту грамоту, онъ уже былъ извѣщенъ о прибытіи въ Холмогоры Дженкинсона, личные переговоры съ которымъ должны были выяснитъ взаимныя отношенія царя и англійской королевы.

Англійскій посланникъ прибылъ въ Холмогоры въ іюлѣ 1572 года, но семь мѣсяцевъ былъ продержанъ въ этомъ городѣ, затѣмъ полтора мѣсяца провелъ въ Переяславлѣ, и только въ мартѣ 1573 г. удостоился приема со стороны царя, который отпустилъ его не ранѣе мая 1573 г. Самъ царь высказалъ «Онтому Еннину» (т.-е. Дженкинсону) всѣ причины своего неудовольствія противъ англійскаго правительства, изъ которыхъ главная—пренебреженіе, выказанное королевою къ царскому предложенію заключить союзъ съ Россіей.

«Мы знаемъ,—сказалъ царь англійскому посланнику на первой аудіенціи,—что нужно выслушивать рѣчи о купеческихъ дѣлахъ, такъ какъ они опора нашей государской казны; но сперва нужно установить дѣла государей, а потомъ уже купцовъ». Между тѣмъ, Рандольфъ ничего не рѣшилъ насчетъ «нашихъ государскихъ дѣлъ», а посланникъ царскій также не окончилъ этихъ дѣлъ, «въ противность нашего желанія и нашего приглашенія съ сказаннымъ вашимъ посланникомъ».

Послѣ этой обвинительной рѣчи царя Ивана Васильевича англійскій посланникъ получилъ право дать свои объясненія. Прежде всего, Дженкинсонъ просилъ извиненія за то, что не раньше, во исполненіе желанія царя, прибылъ въ Россію. Но онъ былъ на войнѣ противъ враговъ Англій.

Что же касается посланника Рандольфа, то онъ «отрекается, чтобы когда-либо соглашался, рѣшалъ или давалъ какое-либо обѣщаніе на какія бы то ни было условія или распоряженія иначе, какъ если тѣ условія будутъ, по возвращеніи его домой, одобрены ея в. королевною».

Гнѣвъ же царя на нихъ въ чемъ неповинныхъ англійскихъ торговцевъ «скорѣе происходитъ,—по словамъ англійскаго посланника,—отъ злонамѣренныхъ и ложныхъ донесеній послѣдняго царскаго посланника Совина и тѣхъ злыхъ людей изъ англичанъ, которые бунтуютъ противъ англійскаго правительства. Между тѣмъ, агенты и купцы лондонскаго общества оказывали большія услуги самому царю: корабли этого общества сражались противъ ваперовъ польскаго короля «и сожгли тѣ суда и убили бывшихъ на нихъ, а сколько могли захватить живыми, отдали твоему воеводѣ въ Нарвѣ».

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Дженкинсонъ просилъ царя возвратитъ лондонскому обществу «царское благоволеніе и съ обычною добротой и справедливостью отдать обратно его привилегію для повольнаго торга, который производитъ ему на всемъ пространствѣ владѣній царя, какъ прежде».

Иванъ IV благосклонно выслушалъ рѣчь англійскаго посланника, но никакого рѣшенія не постановилъ на томъ основаніи, что долженъ сперва изучитъ грамоту королевы. Черезъ два мѣсяца, въ маѣ 1573 г., Дженкинсонъ былъ вызванъ въ Старицу, на прощальную аудіенцію. Здѣсь царь объявилъ ему, что, обдумавъ все сказанное посланникомъ и прочитавъ грамоту королевы, «любительной сестры», онъ убѣдился, что «наше тайное порученіе, которое мы на тебя возложили, исполнено согласно съ нашимъ намѣреніемъ (хотя насъ увѣдомляли о противномъ), и теперь мы вполне тобою удовольствованы». Поэтому царь постановилъ: предать забвенію свое неудовольствіе и возвратитъ англійскимъ торговымъ людямъ ихъ прежнія привилегіи и повольности.

Это царское рѣшеніе было подтверждено грамотой Ивана Васильевича отъ мая 1573 г. къ королевѣ Елизаветѣ, въ которой было, между прочимъ, сказано: «И мы для тебя твоихъ гостей пожаловали во всѣхъ своихъ государствахъ торговать имъ велѣли повольною торговлею и пропускать ихъ велѣли изъ своихъ государствъ во всѣ государства куда похотятъ безъ всякаго задержанія и обиды». Что же касается «тайнаго дѣла» о пріѣздѣ царя въ Англію, то «тому дѣлу время поминалося, занеже такіа дѣла межъ государей безъ укрѣпленія и безъ крестнаго цѣлованія не живутъ, да и позамѣшкало то дѣло».

Такимъ образомъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ миссія Дженкинсона въ Россію: привилегіи лондонской бѣломорской компаніи были вновь торжественнымъ образомъ подтверждены царскою грамотой.

Но не долго продолжалась милость царская въ отношеніи англійскихъ купцовъ: въ 1574 г., по повелѣнію Ивана Васильевича, всѣ англійскіе товары, находившіеся въ англійской конторѣ въ Вологдѣ, были отобраны

въ царскую казну, англичане лишились права беспошлинной торговли, и имъ было разрѣшено платить таможенные пошлины на половину меньше противъ платимыхъ другими иностранными купцами. Въ грамотѣ отъ 20 августа 1574 г. царь весьма откровенно объясняетъ англійской королевѣ причины новой опасности. Англійскіе купцы привозятъ въ Россію чужіе товары, не англійскіе, и также требуютъ для нихъ беспошлиннаго пропуску. Далѣе, они оказываются въ рядахъ враговъ царя—поляковъ и шведовъ—и съ оружіемъ въ рукахъ взяты въ плѣнъ. Наконецъ, англійская королева, все-таки, не исполнила желанія царя относительно тайнаго договора, который все еще не заключенъ.

Тогда англійское правительство отправило два раза въ Москву нѣкогого Сильвестра, бывшаго въ Россіи довольно долгое время и хорошо понимавшаго по-русски. Этотъ англійскій посланецъ вынесъ изъ перваго своего путешествія въ Москву, въ 1573—1574 гг., такое убѣжденіе, что царь недоволенъ, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣтъ подписей членовъ англійскаго совѣта на грамотѣ, подписанной королевою, и, во-вторыхъ, отказомъ королевы повторить каждую изъ его статей,—другими словами, царь не отказался отъ мысли искать убѣжища въ Англии, но желалъ, въ то же время, чтобъ о томъ же просила его королева.

Англійское правительство считало неотложно необходимымъ успокоить царя и убѣдить его въ справедливости англійскихъ жалобъ. Королева Елизавета недоумѣвала, о какомъ тайномъ договорѣ можетъ быть рѣчь послѣ объясненій, данныхъ Дженкинсономъ. Но, какъ бы то ни было, Сильвестръ былъ въ маѣ 1575 г. вновь отправленъ въ Москву съ инструкціями, доказывающими, какую большую цѣну придавало англійское правительство торговымъ и дружескимъ отношеніемъ съ Московскимъ государствомъ. Сильвестру было вѣщено въ обязанность убѣдить царя въ томъ, что если англійскіе подданные дѣйствительно нарушали русскіе законы и интересы царской казны, то само англійское правительство не только это не одобряетъ, но готово наказывать самымъ строгимъ образомъ. Если же англійскіе подданные были застигнуты въ рядахъ шведскаго войска, то это были, навѣрное, шотландцы, также говорящіе на англійскомъ языкѣ и принятые русскими за англичанъ. Претензія же царя на королеву за то, что грамота королевы не была подписана совѣтомъ королевы, неосновательна уже потому, что «грамоты, подписываемыя нами,—пишетъ королева,—никогда не подписываются нашимъ совѣтомъ потому, что считается какъ бы униженіемъ нашего сана и достоинства, чтобы кто-либо присовокупилъ свою подпись къ нашей». Не подтвердила королева грамоту своею присягой потому, что полагала, что ея королевскаго слова и подписи достаточно для приданія этому акту полной силы въ глазахъ московскаго царя.

Наконецъ, относительно требованія царя, чтобы королева также просила у него обѣщанія дать ей убѣжище, англійская королева пишетъ въ той же инструкціи: «Вы объявите царю, что если бы наши подданные когда-либо провѣдали, что мы малѣйше сомнѣваемся или подозрѣваемъ какую-

либо переѣху въ нихъ относительно насъ (а мы знаемъ, что это случится, если мы согласимся выразить подобную просьбу), это возбудитъ въ нихъ столь опасное неудовольствіе противъ насъ, что будетъ угрожать нашему благосостоянію». Этому же не можетъ желать «добрый братъ» королевы, и потому она надѣется, что онъ удовольствуется ея отвѣтомъ.

Сильвестръ прибылъ въ Москву въ самый разгаръ опричнины, когда Иванъ Грозный вполнѣ поглощенъ былъ систематическимъ и безопащнымъ истребленіемъ всѣхъ своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ. Царь принялъ лично англійскаго посланца въ опричномъ домѣ въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1575 года, и въ длинной рѣчи высказалъ ему причины своего неудовольствія на англійское правительство.

«Мы соизволили, однако же, — сказалъ царь, — на всѣ просьбы (англійскихъ посланниковъ), надѣясь найти подобную же готовность въ отношеніи къ намъ, потому что поводомъ намъ замыслить тѣ переговоры съ нашею сестрой было вѣрное предвидѣніе нами измѣнчиваго и опаснаго положенія государей и того, что они наравнѣ съ низайшими людьми подвержены переворотамъ; почему мы не довѣряли нашему собственному величію, что въ настоящее время и оправдалось, ибо мы передали санъ нашего правительства, столь царски нами доселѣ поддержанный, въ руки чужеродца, нисколько не родственнаго ни намъ, ни нашей землѣ, ни нашему престолу».

Преступные и злокозненные поступки подданныхъ заставили царя раздѣлить свое государство на двѣ половины — земщину и опричнину — и поставить во главѣ первой татарина Симеона Бекбулатовича.

И вотъ эти-то обстоятельства царь предвидѣлъ, когда онъ посылалъ Совина въ Англію съ порученіемъ обезпечить за нимъ убѣжище во владѣніяхъ королевы. Но, къ сожалѣнію, «ни сестра наша, ни ея совѣтъ не обсудили болѣе здраво наше предложеніе, которое было толковой важности».

Въ январѣ 1576 г. царь во второй разъ удостоилъ Сильвестра приѣмомъ, на которомъ снова подтверждаетъ, насколько его оскорбило несогласіе англійской королевы просить у него убѣжища въ случаѣ бунта ея подданныхъ.

«Мы усматриваемъ въ нашей сестрѣ, — сказалъ Иванъ Васильевичъ, — нѣкоторую гордость и желаніе унижить насъ передъ нею тѣмъ, что мы предлагаемъ ей то, что она считаетъ для себя ненужнымъ».

Между тѣмъ, съ императоромъ Максимилианомъ царь заключилъ такой союзъ, и императоръ нисколько не затруднился его подписать, потому что какой государь добровольно или безпричинно оставитъ или покинетъ свой санъ или землю, чтобы предаться милосердію чужаго и невѣдомаго государя? А также кто, будучи принужденъ покинуть свою землю и свой санъ, въ такомъ бѣдственномъ злополучіи не покорится смиренно волѣ государя или властителя, который даетъ ему убѣжище? «Точно также царь, будучи вынужденъ искать убѣжища въ Англіи, безпрекословно подчинился бы власти покровителя».

Когда затѣмъ Сильвестръ вновь просилъ царя точнѣ опредѣлить всѣ

причины его неудовольствія на Англію, Иванъ Грозный еще разъ подтвердилъ, что неудовольствіе его «состоитъ въ неискренности отвѣтовъ» королевы и «въ сомнѣніяхъ и недомолвкахъ, которыя она содержатъ». Кроме того, «купческія дѣла поставлены впереди и сочтены важнѣе нашихъ (царскихъ) дѣлъ, хотя ихъ успѣхъ долженъ бы зависѣть отъ сихъ послѣднихъ». Царь отлично понимаетъ огромную пользу для англичанъ торговли съ Россіей, и если королева не исполнитъ его желанія, то онъ передастъ всю торговлю въ руки венеціанцевъ и германцевъ. Онъ только ждетъ отъ королевы ея окончательнаго рѣшенія: «либо полнаго согласія, либо рѣшительнаго отказа».

Вончилъ царь Иванъ Васильевичъ свою длинную и грозную рѣчь слѣдующимъ заявленіемъ: «Если бы сестра наша вела себя съ нами въ исполненіи нашихъ дѣлъ столь же дружески, какъ мы того ожидали, постигъ бы вся наша Русская страна была бы въ ея распоряженіи столько же, сколько Англія; ей столь же вольно было потребовать прислать или заказать всякую вещь отсюда, какъ бы изъ ея собственной казны или сокровищницы. Наконецъ, все государство состояло бы въ ея повелѣніяхъ, какъ оно и есть, несмотря ни на что, въ распоряженіи ея купцовъ»...

Изъ донесенія Сильвестра англійское правительство убѣдилось въ неотложной необходимости исполнить желанія московскаго царя, чтобы не потерять чрезвычайно выгодную торговлю въ предѣлахъ его владѣній. Поэтому Сильвестръ былъ еще разъ отправленъ въ Москву съ королевскою грамотой, которая должна была совершенно удовлетворить царя. Англійскій посланецъ дѣйствительно прибылъ въ Холмогоры, но возложеннаго на него порученія исполнить не могъ, потому что былъ убитъ ударомъ молніи. Въ одно мгновеніе сожженъ былъ домъ, въ которомъ находился Сильвестръ и виѣсть съ нимъ его вещи и письмо къ царю королевы Елизаветы. Понятно, что извѣстіе объ этомъ происшествіи чрезвычайно поразило царя, увидѣвшаго во всемъ персть Божій.

Ф. Мартенсъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Россія въ цифрахъ.

Центральнымъ статистическимъ комитетомъ изданъ X томъ *Статистики Россійской имперіи*, въ видѣ *Сборника свѣдѣній по Россіи*. Настоящее изданіе выгодно отличается отъ предшествовавшихъ ему подобныхъ сборниковъ богатствомъ и разнообразіемъ собранныхъ цифровыхъ данныхъ. Хотя и теперь еще въ этомъ отношеніи можно пожелать очень многого, но, тѣмъ не менѣе, языкъ цифръ *Сборника* представляется довольно краснорѣчиво говорящимъ о самыхъ различныхъ сторонахъ жизни нашего обширнаго отечества, поддающихся цифровымъ выраженіямъ. Столбцы цифръ, изъ которыхъ состоитъ *Сборникъ*, позволяютъ также сдѣлать нѣкоторые болѣе или менѣе любопытные выводы и сопоставленія.

Пространство, занимаемое нашимъ отечествомъ, равно, безъ Финляндіи, 386,482 кв. милямъ, а съ этою послѣдней (5,910 миль) составитъ 392,392 кв. миль. Но изъ этого огромнаго пространства, болѣе чѣмъ въ два раза превосходящаго всю Европу, Сибирь занимаетъ 225,690 кв. миль, средняя Азія—62,332 кв. мили и Кавказъ—8,500 кв. миль. Слѣдовательно, на долю, собственно, Европейской Россіи остается 95,860 кв. миль, что, однако, составитъ, все-таки, болѣе половины Европы. Все обширное пространство Россіи населяетъ 113 милліоновъ человѣкъ; изъ нихъ на Европейскую Россію приходится около 98 милл. Цифра эта приближительная, какъ оговариваются въ предисловіи составители *Сборника*, такъ какъ дѣйствительную цифру населенія дастъ только общая народная перепись. Числа мужчинъ и женщинъ въ населеніи нашего отечества почти совпадаютъ. Первыхъ больше всего на 261 человѣкъ. Если мы цифру населенія раздѣлимъ на цифру пространства, то окажется, что на одну квадрат. милю у насъ приходится немногимъ менѣе 300 человѣкъ. Но, само собою разумѣется, что различныя части нашего отечества заселены крайне неравномѣрно. Такъ, въ Финляндіи на квадрат. миль живетъ около 380 человѣкъ, въ Польшѣ—400, въ остальной Европейской Россіи—100, на Кавказѣ—90 и въ средней Азіи около 80 человѣкъ. Но за то населеніе всей Сибири не достигаетъ и 5 милл. человѣкъ; здѣсь на квадратную милю приходится около 18 человѣкъ.

Данныя о движеніи населенія приведены въ *Сборникъ* только относительно Европейской Россіи. Въ среднемъ у насъ заключается ежегодно

около 820 т. браковъ. При этомъ на 100 жителей во внутренней Россіи приходится приблизительно на 100 душъ обоего пола 1,1 брака, въ Польшѣ—1,2 и въ Финляндіи—1,3. Въ *Сборникъ* нѣтъ данныхъ о количествѣ населенія нашихъ городовъ, почему и не представляется возможности сравнить въ этомъ отношеніи города и деревни. Но мы видимъ, что въ губерніяхъ столичныхъ и съ развитою фабричною производительною число браковъ значительно понижается противъ средней нормы. Такъ, въ Петербургской и Московской губерніяхъ 1 бракъ приходится на 140 человекъ обоего пола. Рождается въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, ежегодно 4,085 т. дѣтей обоего пола, а умираетъ ежегодно 2,992 т. человекъ. Такимъ образомъ, ежегодный приростъ населенія составляетъ 1,093 т. человекъ или нѣсколько болѣе 1% общаго числа населенія. Въ Финляндіи приростъ нѣсколько выше и составляетъ почти 1,3%. Характерною чертой въ движеніи населенія въ Россіи является бѣлая рождаемость и бѣлая смертность, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Такъ, во внутреннихъ губерніяхъ рождаемость составляетъ 4,3%, смертность—3%; въ Финляндіи рождаемость—3,8%, смертность—2%. Очень высокой процентъ даетъ именно смертность дѣтей. Въ общемъ во внутреннихъ губерніяхъ 25% родившихся умираетъ одного года и 15% до пятилѣтняго возраста. Ежегодное число такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ равняется въ Европейской Россіи 126 т. чел., что составитъ нѣсколько менѣе 3% всѣхъ рождающихся. Но въ городахъ они даютъ болѣе 10%.

Средства, которыми мы располагаемъ для борьбы со смертностью, не могутъ быть признаны значительными. Число разныхъ больницъ у насъ достигаетъ 3,400 съ 108 т. кроватей. Но, какъ извѣстно, значительная часть нашихъ больницъ существуетъ лишь на бумагѣ. Таково, наприм., большинство больницъ при фабрикахъ и заводахъ, а также сельскія больницы въ неземскихъ губерніяхъ. Пишущему эти строки приходилось видѣть въ деревняхъ западныхъ губерній очень много зданій съ надписями: «сельская больница», но помѣщенія для больныхъ въ нихъ вовсе не оказывалось. Въ такой «больницѣ» съ трудомъ помѣщается фельдшеръ съ аптечнымъ шкафомъ. Въ общемъ одна больница приходится на 32 т. человекъ. Пользовалось врачебною помощью до 16 милл. человекъ. Въ последнемъ отношеніи весьма значительная разница существуетъ между земскими и неземскими губерніями. Такъ, въ Кіевской губ., съ населеніемъ въ 3 милл., число пользовавшихся врачебною помощью составляло 270 т. человекъ; въ Полтавской съ населеніемъ въ 2,780 т. число ихъ простиралось до 520 т. человекъ. Данныхъ объ общемъ количествѣ лицъ врачебнаго персонала въ *Сборникъ* не имѣется. О санитарныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ русское населеніе, отчасти можно судить по огромному числу у насъ слѣпыхъ. Въ 1886 г. ихъ было до 200 т. человекъ, хотя нѣкоторая часть ихъ ускользнула, конечно, отъ регистраціи. Изъ этого числа слѣпорожденные составляютъ лишь 14 т. Въ среднемъ одинъ слѣпой приходится, стало быть, на 550 зрячихъ.

Данныя о производительныхъ силахъ населенія въ *Сборникъ* довольно скудны и, надо полагать, не отличаются особою достовѣрностью. Распределенія населенія по роду занятій не сдѣлано. Если мы обратимся къ главному нашему промыслу, земледѣлю, то увидимъ, что оно направлено исключительно на производство ржи, овса, пшеницы и ячменя. Ржи ежегодно получается въ Европейской Россіи, не считая Польши и Финляндіи, до 112 мил. четвертей, овса—90 мил., пшеницы—40 мил., ячменя—22 мил. и, наконецъ, картофеля—50 мил. четвертей. По существовавшимъ за тотъ же періодъ среднимъ цѣнамъ цѣнность ежегодно собираемаго хлѣба составляетъ для ржи около 1 миллиарда руб., овса—600 мил. руб., пшеницы—400 мил. р. и ячменя—150 мил. р. Урожай въ среднемъ у насъ очень низки даже сравнительно съ Финляндіей. Такъ, для ржи во внутреннихъ губерніяхъ средній урожай самъ 4,₈, въ Финляндіи—7,₁; для пшеницы во внутреннихъ губерніяхъ самъ 5,₂, въ Финляндіи—7,₇; для овса у насъ самъ 3,₂, въ Финляндіи—5,₇; для гречихи у насъ самъ 3, въ Финляндіи—самъ 8,₂; картофеля у насъ—4,₂, въ Финляндіи—6,₁. Еще вышій урожай паютъ Остзейскія губерніи для ржи—почти самъ 10, пшеницы—8. Въ этомъ отношеніи съ ними могутъ соперничать только немногія наши черноземныя губерніи. Кромѣ того, урожай въ большинствѣ нашихъ губерній подверженъ чрезвычайно высокимъ колебаніямъ, что находится въ зависимости отъ плохой обработки земли. Особенно обращаетъ на себя вниманіе паденіе урожая въ нашихъ степяхъ, которыя еще не такъ давно извѣстны были подъ именемъ «житницы Россіи». Въ Самарской губ. урожай пшеницы не превышаетъ теперь самъ 3 и понижается часто до самъ одного съ дробью, т.-е. еле возвращаетъ сѣмена. Наибольшимъ колебаніямъ у насъ подвергается урожай пшеницы. Они превращаютъ на югѣ веденіе хозяйства въ своего рода азартную игру. Такъ, урожай выше средняго далъ въ 1887 г. 67% засѣянной пшеницею площади, въ 1886 г.—19%, въ 1885 г.—20% и въ 1884 г.—83%. Гораздо постояннѣе урожай ржи.

Цѣны на землю у насъ съ каждымъ годомъ поднимаются. Въ 1882 г. она продавалась въ среднемъ по 24 руб. за десятину, а въ 1887 г.—по 34 руб. Общее количество земли, числящееся въ личной собственности, составляетъ въ Европейской Россіи (безъ Польши и Финляндіи) 85 т. дес. Изъ этой площади заложено въ равныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ въ общемъ до 27%. Средняя залоговая цѣнность десятины составляетъ 29 р., а платежи съ нея—1 р. 69 к. Всего же получено землевладѣльцами ссудъ на 632.154,719 руб., платежи по которымъ составляютъ 41.409 т. руб. Наибольшая часть земель заложена въ покойномъ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Имъ принято въ залогъ 28% всей заложеной земли и выдано 31% общей суммы ссудъ *). Всѣхъ банковъ, выдающихъ ссуды

*) Данныя эти относятся къ 1887 г. Къ 1 января 1889 г. общая сумма ссудъ изъ дворянскаго банка возросла съ 68 мил. руб. до 170 мил.

подъ земли, у насъ пятнадцать. Наиболье льготный кредитъ оказываетъ дворянскій банкъ. Такъ, средняя залоговая цѣнность десятины въ дворянскомъ банкѣ 42 р. 81 к., въ крестьянскомъ—42 р. 78 к. Между тѣмъ, платежъ въ первый банкъ составляетъ 1 р. 90 к. съ десятины, а во второй—3 р. 20 к. Даже нѣкоторые акціонерные банки довольствуются меньшимъ процентомъ противъ взимаемаго крестьянскимъ банкомъ.

На случай неурожаевъ у насъ существуютъ въ нѣсколькихъ видахъ запасныя продовольственные средства. Въ 1887 г. озимаго и яроваго хлѣба находилось въ запасныхъ магазинахъ 12 мил. четв. и роздано въ ссуды 18 мил. четв. Денежныхъ капиталовъ въ наличности было 35 мил. руб. и въ долгахъ 21 мил. руб.

Переходную ступень отъ земледѣлія къ обрабатывающей промышленности представляютъ у насъ собою сахарныя, винокуренныя и пивоваренныя заводы, а также табачныя плантаціи. Число сахарныхъ заводовъ простирается въ среднемъ у насъ до 250, на которыхъ работаетъ до 88 т. человекъ. Свекловичныя плантаціи занимаютъ площадь въ 267 т. дес., а среднее количество переработанной свекловицы равно 30 т. берковцевъ. Всѣ заводы вырабатываютъ до 26 мил. пудовъ сахара и до 10 мил. пудовъ патоки. Для русскаго населенія этого количества сахара оказывается болѣе, чѣмъ достаточно, въ виду чего теперь, по общему соглашенію сахарозаводчиковъ, установленъ обязательный вывозъ нѣкоторой части его за границу. Внутри страны потребляется всего до 20 мил. пудовъ сахара или 80 мил. фунтовъ при населеніи въ 110 мил. человекъ.

Винокуренныхъ заводовъ у насъ въ среднемъ имѣется 2,250, выкуривающихъ до 40 мил. ведеръ безводнаго спирта. Изъ этого количества около 6 мил. ведеръ вывозятся ежегодно за границу. Перерабатывается заводами болѣе 80 мил. пудовъ картофеля, 30 мил. пудовъ ржи, 12 мил. п. солоду и 5 мил. п. патоки, винограду и фруктово. Число мѣстъ роздробительной продажи вина равно 126 т. На одного человека въ нашемъ отечествѣ приходится нѣсколько менѣе одной пятой ведра. Гораздо выше насъ по производству стирта стоитъ Финляндія. Въ губ. внутреннихъ производится его 32 мил. ведеръ, а въ Финляндіи 7 мил. ведеръ, т.-е. въ 4½ раза меньше, при количествѣ населенія въ 50 разъ меньшемъ. Пивоваренныхъ и медоваренныхъ заводовъ у насъ имѣется около 1,900. Пожъ табачными плантаціями находится въ среднемъ до 60 т. дес. Сборъ табаку равняется 4,658 т. пудовъ. Изъ нихъ 356-ю фабриками вырабатывается около 3,500 т. пудовъ разнаго рода табачныхъ издѣлій. По преимуществу у насъ производится махорка и другіе низкіе сорта. Въ 1888 г. они дали 3,564 т. пуд., а высшіе сорта 1,300 т. пудовъ. Вывозъ за границу табаку сравнительно весьма незначителенъ. Въ 1888 г. онъ составилъ всего 291 т. пудовъ.

Старѣйшею изъ всѣхъ отраслей нашей промышленности является горнозаводская. Ею занято до 400 т. рабочихъ. Въ 1873 г. число ихъ состав-

ляло лишь 244 т. человѣкъ. По количеству пудовъ больше всего у насъ добывается наменнаго угля, хотя добыча каменнаго угля относится у насъ къ числу самоновѣйшихъ отраслей промышленности. Въ 1858 г. его добывалось 13 мил. пуд., черезъ десять лѣтъ, въ 1868 г., 27 мил. пуд., въ 1878 г. 154 мил. пуд. и въ 1887 г. 276 мил. пуд. По районамъ наибольшее количество даютъ донецкій уголь — 125 мил. пуд. и польскій — 121 мил. пуд. При усиливающемся производствѣ потребление этого продукта даже нѣсколько падаетъ, вслѣдствіе уменьшившагося привоза иностраннаго угля, въ зависимости отъ повышенія таможенныхъ пошлинъ. Но процентъ потребляемаго привознаго угля дѣйствительно ежегодно понижается. Въ 1874 г. онъ составлялъ 45%, а въ 1878 г. — только 24%. Если даже при весьма высокомъ таможенномъ обложеніи иностранный каменный уголь привозится сравнительно въ довольно большомъ количествѣ, то это свидѣтельствуетъ, насколько добыча этого продукта у насъ мало соответствуетъ потребности въ немъ. Еще позже положено у насъ начало добыванію нефти и продуктовъ изъ нея. Въ 1872 г. у насъ добывалось до 2 мил. пудовъ нефти и керосина, почти столько же привозилось. Въ 1887 г. добыча ихъ равна 212 мил. пуд., причѣмъ уже около 20 мил. пудовъ вывозится. Вывозъ начинаетъ превышать привозъ съ 1883 г., когда производство нефтяныхъ продуктовъ сразу поднялось съ 75 мил. пуд. до 110 мил. Слѣдующее мѣсто по количеству добываемаго продукта принадлежитъ соляной промышленности. Въ 1887 г. добыто ея 70 мил. пудовъ. Изъ металловъ у насъ добывается больше всего чугуна, въ 1887—37,389 т. пудовъ. Первое мѣсто по добычѣ его принадлежитъ уральскимъ частнымъ заводамъ, на которыхъ вырабатывается 18 мил. пуд. чугуна. Развивается у насъ эта отрасль промышленности, если принять во вниманіе презирныя покровительственныя пошлины, очень слабо. Еще въ 1873 г. чугуна производилось до 23 мил. пуд. Такимъ образомъ, за пятнадцать лѣтъ усиленіе производства не достигло и 10 мил. пудовъ. Между тѣмъ, потребность въ чугунѣ у насъ очень велика, что и выражается въ среднемъ ежегодномъ привозѣ его въ количествѣ 14 мил. пудовъ. То же самое можно сказать и о производствѣ желѣза. Съ 1873 г. по 1887 г. производство его усилилось съ 15 мил. пуд. до 22 мил., ежегодный привозъ равенъ 5 мил. пуд. Стали произведено у насъ въ 1887 г. 13 мил. пуд., привезено — 466 т. пуд. О потребленіи стали и желѣза можно отмѣтить слѣдующее характерное явленіе. Покровительственныя пошлины хотя нѣсколько и усиливаютъ производство этихъ продуктовъ, но въ еще гораздо большей мѣрѣ замедляютъ ростъ ихъ потребленія. Въ 1873 г. у насъ потреблялось 28 мил. пудовъ желѣза; изъ нихъ 55% отечественнаго производства и 45% иностраннаго. Въ 1887 г. потребленіе желѣза упало до 25 мил. пудовъ; изъ нихъ 88% отечественнаго и 12% иностраннаго. Стали въ 1878 г. мы потребляли 14,477 т. пудовъ; отечественной — 27%, иностранной — 73%. Въ 1887 г. потребленіе уменьшилось до 14,218 т. пуд.; отечественной — 97%, иностранной — 3%. Нѣсколько возросло лишь потребле-

не чугуна, именно съ 23 мил. пуд. въ 1873 г. до 37 мил. въ 1887 г. Но за то привозъ иностраннаго чугуна составлялъ въ 1873 г.—9%, а въ 1887 г.—17%. О весьма слабомъ у насъ потребленіи желѣза можно судить по сравненію въ этомъ отношеніи внутреннихъ губерній съ Финляндіей. Стомилліонное населеніе внутрен. губ. потребляетъ 25 мил. пудовъ желѣза, а двухмилліонная Финляндія—11 мил. пудовъ. Изъ другихъ металловъ довольно видное мѣсто принадлежитъ у насъ добычѣ золота, серебра, платины и мѣди. Золота у насъ добыто въ 1887 г. 2,128 пудовъ, между тѣмъ какъ въ началѣ 60-хъ годовъ его добывалось около 1,500 п. Наибольшая добыча золота падаетъ на конецъ 70-хъ годовъ; въ 1880 г. добыто до 2,600 п., а въ слѣдующемъ только 2,200 пудовъ. Количество добываемаго серебра составляетъ у насъ ежегодно около 1000 пудовъ. Добыча его значительно упала въ началѣ 80-хъ годовъ, съ 1,112 пудовъ въ 1866 г. до 450 пудовъ въ 1883 г.; въ 1887 г. добыча его снова возросла до 938 пудовъ. Добыча платины съ начала шестидесятыхъ годовъ почти удвоилась и доставила въ 1887 г. 269 пудовъ. Мѣди добыто въ 1887 г. 304,607 пудовъ противъ 223,303 пудовъ въ 1873 г.

Что касается собственно обрабатывающей промышленности, то всего въ 1887 г. у насъ считалось 21,247 разнаго рода фабрикъ и заводовъ. Общая сумма производства равнялась 1,120 мил. руб. Рабочихъ было до 800 т. человекъ. Наибольшаго развитія достигла у насъ обработка волокнистыхъ веществъ. Цѣнность производства этой отрасли промышленности равняется 485 т. р., т.-е. составляетъ почти половину всей цѣнности продуктовъ нашей промышленности. Въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ первое мѣсто въ свою очередь принадлежитъ хлопчато-бумажному производству, какъ-то: бумаго-прядельному, бумаго-ткацкому, красильному и набивному, или въ общемъ производству разнаго рода бумажныхъ тканей. Материаломъ служитъ привозной хлопокъ и бумажная пряжа, которыхъ доставлено къ намъ въ 1887 г. на 60 мил. метал. руб. Мѣстнаго происхожденія хлопка у насъ потребляется только около 1 мил. пудовъ. Цѣнность продуктовъ хлопчато-бумажнаго производства составляетъ почти $\frac{1}{2}$ общей цѣнности всѣхъ продуктовъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Выдѣлка тканей изъ шерсти, льна, шелку занимаетъ сравнительно незначительное мѣсто. Затѣмъ цѣнность въ 335 мил. р. даетъ производство питательныхъ продуктовъ, главнымъ образомъ, муки—на 142 мил. руб., сахаро-рафинадное—на 80 мил. руб. и водокъ—на 62 мил. руб. Производство металлическое и металлургическое даетъ 112 мил.; въ томъ числѣ разнаго рода машинъ производится у насъ на 50 мил. руб. Наконецъ, замѣтное мѣсто принадлежитъ еще обработкѣ животныхъ продуктовъ, производящей продуктовъ на 80 мил. руб.; половину этой суммы даетъ кожевенное производство. затѣмъ слѣдуютъ производства салотопныя, мыловаренныя и стеариновыя. Если мы сравнимъ въ отношеніи состоянія обрабатывающей промышленности внутреннихъ губерній съ Финляндіей, то увидимъ

что въ первомъ районѣ на одного жителя приходится на 11 руб. разнаго рода продуктовъ, а во второй на 66 руб.

Международная торговля Россіи характеризуется преобладаніемъ вывоза надъ ввозомъ. Въ періодъ 1882—86 гг. средній ежегодный вывозъ составлялъ 536 мил. метал. руб., а ввозъ—454 мил. руб.; балансъ въ нашу пользу—82 мил. руб. Въ 1887—88 гг. вывозилось на 382 мил. руб. метал., привезено на 194 мил.; балансъ въ нашу пользу—188 мил. руб. метал. Столь благоприятный для насъ торговый балансъ не свидѣтельствуешь, конечно, о томъ, что вся сумма, составляющая его, остается ежегодно въ нашихъ рукахъ въ видѣ денежныхъ сбереженій и такимъ образомъ наше населеніе занимается накопленіемъ денежныхъ капиталовъ. Мы принуждены вывозить значительную часть своихъ продуктовъ для уплаты по долгамъ заграничнымъ капиталистамъ. Аналогичный фактъ мы видимъ въ хозяйствѣ нашего крестьянина. Онъ очень много вывозитъ для уплаты повинностей, очень мало ввозитъ въ свое хозяйство купленныхъ товаровъ и такимъ образомъ пользуется весьма благоприятнымъ торговымъ балансомъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что его благосостояніе постоянно возрастаетъ.

Лучшимъ показателемъ степени благосостоянія населенія является состояніе въ немъ народнаго образованія. Для нашего отечества показатель этотъ весьма мало благоприятенъ. Въ 1887 г. у насъ училось во всѣхъ университетахъ 14 т. челов., въ Финляндіи—1,666 чел. Такимъ образомъ, у насъ одинъ студентъ приходится приблизительно на 4,000 челов. муж. населенія, въ Финляндіи—на 700 человѣкъ. Въ низшихъ училищахъ у насъ обучалось около 2-хъ мил. дѣтей обоого пола, въ Финляндіи 53 т. чел. Въ первомъ случаѣ одинъ учащійся приходится на 55 чел., во второмъ—на 40. Особенно бросается въ глаза отсутствіе у насъ высшего профессиональнаго образованія. Въ 1886 г. у насъ было 19 лѣсныхъ и земледѣльческихъ школъ съ 2 т. учащихся; техническихъ было 80 съ 8 тыс. учащихся. Такимъ образомъ, средства, доставляемыя образованіемъ народной производительности, весьма незначительны. Неудивительно поэтому, что наша обрабатывающая промышленность прибѣгаетъ въ очень широкихъ размѣрахъ къ помощи иностранныхъ технологовъ. На 781 русскихъ, завѣдывавшихъ у насъ въ 1887 г. фабриками и заводами, приходится 380 иностранцевъ. Въ польскихъ губ. число русскихъ почти равно числу иностранцевъ, но тамъ и значительная часть фабричныхъ заведеній принадлежитъ иностраннымъ подданнымъ.

Весьма важнымъ факторомъ развитія производительныхъ силъ являются желѣзныя дороги. Общее протяженіе сѣти ихъ равнялось въ 1888 г. 25,202 вер. или въ среднемъ, считая, что всѣ дороги находятся въ Европейской Россіи, 1 верста ж. д. соответствуетъ почти 200 кв. вер. общаго пространства. По эксплуатаціи этихъ дорогъ казѣ приходится въ среднемъ приплачивать 53,643 т. р. ежегодно, т.-е. болѣе 2,000 р. на

версту. Дѣло въ томъ, что почти вся сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ была сооружена съ помощью капиталовъ, доходъ отъ которыхъ былъ гарантированъ правительствомъ. Гарантированные капиталы желѣзныхъ дорогъ составляютъ 1,427 милл. руб. зол. и почти 400 милл. руб. кред., а ежегодные платежи по нимъ 67 милл. р. зол. и почти 20 милл. р. кред. Негарантированные капиталы сравнительно весьма ничтожны—до 72 милл. рублей зол. и 55 милл. р. кр.; платежи по нимъ—2 милл. р. зол. и 136 т. рублей кред. Всего же платежи по капиталамъ требуютъ ежегодно до 140 милл. руб. кред. или по 5,600 р. съ версты. Последняя цифра обозначаетъ, что верста дороги обошлась намъ приблизительно въ 100 тыс. рублей кред. Между тѣмъ, чистаго дохода верста дала въ 1888 г. 4,828 р. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ начато у насъ съ 1838 г., когда было построено 25 верстъ пути (парско-сельская дорога), затѣмъ въ 1850 г. къ ней присоединилась николаевская жел. дор.—467 вер. Въ 1860 г., т.-е. 30 лѣтъ тому назадъ, мы имѣли всего около 1,500 верстъ желѣзныхъ дорогъ, въ 1870 г.—10 т. вер., въ 1880 г.—21 т. вер. и въ 1890 г. почти 30 т. вер. Такимъ образомъ, ежегодно у насъ въ среднемъ сооружается до 1,000 вер. желѣзныхъ дорогъ. Валовой поверстный доходъ съ нихъ у насъ возрастаетъ довольно медленно—съ 9 т. р. въ 1857 г. онъ поднялся до 11 т. р. въ 1888 г. Но этотъ послѣдній годъ долженъ быть признанъ особенно благопріятнымъ. Въ 1889 г. и особенно въ нынѣшнемъ доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ значительно понизился. Но за то послѣдніе годы, когда установленъ болѣе строгій правительственный контроль за расходами желѣзныхъ дорогъ, процентное отношеніе ихъ къ доходности ежегодно понижается. Такъ, въ 1880 г. расходъ составлялъ 78% дохода, въ 1885 г.—60% и въ 1888 г.—50%. Изъ общей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ 1888 г. 4,665 вер. принадлежали казнѣ, 6,323 вер. частнымъ обществамъ, получавшимъ дивидендъ; остальные 14 т. верстъ можно считать полуказенными, получастными, такъ какъ хотя онѣ и эксплуатируются частными обществами, но убытки по эксплуатаціи уплачивала казна. Въ казну поступили наименѣе доходныя дороги. Средній чистый доходъ съ версты всей сѣти составлялъ въ 1888 г. 4,800 р., казенныхъ—1,800 р., частныхъ дивидендныхъ—10 т. р. Въ общей доходности желѣзныхъ дорогъ доходъ отъ провоза пассажировъ составляетъ 46 милл. р. и отъ грузовъ 207 милл. р. Число пассажировъ достигло у насъ въ 1888 г. 40 милл. человекъ. Службой на желѣзныхъ дорогахъ занято до 150 т. человекъ, получающихъ 56 милл. р. или въ среднемъ по 475 р. на человека.

Совершенно особую отрасль хозяйства можетъ составить у насъ борьба съ пожарами. Приблизительная цифра ежегодныхъ убытковъ отъ пожаровъ составляетъ у насъ 50 милл. р. По болѣе точнымъ исчисленіямъ, касающимся одного 1887 г., общая цифра пожарныхъ убытковъ за этотъ годъ простиралась до 70 милл. р., т.-е. они превышаютъ собою земскіе платежи. За 28 лѣтъ, съ 1860 по 1888 г., въ одной Европейской Россіи безъ Польши и Финляндіи пожарные убытки исчисляются въ 1,350 мил. рублей.

Дѣйствительные убытки отъ пожаровъ, конечно, значительно выше исчисленныхъ. Достаточно сказать, что только страховыхъ премій различными обществами у насъ выдается ежегодно до 60 милл. р. Между тѣмъ, горитъ и масса имущества незастрахованныхъ или одѣненныхъ очень низко, какъ это бываетъ при земскомъ страхованіи. По размѣрамъ своихъ оборотовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ у насъ частныя страховыя общества. Въ 1888 г. они застраховано имущества на 4,356 милл. р., страховыхъ премій получено 50 милл. р. и выдано за убытки до 44 милл. р. Земское взаимное страхованіе существуетъ у насъ въ 34 земскихъ губерніяхъ. Всего принято имущество на 806 милл. р., премій собрано до 10 милл., а выдано около 7 милл. р. Запасный капиталъ земства по страхованію составляетъ теперь 25 милл. р., но изъ нихъ 7 милл. р. въ недоимкахъ. Въ губерніяхъ неземскихъ этому виду страхованія соответствуетъ губернское взаимное страхованіе. Имъ застраховано имущество на 580 милл. руб., при суммѣ взимаемыхъ страховыхъ премій въ 5,500 т. руб. и выдаваемыхъ 4,300 т. р. Наконецъ, въ 47 городахъ у насъ организовано городское взаимное страхованіе. Имъ принято на страхъ имущество на 7,407 т. р., страховыхъ премій собрано 855 т. р. и выдано 260 т. р. Весь запасный капиталъ городскихъ обществъ составляетъ 7 милл. р. Такимъ образомъ, страхованіе своихъ имуществовъ отъ пожаровъ обходится нашему населенію приблизительно въ 66 милл. р. ежегодно.

На удовлетвореніе государственныхъ и общественныхъ нуждъ взимается у насъ съ населенія въ настоящее время около 1 миллиарда руб. въ годъ, именно въ 1890 г. обыкновенные государственные доходы равнялись 891.491,308 р.; затѣмъ земствами взимается до 45 милл. р.; земскій сборъ въ неземскихъ губерніяхъ составляетъ около 15 милл. р.; городскіе налоги даютъ до 50 милл. р.; а всего 1,001 милл. р., кромѣ сословныхъ сборовъ — крестьянскихъ волостныхъ и общественныхъ, купеческихъ, ремесленныхъ и т. д. На душу мужскаго пола это составитъ въ среднемъ около 20 руб. въ годъ.

Если мы обратимся къ прошлому, то увидимъ, что въ 1863 г. нашъ государственный бюджетъ составлялъ 378 милл. р. обыкновенныхъ доходовъ, въ 1873 г. онъ возросъ до 517 милл. р., въ 1883 г. до 778 милл. рублей и въ 1890 г. до 890 милл. р. Въ прежнее время дѣйствительные расходы всегда значительно превосходили назначенные по росписи. Еще въ 1880 г. перерасходъ составлялъ въ обыкновенныхъ расходахъ 50 м. р. Въ 1887 г. эта цифра падаетъ до 17 милл. р., въ 1887 до 2 м. р. и въ 1888 г. израсходовано *меньше* противъ росписи на 13 милл. р. Точно также до 1888 г. нашъ бюджетъ всегда заключался большимъ или меньшимъ дефицитомъ. Дефициты и чрезвычайные расходы покрывались у насъ обыкновенно займами. Въ концѣ 1889 г. займы въ металлической валютѣ составляли 1.384,694 т. р. съ ежегоднымъ платежомъ по нимъ въ 70,157 т. р. Сверхъ того, долги въ кредитной валютѣ къ тому же времени равнялись

2.427,943 т. р. съ ежегоднымъ платежомъ 147,765 т. р. Но изъ долга въ металлической валютѣ 879,809 т. р. заключено за счетъ желѣзныхъ дорогъ; изъ долга въ кред. валютѣ 629,933 р. составляетъ долгъ по выкушной операціи и 110 милл. за счетъ желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, собственно государственныхъ долговъ у насъ имѣется въ металлической валютѣ 504,885 т. р. и въ кредитной—1,688 милл. р.

Кромѣ такихъ долговъ, долгомъ слѣдуетъ считать еще обращающіеся у насъ кредитные билеты на сумму 1.046.295,384 р. при разнѣнномъ фондѣ въ 211.472,495 р. золотомъ и серебромъ. Стоимость кредитнаго рубля въ золотой валютѣ въ *Сборникѣ* приведена съ 1855 по 1888 г. Бумажныя деньги введены у насъ, какъ извѣстно, при Екатеринѣ II, когда манифестомъ 21 декабря 1768 г. учреждены были два «депозитныя банка». До 1786 г. ассигнацій банками выпущено было на 40 милл. р. Въ этомъ году произведенъ былъ новый выпускъ въ 80 милл. р. и курсъ ихъ постепенно началъ падать до 81 к. сер. въ 1791 г. Въ 1805 г. у насъ было ассигнацій на 600 милл. р., а курсъ стоялъ 65 к. сер. Во время войнъ съ Наполеономъ выпуски приподнялись и въ 1809 г. ассигнацій было на сумму въ 513 милл. р. при курсѣ въ 44 к. сер. Въ годъ побѣдоноснаго возвращенія нашихъ войскъ изъ Парижа ассигнаціи составляли уже сумму 815 милл. р., а курсъ стоялъ 23 к. сер. Низшаго курса не знаетъ исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи. Благодаря погашенію части ассигнацій, курсъ ихъ въ 1830 г. поднялся до 30 коп. сер. Наконецъ, въ 1849 г. министромъ финансовъ Канкринымъ была произведена девальвація и объявленъ размѣнъ на золото, причѣмъ 1 р. зол. уплачивался за 3 р. 50 к. ассигнаціями. Въ результатѣ операціи 595 милл. руб. ассигнаціями замѣнены были 170 милл. р. разнѣнными кредитными билетами. Но во время крымской войны, указомъ 10 января 1855 г., размѣнъ былъ прекращенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлались постепенно и новые выпуски кредитныхъ билетовъ, въ результатѣ чего вновь появилась курсовая разница. Въ 1855 г. кредитныхъ билетовъ у насъ было на 511 милл. руб. при курсѣ въ 93 к. Въ 1876 г. сумма кредитныхъ билетовъ возросла до 790 милл. р., а курсъ упалъ до 80 к. Въ 1878 г., вслѣдствіе новыхъ выпусковъ по случаю войны, кредитныхъ билетовъ у насъ было на 1,188 милл. р. при курсѣ въ 63 к. Настоящая сумма ихъ въ 1,046 милл. р. остается неизмѣнною съ 1885 г., но курсъ ихъ упалъ въ 1887 г. до 55 коп. Въ послѣдніе два года и особенно въ первой половинѣ настоящаго года послѣдовало очень быстрое повышеніе курса до 80 коп. зол. на 1 р. кредитный, а затѣмъ вновь началось его паденіе.

Удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ у насъ отчасти возложено на земства и городскія общественныя управленія. Земскіе финансы нельзя признать находящимися въ благополучномъ состояніи. Въ 1887 г. по смѣтѣ ожидалось доходовъ 69 милл. р., поступило 44 милл. и осталось въ недоимкѣ 26 милл. р. Наибольше крупный доходъ земствамъ, 26 милл. рублей действительнаго поступленія, даетъ обложеніе земель. Сборъ съ торговыхъ и

промышленныхъ заведеній составляетъ менѣе 6 милл. рублей. Въ земельномъ обложеніи въ свою очередь наивысшій доходъ даютъ крестьянскія земли—15 милл. р., частновладельческія—9 милл. р. и казенныя съ удѣльными—2,654 т. р. Къ накопленію недоимокъ склонны, повидимому, въ одинаковой мѣрѣ владельцы всякаго рода имуществъ. Такъ, въ 1887 г. за крестьянами числилось недоимки—33% смѣтнаго назначенія, за частными землевладельцами болѣе—45%, за хозяевами торговыхъ и промышленныхъ заведеній около 50%. Такимъ образомъ, размѣръ недоимокъ какъ бы обратно пропорціоналенъ имущественной состоятельности и, вѣроятно, прямо пропорціоналенъ энергіи при взысканіи ихъ. Изъ общихъ расходовъ земства въ 44 милл. р. главнымъ, отнимающимъ до 20% бюджета, является расходъ на организацію врачебной помощи; до 15% бюджета составляютъ расходы на народное образованіе, собственно на земское управленіе тратится менѣе 10% и около 12% на содержаніе мировой юстиціи и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, и, наконецъ, около 15% обходятся дорожная и подводная повинности.

Число всѣхъ земскихъ гласныхъ въ 34 губ. нѣсколько превышаетъ 13,196 человекъ. Изъ нихъ 6 т. гласныхъ отъ частнаго землевладѣнія, 5 т. отъ крестьянъ и около 2 т. отъ города. Губернскихъ гласныхъ было около 2,284 человекъ. По сословіямъ—33% уѣздныхъ гласныхъ составляли дворяне, около 40% крестьяне и около 15% купцы. Въ составѣ губернскихъ гласныхъ дворянъ было 1,587 изъ 2,284 человекъ. Точно также дворяне преобладали и въ составѣ земской администраціи. Такъ, изъ 1,263 предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ дворянъ было 553, крестьянъ 389, купцовъ и чиновниковъ около 300. Изъ 130 членовъ губернской земской администраціи дворяне составляли 98 человекъ, крестьяне 2 (въ Вятской и Олонецкой губ.), чиновники 21, купцы 9. Составъ гласныхъ отражался и на способахъ расходованія земствами своихъ средствъ. Такъ, въ губ. Вятской, Олонецкой, Пермской, Вологодской съ преобладаніемъ крестьянъ въ составѣ гласныхъ расходы на народное образованіе составляютъ до 20% бюджета, въ губ. съ преобладаніемъ гласныхъ отъ крупнаго землевладѣнія—Бессарабской, Сибирской, Тульской, Тамбовской—они падаютъ до 10%. Съ введеніемъ новаго земскаго положенія значительно измѣнится составъ гласныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, и характеръ земской дѣятельности.

Заканчивая обзоръ свѣдѣній, находящихся въ *Сборникѣ*, мы остановимся еще на данныхъ по отбыванію населеніемъ воинской повинности и по совершенію преступленій. Число лицъ призывнаго возраста составляло у насъ въ 1887 г. 837 т. человекъ; почти половину ихъ составляютъ пользующіеся льготами всѣхъ трехъ разрядовъ. Принято на службу 236 т. человекъ. Изъ этого числа принятыхъ на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ было 425 человекъ, съ среднимъ 519 и низшимъ 2,302*); окон-

*) Число подобнаго рода призываемыхъ незначительно вследствие отбыванія ими повинности на правахъ вольноопредѣляющихся.

живших народных училища 9,451 человекъ, т.-е. менѣе 5%; грамотные составляли 56 т. чел. или 25%. Въ Остзейскихъ губерніяхъ всѣ новобранцы грамотны поголовно. Неспособныхъ къ службѣ по болѣзнямъ и невозможности оказалось 140 тыс. человекъ или почти 25% общаго числа призывавшихся.

Данныя о преступности населенія относятся къ 1884 г. Въ этомъ году въ окружныхъ судахъ судилось 35,600 чел. муж. пола и 4,300 женскаго. Но изъ нихъ болѣе 13 т. чел., т.-е. около $\frac{1}{3}$, судомъ оправдано. Число оправданныхъ весьма значительно, но происходитъ ли это отъ слабости суда, или неосновательнаго привлеченія къ суду—неизвѣстно. У мировыхъ судей обвинялось 71 т. чел. мужскаго пола и 9,700 женскаго. Изъ нихъ оправдано почти 30 т. человекъ. Для содержанія преступниковъ въ Россіи имѣется 820 тюремъ, въ которыя ежегодно поступаетъ до 600 т. мужчинъ и 100 тыс. женщинъ. Каждый изъ заключенныхъ находится въ среднемъ выводѣ въ тюрьмѣ 2 мѣсяца.

Вл. Бирюковичъ.

Экскурсы въ область русскаго эпоса.

(Посвящаются академику А. Н. Веселовскому).

I.

Князь Владиміръ и Евпрасія.

Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, представляющихся изслѣдователю русскаго эпоса, — вопросъ объ отношеніи былеваго князя Владиміра къ историческому. Вообще господствуетъ убѣжденіе, что, при значительномъ несходствѣ обѣихъ личностей, въ былевомъ кн. Владимірѣ отразились, однако, довольно многія черты историческаго, хотя и искаженные въ теченіе вѣковъ позднѣйшими историческими наслоеніями. «Какъ преобладающее въ былинахъ положеніе Владиміра, — говоритъ О. Миллеръ, — есть положеніе *стольнаго князя кievскаго*, такъ и преобладающее его качество — *московость, отеческая доброжелательность*. Но, съ одной стороны, сквозитъ этотъ нравъ проглядываетъ, съ другой — къ нему примыкаетъ, или, наконецъ, поверхъ его выдается нравъ совершенно иного рода»¹⁾. Отмѣчая несимпатичныя черты характера былеваго Владиміра, изслѣдователь пытается объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ грубости Владиміра онъ склоненъ видѣть черты, оставшіяся за княземъ отъ другаго порядка вещей, отъ временъ отдаленнѣйшихъ, то — есть «поры грубѣйшаго кровнаго деспотизма». Изрѣдка встрѣчающіяся черты корыстолюбія О. Миллеръ признаетъ проявленіемъ германской дружинности во Владимірѣ. Деспотизмъ объясняется тѣмъ, что «на то же лицо налегъ во многихъ былинахъ позднѣйшій государственный деспотизмъ въ духѣ Ивана Грознаго». Наконецъ, отмѣчая постоянную правдность былеваго Владиміра, О. Миллеръ упоминаетъ мнѣніе Добролюбова, находившаго во Владимірѣ черты византійской государственной важности. Но послѣдному толкованію, по мнѣнію изслѣдователя, противорѣчить *просто* отношеній между княземъ и богатыремъ. «Если же и другія толкованія болѣе или менѣе односторонни, то, — спрашиваетъ авторъ, — не окажется ли хоть тутъ

¹⁾ *Илья Муромецъ и богатырство кievское*, стр. 329.

совершенно сподручнымъ стасовское ученіе о заимствованіяхъ съ востока? Не оказывается ли, въ самомъ дѣлѣ, хоть эта вѣчная праздность нашего Владиміра списанною съ какихъ-нибудь восточныхъ властителей? Увы, что касается, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ намъ тюркскихъ сказаній, то и въ нихъ такъ называемые *ханы*-родоначальники оказываются несравненно дѣятельнѣе нашего Владиміра: они воюють, они охотятся и добычею кормятъ народъ; нашъ же князь ничего никогда не дѣлаетъ. Послѣ всего этого, отказываясь *при настоящемъ положеніи науки*, отъ всякихъ дальнѣйшихъ толкованій, миѣ остается только повторить слова, сказанныя мною про Владиміра былевого въ другомъ мѣстѣ: «не въ немъ настоящая сила Руси, а въ нихъ, людяхъ всякаго рода, такъ сказать, въ *сборныхъ мѣстахъ* земли русской; онъ же только даетъ широкій просторъ ихъ богатырскимъ силамъ»¹⁾.

И такъ, изслѣдователь отказывается отъ дальнѣйшихъ попытокъ къ объясненію существенной черты личности Владиміра, черты тѣмъ болѣе любопытной, что она находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ чертами лѣтописнаго князя Владиміра. Дѣйствительно, если мы припомнимъ изображеніе Владиміра въ лѣтописи, его энергію, предпримчивость, политическую мудрость, образъ его жизни до и послѣ крещенія, то естественно возникаетъ вопросъ, почему историческій Владиміръ представляетъ въ народномъ эпосѣ такую непривлекательную фигуру? Сдѣлавъ попытку къ объясненію нѣкоторыхъ непривлекательныхъ свойствъ Владиміра, О. Миллеръ, повидимому, самъ сознаетъ, что историческими національными наслоеніями нельзя объяснить главной и существенной черты этого былевого типа. Въ вліянію восточныхъ сказаній покойный изслѣдователь вообще относился несочувственно, и потому, только ради очистки совѣсти заглянувъ въ ближайшія къ намъ тюркскія сказанія, немедленно возвращается изъ этой экскурсіи съ убѣжденіемъ, что и личности тюркскихъ хановъ не могутъ послужить къ объясненію праздности Владиміра. Не относясь съ такимъ предубѣжденіемъ къ теоріи вліянія Востока на нѣкоторые типы нашего эпоса, мы попытаемся снова заглянуть въ область восточныхъ сказаній, руководясь тѣмъ соображеніемъ, съ которымъ, вѣроятно, согласны всѣ изслѣдователи, что никакими національно-историческими наслоеніями нельзя, въ концѣ-концовъ, объяснить тѣхъ непривлекательныхъ сторонъ, которыми, совершенно незаслуженно, народная поэзія исказила личность энергичскаго и мудраго русскаго князя.

Сначала спросимъ себя, какія черты историческаго Владиміра могли бы дать матеріалъ для эпическаго воспроизведенія, могли бы отложиться въ народной памяти?

Хотя норманскіе предшественники Владиміра, набирая въ свои дружины разныя русскія племена и вода ихъ на завоеванія отдѣльныхъ областей

¹⁾ Наз. соч., стр. 330. См. также замѣчанія Л. Н. Майкова о праздности князя Владиміра. *Былины Владим. цикла*, стр. 96.

Россіи и нерѣдко за ея предѣлы, должны были положить въ эти племена основы къ сознанию ихъ родства, однако, сами князья еще мало чувствовали связи съ русскою землею, смотрѣли на большинство племенъ, какъ на обильный источникъ для собиранія дани и захвата рабовъ, самой доходной статьи княжеской торговли, и потому представлялись народу элементомъ чуждымъ, пришлымъ, вродѣ прежнихъ восточныхъ властителей хазарь. Даже для ближайшаго къ кievскимъ полянамъ племени, для древлянъ, князь вродѣ Игоря былъ только насильникомъ: придетъ княжеская дружина, выколачиваетъ дань, грабитъ направо и налево, и уйдетъ, причемъ для древлянина не представляло интереса знать, откуда пришелъ князь и куда ушелъ, развѣ только по отношенію къ вопросу, когда можно ожидать вновь его грабительскаго набѣга. При Владимірѣ чувствуется какъ будто новое вѣяніе. Хотя, вѣроятно, далеко не всѣ событія и предпріятія его княженія донесли народная память до столбцовъ лѣтописи, т. - е. до конца XI и начала XII вѣка, однако, то, что сохранилось, громко свидѣтельствуетъ, что въ личности Владиміра надъ княземъ *дружиннымъ* преобладаетъ князь *земскій*. Благодаря ли происхожденію Владиміра отъ славянки Малуши, или вліянію дяди Добрыни и нѣкоторому загону, въ которомъ онъ находился при жизни отца, какъ не вполне равноправный среди братьевъ ¹⁾, во Владимірѣ замѣтно болѣе симпатіи къ національному, славянскому элементу, чѣмъ въ его скандинавскихъ предкахъ. Гордая норманка Рогнѣдъ не захотѣла разуть *робичича*, и въ ея словахъ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть отголосокъ взглядовъ нѣкоторой части нормановъ на этого *воплн славянскаго* сына Святослава. Изъ прирожденной ли, или привитой въ дѣтствѣ симпатіи къ славянству, или изъ политическихъ соображеній, умный Владиміръ, хотя и овладѣлъ Киевомъ при помощи нанятыхъ варяжскихъ дружинъ, старался, однако, освободиться отъ ихъ давленія и искалъ опоры въ славянскомъ элементѣ населенія своего княжества. Это сдѣлало его первымъ популярнымъ княземъ древней Руси, память о которомъ долго послѣ его смерти жила въ народныхъ устахъ. Идеализація князя Владиміра сильно просвѣчиваетъ уже въ его лѣтописномъ изображеніи. «По народному представленію, — говоритъ Костомаровъ, — Владиміръ не только не похожъ былъ на отцовъ и дѣдовъ, но составлялъ имъ противоположность. Прежніе князья только и знали, что брали съ людей, да накладывали дани; Владиміръ, напротивъ, представляется болѣе дающимъ народу, чѣмъ берущимъ отъ него. Это уже князь не дружинный, а земскій» ²⁾ Въ первую половину своего княженія Владиміръ является ревни-

¹⁾ См. лѣтописный разсказъ подъ 970 г., когда Ярополкъ и Олегъ отказались пойти князьями къ новгородцамъ. Добрыня совѣтуетъ новгородскимъ людямъ просить у Святослава отпустить къ нимъ въ князья Владиміра. На ихъ просьбу Святославъ отвѣчаетъ: „Вотъ онъ вамъ!“ — вѣроятно, тономъ нѣсколько пренебрежительнымъ къ новгородцамъ, къ которымъ не пошли княжить (вѣроятно, не безъ согласія отца) его другіе сыновья.

²⁾ *Преданія первоначальной русской лѣтописи*. Историческія монографіи, изд. Ва. .фа, т. XIII, стр. 168.

телемъ національнаго культа, ставить изваянія славянскихъ боговъ, приносить имъ жертвы и то же самое дѣлаетъ въ Новгородѣ его дядя Добрыня, совѣтами котораго, быть можетъ, руководился его воспитанникъ. Первыми жертвами, по лѣтописи, падаютъ два *варяга*, что опять - таки должно было льстить русскому національному чувству, несомнѣнно ожесточенному противъ тяжелаго гнета привилегированныхъ чужеземцевъ. Судя по краткимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ о военныхъ предпріятіяхъ Владиміра, о его походахъ на ляховъ, ятвяговъ, хорватовъ, болгаръ и проч., онъ отличался не меньшею воинственностью, чѣмъ его предки, и съ этой стороны точно также соотвѣтствовалъ народному идеалу князя. Но и въ этомъ отношеніи чувствуется уже новое вѣяніе. Владиміръ является княземъ-оберегателемъ и устройтелемъ той области, съ которою тѣсно связанъ, какъ съ своею отчиной. Не ограничиваясь походами для защиты ея населенія отъ степныхъ кочевниковъ (печенѣговъ), причинявшихъ ей наибольшее зло, онъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы укрѣпить во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ ея предѣлы, подверженные набѣгамъ степняковъ. Дѣятельность земскаго князя по построению городовъ въ порубежныхъ мѣстахъ была, несомнѣнно, очень значительна. По лѣтописи подъ годомъ 988 мы читаемъ, что Владиміръ «нача ставити города по Деснѣ и по Востри, по Трубежеви и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача рубати мужѣ лучшиѣ отъ Словень, и отъ Кривичѣ, и отъ Чюдеи, и отъ Вятичѣ, а отъ сихъ насели грады, бѣ бо рать отъ Печенѣгъ» ¹⁾. Движеніе среди русскаго населенія, вызванное этою колонизаціей, выводъ въ новые города различныхъ племенъ изъ разныхъ мѣстъ государства должны были также немало содѣйствовать утвержденію въ населеніи сознанія національнаго единства и идею государства, должны были прочно залечь въ народной памяти о Владимірѣ. И на это мы находимъ, дѣйствительно, указанія въ лѣтописи. Подобно тому, какъ разнымъ царямъ-строителямъ, вродѣ Навуходоносора, Александра Великаго или царицы Тамары на Кавказѣ, приписывается народными преданіями возведеніе многихъ древнихъ сооружений, которыя завѣдомо имъ не принадлежатъ, такъ народное сказаніе, занесенное нашею лѣтописью, приписывало Владиміру построение города Переяславля, который упоминается въ самой лѣтописи раньше его времени, причемъ въ томъ же преданіи—о побѣдѣ русскаго силача надъ печенѣжскимъ—мы находимъ, быть можетъ, самую раннюю «старину» изъ Владимірова эпическаго цикла. Далѣе, такіи громкіи событія, какъ взятіе Корсуня, бракъ на греческой царевнѣ и крещеніе Владиміра, прибытіе въ Кіевъ греческаго и южно-славянскаго духовенства, торжественное крещеніе киевлянъ, сверженіе идоловъ, христіанская проповѣдь, построение церквей, заведеніе училищъ,—все это должно было заставить всѣ классы населенія много говорить о Владимірѣ, причемъ рассказы о дѣйствительныхъ событіяхъ, переходя изъ устъ въ уста, разукрашались фантазіей и уже въ ближайшихъ

¹⁾ Лѣтопись по списку Лаурентія, стр. 119.

поколѣнiяхъ подвергались общей участи устныхъ преданiй—смѣшенiю фактовъ разнаго времени, эпической амплификаци, внесенiю сказочныхъ мотивовъ и т. п. На ряду съ сказанiями о Владимiрѣ могли ходить въ народѣ преданiя о нѣкоторыхъ выдающихся личностяхъ его княженiя. Недаромъ имена его воеводъ Добрыни и Путяты вошли въ пословицу, а имя перваго доселѣ живетъ въ былинахъ. «Какъ ни скудны данныя,—говоритъ Бостомаровъ,—которыя бы могли дать намъ болѣе ясный образъ Владимiра и его эпохи, самыхъ тусклыхъ представленiй достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованiя, и личность Владимiра, хотя видимая нами сквозъ призму народныхъ преданiй, все-таки, настолько кажется высокою, громадною, что въ нашей исторiи одна только личность можетъ стать съ нимъ въ уровень—личность Петра Великаго»¹⁾).

Очевидно, что *такая* личность должна была на долгiя времена отложиться въ народной памяти, стать центромъ эпическихъ сказанiй, но центромъ не только «географическимъ», не такимъ, каковымъ является Владимiръ въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ, только какъ безсмѣнный князь кiевскiй, вѣчно заводящiй въ гридницѣ *пированье почестемъ пиръ*, а дѣйствительнымъ «краснымъ-солнышкомъ» Русской земли, широко разливающимъ свои лучи во всей области эпическихъ сказанiй.

Намъ кажется, нѣтъ основанiй прибѣгать къ предположенiю, что закрѣпленiю имени Владимiра въ эпосѣ, какъ безсмѣннаго князя стольнокиевского, могла много содѣйствовать личность другого одноименнаго князя—Владимiра Мономаха²⁾), хотя въ *одномъ* сюжетѣ—о заключенiи Ставра Годиновича Владимiромъ въ погреба глубокие—дѣйствительно событiе княженiя Мономаха перенесено на Владимiра святаго. Несмотря на свое выдающееся положенiе среди другихъ современныхъ князей, Мономахъ былъ лишь одинъ изъ многихъ, а не единодержавный властитель Руси, каковымъ представляется былинный Владимiръ, притомъ, княжескiя междоусобiя, раздиравшия въ его время Русскую землю, едва ли давали материалъ для богатырскихъ сказанiй. Печальная дѣйствительность слишкомъ подавляла народную фантазiю, заставляя ее скорѣе идеализировать времена *золотой старины*, когда сплоченная Владимiромъ святымъ Русская земля побѣдоносно отбивалась отъ «поганыхъ» и даже дѣйствовала на нихъ наступательно. Что именно Владимiръ святой *одинъ* отложилъ въ народномъ эпосѣ, это видно изъ нѣкоторыхъ, давно указанныхъ историческихъ отголосковъ (наприм., пиры Владимiра, *хлѣбосольство*, *привѣтливость*, *любовь къ дружинѣ*), сохранившихся въ былинахъ и, наконецъ, въ отчествѣ Сеславичъ, Смыславичъ (испорченномъ изъ *Святославича*), сохранившемся все-гдѣ въ эпосѣ.

Дѣло историковъ рѣшить, если это вообще возможно, насколько *днѣ*

¹⁾ Назван. соч., стр. 172.

²⁾ О. Миллеръ въ „Исторiи русск. словесности Галахова“, т. I, стр. 214

статительный историческій Владимиръ соотвѣтствовалъ тому изображенію, которе мы находимъ въ лѣтописи ¹⁾. По мнѣнію Бостомарова, въ лѣтописномъ изображеніи слѣдуетъ видѣть «не просто только память о Владимирѣ дѣйствительномъ, историческомъ: это—*народный идеалъ* князя, и если онъ соединился съ именемъ Владимира, то потому, что во Владимирѣ были черты, удовлетворявшія этому идеалу» ²⁾. Для насъ достаточно того, что въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка ходили на Руси многочисленныя сказанія о Владимирѣ и его воеводахъ,—сказанія, въ которыхъ его личность играла самую выдающуюся роль, являлась народнымъ идеаломъ князя и, согласно съ обычною эволюціей эпоса, притягивала сказанія другихъ мѣстъ и временъ, подобно тому, какъ тотъ же процессъ приурочиванья разнообразныхъ бродячихъ сказаній къ громкому имени мы находимъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ, или Карлѣ Великомъ, или Соломонѣ. Естественно, чтобы получить значеніе притягивающаго центра въ эпосѣ, такая личность, или, по крайней мѣрѣ, молва о ней, должна тѣмъ-нибудь поразить народное воображеніе: на пустое имя безъ содержанія не могутъ наслоятся въ теченіе многихъ вѣковъ народныя сказанія. А, между тѣмъ, если мы рассмотримъ *былиннаго* Владимира, то найдемъ въ немъ во всѣхъ главныхъ чертахъ полную безцвѣтность, полное несоотвѣтствіе съ лѣтописнымъ идеальнымъ княземъ, и, естественно, впадаемъ въ недоумѣніе, почему эта низменная, нерѣдко комическая и презрѣнная фигура носитъ на себѣ славное историческое имя и притянула къ себѣ такое множество эпическихъ сказаній?

Просмотримъ теперь черты нравственного облика былиннаго Владимира.

Въ противоположность своимъ богатырямъ, особенно Ильѣ Муромцу, князь Владимиръ стольно-киевскій обнаруживаетъ при всякой опасности непоимѣрную трусость, — порокъ, всего болѣе презираемый въ богатырскихъ сказаніяхъ. Такъ, когда Калинъ-царь подступаетъ къ Киеву съ войскомъ:

„Тутъ Владимиръ князь да стольно-киевскій
 Онъ по горенки да сталъ показывать,
 Съ ясныхъ очушковъ онъ ронить слези вѣдь горючіи,
 Шелковымъ платкомъ князь утирается,
 Говоритъ Владимиръ князь да таковы слова:
 — Нѣтъ жива-то стараго козака Ильи Муромца,
 Некому стоять теперь за вѣру, за отечество,
 Некому стѣять за церквя вѣдь за Божіи,
 Некому стоять-то вѣдь за Киевъ градъ,
 Да едь некому сберечь князя Владимиръ
 Да и той Отраксы королевичной“ ³⁾!

Последнія слова особенно характерны: князь прямо признается, что не можетъ самъ уберечь себя и княгиню.

¹⁾ См. интересное изслѣдованіе В. З. Завитинскаго: „Владимиръ святой, какъ политическій дѣятель“. Киевъ, 1888 г.

²⁾ Назв. соч., стр. 167.

³⁾ Гильфердингъ: „Онежск. былинн“, № 75, столб. 447.

Точно такъ же, когда къ Киеву подъѣзжаетъ Идолище, прежде всего

„Убоился нашъ Владиміръ стольне-кїевскій
Чтоль татарина да онъ было поганого,
Чтоль Идолища да онъ было великаго“ 1).

При наѣздѣ богатыря Соловникова Владиміръ *кричитъ* со страху и на вопросъ Ильи Муромца о причинѣ крика говорить:

„— Ахъ ты старій козакъ, Илья Муромецъ!
Да какъ-то не кричать, не треложить мнѣ?
Да на стольней-отъ городъ, какъ на Кїевъ градъ...
А наѣзжать изъ-за славна за синя моря
Молодой млодой суди Соловниковъ“ 2).

Вообще трусливость князя проявляется во множествѣ случаевъ и трудно найти въ былинахъ хоть одинъ случай, гдѣ бы онъ проявилъ мужество. Отмѣчая трусость и слабонервность князя, «сказители» весьма часто изображаютъ его въ комическомъ положеніи. Вспомнимъ сцены вродѣ той, какъ отъ свиста Соловьиного или отъ выстрѣла Василисы Владиміръ ползаетъ на карачкахъ по гридницѣ или Илья беретъ его подъ пазуху 3).

„Закричалъ Калинушка въ поглогоса, —
Владиміръ князь-тотъ съ ума сошолъ,
Княгиня ходитъ роскаракомъ“ 4).

Нерѣдко встрѣчаются сцены униженія князя Владимира предъ его богатырями.

Испугавшись «бѣды неминучей», Владиміръ не скупится на слезы и поклоны, чтобъ задобрить богатырей. Такъ, при наѣздѣ собаки-Калинца царя:

„Князь Владиміръ *порасплакался*,
Собираетъ могучиыхъ богатырей,
И могучиыхъ богатырямъ *раслакался*“ 5).

Въ другомъ вариантѣ того же сюжета Владиміръ идетъ еще дальше въ своемъ униженіи: выпустивъ изъ погреба безвинно засаженного туда Илью,

„Упадалъ Владиміръ князь Ильѣ во праву ногу 6).
Или билъ ему челомъ „до сирой земли“ 7).

Въ отношеніяхъ Владимира къ богатырямъ въ былинахъ замѣчается какая-то двойственность. Съ одной стороны, въ эпическомъ Владимірѣ отразился историческій съ его щедростью и любовью къ дружинѣ. Древ-

1) *Гилефердинъ*: „Онежскія былинны“, № 4, столб. 22.

2) *Тамъ же*, столб. 229.

3) *Киреевскій*, т. I, стр. 30.

4) *Гилефердинъ*, столб. 585.

5) *Рыбниковъ*, т. I, стр. 115.

6) *Рыбниковъ*, т. III, стр. 207.

7) *Киреевскій*, т. IV, стр. 42.

ній, установившійся за Владиміромъ эпитетъ *ласковою*, встрѣчается безпрестанно въ былинахъ, и нерѣдко князь жалуется богатырей и безсчетною золотою казною, и городами съ пригородами за ихъ услуги. Но встрѣчаются и жалобы богатырей на Владиміра, сѣтованія на его неблагодарность, зна то, что онъ не цѣнитъ своихъ богатырей:

„Да не будемъ ми беречь (говорять они) князя Владиміра,
Да еще съ Опраксою королевичной:
У него вѣдь есте много да князей бояръ,
Кормить ихъ и поить да и жалуется,
Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владиміра“¹⁾.

Или вотъ что говоритъ про Владиміра старый богатырь Самсонъ Самойловичъ своему крестнику Ильѣ Муромцу:

„Кладена у меня заповѣдь крѣпкая:
Не бывать бы мнѣ воѣгородѣ во Кіевѣ,
И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра
И на княгиню Апраксию не сматривать,
И не стоять бы больше мнѣ за Кіевъ градъ.
Онъ слушаетъ князей-бояръ,
А не почитаетъ богатырей“²⁾.

Разсылая богатырей съ порученіями не только для защиты земли Русской, но и для своихъ личныхъ цѣлей (за невѣстой, за лебедями для княжескаго стола), Владиміръ нерѣдко выказываетъ грубую неблагодарность къ людямъ, много ему послужившимъ. Вотъ, на примѣръ, какъ жалуется на неблагодарность князя любимый народный богатырь Ильѣ.

„Служилъ-то я у князя Владиміра,³⁾
Служилъ я ровно тридцать лѣтъ,
А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
Увѣтливаго слова, привѣтливаго,⁴⁾
А хлѣба-соли мягкія“⁵⁾.

Неблагодарность къ другому богатырю, Добрынѣ, проявляется въ слѣдующей угрозы, которую князь сопровождаетъ свое порученіе:

„Ахъ ты, душенька Добрыня, снѣгъ Никитиничъ,
Ты достань-ко нуль Забаву, дочь Погатыичну,
Да изъ той было пещерушки смѣяноу.
Не достанеши ты Забавы, дочь Погатыичной,⁶⁾
Прикажу тебѣ Добрынѣ голову рубить“⁴⁾.

Того же Добрыню, жившаго нѣсколько лѣтъ при дворѣ въ столыникахъ, Владиміръ по наговору сажаетъ въ темницу⁵⁾, и, чтобы затѣмъ погубить его, посылаетъ въ поганую Литву, къ литовскому королю, выправлять

¹⁾ Гильбердингъ, столб. 451.

²⁾ Рыбниковъ, т. III, стр. 210.

³⁾ Рыбниковъ, т. I, стр. 94.

⁴⁾ Гильбердингъ, столб. 82.

⁵⁾ Гильбердингъ, столб. 606.

дани за 12 лѣтъ. Недоброжелательство князя къ богатырю проявляется и въ томъ, что во время отлучки послѣдняго Владиміръ сватаетъ его жену за того (Алешу Поповича), за кого отъѣзжающій Добрыня запретилъ женѣ выходить замужъ въ случаѣ своей смерти. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ выказывается съ особенною яркостью *насиліе*, до какаго при этомъ доходить Владиміръ: иногда онъ угрожаетъ взять Настасью силою, если она «доброю нейдетъ», иногда грозитъ выдать ее въ Литву за татарина или пострѣчь въ старицы 1). Естественно поэтому, что возвращающійся мужъ награждаетъ князя весьма нелестнымъ эпитетомъ:

„Кабы ты былъ не Владиміръ князь,
Назвалъ бы тебя я сводникомъ,
А княгину—сводницей“ 2).

Подобные укоры раздраженнаго богатыря князю приходится выслушать, какъ справедливое наказаніе:

„Тутъ солнышко Владиміръ стольне-кѣвскій
Онъ повѣсилъ буйну голову
А въ тотъ же во кирпиченъ мостъ
Со своею было княгиною“ 3).

Нѣкоторые сказители доводятъ неблагодарность Владиміра даже до того, что князь ничѣмъ не вознаграждаетъ богатыря за спасеніе имъ отъ змѣя своей любимой дочери:

„Приѣзжаетъ-то Добрыня ко стольному ко городу ко Кіеву
Ай ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Ай приводить князю дочку любимую.
Ай за ту-то услугу великую
Князь его ничѣмъ не жаловалъ“ 4).

Если такъ ярко проявляется нерасположеніе князя къ Добрынѣ, который вообще отличается *отъжествою* и котораго нѣкоторыя былины называли племянникомъ Владиміра, то относительно другихъ богатырей князь доходитъ до крайняго деспотизма и самодурства и является виновникомъ смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сухмантій, вызвавшійся добыть Владиміру живьемъ лебедь бѣлую и потерпѣвшій неудачу на охотѣ, бьется съ пустыми руками ѣхать къ князю: «Какъ поѣхать мнѣ къ ласкову князю — мнѣ живому не бывать». Князь не вѣритъ совершенному имъ подвигу — побіенію татарской рати—сажаетъ его въ погребъ, и это такъ оскорбило богатыря, что онъ

„Видергивалъ чинсточки маковне
Съ тнихъ ранъ со зророванихъ“

и истекъ кровью 5).|

1) *О. Миллеръ*: назван. соч., стр. 492.

2) *Тамъ же*, стр. 493.

3) *Гилбердингъ*, ст. 46.

4) *Гилбердингъ*, ст. 321.

5) *Рубниковъ*, т. I, стр. 32.

Такая же печальная судьба постигаетъ богатыря Данилу Ловчанина. Позарившись на его красавицу-жену, князь, по совѣту коварнаго Мишатычка, отправляетъ богатыря на опасные подвиги, насылаетъ на него его братьевъ, роднаго и названнаго, а самъ ѣдетъ въ теремъ Василисы и хочетъ увести ее къ себѣ въ Кіевъ. Но вѣрная жена закалывается на томъ мѣстѣ, гдѣ закололся ея мужъ ¹⁾. Такимъ образомъ, сбылись пророческія слова Ильи Муромца:

„Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Изведешь ты ясна сокола,—
Не пимать тебѣ бѣлой лебеди!“—

Слова, за которыя князь посадилъ Илью въ погреба глубокіе. Последнее наказаніе, кажется, всего чаще примѣняется къ любимому народному богатырю, который, по свойству своего характера, нерѣдко навлекаетъ на себя гнѣвъ «ласковаго» князя. Обычнымъ поводомъ служить то, что князь обижаетъ Илью подаркомъ, даритъ другихъ богатырей городами съ пригородами, а Ильѣ жалуетъ шубу кунью и затѣмъ, за пренебрежительное отношеніе богатыря къ подарку, приказываетъ своимъ слугамъ:

„Повести Илью на горы высокія,
Бросить его въ погреба глубокіе,
Задержать рѣшетками желѣзными,
Завалить чашей, хрящомъ-камнемъ“ ²⁾.

Иногда это наказаніе постигаетъ Илью за то, что онъ приходитъ незванный на княжескій почестень пиръ ³⁾. Каждый разъ, однако, князь самъ платится за свое самодурство и долженъ прибѣгать къ помощи наказаннаго имъ богатыря, который въ столкновеніи съ нимъ не скупится на рѣзкія слова и угрозы. Такъ, напримѣръ, когда къ разобиженному Ильѣ Владиміръ посылаетъ его брата крестоваго Добрыню Никитича, чтобы пригласить его на княжескій пиръ, то «старый козакъ» говоритъ Владиміру:

„Зналъ кого послать меня позвать!
Кабн не братецъ крестовый названный,
Никого я не послухалъ бы.
А было намѣренье наложено:
Натануть тугой лукъ разрывчатый,
А власть стрѣлочка каленая,
Стрѣлять во гридю во столовую,
Убить тебя князя Владиміра“ ⁴⁾.

Не менѣе рѣзко отзывается Илья о князѣ, когда послѣдній посылаетъ освободить его изъ погреба. Илья соглашается выйти только благодаря просьбѣ Апраксина, чтобъ служить за вѣру христіанскую, за столичный Кіевъ-градъ, за вдовъ, сиротъ, причемъ прибавляетъ по адресу князя:

¹⁾ *Киртесскій*, т. III, стр. 33—34.

²⁾ *Киртесскій*, т. I, стр. 67. Срав. *Гильфердингъ*, 1177 и 1268.

³⁾ *Гильфердингъ*, ст. 304.

⁴⁾ *Рибникозъ*, т. I, № 18. Срав. *Гильфердингъ*, ст. 236, 459.

„А для собаки то князя Владиміра
Да не вышелъ бы я вонъ изъ погреба“¹⁾.

Разгнѣванный Илья, въ нѣкоторыхъ былинахъ, идетъ еще дальше: прогнавъ прислужниковъ княжескихъ, онъ садитъ на очищенные мѣста на виру голъ кабацкую, говоря, что князь держится на престолѣ только имъ, Ильей, что «завтра онъ можетъ и самъ служить въ Кіевѣ княземъ»²⁾ и что

„Ежели не сдѣлаетъ князь по-моему,
То онъ процарствуетъ только до утра“³⁾.

Чтобы докончить списокъ пороковъ эпического Владиміра, слѣдуетъ упомянуть еще одну черту его характера, проскальзывающую, впрочемъ, не часто и представляющую рѣзкую противоположность его обычной щедрости. Мы имѣемъ въ виду *жадность*, которая побудила князя позариться на имѣніе сыновей Соловья-разбойника. Жадность проявляетъ и дочка Владиміра, которая уцѣпилась было за драгоценный перстень Соловья и поплатилась за это пальцемъ. О. Миллеръ предполагалъ, что эти добычничьи инстинкты были наслѣдованы Владиміромъ отъ его предка Игоря⁴⁾. Пусть такъ, хотя доказать это весьма мудрено, такъ какъ эта черта противорѣчить всему, что мы знаемъ объ историческомъ и эпическомъ Владимірѣ. Для насъ достаточно того, что ласковаго князя стольно-кіевского, Владиміра красное-солнышко, народные сказители въ теченіе многихъ поколѣній награждали весьма солиднымъ спискомъ всякихъ пороковъ и даже такими, которые народу особенно ненавистны въ князѣ. Любопытно, что такое несоотвѣтствіе между *историческимъ и былиннымъ* Владиміромъ, затрудняющее изслѣдователя эпоса, чувствуется и самими сказителями. Хотя они не знаютъ исторіи, но помнятъ, что князь Владиміръ причисленъ къ лику святыхъ. «Не разъ,—говоритъ Гильфердингъ,—сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что нехорошо такъ говорить про святаго, да что дѣлать? Такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились»⁵⁾.

Спрашивается, неужели въ этомъ князѣ, трусливомъ, коварномъ, иногда жадномъ, заискивающимъ предъ Ильей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, унижающемся предъ нимъ,—въ князѣ, котораго богатыри называютъ *собакой*, *сводникомъ*, *дурнемъ*⁶⁾, Соловей-разбойникъ — *воромъ*⁷⁾, котораго Илья грозитъ убить и смѣстить, можно видѣть отголоски историческаго Владиміра, искаженные позднѣйшими, однако, національно-историческими наслоеніями? Если и можно допустить, что на личность былиннаго Владиміра наслоились нѣ-

¹⁾ Гильфердингъ, ст. 1179.

²⁾ О. Миллеръ, стр. 666.

³⁾ Рыбниковъ, т. II, стр. 338.

⁴⁾ Въ *Исторіи словесности Галахова*, т. I, стр. 61.

⁵⁾ *Онежскія былины*, предисловіе, стр. XXIV.

⁶⁾ О. Миллеръ, стр. 304.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 305.

которыя черты московскаго царя-деспота, вродѣ Ивана Грознаго, то этикъ мы нисколько не объяснимъ презрительнаго отношенія народа къ князю. Нигдѣ въ пѣсняхъ о Грозномъ мы не найдемъ такого отношенія народа къ властителю, которое сказывается въ обращеніи Ильи съ княземъ стольнокиевскимъ, и всякій понимаетъ, что такое отношеніе къ державной власти вообще не въ русскомъ національномъ характерѣ. Слагатель пѣсни могъ выставить черты самодурства, подозрительности, гнѣвливости, жестокости въ личности, подобной Грозному, но не могъ бы, согласно съ національнымъ духомъ, выставить личность князя въ комическомъ видѣ труса, неудачнаго сводника, не могъ бы заставить своего представителя издѣваться надъ нимъ и даже угрожать убить его и сѣсть на его мѣсто. Всѣ эти черты, по нашему убѣжденію, должны быть навѣяны извнѣ, должны быть занесены съ Востока, изъ области *сказочныхъ* царей-деспотовъ и трусовъ, и не могли органически возникнуть на русской почвѣ, какъ эпические отголоски личностей какихъ-нибудь *историческихъ* русскихъ властителей.

Для объясненія нѣкоторыхъ и, притомъ, существенныхъ сторонъ характера былеваго Владимира, мы исходимъ изъ предположенія, что на него отложились нѣкоторыя черты того типа «эпическаго» или «сказочнаго» царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ, современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема. Какъ бы поверхностны на первый взглядъ ни представлялись сближенія, къ которымъ мы приступаемъ, мы надѣемся, что эта мысль будетъ становиться, по мѣрѣ накопленія фактовъ, все болѣе и болѣе вѣроятной. Все, что вначалѣ будетъ казаться случайнымъ, впоследствии потеряетъ характеръ случайности, когда мы увидимъ, что вліяніе «Рустеміады» на нашъ эпосъ проявляется не въ одной личности, а въ нѣсколькихъ, не въ одной фабулѣ, а въ цѣломъ рядѣ. Какимъ путемъ проникало въ нашъ эпосъ это вліяніе и чрезъ какую промежуточную среду, это будетъ предметомъ одного изъ дамчѣйшихъ экскурсовъ, въ которомъ мы постараемся уяснить, какое значеніе имѣлъ персидскій эпосъ на Востокѣ, въ какомъ видѣ и какіе сюжеты его пользовались особою популярностью и выходили за предѣлы Ирана, какимъ видоизмѣненіямъ они подвергались и при какихъ *историческихъ* условіяхъ нѣкоторые ихъ отголоски донеслись до южно-русскаго эпоса. Теперь же просимъ имѣть только постоянно въ виду, что иранскій эпосъ оказалъ вліяніе на русскій не въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ онъ является въ изложеніи персидскаго поэта-историка и эклектика Фирдоуси, но что въ наши былинны, такъ и въ кавказскія сказанія, могли перейти лишь основы нѣкоторыхъ фабулъ, пройдя, притомъ, чрезъ рядъ передѣлокъ, измѣненій и искаженій какъ въ промежуточной (тюркской) средѣ, такъ и на русской почвѣ, подъ вліяніемъ національной окраски и приспособленія къ основному характеру южно-русскаго эпического цикла. Вообще, заключеніе о правдоподобіи выдвигаемой нами гипотезы можетъ быть сдѣлано лишь по окончаніи всей серіи экскурсовъ, которые связаны между собою одною основною

идеи, уясненіемъ вліянія восточныхъ иранскихъ сказаній на нашу эпосъ. Мы вполне сознаемъ, что, приступая къ сравненію нѣкоторыхъ нашихъ былинныхъ типовъ и сюжетовъ съ восточными, мы вступаемъ на почву весьма скользкую, мы хорошо помнимъ, что слишкомъ рѣшительно поставленная гипотеза В. В. Стасова потерпѣла крушеніе и вызвала полемику (въ которой мы сами принимали участіе)¹⁾, мы сознаемъ также и тѣ требованія, которыя современное состояніе изученія народнаго эпоса предъявляетъ гипотезѣ, имѣющей притязаніе на научность, но надѣемся въ главномъ и основномъ удовлетворить этимъ требованіямъ; что же касается частныхъ ошибокъ и увлеченій, отъ которыхъ не гарантированъ ни одинъ исследователь, какъ бы онъ ни старался быть остороженъ, то такія промахи будутъ своевременно замѣчены и исправлены критикой.

Царь Кейкаусъ, подобно Владиміру, не отличается воинскою доблестью: во время постоянной борьбы Ирана съ Тураномъ онъ пребываетъ въ своемъ дворцѣ, пируя и угощая своихъ пехлевановъ, которые охраняютъ его и государство. Въ началѣ царствованія Кейкаусъ проявлялъ воинственныя наклонности, но предпріятія его были безумны и каждый разъ онъ попадалъ въ бѣду, изъ которой его выручалъ Рустемъ. Пренебрегая совѣтами пехлевановъ, Кейкаусъ предпринялъ походъ въ страну *дивовъ* Мазандеранъ, съ цѣлью прославить свое имя. Предпріятіе кончилось полною неудачей: царь со всемъ войскомъ попалъ въ постыдный плѣнъ и убѣдился, что спасти его можетъ одинъ Рустемъ, къ которому онъ и отправляетъ посланіе: «Когда я припоминаю твои совѣты,—пишетъ онъ отцу Рустемову Залю,—то вздыхаю. Твои совѣты не сдѣлали меня умнѣе и мое легкомысліе причина моего несчастія»²⁾. Такъ бичуетъ себя царь, который до начала похода выражалъ свое неудовольствіе Залю за несочувствіе его безумному предпріятію³⁾. Урокъ, полученный самонадѣяннымъ царемъ въ Мазандеранѣ, не послужилъ ему въ пользу. Послѣ того какъ Рустемъ, совершивъ рядъ подвиговъ и убивъ страшнаго *Блазо дива* и царя Мазандерана, освободилъ Кейкауса, послѣдній по оплошности попадаетъ въ плѣнъ къ царю Гамаверана, а весь Иранъ наводняется полчищами туранцевъ. Снова приходится Рустему спасать безумнаго царя и очищать отечество отъ непріятеля. Спасенный Рустемомъ вторично, Кейкаусъ, подбужденный Иблисомъ (злымъ духомъ), дѣлаетъ попытку взлетѣть на небо на прирученныхъ орлахъ и попадаетъ въ комическое положеніе: орлы внезапно спустились, и царь, едва не разбившись, упалъ въ густомъ лѣсу, гдѣ его разыскиваютъ Рустемъ и другіе пехлеваны. Интересно, какое мнѣніе о царѣ высказываютъ они при этомъ случаѣ: «Старый Гудеръ говоритъ Рустему: «Съ тѣхъ поръ, какъ меня мать кормила молокомъ, я видѣлъ на свѣтѣ много вѣнцовъ и престоловъ, царей и властителей, но ни между великими,

1) Въ дальнѣйшемъ мы отмѣтимъ тѣ *неясности*, но прочные научные результаты исследования В. В. Стасова, которые, къ сожалѣнію, до сихъ поръ были игнорированы.

2) *Mohl*: „Livres des Rois“, I, 400.

3) Ср. *ibid.*, p. 389.

ни между малыми я никогда не видалъ человѣка упрямѣ Кейкауса. У него нѣтъ ни здраваго смысла, ни мудрости, ни опытности, нѣтъ правоты, и сердце у него не на мѣстѣ. Можно сказать, что у него нѣтъ мозга въ головѣ и ни одной хорошей мысли»¹⁾). Такіе же комплименты придется царю выслушивать и въ глаза отъ пехлевановъ: «Для тебя, — говорятъ они, — приличнѣе больница, чѣмъ дворецъ. Каждую минуту ты оставляешь престолъ на произволъ враговъ, не повѣряя никому своихъ безумныхъ плановъ. Три раза ты попадалъ въ бѣду и не сталъ умнѣе отъ этихъ испытаній»²⁾). Выслушивая подобныя упреки, Кейкаусъ соглашается, что они справедливы, раскаивается, «плачетъ жолчью и кровью». «Его гордость была подавлена стыдомъ, который онъ испытывалъ передъ богатырями; онъ на время воздерживался отъ пировъ и затворилъ дверь для аудіенцій»³⁾).

И такъ, въ персидскомъ эпосѣ Кейкаусъ представляетъ нерѣдко такую же комичную фигуру, какъ въ нашемъ Владимірѣ, которому также, какъ мы видѣли, приходится и стыдиться за свою оплошность, и плавать, и возлагать всю свою надежду на богатырей, особенно на Илью Муромца.

Отношенія Кейкауса къ Рустему всего болѣе напоминаютъ отношенія Владиміра къ Ильѣ. Такъ, когда Ирану и царю его угрожаетъ опасность, когда Сохрабъ, во главѣ туранскихъ войскъ, наступаетъ на Иранъ, Кейкаусъ въ смятеніи пишетъ «ярлыки скорописчаты» Рустему и не скупится на льстивыя выраженія: «Никто, кромѣ тебя, не можетъ съ нимъ (Сохрабомъ) помѣряться, — ты одинъ можешь затмить его славу. Знай, что въ цѣломъ свѣтѣ ты одинъ можешь (намъ) помочь. Ты сердце и оплотъ храбрыхъ Ирана, ты имѣешь когти и силы льва» и т. п.⁴⁾. Но когда Рустемъ (подобно Ильѣ Муромцу) не спѣшишь устремиться на призывъ царя, а нѣсколько дней пируетъ и пьянствуетъ съ его гонцомъ, Кейкаусъ приходитъ въ гнѣвъ и начинаетъ бахвалиться. Онъ кричитъ пехлевану Гиву въ присутствіи Рустема и другихъ богатырей: «Бто такой Рустемъ, что онъ можетъ пренебрегать своими обязанностями и не повиноваться моимъ повелѣніямъ? Еслибъ у меня былъ сейчасъ мечъ подъ рукой, я отрубилъ бы ему голову, какъ апельсинъ. Возьми его, повѣсь его на вислицѣ и не произноси никогда передо мною его имени». При этихъ словахъ сердце Гива встрепенулось и онъ сказалъ: «Неужели ты наложишь руки на Рустема?» Царь разразился такъ противъ Гива и Рустема, что все собраніе было поражено; онъ приказалъ Тусу взять ихъ обоихъ и повѣсить, а самъ поднялся съ трона, пылая гнѣвомъ. Тусъ подошелъ къ Рустему и взялъ его за руку; пехлеваны стояли въ оцѣпенѣніи; онъ хотѣлъ отвести его съ глазъ Кейкауса, опасаясь за несчастіе. Но Рустемъ въ гнѣвѣ воскликнулъ: «Не наполняй свою грудь пыломъ гнѣва: твой поступокъ одинъ хуже

1) *Mohl*, II, p. 35.

2) *Ibid.*

3) *Ibid.*, стр. 37.

4) *Mohl*, II, p. 84.

другаго и ты недостойнъ царствовать. Повѣсь лучше этого турка (Сохраба) и побереги свой гнѣвъ и выходы для непріятелей. Румъ, Сегсаръ, Мавандеранъ, Египеть, Битай и Гамаверанъ — рабы моего коня Ракша; изъ сердца сокрушены моимъ мечомъ и лугомъ, и ты самъ живъ только благодаря мнѣ. Какъ же ты дерзаешь предаваться такому гнѣву?» Затѣмъ Рустемъ ударилъ рукой по рукѣ Туса, и тотъ упалъ на землю, а богатырь, переступивъ чрезъ него, вышелъ, сѣлъ на Ракша и сказалъ: «Я — побѣдитель львовъ, я — раздаватель вѣнцовъ. Если я гнѣваюсь, что дѣлается съ Каусомъ? Кто такой Тусъ, чтобъ онъ дерзнулъ наложить на меня руки? Богъ далъ мнѣ силу и побѣдоносность, а не царь и его войско. Свѣтъ — мой рабъ и Ракшъ мой престолъ; мечъ — моя царская печать, шлемъ — мой вѣнецъ... Богатыри призывали меня къ вѣнцу, предлагали мнѣ престолъ и корону, но я не пожелалъ престола царей, — я имѣлъ въ виду обычай, мой долгъ и праведную жизнь. Еслибъ я принялъ престолъ и вѣнецъ, у тебя не было бы этой власти и высокаго удѣла. Развѣ являлись слова, которыя ты произнесъ? Это ли воздаяніе за мои благодѣянія?» и т. п. Въ заключеніе разгнѣванный богатырь объявляетъ, что онъ покидаетъ Иранъ и увѣщаетъ ¹⁾. Другіе богатыри негодуютъ на царя за его обращеніе съ Рустемомъ. Гудерзъ отъ ихъ имени говоритъ, какъ необходимо Рустемъ, и Кейкаусъ раскаивается въ своихъ словахъ. Онъ посылаетъ Гудерза, чтобъ умилостивить Рустема и вернуть его, подобно тому, какъ Владиміръ посылаетъ Добрыню вернуть разгнѣваннаго Илью. Рустемъ говоритъ Гудерзу: «Я нисколько не нуждаюсь въ Кейкаусѣ; мое сѣдло — мой престолъ, мой шлемъ — мой вѣнецъ, панцырь — моя порфира, а душа моя думаетъ только о смерти. Что передо мною Каусъ? Горсть пыли. Зачѣмъ мнѣ бояться его гнѣва?» и т. д. ²⁾. Наконецъ, онъ сдается на убѣжденія Гудерза, возвращается къ Каусу и послѣдній извиняется передъ нимъ, въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ, въ своей необдуманной вспышкѣ ³⁾.

Прежде чѣмъ пойти дальше, отмѣтимъ нѣкоторыя аналогіи въ отношеніяхъ Кейкауса къ Рустему и Владиміра къ Ильѣ, съ тою необходимою оговоркой, что сходство является не столько въ деталяхъ, сколько въ главномъ, въ общемъ положеніи.

Какъ персидскій царь раздражается противъ самостоятельности Рустема, такъ и Владиміръ противъ поведенія (несомнѣнно, гораздо болѣе грубаго) русскаго народнаго богатыря. Раздраженный тѣмъ, что его посадили на пиру съ боярскими дѣтьми, Илья уходитъ, стрѣляетъ по золотымъ маловкамъ княжескихъ покоевъ (или Божьихъ церквей), созываетъ голъ кабанкую, угощаетъ ее и говорить:

„Пейте вы, голы, не сумнайтеса,

) *Молл*, II, pp. 89—92.

) *Ibid.*, стр. 95.

) *Ibid.*, стр. 96.

*Я завтра буду во Киев князем слушати,
А у меня вы будете предводителями¹⁾.*

Раздраженный Рустемъ, какъ мы сейчасъ видѣли, говоритъ, что *моя бы быть царемъ, аместо Кауса*, но пренебрегаетъ престоломъ.

Какъ Кейнаусъ грозитъ въ припадкѣ гнѣва повѣсить Рустема, такъ Владиміръ велитъ заточить Илью въ погреба глубокіе, чтобъ онъ умеръ съ голоду²⁾, или угрожаетъ срубить ему голову³⁾. Какъ Кейнаусъ, и уходъ Рустема, раскаявается въ своемъ обращеніи съ нимъ и посылаетъ Гудерза вернуть его обратно, такъ Владиміръ, испугавшись ухода Ил., посылаетъ къ нему Добрыню Никитича, которому и удается убѣдить разгнѣваннаго богатыря. Какъ Рустемъ нерѣдко говоритъ о томъ, что самъ ему дана отъ Бога и что онъ не боится Кейнауса, такъ нашъ Илья упоминаетъ на божественное происхожденіе своей силы богатырской, презрительно относится къ князю и позабываетъ свою обиду не ради «собна князя Владиміра», а ради Божьихъ церквей, вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей. Какъ въ ссорѣ Кейнауса съ Рустемомъ другіе похлеваны стоятъ на сторонѣ послѣдняго и не рѣшаются (кромя Туса) наложить на него рукъ, такъ и въ ссорѣ Владиміра съ Ильей чувствуется высокое уваженіе прочихъ богатырей къ Муромцу. По однимъ пересказамъ, когда Владиміръ отдалъ приказъ посадить Илью въ погребъ, богатыри отправились за нимъ, но никто не дерзнулъ наложить на него рукъ. Они подѣзжаютъ къ нему и говорятъ:

*„Ужь ты старей козакъ, Илья Муромецъ!
Приказалъ намъ солнышко Владиміръ-князь
Посадить тебя въ погреба глубокіе
И завалить-то рѣшеточку чугууную,
И завалить-то дубъ-колодезь со всѣхъ сторонъ,
Да зарыть-то песочками желтими“.*

На это говоритъ Илья таково слово:

„Да-де что со мною подѣлаете?“

Да говорятъ богатыри таково слово:

*„Да не одно мы солнышко на небѣ,
Не одинъ мы богатырь на святой Руси,
Старей козакъ Илья Муромецъ.
Да выведи (насъ) изъ неволи изъ великія,*

Побѣдитъ насъ солнышко Владиміръ князь“⁴⁾.

Тогда Илья, жалъя богатырей, самъ отправляется въ заточеніе и никто не наложилъ на него руки.

Въ другихъ пересказахъ протестъ богатырей противъ Владиміра за его приказъ засадить Илью въ погребъ заявляется весьма ярко:

¹⁾ *Кир.*, I, 97.

²⁾ *Гильфердингъ*, ст. 1177.

³⁾ *Рыбн.*, II, стр. 384.

⁴⁾ *Гильфердингъ*, ст. 1268.

„А смѣлихъ кіевски богатыри
 А разсѣдились тутъ на князя на Владиміра,
 А они скоро вѣдь сѣдились на добрыхъ коней,
 А уѣхали они да во чистѣ поле,]
 Ай во тое раздолье во широкое:
 „Ай не будемъ вѣдь ми жить больше во Києви,
 А не будемъ ми служить князю Владиміру“¹⁾.

Такъ далеко не идутъ персидскіе пехлеваны, хотя нерѣдко осуждаютъ Бейкауса и при случаѣ говорятъ ему въ глаза, что ему приличнѣе большая, чѣмъ дворець (см. выше).

Обращаемся къ другимъ чертамъ Бейкауса, въ которыхъ можно отиѣтитъ его сходство съ былевымъ Владиміромъ.

Бейкаусъ женится на дочери гамаверанскаго царя, Судабѣ. Обстоятельства женитьбы таковы. Войска Бейкауса разбиваютъ царя Гамаверана, и онъ долженъ послать иранскому царю богатые подарки. *Никто* изъ придворныхъ сообщаетъ Каусу, что у побѣжденнаго царя есть дочь красавица, достойная быть женою Кауса. Послѣдній отправляетъ къ царю Гамаверана посла съ требованіемъ руки его дочери. Царь не расположенъ къ этому браку, но изъ страха передъ побѣдителемъ рѣшаетъ почтить его посла и исполнить его требованіе. Онъ спрашиваетъ мнѣние дочери, Судабѣ, которая, оказываясь, съ радостью соглашается стать женою Кауса: «Зачѣмъ мнѣ горевать, — говоритъ она, — о союзѣ съ властителемъ міра, который можетъ отнимать у царей престолы и области? Никто не скорбитъ о такомъ событіи, которое должно скорѣе вызывать радость»²⁾. Видя готовность дочери, царь снаряжаетъ ее въ путь, и посолъ Кауса привозитъ ему невѣсту съ богатѣйшими дарами.

Среди нашихъ былинь есть немало такихъ, въ которыхъ рассказывается о женитьбѣ Владиміра на Евпраксин (Апраксѣ, Опраксѣ и т. п.). Всего чаще это былины *сводныя*, въ которыхъ сюжетъ женитьбы Владиміра связанъ съ другимъ — женитьбой Дуная, причѣмъ жены Владиміра и Дуная являются родными сестрами³⁾, и Дунай, добывъ для Владиміра Апраксу-королевицну, по дорогѣ добываетъ себѣ ея сестру, Настасью, паляницу удалую.

О. Миллеръ справедливо замѣчаетъ, что когда-то должны были существовать особыя пѣсни о женитьбѣ Владиміра и особыя о женитьбѣ Дуная⁴⁾. Выдѣляя второй сюжетъ этихъ сводныхъ былинь, именно женитьбу Дуная, мы получаемъ для фабулы женитьбы Владиміра схему довольно близкую къ вышеприведенной схемѣ женитьбы Бейкауса на Судабѣ. Основные черты этой схемы таковы: Владиміръ на пиру, обращаясь къ богатырямъ, говоритъ, что всѣ они женаты, а не женаты лишь онъ, и что ему нужно добыть невѣсту:

¹⁾ Тамъ же, ст. 304.

²⁾ *Мол*, II, р. 9.

³⁾ См. разборъ этихъ былинь у О. Миллера, гл. VI, стр. 332.

⁴⁾ Назв. соч., стр. 333.

„Сидите-ко мнѣ невѣсту, сосватайте,
 Чтобн возрастомъ да нѣз плеча въ плечо,
 Красотою-то была нѣз лица въ лицо,
 Чтобн было мнѣ-ка съ нимъ-то вѣкъ-отъ жить,
 Чтобн вамъ-то было кому кланяться“¹⁾.

Одинъ богатырь (Дунай, Перминъ Ивановичъ) объявляетъ Владимиру, что такая красавица дочь есть у короля литовскаго (ляховинскаго, литскаго, малидонскаго, польскаго и т. п.), и Владимиръ отправляетъ его посломъ въ эту землю. Посла король не учествовалъ по прїѣздѣ и въ грубыхъ выраженїяхъ отказалъ въ рукѣ дочери. Тогда посолъ набиваетъ войско короля и послѣдній принужденъ согласиться. Въ противоположность отцу, дочь, по нѣкоторымъ версіямъ, охотно принимаетъ предложеніе князскаго князя. Такъ, въ одной былинѣ она говоритъ Дунаю:

„Три года я Господу молилася,
 Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владимира“²⁾.

Затѣмъ богатырь благополучно привозитъ невѣсту Владимиру³⁾.

Замѣтимъ тутъ же, что въ одномъ пересказѣ (*Рыбниковъ*, ч. III, № 3) королевшица оказывается даже враждебною своему отцу. Выходя на крыльцо къ посламъ Владимира, она говоритъ имъ:

„Возьмите-ка вы батюшка родимаго,
 Моего короля любимаго,
 Стадите его во чисто поле,
 Закопайте-ко вы во спру землю,
 Закопайте его до бѣлыхъ грудей.
 Можетъ, въ ту пору король обзумѣтся...
 Можетъ бить, меня, Настасью королевичу,
 Отдасть за князя за Владимира“.

По поводу этой черты О. Миллеръ замѣчаетъ вполне справедливо: «Какъ ни полна эта пѣсня чертами новыми, но эта послѣдняя черта не можетъ не быть признана весьма древнею, такъ какъ мы встрѣчаемъ ее даже во многихъ средневѣковыхъ литературныхъ передѣлкахъ народнаго эпоса»⁴⁾.

Съ своей стороны мы можемъ подтвердить эту черту—переходъ дѣвщины на *сторону* жениха—одною чертой персидскаго эпоса. Судаба, которую мы сопоставляемъ съ Евпраксїей, — впрочемъ, ставши уже женою Кауса, — *предостерегаетъ* его противъ козней своего отца. Когда послѣдній приглашаетъ къ себѣ Кауса съ своею дочерью въ гости, Судаба говоритъ мужу: «Не слѣдуетъ принимать этого приглашенїя, тебѣ не слѣдуетъ быть его гостемъ, не нужно доставить ему случай схватить тебя во время пира и овладѣть твоею неоцѣненной особой»⁵⁾.

¹⁾ *Гильфердингъ*, ст. 1014.

²⁾ *Рыбниковъ*, ч. I, к. 81-й. Въ другихъ пересказахъ такой готовности невѣста не выражаетъ (*Рыбн.*, I, 80; II, 12; III, 21).

³⁾ Ближе всего къ этой схемѣ былины Гильфердинга, №№ 214 и 272, и Рыбникова, ч. III, к. 3, въ которыхъ находимъ *исключительно* сюжетъ женитьбы Владимира безъ примѣси втораго сюжета—женитьбы Дуная.

⁴⁾ Назв. соч., стр. 885.

⁵⁾ *Мойл*, II, р. 11.

И такъ, сравненіе обѣихъ фавулъ—женитьбы Кауса и Владимира—обнаруживаетъ *нѣкоторое* сходство. Оба берутъ въ жены дочерей побѣжденных царей, обѣимъ богатыри сообщаютъ о существованіи достойныхъ ихъ невѣстъ во враждебной сторонѣ, оба отправляютъ пословъ, оба встрѣчаютъ несогласіе со стороны отца и согласіе со стороны дочери, наконецъ, обѣимъ ихъ послы привозятъ невѣсть. Если эти аналогіи хоть нѣсколько подтверждаютъ нашъ взглядъ, что на личности Владимира отслонились нѣкоторыя черты Кейкауса, то дальнѣйшее подтвержденіе мы найдемъ въ болѣе подробномъ сопоставленіи типовъ женскихъ—Евпраксія и Судаба.

Дочь гамаверанскаго царя, хотя и по своей охотѣ вышедшая за царя Кейкауса, оказалась женщиной сластолюбивою и коварною, что выразилось особенно ярко въ ея отношеніяхъ къ царевичу Сіавушу. Сіавушъ былъ сыномъ Кейкауса отъ другой жены, также добытой ему богатырями ¹⁾. Мать его умерла и царевичъ, отличавшійся необыкновенною красотой, воспитывался у Рустема, который его очень любилъ. По достиженіи нѣкоторой молодости, Сіавушъ былъ возвращенъ Рустемомъ Кейкаусу и жилъ нѣкоторое время при отцѣ. Судаба, увидя случайно красавца Сіавуша, влюбилась въ него и стала называть его въ гаремѣ. Сіавушъ отказался. Тогда Судаба внушаетъ мужу мысль послать Сіавуша въ гаремъ къ его сестрамъ, и ничего не подозревающій Каусъ самъ посылаетъ туда сына. Судаба, пылая страстью, осыпаетъ Сіавуша нѣжными словами, «долго прижимаетъ его къ сердцу, цѣлуетъ въ глаза и уста и не можетъ наглядѣться на царевича» ²⁾. Сіавушъ подозреваетъ о ея чувствѣ и скоро уходитъ изъ гарема. Чтобы имѣть случай еще разъ видѣть царевича, Судаба совѣтуетъ мужу женить его и приказатъ ему выбрать себѣ жену среди родственницъ, красавицъ гарема. Ослѣпленный мужъ самъ всячески уговариваетъ сына снова идти на женскую половину, и тутъ Судаба признается ему въ своей страсти, хотя все еще нѣсколько сдерживается. Сіавушъ, опасаясь козней Судаба, не рѣшается *помышлять* ее и увѣряетъ, что готовъ жениться на ея дочери, а самое ее будетъ любить, какъ мать. При третьемъ посѣщеніи, Судаба уже прямо требуетъ отъ Сіавуша, чтобы онъ вступилъ съ нею въ любовную связь. Когда Сіавушъ рѣшительно отвергъ ея любовь, она разыгрываетъ, чтобы его погубить, обычную сцену: начинаетъ плакать и кричать, что Сіавушъ хотѣлъ ее опозорить. Прибѣгаетъ царь, выслушиваетъ слова Судаба и показанія сына и, по разслѣдованіи дѣла ³⁾, убѣждается въ невинности Сіавуша, но все же не рѣшается наказать коварную жену. Оставшись ненаказанною, Судаба продолжаетъ мстить Сіавушу и всячески старается его погубить. Она добываетъ отъ вѣдьмы двухъ мертворожденных младенцевъ, разыгрываетъ

¹⁾ См. рассказъ о привозѣ матери Сіавуша богатырями Тусомъ, Гивомъ и Гудеромъ у Mohl, II, pp. 155—158, и срав. привозъ Апраксія то тремя, то двумя богатырями по разнымъ пересказамъ.

²⁾ Mohl, II, p. 169.

³⁾ Mohl., II, p. 185.

сцену преждевременных родов и увѣряетъ мужа, что эти младенцы плодъ наслія, которому она подвергнулась отъ Сіавуша. Однако, снова обманъ ея не удастся: царь узнаетъ о происхожденіи младенцевъ и, чтобы разсѣять всѣ подозрѣнія, подвергаетъ Сіавуша испытанію огнемъ, которое тотъ выноситъ удачно. Пройдя невредимо чрезъ пылающій громаднѣйшій костеръ, Сіавушъ проситъ отца простить Судабѣ и тотъ очень доволенъ, такъ какъ, несмотря на все ея коварство, сильно любитъ жену ¹⁾. Судабѣ, все-таки, съ теченіемъ времени удается вызвать охлажденіе отца къ сыну, и слѣдствіемъ этого былъ уходъ Сіавуша къ царю Турана Афросіабу.

Сопоставляя Судабѣ съ Евпраксіею, мы не усматриваемъ, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, сходства въ деталяхъ фабулы, а только сходство въ основномъ характерѣ обѣихъ женщинъ: Евпраксія, дочь литовскаго короля, оказалась еще болѣе развратною женою, чѣмъ дочь гамаверанскаго царя. Вспомнимъ о ея попыткахъ склонить на любовь предводителя калитъ и объ ея отношеніяхъ къ Тугарину Зиѣвичу или Чуригѣ. Евпраксія отличается такою же навойливостію въ удовлетвореніи своей страсти, какъ Судабѣ. Когда ей приглянулся молодой предводитель калитъ Касьянъ Аванасевичъ (Михаилъ), она дождалась, пока всѣ калиты заснули, пробралась ночью въ горницу Касьяна и говоритъ ему:

„Ай же ты молодой Касьянъ да Афанасевичъ!
Ай какъ полно Господу Богу молитесе,
Ай пора тебѣ спать топерь ложитесе.
Ай пойдешъ со мной во спальню вѣдь княженецкую,
Ай на туя перину пуховую“.
Ай какъ энъ отвернулся сказалъ-то ей:
„Ай же ты, княгиня Апраксія!
Ай поди же прочь отъ меня съ добра.
Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,
Не хочу я свернить спальни вѣдь княженецкіей.
Не хочю свернить своего тѣла бѣлаго.
Ай когда я пошелъ Богу молитесе“... ²⁾.

Несмотря на такой отвѣтъ, княгиня еще два раза ночью приходитъ къ Касьяну и отстаетъ отъ него только тогда, когда онъ угрожаетъ ударить ее «дубиною дорожною» ³⁾. Эта троекратная попытка соблазнить Касьяна напоминаетъ троекратную же попытку Судабѣ зазвать Сіавуша на женскую половину дворца. Не достигши своей цѣли, Евпраксія хочетъ погубить Касьяна подобно тому, какъ Судабѣ мститъ Сіавушу. Въ способѣ мести той и другой нѣтъ сходства. Евпраксія, какъ извѣстно, тайкомъ владѣетъ княжескую чашу въ сумку Касьяна съ тѣмъ, чтобъ обвинить его въ воровствѣ. Когда чаша была найдена въ его сумкѣ, товарищи, согласно уговору, отсѣкаютъ ему руки, ноги и выкалываютъ глаза, но небесное чудо спасаетъ Касьяна и калиты облачаютъ коварную княгиню. Такъ точно въ

¹⁾ *Молі*, II, р. 194.

²⁾ *Гильфердингъ*, ст. 412.

³⁾ *Тамъ же*, ст. 413.

персидскомъ сказаніи судъ Божій, испытаніе огнемъ, окончательно оправдываетъ Сіавуша во введенномъ на него Судаба обвиненіи. Отмѣтить также и то, что и въ персидскомъ, и въ русскомъ сказаніи коварная жена князя (царя) остается безъ наказанія, вслѣдствіе слишкомъ сильной любви къ ней обманываемаго мужа. Последняя черта, еще болѣе роднящая Владиміра, какъ слабохарактернаго мужа, съ Кейкаусомъ, высказывается особенно ярко въ былинѣ о Чурилѣ, въ которой нѣкоторыя детали слова напоминаютъ вышеприведенное персидское сказаніе. Заѣзжій красавецъ Чурила сильно полюбился князю Владиміру, какъ Кейкаусу пріѣхавшій отъ Рустема красавецъ Сіавушъ. Владиміръ не принимаетъ на него «залоубицковъ и челоубитчиковъ» и зоветъ его къ себѣ въ столынки.

„Да завелъ государь да почетной игръ.

Да премладнй Чурила-то сынъ Пленковичъ,

Да ходитъ-де ставить дубовы столы,

Да желтыми кудрями самъ потряхиваетъ,

Да желтны кудри расхлываются,

А бивъ скаченъ жемчугъ раскатается.

Прекрасная княгиня та Апраксія

Да ружала мясо лебединое,

Смотрячись-де на красоту Чурилу,

Обрѣзала да руку бѣлу правую.

Сама говорила таково слово:

„Да не дивуйте-ко вы, жени господскія,

Да что обрѣзала я руку бѣлу правую,

Да помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ,

Да помутились у мѣя-де очи асныя,

Да смотрячись-де на красоту Чурилу,

Да на его-то на кудри на желтны,

Да на его-де на перстни ачатенны...“

Да сама говорила таково слово:

„Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!

Да премладому Чурилу сину Пленковичу

Не на этой ему службѣ бить,

Да бить ему-де во постельникахъ,

Да стлать ковры да нодъ насъ мигіе“.

Говорилъ Владиміръ таково слово:

„Да суди тѣ Богъ, княгиня, что въ любовь ты мѣя пришла.

Да кабы ты, княгиня, не въ любовь пришла,

Да я срубилъ бы тѣ по плечь да буйну голову,

Что при всѣхъ ты госнодахъ обезчестила“¹⁾.

Несмотря на то, что отношенія княгини къ красавцу Чурилѣ прерываются въ самомъ началѣ, такъ что мотивъ о мести сладострастной женщины, отвергнувшему ее красавцу здѣсь неумѣстенъ, несмотря далѣе и на то, что мотивъ увлеченія Апраксіи вошелъ въ число другихъ похожденій Чурилы только по эпической аналогіи, мы находимъ въ приведенномъ эпосѣ нѣкоторыя знакомыя черты, живо напоминающія личность Судаба.

¹⁾ Голубовичъ, № 223, ст. 1064.

Какъ послѣдняя, пѣтившись Сіавушемъ, просить мужа устроить ихъ обмѣну, пославъ Сіавуша на женскую половину дворца, такъ Апраксія просить Владиміра перевести Чурмлу на должность *постельничего* при ней. Какъ Кейнаусъ, убѣдившись въ коварствѣ и невѣрности Судабе, рѣшаетъ ее казнить и велитъ даже вести ее къ висѣлицѣ ¹⁾, но, страстно любя ее, радъ простить ее по первой просьбѣ Сіавуша, такъ и Владиміръ заявляетъ, что велѣлъ бы казнить Апраксію, еслибъ она такъ *съ любовью ему не пришла*.

Такъ же безнаказанно сошли Апраксія ея отношенія къ Тугарину Змѣвичу, которыя зашли, повидимому, гораздо дальше, чѣмъ ея отношенія къ Чурмлѣ. *Младъ* Тугаринъ Змѣвичъ живетъ при дворѣ Владиміра въ открытой связи съ его супругой. Хотя онъ *насмильникъ* по отношенію къ Владиміру, но княгиня онъ въ любовь пришелъ. Роль Владиміра, допускающаго этотъ *meutageen trois*, весьма забавна. Тугарина приносятъ къ обѣду двѣнадцать богатырей на золотой доскѣ, сажаютъ на мѣсто большое, а подлѣ него сидитъ княгиня Апраксѣвна. И не хорошо онъ ведетъ себя за столомъ. Вотъ что говоритъ о немъ Алеша Поповичъ Владиміру, какъ будто тотъ самъ ничего не видитъ:

„Гой еси ты, ласковнй сударь Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Во княгиня онъ, собака, руки въ пазуху владеть,
Цѣлуеть во уста сахарниа...“

Далѣе тотъ же мотивъ, что въ былинѣ о Чурмлѣ:

„И принесли лебедушку бѣлую,
И ту румала княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала рученьку лѣвую.
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо смотрѣть на мнѣ животь,
На молода Тугарина Змѣвича“ ²⁾.

Дальнѣйшее содержаніе былинны—убіеніе Тугарина Змѣвича Алешей—насъ не интересуетъ, но отмѣтимъ лишь слѣдующую подробность. Когда Алеша убилъ Тугарина и Владиміръ пригласилъ Алешу служить ему въ Кіевѣ, Апраксія, разлученная съ любовникомъ, обращается къ Алешѣ съ укоромъ:

„Деревеньщина ты, засельщина,
Разлучилъ ты меня съ другомъ милнмъ“.

Но и онъ не остается въ долгу и выражаетъ о ней слѣдующее мнѣніе:

„А ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣвна!
Чуть не называь я тебя сукомъ,
Сукомъ-то волочайкомъ“ ³⁾.

¹⁾ *Молл*, II, pp. 192—194. Кейнаусъ, когда слылъ его стасливо промель чрезъ огонь, осмѣляетъ Судабе упреками и велитъ ей готовиться къ смерти. Затѣмъ приказываетъ наладу вести ее къ висѣлицѣ, но Сіавушъ, зная, что отецъ, казнить Судабу, раскисаетъ и возмущиваетъ его, какъ виновника ея смерти, ходатайствуетъ объ ея помилованіи.

²⁾ *Кирпес.*, II, 70.

³⁾ *Тамъ же*, стр. 80.

Отличаемъ эту черту въ виду того, что она дополняетъ сходство Владимира, этого слабохарактернаго мужа, съ Кейнауsomъ. Последний, какъ мы видѣли, прощаетъ женѣ измѣну и продолжаетъ любить ее попрежнему. Судабѣ удалось даже настроить его враждебно противъ сына, слѣдствіемъ чего былъ уходъ его въ Туранъ и, въ концѣ-концовъ, гибель. Послѣ смерти Сивуша Рустемъ, его воспитатель, спѣшитъ къ Кейнаусу, осыпаетъ его упреками за слабость къ коварной женѣ, бросается ватѣмъ на женскую половину дворца, выволакиваетъ Судабѣ оттуда за волосы и пронзаетъ ее кинжаломъ. Кейнаусъ только проливаетъ слезы ¹⁾. Какъ здѣсь наказаніе невѣрная жена терпитъ не отъ слабаго мужа, а отъ богатыря, часто избавлявшаго его отъ его враговъ, такъ и въ нашемъ эпосѣ наказываетъ Апраксию не Владимиръ, а избавившій его отъ Тугарина Алеша, который, впрочемъ, не заходитъ такъ далеко, какъ Рустемъ, а только едва не обзываетъ княгиню «сукою волочайкою».

Приводя *аналогіи* между Евпраксию и Судабѣ, мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробный разборъ былинъ, изъ которыхъ мы ихъ черпаемъ. Не дѣлаемъ мы этого потому, что сравненіе наше касается не столько подробностей сюжетовъ, сколько сходства въ общемъ типѣ русской княгини и иранской царицы. Мы далеки отъ мысли, чтобъ въ основѣ былинъ о сокола калинахъ, о Тугаринѣ или о Чуригѣ лежали какіе-нибудь иранскіе оригиналы. Достаточно прочесть ученые разсѣдованія академика А. Н. Веселовскаго, сдѣлавшаго всего больше для уясненія состава этихъ былинъ, исторіи сюжетовъ и объясненія отдѣльныхъ деталей ²⁾, чтобы убѣдиться, что *прямое* сведеніе названныхъ былинъ къ восточнымъ оригиналамъ было бы предпріятіемъ ненаучнымъ. Но, все-таки, намъ кажется, что тѣми чертами, которыя нами отгѣнены, мы имѣемъ право воспользоваться не только для доказательства сходства въ типахъ Евпраксин и Судабѣ, но и для объясненія этого сходства выдвигаемою нами гипотезой, именно, что въ этихъ чертахъ можно видѣть глухіе отголоски зміненія типа Судабѣ на образованіе былеваго типа Евпраксин. Мы представляемъ себѣ ходъ развитія типа слѣдующимъ образомъ.

Много вѣковъ тому назадъ, въ періодъ образованія Владимірова цикла, существовали въ южной Россіи эпическія сказанія съ сюжетами, сохранявшими въ значительной свѣжести нѣкоторые *наиболѣе популярныя* иранскіе эпическіе мотивы. Эти иранскіе сюжеты вошли въ русскія эпическія сказанія, конечно, не непосредственно, а пройдя предварительно чрезъ инопородческую (тюркскую, половецкую) среду, подобно тому, какъ отголоски *Рустеміады* мы находимъ еще доселѣ въ болѣе ярныхъ слѣдахъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ ³⁾.

Среди иранскихъ сказаній, далеко вышедшихъ за предѣлы Персіи, какъ

¹⁾ *Мой* II, pp. 348—349.

²⁾ См. *Южно-русскія былинны*, III—XI, стр. 95—98, 345 и друг.

³⁾ См. моя статья: *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. Этнограф. Обзор.* 1899 г., книга II, стр. 1—36.

мы увидимъ далѣе, самую главную, капитальную роль играли нѣкоторые сюжеты изъ походовъ богатыря Рустема, котораго имя до сихъ поръ популярно и на Кавказѣ, и въ Средней Азiи. Этотъ типъ благороднаго, независимаго, маститаго богатыря былъ усвоенъ многими народностями, жившими въ предѣлахъ вліянія сравнительно высокой иранской культуры. Иногда сохраняя имя, иногда получая другое, національное, иногда перерабатываясь въ томъ или иномъ направленiи въ сказанiяхъ разныхъ народовъ, типъ Рустема становится роднымъ и национализируется въ разныхъ этническихъ средахъ, причѣмъ усвоеніе чужаго эпического типа и претвореніе его въ родного, національнаго богатыря совершалось всюду безотчетно, безсознательно, въ силу обычнаго процесса, совершающагося въ международныхъ культурныхъ сношенiяхъ. Какъ до сихъ поръ Рустемъ совершаетъ свои подвиги въ кавказскихъ эпическихъ сказанiяхъ, такъ онъ совершалъ ихъ подъ другимъ именемъ и въ другой одеждѣ въ сказанiяхъ тюркскихъ кочевниковъ южно-русскихъ степей, ближайшихъ сосѣдей кievской и сѣверской Руси. Изъ этихъ степей, какъ мы постараемся доказать, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣроятнымъ въ одномъ изъ дальнѣйшихъ экскурсовъ, проникли въ южно-русскій эпическій циклъ нѣкоторые сюжеты *Рустемiады*, причѣмъ нѣкоторыя черты тюркскаго «экземпляра» Рустема наклонились на главнаго русскаго богатыря, ставшаго народнымъ идеаломъ, такъ какъ удовлетворяли понятiямъ и вкусамъ простонародной среды, въ которой *развивался* (если не зародился) нашъ богатырскій эпосъ.

Выдающееся положеніе Рустема среди другихъ пехлевановъ, его стoяніе на защитѣ государства, благородство, великодушiе, презрѣніе къ смерти, независимое положеніе по отношенію къ властителю, сочувствіе къ молодымъ богатырямъ, наконецъ, почтенный возрастъ,—все это такія черты, которыя русскій народъ хотѣлъ видѣть въ *своемъ* богатырѣ и которыми онъ въ изобиліи его украсилъ, не задаваясь вопросомъ о происхожденіи этого идеальнаго типа, интересующимъ изслѣдователей эпоса. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ того, что на *центральный* фигуру нашего эпоса наклонились нѣкоторыя черты Рустема, было то, что вмѣстѣ съ Рустемомъ сохранились въ нашихъ былинахъ и нѣкоторыя другія личности иранскаго эпоса, находящіяся съ нимъ въ связи и служація для его характеристики, для отдѣненія его нравственнаго облика,—прежде всего, царь Кейкаусъ. Независимое положеніе Рустема по отношенію къ царю была такая существенная черта національнаго героя и такъ льстила вкусу простонародныхъ сказителей, что вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ найти себѣ мѣсто въ народномъ эпосѣ и типъ властителя, похожаго на Кейкауса, съ которымъ, какъ увидимъ ниже, неразрывно связанъ Рустемъ въ сказанiяхъ кавказскихъ и тюркскихъ. Национальный герой постоянно выручаетъ своего властелина изъ «бѣды неминуемой» и отдѣляетъ личность царя отъ своей миссиі—служенія родинѣ. Онъ презрительно относится къ слабодушному и безумному властителю, нѣрѣдко даетъ ему чувствовать свое нрав-

ственное превосходство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, великодушно прощаетъ ему его оскорбительныя выходы и по его просьбѣ идетъ на защиту отечества отъ наступающихъ враговъ. Чтобы отгнать эти высокія нравственныя черты своего идеальнаго богатыря, русскіе сказители перенесли отрицательныя черты восточнаго властителя на своего былеваго князя и, такимъ образомъ, по недомыслию, допустили историческую несправедливость относительно князя Владиміра. Рядомъ съ чертами симпатичными—ласковостью, щедростью, радушіемъ, гостепріимствомъ—оказались у эпического Владиміра такія отрицательныя черты, въ которыхъ совершенно неповиненъ историческій Владиміръ и которыя вообще не имѣютъ національно-исторической подкладки. Онъ вѣчно правденъ, трусливъ при угрожающей бѣдѣ, неблагодаренъ лицамъ, оказавшимъ ему услуги, безпричинно гнѣвливъ и несправедливъ, вѣрить наговорамъ на народнаго богатыря, склоненъ унижаться и льстить, когда попалъ въ бѣду, охочъ до чужихъ женъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прощаетъ своей женѣ ея невѣрность. Есть основаніе къ предположенію, что въ женолюбіи Владиміра отразилась историческая черта. Вспомнимъ, какимъ изображаетъ лѣтописецъ Владиміра въ періодъ, предшествующій принятію христіанства. Но типъ Апраксін не имѣетъ никакой исторической подкладки и, на нашъ взглядъ, одновременно съ типомъ Кеймауса проникъ въ нашъ эпосъ, какъ отголосокъ развратной жены персидскаго царя.

Въ примѣръ тому, какъ неосмысленно народъ относится къ историческимъ фактамъ, лицамъ и именамъ, можно привести нѣкоторые факты изъ времени нашествія Батыя на Рязанскую землю и отраженіе этихъ событій въ былинахъ. *Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань* ¹⁾ содержитъ разсказъ о смерти рязанскаго кн. Феодора Юрьевича и о самоубійствѣ его жены Евпраксін, главныя черты котораго таковы: рязанскій князь Юрій Ингоревичъ посылаетъ сына своего Феодора къ царю Батыю съ дарами, чтобы удержать его отъ похода на Рязанскую землю. Батый хвастаетъ, что завоюетъ всю Русскую землю, и требуетъ къ себѣ на ложе дочерей и сестеръ рязанскихъ князей. Одинъ коварный вельможа рязанскій говоритъ Батыю, что у князя Феодора жена красавица. Батый требуетъ ее себѣ, но Феодоръ отвѣчаетъ ему съ достоинствомъ, и разгнѣванный царь велитъ его убить. Пѣстунъ Феодора, Аполонница, тайно хоронитъ его тѣло и спѣшитъ къ его женѣ, чтобы сообщить вѣсть о смерти ея мужа. Княгиня Евпраксін, услышавъ объ этомъ въ то время, какъ держала на рукахъ своего сына Ивана, въ отчаяніи ринулась вмѣстѣ съ нимъ съ высокаго терема на землю и убила до смерти. Несомнѣнно, что трагическая судьба рязанскаго княжескаго дома въ XIII в. была широко извѣстна во всей Руси и возбуждала народныя симпатіи. Нужно думать, что о несчастномъ князѣ Феодорѣ и любящей женѣ Евпраксін слогались пѣсни, которыя еще чувствуются за книжною повѣстью о приходѣ Батыевой рати

¹⁾ *Средневековій*: „Слѣд. и зам.“, XXXIX.

на Рязань. Но едва ли болѣе столѣтія это событіе было въ свѣжей памяти у народа: историческій рассказъ подвергся общей участи, постигающей все историческое въ устахъ и памяти народа. Имена дѣйствующихъ лицъ были забыты или слутаны, событіе окрасилось сказочными чертами и, отрѣпившись отъ прежнихъ именъ, могло быть прикрѣплено къ другимъ, а историческія имена въ свою очередь могли прикрѣпиться къ другимъ фактамъ. Доказательство тому и другому процессу можно дѣйствительно найти въ нашемъ эпосѣ. Разложившіяся отдѣльныя черты основнаго сказанія прикрѣпились къ имени кн. Владиміра. Въ числѣ былинъ мы находимъ такую, которая многими чертами напоминаетъ *рязанское* преданіе о Теодорѣ и Евпраксіи, но, *horribile dictu*, недостойную роль безбожнаго царя Батыя въ ней играетъ князь Владиміръ. На сходство былинны о Данилѣ Ловчанинѣ съ рязанскимъ сказаніемъ было уже обращено вниманіе исследователями эпоса ¹⁾. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы оба сказанія сложились независимо одно отъ другаго.

1) Какъ рязанскій вельможа говоритъ Батыю о красотѣ жены князя Теодора, находящагося при его дворѣ (въ качествѣ посла отъ отца), и Батый прельщается его рассказомъ, такъ въ былинѣ Мишатка-Путятинъ сынъ соблазняетъ кн. Владиміра овладѣть женою находящагося при его дворѣ Данилы Ловчанина.

2) Батый убиваетъ кн. Теодора; Владиміръ содѣйствуетъ самоубійству Данилы Ловчанина, отправя его, по совѣту Мишатка, на охоту съ труднымъ порученіемъ ²⁾.

3) Какъ Евпраксія, узнавъ о смерти мужа, кончаетъ жизнь самоубійствомъ, такъ и жена Данилы Василіса:

„Взреть она свой булатнй ножъ,
Спороза себѣ Василіса груди бѣлыя,
Покрмила себѣ Василіса очи лсныя“ ³⁾.

Такимъ образомъ, если здѣсь роль Батыя перенесена на князя Владиміра, то едва ли представляется болѣе рискованнымъ наше предположеніе, что на того же Владиміра могли быть перенесены черты восточнаго сказочнаго царя, иранскимъ экземпляромъ котораго является Бейгаусъ.

Но рязанское историческое преданіе интересно еще тѣмъ, что оно дано нашему эпосу не типъ, а имя княгини Евпраксіи. Типъ вѣрной жены, угрожаемой сластолюбивымъ царемъ и кончающей жизнь самоубійствомъ при извѣстїи о смерти мужа, перешелъ къ Василісѣ, женѣ Данилы Ловчанина, а имя—одно безъ всякихъ другихъ чертъ, оторванное отъ исторической княгини—прикрѣпилось къ женѣ Владиміра, полной противоположности исторической Евпраксіи по нравственнымъ свойствамъ. Очевидно, это могло произойти уже значительно позже XIII вѣка, когда имя Евпра-

¹⁾ Халанскій: „Великорусскія былинны кievскаго цикла“, стр. 82.

²⁾ Вліяніе библейскаго сказанія о Давидѣ и Уріевой женѣ.

³⁾ *Кирясъ.*, III, 32—33.

си уже было отдѣлено отъ историческаго событія, связаннаго съ нимъ, когда оно уже ничего не говорило народному воображенію, кромѣ того, что это была какая-то *изотетная* книгиня, чѣмъ-то и когда-то прославившаяся. А такъ какъ въ эпосѣ единственною книгиней, книгиней хат' *ἐξοχητήν*, является жена былиннаго князя Владимира, то, немудрено, что какой-нибудь сказитель, а за нимъ другіе, называлъ эту книгиню именно Апраксией (Опраксой). Такимъ образомъ, между именемъ и типомъ Евпраксii такая же случайная связь, какъ, напримѣръ, между «эпической» матерью (Добрыни и друг.) Омельфой (Амелфой) и женой библейскаго Пентефрія Амелфией (Мемфией, Амемфріей), встрѣчающейся въ русскомъ переводѣ апокрифическаго завѣщанія Іакова ¹⁾. Впрочемъ, быть можетъ, къ женѣ Владимира сначала было прикрѣплено не одно имя, но вмѣстѣ съ *одною* чертой рязанскаго сказанія, именно съ тою, что Евпраксию, княжескую жену, хочеть у живаго мужа отнять иноземный царь. Таковъ, напримѣръ, царь Василій Прекрасный, который хочеть взять Кіевъ, повѣсить Владимира, а княгиню Евпраксию Никитишну замужъ взять ²⁾, или Калинь-царь ³⁾, посылающій Владимиру такія же угрозы. Но разъ прикрѣпившись къ женѣ Владимира съ подобною чертой, имя Евпраксii должно было перейти и въ другіе былинныя сюжеты, гдѣ является княгиня Кіевская, не имѣющая ничего общаго и даже вполнѣ противоположные той чертѣ, съ которой это имя первоначально втерлось въ кругъ кievскихъ эпическихъ именъ ⁴⁾.

Конечно, наша попытка объяснить типы Владимира и Евпраксii и нѣкоторыя черты типа Ильи иранскимъ наслоеніемъ можетъ вызвать цѣлый рядъ возраженій. Во-первыхъ, намъ могутъ сказать, что послѣ капитальнаго изслѣдованія О. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ, — изслѣдованія, представляющаго тщательный анализъ чуть ли не каждой, тогда известной, былинны и изобилующаго многочисленными параллелями между Ильей и разными героями западныхъ и восточныхъ сказаній, — весьма рискованно выдвигать гипотезу, что на Илью наслоились преимущественно черты иранскаго національнаго богатыря.

Во-вторыхъ, почему мы предполагаемъ, что во Владимирѣ отразились черты именно иранскаго царя Кейкауса, а не весьма распространенныя черты вообще *сказочныхъ* царей, несправедливыхъ деспотовъ, женолюбивъ,

¹⁾ Мнѣніе Лавровскаго, раздѣляемое акад. Ягичемъ; см. *Россійско*: „Русскія народныя картинки“, IV, стр. 75, примѣч.

²⁾ *Ефимово*, стр. 28.

³⁾ *Рыбниковъ*, I, 98.

⁴⁾ Не выходя изъ предѣловъ введеннаго рязанскаго сказанія, повѣсти о приходѣ Багид, быть можетъ, не слишкомъ смѣло будетъ предположить, что именно изъ него же вышло въ былинѣ странно звучащее имя Аполонище, которое носитъ иногда богатырскій сынъ Ильи, вступающій съ нимъ въ бой (см. *Гильбердингъ*, ст. 1151: „Славное Аполонище, сынъ дѣвки Сиверьянчини изъ Золотой ордѣ“). Имя славнаго гiстуга кн. Теодора, Аполонища, приведеннаго изъ ордѣ извѣстїе о его смерти, могло, отлѣпившись отъ рязанскаго сказанія, прикрѣпиться къ былинному *славному* богатырю, грѣжающему изъ Золотой ордѣ.

заставляющих героев, вроде Ивана-царевича, совершать разные подвиги 1)?

Въ-третьихъ, почему на княгиню Евпраксию наклонились черты именно иранской царицы Судаба, а не черты не менѣе распространеннаго сказочнаго типа развратной жены?

При этомъ можно еще указать на то, что въ нашемъ эпосѣ нѣтъ именно того мотива—преступной любви царицы къ пасынку, который мы взяли исходнымъ пунктомъ для сопоставленія Евпраксии съ Судаба.

Соглашаемся, что всѣ эти и подобныя возраженія имѣютъ полное основаніе. Дѣйствительно, если мы будемъ сопоставлять *отдѣльно* Илью съ Рустемомъ, Владиміра съ Бейгаусомъ, Евпраксию съ Судаба, то черты сходства между этими отдѣльными личностями далеко не таковы, чтобы можно было считать вѣроятнымъ, что названныя восточныя личности послужили оригиналами или, выражаясь точнѣе, наклонились бы на русскихъ. Но если мы возьмемъ всю группу этихъ лицъ, то для объясненія этого групповаго сходства едва ли можно прибѣгнуть къ эпической случайности. Связь этихъ трехъ лицъ между собою въ иранскихъ и русскихъ сказаніяхъ такова, что мы должны поставить дилемму: либо совершенно случайно иранская группа напоминаетъ русскую, либо иранская группа была перенесена дѣльникомъ въ русскій эпосъ, и первое изъ этихъ предположеній, намъ, по крайней мѣрѣ, кажется менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ второе.

Посвящая вторую главу болѣе детальному сопоставленію Ильи Муромца съ Рустемомъ, мы коснулись его здѣсь только съ дѣлью охарактеризовать его отношенія къ Владиміру. Быть можетъ, при этомъ детальномъ сопоставленіи наша гипотеза получитъ больше правдоподобія. Теперь же въ заключеніе этого экскурса попытаемся отвѣтить на послѣднее возраженіе по поводу сопоставленія Евпраксии съ Судаба.

Мы видѣли, что русская княгиня *напоминаетъ* Судаба не столько самою фавулою разсказовъ, въ которыхъ она является дѣйствующимъ лицомъ, сколько въ общемъ типѣ развратной жены. Дѣйствительно, у нея нѣтъ пасынка, въ котораго она влюбилась и, отвергнутая имъ, старалась его погубить. Но этотъ иранскій мотивъ, разъ перенесенный на русскую почву, долженъ былъ подвергнуться измѣненію, коль скоро эпическая блудливая жена стала женою князя Владиміра. При многоженствѣ на Востокѣ Судаба *могла* имѣть пасынка при живомъ первомъ мужѣ. Но князь Владиміръ при *христіанскомъ* одноженствѣ не могъ имѣть законнаго сына, женившись на Евпраксии, какъ на первой женѣ. Для насъ достаточно и того, что жена князя Владиміра по *эпической*, а не исторической народной памяти слыла сладострастною женщиной, и что, по забвеніи иноземнаго разсказа, который когда-то, быть можетъ, существовалъ въ нерелигиознѣй въ русскомъ эпосѣ, сказители приурочили къ Евпраксии другой разсказъ,

1) Что личность эпического Владиміра близка къ сказочнымъ царямъ и королямъ, видно изъ того, что въ некоторыхъ сказкахъ объ Ильѣ Муромцѣ князь Владиміръ имѣется просто *королемъ* (наприм., см. *Биртесск.*, I, приложение № 1).

сложившійся подъ вліяніемъ библейскаго—объ Іосифѣ и жевѣ Пентефрія, причеъ чаша, которую Евпраксія прятеть въ суму Касьяна (Михаила), напоминаетъ чашу, спрятанную Іосифомъ въ суму Веніаміна. Этотъ библейскій рассказъ, также какъ, вѣроятно, эпизодъ съ Чурилой является въ нашемъ эпосѣ позднѣйшею замѣной утраченнаго рассказа о другой невѣрности Евпраксіи,—рассказа восточнаго происхожденія,—причеъ, однако, какъ мы видѣли, въ *носыахъ* рассказахъ могли сохраниться нѣкоторыя черты прежняго. Такими чертами намъ представляются: *троскратное* настоятельное любовное нападеніе Евпраксіи на Касьяна (Михаила), желаніе погубить отвергнувшаго ее челоѣка и доказательство его невиновности «судомъ Божиимъ», хлопоты Евпраксіи передъ мужеъ о приближеніи къ ней лица, ей полюбившагося (назначеніи Чурилы въ постельничіи), безнаказанность невѣрной жены, вследствие слишкомъ сильной привязанности къ ней мужа, и поруганіе ее не мужеъ, а богатыремъ (Алешей), дерзающимъ наказать жену князя въ силу того, что онъ (богатырь) оказалъ князю великую услугу, избавивъ его отъ бѣды. Думаемъ, что въ этихъ деталяхъ слѣдуетъ видѣть отголоски болѣе древняго рассказа и что онѣ не *случайно* совпадаютъ съ чертами персидскаго сказанія о Судабѣ и Сіавушѣ. Если мы припомнимъ, какую длинную исторію передѣлокъ, контаминацій и искаженій прошелъ нашъ эпосъ съ XII по XIX столѣтіе, то едва ли можемъ ожидать болѣе яркихъ отголосковъ иранскаго типа цариды, чѣмъ тѣ, которые мы предполагаемъ.

Чтобы въ дальнѣйшемъ не возвращаться болѣе къ эпическому Владмиру, я рискую высказать еще одно предположеніе, подчеркнуть еще одно детальное совпаденіе его съ Кейнаусомъ, хотя, быть можетъ, многимъ оно покажется чистою случайностью. Въ одной изъ своихъ драгоценныхъ *Меланксъ замѣтокъ* къ былинамъ, акад. А. Н. Веселовскій дѣлаетъ выдержку изъ путевыхъ записокъ Лассоты (1594 г.), изъ которой мы узнаемъ одно народное преданіе о Владмирѣ, прирѣпленное къ киевскому Софійскому собору. По словамъ Лассоты, на хорахъ этого храма въ одной изъ плитъ, какъ разъ надъ алтаремъ, продѣлано круглое отверстіе, вышиною въ $\frac{1}{2}$ локтя, но теперь замазано известью. Говорятъ, что тутъ встарину находилось зеркало, въ которомъ посредствомъ магическаго искусства можно было видѣть все, о чеъ задумано, хотя бы даже это происходило за нѣсколько сотъ миль. Когда разъ киевскій царь (имѣется въ виду кн. Владмиръ) выступилъ въ походъ противъ язычниковъ и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрѣла въ зеркало, чтобы узнать, что съ нимъ случилось и чѣмъ онъ былъ занятъ. Но увидѣвъ однажды его любовную связь съ языческою плѣнницей, она въ гнѣвѣ разбила самое зеркало ¹⁾.

Указавъ на значительную распространенность сюжета «волшебнаго зеркала», А. Н. Веселосскій замѣчаетъ: «Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1885 г., декабрь, стр. 189.

бродячимъ повѣрьемъ, *случайно* приставшимъ къ Кіеву, можетъ быть, впервые, въ разсказѣ лица, введеннаго въ заблужденіе Лассоту, можетъ быть, и ранѣе. Въ томъ и другомъ случаѣ подъ киевскимъ царемъ приходится разувѣть Владимира, о которомъ, по словамъ Лассоты, сохранились и другія воспоминанія въ томъ же храмѣ: «въ верхней части церкви находится темная комната, въ которой Владимиръ будто бы велѣлъ заурядить одну изъ своихъ женъ; далѣе (ітамъ) отъ хоровъ ведетъ витая лѣстница къ небольшой башнѣ, гдѣ, какъ говорятъ, происходили засѣданія совѣта Владимира» ¹⁾.

Конечно; въ приуроченіи «волшебнаго зеркала» къ Владимиру можно вѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ допустить случайность. Но лучше, если бы можно было устранить такую случайность. Не приурочено ли волшебное зеркало къ Владимиру потому, что подобный же снарядъ принадлежалъ прототипу *эпическаго* Владимира, иранскому царю Кейкаусу? У этого царя, какъ извѣстно, была чудесная чаша семи кешверовъ (т. е. семи частей земли), смотря въ которую (вѣроятно, на поверхность жидкости), царь видѣлъ все, что совершается на всей землѣ ²⁾. У Фирдоуси есть также сказаніе о случаѣ, при которомъ Кейкаусъ употребилъ свою чашу-зеркало. Когда юный пехлеванъ Бежанъ былъ въ Туранѣ посаженъ Афросиабомъ въ «погребѣ глубокіе» за то, что полюбилъ его дочь, и когда эта дочь (Менижѣ), по приговору отца, кормила подавнѣемъ своего посаженнаго въ погребъ мужа, то Кейкаусъ узналъ объ этомъ совершившемся въ Туранѣ событіи, посмотрѣвъ въ свою чудесную чашу. Память объ этой чашѣ перешла, вѣстѣ съ популярнѣйшимъ эпизодомъ о любви Менижѣ къ Бекану, изъ иранскаго эпоса на Кавказъ, хотя чаша подверглась, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи устныхъ преданій, метаморфозѣ, какъ и другія болѣе существенныя черты иранскаго сказанія и Бежанъ. Такъ, въ сваетскомъ пересказѣ чаша замѣнена какими-то «минутными часами» (sic), которые принадлежать не Бекевозу, а Ростому. Посмотрѣвъ на нихъ, онъ увидѣлъ, что Бежанъ посаженъ въ яму царемъ Афросуапомъ (Афросиабомъ) ³⁾. Въ осетинской версіи того же сюжета, вѣсто чашки, находимъ чудесное зеркало (какъ у Лассоты), въ которое смотритъ жена Ростомъ, чтобы узнать объ участи Бега (Бежана) ⁴⁾. Въ виду значительнаго распространенія иранскаго «чудеснаго зеркала-чашки» на Кавказѣ, можно предположить, что оно забрело и далѣе на сѣверъ, вѣроятно, вѣстѣ съ его иранскимъ владѣльцемъ Кейкаусомъ и съ другими чертами послѣдняго пристало къ князю Владимиру; быть можетъ, когда-нибудь оно упоминалось въ какой-нибудь не дошедшей до насъ былинѣ, быть можетъ, преданіе, сообщенное Лассотой, о томъ, что зеркало было разбито царицей, увидѣвшей любов-

¹⁾ Тамъ же, стр. 190.

²⁾ Мохі, III.

³⁾ См. мою статью *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. Этногр. Обзорніе*, кн. II, стр. 23.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 26.

ную связь своего отсутствующаго мужа, входило въ какое-нибудь не дошедшее до насъ любовное похождение эпическаго Владимира ¹⁾. Какъ бы то ни было, интересно отмѣтить, что какъ преданіе о зеркалѣ, такъ и другое, о замурованіи кievскимъ царемъ своей жены (быть можетъ, за невѣрность?), затрогиваютъ семейныя отношенія эпическаго Владимира, которыя, какъ мы знаемъ изъ былинъ, представляются не совсѣмъ чисто-плотными, такъ какъ его женолюбіе не уступало распущенности Апраксин. Очевидно, что эти черты семейныхъ нравовъ Владимира жили весьма стойко и прочно въ народныхъ сказаніяхъ, если, преимущественно передъ другими, отложились въ народной памяти и приурочились даже къ весьма неподобающему для нихъ мѣсту—къ Софійскому собору въ Кіевѣ.

Всес. Миллеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Разбиваніе зеркала, показывающаго неприятное, царицей—черта, нерѣдко встрѣчающаяся въ сказкахъ.

Женское творчество.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Ах! будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
Довольно даже намъ поствовъ,
Но нужно, нужно намъ гражданъ!
Нѣ гдѣ-жъ они? Кто не сенаторъ,
Но сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантаторъ,
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта.

Несрасосъ.

I.

Когда кто-нибудь изъ современныхъ беллетристовъ нашихъ начнетъ по какому-нибудь поводу разсуждать о текущей литературѣ, онъ почти навѣрное не упуститъ уязвить нашу литературную критику. «Современная критика наша, какъ извѣстно, не стоитъ на высотѣ своего призванія», — скажетъ онъ, или даже еще язвительнѣе: «извѣстно, что въ настоящее время у насъ нѣтъ литературной критики». Язвительность заключается здѣсь именно въ хладнокровномъ спокойствіи, съ какимъ отрицается наше, современныхъ критиковъ, бытіе: *извѣстно*, что дважды два—четыре; *извѣстно*, что критиковъ у насъ теперь нѣтъ. Кто бы могъ ожидать этого? О, Варъ, Варъ, куда ты дѣвалъ мои легионы?

Критики съ своей стороны тоже, конечно, не остаются въ долгу. «Мерзость, запустѣнія» — это еще не самое крѣпкое слово, которымъ они характеризуютъ состояніе нашей беллетристики. Не о комъ говорить, нечего объяснять, — утверждаютъ они. Таланты исчезли, остались только талантики, художественныхъ произведеній нѣтъ, а есть только журнальный балластъ въ видѣ романовъ, повѣстей, стиховъ, о которыхъ только то и можно сказать, что ихъ не надобно читать.

Положеніе читателя, какъ естественнаго посредника между этими двумя заинтересованными сторонами, должно быть довольно затруднительно. Повѣрить обоимъ — безъ литературы останешься; не повѣрить ни одной — придется стать въ противорѣчіе съ фактомъ, наличиемъ котораго не можеть

быть оспариваема: вѣдь, въ самомъ же дѣлѣ, и беллетристика наша плоха, и критика слаба, и поэзія никуда не годится. Это отнюдь не та иллюзія, въ силу которой нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, это именно фактъ, свидѣтельства о которомъ идутъ со всѣхъ сторонъ и который подтверждается субъективнымъ впечатлѣніемъ. Блѣдно... бессильно... не затрагиваетъ за живое — вотъ послѣднее впечатлѣніе, которое остается послѣ чтенія почти всякой современной повѣсти или критической статьи, или поэмы. Куда и какимъ образомъ исчезли изъ нашей литературы таланты, огонь, вдохновеніе, — этотъ вопросъ мы оставимъ рѣшить исторію. Мы хотѣли бы пока отмѣтить неправду тѣхъ рѣшеній, которыя подсказываются намъ заинтересованными сторонами. Не потому искусство наше мало, что слаба критика, и точно также не потому слаба критика, что мало искусство. Это два совмѣстныхя, сосуществующія, но другъ друга вовсе не обуславливающія явленія. Въ высшей степени вѣроятно, что это сосуществованіе не случайно, что упадокъ творчества въ этихъ сферахъ литературы имѣетъ одинъ и тотъ же источникъ, котораго можно искать и въ историческихъ условіяхъ, и въ тайникахъ народной или общественной психологіи, и въ общихъ законахъ прогресса. Чѣмъ меньше мы знаемъ эти тайники и эти законы, тѣмъ удобнѣе затыкать ими всякое пустое мѣсто, передъ которымъ слѣдовало бы, но не хочется сказать: знаю только то, что ничего не знаю. Но взаимная независимость критики и художественной литературы кажется намъ несомнѣнною. Если бы въ нашей критикѣ явился теперь новый Бѣлинскій, съ его отзывчивостью и искренностью, съ его умѣніемъ отгадывать присутствіе «Божьей искры», таланта подъ самую толстую кору невѣжественныхъ или извращенныхъ мнѣній, онъ оживилъ бы, конечно, критику и расшевелилъ бы общество, но собственно беллетристику и поэзію онъ не принесъ бы пользы. Критика не создаетъ талантовъ. Никакою агитаціей нельзя взволновать пустое сердце и пикакими идеями не наполнишь голову, которая не хочетъ идей, не вѣрить въ идеи, сознательно сторонится отъ нихъ. Точно также явись въ нашей художественной литературѣ новый Гоголь — и наша критика была бы поставлена въ затрудненіе, та самая критика, которая негодуетъ теперь, что ей нечего и не о комъ говорить. Почему въ затрудненіе? Потому, что нельзя палить безъ пороху. Бѣда, постигшая нашу критику — и самая бѣда, которая постигла и беллетристику, и ихъ киванье головою другъ на друга доказываетъ только, что они не сознаютъ своего положенія. «Ангелочикъ мой, — хочется сказать по адресу любого изъ нашихъ критиковъ и беллетристовъ словами героя Глѣба Успенскаго, — ангелочикъ мой! Что мы съ тобой безъ толку орешъ? Надо говорить честно, благодушно... Ругать, что ли, я тебя собрался? Велика радость! Эко собаку бѣдную нашель! Не про тебя одного говорю, всѣ мы, другъ ты мой, обездушья! Всѣ! Вотъ что!» *Обездушья* — вотъ настоящее слово. Литературныхъ талантовъ, въ смыслѣ мастеровъ формы, у насъ достаточно и мы ими оскудѣли. Но это именно *обездушенные* таланты, безъ цѣлей,

безъ намѣреній, безъ идеаловъ, безъ религій, умѣющіе одинаково хорошо писать и за, и противъ, и эту свою «свободу» отъ всякаго идейнаго содержанія великолѣпно именующіе «свободой творчества». Они умѣютъ и горючиться, и возвышать голосъ, и оживленно жестикулировать, а вы, все-таки, видите, что это не болѣе, какъ разурмяненные актеры, махавшіе мечомъ картоннымъ. «Жизни, жизни, жизни! Истомилась грудь!»—патетически восклицаютъ они, а вы, холодно наблюдая эти деклараци и декламаци, соображаете про себя, что если у нихъ и истомилась грудь, то лишь отъ напрасныхъ усилій прыгнуть выше собственной головы. Вы читаете огромный рассказъ, въ цѣлую сотню большихъ страницъ, рассказъ отлично написанный, изобилующій художественными деталями, и съ удивленіемъ замѣчаете подъ конецъ, что все содержаніе этого рассказа давнымъ-давно исчерпано въ четырехъ строчкахъ одного изъ нашихъ стариковъ:

„Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь, пораскинулась,
Къ морю Черному понадвинулась“.

Вы читаете статью, въ которой критически анализируются самыя ивѣтныя идеи и самыя задушевные чувства кого-нибудь изъ нашихъ великихъ «стариковъ», а вамъ все кажется, что вы читаете обстоятельный докладъ о писателѣ за номеромъ такимъ-то, у котораго, по разслѣдованію обстоятельствъ дѣла, все въ сочиненіяхъ, оказывается, обстоятъ благополучно. Въ результатѣ вашего усерднаго чтенія—недоумѣніе или печаль. Вы дивитесь искусству и мастерству авторовъ, потому что, дѣйствительно, и стихотвореніе, и рассказъ, и статья, о которыхъ шла рѣчь, написаны прекрасно, и, въ то же время, опять вспоминаете героя Успенскаго и его слова: «Выѣли, выѣли изъ васъ душу! Вынули! Какъ искусно схватили-то—любо два! Ахъ, какъ ловко! Ему все одно—Богъ не Богъ, душа не душа, ему одно свято—канцелярія!»

Русскому читателю тѣмъ труднѣе помириться съ этимъ избыткомъ въ современной литературѣ «творящаго искусства» насчетъ «живой крови», что еще недавно дѣло обстоило совсѣмъ иначе. Пусть говоритъ опять тотъ же герой Успенскаго: «Глуны ли, умны ли были старички, а никакъ умѣли жить своею совѣстью. А въ нонѣшнее-то время и нѣтъ ничего! Всѣ и разучились такъ-то жить. Да-а! Все исполняемъ, все исполняемъ, а для совѣсти-то и нѣтъ ничего!» Герой Успенскаго говоритъ это о мѣщанахъ и купцахъ своего захолустья, но въ его нехитрыхъ изобличеніяхъ—полная характеристика гораздо болѣе крупныхъ явленій—между прочимъ, и современной литературы. Да, «старички» писали иначе, чѣмъ пишутъ современные авторы, и именно въ смыслѣ содержанія и, точнѣе, отношенія ко всему сюжету, а не въ смыслѣ формы, тайна которой совсѣмъ не утрачена. Со стороны литературной архитектоники романъ г. Ясинскаго лучше безсвязныхъ и нестройныхъ романовъ Достоевскаго.

описанія природы вылизаны и обточены у г. Чехова не хуже, чѣмъ у Тургенева, рѣмы г. Минскаго зачастую благозвучнѣе и богаче некрасовскихъ рѣмъ, статьи современныхъ критиковъ сплошь да рядомъ написаны и съ большею эрудиціей, и съ большею обдуманностью, нежели взѣрошенные импровизаціи Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева; Левъ Толстой, наконецъ, до сихъ поръ не умѣетъ выразиться грамматически-правильно и его можетъ поучить этому любой изъ фельетонныхъ беллетристовъ,—все это едва ли можетъ быть оспариваемо. Тѣмъ не менѣе, когда вы читаете и кого любите—топорныя ли, «неуклюжія» (какъ назвалъ Некрасовъ свой стихъ) произведенія стариковъ, или произведенія современныхъ писателей? «Старики» любили и ненавидѣли, вѣрили и сомнѣвались, а мы... мы грамматику хорошо знаемъ. «Старики» писали и страдали, искали и заблуждались, а мы... мы не пишемъ, а на паровой машинѣ свою литературу выдѣлываемъ. У тѣхъ было дорого и мило, у насъ—дешево и гнило.

Еще разъ и еще разъ: не талантами оскудѣла современная литература, а чѣмъ-то гораздо болѣе важнымъ и нужнымъ. Исягло то, что двигаетъ талантами, что даетъ имъ ту силу искренности и убѣжденности, которая, передаваясь какъ электрическая искра читателю, ускоряетъ бой его сердца, поднимаетъ волосы на его головѣ, вызываетъ въ немъ тотъ же высокій строй идей и стремленій, который вдохновлялъ и писателя. Не красота слова, а правда чувства покоряетъ людей. «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше солнце вокругъ насъ ходитъ, дабы мы въ спокойствіи пребывали» и проч.,—вотъ эффектная фраза, которая, по справедливости, служитъ образцомъ ораторскаго искусства. «Братіе, давайте плакать!»—вотъ безъискусственный вопль, передъ силою котораго обращаются въ прахъ самыя пышныя витійственныя фразы. Это—не ораторскій приѣмъ; такимъ эффектамъ не обучаетъ риторика. Это—движеніе чувства, къ которому надо быть способнымъ, и не по-ораторски, а по-человѣчески, которое требуетъ не умѣнья наизывать, какъ бусы, красивыя слова, а сильной души и широкаго сердца. И пока у насъ «совѣсть» будетъ только на кончикѣ нашего пера, да на обложкѣ нашихъ книгъ, до тѣхъ поръ не оживится наша литература. Съ «выѣденною душой» нельзя хорошо писать. Наша поэзія останется стихотворною декламаціей, наша беллетристика—безмысленнымъ подборомъ случайныхъ картинокъ и сценокъ, наша критика—ремесленнымъ обработываніемъ давно надѣвшихъ темъ,—до тѣхъ поръ писатели не почувствуютъ своей нравственной отвѣтственности передъ обществомъ, пока они не поймутъ, что призваны «не шутки шутить, не людей смѣшнить», какъ говорилъ Лермонтовскій купецъ Балашиниковъ, а дѣйствовать на умы и сердца тысачей. Литературные позеры и фразеры давно оцѣнены:

„Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?“

II.

Это первая наша присказка. Просимъ читателя имѣть терпѣніе выслушать вторую.

Что такое женщина? Мы ставимъ этотъ избитый и, все-таки, нерѣшенный вопросъ потому, что если женщина, какъ нравственное существо, отличается какими-нибудь типическими и специальными свойствами, то, конечно, эти свойства должны могущественно отражаться и на всякой ея духовной дѣятельности, въ томъ числѣ и литературной. Такія свойства есть, и Левъ Толстой почти надняхъ обрисовалъ эту сторону дѣла слѣдующимъ образомъ: «разница въ организаціи мужчины и женщины существуетъ не только въ физиологическомъ отношеніи, но еще и въ другихъ, нравственныхъ свойствахъ, въ мужчинѣ называемыхъ мужественностью, въ женщинѣ—женственностью». Спорить противъ этого факта трудно, и если Чернышевскій, устами персонажей своего романа, заявлялъ, что разница между мужчиной и женщиной состоитъ только въ томъ, что первый говоритъ баритономъ, а вторая—сопрано, и если Писаревъ около того же времени утверждалъ, что женственность—ничто иное, какъ «слабость, глупость и жеманство», то, конечно, все это были только полемическія преувеличенія, столь обыкновенныя въ ту эпоху всяческихъ увлеченій и крайностей. Въ нашей литературѣ (а, стало быть, и въ обществѣ) взгляды на женщину и ея роль прошли черезъ нѣсколько фазисовъ, причемъ послѣдній, современный фазисъ есть не болѣе, какъ возвращеніе въ прежней, казалось бы, уже пройденной ступени. Въ этомъ отношеніи такъ называемый «женскій вопросъ» раздѣляетъ судьбу со многими другими важными вопросами нашей жизни. Лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ назадъ дѣло стояло очень просто и вопросъ рѣшался категорически:

„Святая женщина! свое предназначенье
Ты просто, свято поняла:
Удалъ любви, молитвы и терпѣнья
Себѣ на долю избрала“.

Или та же самая формула, но въ другой редакціи:

„Не спрашивай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла:
Мой другъ! Я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила“.

Таковъ былъ идеалъ лучшей, «святой» женщины въ ту эпоху. Жить терпя, любить страдая—вотъ въ чемъ состоялъ высшій жизненный подвигъ женщины того времени не только по мнѣнію общества, но и по ея собственному сознанию *). Пришло другое время, пришли другіе лѣтцы и

*) Въ видѣ иллюстраціи, укажемъ читателю на біографію Юліи Жадовской, талантливой повтески и очень умной и образованной для своего времени женщины. Разбивши собственными руками свою жизнь, она сама твердо была убѣждена, что „просто и свято“ поняла свое предназначеніе.

раздались нныя пѣсни. Недавнее прошлое вспоминалось съ негодованіемъ я, между прочимъ, именно за порабощеніе женщины:

„Уви! тамъ душно, тамъ пустыня,
Любя, прощая, чуть дыша,
Тамъ угасаетъ, какъ рабыня,
Святая женская душа“.

Прежній «подвигъ» жизни сталъ разсматриваться какъ тяжелое несчастье жизни, «святой удѣлъ» превратился просто въ грубое порабощеніе. Черезъ два десятка лѣтъ тотъ же самый мотивъ нашелъ у того же поэта еще болѣе рѣшительное выраженіе:

„Быть можетъ, я преступно поступаю,
Тревожа сонъ твой, мать моя? Прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
Къ свободѣ ей заказаны пути;
Позорный плыль, весь ужасъ женской доли,
Ей для борьбы оставилъ мало силъ,
Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...
Благослови, родная: часъ пробилъ!
Въ груди кипятъ рыдающіе звуки,
Пора, пора имъ взвѣрить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу, подвижница, помю!“

Прошло и это время, наступила наша уравновѣшенная эпоха. Формулу, выработанную ею, мы, за отсутствіемъ поэтовъ, поищемъ у кого-нибудь изъ современныхъ нашихъ поэтиковъ. Находимъ мы слѣдующее:

„Женщина—кроткое Божье созданіе,
Женщина—мать, Магдалина смущенная,
Та, чья отерла коса благовонная
Ноги Иисуса въ часы покаянія;
Женщина—отблескъ мерцанія майскаго,
Лучъ золотой надъ гробницами тѣвнѣя,
Женщина—тѣнь изъ селенія райскаго,
Женщина—счастье, любовь и прощенье“.

Въ этихъ дивныхъ стихахъ, исполнѣ достойныхъ современной литературы, выражена высокая мысль (или рядъ мыслей), исполнѣ достойная нашего времени. Если читатель затрудняется разсмотрѣть эту мысль за напряженно-изысканными фразами стихотворенія, мы укажемъ ему на статью «великаго писателя Русской земли», въ которой та же мысль выражена съ кристальною ясностью. Эта статья — *Женщинамъ* — и по формѣ, и по содержанію напоминаетъ болѣе манифестъ или декретъ, нежели обыкновенное литературное произведеніе. Левъ Толстой не доказываетъ, а приказываетъ, — не убѣждаетъ, а предлагаетъ рядъ афоризмовъ къ нашему свѣдѣнію и руководству. Все это какъ нельзя болѣе для насъ и для нашихъ цѣлей удобно, потому что, вѣдь, намъ нужно не полемизировать, а характеризировать. Некрасовъ, какъ мы видѣли, «всю жизнь за женщину стра-

далъ», потому что она—«рабыня», ея доля—«ужасна», ея жизнь—«позорный плѣнъ». Некрасовъ, а въ лицѣ его цѣлая эпоха и цѣлая полоса нашей исторіи, требовалъ для женщины «свободы», т.-е. совокупности вѣстныхъ правъ, хотя бы на первый разъ только тѣхъ, какими пользуются мы, мужчины. «Права женщины—*удивительная глупость*»,—декретируетъ Толстой. Права женщины сводятся къ естественному и исключительному праву ея—рожать дѣтей, рожать сколько хочется и сколько можетъ; обязанности женщины заключаются въ кормленіи и въ воспитываніи своихъ дѣтей. Для того, чтобы пользоваться своими правами или, точнѣе, своимъ правомъ, ей, очевидно, нѣтъ надобности выходить изъ спальни, въ которой именно она и можетъ явиться отблескомъ мерцанія майскаго и тѣнью изъ селенія райскаго. Для того, чтобы исполнить свои обязанности, ей нужно только перейти изъ спальни въ дѣтскую, гдѣ она уже явится въ роли кроткаго Божьяго созданія и луча золотаго надъ гробницами тлѣнія.

До сихъ поръ все прекрасно: логично, ясно, законченно. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ изложеніи Толстой сбивается съ прямого пути и мало-душно дѣлаетъ уступки, которыя предають его въ руки филистимлянъ. Онъ говоритъ: «Идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая, усвоивъ *высшее міросозерцаніе той времени, въ которомъ она живетъ*, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному въ нее призванію,—родить, выкормить и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ей міросозерцанію». Вотъ что называется косить себя по ногамъ! Что такое высшее міросозерцаніе времени? Это, конечно, совокупность понятій и взглядовъ, выработанныхъ самыми сильными и передовыми умами данной эпохи. Для того, чтобы *усвоить* эти взгляды и даже для того лишь, чтобы ознакомиться съ ними, нужно исполнить очень серьезный умственный трудъ, нужно учиться, читать, размышлять, наблюдать. А для того, чтобы учиться, нужно имѣть *возможность* учиться. А для того, чтобы имѣть эту возможность, нужно обезпечить за собою *право*, т.-е. какъ разъ то, что Толстой только что обовалъ «удивительною глупостью». Кажется, ясно? Ничуть не бывало. «Для того, чтобы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, нѣтъ надобности посѣщать курсы, а нужно только прочесть Евангеліе и не закрывать глазъ, ушей ж, главное, сердца». Какъ видите, это мотивъ совершенно изъ другой оперы: прежде говорилось о высшемъ міросозерцаніи *времени*, т.-е. о развивающихся и видоизмѣняющихся непрерывно *идеяхъ*, теперь идетъ рѣчь о вѣчной морали, кодексомъ которой служить Евангеліе. Но развѣ это одно и то же? Высшимъ міросозерцаніемъ времени для человѣка тринадцатаго столѣтія была философія Аристотеля, для человѣка шестнадцатаго вѣка—философія Коперника, а для современнаго человѣка—цѣлый рядъ системъ отъ Канта до Шопенгауэра и Дарвина, но евангельская мораль во всѣ эти эпохи была одна и та же. Что же касается совѣта женщины не закрывать глазъ, ушей и сердца, то, конечно, совѣтъ не дурень. Однако, если жен-

щина будетъ исполнять этотъ совѣтъ, не выходя изъ своей раковины, изъ своихъ четырехъ стѣнъ, то она составитъ себѣ спальнесоверщаніе, кухнесоверщаніе, но не міросоверщаніе.

И такъ, вотъ послѣдовательное развитіе въ нашей литературѣ взгляда на женщину за послѣднее пятидесятилѣтіе. Что такое пушкинская Татьяна? Это—«святая», сказали бы наши дѣды: кому она отдана, тому и будетъ вѣкъ *спрна*. Это—«раба», сказали бы наши отцы: кому она *отдана*, тому, какъ собака, и будетъ вѣрна. Что касается насъ, то, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, мы должны освѣдомиться, сколько у Татьяны дѣтей: если дюжина — она превосходный человѣкъ, вполне исполнившій задачу своей жизни; если полдюжины — она человѣкъ обыкновенный; если же у ней всего одинъ или два ребенка — мы справедливо беремъ ее подъ сомнѣніе, готовы заподозрить ея нравственность и едва ли повѣримъ, что она была вѣрна тому, кому отдана. Идеаломъ женщины въ глазахъ нашихъ дѣдовъ несомнѣнно была Татьяна, съумѣвшая примириться съ своимъ «удѣломъ любви, молитвъ и терпѣнья» и не рѣшившаяся даже на такой протестъ противъ жизни, на какой рѣшилась тургеневская Лиза (*Дворянское имѣндо*). Идеаломъ нашихъ отцовъ была, конечно, Елена (*Наканунъ*), полюбившая Инсарова не по приказу маменьки и не потому, что такъ было въ высшемъ суждено совѣтъ, а потому, что ей была дорога и близка та общественная идея, представителемъ которой явился ея избранникъ. Нашъ идеалъ, по крайней мѣрѣ, идеалъ нашего современнаго величайшаго писателя, имѣющаго и поклонниковъ и поклонницъ — это Долли Облонская (*Анна Каренина*), заботливая мать безчисленнаго множества дѣтей, одишь другого румянѣе и здоровѣе. Татьяна—это идолъ, которому временами молятся и котораго временами сбываютъ; Елена—это человѣкъ, который самъ дѣлаетъ свою судьбу и беретъ ее въ свои собственные руки; Долли Облонская—это плодовитая самка, хлопотливая насѣдка. Казалось бы, что общаго между этими типами и между понятіями о женщинѣ, соответствующими эпохамъ, къ которымъ относятся эти типы? Женщина—идолъ, женщина—человѣкъ и женщина—корова,—это существа, повидимому, совершенно различныхъ міровъ. Есть, однако, у нихъ одна общая черта, настолько существенная, что даетъ намъ право отнести эти *виды* женщинъ къ одному и тому же *роду*. Черта эта состоитъ въ томъ, что всѣ эти героини совсѣмъ не люди въ истинномъ значеніи этого слова, не существа съ *своею* волей, съ *своими* разумомъ и съ *своими* цѣлями,—это, такъ сказать, пустые сосуды, содержаніе которыхъ зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ случайности, отъ условій среды, а болѣе всего отъ воли милаго человѣка. Пушкинская Татьяна, повидимому, обнаружила большую нравственную устойчивость, когда отвѣтила Онѣгину:

„Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна“.

Да, тутъ есть твердость духа и даже нѣкоторое величіе духа, точь-въ точь такое же величіе, которое обнаруживаетъ и какая-нибудь индійская вдова, сжигающая себя на кострѣ въ честь умершаго мужа. Понятно самоотреченіе и самопожертвованіе во имя любви; но самоотверженіе въ угоду мнѣнія презираемой среды, ненавистнаго общества, въ угоду правлѣ, безсмысленность и несправедливость которыхъ ясна для самого субъекта—это самооплеваніе, а не самоотверженіе. Таковъ именно «подвигъ» Татьяны.

„Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Ктобъ смѣлъ искать дѣвочки нѣжной
Въ сей величавой, сей небрежной
Законодательницѣ заглъ?“

Если бы Татьяна превратилась въ «законодательницу заглъ» по влеченію своей натуры, жаждущей хоть *такою* первенства, удовлетворяющей-ся хоть *такимъ* блескомъ, мы, конечно, могли бы думать объ ея умѣ и характерѣ какъ угодно, но мы не вправѣ были бы отрицать въ ней самое сознаніе своей личности и своихъ естественныхъ правъ. Она явилась бы въ нашихъ глазахъ пустымъ и мелко-тщеславнымъ человѣкомъ, но *человѣкомъ*, все-таки, съ своею личностью и съ своею волей, а не манежемомъ, который можно одѣть въ какой угодно костюмъ и поставить въ какой угодно уголъ. Но, вѣдь, Татьяна говоритъ Онѣгину:

„А мнѣ, Онѣгинъ, нишность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера—
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище...“ и пр.

За чѣмъ же дѣло стало? А за тѣмъ только и стало, что «ветошь маскарада» не нравится Татьянѣ, да нравится другимъ, и, прежде всего, ея законному мужу и ея родной пашан; о «бѣдномъ жилищѣ» мечтаетъ Татьяна, но не хотятъ о немъ слышать другіе, тѣ, которымъ она «законодательствуетъ» въ залахъ и салонахъ. Татьяна—вся чужая: вѣрна она не по своему чувству, «законодательствуетъ» не по своей волѣ, живетъ не по своему разуму. Самый маленькій человѣкъ, какой-нибудь Макаръ Макарычъ Дѣвушкинъ (*Бѣдные люди* Достоевскаго), обезличенный обстоятельствами почти до полной утраты образа и подобія Божія, все-таки, старается устроить себѣ такой уголокъ, завязать такія отношенія, въ которыхъ бы могла проявляться *его*, а не чужая личность, гдѣ онъ могъ бы поступать въ силу внутреннихъ, а не внѣшнихъ побужденій. Ничего подобнаго у Татьяны нѣтъ: она жена своего мужа, дочь своей матери, укра-

шеніе своего кружка, она—нуль, который получает значеніе только около какой-нибудь единицы.

То же самое основное нравственное свойство находимъ мы и у тургеневской Елены, какъ на первый взглядъ ни далеко ушла она отъ Татьяны. Она сама себя выбрала жениха, забравъ того, котораго ей приготовили по своему вкусу родители; она выбрала его не за талантливость, — Шубинъ былъ талантливѣе, — не за умъ и ученость, — Берсенева была умнѣе и ученѣе, — а за нравственную силу, за его преданность идеѣ. Идея эта — освобожденіе отечества отъ иноземнаго ига—такъ высока и чиста, что ей не жалко отдать чью угодно жизнь. Елена сдѣлалась не Далиломъ Инсарова, а его вѣрнѣйшею помощницей и сотрудницей, прониклась его освободительными цѣлями до полного забвенія своихъ узколичныхъ интересовъ. Отлично. Но, если бы Елену, до знакомства ея съ Инсаровымъ, спросить, что такое Болгарія, гдѣ находится эта страна, можно держать какое угодно пари, что наша героиня, перепутывая свои пансіонскія свѣдѣнія, отвѣтила бы въ такомъ родѣ: «Болгарія, страна... главный городъ Бѣлградъ... лежитъ на берегу Средиземнаго моря...» И это было бы совершенно извинительно и естественно. Какое могло быть дѣло до какой-то Болгаріи русской дѣвухи пятидесятыхъ годовъ, отъ роду не слышавшей ни о какихъ политическихъ идеалахъ и интересахъ? Елену томила потребность жертвы, желаніе активнаго добра, стремленіе къ дѣятельности — и все это дѣлаетъ величайшую честь ея сердцу; но неужели же всѣ эти прекрасныя свойства могли найти примѣненіе только гдѣ-то тамъ, «на берегу Средиземнаго моря»? Не потому Елена возлюбила Болгарію, что возлюбила свободу, а просто потому, что полюбила болгарина. Служитель идеи не потому сталъ близокъ ея сердцу, что онъ — служитель ея любимой идеи, а наоборотъ — идея ей стала дорога потому только, что она дорога ея милому. Если бы Елена влюбилась въ Берсенева, она со страстью углубилась бы въ переписыванье его лекцій, въ шиваніе его тетрадей, безъ малѣйшей, разумѣется, заботы о всѣхъ Болгаріяхъ на свѣтѣ; если бы она влюбилась въ Шубина, она съ утра до вечера пачкалась бы въ мокрой глинѣ, а влюбись она въ Курнатовскаго, она съ жаромъ перебѣляла бы доклады и записки о «сокращеніи» и «престѣченіи». Какъ видите, опять все то же: «вся чужая».

Конечно, Елена, все-таки, не Татьяна: красивый, изящный, умный остроумецъ не покорила бы ее, какъ покорила Онѣгинъ Татьяну. Но это гораздо болѣе разница эпохъ, нежели типовъ, — это прогрессъ понятій всего общества, а не измѣненіе коренной психологической женской основы. Эта основа все та же — покорность и самоотреченіе, знаменитое «такъ возьми-жь меня» — возьми и мое тѣло, и мой умъ, и мою душу, и мою волю. Тургеневъ, авторскою волей, преждевременно похоронилъ своего героя (самый легкій способъ уклониться отъ обязанности сказать послѣднее слово, — способъ недаромъ излюбленный Тургеневымъ), но въ жизни это рѣдко случается, а бываетъ иногда вотъ что: приступивъ отъ словъ къ дѣлу, герой

скоро убѣждается, что только сказки скоро сказываются, что плетью обуха не перешибешь, что на всякое хотѣнье есть терпѣнье и, «по малу, по полсаженки» начинаетъ перемѣнять позицію, и перемѣняетъ до тѣхъ поръ, пока изъ лагеря болгаръ не очутится въ лагерьъ башибузуконъ. Что же дѣлаетъ героиня? Она плетется за героемъ и, что всего замѣчательнѣе, даже не подозрѣваетъ, что совершаетъ измѣну. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, измѣна? Вѣдь, она любитъ свою идею не въ отвлеченіи, а въ образѣ, не какъ «категорическій императивъ», а какъ живого человѣка. Если онъ перешелъ въ исламъ, значитъ, такъ нужно, значитъ, можно и должно служить Христу, поклоняясь Магомету. Бѣдная жертва неразумнаго чувства и слѣпой довѣрчивости!

Читатель понимаетъ, что о Долли Облонской мы говорить не будемъ. Она исполняетъ часть своихъ обязанностей, какъ женщины и человѣка, по пусть уже Толстой разсуждаетъ о ней, какъ о представительницѣ современныхъ женщинъ или даже какъ объ идеалѣ женщины. Она, конечно, не закрываетъ ни глазъ, ни ушей, ни сердца, Евангеліе знаетъ наизусть, но имѣетъ ли за всѣмъ тѣмъ «высшее» или даже хоть какое-нибудь мирозерцаніе, изъ романа Толстаго совсѣмъ не видно. Идеалъ современной женщины мы попытаемся въ слѣдующихъ статьяхъ найти сами, собирая постепенно для этого факты и данныя у нашихъ женщинъ-писательницъ.

III.

Представимъ себѣ, что Татьяна и Елена обладаютъ литературнымъ талантомъ и обогащаютъ русскую литературу романами, повѣстями, разсказами, стихотвореніями,—какого рода было бы ихъ творчество? Конечно, Татьяна не написала бы о себѣ:

„А я—я женщина во всемъ значеніи слова,
Я балъ люблю—отдайте балъ мнѣ“.

Точно также какъ Елена никогда не унилась бы до циническаго заявленія:

„Въ горахъ я встрѣтила черкеса
И предалась любви съ тѣхъ поръ“.

Женщины чистыя и *религозныя* (не въ специальномъ, а въ болѣе общемъ значеніи этого термина), онѣ смотрѣли бы на свое литературное призваніе какъ на священную миссію и, конечно, не стали бы выставять гной душевныхъ ранъ на диво черни простодушной, не рѣшились бы являться публично въ нравственномъ дезабильѣ. Несомнѣнно, однако, что Татьяна Ларина писала бы не то и не такъ, какъ Татьяна Ояѣгина и произведеніи Елены Берсеновой были бы со стороны содержанія мало похожи на произведенія Елены Инсаровой. Условія личной жизни, разумѣется, имѣютъ свое значеніе и въ творчествѣ писателей, а иногда даже исключительное значеніе, какъ, наприм., у Полежаева, весь смыслъ литературной дѣятельности котораго заключается въ его лиризмѣ, а смыслъ этой лирики исчерпывается чувствомъ отчаянія за самого себя:

„И я жилъ, но я жилъ
 На погибель свою,
 Буйной живнью убилъ
 Я надежду мою.
 Не разцѣлѣ, и отцѣлѣ
 Въ утрѣ насмурныхъ дней,
 И чѣмъ жилъ—въ томъ намелъ
 Гибель жизни своей“.

Но иначе и быть не могло: смертельно раненный человѣкъ можетъ только стонать отъ боли и напрасно поднимать вопросъ объ условіяхъ жизни тамъ, гдѣ рѣчь должна идти только объ условіяхъ смерти. Но посмотрите, наприм., на Бѣлинскаго. Онъ, по философскимъ основаніямъ, всю всѣхъ своихъ силъ защищалъ разумность и справедливость дѣйствительности, какъ разъ въ то время, когда «дѣйствительность» его личной жизни была въ полномъ смыслѣ ужасна. Наоборотъ, онъ сталъ, по другимъ философскимъ основаніямъ, называть дѣйствительность «гнусною» именно въ то время, когда его личные обстоятельства стали улучшаться, когда онъ приобрѣлъ себѣ и литературное имя, и прочный заработокъ. Вотъ настоящая независимость мыслителя отъ вліянія личныхъ условій и личныхъ импульсовъ, и такой независимости мы у женщинъ-писательницъ не найдемъ, какъ не найдемъ и у женщинъ вообще. А такъ какъ личные условія могутъ быть всякія, среда, окружающая человѣка, можетъ быть и сама по себѣ безобразна, и можетъ, кромѣ того, самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчить его идеаламъ, то ходъ женской мысли зачастую дѣлается совсѣмъ эксцентричнымъ и какъ будто подтверждаетъ ядовитое замѣчаніе тургеневскаго Пигасова: мужчина можетъ ошибаться и сказать, что дважды два—пять или четыре съ половиной, но ошибающаяся женщина скажетъ, что дважды два—стеариновая свѣчка. Это уже ошибка не противъ факта только, а противъ самой сущности логики, противъ самыхъ основъ разума.

Женщина живетъ чувствомъ, мужчина умомъ—вотъ трузизмъ, который даже неловко высказывать, до того онъ избитъ и захватанъ, но обойти который, все-таки, нельзя, потому что въ немъ, какъ во всѣхъ такихъ общихъ мѣстахъ, заключается глубоко вѣрная, хотя обезличенная и обездушенная мысль. Если въ понятіяхъ «мужественности» и «женственности» есть какой-нибудь смыслъ, то лишь тотъ, конечно, что сферы духовной дѣятельности мужчины и женщины довольно рѣзко специализированы, сообразно ихъ главнымъ органическимъ способностямъ и наклонностямъ. Какъ бы ни были многочисленны и разнообразны частныя отклоненія отъ общаго типа, значеніе типа отъ того не умалается и его не могутъ ограничить ни женоподобные мужчины, ни мужеподобныя женщины. Гоголевскій губернаторъ отлично вышивалъ по тѣлю, а тетушка поручика Шпонецъ превосходно стрѣляла изъ ружья и собственноручно расправлялась съ провинившимися слугами, но потому-то эти индивидуальныя свойства ихъ и бросались въ глаза, что являлись курьезнымъ отклоненіемъ отъ об-

шаго типа, отъ общей нормы. Принимая все это за доказанное, мы спросимъ теперь: каковы же должны быть главные особенности женскаго творчества? Если женщина руководствуется болѣе нравственнымъ инстинктомъ, непосредственнымъ чувствомъ, нежели сознательными расчетами отвлеченной мысли, то въ какихъ формахъ выразится это преобладаніе одного элемента надъ другимъ въ области литературнаго творчества?

Нравственное чувство, въ роли верховнаго регулятора человѣческихъ дѣйствій, выражается, прежде всего, въ нравахъ человѣка, а пропаганда, основанная на этомъ чувствѣ, очевидно, должна быть пропагандой морали. Таковъ именно и есть общій характеръ женскихъ литературныхъ произведеній, не только нашихъ, но и западныхъ. Проповѣдь Жоржъ-Зандъ, самая могучая проповѣдь изъ всѣхъ проповѣдей, гдѣ-либо и когда-либо совершенныхъ женщиною, была протестомъ противъ старой морали во имя новыхъ, но, все-таки, совершенно моральныхъ началъ. Какъ видите, поле дѣятельности, находящееся въ распоряженіи женщинъ, очень широко и очень плодоносно. Въ сущности, вся или главная цѣль нашего прогресса, нашей цивилизаціи и культуры состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка чище въ нравственномъ отношеніи, внутренне моральнѣе. Вотъ безнравственная личность, вотъ безнравственное общество: возвратитъ ихъ къ Богу, вѣдритъ въ нихъ нравственный законъ, дать имъ живую мораль — это чрезвычайно трудно, но и столь же благотворно. Идти къ этой цѣли можно различными путями, но собственно женщины почти всегда избираютъ путь моральнаго воздѣйствія, стремятся пробудить въ грѣшникѣ уснувшую совѣсть, совершенно такъ, какъ поваръ въ знаменитой баснѣ Крылова. Я вовсе не то хочу сказать, что женщины-писательницы дидактически резонерствуютъ въ своихъ произведеніяхъ, — это удѣлъ бездарностей и посредственностей. Но что онѣ, благодаря исключительности своей точки зрѣнія, зачастую бываютъ жестоки и несправедливы — это несомнѣнно. Воровать безнравственно; котъ украсть курченка; слѣдовательно, «котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ», котораго нельзя пускать въ поварню, какъ волка жаднаго въ овчарню. Вотъ логика женщинъ и моралистовъ. А если бы, mesdames, котъ кормитъ до сыта, вѣдь, вѣронтно, онъ и воровать бы не сталъ? Сплошь да рядомъ безнравственность, столь неумолимо и прямолинейно караемая вами, происходитъ не отъ злой воли, а отъ злого фатума, не отъ пустаго сердца, а отъ пустаго желудка, не вслѣдствіе испорченности, а вслѣдствіе необходимости. Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, не лишентъ серьезнаго смысла и совѣтъ Крылова:

„А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратитъ попустому,
Гдѣ нужно власть употребить“.

Да, рѣчи обличенія или осужденія, обращенныя къ преступившему субъекту, почти всегда рѣчи *пустыя*, даже въ томъ случаѣ, если онѣ своею силой и страстью способны взволновать его: волненіе уляжется и

забудется, но жажда жизни не уляжется никогда и призраки счастья, гонимая за которыми люди топчаты вашу мораль,—не забудутся. Нужна именно *власть* болѣе сильная, чѣмъ власть развращающихъ сторонъ жизни, чтобы предохранить слабаго отъ паденія, сильнаго отъ искушенія, и эта власть, конечно, не есть власть «душеспасительнаго слова», передъ которымъ будто бы самъ Плюшкинъ не могъ устоять, и не власть уголовнаго закона, а власть той же жизни, но оздоровленной, обеззараженной, просвѣщенной...

«*Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre*», или, по-русски, хоть щей горшокъ, да самъ большой: этотъ французскій стихъ или эту русскую поговорку женщины-писательницы могли бы взять себѣ девизомъ. Моральный элементъ въ литературѣ—элементъ необходимый и существенный, но элементъ частный и нисколько не абсолютный. Мораль, какъ совокупность нравственныхъ идей, подлежитъ и развитію, и видоизмѣненіямъ, сообразно условіямъ мѣста, времени, среды. «Читалъ ли ты Евангеліе?»—съ суровостью прямолинейнаго моралиста спросилъ Левъ Толстой солдата, обнаружившаго нѣкоторую жесткость нрава или даже жестокость.—«А ты читалъ ли воинскій уставъ?»—съ бессознательною и тѣмъ болѣе сокрушительною ироніей отвѣтилъ солдатъ. Глубже этого простодушнаго солдатскаго отвѣта не придумаетъ ни одинъ философъ. Задача прогресса въ томъ и состоитъ, чтобы сблизить жизнь съ моралью, дать побольше простора Евангелію и поменьше воинскому и всякимъ инымъ «уставамъ». Въ умѣнн найти правильную для своей морали основу, такое содержаніе для нея, которое соотвѣтствовало бы духу и потребностямъ времени, въ этомъ умѣнн заключается первое условіе къ тому, чтобы пропаганда женщины-писательницы не осталась голосомъ, въ пустынѣ вопіющимъ. Въ нашей литературѣ мы имѣемъ поразительный примѣръ двухъ женщинъ-писательницъ—одинаково талантливыхъ, искреннихъ и чистыхъ, преподававшихъ намъ мораль почти діаметрально-противуположнаго содержанія. Послушаетесь вы Кохановской, вы будете однимъ человѣкомъ; пойдете вы за Увоичинской-Заіончовской, вы будете совсѣмъ другимъ человѣкомъ, если только вообще мораль можетъ «дѣлать», пересоздавать людей. Это различіе въ содержаніи морали обуславливается различіемъ въ понятіяхъ, а понятія—дѣло не столько чувства, сколько разума, притомъ, разума не только личнаго, но и коллективнаго, общественнаго. Жена должна быть вѣрна тому, кому отдана,—вотъ одинъ изъ моральныхъ принциповъ пушкинской Татьяны, точно также какъ и Кохановской. Жена должна быть вѣрна по чувству любви, а не по чувству долга, и, кромѣ того, безнравственно и недостойно человѣка позволять *отдавать* себя какъ вещь, какъ неодушевленный предметъ—вотъ мораль тургеневской Елены и, въ то же время, мораль Заіончовской. Если вы станете на почву индивидуализма, вамъ этой тяжбы не рѣшить во вѣки, потому что въ отвлеченно-нравственномъ смыслѣ вѣрность другимъ и вѣрность себѣ одинаково высока качества. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ «отдать душу свою за други своя»—не высокій

нравственный подвигъ? Но, съ другой стороны, какая польза человеку, если онъ пріобрѣтетъ все доступное и возможное въ мірѣ, а душу свою «отщепить» отъ себя? Прекрасно жертвовать собою, но жертвовать собою значитъ ли жертвовать своимъ человѣческимъ достоинствомъ? Тысячи блестящихъ страницъ уже написаны и тысячи еще будутъ написаны на эту тему, съ рѣшеніями за и противъ, но только тѣ изъ этихъ рѣшеній могутъ имѣть объективную убѣдительность и доказательность, при составленіи которыхъ былъ принятъ во вниманіе... «воинскій уставъ». Читатель понимаетъ нашу метафору. Да, «воинскій уставъ», т. е. относительные, условные, переходящіе, но отъ того не менѣе вліятельные формы и порядки конкретной дѣйствительности. Вотъ этотъ-то элементъ, который намъ назвать разсудочнымъ, а слѣдуетъ назвать социальнымъ, составляетъ самую слабую сторону женскаго творчества, почти вовсе не играя въ немъ роли. Женщины—это присяжные засѣдатели, въ распоряженіи которыхъ только два отвѣта: *да, виновенъ*, и *нѣтъ, не виновенъ*. «По обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія»,—этой формулы онѣ какъ будто органически понять не могутъ и ни о какихъ «обстоятельствахъ» ни знать, ни разсуждать не хотятъ. А, между тѣмъ, дѣйствительная жизнь рѣдко ставитъ вопросы въ такомъ упрощенномъ и обнаженномъ видѣ и чаще всего въ «обстоятельствахъ»-то, въ «воинскомъ уставѣ»-то и заключается настоящая правда—и фактическая, и моральная. *Fiat justitia, pereat mundus*,—это не фанатики-юристы, а женщины сочинили.

«Надо судить по человѣчеству»,—говорилъ одинъ изъ героев Островскаго, выражая въ наивной формѣ формулу высшей справедливости. Женщины—не судьи. Они или неумолимые прокуроры, или страстные адвокаты, но,—и это одна изъ привлекательныхъ сторонъ ихъ нравственной природы,—обвинители или защитники, онѣ никогда въ литературѣ, по крайней мѣрѣ, не являются «прелюбодѣями мысли». Женщины честнѣе насъ. Онѣ не могутъ служить своему Богу «по вольному найму» и слово помнётся имъ лишь тогда, когда оно окрылено чувствомъ, будетъ ли это любовь или ненависть. Мораль ихъ узка, совѣсть близорука и односторонна, но это подлинная мораль и подлинная совѣсть, а не двусложныя только слова, которыя доступно склонять во всѣхъ падежахъ любому мужскому суконному языку. Писательницы, о произведеніяхъ которыхъ мы собрались говорить (насколько это нужно для подтвержденія нашихъ общихъ положеній), Кохановская, Заіончковская, г-жи Смирнова и Шаширъ, при всѣхъ различіи въ характерѣ и степени своихъ дарованій, имѣютъ то общее, что всѣ съ одинаковымъ правомъ могутъ сказать о себѣ словами псалмопѣвца: *живъ Богъ и жива душа моя*. Да, и у насъ завелись писательницы, которыя шьютъ романы, вяжутъ повѣсти, плетутъ стихотворенія, но за то мы о нихъ и говорить не будемъ: кустарный промыселъ не можетъ быть предметомъ анализа литературной критики.

М. Протопоповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько замѣчаній по поводу отчета крестьянскаго поземельнаго банка за 1889 годъ.

Послѣдній отчетъ крестьянскаго банка вызвалъ въ періодической печати самыя разнообразныя толки относительно характера дѣятельности этого учрежденія. Свѣдѣнія, помѣщенные въ отчетѣ объ оставшихся непроданными и поступившихъ въ собственность банка участкахъ, дали нѣкоторымъ органамъ поводъ высказать даже опасенія относительно будущности крестьянскаго банка. Въ виду этого считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ ходомъ дѣятельности банка на основаніи послѣдняго отчета.

Число сдѣлокъ въ истекшемъ году сократилось на 74 противъ 1888 г.; сумма же, разрѣшенная къ выдачѣ, сократилась еще больше и составляетъ только 84% суммы, разрѣшенной въ 1888 году. Совѣтъ разрѣшилъ 1,143 ссуды на сумму 6.457,357 р. 65 к., въ уплату которыхъ назначено банкомъ 4.544,925 р. 10 к., а остальные 1.812,432 р. 55 к. подлежали взносу покупщиками изъ собственныхъ средствъ. Не всѣ эти сдѣлки были, однако, заключены; число выданныхъ ссудъ не превышаетъ 922, причемъ покупщиками явились 21,448 домохозяевъ съ 71,824 наличными душами мужскаго пола. Земли приобрѣтено 156,347 дес. за 4.936,006 р. 37 к., въ счетъ коихъ крестьяне уплатили изъ своихъ средствъ 1.243,872 р. 77 к., а ссуда банка составляетъ 3.692,133 р. 60 к. Такимъ образомъ, вся дѣятельность банка, насколько о ней можно судить по суммѣ, выданной въ ссуду, выразилась въ 1889 году въ сравнительно небольшой цифрѣ, въ 3.692,133 р. 60 к.

Стѣнитъ только обратиться къ отчетамъ прежнихъ лѣтъ, чтобъ убѣдиться, что сумма эта очень незначительна; она приближается къ той, которая выдана въ самомъ началѣ дѣятельности банка еще въ 1883 году, когда было открыто 11 отдѣленій, начавшихъ функционировать только съ апрѣля 1883 г. Хотя первая сдѣлка, заявленная полтавскимъ отдѣленіемъ, относится даже къ маю и банкъ, слѣдовательно, дѣйствовалъ меньше восьми мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе, было выдано въ ссуду 2.817,578 рублей. Съ тѣхъ поръ сумма ссудъ растетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1884 г. приобрѣтено земли 210,047 дес. за 11.026,286 р. 28 к., въ счетъ которыхъ

покупщики внесли 1.496,917 руб. 69 коп., а банкомъ выдано въ ссуду 9.529,368 р. 59 к. Въ 1885 году приобрѣтено земли еще больше, именно 318,002 дес. за 16.536,050 р. 29 к., изъ которыхъ крестьянами уплачено 2.774,072 р., а банкомъ выдано 13.761,978 р. Это высшая цифра, которой достигла дѣятельность банка со времени его учрежденія. Съ 1886 года начинается уже ослабленіе дѣятельности, хотя весьма незначительное и почти незамѣтное. Земли въ этомъ году приобрѣтено нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1885 году,—294,688 дес. противъ 318,002 дес., приобрѣтенныхъ въ 1885 году; уплачено за нихъ 13.422,104 р. 81 к., въ счетъ копъ банкомъ выдано 11.148,850 рублей, т.-е. на 2.613,128 рублей меньше противъ предшествующаго года. Въ 1887 году ослабленіе дѣятельности становится уже замѣтнѣе: земли приобрѣтено уже только 219,480 дес. за 9.158,490 р. 11 к., причѣмъ въ ссуду выдано только 7.495,797 рублей, т.-е. почти вдвое меньше, чѣмъ въ 1885 году. Въ 1888 году количество ссудъ и ссуда банка еще больше уменьшается, а въ послѣднемъ отчетномъ году банкомъ выдано не больше 28% того количества, которое выдано въ 1885 году.

Обращаясь къ размѣрамъ ссуды, выданной банкомъ на душу и на десятину, мы должны отмѣтить въ обоихъ случаяхъ постепенное уменьшеніе. Въ 1883 году покупная сумма на душу составляла 118 р. 3 к., въ 1884 г.—112 р. 27 к., въ 1885 г.—107 р. 22 к., въ 1886 г.—100 р. 24 к., въ 1887 г. только 85 р. 5 к., въ 1888 г.—79 р. 95 к. и, наконецъ, въ отчетномъ году цифра эта понижается до 68 р. 73 к. Соответственно этому уменьшается ссуда банка отъ 104 р. 60 к. въ 1883 году до 51 р. 41 к. въ 1889 году, т.-е. сумма, выданная банкомъ на душу, уменьшилась противъ 1883 г. больше чѣмъ вдвое. Покупная сумма на десятину подверглась также значительному пониженію, отъ 52 р. 52 к. въ 1883 году до 31 р. 57 к., а ссуда банка на десятину уменьшилась почти вдвое: вмѣсто 46 р. 55 к., определенной къ выдачѣ въ 1883 г. на десятину, мы въ послѣднемъ отчетномъ году имѣемъ только 23 р. 61 к. Понятно, что соответственно этому увеличивается съ каждымъ годомъ плата.

Вообще сравненіе дѣятельности банка за все время его существованія показываетъ, что хотя количество земли на душу подверглось весьма значительному измѣненію (отъ 2, ж въ 1883 г. до 2, н десятины въ 1889 г.), но какъ общее количество купленной при посредствѣ банка земли, такъ и количество выданной на душу и на десятину ссуды съ 1886 года съ каждымъ годомъ все больше и больше уменьшается, что отъ покупателей требуется съ каждымъ годомъ представленія наличными деньгами все большей и большей суммы, несмотря на пониженіе цѣнъ на покупаемую землю. Доплаты эти въ 1889 году составляютъ 33, с% покупной цѣны.

Если обратиться къ распредѣленію ссудъ по губерніямъ, то окажется, что только въ небольшомъ числѣ губерній въ дѣятельности банка замѣчается оживленіе. Изъ сорока губерній, въ которыхъ выдаются ссуды, только

въ десяти выдано больше, чѣмъ по 30 ссудъ, въ пяти губерніяхъ отъ 30 до 20 ссудъ, въ двѣнадцати—отъ 20 до 10 ссудъ, а въ остальныхъ меньше десяти ссудъ, въ губерніяхъ Пензенской и Орловской по три ссуды, въ Нижегородской и Казанской по двѣ ссуды, а во Владимирской только одна ссуда. Что касается количества выданныхъ денегъ, то на ряду съ Смоленской, Могилевской, Кіевской, въ которыхъ выдано болѣе 300,000 р. каждой, съ Симбирской, въ которой выдано 268,000 руб., съ Минской, Рязанской, Гродненской и Подольской губерніями, въ которыхъ выдано больше 100,000 р. въ каждой, мы встрѣчаемъ не мало губерній, въ которыхъ вся сумма, выданная въ ссуду, не превышаетъ 20 — 30 тыс., а въ губерніи Орловской выдано только 3,000 руб. и въ губерніи Владимирской за цѣлый годъ выдана одна ссуда въ тысячу рублей.

Словомъ, къ какому вопросу мы ни обратимся, мы вездѣ наталкиваемся на одно и то же явленіе — на ослабленіе дѣятельности банка, граничащее въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти съ полнымъ бездѣйствіемъ.

Чѣмъ же можно объяснить такое ослабленіе энергіи банка, чѣмъ вызвано такое быстрое сокращеніе операций? Никому, вѣроятно, не впадетъ въ голову подумать, что банкъ выполнилъ свое назначеніе, надѣливъ крестьянъ землей, и въ настоящее время не можетъ найти для себя больше дѣла. Этого нельзя сказать уже потому, что во многихъ мѣстностяхъ дѣятельность банка совершенно еще не успѣла развиться, что отовсюду продолжаютъ раздаваться жалобы на недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, что въ губерніяхъ, въ которыхъ выдано по нѣсколько ссудъ, крестьяне сильно нуждаются въ землѣ и имѣютъ полное желаніе увеличить размѣръ своихъ владѣній, что ежегодно цѣлыя толпы покидаютъ свои родныя мѣста и отправляются за тысячи верстъ искать земли въ Восточную Сибирь, на Кавказъ и т. д. Ясно, что нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы придти къ заключенію, что для крестьянскаго банка не осталось поля дѣятельности.

Отчетъ объясняетъ это почти непонятное явленіе слѣдующимъ образомъ: «Уменьшенію числа ссудъ,—читаемъ мы на страницѣ 2-й отчета,—содействовало пониженіе частными земельными банками взимаемыхъ ими процентовъ, а также то обстоятельство, что, за переходомъ въ дворянскій банкъ заемщиковъ изъ дворянъ, земельные банки не безъ успѣха стараются развить свои операціи въ средѣ крестьянской. Что же касается уменьшенія суммы, разрѣшенной банкомъ къ выдачѣ, то уменьшеніе это происходитъ отъ того, что въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, совѣтъ банка отдавалъ предпочтеніе мелкимъ сдѣлкамъ передъ крупными, которыя, даже при несомнѣнной обеспеченности землею, представляются менѣе надежными. Кромѣ того, совѣтъ банка и по отношенію мелкихъ ссудъ старался дѣйствовать крайне осторожно, въ виду неисправнаго поступленія срочныхъ платежей».

Дѣйствительно, къ 1 января 1890 года оставалось въ недоимкѣ 998.054 руб. 7 коп. (всего подлежало къ поступленію въ 1889 году 3.419,263 р. 78 коп.), что составляетъ 29,19% оклада.

«Въ виду значительныхъ недоимокъ, — поясняетъ отчетъ, — а также упадка арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю, совѣтъ банка въ отчетномъ году вынужденъ былъ уменьшить среднюю ссуду на десятину и уменьшилась средняя цѣна покупки».

Уменьшеніе послѣдовало и по сравненію съ 1888 годомъ. Въ 1889 году разрѣшено 1,143 ссуды при покупной цѣнѣ въ 6.457,358 р., что составляетъ въ среднемъ на покупку 5,649 руб. противъ 6,166 руб. предшествующаго года.

И такъ, объясненіе, сдѣланное въ отчетѣ, сводится къ тремъ основнымъ пунктамъ:

Во-первыхъ, частные банки понизили размѣръ взимаемыхъ по ссудѣ процентовъ, вслѣдствіе чего заемъ у нихъ становится выгоднѣе, чѣмъ въ крестьянскомъ банкѣ, что крестьяне, вслѣдствіе этого, предпочитаютъ вступать въ сдѣлки съ помѣщиками при посредствѣ частныхъ банковъ, чѣмъ пользоваться содѣйствіемъ крестьянскаго банка.

Во-вторыхъ, частные банки, вслѣдствіе сокращенія своей дѣятельности отъ перехода заемщиковъ изъ дворянъ въ дворянскій банкъ, сами стараются распространить свои операціи среди крестьянъ, что, потерявши надежду удержать заемщиковъ изъ дворянъ, они крестьянскими ссудами хотятъ пополнить пробѣлъ, образовавшійся отъ усиленныхъ выкуповъ.

Въ-третьихъ, вслѣдствіе упадка арендныхъ и покупныхъ цѣнъ и неисправнаго поступленія срочныхъ платежей, явилась необходимость дѣйствовать съ большою предусмотрительностью и осторожностью.

Какъ ни важны эти обстоятельства, но за ними кроется еще одно и, можетъ быть, наиболѣе важное, всего больше могущее объяснить, почему банкъ почти остановился въ своей дѣятельности. Обстоятельство это заключается въ огромномъ числѣ непроданныхъ участковъ, поступившихъ въ собственность банка, продажа которыхъ связана съ значительными трудностями и большими убытками.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ причинъ и постараемся выяснитъ, насколько правильны сдѣланныя въ отчетѣ объясненія въ сравненіи съ только что упомянутою нами причиною.

Намъ указываютъ, что акціонерные банки понизили проценты по ссудамъ и тѣмъ улучшили условія займа. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ учрежденія дворянскаго банка, когда у акціонерныхъ банковъ была еще надежда соперничать съ дворянскимъ банкомъ или, по крайней мѣрѣ, удержать заемщиковъ изъ дворянъ отъ перехода въ дворянскій банкъ, они нашли возможнымъ понизитъ проценты на $\frac{1}{2}\%$, удлинивши при этомъ срокъ займа. Такимъ образомъ, при выпускѣ пятипроцентныхъ закладныхъ листовъ они стали выдавать ссуды на 61 г. 8 мѣсяцевъ, вмѣсто 48 лѣтъ 8 мѣсяцевъ, и *взимать въ годъ съ погашеніемъ 6%*, *вмѣсто прежнихъ 6 $\frac{1}{2}$ %*. Пониженіе это достигнуто, во-первыхъ, путемъ удлиненія срока и уменьшенія доли погасительнаго взноса отъ $\frac{1}{2}\%$ на $\frac{1}{4}\%$; во-вторыхъ, путемъ уменьшенія доли, взимаемой въ пользу банка на расходы по управленію

и составленіе дивиденда, отъ 1% до $\frac{3}{4}$ %. При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что курсъ пятипроцентныхъ листовъ стоитъ ниже номинальной стоимости, благодаря чему ссуда при теперешнемъ сравнительно благоприятномъ курсѣ (до 96 за 100) обходится не въ 6%, а въ $6\frac{1}{4}$ %. Хотя съ теченіемъ времени банки убѣдились, что соперничество съ дворянскимъ банкомъ, особенно послѣ выпуска выигрышнаго займа, есть чистѣйшая химера, тѣмъ не менѣе, льготныя условія, разъ установленныя, не были уже измѣнены, и землевладѣльцы всѣхъ сословій, въ томъ числѣ, конечно, и крестьяне, могутъ получать ссуды въ акціонерныхъ банкахъ изъ 6% съ погашеніемъ, а принимая во вниманіе потерю на курсѣ для реализаціи листовъ—изъ $6\frac{1}{4}$ % въ годъ. При курсѣ въ 98 за 100, какого достигли пятипроцентныя бумаги нѣкоторыхъ банковъ къ концу прошлаго года, ссуда обходится еще дешевле, именно $6\frac{1}{8}$ %.

Такова норма, которую нашли возможнымъ установить учрежденія, основанныя съ единственною цѣлью доставлять акціонерамъ дивидендъ. Что такая норма не только не разорительна для нихъ, но при такомъ размѣрѣ платежей банки могутъ процвѣтать, показываютъ ихъ отчеты. Дивидендъ не только не понизился, но въ нѣкоторыхъ банкахъ даже повысился и составляетъ въ среднемъ отъ 14 до 20% на складочный капиталъ. Если же это такъ, то почему же пониженіе, которому составители отчета крестьянскаго банка придаютъ такое значеніе, невозможно для государственнаго учрежденія, не знающаго акціонеровъ?

Если присмотрѣться ближе къ платежамъ, взимаемымъ крестьянскимъ банкомъ, то окажется, что они почти въ полтора раза выше платежей, установленныхъ для заемщиковъ дворянскаго банка, на 20—25% выше платежей, установленныхъ въ акціонерныхъ банкахъ и въ обществахъ, основанныхъ на началахъ взаимности, и вообще представляютъ высшій размѣръ, какой существуетъ въ учрежденіяхъ гипотечныхъ. Платежи по долгосрочнымъ ссудамъ, погашаемымъ въ теченіе ряда лѣтъ, состоятъ, какъ извѣстно, изъ трехъ частей: изъ суммы, взимаемой на уплату владѣльцамъ закладныхъ листовъ, облигацій или свидѣтельствъ, т. - е. кредиторамъ банковъ, изъ погасительнаго взноса, поступающаго на выкупъ посредствомъ тиража определенной части выпущенныхъ въ обращеніе бумагъ и, наконецъ, изъ взноса на расходъ по управленію, составленію запаснаго капитала, покрытіе убытковъ, а въ акціонерныхъ банкахъ и на выдачу дивиденда. Изъ этихъ трехъ частей составляется сумма, подлежащая уплатѣ заемщиками гипотечныхъ учрежденій. Чѣмъ выше каждая изъ этихъ частей, тѣмъ больше сумма, тѣмъ тягостнѣе условія займа. Для каждой изъ этихъ частей существуютъ свои нормы, которыхъ придерживаются почти всѣ банки съ небольшими отклоненіями.

На *ростъ* взимается столько, сколько требуетъ денежный рынокъ. Когда бумаги частныхъ учрежденій были почти неизвѣстны публикѣ, когда къ нимъ относились съ недовѣріемъ, необходимо было выпускать листы съ болѣе высокимъ процентомъ, чѣмъ процентъ, приносимый государственными бумагами. Тогда необходимо было выпустить 6% бумаги, тѣмъ болѣе, что

и государственныя бумаги не всегда могли найти помѣщеніе внутри страны. Для помѣщенія листовъ былъ учрежденъ специальный банкъ, центральный банкъ русскаго поземельнаго кредита, скупавшій закладныя листы земельныхъ банковъ и выпускавшій взамѣнъ того собственные металлическія листы. Тѣмъ не менѣе, курсъ даже 6% листовъ былъ очень низокъ, — въ первые годы дѣятельности банковъ онъ доходилъ только до 84 рублей за сто. Вслѣдствіе этого, на ростъ въ дѣйствительности, принимая во вниманіе потерю на курсъ, приходилось платить больше 7%. Съ теченіемъ времени учетный процентъ сталъ понижаться, довѣріе къ платежнымъ силамъ земельныхъ банковъ и кредитныхъ обществъ упрочилось, курсъ 6% бумагъ сталъ приближаться къ номинальной стоимости, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась возможность выпускать бумаги съ пониженнымъ процентомъ, — вмѣсто 6% листовъ, въ обращеніе были пущены пятипроцентныя. Курсъ 5% листовъ въ послѣднее время настолько окрѣпъ, что при полученіи ссуды этими листами потеря сдѣлалась почти незамѣтной, — она составляетъ въ настоящее время не болѣе трехъ или четырехъ рублей на сто, — тогда какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ потеря даже шестипроцентныхъ бумагъ достигала 16—17 рублей. Такъ какъ государственныя 5% бумаги стоятъ болѣею частью выше номинальной стоимости, то листы частныхъ банковъ сдѣлались излюбленною бумагой, на которую имѣется постоянный спросъ. Выпуская пятипроцентныя бумаги, банки получали возможность понизить ростъ до 5 $\frac{1}{4}$ %, между тѣмъ какъ въ началѣ дѣятельности на ростъ уходило больше семи процентовъ.

Крестьянскій банкъ есть учрежденіе государственное, а бумаги, выпускаемыя имъ, кромѣ общей обезпеченности, присвоенной всѣмъ государственнымъ бумагамъ, обезпечиваются заложенными въ немъ имѣніями, — слѣдовательно, можно было ожидать, что банкъ будетъ выпускать бумаги съ такимъ же процентомъ, какой приносятъ другія государственныя бумаги. На дѣлѣ оказывается, что банкъ выпускаетъ свидѣтельства, приносящія 5 $\frac{1}{2}$ %, благодаря чему заемщикамъ приходится уплачивать на ростъ больше, чѣмъ платятъ заемщики акціонерныхъ банковъ. Въ то время, какъ наше финансовое вѣдство съ успѣхомъ производитъ конверсію старыхъ займовъ, находя 5% бумаги слишкомъ дорогими, въ то время, какъ дворянскій банкъ взымаетъ съ своихъ кліентовъ только 4 $\frac{1}{2}$ %, а акціонерныя банки ходатайствуютъ о разрѣшеніи выпускать 4 и 4 $\frac{1}{2}$ % листы, свидѣтельства крестьянскаго банка, приносящія 5 $\frac{1}{2}$ %, являются анахронизмомъ, тѣмъ болѣе вреднымъ, что онъ тяжело ложится на слои населенія, всего болѣе нуждающіеся въ дешевомъ кредитѣ. Принимая во вниманіе, что курсъ пятипроцентныхъ государственныхъ бумагъ на нѣсколько рублей выше номинальной стоимости, пониженіе процента въ крестьянскомъ банкѣ представляется вполне возможнымъ и нисколько не опаснымъ. Въ настоящее время курсъ 5% бумагъ стоитъ 103—104 (котировка петербург. биржи 19 декабря), курсъ 4 $\frac{1}{2}$ % доходитъ до 97, курсъ 4% желѣзно-дорожныхъ облигацій доходитъ до 92, а свидѣтельства, судя по отчету, реализованы

по курсу $101\frac{1}{2}$ —103, следовательно, за небольшую сумму в 2—3 рубля, поступающую притом еще не в пользу крестьян-заемщиков, а в пользу банка, крестьянамъ ежегодно приходится платить лишнюю половину процента. И такіе невыгодныя условія займа имѣютъ мѣсто въ то самое время, когда лозунгомъ нашего финансоваго управленія стала бережливость и дешевизна кредита. Еслибъ $5\frac{1}{2}\%$ свидетельства были зашѣнены бумагами, приносящими $4\frac{1}{2}\%$, курсъ которыхъ почти достигаетъ номинальной стоимости, кредитъ отъ одной этой операціи могъ бы быть пониженъ почти на цѣлый процентъ, безъ всякаго ущерба для казны. При выпускѣ бумагъ, приносящихъ 4% , на ростъ приходилось бы уплачивать при курсѣ 90—91 за сто даже меньше четырехъ съ половиной процентовъ. Такое пониженіе возможно не только для новыхъ заемщиковъ; оно могло бы быть распространено на всѣхъ кліентовъ крестьянскаго банка, если бы посредствомъ конверсіи выпущенныя въ обращеніе свидетельства были зашѣнены новыми бумагами. Если не всё, то большинство крестьянъ соглася на нѣкоторое увеличеніе номинальнаго долга, если оно будетъ связано съ значительнымъ пониженіемъ платежей.

Если обратимся ко *второму* составному элементу платежа, къ *амортизаціонной доль*, то увидимъ, прежде всего, что погашеніе ссудъ, выданныхъ подъ залогъ земли, сильно отличается отъ погашенія ссудъ, выданныхъ подъ городскую недвижимость. Въ то время, какъ для послѣднихъ установлены короткіе сроки, для первыхъ преобладающими являются болѣе продолжительныя сроки. Да оно и вполнѣ понятно. Домъ съ теченіемъ времени приходитъ въ ветхость, стоимость ихъ, независимо отъ перестройки, капитальнаго ремонта или случайныхъ причинъ и конъюнктуръ, съ теченіемъ времени должна непремѣнно уменьшаться, насколько это обуславливается ухудшеніемъ матеріала и проч., вслѣдствіе чего долги должны уменьшаться быстрѣе, чѣмъ уменьшаются долги, падающіе на земли. Было время, когда отъ амортизаціи ожидали чуть ли не избавленія земли отъ тяготѣвшихъ надъ нею гипотечныхъ долговъ. Это было время, когда причины задолженности были не выяснены и можно было еще считать ее явленіемъ случайнымъ, не связаннымъ съ основными чертами всей экономической организаціи. Такое время прошло; всѣмъ хорошо извѣстно, что амортизація не въ силахъ избавить землю отъ долговъ, что сдѣлать только погасить часть долга, какъ появляется новый долгъ, часто значительно превышающій погашенную часть долга, что, следовательно, нѣтъ причинъ стремиться къ увеличенію погасительнаго взноса, если уплата его не можетъ быть произведена безъ жертвъ для владѣльца. Вслѣдствіе этого, въ ссудахъ подъ землю преобладаютъ продолжительныя сроки съ минимальнымъ погасительнымъ взносомъ. Мало того, въ Германіи принципъ амортизаціи имѣетъ даже не мало противниковъ, доказывающихъ преимущества рентныхъ долговъ, исключаящихъ постепенную амортизацію. Обычныя сроки для погашенія ссудъ подъ землю колеблются между 43 и 61 годами, причемъ погасительная доля составляетъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}\%$. Имен-

но эти сроки установлены въ акціонерныхъ банкахъ, въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, въ дворянскомъ банкѣ: по ссудамъ на 48 лѣтъ 8 мѣсяцевъ взымается $\frac{1}{2}\%$ въ годъ на погашеніе, а по ссудамъ на 61 годъ 8 мѣсяцевъ только $\frac{1}{4}\%$. Вслѣдствіе этого, къ росту присоединяется сравнительно небольшая сумма. Въ крестьянскомъ банкѣ установлены гораздо болѣе короткіе сроки, именно $24\frac{1}{2}$ и $34\frac{1}{2}$ года, т.-е. сроки, приближающіеся къ тѣмъ, которые приняты въ земельныхъ банкахъ для домовъ. Такое быстрое погашеніе весьма понятно при выдачѣ ссудъ подъ постройки, но оно совершенно непримѣнимо при выдачѣ ссудъ подъ землю, такъ какъ земля не даетъ такого дохода, который далъ бы возможность быстро погашать долгъ, притомъ, погашать его непрерывно, не взирая на случайныя бѣдствія, неурожай, низкія цѣны на сельскіе продукты и проч. Сроки эти тѣмъ удивительнѣе, что при выкупной операціи, когда путемъ кредита было впервые предпринято надѣленіе крестьянъ землею, срокъ выкупа былъ установленъ гораздо болѣе продолжительный. Что такое покупка земли крестьянами чрезъ посредство крестьянскаго банка, какъ не продолженіе выкупной операціи? Можно ли примѣнять къ ней другія начала, чѣмъ тѣ, какія были приняты послѣ освобожденія крестьянъ? Если выдача ссудъ крестьянамъ на покупку земли чрезъ посредство крестьянскаго банка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и отличается отъ выкупной операціи, то въ дѣлѣ установленія сроковъ къ ней могутъ быть примѣнены тѣ же начала, какія примѣнены для выкупа. Между тѣмъ, послѣдствія отъ такого сокращенія сроковъ получаются весьма печальныя: крестьянамъ приходится платить на погашеніе не менѣе 1% , а при ссудахъ на $24\frac{1}{2}$ года даже цѣлыхъ 2% въ годъ и, такимъ образомъ, значительно увеличивать подлежащую ежегодной уплатѣ сумму. Правда, благодаря этому, выкупъ земли можетъ быть произведенъ очень скоро, но дѣло только въ томъ, что отъ земли требуютъ больше, чѣмъ она можетъ дать, у крестьянъ нѣтъ часто никакой возможности вносить такіе высокіе платежи, и единственнымъ выходомъ изъ затрудненія является забрасываніе участковъ, купленныхъ при посредствѣ крестьянскаго банка.

Самымъ опаснымъ является въ данномъ случаѣ обязательность погасительнаго взноса. Если бы погасительная доля была уменьшена и, вмѣсто цѣлаго процента, составляла бы только четверть процента, ссуда была бы значительно удешевлена и явилась бы возможность съ болѣею легкостью выносить платежи.

Обратимся, наконецъ, къ *сбору на расходы по управленію*. Въ крестьянскомъ банкѣ, несмотря на отсутствіе акціонернаго капитала и, слѣдовательно, необходимости выплачивать дивидендъ, сборъ этотъ достигаетъ максимума; онъ не только въ четыре раза превышаетъ сборъ, взимаемый съ заемщиковъ дворянскаго банка и превышаетъ сборъ, взимаемый въ городскихъ кредитныхъ обществахъ (въ нѣкоторыхъ обществахъ отъ заемщиковъ не взымается для этой цѣли никакого сбора, а расходы покрываются изъ другихъ источниковъ) и другихъ обществахъ, основанныхъ на

началах взаимности, но нѣсколько превышаетъ норму, установленную въ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ. Въ послѣднихъ, какъ мы уже видѣли, взимается не больше 1%, а по нѣкоторымъ ссудамъ, именно по ссудамъ подъ земли, только $\frac{3}{4}\%$, что оказывается, впрочемъ, вполне достаточнымъ не только для покрытія всѣхъ расходовъ, но и для выдачи чуть ли не самаго высокаго дивиденда, какой только выплачивается акціонерными учреждениями.

И такъ, всѣ три составныя части платежа въ крестьянскомъ банкѣ выше, чѣмъ во всѣхъ другихъ гипотечныхъ учрежденияхъ, несмотря на то, что крестьянскій банкъ есть учрежденіе государственное и пользуется многими преимуществами предъ другими банками. Пониженіе платежей, о которомъ такъ часто и такъ усердно хлопочутъ, является, такимъ образомъ, вполне возможнымъ. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что дешевымъ оказывается кредитъ именно тамъ, гдѣ онъ долженъ быть дорогимъ, а дорогимъ тамъ, гдѣ онъ долженъ быть дешевымъ?

Изъ этого нетрудно видѣть, что еслибъ причина сокращенія операций крестьянскаго банка заключалась въ дешевизнѣ кредита въ акціонерныхъ банкахъ, то причину эту весьма легко можно было бы устранить путемъ пониженія платежей, безъ всякаго ущерба для банка.

Обратимся теперь къ *второму* изъ сдѣланныхъ въ отчетѣ указаній на причины ослабленія дѣятельности крестьянскаго банка, къ вопросу о распространеніи операций акціонерныхъ земельныхъ банковъ среди крестьянъ. Объясненіе это до нѣкоторой степени вѣрно; число крестьянскихъ ссудъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ банкахъ увеличивается, но, во-первыхъ, увеличеніе это не такъ значительно, чтобы его можно было привести какъ причину, могущую объяснить уменьшеніе операций въ крестьянскомъ банкѣ; во-вторыхъ, акціонерныя банки развили въ послѣдніе годы свои операции среди крестьянъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ и крестьянскій банкъ продолжаетъ выдавать значительное число ссудъ; въ-третьихъ, наконецъ, увеличеніе крестьянскихъ ссудъ особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда распродажа имѣній на части крестьянамъ служитъ единственнымъ способомъ ликвидаціи оставшихся за банками имѣній.

Стоитъ только привести одинъ изъ извѣстныхъ намъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что появленіе сдѣлокъ среди крестьянскаго населенія является простою необходимостью. За однимъ изъ крупныхъ банковъ осталось имѣніе Витебской губерніи, въ количествѣ 12,000 десятинъ съ долгомъ около 300,000 руб. Имѣніе это не нашло покупателей, которые согласились бы уплатить такую сумму, и банкъ приступилъ къ распродажѣ имѣнія мѣстнымъ крестьянамъ участками, разбивъ все имѣніе на части отъ 12 до 300 десятинъ, и такимъ путемъ уже распродалъ болѣе сорока частей. Понятно, что отъ распродажи одного этого имѣнія банкъ приобретаетъ себѣ до ста кліентовъ изъ крестьянъ, а такъ какъ такой способъ ликвидаціи является во многихъ случаяхъ не только самымъ выгоднымъ, но чуть ли не единственнымъ, то постороннему наблюдателю, не имѣющему возможности при-

смаиваться ближе къ дѣлу, можетъ показаться, что акціонерные банки сами дѣятельно стремятся къ распространенію своихъ операцій среди крестьянскаго населенія.

Къ такому выводу можетъ привести еще одно, въ последнее время нерѣдко наблюдаемое явленіе, что землевладѣльцы, продавая крестьянамъ участки изъ заложенныхъ въ акціонерныхъ банкахъ имѣній, предпочитаютъ имѣть дѣло съ ними, чѣмъ съ крестьянскимъ банкомъ, убѣдившись на опытѣ, какъ долго тянется дѣло и какими обременительными формальностями обставлено все дѣлопроизводство въ крестьянскомъ банктѣ. Кроме того, акціонерные банки не стѣсняють землевладѣльцевъ въ заключеніи сдѣлокъ съ крестьянами относительно оставленія части покупной цѣны по второй закладной, ни крестьянъ въ опредѣленіи размѣра ссуды, падающей на каждаго домохозяина. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе дешевизны кредита, быстроты и удобства сношеній съ акціонерными банками въ случаѣ раздѣла, продажи, поступленія всякаго рода ходатайствъ относительно рубки лѣса и проч., многіе предпочитаютъ имѣть дѣло съ частными банками.

Все это, однако, еще не значитъ, чтобы банки сами дѣятельно и со знательнo стремились къ распространенію своихъ операцій среди крестьянъ. Банки не ищутъ такихъ сдѣлокъ, да и не могутъ ихъ искать, потому что онѣ для нихъ не представляютъ большихъ выгодъ. Ссуды крестьянамъ по большей части очень незначительны, а расходы на нихъ слишкомъ велики, чтобы стремиться къ развитію такого рода дѣлъ. Когда между совладѣльцами, членами, одного и того же товарищества, начинаются споры и неурядицы относительно размѣра отведенной каждому изъ нихъ земли и размѣра платежей, банку приходится нести не мало затратъ, такъ какъ приходится командировать агента для изслѣдованія причинъ столкновеній и неурядицъ, для прекращенія которыхъ у банка, впрочемъ, нѣтъ никакихъ средствъ. Просрочка платежей, являющихся послѣдствіемъ такихъ недоразумѣній между совладѣльцами, ведетъ къ необходимости производить новыя затраты по назначенію участковъ въ продажу, а сдѣлки эти сами по себѣ сравнительно такъ малы, что положительно не окупаютъ расходовъ. Едва ли поэтому справедливо утвержденіе, что акціонерные банки сами ищутъ такихъ дѣлъ. Мало того, намъ положительно извѣстны факты, свидѣтельствующіе о совершенно противоположныхъ тенденціяхъ банковъ. Такъ, одинъ банкъ положительно отвергъ сдѣланное ему предложеніе вступить въ соперничество съ крестьянскимъ банкомъ путемъ выдачи ссудъ для покупки земли крестьянами и мотивировалъ свой отказъ тѣми же причинами, какія только что были указаны. Не отказываясь отъ выдачи ссудъ подъ мелкіе участки и допуская парцеляцію, банкъ этотъ постановилъ воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, которыя привлекали бы крестьянъ къ банку, и высказалъ свой взглядъ на эту операцію, какъ на операцію, могущую принести больше убытковъ, чѣмъ барышей. Другой банкъ принципиально высказался противъ дробленія большихъ имѣній и практически тормазилъ парцеляцію, не

утверждая представляемыхъ ему проектовъ раздѣла заложенныхъ въ немъ ипѣній и сокращая размѣръ ссудъ подъ ипѣнія, закладываемыя въ видахъ перепродажи участками.

Во всему этому присоединяется предъявляемое банками требованіе выкупа именно тѣхъ участковъ, которые вполне соотвѣтствуютъ нормѣ, установленной въ крестьянскомъ бангѣ. Ссуда въ нѣсколько сотъ рублей, т. е. ссуда, доступная наименѣе зажиточному элементу крестьянскаго населенія, для частныхъ банковъ представляется совершенно нежелательной, такъ что при раздѣлѣ ипѣнія непрѣмными условіемъ раздѣла ставится выкупъ мелкихъ участковъ.

Все это показываетъ, что ссылка на политику акціонерныхъ банковъ не вполне вѣрна. Но представимъ себѣ, что банки, дѣйствительно, стараются соперничать съ крестьянскимъ банкомъ и охотно выдаютъ мелкія ссуды крестьянамъ. Было ли бы такое направленіе ихъ дѣятельности желательнымъ? Можно ли предоставить имъ развитіе этой операціи и можно ли быть увѣренными, что они не нанесутъ ущерба тому же самому слою населенія, которому будутъ выдаваться ссуды? Предоставляя банкамъ продавать ипѣнія за просрочку платежей, законъ даетъ имъ возможность не только усиливать мобилизацію земли, но и направлять ее по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, аграрная политика, одна изъ важнѣйшихъ функцій государственной власти, переходитъ въ руки акціонеровъ, и земля весьма легко послѣ одного неурожайнаго года можетъ изъ рукъ крестьянъ перейти въ руки зажиточнаго кулака. Десятки и сотни клочковъ земли, служившихъ единственнымъ источникомъ существованія для бѣднѣйшаго крестьянскаго населенія, могутъ съ поразительною быстротой, именно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ просрочки платежа, быть проданы съ публичныхъ торговъ тому, у кого есть достаточно денегъ для уплаты недоимки. Стоитъ только наступить одному неурожаю, какъ крестьяне могутъ оказаться безсильными и не устоять, результатомъ чего можетъ явиться переходъ ихъ земель въ руки кабатчика раньше, чѣмъ они опомнятся. Мы не говоримъ, что банки фактически придерживаются такой системы; мы только указываемъ на то, что, не отступая ни на іоту отъ своихъ уставовъ, они могутъ содѣйствовать обогащенію кулаковъ на счетъ другихъ слоевъ крестьянскаго населенія.

Какой же послѣ этого имѣетъ смыслъ сдѣланное въ отчетѣ указаніе на развитіе операцій частныхъ банковъ въ крестьянскомъ населеніи?

Точно также не слѣдуетъ преувеличивать значенія третьей изъ приведенныхъ составителями отчета причинъ ослабленія дѣятельности банка. Несвоевременное поступленіе платежей и значительное накопленіе недоимокъ имѣютъ безспорно весьма важное значеніе, но и эти обстоятельства становятся опасными лишь тогда, когда они служатъ симптомомъ оставленія ипѣній владѣльцами, когда оно служитъ предвѣстникомъ перехода ипѣній въ собственность банка. Если сдѣлка построена на прочномъ основаніи, то-есть если земля куплена не по дутой цѣнѣ и платежи по ссудѣ соотвѣтствуютъ

доходу, который можно получить отъ ея обработки, тогда недоимка въ размѣрѣ 29,12% годового оклада не представляется опасной.

И такъ, ни одна изъ вышеприведенныхъ причинъ не можетъ въ достаточной степени служить объясненіемъ принятой совѣтомъ банка въ послѣдніе годы политики.

Намъ стоитъ только обратиться къ стр. 22, 23, 40, 41 и 42 отчета, чтобы убѣдиться, что центръ тяжести лежитъ, какъ выше было указано, въ большомъ числѣ непроданныхъ на торгахъ и поступившихъ въ собственность банка участковъ.

Въ 1889 году было назначено въ продажу за невзносъ платежей 116 участковъ и перенесены торги по 66 участкамъ, назначавшимся въ продажу въ предшествующіе годы. Изъ этого количества (182 участка) въ 44 были внесены платежи, только два участка продано на торгахъ, торги по 63 участкамъ перенесены на 1890 годъ и 73 участка остались за банкомъ. Изъ таблицы, помѣщенной на стр. 23, видно, что въ 1886 г. послѣ торговъ осталось за банкомъ 4 участка, въ 1887 г. 59, въ 1888 г. 31 и въ 1889 г. 73 участка, всего 167 участковъ, въ которыхъ 84,784 дес. земли и подъ которые было выдано въ ссуду 5.239,868 руб. Сопоставляя эту таблицу съ таблицей, помѣщенной на стр. 41, мы увидимъ, что изъ 167 участковъ продана весьма незначительная часть и за банкомъ въ 1890 г. числилось еще 154 участка, принадлежавшихъ 83 сельскимъ обществамъ, 67 товариществамъ и четыре отдѣльнымъ домохозяевамъ. На этихъ участкахъ числилось капитальнаго долга 4.467,916 руб., падавшихъ на 74,524 десятины земли.

И такъ, мы имѣемъ дѣло съ огромною площадью брошенной крестьянами земли, поступившей въ собственность банка съ капитальнымъ долгомъ около 4½ милл. рублей и съ большимъ количествомъ просроченныхъ платежей. Какъ видно изъ отчета, на этихъ участкахъ числились недоимки прежнихъ лѣтъ и текущихъ платежей въ количествѣ 1.009,383 р. 83 к., доходъ же отъ эксплуатаціи доставлялъ только 261,761 р. 75 к., вслѣдствіе чего на счетъ прибылей и убытковъ пришлось отнести 747,622 р. 8 к. Въ этой суммѣ слѣдуетъ еще присоединить 46,593 руб. 17 коп. на расходы, произведенные по завѣдыванію участками, оставшимися за банкомъ, а также по уплатѣ земскихъ и другихъ повинностей, слѣдовавшихъ съ этихъ участковъ.

Изъ этой огромной суммы на платежи, подлежащіе уплатѣ въ отчетномъ году, падаетъ только 273,420 руб., остальная сумма составляетъ недоимку прежнихъ лѣтъ. Убытки, понесенные банкомъ, безспорно, очень велики, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ прежнее время суммы причитающихся платежей банку по участкамъ, поступившимъ въ его собственность по безуспѣшности торговъ, не списывались, а лишь послѣ продажи имущества выяснялась дѣйствительная сумма потерь, понесенныхъ банкомъ, и таковая списывалась съ доходовъ банка. Нынѣ признано было болѣе цѣлесообразнымъ суммы платежей, подлежа-

шихъ къ поступленію съ этихъ участковъ, какъ имѣющихъ свое опредѣленное назначеніе (на оплату процентовъ по купонамъ свидѣтельствъ, находящихся въ обращеніи, и капитала по вышедшимъ въ тиражъ погашенія свидѣтельствъ), списывать со счета прибылей и убытковъ. Поэтому не поступившіе за прежнее время и въ настоящемъ году платежи и списаны полностью съ доходовъ банка (заключительныя слова отчета на стр. 53).

Приведенныя выше данныя о числѣ непроданныхъ участковъ и о суммѣ, подлежащей списанію со счета прибылей и убытковъ, произвели на многихъ сторонниковъ мелкаго кредита самое удручающее впечатлѣніе. Если крестьяне одной, напримѣръ, Полтавской губерніи отказываются отъ 68 участковъ, въ которыхъ 27,323 дес. земли, въ Саратовской бросаютъ 13,492 дес., въ Екатеринославской—7,603 дес., и если почти вся эта земля, не найдя на торгахъ покупателей, поступаетъ въ собственность банка, то необходимо было бы обратить особенное вниманіе на причины такого прискорбнаго явленія, чтобы выяснитъ, почему крестьяне бросаютъ землю и почему брошенная ими земля не находитъ покупателей. Къ сожалѣнію, отчетъ не даетъ никакого отвѣта на эти вопросы, не старается выяснитъ ихъ, а сообщаетъ только краткія свѣдѣнія о числѣ поступившихъ въ собственность участковъ и о суммѣ падающихъ на нихъ долговъ. Чтобы правильно объяснить причины этого поистинѣ прискорбнаго явленія необходимо было бы тщательно изслѣдовать на мѣстѣ, почему крестьяне въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ забрасываютъ землю. Если такія общія причины, какъ дороговизна кредита, высота покупныхъ цѣнъ и наступившее въ послѣдніе годы пониженіе цѣнъ на землю, могутъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ этому явленію, то ими не исчерпываются всѣ причины; кромѣ этихъ общихъ причинъ, существуютъ спеціальныя причины, для выясненія которыхъ необходимо изучитъ каждую сдѣлку отдѣльно. Совѣтъ банка, по видимому, не обращаетъ вниманія на эти причины; по крайней мѣрѣ, изъ отчета не видно, чтобы до оставленія участковъ за банкомъ было произведено изслѣдованіе причинъ, побуждающихъ крестьянъ покинуть землю, и съ достаточною опредѣленностью выяснено, носятъ ли эти причины случайный характеръ, могутъ ли онѣ быть устранены, или же ихъ слѣдуетъ признать постоянными и неизбѣжными.

За отсутствіемъ такого рода данныхъ поневолѣ приходится ограничить-ся общими причинами. Во всякомъ случаѣ, съ полною увѣренностью можно сказать, что однимъ сокращеніемъ операций ничего не можетъ быть достигнуто въ смыслѣ привлеченія крестьянъ къ землѣ. Пока условія займа останутся тѣ же и организація банка не будетъ измѣнена, крестьяне съ такою же легкостью будутъ покидать земли, какъ покидали ихъ въ послѣдніе годы. Одно сокращеніе не въ состояніи измѣнить существа дѣла; оно имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда банкъ поставилъ бы себѣ цѣлью прекратитъ свою дѣятельность, но тогда это можно было бы сдѣлать безъ тѣхъ затратъ, съ которыми связано существованіе банка.

Какъ неоднократно было уже отмѣчено, крестьянамъ земля досталась

но очень высокой цѣнѣ, такъ какъ, послѣ открытія дѣйствій крестьянскаго банка, крестьяне жадно накинулись на земли и платили за нее баснословныя цѣны. За эту по дорогой цѣнѣ купленную землю имъ пришлось платить банку по $7\frac{1}{2}\%$ и $8\frac{1}{2}\%$ въ годъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что когда покупщики приступили къ веденію хозяйства, они скоро пришли къ убѣжденію, что выгоднѣе бросить землю, чѣмъ владѣть ею. Это настолько понятно и ясно, что на этомъ не стоить останавливаться. Желательно было бы только, чтобы въ отчетѣ были приведены болѣе подробныя свѣдѣнія, которыя дали бы возможность привести въ извѣстность, почему сдѣлки равстроились въ однихъ мѣстностяхъ, а въ другихъ крестьяне прочно владѣютъ купленною землею, несмотря на то, что условія займа одинаково тягостны. Но разъ земля поступила въ собственность банка, казалось бы, всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы продать ее по выгодной цѣнѣ и предупредить значительныя убытки. Между тѣмъ, въ крестьянскомъ банкѣ установленъ такой порядокъ торговъ, который ведетъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ: онъ не только не облегчаетъ продажу, но еще болѣе затрудняетъ ее. По статьѣ 23 высочайше утвержденнаго 28 мая 1883 г. мнѣнія государственнаго совѣта о порядкѣ продажи съ торговъ земельныхъ участковъ, заложенныхъ въ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, «сумма, за которую приобрѣтено имѣніе, за вычетомъ изъ нея представленнаго задатка, а также крѣпостнымъ пошлинъ, вносятся: купившимъ участокъ съ устнаго торга — въ теченіе четырнадцати дней, а купившимъ его посредствомъ запечатаннаго объявленія — въ теченіе мѣсяца послѣ дня торга. Въ случаѣ неисполненія сего въ означенные сроки, покупатель лишается представленнаго имъ задатка, причѣмъ послѣдній присоединяется къ общей суммѣ, которая будетъ вырѣчена за участокъ при окончательной его продажѣ». Согласно этой статьѣ, участки продаются съ выкупомъ, т. е. весь долгъ долженъ быть погашенъ въ срокъ отъ двухъ недѣль до мѣсяца. Переводъ долга допускается по статьѣ 25 «только на покупателей-крестьянъ: отдѣльныхъ домохозяевъ, товарищества крестьянъ или сельскія общества, причѣмъ переводъ ссуды совершается не иначе, какъ съ соблюденіемъ постановленій, изложенныхъ въ статьяхъ 16—20 «Положенія», въ которыхъ размѣръ ссуды ограниченъ и «не долженъ превышать при общинномъ пользованіи 125 рублей на каждую наличную въ сельскомъ обществѣ или товариществѣ крестьянъ душу мужскаго пола, а при подворномъ владѣніи 500 руб. на каждого отдѣльнаго домохозяина». Если такихъ покупателей нѣтъ, то продажа можетъ состояться лишь подъ условіемъ погашенія ссуды, т. е. покупщиками могутъ явиться люди, имѣющіе въ наличности всю сумму, за которую продается участокъ земли.

Такой порядокъ торговъ неминуемо ведетъ къ тому, что на торги является весьма мало покупателей, и многіе участки совершенно не находятъ покупателей. Чтобы облегчить продажу принадлежащихъ неисправнымъ заемщикамъ участковъ по вольной цѣнѣ, закономъ отъ 24 апрѣля 1889 г.,

«при выдачѣ новымъ приобретателямъ данныхъ на означенные участки, можетъ быть разрѣшаема разсрочка части продажной цѣны на сроки не свыше двухъ лѣтъ, съ тѣмъ, притомъ, чтобы уплата разсрочиваемой суммы обезпечивалась самимъ продаваемымъ участкомъ» и т. д., а закономъ отъ 26 июня 1889 года, замѣнившимъ правила торговъ 28 мая 1883 года, установлены мѣры къ облегченію продажи съ торговъ участковъ, заложенныхъ въ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ. По статьѣ 12 этого закона, «по просьбѣ покупателя, заявленной отдѣленію банка до истеченія срока на взносъ крѣпостныхъ пошлинъ, взносъ покупной суммы можетъ быть разсроченъ отдѣленіемъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы изъ остающагося на покупателя, послѣ взноса задатка и крѣпостныхъ пошлинъ, долга одна четверть была внесена въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, вторая четверть — въ теченіе шести мѣсяцевъ, а остальной долгъ — въ теченіе двухъ лѣтъ со дня торга, съ начисленіемъ на отсроченныя суммы шести съ половиною процентовъ годовыхъ». Въ силу этого закона срокъ уплаты, правда, продленъ до двухъ лѣтъ, но не измѣненъ основной принципъ, заключающійся въ обязательствѣ погасить всю ссуду. Долгъ по ссудѣ, попрежнему, не можетъ быть переведенъ на покупателя, онъ долженъ быть непремѣнно погашенъ — если не въ двухнедѣльный или мѣсячный срокъ, то въ теченіе двухъ лѣтъ. Принимая во вниманіе, что большая часть покупокъ производится не на наличныя деньги, что въ акціонерныхъ банкахъ и во всѣхъ гипотечныхъ учрежденіяхъ допускается переводъ всего капитальнаго долга на покупателя, порядокъ, установленный въ крестьянскомъ банкѣ даже послѣ введенія мѣръ, облегчающихъ продажу, не въ состояніи привлечь большаго числа покупателей и не въ состояніи предупредить поступленія въ собственность банка значительнаго числа участковъ. Пока отъ покупателя будутъ требовать, чтобы онъ выкупилъ участокъ въ теченіе двухъ лѣтъ, продажа будетъ до крайности затруднена; только разрѣшеніе перевода долга могло бы облегчить продажу и предупредить накопленіе такого большаго числа имуществъ.

Намъ остается въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о бюджетѣ крестьянскаго банка.

Главнымъ источникомъ доходовъ банка служить, прежде всего, 1% сборъ въ годъ съ заемщиковъ, взимаемый на основаніи статьи 26 «Положенія»; онъ составляетъ въ отчетномъ году 493,426 р. 20 к. Видное мѣсто занимаютъ затѣмъ проценты по процентнымъ бумагамъ, принадлежащимъ банку — 97,477 р. 5 коп., даѣе прибыли по реализаціи свидѣтельствъ, вслѣдствіе продажи ихъ выше номинальной стоимости, 71,295 р. 48 к., что вмѣстѣ съ пеней за просрочку платежей и процентами на операціонныя суммы доводитъ доходы банка до весьма почтенной цифры 780,533 р. 78 коп.

Вотъ какою суммой располагаетъ крестьянскій банкъ для покрытія расходовъ по управленію, для образованія запаснаго капитала и покрытія убытковъ по заложеннымъ имуществамъ. Если сравнить эту сумму съ доходами, полученными акціонерными банками, то увидимъ, что крестьян-

скій банкъ располагаетъ всеми тѣми доходами, которыми располагають акціонерные банки: онъ взимаетъ 1% съ заемщиковъ, тогда какъ послѣдніе довольствуются по нѣкоторымъ ссудамъ $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$ %, но за то взимають одновременно 1% съ новыхъ ссудъ; онъ пользуется, какъ и акціонерные банки, доходами отъ принадлежащихъ ему процентныхъ бумагъ и имѣеть, сверхъ того, одинъ источникъ, котораго не имѣють акціонерные банки, это—прибыль отъ реализаціи свидѣтельствъ. Словомъ, крестьянскій банкъ получаетъ отъ своихъ кліентовъ столько же, если не больше, чѣмъ акціонерные банки, но имѣеть предъ ними то преимущество, что не принужденъ выплачивать дивиденда, поглощающаго, какъ извѣстно, большую часть доходовъ акціонерныхъ банковъ.

До послѣдняго года, когда старыя недонимки по оставшимся за банкомъ имуществамъ не списывались со счетовъ, финансы банка, насколько можно было судить по отчетамъ, находились въ блестящемъ положеніи и за покрытіемъ расходовъ ежегодно оставалась сумма, давшая возможность, уплативъ государственному банку долгъ въ 500,000 руб., освободить себя отъ всякой зависимости отъ государственнаго казначейства и собрать запасный капиталъ въ 807,439 руб. 13 коп. Въ 1889 г. положеніе совершенно измѣнилось, пришлось сразу списать огромную сумму около 800,000 руб. Доходовъ банка оказалось уже недостаточно, пришлось записать на счетъ убытковъ впредь до покрытія изъ запаснаго капитала 489,385 р. 06 к.

Въ виду такого положенія дѣлъ, необходимо ближе присмотрѣться къ бюджету банка и выяснить, нельзя ли сократить расходы на его содержаніе. Управленіе крестьянскимъ банкомъ обходится гораздо дороже, чѣмъ можно было бы предположить, судя по его дѣятельности. Штатные расходы достигли въ 1889 г. 318,364 р. 87 к., а операционные—64,966 руб. 98 коп.; къ этимъ двумъ суммамъ присоединяется почтенная цифра въ 70,000 р., выданная въ награду служащимъ. Общіе расходы превышаютъ, такимъ образомъ, 450,000 р.

Чтобы получить ясное представленіе о величинѣ расходовъ, мы приведемъ нѣкоторыя данныя о расходахъ акціонерныхъ банковъ, которые, какъ извѣстно, не могутъ похвастать особенною бережливостію въ расходахъ. Изъ отчетовъ о дѣятельности отдѣльныхъ банковъ за истекшій годъ видно, что расходы во многихъ изъ нихъ не достигаютъ и половины той суммы, какая израсходована въ крестьянскомъ банкѣ. Такъ, въ харьковскомъ земельномъ банкѣ при доходѣ въ 1.266,192 р. на управленіе и содержаніе банка израсходовано 264,797 р., въ кievскомъ при доходѣ въ 1.000,134 р. израсходовано 156,113 р., въ московскомъ при доходѣ въ 1.703,537 р. израсходовано 209,177 р., въ виленскомъ при доходѣ въ 1.161,563 р. расходы составляютъ 208,871 р. Чтобы не останавливаться на результатахъ дѣятельности одного года, мы сошлемся на среднія цифры, добытыя за продолжительный 13-ти лѣтній періодъ отъ основанія банковъ до 1886 г. Во всѣхъ десяти акціонерныхъ земельныхъ банкахъ всѣ расходы, въ томъ числѣ и расходы на управленіе, составляютъ

31% изъ общей прибыли, а одни расходы на управленіе составляютъ только 20%, т.-е. на содержаніе банковъ, въ среднемъ, тратится только чистая часть доходовъ. Изъ общей суммы прибыли за этотъ періодъ, достигающей почтенной цифры въ 63.821,329 р., на управленіе израсходовано только 12.710,155 р., на покрытіе убытковъ отчислено 4.187,260 р., а съ присоединеніемъ еще нѣкоторыхъ расходовъ вся сумма расходовъ составляетъ 19.777,125 р. (*Стат. сборн. сельскій позем. кред. Вып. I. Сиб., 1887 г.*).

Акціонерные банки, какъ уже было замѣчено, не обладаютъ никакими такими крупными источниками доходовъ, которыхъ не было бы или не могло бы быть у крестьянскаго банка. И этихъ суммъ, какъ мы видѣли, хватаетъ не только на покрытіе расходовъ по управленію, на уплату гербового сбора и на покрытіе всѣхъ убытковъ, но и на выдачу дивиденда. Для акціонеровъ изъ года въ годъ остается отъ 14 до 20% на складочный капиталъ, а служащимъ и правленію выдаются изъ чистой прибыли, остающейся за покрытіемъ всѣхъ расходовъ и убытковъ, ежегодно наградныя въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Чѣмъ же, спрашивается, можно объяснить существованіе такихъ большихъ расходовъ въ крестьянскомъ банкѣ? Дѣло въ томъ, что, кромѣ центрального пункта управленія—совѣта, въ крестьянскомъ банкѣ открыто 39 отдѣленій, поглощающихъ каждое отъ 6 до 8,000 руб. въ годъ, а всѣ вмѣстѣ 372,911 руб. 55 коп. Организация эта имѣетъ, безъ сомнѣнія, большія преимущества. Благодаря своимъ отдѣленіямъ, банкъ можетъ стать въ непосредственныя отношенія къ крестьянамъ, имѣетъ всѣ средства для тщательнаго ознакомленія съ особенностями каждой мѣстности, вникнуть въ нужды населенія и вообще изучить всѣ тѣ условія, которыя необходимы для заключенія сдѣлки. Въ отдѣленіяхъ производится оцѣнка, рассматриваются документы, ведутся переговоры съ крестьянами и лицами, продающими имъ землю, совѣтъ же только утверждаетъ сдѣлки, заключенныя въ отдѣленіяхъ, и разрѣшаетъ или уменьшаетъ размѣръ ссуды. Вмѣсто того, чтобы издаലെка руководить всѣми дѣлами, крестьянской банкъ, благодаря своимъ отдѣленіямъ, становится ближе къ жизни и имѣетъ возможность приравниваться къ требованіямъ каждой мѣстности. Такова идея, положенная въ основаніе организациі банка. Но если идея эта должна быть признана правильной, то выполненіе ея оставляетъ желать многого. Во-первыхъ, необходимо, чтобы отдѣленія дѣятельно стремились къ развитію операций. Если въ отдѣленіи выдано такое количество ссудъ, какое, напримѣръ, было выдано въ смоленскомъ (116) или въ могилевскомъ (109) отдѣленіяхъ, тогда расходы на его содержаніе вполне окупаются; но если въ годъ выдается одна, двѣ или нѣсколько ссудъ, притомъ, не только въ первый годъ открытія отдѣленія, а и въ послѣдующіе годы, тогда существованіе самостоятельныхъ отдѣленій не можетъ быть оправдано. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ Орловской губерніи выдана одна

ссуда въ 3,000 р., когда содержаніе орловскаго отдѣленія обходится въ годъ свыше 7,000 р.?

Во-вторыхъ, открытіе отдѣленій въ губернскихъ городахъ не равносильно существованію совершенно самостоятельныхъ управленій съ своими штатами, съ отдѣльными помѣщеніемъ и т. д. Цѣль, пресѣдуемая отдѣленіями, можетъ быть достигнута и въ томъ случаѣ, когда отдѣленіе крестьянскаго банка учреждается при государственномъ банкѣ или когда въ губернскихъ городахъ и даже въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ будутъ агенты при другихъ учрежденіяхъ. Тогда расходы не были бы такъ велики, а дѣло нисколько не пострадало бы. Чтобы разсмотрѣть въ годъ десять или двадцать сдѣлокъ, для этого не стоить содержать цѣлый штатъ, особую канцелярію, нанимать особое помѣщеніе и вообще расходовать въ годъ 7—8 тысячъ рублей.

Какъ уже было упомянуто, задача совѣта сводится къ провѣркѣ и утвержденію сдѣлокъ, представляемыхъ отдѣленіями, а, между тѣмъ, расходы на его содержаніе растутъ изъ года въ годъ. Въ 1885 году, когда было выдано въ ссуду 13.761,978 руб., на него израсходовано было 60,663 руб., въ 1886 г. при выдачѣ 11.148,850 рублей израсходовано 72,246 руб., въ 1887 году, несмотря на замѣтное сокращеніе операций, расходы возросли до 82,226 р., въ 1888 г. мы уже имѣемъ 109,754 р., а въ 1889 году расходы на совѣтъ дошли до 110,420 руб. При такой тенденціи къ увеличенію расходовъ трудно предвидѣть, на какой цифрѣ они останутся. Впрочемъ, этимъ не ограничиваются расходы на содержаніе банка, потому что паградныя, въ противность акціонернымъ учрежденіямъ, выдаются не изъ излишка, получающагося отъ превышенія доходовъ надъ расходами, а выдаются при существованіи значительныхъ убытковъ. Цифра эта, какъ это ни странно, увеличивается изъ года въ годъ и достигла въ 1889 г. высшаго размѣра 70,000 руб., въ то время, какъ банку приходится списать изъ запаснаго капитала около полумилліона рублей.

Вотъ какую картину представляетъ намъ въ настоящее время крестьянскій банкъ и вотъ каково состояніе его бюджета. Положеніе, безъ сомнѣнія, не блестящее, надъ нимъ стоить призадуматься, но дѣйствительно ли оно настолько печально, чтобы нельзя было надѣяться на его улучшеніе и на оживленіе дѣятельности банка? Дѣйствительно ли банкъ находится въ безвыходномъ положеніи и долженъ во что бы то ни стало продать съ молотка поступившія въ его собственность имѣнія, несмотря на паденіе цѣнъ на землю и отсутствіе сколько-нибудь выгодныхъ покупателей? Такое заключеніе было бы неосновательно не только потому, что списанная въ нынѣшнемъ году въ убытокъ сумма не представляетъ убытка этого года, а есть сумма всѣхъ убытковъ, подлежащихъ списанію, но не списанныхъ въ прежніе годы, но и потому, что банкъ можетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ передавать въ казну непроданные участки. По статьѣ 78 «Положенія», «при неуспѣшности торговъ, министръ финансовъ или входитъ съ министромъ государственныхъ имуществъ въ соглашеніе о

принятии участка въ казенное вѣдомство, или распоряжается о производствѣ окончательныхъ торговъ въ опредѣленномъ, по его усмотрѣнію, мѣстѣ и съ назначенной имъ суммы, или же, наконецъ, разрѣшаетъ продажу по вольной цѣнѣ», — статья эта не только не отмѣнена закономъ 26 іюня 1889 г., измѣнившимъ порядокъ торговъ, но въ ст. 15 этого закона мы встрѣчаемъ прямое указаніе на способъ ликвидаціи, предусмотрѣнный въ ст. 78 «Положенія» о банкѣ. Крестьянскому банку, такимъ образомъ, открывается возможность при неудачномъ исходѣ торговъ передавать непроданные участки въ казну. Такой способъ ликвидаціи, избавляя банкъ отъ излишнихъ убытковъ, далъ бы ему возможность сократить бюджетъ путемъ удешевленія ссудъ, создать для крестьянъ болѣе льготныя условія займа, которыя привязали бы ихъ къ купленной при посредствѣ банка землѣ.

Думаемъ, что передача имѣній въ казну не была бы убыточна и для государственнаго казначейства, какъ какъ причины, заставляющія отдѣльныхъ лицъ воздерживаться отъ покупки земли, теряютъ свое значеніе для государства. Если цѣна, по которой приходится продать участки, чтобы выйти безъ убытка, кажется въ настоящее время высокой для отдѣльнаго капиталиста, то это еще не значитъ, чтобы цѣна эта была вообще высока, а чтобы земля эта не стоила той суммы, за которую ее назначаютъ въ продажу. Государство, принимая участки въ большомъ числѣ, легко можетъ уравновѣсить всѣ шансы, такъ какъ среди продаваемыхъ участковъ имѣются безспорно весьма цѣнные даже при теперешнемъ угнетенномъ состояніи цѣны на землю. Къ тому же, для него открывается возможность расширить свои владѣнія именно тамъ, гдѣ земля всего больше нужна мѣстному населенію. Если даже съ точки зрѣнія, на которую становится отдѣльный капиталистъ, покупка земли въ общемъ не окажется съ теченіемъ времени убыточной, то съ государственной точки зрѣнія указанный въ ст. 78 «Положенія» о банкѣ способъ ликвидаціи путемъ передачи непроданныхъ земель въ казну является самымъ лучшимъ рѣшеніемъ, какое только можно было придумать для выхода изъ временнаго затруднительнаго положенія.

Этими замѣчаніями мы ограничимся не потому, чтобы ими были исчерпаны вопросы, связанные съ дѣятельностью крестьянскаго банка, а потому, что имѣли въ виду въ статьѣ обратить вниманіе на нѣкоторыя аномаліи, особенно рѣзко бросающіяся въ глаза при чтеніи послѣдняго отчета.

М. Герценштейнъ.

Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси *).

(Посвящается Б. Н. Чичерину).

II.

Соборъ 1598 года.

Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ о происхожденіи земскихъ соборовъ, поставленный въ концѣ первой статьи настоящаго опыта, надобно удостовѣриться, что основанія соборной организаціи, замѣченныя нами при разборѣ соборнаго акта 1566 года, сохранялись и въ составѣ дальнѣйшихъ соборовъ. Если же этого не было, если эти основанія въ дальнѣйшихъ соборахъ смѣнились другими, то въ соборномъ актѣ 1566 г. можно искать указаній на происхожденіе только этого собора, который потому останется исключительнымъ, единственнымъ явленіемъ въ развитіи московскаго государственнаго порядка. Можно пожелать, что и для изученія состава дальнѣйшихъ соборовъ XVI в. нѣтъ другаго средства, кромѣ микроскопическихъ наблюденій, которыя приводятъ къ выводамъ только вѣроятнымъ, но не разъясняющимъ дѣла съ достаточною очевидностью.

Послѣ собора 1566 г. царь Иванъ уже не созывалъ болѣе земскихъ собраний, подобныхъ тѣмъ, какія были созданы въ этомъ и въ 1550 г. Думаютъ, что вскорѣ по смерти Грознаго въ 1584 г. былъ созванъ земскій соборъ, который избралъ на престолъ царя Феодора. Это мнѣніе опирается, между прочимъ, на извѣстіе одного иностранца, шведа Петрея, писавшаго нѣсколько поздиѣ, въ началѣ XVII вѣка: этотъ иностранецъ говоритъ объ единодушномъ *избраніи* царя Феодора какъ высшими, такъ и низшими сословіями. По русскимъ извѣстіямъ трудно составить себѣ отчетливое представленіе о характерѣ того государственнаго акта, при которомъ совершилось воцареніе Феодора. Они гласятъ, что по смерти Грознаго «придоша» къ Москвѣ изъ всѣхъ городовъ и «молиша со слезами» царевича Феодора, чтобъ сѣлъ на престолъ отца своего, или что

*) *Русская Мысль* 1890 г., кн. I.

поставленъ былъ на царство Феодоръ Иоанновичъ митрополитомъ и «всеми людьми русскія земли» *). Конечно, молитъ сына покойнаго царя о вступленіи на престолъ отца еще не значить избирать на царство и посылка депутацій съ такою мольбой не даетъ еще основанія предполагать созывъ земскихъ уполномоченныхъ въ государственное представительное собраніе. Но наобно отличать извѣстіе о фактѣ отъ самаго факта: возможно и то, что русскіе повѣствователи, рассказывая объ избирательномъ соборѣ, приѣхавшіе къ обычному тогдашнему порядку отношеній общества къ государю, а соборное представительство еще не входило въ этотъ порядокъ, знакомый только съ челобитеннымъ обращеніемъ подданныхъ къ верховной власти. Два косвенныя указанія склоняютъ къ мысли о земскомъ соборѣ, подтвердившемъ вступленіе Феодора на престолъ отца. Котошихинъ ведетъ появленіе избирательныхъ царей на московскомъ престолѣ прямо отъ смерти Грознаго, молчаливо включая въ рядъ такихъ царей и его преемника **). Англичанину Горсею, жившему тогда въ Москвѣ и описавшему воцареніе Феодора, этотъ съѣздъ «изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитыхъ людей», какъ выразился одинъ русскій повѣствователь, почему-нибудь показался похожимъ на «парламентъ», составленный изъ высшаго духовенства и «всей знати». Это выраженіе *вся знать* (all the nobility) есть самая любопытная черта извѣстія: она показываетъ, что земскій соборъ 1584 года, если только это былъ соборъ, по составу своему очень походилъ на соборъ 1566 года, который состоялъ изъ высшаго духовенства, изъ сановниковъ высшаго центрального управленія и изъ представителей служиваго класса, принадлежавшихъ къ высшему столичному дворянству; представители столичнаго купечества составляли малозамѣтный элементъ въ административно-дворянскомъ составѣ этого собора.

Извѣстны обстоятельства, при которыхъ собрался другой избирательный соборъ, возведшій на престолъ боярина Бориса Годунова въ 1598 г. Сохранился полный актъ этого собора съ перечисленіемъ его членовъ. Но, разбирая составъ собора, встрѣчаемъ и въ этомъ актѣ затрудненія не меньше тѣхъ, какія представляетъ протоколъ собора 1566 г. Первое изъ нихъ состоитъ въ опредѣленіи числа членовъ собора. У четырехъ писателей находимъ три различные счета: Соловьевъ считаетъ 474 члена, Бѣляевъ—456, гг. Загоскинъ и Латкинъ—457 **). Причина такого разногласія заключается въ составѣ соборнаго акта 1598 г. Это «утверженная грамота» или соборный приговоръ объ избраніи Бориса Годунова на царство въ окончательной редакціи, помѣченной 1 августа 1598 года ****). Но застѣ-

*) Эти извѣстія сведены г. Латкинымъ въ „Земскихъ соборахъ древней Руси“, стр. 86 и слѣд.

***) Котошихинъ, стр. 104 (2-е изданіе).?

****) У Карамзина встрѣчаемъ два счета. Въ одномъ мѣстѣ своей *Исторіи* онъ пишетъ, что, кромѣ духовенства, синклита, двора, на соборѣ присутствовало не менѣе 500 чиновниковъ и людей выборныхъ, а въ другомъ мѣстѣ всѣхъ членовъ, подписавшихъ избирательную грамоту, онъ считаетъ около 500 (X, 228, и XI, 20, по 1 изд.)

*****) А. Држ. Эск., II, № 7.

дѣнія избирательнаго собора начались еще 17 февраля того года. Личный составъ собора указанъ въ двухъ поименныхъ перечняхъ, изъ которыхъ одинъ включенъ въ самый текстъ грамоты съ оговоркой, что поименованы въ немъ лица присутствовали вмѣстѣ съ патриархомъ Іовомъ при избраніи царя, а другой составился изъ подписей или рукоприкладствъ, какія дѣлали члены собора на оборотной сторонѣ грамоты. Очевидно, наблюдали, чтобы члены собора подписывались въ томъ порядкѣ, какъ они поименованы въ первомъ перечнѣ; однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допущены были значительныя отступленія отъ этого порядка. Но самая важная разница между обоими перечнями та, что въ каждомъ изъ нихъ есть имена, которыхъ нѣтъ въ другомъ: въ спискѣ присутствовавшихъ на соборѣ при избраніи царя значится много лицъ, которыхъ не оставили своихъ подписей на грамотѣ; за то подписалось не мало такихъ лицъ, которыхъ не поименованы въ перечнѣ избирателей. Нѣкоторые исследователи опредѣляютъ численный составъ собора только по внесенному въ текстъ грамоты списку избирателей, которыхъ дѣйствительно обозначено въ немъ 457 человекъ; но и имена подписавшихся на грамотѣ, которыхъ нѣтъ въ этомъ спискѣ, несомнѣнно принадлежали членамъ собора, потому что только члены собора были призваны, какъ гласитъ грамота, «руки свои приложить на большое утверженіе и единомышленіе». Почему ихъ нѣтъ въ спискѣ избирателей? Въ этомъ и состоитъ затрудненіе. Для устраненія его необходимо объяснить происхожденіе этой разницы между обоими перечнями и ихъ отношеніе другъ къ другу,—необходимо тѣмъ болѣе, что эти подробности проливаютъ лишній лучъ свѣта на составъ соборнаго представительства въ XVI в.

До насъ дошла не подлинная утвержденная грамота 1 августа объ избраніи царя Бориса съ подлинными рукоприкладствами членовъ-избирателей, а ея копія съ позднѣйшими прибавками, перемѣнами въ обоихъ перечняхъ членовъ собора и даже съ ошибками въ воспроизведеніи именъ нѣкоторыхъ рукоприкладчиковъ *). Это мѣшаетъ точно обозначить нѣкоторые моменты дѣятельности собора. Такъ, напримѣръ, трудно опредѣлить, когда составленъ былъ списокъ членовъ, внесенный въ текстъ грамоты, и когда члены прикладывали руки къ грамотѣ. Повидимому, между обоими этими актами легъ значительный промежутокъ времени. По смыслу оговорки, предпосланной въ грамотѣ первому списку, онъ былъ составленъ въ началѣ дѣятельности собора и въ него внесены имена членовъ, которые присутствовали на первыхъ февральскихъ и мартовскихъ засѣданіяхъ собора, посвященныхъ дѣлу избранія царя и обсужденію ближайшихъ послѣдствій этого дѣла. Но дѣятельность собора не ограничивалась избрані-

*) Въ спискѣ членовъ, внесенномъ въ текстъ грамоты, помѣченной 1 августа, некоторые члены обозначены чинами, которые они получили уже въ сентябрѣ того года по случаю коронаціи царя Бориса: такъ, кн. М. П. Катыревъ-Ростовскій, кн. Ф. И. Ноготковъ, А. Н. Романовъ и друг. помѣщены въ спискѣ въ числѣ бояръ, которыми они стали не раньше 1 сентября, дня коронаціи.

съ царя и не кончилась этими актомъ. Въ апрѣлѣ начались обширные сборы въ походъ на югъ для защиты государства отъ ожидавшагося вторженія крымскаго хана. Въ разрядной книгѣ этого похода отмѣчена военно-административная мѣра, предложенная соборомъ во время этихъ сборовъ и принятая царемъ *). Разрѣшая мѣстническій споръ, затѣянный дворяниномъ Полевымъ противъ околыничаго М. Г. Салтыкова, Борисъ сказалъ: «Были мнѣ челомъ патриархъ Іевъ и весь соборъ, и бояре, и приказные люди, и воеводы, и дворяне всѣ, чтобъ язъ пожаловалъ, велѣлъ бояромъ и воеводамъ, и вамъ, дворяномъ, быти безъ мѣсть на нашей службѣ; и ты почему такъ воруюшь?» Большинство служилыхъ членовъ собора вмѣстѣ съ новоизбраннымъ царемъ отправилось въ походъ. Дѣятельность собора возобновилась по окончаніи похода въ іюлѣ и плодомъ ея была утвержденная грамота 1 августа, скрѣпленная подписями членовъ. Но къ тому времени наличный составъ собора измѣнился: нѣкоторые члены, бывшіе на первыхъ засѣданіяхъ собора, по дѣламъ службы не вернулись въ Москву изъ похода и не приложили своихъ рукъ къ грамотѣ 1 августа или должны были покинуть столицу, прежде чѣмъ успѣли приложить свои руки; за то другіе, не успѣвшіе на первыя засѣданія собора, присутствовали на послѣднихъ и успѣли подписаться подъ соборною грамотой. Такова одна причина, которой можно объяснить разницу обоехъ членскихъ перечней въ дошедшей до насъ копіи соборной грамоты; но была и другая. Въ списокъ членовъ, внесенномъ въ текстъ грамоты, нѣтъ именъ 11 московскихъ протопоповъ, которые, однако, подписались на грамотѣ. Многие члены не попали въ соборный списокъ потому, что не успѣли на первыя засѣданія собора язъ дальнихъ мѣсть, куда были посланы призывныя повѣстки, а составители списка не знали, пріѣдетъ ли оттуда кто-нибудь и кто именно. Пропускъ московскихъ протопоповъ въ списокъ не могъ произойти отъ подобной причины. Очевидно, первоначально ихъ не думали приглашать на соборъ и пригласили уже послѣ составленія соборнаго списка. Значитъ, составъ собора не былъ окончательно опредѣленъ до его открытія и пополнялся постепенно въ продолженіе его дѣятельности. Это наблюденіе пригодится при рѣшеніи вопроса о томъ, успѣлъ ли земскій соборъ къ концу XVI в. стать учрежденіемъ съ твердо-установившимся общественнымъ составомъ.

Изложенныя подробности показываютъ, какъ надобно пользоваться членскими подписями на соборной грамотѣ для опредѣленія численнаго состава собора: изъ числа членовъ собора, обозначенныхъ въ перечнѣ рукоприкладствъ, слѣдуетъ выдѣлать тѣхъ, которыхъ нѣтъ въ соборномъ списокѣ, и прибавить ихъ къ поменованнымъ въ этомъ списокѣ 457 членамъ. Такихъ мы насчитали 55 человекъ; *следовательно, соборъ 1598 г. состоялъ изъ 512 членовъ.*

Классификація этихъ членовъ въ соборномъ актѣ гораздо сложнѣе той,

*) Разр. кн. съ моск. арх. мим. иностранн. дѣлъ, № 99/121, л. 831.

какую мы видѣли въ соборномъ протоколѣ 1566 г. И теперь, какъ въ 1566 году, на соборъ приглашено было высшее духовенство съ архимандритами, игуменами, соборными монастырскими старцами и даже московскими протоіереями, которыхъ не видимъ на соборѣ 1566 года; всѣхъ духовныхъ лицъ было на соборѣ 1598 г. 109. Въ составъ собора вошли, разумѣется, боярская дума въ числѣ 53 членовъ, бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ; призваны были, какъ въ 1566 г., дьяки изъ московскихъ приказовъ, теперь въ числѣ 30 человекъ; но теперь къ этимъ органамъ центрального государственнаго управления присоединены были и органы дворцовой администраціи, 2 бараша и 16 дворцовыхъ ключниковъ, которыхъ не встрѣчаемъ на соборѣ 1566 г. Людей военно-служилыхъ явилось на соборѣ 1598 года 267 человекъ; въ составъ собора они образовали теперь немного меньшій процентъ, чѣмъ въ 1566 г., именно 52%, вмѣсто прежнихъ 55%. За то теперь они представляли гораздо болѣе дробную іерархію. На соборѣ 1566 г. люди этого класса, дворяне и дѣти боярскія, распадалась на 3 статьи; соборный актъ 1598 г. дѣлитъ ихъ на *стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ, холовъ стряпцкихъ, жильцовъ и выборъ изъ городовъ* *). Наконецъ, представителями торгово-промышленнаго класса явились на соборѣ 21 человекъ гостей и 15 старость и сотскихъ московскихъ сотенъ *юстинной, суконной и черной*. Эти старосты и сотскіе явились на соборѣ 1598 г., вмѣсто многочисленныхъ представителей столичнаго купечества, обозначенныхъ въ соборномъ актѣ 1566 г. званіями *торговцыя людей москвичей и смольнянъ*. Такимъ образомъ, въ составъ собора 1598 г. можно явственно различить тѣ же четыре группы членовъ, какія обозначились и на прежнемъ соборѣ и которыя представляли собою церковное управленіе, высшее управленіе государственное, военно-служилый классъ и классъ торгово-промышленный. Составъ первыхъ двухъ группъ мало измѣнился, но въ составѣ двухъ послѣднихъ произошли значительныя перемѣны, которыя необходимо разсмотрѣть, чтобы видѣть, въ какой степени и въ какомъ направленіи измѣнились въ концѣ XVI в. составъ соборнаго представительства и значеніе представителя.

Столичное дворянство и на соборѣ 1598 г. сохранило численное преобладаніе надъ всѣми прочими элементами соборнаго представительства, вмѣстѣ взятыми. Соборный актъ раздѣлялъ его представителей на чины *стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ и жильцовъ*. Это новое чиновное дѣленіе, замѣнившее собою прежнее статейное, образовалось во второй половинѣ XVI в. и столичные дворяне удерживали его въ продолженіе всего слѣдующаго вѣка. Оно усвоило себѣ нѣкоторыя особенности прежняго дѣленія. Въ немъ, какъ и въ прежнемъ, можно замѣтить генеалогическое основаніе: чинами *стольника* и *дворянина* начиналось служебное поприще людей знат-

*) Группа, помѣченная въ соборномъ спискѣ словомъ *у жильцовъ*, состояла также изъ дворянъ, бывшихъ начальными людьми жидецкаго отряда; въ рукописныхъ спискахъ ихъ имена помѣщены въ одной группѣ съ дворянами.

ныхъ фамилій, тогда какъ менѣе родовитыя лица столичнаго дворянства наполняли собою списки стряпчихъ и жильцовъ. Въ новой чиновной іерархіи, какъ и въ прежней статеинной, допускалось движеніе съ низшей степени на высшую: провинціальныхъ дворянъ и жильцовъ «за послуги» жаловали въ стряпчіе и дворяне, стряпчихъ и дворянъ возводили въ званіе стольниковъ. Но удержало ли столичное дворянство въ своей новой организаціи корпоративную связь съ уѣздными дворянскими обществами, каковую оно имѣло еще на соборѣ 1566 года? Не рѣшивъ этого вопроса, нельзя ничего сказать о представительномъ значеніи, съ какимъ явились на соборѣ 1598 г. многочисленные стольники, дворяне, стряпчіе и жильцы, поименованные въ соборномъ актѣ.

На соборѣ 1598 г. присутствовали 46 стольниковъ и болѣе сотни столичныхъ дворянъ. Этого слишкомъ много, чтобы видѣть въ нихъ выборныхъ {представителей своихъ чиновныхъ корпорацій, и слишкомъ мало, чтобы предполагать поголовный призывъ на соборъ всѣхъ стольниковъ и столичныхъ дворянъ, подобно тому, какъ призывались на соборъ члены боярскаго думы. Въ XVII вѣкѣ, когда служилые люди являлись на соборъ съ значеніемъ выборныхъ представителей своихъ чиновныхъ или мѣстныхъ корпорацій, считалось вообще достаточнымъ не болѣе 20 представителей для «большихъ статей», т.-е. крупныхъ многочисленныхъ избирательныхъ категорій, и на соборѣ 1642 г. встрѣчаемъ всего 10 стольниковъ и 22 чел. столичныхъ дворянъ. Съ другой стороны, стольники и другіе чины столичнаго дворянства, бывшіе на соборѣ 1598 года, далеко не составляли и большинства своихъ чиновныхъ разрядовъ, сколько можно о томъ судить по спискамъ, близкимъ по времени къ этому собору. Такъ, по списку 1577 г. числилось до 240 московскихъ дворянъ, и то не всѣхъ, а только служившихъ въ томъ году «изъ выбора», т.-е. отобранныхъ для специальныхъ порученій по случаю царскаго похода въ Ливонію, а по списку 1616 г. стольниковъ числилось 116, московскихъ дворянъ 295 и 53 стряпчихъ, которыхъ на соборѣ 1598 г. было 22 человека *). Чтобы понять значеніе, съ какимъ явились на соборѣ многочисленныя лица столичнаго дворянства, надобно искать указаній на ихъ положеніе въ служиломъ обществѣ внѣ собора. Нѣсколько такихъ указаній даетъ разрядная книга упомянутаго выше царскаго похода лѣтомъ 1598 года **). На высшія предводительскія должности корпусныхъ командировъ и ихъ товарищей въ этомъ походѣ, согласно съ заведеннымъ порядкомъ древней московской военной администраціи, назначены были члены боярскаго думы. Второстепенныя мѣста по штабу и по командованію отдѣльными частями мобилизованныхъ корпусовъ, должности рындѣ и поддатней къ нимъ, разнаго рода головъ и ясоуловъ розданы были стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, жильцамъ, дворцовымъ ключникамъ, которые также причислялись къ столич-

*) *Собр. юс. грам. и догов.*, III, № 113. *Акты. Моск. государства*, издан. по ред. Н. А. Попова, I, №№ 26 и 108.

**) *Разрядн. кн. моск. арх. мин. ин. дѣлъ*, № 99/131, л. 834 и сл. ;

ному дворянству. Изъ 130 лицъ этого дворянства, поименованныхъ въ разрядной росписи похода, 73 человека были членами собора, выбравшаго на царство Бориса Годунова. Слѣдя за служебными назначеніями бывшихъ на этомъ соборѣ лицъ столичнаго дворянства по разряднымъ книгамъ 1598 г. и ближайшихъ къ нему лѣтъ, можно замѣтить, что они принадлежали къ тому, что мы назвали бы генеральнымъ штабомъ, или служили главными исполнительными органами высшаго военно-гражданскаго управления. Изъ 238 представителей столичнаго дворянства на соборѣ 1598 г. присутствовало не менѣе 90 такихъ, которые только по разрядной книгѣ этого года выполняли подобныя штабныя или военно-административныя порученія, а въ этой разрядной книгѣ отмѣчены далеко не всѣ, на кого возложены были въ томъ году такія порученія. Особенно часто назначались лица столичнаго служилого корпуса въ пограничныя города воеводами или осадными головами, т.-е. гарнизонными командирами; въ походахъ они превращались въ походныхъ предводителей своихъ уѣздныхъ полковъ или городовыхъ гарнизоновъ, двинутыхъ въ поле. На соборѣ 1598 г. призваны были 15 московскихъ дворянъ, служившихъ воеводами въ городахъ по южной украинѣ; четверо изъ нихъ въ царскій походъ того года назначены были «головами у украинскихъ городовъ», т.-е. командирами мобилизованныхъ уѣздныхъ отрядовъ южной украины *). Въ упомянутой утвержденной грамотѣ объ избраніи царя Бориса и въ другихъ официальныхъ актахъ того времени, касавшихся избирательнаго собора 1598 года, воеводы даже прямо обозначены, какъ особый разрядъ членовъ въ составѣ этого собора.

По всѣмъ этимъ указаніямъ можно подумать, что чины столичнаго дворянства уже къ концу XVI в. образовали особый служилый корпусъ, собственный «государевъ дворъ», какъ онъ назывался на придворномъ языкѣ XVII вѣка, и что на него уже тогда легли разнообразныя служебныя обязанности, которыя онъ несъ въ продолженіе всего этого вѣка: онъ составлялъ «государевъ полкъ», гвардію, и, въ то же время, исполнялъ обязанности генеральнаго штаба; онъ служилъ оберъ-офицерскимъ запасомъ для отрядовъ провинціального дворянства и ставилъ дѣльцовъ на второстепенныя должности по центральному и областному управленію. Но сохраняли ли чины столичнаго дворянства и теперь служебную связь съ дворянскими обществами тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они владѣли помѣстьями и вотчинами, и въ силу этой связи представляли ли они эти общества въ качествѣ ихъ предводителей и на соборѣ 1598 года, какъ это было на соборѣ 1566 г.? Неожиданно косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ новый элементъ въ составѣ собора 1598 года, обозначенный въ соборномъ актѣ словами *«городовъ выборъ»*.

Во второй половинѣ XVI в., подобно столичному дворянству, и провинціальные дворяне, и дѣти боярскія получили новую организацію, стали дѣ-

* Кн. А. Д. Хилковъ изъ г. Новосиля, кн. Ѳ. В. Туренинъ изъ Орла, Гр. Илл. и Тр. Гр. Вельяминовъ изъ Махайлова и Рязка.

лись на чины по степени своей родовитости и военно-служебной годности. Высшій чинъ служилой провинціальной іерархіи получилъ названіе *выбора* или *выборныхъ дворянъ*. Послѣ набора тысячи провинціальныхъ служилыхъ людей на столичную службу въ 1550 г. правительство отъ времени до времени, по нуждамъ этой службы, вызывало лучшихъ слугъ изъ провинціального дворянства въ подкрѣпленіе столичнаго служилого корпуса. Это были временныя вызовы, не вырывавшіе вызываемыхъ изъ состава мѣстныхъ дворянскихъ корпорацій, къ которымъ они принадлежали. Этимъ положено было въ нѣкоторыхъ уѣздахъ начало особому постоянному разряду служилыхъ людей, который занялъ первое мѣсто въ чиновномъ распорядкѣ уѣднаго дворянства. Разрядная книга помоцнаго похода 1563 года уже отмѣчаетъ въ составѣ двинутыхъ тогда въ поле помковъ *дворянъ выборныхъ*, помѣщая ихъ въ порядкѣ служилыхъ чиновъ непосредственно послѣ столичныхъ чиновъ стольниковъ, стряпчихъ и жалцовъ и какъ бы даже причисляя ихъ къ столичному дворянству *). Выборные дворяне дѣйствительно служили связующимъ звеномъ между дворянствомъ столичнымъ и провинціальнымъ, городovýmъ. Любопытное указаніе на ихъ служилое значеніе находимъ въ запискахъ извѣстнаго капитана Маржерета, состоявшаго на московской службѣ въ самомъ началѣ XVII вѣка: по его словамъ, кромя дворянъ, постоянно жившихъ въ Москвѣ, каждый городъ, по возможности, присылалъ отъ 16 до 30 лучшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которые назывались *выборными дворянами*; но прошествіи трехъ лѣтъ они смѣнялись другими **). Отправляя очередную службу въ столицѣ, горожовой выборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ постояннымъ запасомъ, изъ котораго пополнялось столичное дворянство: лучшихъ слугъ этого разряда возводили въ столичные чины. Въ XVII вѣкѣ, когда установилась выборная система соборнаго представительства, уѣдное дворянство обыкновенно посылало на земскіе соборы представителей изъ выборныхъ дворянъ своихъ городовъ. Въ официальныхъ актахъ о такомъ представителѣ писали, что онъ «на Москвѣ отъ города *съ выборомъ* ***). Такимъ образомъ, различныя понятія выражались однимъ терминомъ. Недоразумѣніе, въ какое можетъ ввести такая двусмысленная терминологія, становится тѣмъ возможно, что различныя значенія, какія выражались словомъ *выборъ*, часто соединялись въ одномъ лицѣ: *выборный* представитель уѣднаго дворянства на земскомъ соборѣ обыкновенно былъ, по своему служилому чину, *выборный* дворянинъ своего уѣзда.

Въ соборномъ спискѣ 1598 г. поименовано 34 представителя въ званіи *изъ городовъ выбора*. Скорѣе всего можно было бы подумать, что эти члены собора совмѣщали въ себѣ оба значенія этого двусмысленнаго званія, что это были выборные представители уѣднаго дворянства на соборѣ, которые и сами принадлежали къ тому же уѣдному дворянству и «служили

*) *Витебская старина*, кн. IV, стр. 27 и 33.

***) *Устряловъ*: „Сказ. соврем. о Дни. Сам.“, т. III, стр. 52.

***) *Десятилетіе*, № 207, л. 143, въ моск. арх. мнн. вѣст.

изъ выбору», какъ обыкновенно обозначались въ служимыхъ спискахъ XVI в. уѣздные дворяне, носившіе чинъ городского выбора. Но, слѣдя соборный перечень съ указаннымъ выше спискомъ 1577 года, узнаемъ, что 10 человекъ изъ 34 членовъ избирательнаго собора, причисленныхъ къ перечню къ *выбору* изъ городовъ, еще за 20 лѣтъ до этого собора принадлежали къ столичному дворянству, именно одинъ носилъ чинъ жильца, а остальные значились въ спискѣ дворянъ московскихъ. Отсюда слѣдуетъ, что соборный списокъ группировалъ членовъ собора не исключительно по служебнымъ чинамъ, какіе они носили, и, помѣстивъ въ группѣ городского *выбора* людей разныхъ чиновъ, придавалъ этому званію значеніе не служебнаго чина, а именно выборнаго представительства на соборѣ. Изъ этого сами собою выходятъ два указанія на составъ изучаемаго собора. Во-первыхъ, если дворяне московскіе, бывшіе на соборѣ выборными представителями провинціального дворянства, въ соборномъ перечнѣ выдѣлены изъ своего чиновнаго списка и помѣщены въ другой группѣ, надобно въ этого заключить, что люди столичныхъ чиновъ, обозначенные въ перечнѣ своими чинами, не были на соборѣ выборными представителями провинціального дворянства, а явились по призыву правительства въ силу своего военно-административнаго положенія, какъ воеводы городовъ или командиры уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ. Съ другой стороны, столичное дворянство, очевидно, еще не порвало своей корпоративной связи съ провинціальными дворянскими обществами, установленной землевладѣльческими съѣдствомъ: званіе столичнаго дворянина не мешало уѣзднымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ выбрать земляка по вотчинѣ или помѣстью своимъ представителямъ на земскомъ соборѣ. Эта связь сквозитъ и въ другія явленія того или близкаго къ тому времени. Жильцы принадлежали къ столичному дворянству, составляя младшій его чинъ. Но въ началѣ XVII в. случалось, что иной жилецъ просилъ зачислить его въ походѣ въ уѣздное дворянскую сотню или позволить ему служить «по выбору», т.-е. въ чинѣ выборнаго дворянина, вмѣстѣ съ дворянами известнаго уѣзда, по мѣсту землевладѣнія, и правительство уважало такія просьбы; иногда жильцы, несмотря на свой столичный чинъ, оставались въ спискахъ городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и служили вмѣстѣ съ ними. Областная администрація также держалась того привычнаго взгляда, что служилые люди столичныхъ чиновъ, стряпчие, жильцы и дворяне московскіе, въ случаѣ внѣшней опасности, обязаны защищать тотъ городъ, въ уѣздѣ котораго находятся ихъ помѣстья и вотчины, на ряду съ городскими дворянами и дѣтями боярскими этого уѣзда. Въ концѣ XVI в. по городу Брянску служило цѣлое гнѣздо Зубовыхъ. Одинъ изъ нихъ, Гр. И. Зубовъ, дослужился до столичнаго чина жильца и въ этомъ чинѣ присутствовалъ на соборѣ 1598 г. Въ 1613 г. московскій земскій соборъ послалъ польскому правительству списокъ разнаго званія русскихъ людей и въ томъ числѣ городскихъ дворянъ, захваченныхъ полягами, требуя ихъ возвращенія въ отечество; въ спискѣ брянскихъ городскихъ дворянъ названо нѣсколько 3-

Бовыхъ и между ними Гр. Н. Зубовъ, жидецъ и членъ собора 1598 г. *). Значить, столичный служилый чинъ въ то время былъ еще совмѣстимъ съ званіемъ городского дворянина и, такимъ образомъ, можно было одновременно принадлежать къ тому и другому дворянству, къ столичному и провинціальному. Этимъ объясняется одна черта въ составѣ собора 1598 года, непонятная при первомъ взглядѣ. Сохранился помѣченный 1607 годомъ списокъ бояръ, окольныхчихъ и прочихъ думныхъ и столичныхъ служилыхъ чиновъ, а также «изъ городовъ выбора» по 36 уѣздамъ **). Нѣкоторые изъ перечисленныхъ здѣсь городскихъ дворянъ выборнаго чина присутствовали на соборѣ 1598 г. и въ соборномъ перечнѣ помѣщены среди выбора изъ городовъ. Но шесть дворянъ изъ числа членовъ этого собора, продолжавшихъ и въ 1607 г. служить дворянами-выборными въ разныхъ уѣздахъ и значащихся въ этомъ чинѣ по упомянутому списку, въ соборномъ перечнѣ носятъ столичныя званія жильцовъ, стряпчихъ и дворцовыхъ ключниковъ.

Всѣ эти указанія заставляютъ думать, что на соборъ 1598 г. призвано было много столичныхъ дворянъ съ тѣмъ же самымъ представительнымъ значеніемъ, съ какимъ ихъ предшественники, столичные дворяне и дѣти боярскія присутствовали на соборѣ 1566 года: тѣ и другія не были выборными представителями уѣздныхъ дворянскихъ обществъ на соборѣ, но представляли ихъ по своему должностному положенію, какъ ихъ военные предводители, назначенные правительствомъ изъ землевладѣльцевъ тѣхъ же уѣздовъ. Нѣкоторыя явленія въ составѣ собора 1598 г. поддерживаютъ ту мысль, что столичное дворянство и въ это время еще сохраняло прежнюю связь своего соборнаго представительства съ мѣстомъ землевладѣнія. Членъ этого собора, дворцовый ключникъ Т. Змѣвовъ, по этому званію принадлежавшій къ столичному дворянству, былъ землевладѣльцемъ въ одномъ изъ южныхъ украинныхъ уѣздовъ; въ лѣтнемъ царскомъ походѣ того года онъ является въ числѣ головъ «съ украинъ», начальниковъ уѣздныхъ отрядовъ съ южной украины. Другимъ головой съ той же украины былъ въ этомъ походѣ мещевскій землевладѣлецъ П. Гр. Совинъ, присутствовавшій на соборѣ въ числѣ дворянъ московскихъ. Слѣды той же связи замѣтны еще въ началѣ XVII в. въ актѣ избирательнаго собора 1613 г. По списку 1577 г. П. Наумовъ служилъ дворяниномъ по г. Вязьмѣ; сынъ его принадлежалъ уже къ столичному дворянству и въ чинѣ жильца присутствовалъ на соборѣ 1598 г.; внукъ также былъ жильцомъ и подъ соборнымъ актомъ 1612 г. подписался за выборныхъ вяземскихъ дворянъ. Бѣляница Зюзинъ въ чинѣ жильца также былъ членомъ собора 1598 г., а на соборѣ 1613 г. явился въ числѣ выборныхъ дворянъ-представителей казанскаго дворянства, хотя уже за 14 лѣтъ до этого собора носилъ столичный чинъ ***). Можно объяснить, почему такъ

*) *Акты Моск. государства*, изд. подъ ред. Н. А. Попова, I, ММ 60, 101, 184 и 185. *Собр. юс. грам. и дог.*, т. III, стр. 37.

**) Въ упомянутой выше рукописи г. Барсова.

***) *Собр. юс. гр. и дог.*, I, 640 и сл.

мало было на соборѣ 1598 г. выборныхъ представителей уѣзднаго дворянства. Въ соборномъ спискѣ ихъ поименовано 34 человека; трудно опредѣлить количество представленнхъ ими уѣздовъ *). Многіе уѣзды представлены были безъ выборовъ лицами, которыя призваны были на соборъ въ силу ихъ должностнаго положенія, какъ предводители уѣздныхъ служилыхъ отрядовъ. Впрочемъ, можно думать, что и выборныхъ представителей городского дворянства было на соборѣ больше, чѣмъ сколько ихъ поименовано въ соборномъ спискѣ. Въ числѣ членовъ собора, не успѣвшихъ на первыя его засѣданія и не попавшихъ въ соборный списокъ, было шестеро, которые подписались на соборной грамотѣ послѣ всѣхъ дворянъ вмѣстѣ съ московскими купцами. Ихъ подписи, затерявшіяся въ концѣ рукоприкладствъ, воспроизведены въ изданномъ спискѣ соборной грамоты, повидимому, безъ всякихъ переижднъ и вскрываютъ нѣкоторыя новыя черты въ составѣ дворянскаго представительства. Никита Львовъ подписался: «и въ Воцкіе пятины мѣсто», Дартуша Дивовъ: «и во всѣхъ Ржевичъ мѣсто», А. Ивашевъ: «и во всѣхъ Бѣлянъ мѣсто». Это представители дворянскихъ обществъ Вотской пятины Новгородской области и уѣздовъ Ржевскаго (нынѣ Тверской губ.) и Бѣльскаго (Смоленской губ.); не находимъ никакихъ указаній, которыя заставляли бы считать этихъ представителей столичными дворянами. Н. Мотоловъ (Мотовиловъ) подписался: «и во всѣхъ Ярославля Малаго сотни»; это былъ представитель сотни или роты, состоявшей изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Малоярославецкаго уѣзда, можетъ быть, ея командиръ, сотенный голова, по должности призванный на соборъ, или же выборный служебный ея представитель на мѣстѣ. Такіе мѣстные служебные представители уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, называвшіеся *окладчиками*, выбирались всѣмъ уѣзднымъ дворянствомъ и составляли въ каждомъ уѣздѣ коллегію отвѣтственныхъ присяжныхъ посредниковъ между правительствомъ и дворянскимъ обществомъ уѣзда: когда бывалъ смотръ уѣзднаго дворянства, окладчики подъ присягою давали присланнымъ изъ столицы ревизорамъ показанія о служебной годности служилыхъ людей своего уѣзда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ручались за нихъ въ исправномъ отбываніи ими падавшихъ на нихъ военно-служебныхъ обязанностей. Въ числѣ упомянутыхъ заповдалыхъ членовъ собора 1598 г. подписался на соборной грамотѣ Второй Тыртовъ «во всей Шоломенсіе пятины (мѣсто)». По новгородскому списку 1601 г. встрѣчаемъ этого самаго Втораго Тыртова въ числѣ 8 окладчиковъ Шелонской пятины. Если онъ одинъ изъ всей коллегіи былъ посланъ на соборъ, набобно думать, что онъ получалъ свои представительныя полномочія по выбору всего дворянскаго общества на-

*) Отъ нѣкоторыхъ уѣздовъ было по одному выборному, какъ видно по списку каширскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 1599 г., изъ которыхъ былъ на соборѣ одинъ Тутолминъ, носившій чинъ выборнаго дворянина, хотя въ спискѣ только дворянъ этого чина поименовано 18 чел. *Десятия*, № 247, въ моск. арх. инв. юст. Но изъ списка 1607 г. можно видѣть, что отъ г. Медни было 2 выборныхъ представителя, столько же отъ Юрьева-Польскаго.

тны. Значить, онъ совмѣщалъ въ себѣ двойное значеніе: былъ выборнымъ присяжнымъ представителемъ шелонскаго дворянства на мѣстѣ и по выбору же представлялъ это дворянство на соборѣ *). Такимъ образомъ, обнаруживается, что названные члены собора представляли собою мѣстных дворянскія общества и сами, по всей вѣроятности, входили въ ихъ составъ, не принадлежа къ столичному дворянству. Они представляли эти общества, какъ военно-служилыя корпораціи, и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые были ихъ выборными представителями на соборѣ, хотя и безъ того стояли во главѣ этихъ обществъ, какъ выборные и отвѣтственные предъ правительствомъ показатели ихъ военно-служебной годности.

Присутствіе представителей мѣстныхъ дворянскихъ обществъ изъ ихъ же среды есть новая черта въ составѣ собора 1598 г., незамѣтная въ составѣ собора 1566 года, на которомъ провинціальное дворянство было представлено только столичными дворянами. Этого новаго областного элемента совсѣмъ не находимъ и теперь въ представительствѣ городского торгово-промышленнаго класса, какъ не нашли мы его и на прежнемъ соборѣ. За то теперь именно въ составѣ представительства этого класса особенно явственно обнаружился основной принципъ земскихъ соборовъ XVI вѣка—представительство по должностному правительственному положенію, а не по общественному выбору. На соборъ 1566 г. были призваны, кромѣ 12 гостей, еще 63 представителя столичнаго купечества, обозначенныхъ въ соборномъ актѣ неясными званіями торговыхъ людей *москвичей* и *смолянъ*. Не видно, были ли призваны на соборъ лица этихъ званій поголовно, кого можно было призвать, или съ извѣстнымъ разборомъ, основаннымъ на какихъ-либо признакахъ. Въ соборномъ спискѣ 1598 г. очень рѣзко выступаетъ правило, которымъ руководились при рѣшеніи вопроса, кого призвать представителями столичнаго торгово-промышленнаго класса: призваны были на соборъ 21 человекъ гостей, старосты двухъ высшихъ купеческихъ *сотенъ* или гильдій, *юстинной* и *суконной*, и сотскіе 13 *черныхъ сотенъ* и ихъ частей, полусотенъ и четвертей сотенъ, которыя можно назвать промысловыми цехами древней Руси. Гости, очевидно, были призваны на соборъ поголовно, сколько можно было ихъ тогда призвать: ихъ и въ XVII в. бывало немного, обыкновенно десятка два-три; всѣ они были казенно-служилые люди, главные комиссіонеры казны, и не составляли особой отвѣтственной корпораціи, связанной круговою порукой членовъ другъ за друга. Такими корпораціями были сотни, на которыя дѣлилось остальное торгово-промышленное населеніе столицы, и его представителями были призваны или посланы на соборъ люди, и внѣ собора стоявшіе во главѣ этихъ корпорацій, выборные старосты и сотскіе. Какъ отвѣтственные головы своихъ обществъ, они занимали должности по вы-

*) *Акты Ист.*, I, стр. 363. *Десятина*, № 120, въ моск. арх. мин. вст. Въ подписи вѣстаго запоздалаго представителя Ивана Кобелева не указано, кого представлялъ онъ. Можетъ быть, это сынъ боярскій Вотской пятины Ив. Д. Кобелевъ, который по спискѣ 1607 г. является сотникомъ стрѣльцкимъ въ г. Орѣшкѣ (*тамъ же*, № 123, л. 27).

бору сотенъ; какъ ихъ соборные представители, они призывались или посылались на соборъ по своимъ должностямъ.

Изложенныя наблюденія, кажется, даютъ возможность нѣсколько уяснить себѣ составъ избирательнаго собора 1598 г. Этотъ соборъ по составу не вполне былъ похожъ на прежній, собиравшійся въ 1566 году: къ составнымъ элементамъ, присутствовавшимъ на этомъ послѣднемъ, теперь прибавились нѣкоторые новые. На избирательный соборъ, какъ и на прежній, явились два высшія правительственныя учрежденія, церковное и государственное, освященный соборъ и боярская дума. Многіе члены думы съ нѣкоторыми стольниками и дворянами московскими и съ 30 дьяками представляли еще на соборѣ центральныя судебно-административныя учрежденія, приказы, во главѣ которыхъ они стояли. Многіе стольники и люди другихъ столичныхъ чиновъ были призваны на соборъ, какъ органы областного управленія, городовые воеводы. Все это были представители управленія, правительственныхъ учрежденій, не общества. Изъ общественныхъ классовъ всего сильнѣе представлено было служилое сословіе, если можно назвать сословіемъ совокупность многочисленныхъ чиновъ столичныхъ и провинціальныхъ, на которые распался къ концу XVI в. служилый классъ. Представительство этого класса по источнику представительныхъ полномочій было двойное, должностное и выборное. Многія лица столичнаго дворянства были призваны на соборъ, какъ военные командиры, головы уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ, находившихся тогда на положеніи мобилизованныхъ. Съ такимъ же значеніемъ явились на соборъ 7 головъ стрѣльчихъ, вѣроятно, командовавшихъ стрѣлецкими полками, расположенными въ столицѣ*). Наиболѣе выдающимся новымъ элементомъ въ составѣ собора 1598 г. надобно признать присутствіе на немъ *выборныхъ* представителей уѣздныхъ дворянскихъ обществъ и, притомъ, изъ ихъ же среды. На соборѣ 1566 г. уѣздное дворянство было представлено только столичными дворянами, хотя и вышедшими изъ его среды; притомъ, ни изъ чего не видно, получили ли они свои представительныя полномочія по выбору дворянъ своихъ уѣздовъ, или прямо были призваны на соборъ по должности ихъ военныхъ предводителей. На соборѣ 1598 г. несомнѣнно выборныхъ представителей провинціального дворянства было 40 человекъ; изъ нихъ десятеро принадлежали къ столичному дворянству, остальные не носили столичныхъ чиновъ и входили по службѣ и землевладѣнію въ составъ уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, которыя они представляли на соборѣ. Нѣкоторые изъ нихъ по своей состоятельности, мѣстному вліянію и служебной исправности могли такъ же получать команду надъ дворянскими сотнями своихъ уѣздовъ или принадлежали къ коллегіямъ выборныхъ окладчиковъ и этому были обязаны своимъ избраніемъ въ соборные представители. Во всякомъ

*) Предполагаемъ это потому, что пятерыхъ изъ этихъ семи головъ находимъ въ сохранившемся спискѣ (извѣстенъ намъ по упомянутой выше рукописи г. Барсова XVII в.) головъ и сотниковъ, командовавшихъ московскими стрѣльцами при царяхъ Иоаннѣ Грозномъ и Феодорѣ.

случаѣ, присутствіе выборныхъ представителей впервые становится замѣтно на послѣднемъ земскомъ соборѣ XVI в. и первымъ классомъ, которому досталось такое представительство, было провинціальное дворянство. По крайней мѣрѣ, нѣтъ основаній считать выборными бывшихъ на этомъ соборѣ представителей столичнаго купечества: гости были призваны на соборъ всѣ по своему званію, а старосты и сотскіе московскихъ сотенъ по должности. Не вполне ясно положеніе на соборѣ столичнаго дворянства, составлявшаго самый многочисленный элементъ въ его составѣ: его было на соборѣ 248 человекъ, что составляетъ почти половину всего числа членовъ собора. Столичные дворяне явились на этотъ соборъ съ довольно разнообразнымъ значеніемъ: одни представляли столичныя правительственныя учрежденія, приказы, какъ ихъ начальники, другіе—областное управленіе, какъ городовые воеводы, третьи—уѣздное дворянство, какъ головы его уѣздныхъ сотенъ или какъ его выборные депутаты; наконецъ, нѣкоторые отиѣчены въ соборномъ спискѣ, какъ начальные люди въ отрядѣ жильцовъ. Но представляло ли столичное дворянство само себя, были ли на соборѣ въ числѣ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ выборные представители своихъ чиновныхъ корпорацій? Не находимъ никакихъ указаній, которыя бы отвѣчали на этотъ вопросъ, и на него, кажется, слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Такихъ представителей столичнаго дворянства не находимъ даже на соборѣ 1613 года, на которомъ выборное представительство является въ такомъ широкомъ развитіи: восьми-девяти десятковъ подписавшихся на грамотѣ этого собора стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ слишкомъ много, чтобы ихъ можно было признать за выборныхъ депутатовъ чиновныхъ корпорацій столичнаго дворянства. Распавшись на чины, это дворянство еще не успѣло вполне обособиться отъ провинціального, которымъ оно пополнялось, и не утратило своего прежняго значенія его представителя, какое оно имѣло на соборѣ 1566 г. Съ другой стороны, какъ генеральный штабъ, оно исполняло самыя разнообразныя военно-административныя порученія, которыя разбрасывали его по разнымъ городамъ и угламъ государства, такъ что его трудно было и собрать въ достаточно полномъ числѣ для выбора соборныхъ представителей.

Одна русская повѣсть, близкая по времени составленія къ собору 1598 года, написанная какихъ-нибудь 8 лѣтъ спустя послѣ него и чрезвычайно враждебная царю Борису, описываетъ хитросплетенную агитацію, какую устроили «злосовѣтники и рачители» Годунова, чтобы подготовить и обезпечить его избраніе на престолъ. Повинуясь указаніямъ своего главы, они по всѣмъ сотнямъ и слободамъ столицы и по всѣмъ городамъ внушали народу, чтобы «на государство всѣмъ міромъ просили Бориса». Подбитыи агитаторами, народъ волей-неволей молилъ его «предъ бояры и властями и вельможи и предъ царскими синклиты» принять скипетръ. Но лукавыи проныръ не тотчасъ подался на народныя молибы и много разъ отказывался, «достойныхъ на се избирати повелѣвая». Но достойные того боль-

шіе бояре, «отъ корени скипетродержавныхъ и сродники» царю Теодору, «на се не изволиша поступити и между себя избрати, но даша на волю народу» *). Этотъ тенденціозный разсказъ даетъ понять, что агитація, затѣянная клеветами Годунова, ведена была прямо въ народной массѣ мимо собора и не коснулась его состава, не имѣла цѣлью подбора его членовъ, подтасовки голосовъ. Но она заставила соборъ выпустить изъ своихъ рукъ рѣшеніе вопроса и отдать его на волю народа, поднятого агентами Годунова. Подстроены были ходъ дѣла, а не составъ собора. Планъ сторонниковъ Годунова состоялъ не въ томъ, чтобы обезначить его избраніе на царство подтасованнымъ составомъ собора, а въ томъ, чтобы вынудить правильно составленный соборъ уступить народному движенію. Годуновъ, повидимому, придавалъ одинаково законное и важное значеніе и голосу возбужденной народной толпы, и приговору земскаго собора: если онъ самъ настаивалъ на созывѣ земскаго избирательнаго собора, то въ официальныхъ актахъ его царствованія съ удареніемъ повторялось напоминаніе, что онъ принялъ скипетръ «по прошенію всего московскаго и російскаго *народства*». Въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ. Въ этомъ отношеніи соборъ и въ 1598 г. сохранилъ ту же фязіономію, какою онъ имѣлъ въ 1566 г. И теперь, какъ тогда, на соборѣ сошлись разностепенные носители власти, органы управленія, а не уполномоченные общества; это было представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію. Но это было, по понятіямъ того времени, все-таки, представительное собраніе, хотя въ своемъ родѣ, не въ современномъ смыслѣ. За соборомъ предполагалось нѣчто, что только въ этомъ собраніи находило себѣ выраженіе. На это предполагаемое нѣчто указываетъ частію эпитетъ *вселенскій*, какъ иногда назывался земскій соборъ въ официальныхъ московскихъ актахъ. Вселенскій церковный соборъ по своей идеѣ—собраніе пастырей и учителей всѣхъ помѣстныхъ церквей. Прилагая этотъ терминъ къ московскому земскому собору, хотѣли тѣмъ выразить представленіе о собраніи руководителей всѣхъ частей государственнаго управленія, представителей всѣхъ вѣдомствъ, дѣйствовавшихъ внѣ собора раздѣльно, въ кругу своихъ особыхъ задачъ. Значитъ, въ земскомъ соборѣ видѣли, какъ бы сказать, представительство государственной организаціи, соединеніе того, изъ чего складывался и чѣмъ поддерживался государственный порядокъ. То живое содержаніе, которое жило и двигалось въ рамкахъ этой организаціи, управляемое общество подразумевалось не какъ политическая сила, которая могла говорить на соборѣ устами своихъ уполномоченныхъ, а какъ паства, о благѣ которой должны были сообща подумать ея приставники. Соборъ былъ органомъ ея интересовъ, но не ея воли; члены собора представляли собою общество, насколько управляли имъ. Такой общей фязіономіи со-

*) *Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс.*, кн. XVI, отд. II, стр. 7 и сл.

борнаго представительства не измѣняло присутствіе на соборѣ 1598 года выборныхъ депутатовъ провинціального дворянства, если только можно признать доказанной нашу мысль, что члены собора, названные въ сборномъ спискѣ *выборомъ изъ городовъ*, были выборные депутаты провинціального дворянства, а не провинціальныя дворяне *выборнаго* чина, прямо призванные на соборъ по должностному положенію, какое они занимали въ минуту призыва. Такихъ депутатовъ выбирали уѣздныя дворянскія корпорации, въ данную минуту почему-либо не имѣвшія у себя во главѣ предводителей, которыхъ можно было бы призвать на соборъ, и выбирали либо изъ столичныхъ дворянъ, своихъ земляковъ, либо изъ оладчиковъ, либо, наконецъ, изъ своихъ дворянъ выборнаго чина, т.-е. изъ такихъ лицъ, изъ среды которыхъ и правительство назначало походныхъ предводителей уѣзднаго дворянства. Притомъ, оба источника представительныхъ полномочій—и общественный выборъ, и правительственный призывъ по должности—тогда не противуполагались одинъ другому, какъ враждебныя начала; напротивъ, одинъ служилъ вспомогательнымъ средствомъ для другаго: призывая на соборъ по должностному положенію, правительство не обходило и выборныхъ должностей. Такъ, сборными представителями столичныхъ торгово-промышленныхъ сотенъ видимъ ихъ выборныхъ старостъ и сотскихъ.

И такъ, составъ представительства на соборѣ 1598 г. сложѣе, дробнѣе сравнительно съ соборомъ 1566 года. Въ этомъ отношеніи послѣдній соборъ XVI в. отразилъ въ себѣ перемѣны, происшедшія въ организаціи общества при царѣ Іоаннѣ и еще не успѣвшія обнаружиться въ составѣ втораго земскаго собора, имъ созданнаго. Но значеніе представителя и основанія представительства остались прежнія и нѣкоторыя изъ этихъ основаній на соборѣ 1598 г. выступили даже явственнѣе, чѣмъ выступили на соборѣ 1566 г. Это даетъ возможность при разборѣ вопроса о происхожденіи земскихъ соборовъ разсматривать оба собора XVI вѣка, составъ которыхъ извѣстенъ, какъ однородныя явленія, вызванныя одинаковыми условіями.

В. Ключевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ возникъ нашъ судъ присяжныхъ.

(Историческая справка по подлиннымъ документамъ судебной реформы).

I.

Быть можетъ, ни на одномъ учрежденіи не сказалось въ такой степени, съ одной стороны, извѣнчивое непостоянство нашихъ общественныхъ симпатій, а съ другой—неразборчивость въ средствахъ борьбы, свойственная нашей реакціонной печати, какъ на судьбахъ института нашего суда присяжныхъ. Извѣстно, какими опасеніями и ужасами было окружено у насъ, всего только лѣтъ 25—30 тому назадъ, это великое изобрѣтеніе англосаксонскаго гениа, это истинное орудіе прогресса и гражданственности, съ безпримѣрною быстротой *), въ теченіе какихъ-нибудь 70—80 лѣтъ, завоевавшее почти всю Европу... Извѣстно, что всего лѣтъ тридцать тому назадъ слово «присяжные» наводило, подобно «жупелу», безотчетный паническій страхъ не только на всѣхъ замоскворѣцкихъ купчихъ,—это бы еще куда ни шло,—но и на убѣленныхъ сѣдинами государственныхъ мужей.

Но вотъ раздался радостный благовѣсть 19 февраля и многіе призраки разсѣялись, многое, казавшееся страшнымъ и чудовищнымъ, вслѣдствіе недостатка свѣта, предстало въ своемъ настоящемъ видѣ. Такъ случилось и съ судомъ присяжныхъ, служившимъ «пугаломъ» еще въ 1860 г. и не позднѣе какъ черезъ два года *единогласно* принятымъ и одобреннымъ государственнымъ совѣтомъ и верховною властью. Если еще и дѣлались послѣ 1861 года легенькія возраженія противъ введенія у насъ суда присяжныхъ, то отнюдь не принципіальнаго или политическаго свойства, а чисто-практическаго. Никто, рѣшительно ни одинъ членъ государственнаго совѣта не сослался

*) «Исторія права не знаетъ,—замѣчаетъ германскій юристъ Врунеръ,—другаго учрежденія, которое бы въ столь короткое время такъ широко разрослось и столь энергически пустило корни въ юридической жизни различнѣйшихъ странъ, какъ судъ присяжныхъ. До послѣдняго десятилѣтія истекшаго столѣтія онъ былъ извѣстенъ въ Англіи и Америкѣ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался едва ли не *осемірнымъ* правовымъ институтомъ, и не далеко, повидимому, то время, когда на присутствіе присяжныхъ въ судахъ будутъ смотрѣть какъ на существенный признакъ европейской культуры».

при обсужденіи дѣла въ 1862 г. на то, что судъ присяжныхъ «несовѣстимъ» съ самодержавнымъ образомъ правленія, а возраженія касались только «современности»^{*)}. Ни слова о такой несовѣстимости не говорятъ въ своей объяснительной запискѣ къ уставу судоустройства (1860 г.) и такой общепризнанный столпъ консервативнаго лагеря, какъ гр. Д. Н. Блудовъ. Вотъ его подлинныя слова: «Не оспаривая выгодъ суда чрезъ присяжныхъ, особливо въ дѣлахъ уголовныхъ», онъ находилъ, что «пока рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ должно остаться на обязанности судей». И мы не удивимся этому «пока», если вспомнимъ, что оно относится къ 1860 г., т.-е. ко времени до «воли», какъ извѣстно, составляющей эру въ исторіи русской гражданственности^{**)}.

Въ 1862 году было высочайше одобрено предположеніе о введеніи суда присяжныхъ, въ 1864 году оно стало закономъ и, наконецъ, въ 1866 г. судъ присяжныхъ былъ введенъ въ дѣйствіе.

Дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя ожиданія. «Смѣлая мысль допустить «вчерашняго раба» къ участію въ судѣ присяжныхъ увѣнчалась, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, неожиданнымъ, но блистательнымъ успѣхомъ» (*Курсъ уюл. судопр.*, стр. 209).

«То, что два года тому назадъ, — писали *Московскія Вѣдомости* въ 1867 г., — возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, находится въ полномъ дѣйствіи; судъ присяжныхъ, эта лучшая гарантія гражданской свободы, совершается у насъ вочію, и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне — тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія» (№ 69).

Но нужно ли напоминать, что далеко не всѣ были обрадованы введеніемъ суда гласнаго, равнаго для всѣхъ, и суда общественной совѣсти, который, относясь снисходительно къ случайнымъ нарушителямъ уголовного закона, каралъ строго крупныхъ лиходействъ, умѣвшихъ, при старыхъ порядкахъ, ускользать отъ кары, благодаря своей изворотливости, заирательству, а также благодаря своимъ вліятельнымъ связямъ. Съ первыхъ же дней дѣйствія новаго суда посыпались на него изъ лагеря крѣпостниковъ, съ озлобленіемъ порицавшихъ всѣ реформы прошлаго царствованія, самыя ожесточенныя нападки, имѣвшія цѣлью дискредитировать его съ точки зрѣнія политическаго благонадежности. По поводу этихъ неразборчивыхъ средствъ борьбы противъ судебной реформы М. Н. Катковъ не безъ сарказма отвѣчалъ «лицамъ, принимавшимъ личину консерватизма, чтобы какъ-нибудь подкостылить эту великую реформу», что они «сердятся на нее, какъ и на другія преобразованія, всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха» (*Московскія Вѣдомости* 1866 г., № 256, и 1868 г., № 4).

Когда же отъ голословныхъ общихъ нападокъ «консерваторы извѣстнаго

*) См. т. IV *Дѣла о преобраз. суд. части.*

***) См. главу V книги моей: *С. И. Зарудный и судебная реформа.* М., 1888 г.

сорта» переходили къ неменѣе легкомысленнымъ нападкамъ на отдѣльные вердикты присяжныхъ, то они встрѣчали со стороны названнаго публициста не менѣе краснорѣчивую отвѣдь. Такъ, когда въ 1868 г. раздались вопли о «самовластїи» суда присяжныхъ по поводу оправданія ими женоубійцы, заставшаго жену на мѣстѣ прелюбодѣянїя, *Московскія Вѣдомости* съ достоинствомъ защищаютъ вердиктъ суда общественной совѣсти, указываютъ на то, «что интересы общества *достаточно отражаются его представителями на судѣ*» (*Московскія Вѣдомости*, № 173). Черезъ нѣсколько времени снова возобновляются нападки на судъ присяжныхъ по поводу оправданія Бильбасова и московскій публицистъ отвѣчаетъ слѣдующими замѣчательными строками: «Когда же прекратятся, наконецъ, эти *вѣчные пересуды* по поводу того или другаго приговора присяжныхъ?... Если нѣтъ указанїй на то, чтобы на судѣ были какія - нибудь нарушенїя тѣхъ существенныхъ условїй, которыя *наукою права* и положительнымъ закономъ признаны необходимыми для того, чтобы судебный процессъ выработалъ *достижимую для человѣка правду*, то кто можетъ взять на себя рѣшить, что его личное мнѣніе болѣе согласно съ правдой, чѣмъ состоявшійся на судѣ *приговоръ*?... Не Сидоръ, Карпъ и др. судятъ и приговариваютъ на судѣ, а «*великій анонимъ*» (ковычки въ подлинникѣ), взятый по указанію жребїя изъ *всѣхъ сословїй общества*» (*Московскія Вѣдомости* 1868 г., № 227).

II.

Времена измѣнились, и общество, черезъ 25 лѣтъ послѣ изданїя закона о присяжныхъ и послѣ 24-хъ лѣтняго ихъ *реально* существованїя, съ удивленїемъ узнало, что эта «революціонно-демократическая форма суда несовмѣстима съ существующею въ Россїи формой правленїя». Такъ какъ несообразность такого «теоретическаго», умозрительнаго отрицанїя слишкомъ рѣзко расходилась съ фактомъ дѣйствительнаго, благополучнаго существованїя этого суда, то и предпринятъ былъ специальный розыскъ для изобличенїя дѣятелей судебной реформы 1861—1864 гг. въ томъ: 1) что они, вводя судъ присяжныхъ, преслѣдовали цѣли чисто-политическія; 2) что они вообще отнеслись къ этому дѣлу легкомысленно, а не «съ приличною законодателямъ осмотрительностью», и 3) что «всѣ ихъ доводы и выводы были основаны на личныхъ только умозрѣнїяхъ, а не на положительныхъ заключенїяхъ *науки и практики*» и проч.

Такъ формулируетъ свое обвиненїе г. Фуксъ на стр. 119 своей книги *Судъ и полїція*. Не нужно быть знаткомъ исторїи судебной реформы, чтобы сразу смекнуть, что тутъ имѣемъ дѣло или съ поразительнымъ невѣжествомъ, или съ тенденціознымъ искаженїемъ истины. Черезъ нѣсколько строчекъ мы получаемъ *неопровержимое* доказательство справедливости такой апіористической догадки. Къ нему-то и обратимся теперь. Для лучшей иллюстраціи своего обвиненїя г. Фуксъ тутъ же черезъ, нѣсколько

строкъ, дѣлаеть расчетъ, сколько страницъ и строкъ посвятили «теоретически» судебной реформѣ разработкѣ вопроса о введеніи у насъ суда присяжныхъ. По расчету критика оказывается, что «объ основномъ характерѣ этого института, о поводахъ или препятствіяхъ къ его введенію упомянуто *милъ на четырехъ* страничкахъ» (стр. 119 *Суда и полиціи*). Основаніемъ для расчета взяты «комментаріи» къ ст. 201 уст. уг. суд. въ известномъ «популярномъ» изданіи *Судебныхъ Уставовъ*, выпущенномъ въ 1866 г. государственною канцеляріей подъ редакціей С. М. Заруднаго.

Читаешь и просто глазамъ своимъ не вѣришь! Начать съ того, что при этой своеобразной оцѣнкѣ законодательныхъ работъ «на аршинъ» пропущена ровно половина «комментаріевъ», такъ какъ критикъ проглядѣлъ еще *четыре* страницы, посвященныя анализу суда присяжныхъ, но на его бѣду помѣщенныя въ другомъ мѣстѣ подъ статью 7 укр. суд. уст. (гл. III, въ изд. госуд. канц., стр. 19—22). Значитъ, ошибка ровно *одна*. Но не въ этомъ суть дѣла. Это пустяки сравнительно съ тѣмъ поразительнымъ невѣжествомъ, которое обнаруживаетъ авторъ, избравшій такой курьезный способъ оцѣнки труда дѣятелей судебной реформы. Г. Фуксъ, въ качествѣ представителя «науки» (?), третирующій, какъ мальчишекъ, добросовѣстныхъ труженниковъ 61 — 64 годовъ, забылъ такую бездѣлицу, а именно, что нужно *ознакомиться*, прежде всего, въ подлинникъ съ ихъ трудами, каковы бы они ни были, а не рубить съ плеча. А, между тѣмъ, онъ не только не выполнилъ этого *conditio sine qua* повсякой серьезной научной работы *), онъ даже и не *подозрѣваетъ*, что существуютъ какіе-нибудь *другіе источники* исторіи судебной реформы, кромѣ вышеупомянутаго популярнаго изданія. Это превосходное изданіе приноситъ большую пользу при рѣшеніи вопросовъ судебной практики и при студенческихъ упражненіяхъ; но развѣ оно можетъ и развѣ оно имѣло въ виду замѣнить необходимое, для научнаго изслѣдованія, знакомство съ множествомъ фоліантовъ подлинныхъ документовъ? Г. Фуксъ, поставившій себя задачей «провѣрить всѣ фазисы судебной реформы», *не знаетъ*, что, кромѣ «общедоступнаго» изданія *Судебныхъ Уставовъ* «съ комментаріями», существуетъ обширное *Дѣло*, состоящее изъ 74 томовъ, знакомство съ которыми не только полезно, но даже и *необходимо* для всякаго спеціально изучающаго исторію судебной реформы во «всѣхъ ея фазисахъ», какъ рекомендуетъ себя г. Фуксъ. Чтѣ бы вы сказали объ историкѣ, который, не подозрѣвая о существованіи полнаго собранія законовъ и архивныхъ матеріаловъ, сталъ бы третировать *en saпaille*, наприм., реформы Сперанскаго, довольствуясь учебниками исторіи? Или чтѣ бы вы сказали

*) Г. Фуксъ могъ бы взять въ этомъ отношеніи примѣръ съ *Курса уголов. судопр.* г. Фойницкаго, котораго онъ упрекаетъ въ „ненаучности“ и на котораго онъ набрасываетъ тѣмъ политической неблагонадежности (стр. 197 — 198). Г. Фойницкій приводитъ много мѣстъ изъ *подлинныхъ* документовъ судебной реформы, не волеющихъ въ изданіе государственной канцеляріи, а не довольствуется, подобно своему странному критику, ссылкой на означенное „популярное“ изданіе *Судебныхъ Уставовъ*.

объ юристѣ, который, не подвѣривъ о существованіи Digestъ, сталъ бы съ мальчишескою развязностью «судить» римскихъ юристовъ на основаніи «институцій»? А, между тѣмъ, именно такъ и поступаетъ г. Фуксъ.

Дабы показать всю «ненаучность» и грубость тенденціозныхъ и невѣжественныхъ упражненій г. Фукса надъ «комментаріями» *) къ *Судебнымъ Уставамъ*, мы и обратимся теперь къ *первому* источнику исторіи судебной реформы—къ *Дѣлу о преобразованіи судебной части* и посмотримъ, какъ возникъ и разрабатывался вопросъ о судѣ присяжныхъ.

Отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ мы, помимо другихъ томовъ, найдемъ въ томѣ IX. Здѣсь собраны документы, заключающіе въ себѣ, такъ сказать, эмбриологію, исторію зарожденія суда присяжныхъ. Первую завязь этого института находимъ мы въ *Запискѣ* одного изъ юристовъ, прикомандированныхъ, по высочайшему повелѣнію 23 октября 1861 года, къ государственной канцеляріи, Д. А. Ровинскаго, бывшаго тогда московскимъ губернскимъ прокуроромъ, нынѣ сенатора уголовного кассационнаго департамента. Инициатива г. Ровинскаго была поддержана извѣстными дѣятелями судебной реформы, покойными Н. А. Буцковскимъ и С. И. Заруднымъ, изъ коихъ каждый въ отдѣльности представилъ обширную записку, въ какихъ подробно разбирались научныя и законодательныя данныя о судѣ присяжныхъ, доводы pro и contra его и вопросъ о своевременности введенія его въ Россію.

О содержаніи записокъ Заруднаго и Буцковскаго мы говорили въ другихъ мѣстахъ **).

Въ настоящее время считаемъ полезнымъ ознакомить читателей съ замѣчательнымъ трудомъ Д. А. Ровинскаго, совершенно неизвѣстнымъ не только «большой» публикѣ, но и въ кругу юристовъ специалистовъ ***).

III.

Записка Д. А. Ровинскаго особенно интересна въ томъ отношеніи, что онъ, въ качествѣ юриста-практика, превосходно зналъ истинное положеніе правосудія на Руси до 1864 г. и хорошо понималъ, въ какихъ измѣненіяхъ оно наиболѣе нуждается. Въ работахъ его всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе та жизненная, исключительно практическая точка

*) Замѣтимъ для неспеціалистовъ, что эти такъ называемые „комментаріи“ составляють лишь самую незначительную часть подлинныхъ документовъ, откуда они „извлечены“. Это очевидно для мало-мальски внимательнаго читателя, такъ какъ въ „комментаріяхъ“ всегда указывается источникъ, откуда они заимствованы. Кромѣ того, въ предисловіи къ *Суд. Уст.* (стр. II) прямо объясняется, что цѣль этого изданія—дать не „ученый комментарий“, а „общедоступное“ извлеченіе изъ обширнаго матеріала.

***) Выдержки изъ *Записки* С. И. Заруднаго приведены въ вышеупомянутой книгѣ нашей, а съ *Запискою* Н. А. Буцковскаго мы ознакомили въ статьѣ *Н. А. Буцковский и судъ присяжныхъ*, напечатанной въ № 12 *Вѣстника Вероты* 1889 г.

****) Въ „комментаріяхъ“ къ *Судебнымъ Уставамъ* въ извѣстномъ изд. государственной канцеляріи изъ *Записки* г. Ровинскаго не приведено ничего.

рѣшя (въ другихъ запискахъ не мало мѣста отводится и теоретическимъ соображеніямъ), которой онъ держится. Это, такъ сказать, живой пульсъ, *viva vox*, дѣйствительности. Обратимся къ *Запискѣ*.

Въ началѣ *Записки* г. Ровинскій, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, имѣвшихъ въ виду, главнымъ образомъ, реформу гражданскаго процесса, высказываетъ мысль, что общій успѣхъ судебной реформы обуславливается, прежде всего, хорошимъ устройствомъ уголовного суда, такъ какъ, благодаря гласности, общество, *прежде всего*, пойдетъ въ уголовный, а не гражданскій судъ, и, на основаніи видѣннаго тамъ, составитъ оно свое мнѣніе вообще о судебной реформѣ. Затѣмъ г. Ровинскій переходитъ къ соображеніямъ о необходимыхъ улучшеніяхъ въ устройствѣ суда уголовного, причеиъ точкой отправленія беретъ проектъ уст. уг. суд., составленный гр. Блудовымъ. Сначала онъ обращается къ слѣдственной части и высказываетъ о современной ему практикѣ слѣдующее замѣчаніе, особенно важное въ устахъ московскаго губернскаго прокурора, имѣвшаго райономъ наблюденія обширную и наиболѣе культурную полосу Россіи. «Слѣдователи наши,—говоритъ онъ,—постоянно имѣя предъ собою теорію умныхъ и совершенныхъ доказательствъ, занимаются не *«раскрытіемъ истины»* (курсивъ и ковычки подлинника), а *«подборкой совершенныхъ доказательствъ»*. Нѣтъ совершенныхъ доказательствъ, *нѣтъ и обвиненія* (рекомендуемъ эти слова вниманію почитателей дореформеннаго суда, сѣтующихъ на ослабленіе репрессіи при новомъ судѣ), и лучшимъ слѣдователемъ до сихъ поръ считается тотъ, который чаще другихъ *«добивается»* (!) собственнаго признанія подсудимаго, если успѣваетъ *«подобрать»* къ слѣдствію двухъ свидѣтелей подъ присягою».

«Многіе видятъ,—продолжаетъ авторъ,—въ такомъ порядкѣ обвиненія болѣе гарантіи для подсудимаго и правосудія, нежели при другомъ, основанномъ на внутреннемъ убѣжденіи судей. *Практика* далеко не подтверждаетъ такого предположенія. Она доказываетъ, напротивъ того, что при теоріи доказательствъ возможенъ *самый полный произволъ* (avis для враговъ суда присяжныхъ, обвиняющихъ его вердикты въ «лотерейности») со стороны судей, не говоря уже о слѣдователѣ, отъ котораго зависить все направленіе дѣла. Одинъ судья, руководствуясь правиломъ: лучше освободить десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго (311 ст. т. XV), *постоянно освобождаетъ* преступниковъ или оставляетъ въ подозрѣніи. Другой въ каждомъ преступникѣ видитъ челоуѣка, опаснаго для общества, считаетъ своею обязанностью стараться всѣми силами объ удаленіи его изъ общества и каждое дѣло въ его рукахъ кончается или обвиненіемъ, или оставленіемъ въ подозрѣніи, оганчивающемся ссылкой въ административномъ порядкѣ».

«Не говоря о другихъ качествахъ судей и руководящихъ или секретарей (не трудно догадаться, на какія «качества» намекаетъ тутъ авторъ *Записки*), отъ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, зависить рѣшенія дѣла и участи подсудимаго, какое огромное количество дѣлъ можетъ назвать

каждый изъ служащихъ по уголовной части, — замѣчаетъ г. Ровинскій, — по которымъ въ разныхъ инстанціяхъ состоялись подъ вліяніемъ *личнаго настроенія* судей самыя разнообразныя рѣшенія. Наприм., всѣмъ извѣстное дѣло Диманшъ и другое не менѣе извѣстное дѣло объ изнасилованіи, производившееся въ московскихъ судебныхъ установленіяхъ въ недавнее время. Какое смутное понятіе о справедливости судебныхъ рѣшеній нашихъ должно получить общество, когда *по одному и тому же дѣлу* и на основаніи *одной и той же теоріи* уликъ и совершенныхъ доказательствъ, а не на личномъ убѣжденіи судей, въ трехъ разныхъ инстанціяхъ одинъ и тотъ же преступникъ сперва оставленъ въ подозрѣніи, потомъ обвиненъ и, наконецъ, освобожденъ отъ суда и слѣдствія!»

IV.

Затѣмъ г. Ровинскій входитъ *in medias res* своего предмета, т. е. обращается къ вопросу о судѣ присяжныхъ. Гр. Блудовъ, признавая недостатки легальной теоріи доказательствъ, не рѣшался, однако, предложить введеніе суда присяжныхъ, являющееся естественнымъ послѣдствіемъ отмены ихъ. Вотъ какія соображенія приводилъ гр. Блудовъ противъ своевременности введенія этого института:

«Въ настоящее время, — писалъ гр. Блудовъ въ своей объяснительной запискѣ, — едва ли полезно устанавливать судъ чрезъ присяжныхъ. Если представлять себѣ дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія только удаельствомъ, а преступники только несчастными. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не *прямымъ беззаконіемъ*. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго не пужно особаго образованія и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ, выходящихъ изъ его круга. Нетрудно заключить о винѣ и невинности подсудимаго, когда для него есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ *тонкому анализу и логическимъ выводамъ*; для сего уже одного здраваго смысла далеко не достаточно. *Не оспаривая выводу* суда чрезъ присяжныхъ, особливо въ дѣлахъ уголовныхъ, мы, однакожъ, убѣждены, что у насъ рѣшеніе дѣлъ»

преступленіяхъ и проступкахъ должно *пока* остаться на обязанности самихъ *судей*» (изъ общей объясн. зап. изъ уст. уг. суд. гр. Блудова, стр. 132).

Детальному разбору этихъ доводовъ противъ *своевременности* (гр. Блузовъ спорилъ противъ суда присяжныхъ лишь съ точки зрѣнія своевременности, но не принципиальной) введенія у насъ суда присяжныхъ посвящаетъ авторъ первую часть своей дѣльной и богатой аргументами *Записки*.

«Предположеніе, что народъ нашъ смотритъ на преступленіе снисходительно и признаетъ преступника «только несчастнымъ», — замѣчаетъ г. Ровинскій,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ, но, и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что *не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи, которая можетъ замѣть дѣло, ни къ правосудію судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.*

«Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетью и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрія подаванія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просяживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

«За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостатокъ юридическаго развитія».

«Гораздо важнѣе и *справедливѣе*,—говоритъ авторъ,—обвиненіе народа въ томъ, что понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того *не развиты* и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. И дѣйствительно, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и мелкой экономіи казенныхъ дровъ и провіанта и кончая колоссальными подрядами на строительныя работы и всякія поставки, *кража составляетъ въ общественной жизни нашей самое обыкновенное явленіе*. Многие виды освящены *обычаями*, другія даже *узаконились отъ давности*.

«Но такой странный порядокъ вовсе не зависитъ отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похваляться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ *тонкому анализу и логическимъ выводамъ*. Да если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ *иностранцевъ*, то почему эти господа, перебравшись на *нашу*

почему, такъ скоро осваиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой глян коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ, человекъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человека тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось и гдѣ попытка надвора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самими затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло.

«Опасаются допустить въ настоящую минуту неразвитый и необразованный народъ къ участію въ судѣ и считаютъ, что это участіе поведетъ не только къ неудобствамъ, но и къ беззаконію. Разумныя правила для составленія списка присяжнымъ засѣдателямъ значительно ослабятъ эти опасенія и можно надѣяться, что на дѣлѣ новый судъ, который будетъ обвинять на основаніи одного убѣжденія въ виновности преступника, ни въ какомъ случаѣ не будетъ беззаконіемъ *) и неудобіе того суда, который на основаніи одной и той же теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ оставляетъ въ подозрѣніи, обвиняетъ и, наконецъ, вовсе освобождаетъ одного и того же преступника; а въ томъ, что такой судъ одинъ и можетъ удовлетворить теперешнимъ требованіямъ нашего общества и что только такой судъ можетъ ожидать полного сочувствія и уваженія со стороны его, то въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія».

V.

Во второй части своей *Записки* г. Ровинскій подробно останавливается на вопросѣ, вполнѣ ли чужда нашему старому законодательству идея общественного суда, или, наоборотъ, оно признаетъ его, хотя и въ несовершенной формѣ, и онъ рѣшаетъ это въ смыслѣ утвердительномъ.

«По лѣстницѣ наказаній улож. 1845 г.,—говоритъ онъ,—преступникъ, проходя медленнымъ шагомъ черезъ посредство 188 ступенекъ, съ математическою точностью получаетъ отъ 3 розогъ до 100 плетей и слѣдуетъ послѣ наказанія въ каторжныя работы, въ солдаты, въ арестантскія роты

*) Этого не осмѣливаются утверждать и нынѣ даже самые завзятые зомби новаго суда.

т. п. съ лишеніемъ правъ разныхъ степеней и съ удаленіемъ изъ общества и переселеніемъ въ Сибирь. На основаніи общихъ законовъ наказаніе назначается преступнику только по опредѣленію суда».

«Но такъ какъ, — продолжаетъ г. Ровинскій, — уголовный судъ, руководясь въ этомъ назначеніи теорією уликъ и совершенныхъ доказательствъ придерживаясь весьма удобнаго, для скорого обсужденія уголовного дѣла для освобожденія судьи отъ всякой отвѣтственности, правила императрицы Екатерины II, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить одного невиннаго, постоянно освобождалъ не только десяти, но *цѣлыми сотнями* (avis для нынѣшнихъ критиковъ суда присяжныхъ) и оставлялъ, за недостаткомъ совершенныхъ доказательствъ, нѣкихъ воровъ и грабителей въ подозрѣніи, то правительство, считая пошлымъ избавить общество отъ проживанія посреди его воровъ и преступниковъ, устроило *рядомъ съ судомъ короннымъ судъ общественный*, — другими словами, предоставило обществу *судить въ другой разъ* преступника, попавшаго по суду на поселеніе. Такъ, общество могло ссылать въ Сибирь или отдавать въ солдаты, въ случаѣ оставленія въ подозрѣніи, лицъ, дѣвшихъ за важныя преступленія и опороченныхъ въ поведеніи на полномъ обыскѣ, въ случаѣ рецидива маловажныхъ преступленій, въ случаѣ продолжительнаго пьянства и неплатежа податей и пр. (ст. 567 т. IX, к. 1857 г.)».

«Не есть ли этотъ судъ, — замѣчаетъ г. Ровинскій, — послѣ суда и безъ да тотъ же *судъ присяжныхъ*, но въ самой безобразной формѣ еіо? Правительство въ лицѣ уголовного суда освобождаетъ преступника отъ наказанія, а общество обвиняетъ и ссылаетъ его въ Сибирь?»

«Кромѣ того, правительство постоянно прибѣгаетъ къ общественному суду, основанному на одномъ убѣжденіи, когда коронный судъ, обвиняющій на основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ, окажется несостоятельнымъ и несогласнымъ съ его цѣлями. Таковъ случай вновредительства, для вѣщенія коего достаточно присяжнаго показанія человека (IV т., ст. 775 *Св. Зак.*). Это какъ бы *судъ присяжныхъ*, на основаніи котораго судъ обязанъ безпрекословно назначить членовредителю наказаніе (отдача въ солдаты или арестантскія роты на 12 лѣтъ ссылки въ Сибирь)».

Подобіе суда присяжныхъ г. Ровинскій видитъ еще въ *сельскихъ сѣнахъ и разныхъ цѣловыхъ и сословныхъ инстанціяхъ*, рѣшающихъ на втайнѣ на основаніи одного убѣжденія, которое, впрочемъ, склоняется, — говоритъ онъ, — по большей части къ явной выгодѣ болѣе сильной изъ интересованныхъ сторонъ. Подобіе суда присяжныхъ въ болѣе опредѣленныхъ формахъ видитъ онъ и въ *волостномъ судѣ*, востоящемъ, — замѣчаетъ онъ, — *изъ людей, не имѣющихъ не только юридическаго, но и самаго первоначальнаго образованія* (курсивъ въ подлинникѣ).

Отъ безчисленныхъ видовъ общественнаго суда, представляющихъ безобразное подобіе суда присяжныхъ безъ всякаго руководства со стороны

опытнаго въ дѣлѣ и законахъ судьи и, въ большинствѣ случаевъ, безъ гарантій для подсудимаго, г. Ровинскій переходитъ къ короннымъ судамъ. Онъ отмѣчаетъ, что въ составѣ ихъ *общественное начало* не только преобладаетъ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже *вовсе обходится* безъ чиновниковъ со стороны правительства.

Уездный судъ: всѣ пять членовъ его—судья, два засѣдателя отъ дворянъ, два отъ поселянъ—назначаются самимъ обществомъ.

Магистратъ состоитъ изъ однихъ выборныхъ отъ купеческаго званія: двухъ бургомистровъ и двухъ ратмановъ.

Въ уездномъ судѣ большинство членовъ, а въ магистратѣ весь составъ не имѣютъ ни *малѣйшаго* понятія о теоріи умныхъ и совершенныхъ доказательствъ. Присутствіе служитъ только *ширмами* для секретаря, во власти котораго находятся судъ и расправа надъ преступниками.

Далѣе, въ *уголовной палатѣ*, составляющей окончательную инстанцію почти для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, председатель, по выбору дворянскаго сословія, иногда подготовленный къ своему мѣсту, а чаще и безъ всякой подготовки, засѣдателя же, по два отъ дворянства и купечества—вовсе неподготовленные къ своимъ должностямъ и всѣ на шестилѣтній срокъ. Товарищъ председателя—отъ правительства. Опять большинство, неспособное къ *тонкому анализу и логическимъ выводамъ*, и опять рѣшеніе дѣла *въ рукахъ* председателя или его товарища, если они *соблаговолятъ* заняться дѣломъ, или чаще всего въ рукахъ тѣхъ же секретарей.

«Бываетъ иногда,—пишетъ г. Ровинскій,—что и засѣдатели по чувству челоѣколюбія поднимаютъ голосъ въ дѣлахъ важныхъ объ уменьшеніи числа плетей и срока каторги,—это случается съ ними въ началѣ ихъ службы, а потомъ привычка беретъ свое и они, не оглядываясь, прописываютъ плети и каторгу *подъ руководствомъ* опытнаго секретаря».

А, между тѣмъ, всѣ эти лица, составляющія нынѣ *ширму* для провольныхъ дѣйствій секретаря, при другомъ порядкѣ могли бы принести существенную пользу. Таковы чисто-практическія соображенія анатона старейшей судебной практики г. Ровинскаго, приводящія его къ мысли о судѣ присяжныхъ.

«Если бы для разсмотрѣнія уголовного дѣла,—разсуждаетъ онъ,—начался одинъ коронный чиновникъ, хорошо знакомый съ системою наказаній и теоріею доказательствъ и примѣненіемъ ихъ къ дѣлу; если бы общество назначало для того же въ судъ своихъ засѣдателей на болѣе короткіе сроки, такъ, чтобы привычка назначать челоѣку плети и каторгу не успѣвала въ нихъ брать верхъ надъ долгомъ и совѣстью; если бы эти засѣдатели, не вдаваясь въ теорію совершенныхъ доказательствъ, обязали были сказать отъ лица всего общества, виновенъ ли подсудимый по праву ему ихъ убѣжденію, или нѣтъ, и если коронному судѣ оставалось бы примѣнить наказаніе по закону и если бы все это дѣлалось гласно, то трудно вообразить, *чтобы такой судъ угрожалъ болѣе чѣмъ неудобствомъ и болѣе чѣмъ беззаконіемъ, нежели теперешній*».

Этимъ заканчиваетъ авторъ свою полемику съ *Запискою* гр. Блудова затѣмъ набрасываетъ, въ общихъ чертахъ, проектъ организаціи суда присяжныхъ, который мы здѣсь приводить не будемъ.

Въ скорости такого суда можно, по его мнѣнію, поручиться заранѣе; но же касается правильности его рѣшеній, то нѣтъ никакого повода думать, что эти рѣшенія будутъ хуже и незаконныя рѣшенія теперешнихъ уголовныхъ инстанцій; присяжные всегда подчинятся вліянію дѣльного и добросовѣстнаго предсѣдателя, и только недостаткомъ этихъ качествъ можетъ вызвать со стороны ихъ полезное противодѣйствіе. Замѣчаніе глубоко-вѣрное, вполне оправданное нашею новою судебною практикой.

«Правительство не рѣшится, можетъ быть,—говорить г. Ровинскій,—отдать на судъ присяжныхъ засѣдатель дѣла о такъ называемыхъ государственныхъ преступленіяхъ, о преступленіяхъ противъ цензуры и т. п. Что же?—въ первое время они могутъ оставаться въ завѣдываніи нынѣшнихъ специальныхъ судовъ. Но если бы и эти преступленія были отданы на судъ общества, то нѣтъ сомнѣнія, что оно и тогда выставило бы въ лицѣ своихъ присяжныхъ засѣдатель людей порядка, которые бы гласно осудили всякое безсвязное волненіе и назвали бы настоящимъ именемъ то, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія.

«Конечно, такой судъ, представляя законную поддержку законной власти, разоблачилъ бы и всѣ злоупотребленія, и всѣ причины безсвязныхъ волненій, но тѣмъ легче было бы правительству предупредить ихъ, заняться съ нуждами общества, идти во главѣ его и предлагать постоянно необходимыя преобразованія».

Этими прекрасными словами заканчивается замѣчательная *Записка* Д. А. Ровинскаго.

Мы считаемъ излишнимъ комментировать этотъ любопытный документъ. Въ слишкомъ громко говорить самъ за себя и слишкомъ хорошо опровергаетъ нынѣшнихъ невѣжественныхъ критиковъ судебной реформы, чтобы можно было еще останавливаться долѣе на этомъ предметѣ. Документъ этотъ до обязательности показываетъ, сколько правды въ словахъ тѣхъ «безпристрастныхъ» историковъ, которые морочатъ своихъ довѣрчивыхъ читателей, увѣряя ихъ, что только четыре странички съ тѣмъ-то посвятили «дегномысленные» авторы суда присяжныхъ на обсужденіе его основнаго смысла и условій существованія. Мы и не прибавимъ ничего къ этому документу (далеко не единственному), наглядно свидѣтельствующему о томъ, какими чисто-дѣловыми соображеніями вызванъ былъ на свѣтъ нашъ судъ присяжныхъ, развѣ только одно: чтобы критики новаго суда, дѣйствительно желающіе быть «безпристрастными», знакомились съ подлинными документами судебной реформы...

Такое знакомство, мы въ этомъ убѣждены, откроетъ глаза самымъ предубѣжденнымъ противникамъ ея и разсѣетъ самыя закоренѣлыя предразсудки противъ нея, но, конечно, при одномъ условіи, при условіи добросовѣстнаго изученія дѣла *sine ira et studio*.

Гр. Дманшіевъ.

1890 годъ въ политическомъ отношеніи.

Миръ былъ сохраненъ въ истекшемъ году, — въ этомъ заключается величайшая заслуга современныхъ правителей. Тѣмъ не менѣе, колоссальныя вооруженія не прекращаются и все болѣе и болѣе распатываютъ производительныя силы Европы. Императоръ Вильгельмъ II—самый подвижный изъ нынѣшнихъ государей,—одною рукою стремится поднять и упрочить благосостояніе рабочаго класса, а другою пытается сохранить за Германіей первенствующее военное положеніе. Впрочемъ, до настоящаго времени большія преобразованія въ экономическомъ и финансовомъ законодательствѣ только намѣчены и до ихъ осуществленія очень далеко. Если придетъ проектъ Мисселя, вводящій серьезныя улучшенія въ подоходномъ налогѣ, то это преобразование можетъ благотвительно отозваться на отношеніи къ милитаризму правящихъ и достаточныхъ классовъ. Тяжесть нынѣшней военной системы падаетъ далеко неравномѣрно на разные слои населенія. Большую часть косвенныхъ и прямыхъ налоговъ приходится платить народной массѣ. Подоходный налогъ, если онъ явится однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ обложенія, поможетъ богатымъ классамъ яснѣе оцѣнить все разорительное вліяніе милитаризма и заставитъ ихъ призадуматься серьезнѣе надъ тѣмъ состояніемъ вооруженнаго мира, который тяжело дѣлится въ Европѣ въ ожиданіи страшной войны.

Миръ сохраненъ благодаря опасеніямъ каждаго государства за возможный исходъ грознаго международнаго столкновенія. Генеральные штабы, финансисты, печать вычисляють и въ Германіи, и во Франціи, и въ другихъ странахъ Европы, сколько шансовъ имѣетъ ихъ отечество на побѣду, насколько надежны и сильны возможные союзники въ предстоящей борьбѣ. Не только полной достовѣрности, но даже простаго правдоподобія недостаетъ во всѣхъ подобнаго рода выкладкахъ и предположеніяхъ. Каждое государство и всѣ группы государствъ, на которыя распределяется современная Европа, зорко слѣдятъ за сосѣдями и изъ всѣхъ силъ стараются не отставать отъ нихъ въ вооруженіи. Но общеевропейская война, которую многіе предрекають въ близкомъ будущемъ, какъ и всякая война, вызоветъ множество случайностей, которыя могутъ совершенно разрушить всѣ уч-

вѣя предположенія руководителей современнаго милитаризма, тогда какъ предсказанія друзей мира не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: война унесетъ множество человеческихъ жизней, она внесетъ разореніе въ Европу, глубокое одичаніе и ожесточеніе въ нравы какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ. Естественно поэтому, что всякій успѣхъ просвѣщенія и политическаго самосознанія ведетъ къ тому, что въ Европѣ умножается число враговъ милитаризма. Каждое улучшение учреждений, каждая хорошо поставленная школа являются новыми элементами мира и благосостоянія. Въ этомъ отношеніи нельзя не повторить указанія на тѣ перекрещивающіяся теченія мысли, которыя замѣчаются въ дѣятельности правителя, надѣленнаго такою значительною властью, какъ германскій императоръ. Школа нужна Вильгельму II, главнымъ образомъ, для того, чтобы воспитывать въ германскомъ народѣ военно-патріотическій духъ и вести этотъ народъ отъ Седана до Вермунда и куда - то далѣе. Но въ результатъ измѣненій въ дѣйствующей системѣ классическаго образованія, которыя задумалъ осуществить Вильгельмъ II, можетъ явиться нечто весьма нежелательное для тѣхъ, кто хочетъ сохранить современный милитаризмъ. Та школа, которая даетъ достаточно мѣста серьезному изученію родной исторіи и литературы, которая укажетъ неразрывную и плодотворную связь національнаго развитія съ общечеловѣческимъ, этимъ самымъ воспитаетъ самостоятельныхъ гражданъ и сознательныхъ сторонниковъ мира.

Если въ международномъ отношеніи Германія, попрежнему, занимаетъ первенствующее положеніе, то во внутреннемъ ея положеніи нельзя не замѣтить начала нѣкоторыхъ новыхъ теченій. Собственно говоря, теченія эти никогда не всыпали, но ихъ заглушали волны господствовавшего направленія. *Русская Мысль* познакомила въ прошломъ году своихъ читателей съ книгой Леви-Брюля, въ которой представлена была попытка провѣдѣть развитіе въ Германіи національнаго сознанія со временъ Лейбница. Развитіе это привело не къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ мечтали лучшие люди Германіи. Не Германія образовалась въ крѣпкое союзное государство, а Пруссія объединила Германію, исключивши изъ нея Австрію. Побѣдоносная война съ Наполеономъ III закончилась отторженіемъ отъ Франціи двухъ провинцій. По мнѣнію фельдмаршала Мольтке, Германія должна стоять подъ ружьемъ полвѣка, чтобы укрѣпить за собою обладаніе Эльзасомъ и Лотарингіей. Какую же пользу Европѣ и самому германскому народу приносятъ это обладаніе? Очевидно, что въ данномъ случаѣ получила удовлетвореніе только манія государственнаго величія. Истинные интересы просвѣщенія и благосостоянія нѣмецкаго народа только выиграли бы отъ того, если бы во франкфуртскій мирный договоръ не была внесена насильственная уступка Франціей новой Германской имперіи Страсбурга и Меца съ ихъ округами. Едва ли надо доказывать, что стремленіе германскаго народа къ политическому объединенію было законно и справедливо. Каждая нація естественно стремится къ тому, чтобы соста-

вить самостоятельное цѣлое. Національный принципъ имѣетъ полное право на существованіе, но именно изъ этого принципа вытекаетъ необходимость признанія такого права за каждымъ народомъ. Изъ того, что одинъ народъ желаетъ достигнуть государственной независимости именно потому, что онъ говоритъ однимъ языкомъ и представляетъ одну этнографическую единицу, вытекаетъ признаніе такого же права за всякимъ другимъ племенемъ. Если данная территория населена различными народностями, если при этомъ этнографическія границы ихъ значительно перепутаны, то единственно правильнымъ исходомъ для такого разноплеменнаго государства является федеративное устройство. Примѣромъ можетъ послужить Австро-Венгерія; долгое время она считалась чисто-нѣмецкимъ или, по крайней мѣрѣ, вполне нѣмецкимъ государствомъ. Венгерское возстаніе 1848 года показало, что есть въ Австріи народъ, стремящійся къ національной самостоятельности. Возстаніе было подавлено благодаря содѣйствію Россіи. Усиленіе національнаго движенія въ Италіи повело къ тому, что габсбургская монархія потеряла свои итальянскія провинціи. Наконецъ, національное объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи вызвало устраненіе Австріи изъ стараго Германскаго союза. Жестокія пораженія, которыя пришлось ей потерпѣть отъ Наполеона III и потомъ отъ Пруссіи, вызвали необходимость глубокихъ внутреннихъ преобразованій. Австрія превратилась въ Австро-Венгерію и мадьярскій народъ получилъ господствующее мѣсто въ транслейтанской половинѣ имперіи. Но на этомъ процессъ историческаго развитія не могъ уже остановиться. За пробужденіемъ мадьярскія послѣдовало пробужденіе славянъ. Австро-венгерскому правительству было выгодно привязать къ себѣ польское населеніе дарованіемъ широкой автономіи Галиціи. Въ немалое затрудненіе, наоборотъ, было поставлено чешское правительство усиленіемъ и могущественнымъ ростомъ національнаго самосознанія у чеховъ, потому что это движеніе грозитъ неминуемою опасностью той системѣ управленія, при которой господствующая роль принадлежала нѣмецкому населенію. Національное самосознаніе быстро росло у хорватовъ, у словенцевъ. Если бы въ Австріи существовала всеобщая подача голосовъ, то парламентское большинство перешло бы на сторону славянскихъ депутатовъ, но при настоящихъ условіяхъ политической борьбы до такого результата весьма далеко. Побѣдѣ, въ частности, чешскія національныя стремленія могутъ въ значительной степени повредить разрывъ между старо-чешскою и младо-чешскою партіей. Мы много разъ говорили объ этихъ партіяхъ и объ ихъ относительномъ значеніи. Въ послѣднее время все яснѣе и яснѣе обнаруживается, что Ригеръ и другіе вожди старо-чеховъ теряютъ симпатіи чешскаго народа. Еще недавно многочисленная группа младо-чеховъ быстро превращается въ главенствующую партію и чешско-нѣмецкое соглашеніе, въ которомъ было сдѣлано так много уступокъ нѣмцамъ Богеміи, можно считать окончательно неудачнымъ. Цислейтанское правительство не желаетъ, однако, уступать требованія млада-чеховъ, не желаетъ примириться съ національною равн

правностью чеховъ и богемскіе нѣмцы. Благополучнаго исхода изъ этой борьбы не предвидится. До чего національныя страсти ослѣпляютъ общественное сознание, показываетъ образъ дѣйствія нѣмецкой либеральной партіи. Съ точки зрѣнія либерализма, расширеніе круга избирателей въ парламентъ до всеобщей подачи голосовъ должно быть основнымъ требованіемъ. Съ этимъ требованіемъ и выступали бы нѣмецкіе либералы, если бы къ дѣлу не примѣшивался вопросъ о господствѣ нѣмцевъ надъ славянами,—иными словами, борьба доведенныхъ до крайности и невѣрно понимаемыхъ національныхъ интересовъ. Недавно въ моравскій ландтагъ было внесено предложеніе о введеніи въ избирательную систему пропорціональнаго представительства,—иными словами, объ установленіи представительства меньшинства. Нѣмецкія либеральныя газеты напали на этотъ проектъ и объявили, что онъ проникнутъ реакціоннымъ духомъ. Чешская *Politik* справедливо возражаетъ по этому поводу, что идея представительства меньшинства принадлежитъ англійскому радикальному публицисту Томасу Геру, а однимъ изъ главныхъ защитниковъ этой идеи является знаменитый Джонъ-Стюартъ Милль, котораго мудрено, конечно, упрекнуть въ недостаткѣ либерализма. Въ Англии и въ настоящее время ведется довольно дѣятельная пропаганда въ пользу организаціи представительства меньшинства. Такое представительство существуетъ въ нѣкоторыхъ австралійскихъ колоніяхъ. Существуетъ оно и въ Италіи. Въ этой послѣдней странѣ, въ каждой провинціи, которая посылаетъ въ парламентъ четырехъ или пятерыхъ депутатовъ, каждый избиратель имѣетъ право написать на общемъ листѣ трехъ или четырехъ кандидатовъ. Четвертый или пятый кандидатъ по закону является представителемъ меньшинства, если только за него подано однимъ голосомъ болѣе четвертой или пятой части общаго числа избирателей. Принципы представительства меньшинства защищались такими мыслителями, какъ Тэнъ, Лабуле и др. Та избирательная система въ Италіи, о которой мы упомянули выше, была введена при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Франческо Криспи, либерализмъ котораго столь превозносятъ австро-нѣмецкіе либералы.

Истекшій годъ былъ, такимъ образомъ, неблагопріятенъ для внутренней жизни Австро-Венгріи. Слѣдуетъ упомянуть, что положеніе вещей въ этомъ государствѣ усложняется столкновеніемъ транслейтанскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ Венгріи. Мы упоминали уже въ одномъ изъ иностранныхъ обзорѣній прошлаго года о спорѣ, который возникъ по поводу записи крещенія дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Несмотря на личныя влѣшательства императора, распря эта далеко не улажена и можетъ возгорѣться въ скоромъ времени.

Нѣкоторыя русскія газеты, замѣчая, что для Венгріи открывается такимъ образомъ «новая эра затрудненій», выражаютъ по этому поводу удовольствіе и надежду, что венгерцы вынуждены будутъ теперь относиться съ меньшимъ задоромъ къ вопросамъ международной политики. Намъ всегда казалось страннымъ предположеніе о возможности строить благополучіе родины

на несчастіи сосѣда. Простая справедливость и разумный расчетъ подсазываютъ, наоборотъ, что развитіе просвѣщенія и благосостоянія у сосѣда дѣлаетъ его болѣе миролюбивымъ и доброжелательнымъ. Можно, кромя того, указать на много случаевъ, когда внутреннія затрудненія побуждали эгоистическое правительство вѣтшиться въ чужія дѣла и начинать войну, чтобъ отвлечь общественное мнѣніе и удержать ускользавшую изъ рукъ власть.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать укрѣпленія существующаго порядка вещей во Франціи: еще недавно столь опасное буланжистское движеніе лишилось теперь почти всякаго значенія. Между роялистами происходятъ сильныя раздоры, часть католическаго духовенства открыто признаетъ республику. Бывшіе недавно выборы для обновленія одной трети сената кончились блестящею побѣдой республиканцевъ, которые справедливо могутъ гордиться своими успѣхами. Успѣхи эти достигнуты замѣчательною энергіей и преданностью дѣлу, тактомъ и выдержкою людей, какъ Фрейсина и другіе республиканскіе вожди. Враги республики не складываютъ оружія, и нельзя, конечно, утверждать, что для нынѣшняго государственнаго строя во Франціи миновала всякая опасность. Несомнѣнно, однако, что горькіе уроки прошлаго принесли французскому народу значительную пользу, ослабили въ немъ шовинизмъ и слѣпую готовность идти за кандидатами въ цезари, въ спасители отечества. Широкое развитіе народнаго образованія и свободная печать уже сдѣлали свое дѣло и продолжаютъ перевоспитывать народныя массы въ политическомъ отношеніи, укрѣпляя въ нихъ сознаніе своихъ правъ и обязанностей.

Бонапартисты, орлеанисты и клерикалы продолжаютъ утверждать, что республика ихъ преслѣдуетъ, стѣсняетъ свободу ихъ мнѣній и религіозныхъ убѣжденій. Эти утвержденія производятъ комическое впечатлѣніе на всякаго иностранца, который прочтаетъ любую изъ враждебныхъ республикѣ газетъ. Вотъ что пишетъ, наприимѣръ, Кассаньякъ въ *Autorité*: «Я велъ противъ нынѣшней республики, истиннаго порожденія вертопраховъ и разбойниковъ, жестокою и неумолимою борьбу. Всѣми моими силами, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, я стремился поддержать и защитить все то, что остается еще отъ старой Франціи,—свободу нашихъ вѣрованій, уваженіе къ семьѣ, безопасность нашихъ интересовъ и гордость отечества передъ лицомъ иностранцевъ» *). Нельзя удержаться отъ улыбки, когда бонапартисты выступаютъ на защиту свободы убѣжденій и національнаго достоинства. Ихъ жалобы на стѣсненія со стороны республиканскаго правительства приобрѣтаютъ особенно забавный характеръ, когда это правительство не обращаетъ никакого вниманія на мнимо-грознаго врага и предоставляетъ ему невозбранно самымъ рѣзкимъ и непристойнымъ образомъ нападать на республиканское большинство.

Кассаньякъ настаиваетъ на союзѣ бонапартистовъ со всѣми осталь-

*) *L'Autorité*, 2 Janvier 1891.

ными врагами республики. Онъ говорить, что половина редакторовъ его газеты принадлежитъ къ империалистамъ, другая—къ роялистамъ, и такъ дѣло должно идти, куда, какимъ бы то ни было путемъ, не будетъ разрушена республика. Но разрушить установившійся во Франціи государственный порядокъ становится съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе.

Претенденты на престолъ все болѣе и болѣе теряютъ свои шансы. Недавно герцогъ Орлеанскій заявилъ, что отказывается отъ поѣздки въ Россію, чтобы приемъ, который онъ у насъ встрѣтитъ, не повредилъ дружественнымъ отношеніямъ между нашимъ отечествомъ и Франціей. Республиканскія газеты осмѣяли это проявленіе маніи величія. Въ самомъ дѣлѣ, при чемъ герцогъ Орлеанскій въ отношеніяхъ между русскимъ и французскимъ народомъ?

При оцѣнкѣ событій во внутренней жизни Франціи за истекшій годъ, нельзя не упомянуть о мелкомъ, но характерномъ, по нашему времени, фактѣ: парижскій муниципальный совѣтъ постановилъ прекратить выдачу денегъ на содержаніе школьныхъ батальоновъ. Отмѣна этой игры въ солдатки показываетъ, что во Франціи сильно падаетъ шовинизмъ, и если ей приходится тратить громадныя суммы на вооруженія, то лишь потому, что противъ нея направлены отнятыя у нея же грозныя твердыни Страсбурга и Меца.

Важнымъ показателемъ роста благосостоянія среди французскаго народа служатъ цифры отпускной и ввозной торговли. Съ перваго января по 1 декабря 1889 года ввозъ во Францію иностранныхъ товаровъ равнялся 3.895.357,000 франк.; за то же время въ прошломъ году—4.034.688,000 фр. Вывозъ въ соответствующіе сроки поднялся съ 3.338.853,000 до 3.348.000,000 фр. При этомъ слѣдуетъ прибавить, что очень увеличился вывозъ фабрикатовъ и ввозъ сырья: въ 1889 году (въ одиннадцать мѣсяцевъ) было привезено во Францію предметовъ, необходимыхъ для производства, на 1.966.939,000 франковъ, въ 1890 году—на 2.031.142,000; вывезено фабрикатовъ: въ прошломъ году на 1.731.361,000 фр., а въ 1889 на 1.690.492,000 *).

Доказательствомъ блестящаго экономическаго и финансоваго положенія Франціи служить и необыкновенный успѣхъ новаго займа, предпринятаго французскимъ правительствомъ для сокращенія платежей по старымъ займамъ. Новый заемъ былъ покрытъ въ шестнадцать съ половиною разъ. 1891 годъ начинается, такимъ образомъ, для Французской республики при весьма благоприятныхъ условіяхъ. Если правительство и поддерживающее его большинство въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ не останутся на пути законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью экономическое обезпеченіе рабочихъ классовъ, если заботы о распространеніи народнаго образованія будутъ занимать прежнее мѣсто въ дѣятельности государства, то существующая форма правленія во Франціи приобрететъ въ скоромъ времени

*) *La Justice*, 17 Decembre 1890.

несокрушимую крѣпость и для этой страны минеть опасность всякихъ реставрацій и государственныхъ переворотовъ.

Для Германіи въ общемъ истекшій годъ былъ менѣе благопріятенъ, чѣмъ для Франціи. Отставка князя Бисмарка привѣтствовалась либеральными и социалистическими газетами, какъ начало новой эры, какъ важная побѣда развивающагося на германской почвѣ парламентаризма. И дѣйствительно, бывшій имперскій канцлеръ, благодаря его заслугамъ въ дѣлѣ государственнаго объединенія германскаго народа, пользовался чрезмѣрною властью, которая стѣсняла и искажала правильное развитіе общественныхъ силъ Германіи. Съ удаленіемъ князя Бисмарка, вслѣдствіе столкновения его воли съ волею императора Вильгельма, въ дѣятельности германскаго и прусскаго правительства стали замѣчаться уступки и колебанія, хотя преобладаетъ еще прежній авторитарный духъ, уже не соответствующій высокому умственному уровню нѣмецкаго народа. Характерно для переживаемаго Пруссіей времени столкновение между министромъ внутреннихъ дѣлъ (консерваторомъ) и консервативною партіей прусской палаты депутатовъ. Правительственный проектъ преобразованія мѣстнаго самоуправленія, имѣющій цѣлью его серьезныя улучшенія, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны этой партіи. Консерваторы вооружаются противъ демократизаціи общинныхъ учреждений, началомъ которой являются нѣкоторыя постановленія законопроекта, внесеннаго Геррфуртомъ. По мнѣнію *National Zeitung*, по открытіи послѣ праздниковъ засѣданій прусскаго ландтага, консервативному большинству придется уступить, иначе ландтагъ будетъ распущенъ, а новые выборы могутъ оказаться неблагопріятными для разныхъ группъ консервативной партіи.

Большой важности событіе произошло въ прошломъ году въ политической жизни Великобританіи: ирландская національная партія распалась, большинство ирландскихъ депутатовъ избрало вождемъ Макъ-Карти, талантливаго, ученаго и весьма почтеннаго человѣка; меньшинство осталось вѣрнымъ знаменитому Парнеллю, государственный умъ и несокрушимая энергія котораго дали такой могущественный толчокъ національному развитію Ирландіи. Иностранцу нелегко разобратъ въ тѣхъ сложныхъ комбинаціяхъ и въ тѣхъ бытовыхъ особенностяхъ англійской жизни, которыя побудили Гладстона на разрывъ съ Парнеллемъ. Послѣдній не совершилъ никакой политической ошибки, которая могла бы пошатнуть довѣріе къ нему, какъ вождю ирландскихъ автономистовъ. Быть можетъ, переговоры О'Брайна съ Парнеллемъ поведутъ къ сближенію противниковъ и къ возобновленію единства въ рядахъ ирландцевъ, для которыхъ конечною цѣлью ихъ стремленій являются самоуправленіе Зеленаго острова и обезпеченіе безземельной теперь массы земледѣльческаго населенія. Если примиреніе между Парнеллемъ и отпавшею отъ него фракціей не состоится, то достиженіе этихъ цѣлей будетъ отодвинуто на долгое время, къ выгодѣ консервативнаго кабинета лорда Салисбюри. А, между тѣмъ, отъ благопріятнаго разрѣшенія ирландскаго вопроса въ значительной степени зависитъ то направленіе,

которое приметъ международная политика Великобританіи. Если возвратятся къ власти либералы, то можно, напримѣръ, ожидать серьезныхъ улучшеній въ положеніи армянскаго населенія Турецкой имперіи. Для англійскихъ консерваторовъ важно сохраненіе турецкаго господства надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова и Малой Азіи, потому что это положеніе вещей обезпечиваетъ экономическое и политическое преобладаніе Великобританіи, ея національные интересы, въ томъ узкомъ и несимпатичномъ смыслѣ послѣдняго слова, въ какомъ оно часто употребляется теперь не въ одной только Англійи. Для либеральнаго кабинета было бы нравственною обязанностью поддержать благородныя преданія англійской политики и заступиться за слабыхъ и угнетенныхъ. Мы много разъ обращали вниманіе читателей на бѣдственное положеніе турецкихъ армянъ, на то пренебреженіе международнымъ договоромъ, которое обнаруживаетъ турецкое правительство, не давая Арменіи самоуправленія, торжественно обѣщаннаго берлинскимъ трактатомъ. Произволь и насилія турецкой администраціи не знаютъ предѣловъ, и печально видѣть, что Европа, въ концѣ XIX столѣтія, допускаетъ такія явленія. Въ этомъ безсиліи гуманной мысли, въ этомъ равнодушіи правительствъ къ требованіямъ справедливости нельзя не видѣть одного изъ горькихъ послѣдствій милитаризма, превратившаго западно-европейскія государства во враговъ, которые съ недовѣріемъ и страхомъ слѣдятъ за каждымъ движеніемъ сосѣдей и поглощены заботами о томъ, чтобы выйти побѣдителемъ изъ возможной и опасной борьбы за существованіе.

Естественно поэтому, что друзья мира должны привѣтствовать каждый успѣхъ политическаго самосознанія европейскихъ народовъ, потому что успѣхи такого рода увеличиваютъ взаимное уваженіе народовъ и просвѣтляютъ общество относительно ужасовъ войны и отсутствія подлинныхъ національныхъ интересовъ, которые вызвали бы кровавое столкновеніе. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ упомянуть о движеніи, происходящемъ въ настоящее время въ Бельгіи. Господство клерикаловъ и консерваторовъ привело въ этой странѣ, какъ и слѣдовало ожидать, къ очень печальнымъ результатамъ. Положеніе рабочаго класса крайне тяжело, въ законодательствѣ не совершилось ни одного шага впередъ. Либеральная партія, наученная опытомъ, рѣшилась добиться виѣстѣ съ рабочею партіею введенія въ Бельгіи всеобщей подачи голосовъ. Противъ всеобщей подачи голосовъ высказывались такого рода опасенія: народныя массы недостаточно просвѣщены, онѣ могутъ сдѣлаться орудіемъ реакціонныхъ и клерикальных прожектовъ, и такимъ образомъ пострадаютъ существенные интересы народа, будетъ нанесенъ ущербъ свободнымъ учрежденіямъ, которыми пользуется Бельгія, и ихъ правильному развитію. Но эти опасенія уступили мѣсто болѣе сильнымъ доводамъ. Было бы опасно для либеральной партіи отдѣлять свои интересы отъ интересовъ рабочаго класса. Политическое воспитаніе послѣдняго всего быстрѣе совершится именно его дѣятельнымъ участіемъ въ выборахъ депутатовъ для законодательнаго собранія. Вожди ра-

бочихъ, когда передъ ними будетъ открыта въ парламентѣ практическая дѣятельность, должны будутъ выйти изъ области общихъ и неопредѣленныхъ стремленій и предъявлять требованія, могущія непосредственно воплотиться въ законы и немедленно оказать благотворное вліяніе на дѣйствительныя общественныя отношенія.

Одинъ изъ главныхъ вождей бельгійскихъ либераловъ, Янсонъ, внесъ уже въ палату предложеніе о пересмотрѣ конституціи въ смыслѣ введенія всеобщей подачи голосовъ. Въ длинной и полной убѣдительныхъ соображеній рѣчи онъ защищалъ свое предложеніе. Не странно ли видѣть,—говорилъ Янсонъ,—что народъ, считающій около 1.800,000 гражданъ, имѣетъ только 133,600 избирателей? Цензъ, предоставляющій право быть избирателемъ только тому, кто платитъ двадцать гульденовъ налога, лишаетъ основнаго политическаго права всю массу рабочаго населенія. А эта масса доставляетъ государству наибольшую сумму податей, на ея трудѣ покоится сила и процвѣтаніе Бельгіи. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ народѣ проникло самосознаніе и онъ спокойно, съ умѣренностью и достоинствомъ требуетъ признанія своихъ законныхъ стремленій. Въ Бельгіи происходилъ рядъ обширныхъ стачекъ между рабочими. Какую же цѣль преслѣдовали эти стачки? Увеличеніе заработной платы? Сокращеніе рабочаго дня? Нѣтъ, цѣною тягостныхъ экономическихъ жертвованій, цѣною прямой и горькой нужды рабочіе стремились достигнуть идеальной цѣли— введенія всеобщей подачи голосовъ. Такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться,—говорилъ Янсонъ,—народу должно быть предоставлено это право. Рѣчь Янсона была покрыта горячими рукоплесканіями, но до осуществленія его предложенія, вѣроятно, не близко, въ виду противодействія клерикально-реакціоннаго большинства палаты.

До настоящаго времени нѣтъ еще извѣстій о результатахъ выборовъ въ Испаніи, гдѣ въ первый разъ примѣняется всеобщая подача голосовъ. Отъ результата этихъ выборовъ зависить ближайшее будущее этого государства. Они отразятся и на состояніи Португаліи, въ которой наступило относительное затишье политической жизни. Не произошло важныхъ перемѣнъ и въ другихъ странахъ Европы. Въ Италіи общіе выборы кончились рѣшительною побѣдой Криспи, но оппозиція противъ его политики,—и внутренней, и иностранной,—не ослабѣваетъ. Экономическое положеніе Италіи сильно страдаетъ отъ милитаризма, который является необходимою, разъ Италія примыкаетъ къ Германіи и Австро-Венгріи, враждебно относится къ Франціи и стремится къ захвату Триполи и къ другимъ приобрѣтеніямъ на африканскомъ побережьи. Повидимому, самъ Криспи признаетъ затруднительность своего положенія и готовъ идти на уступки. По крайней мѣрѣ, его послѣднія заявленія звучали миролюбиво.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ выборы въ конгрессъ нанесли тяжелое пораженіе такъ называемой республиканской партіи. Главною причиною этого пораженія являются крайне протекціонистскія стремленія нынѣшняго правительства и поддерживавшаго его большинства

въ конгрессѣ и сенатѣ. Билль Магъ-Бинлея, прошедшій въ обѣихъ палатахъ, обреченъ результатами всеобщихъ выборовъ на недолгое существованіе или, во всякомъ случаѣ, на значительныя уступки сторонникамъ свободной торговли.

Республика прочно установилась въ прошломъ году въ Бразиліи, а на дальнемъ Востокѣ, въ Японіи, осуществлено обѣщаніе нынѣ царствующаго императора и произведены выборы въ первый японскій парламентъ. Успѣхи просвѣщенія и ростъ народнаго благосостоянія можно отмѣтить во многихъ странахъ міра, и въ этомъ отношеніи минувшій годъ оставляетъ за собою доброе наследство. Тамъ, гдѣ положеніе народовъ не улучшилось, яснѣе сознается, въ чемъ заключается главное зло и каковы должны быть мѣры для его устраненія. Зло это состоитъ въ милитаризмѣ, которымъ питаются въ націяхъ всѣ дурныя инстинкты и который подтачиваетъ производительныя силы Западной Европы.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сессія земскаго собранія Московской губерніи. — Участіе городского головы въ дѣлѣ земства. — Балансъ крестьянскаго банка. — Прощеніе растраты въ Александровскомъ дворянскомъ банкѣ. — Погромъ на домашнее обученіе. — Элеваторы и хлѣбные сланы на желѣзныхъ дорогахъ. — Курсъ и фиксація кредитнаго рубля. — Новая конверсія. — С. Я. Капустинъ †. — Сообщеніе *Правительственнаго Вѣстника*.

Прервавшаяся наступленіемъ праздниковъ и имѣющая возобновиться 7 января очередная сессія земскаго собранія Московской губерніи оказалась довольно оживленною, благодаря двумъ изъ обсуждавшихся вопросовъ. Но оживленность преній еще не означаетъ оживленія въ ходѣ самаго земскаго дѣла. Новыя постановленія о земствѣ скорѣе обѣщаютъ результатъ противоположный. Въ земской дѣятельности доселѣ можно отмѣтить три періода, по тремъ предметамъ или потребностямъ, какіе постепенно выдвигались на первый планъ, наиболѣе сосредоточивали на себѣ заботы земскихъ дѣятелей. Такими любимыми предметами становились поочередно: народное образованіе, санитарное дѣло и воспособленіе крестьянской (земледѣльческой и кустарной) производительности.

Московское земство—одно изъ тѣхъ, которыя соблюдали наиболѣе равновѣсія въ заботахъ объ удовлетвореніи этихъ трехъ потребностей. Но въ его дѣятельности, все-таки, примѣтны три названные періоды. Какъ не велико было то увлеченіе, съ какимъ наши земства принялись въ первые годы за народную школу, и какъ ни были значительны дѣйствительно достигнутые земствомъ въ этой области успѣхи, однако, нельзя не признать, что, въ сравненіи съ потребностью, далеко еще недостаточно того, что было сдѣлано. Изъ доклада московской губернской управы по народному образованію видно, что въ минувшемъ 1889—90 учебномъ году въ губерніи состояло низшихъ учебныхъ заведеній всего 790, причѣмъ включены и городскія училища (не считая столичныхъ). На Московскій уѣздъ, гдѣ всего больше школъ, ихъ приходится только 99, а на цѣлый Можайскій уѣздъ— всего 33, притомъ, всѣхъ школъ, а земскихъ лишь 11. Общее число учащихся во всѣхъ школахъ было 49½ тысячъ, изъ каковаго числа ⅓ мальчиковъ, ⅔ дѣвочекъ,—распредѣленіе между поломъ гораздо болѣе удовле-

творительное, чѣмъ въ большинствѣ губерній. Учащихъ состояло 660 и законоучителей 451; при 291 школѣ имѣлись библіотеки.

Если будемъ сравнивать эти результаты заботъ московскаго земства о распространеніи образованія въ народѣ съ данными по другимъ губерніямъ, то несомнѣнно окажется, что московское земство, сравнительно, сдѣлало много. Но если сравнимъ сдѣланное имъ съ потребностью, то убѣдимся, что, собственно говоря, дѣлу народнаго образованія только положено было начало. Достаточно указать на число населенія губерніи, составляющее, за вычетомъ Москвы, 1 милл. 656½ тыс. душъ,—стало быть, одна начальная школа приходится, включая и уѣздные города, на слишкомъ 2,095 душъ. Повторяемъ, что это, въ смыслѣ относителномъ, представляетъ, все-таки, весьма благопріятный результатъ: въ средней цифрѣ, по всей имперіи, приходится 1 низшее училище на 4,000 душъ населенія. Въ среднемъ, по всему государству, принимая населеніе въ 100 милл. душъ, числится 1 учащійся на 65 душъ обоюга пола, а въ Московской губерніи (безъ Москвы)—1 на 33½,—отношеніе, сравнительно, весьма выгодное. Но, само по себѣ, такое отношеніе нисколько не удовлетворительно, такъ какъ изъ него должно заключить, что не болѣе 10 процентовъ дѣтей школьнаго возраста посѣщаютъ правильную школу. Правда, недостатокъ правильныхъ начальныхъ школъ восполняется такъ называемыми школами грамотности, и потому процентъ грамотныхъ гораздо выше 10.

Главная заслуга въ такомъ результатѣ, несомнѣнно, принадлежитъ земству. Но, все-таки, то, что оно успѣло сдѣлать, при своихъ ограниченнѣхъ средствахъ, весьма недостаточно въ сравненіи съ потребностью въ образованіи. Мы не станемъ приводить примѣровъ иностранныхъ,—всякъ знаетъ напередъ, что подобное сравненіе выкажетъ крайнюю нашу отсталость въ этомъ отношеніи. Но надо принять въ расчетъ и то, что внѣшнія обстоятельства стѣсняли дѣятельность земства по распространенію народнаго образованія, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ ограниченность средствъ, какими земство располагало на такъ называемые «необязательные» расходы. Всего дѣтъ черезъ шесть послѣ открытія земскихъ учрежденій вѣдомство, специально завѣдующее школами, преслѣдуя свои собственные, довольно произвольные идеалы, вступило въ борьбу изъ-за школы и съ семьей, и съ земствомъ, всячески стѣсняя земскую работу по этой части. Покойный гр. Д. А. Толстой, которому мы, все-таки, должны отдать справедливость, какъ государственному человѣку, мыслившему систематически, во время своего управленія учебнымъ вѣдомствомъ положительно не благоволилъ къ земству.

Нельзя не признать, что именно это нравственное настроеніе способствовало тому, что главные усилія земства отвлеклись отъ народной школы и болѣе сосредоточились на попеченіи о народномъ здоровьи, гдѣ было менѣе препятствій. Польза и необходимость того, что было совершено земствомъ по этой послѣдней части, конечно, не подлежатъ сомнѣнію. Но, какъ бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что усиленная дѣятельность

земства по умноженію народныхъ школъ была задержана недоразумѣніями. Въ настоящее время, собственно по Московской губерніи, оказывается, въ общемъ результатѣ, что число школъ въ теченіе отчетнаго года, все-таки, возросло, но въ какомъ размѣрѣ—на 23 школы, при общемъ отчетномъ числѣ 790 школъ. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, охота къ дѣлу падаетъ и число училищъ идетъ на пониженіе.

Такъ, въ Можайскомъ уѣздѣ число земскихъ школъ теперь незначительно, а именно земскихъ школъ имѣется всего 11 на уѣздѣ, и число учащихся въ нихъ уменьшается, а, между тѣмъ, можайское земство половину денегъ на этотъ предметъ получаетъ отъ земства губернскаго. Гласный отъ Можайскаго уѣзда г. Верженевскій объяснялъ это явленіе бѣдностью уѣзда, прибавивъ, что еще недавно вновь открыта одна школа. Дѣло народнаго образованія, по всей вѣроятности, пришло бы за 25 лѣтъ къ результатамъ гораздо болѣе значительнымъ, если бы не принималась сюда совсѣмъ безпричинная и крайне неблагоприятная для успѣховъ поодозрительность нѣкоторыхъ, уже сошедшихъ со сцены, вліятельныхъ людей.

Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ министерство народнаго просвѣщенія само ничего не дѣлало для умноженія начальныхъ школъ, ограничились созданіемъ многочисленной инспекціи, которая съ самаго начала стала въ разрѣзъ съ земствами, устроившими школы и дающими средства на ихъ содержаніе. Сверхъ министерской инспекціи, школа была поставлена подъ надзоръ епархіальнаго вѣдомства, а затѣмъ—предводителемъ дворянства. Далѣе, явилось «Положеніе» 1874 года, которое къ инспекторамъ прибавило директоровъ, какъ руководителей инспекціи, причемъ инспекторскій надзоръ производился въ духѣ возможнаго устраненія земства, а, сверхъ того, точнѣе былъ опредѣленъ надзоръ за народною школою со стороны другихъ вѣдомствъ, какъ-то: надзоръ епархіальный, губернаторскій и дворянскій. Наконецъ, съ 1884 года церковно-приходская школа, поставленная сперва только на ряду съ земскою, стала постепенно предназначаться къ замѣнѣ послѣдней. Въ результатѣ, нѣкоторыя земства, какъ извѣстно, отказались отъ своихъ школъ, передавъ ихъ въ духовное вѣдомство.

При такомъ, подверженномъ колебаніямъ, ходѣ дѣла народнаго образованія, нельзя не находить вполне естественнымъ такое явленіе въ разныхъ губерніяхъ, которое въ губерніи Московской въ отчетномъ году отразилось лишь въ уменьшеніи числа учащихся въ народныхъ школахъ Можайскаго уѣзда. И, вѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать относительно даже благоприятнымъ такой фактъ, что въ общемъ по губерніи число школъ увеличилось за минувшій учебный годъ на 23.

Въ прошломъ году мы упоминали объ учрежденіи московскимъ губернскимъ земствомъ особаго органа для объединенія земскихъ усилій къ попятію экономическихъ силъ хозяйства и для систематической выработки вѣропріятій въ этомъ направленіи, а именно—экономическаго совѣта. Въ вѣдѣніе этого совѣта былъ переданъ земскій кустарный музей, кото-

ры, какъ извѣстно, представляетъ собой не только постоянную выставку видѣлій кустарей, но и занимается посредничествомъ по сбыту этихъ издѣлій, а также принимаетъ мѣры къ ознакомленію кустарей съ лучшими приемами производства. Для этой послѣдней цѣли экономическій совѣтъ призналъ ненужною особую школу, а предпочелъ ознакомленіе практическое.

Плодами дѣятельности губернскаго экономическаго совѣта были: учрежденіе подчиненныхъ экономическихъ совѣтовъ въ уѣздахъ Московскомъ, Звенигородскомъ и Волоколамскомъ, перенесеніе музея на болѣе бойкое мѣсто въ городѣ, съ увеличеніемъ вслѣдствіе того сбыта, устройство сношеній для сбыта съ разными провинціальными торговыми пунктами, полученіе для кустарей крупныхъ заказовъ отъ московско-курской дороги и газоваго общества, увеличеніе числа кустарей-поставщиковъ въ музей съ 205 до 232 чел.

Предположенія экономическаго совѣта по этой части, предложенныя теперь собранію, заключались въ томъ, чтобы развить покупательную силу музея и увеличать до 15-ти число видовъ кустарной производительности, входящихъ въ сферу дѣятельности агентовъ совѣта, причемъ оказывается необходимымъ имѣть при немъ до 10 специалистовъ. Для осуществленія этихъ предположеній экономическаго совѣта требовались авансы, которые управа предлагала производить на счетъ 50 т. р., заимствованныхъ изъ продовольственнаго капитала. Эта мысль вызвала сильныя возраженія, но когда предсѣдатель управы объяснилъ, что правительство не отвергло ходатайства о позаймствованіи упомянутыхъ 50 т. р., а только еще не дало отвѣта, такъ что слѣдуетъ повторить ходатайство, то собраніе утвердило предположеніе совѣта, впрочемъ, съ поправкою, чтобы авансы разрѣшались только для исполненія дѣлаемыхъ при посредствѣ управы заказовъ.

Едва ли не большая часть рѣшеній по разнымъ вопросамъ постановлялась губернскимъ собраніемъ единогласно. Но были два такіе, которые вызвали жаркія пренія, именно: объ обложеніи фабричныхъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ Москвѣ полутора-процентнымъ сборомъ въ пользу губернскаго земства и—отчасти въ связи съ этимъ налогомъ—объ ассигнованіи средствъ на дѣло устройства временнаго помѣщенія и постоянной земской больницы для умалишенныхъ. Установленіе упомянутаго налога оправдывается «потребностью развитія разныхъ отраслей земскаго дѣла» и, какъ то выяснилось при преніяхъ, прежде всего, необходимостью средствъ именно на постройки для помѣщенія умалишенныхъ и для сельскохозяйственной школы. Гласные отъ города энергически возставали противъ этого обложенія (оно предположено въ размѣрѣ половинномъ противъ сбора, взимаемаго въ пользу города), могущаго давать земству до 226 тысячъ рублей въ годъ.

На возраженіе городскихъ гласныхъ, что городъ и теперь уплачиваетъ земству 250 т. р. изъ патентнаго сбора, предсѣдатель управы указалъ, что Москва беретъ въ свою пользу ежегодно 170 т. р. уѣднаго сбора.

Но, оставивъ это пререканіе въ сторонѣ, нельзя, все-таки, опровергнуть другого, главнаго возраженія городскихъ гласныхъ противъ налога, именно того, что городъ Москва ничѣмъ не пользуется отъ земства. Замѣчаніе одного изъ ораторовъ, что Москва — четырнадцатый уѣздъ въ земствѣ и потому должна быть привлечена къ земскому обложенію, представляло бы точное сравненіе лишь въ такомъ случаѣ, если бы губернское земство дѣлало для 14 уѣзда то, что дѣлаетъ для 13. Такое возраженіе по существу было высказано нами еще въ прошломъ году, какъ только было заявлено предположеніе о налогѣ. Говорятъ, что торговля и промышленныя заведенія въ уѣздахъ и въ другихъ городахъ губерніи несутъ же земское обложеніе, и что Москва должна быть сравнена съ этими городами. Но фабричное и торговое населеніе въ уѣздахъ и входящихся въ уѣздахъ городахъ пользуется услугами земства, какъ и самовладѣльцы тѣхъ заведеній пользуются устраиваемыми земствомъ дорогами и его мѣрами по санитарной части. Между тѣмъ, Москва услугами земства не пользуется и едва ли можно сомнѣваться, что она даетъ большія выгоды своему уѣзду, чѣмъ сама изъ него извлекаетъ.

Но, согласившись, что городскіе гласные имѣли основаніе отрицать обязательность земскаго обложенія для Москвы, мы, однако, отнеслись бы съ сочувствіемъ къ такому исходу, что, оговоривъ основаніе для того, чтобы уклониться отъ этого обложенія, городскіе гласные, а за ними и думъ, признали бы за Москвою обязательность нравственную участвовать въ издержкахъ губернскаго земства. Благодаря центральному положенію Москвы и встречающимся въ ней желѣзно-дорожнымъ путямъ, московская торговля и промышленность имѣютъ столь огромные обороты, что не свѣсти могли бы принять участіе въ интересахъ земства Московской губерніи. Поэтому, мы можемъ только сожалѣть о подачѣ девятью гласными «особаго мнѣнія» противъ губернскаго обложенія, которое въ собраніи было утверждено большинствомъ 39 голосовъ противъ 22.

Въ особомъ мнѣніи приведенъ, между прочимъ, мотивъ уже нисколько не убѣдительный. Протестующіе заявили, что земскій сборъ съ торговыхъ помѣщеній столицы является «особенно тяжелымъ въ виду постояннаго возрастанія городскихъ и казенныхъ сборовъ». Этотъ аргументъ прямо вызываетъ сравненіе съ Петербургомъ, гдѣ городскія издержки по содержанию полиціи, по починкѣ мостовыхъ, чисткѣ улицъ и освѣщенію имѣютъ значительнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, а, между тѣмъ, городомъ уплачивается земскій сборъ.

Какъ извѣстно, начальникомъ губерніи опротестовано постановленіе земскаго собранія о полутора-процентномъ сборѣ, но собраніе не нашло возможнымъ согласиться съ этимъ протестомъ и затѣмъ вопросъ этотъ подлежитъ рѣшенію въ высшей инстанціи.

Еще болѣе оживленные споры вызвало въ собраніи обсужденіе докладовъ санитарнаго совѣта. На два послѣднихъ засѣданія, посвященные

одному изъ относившихся сюда вопросовъ, стекалась многочисленная публика, которую интересовали не столько земскіе вопросы, сколько происходившія по ихъ поводу «представленія». Привлечена она была газетными извѣстіями о томъ, что въ земскомъ собраніи гласный Н. А. Алексѣевъ, городской голова, показываетъ штуки форсированнаго рѣшенія вопросовъ и—по собственному его выраженію—«перескакиванія всякихъ препятствій», какія ему подставляются. Спортъ всегда привлекаетъ толпу, въ особенности же тотъ именно видъ спорта, который специально и называется такъ, какъ называлъ свои усилія г. Алексѣевъ—скачкой черезъ барьеры.

Оппозиція гласнаго Н. А. Алексѣева противъ земской губернской управы выказалась и по инымъ вопросамъ; въ нѣсколькихъ случаяхъ увѣнчалась побѣдою надъ управой, а въ общемъ оказалась полезною и вызвала неоднократно выраженія собраніемъ благодарности, то въ видѣ вставанія на ноги, то въ видѣ сидѣнія съ «плесканіемъ» рукъ. Употребляемые нами нѣсколько веселыя выраженія нисколько не направлены къ отрицанію заслуги г. Алексѣева въ данномъ случаѣ, а только соответствуютъ тому «веселому» характеру, какой онъ самъ придалъ обсужденію вопросовъ свойства скорѣе грустнаго.

Такое оживленіе было внесено городскимъ головой уже въ обсужденіе перваго изъ санитарныхъ докладовъ—объ удовлетвореніи ходатайства Московскаго и Богородскаго уѣздовъ относительно приглашенія двухъ новыхъ санитарныхъ врачей и объ отклоненіи ходатайствъ тѣхъ же уѣздныхъ земствъ о томъ, чтобы вновь приглашаемые губернскіе врачи назначались исключительно для нуждъ каждаго изъ этихъ уѣздовъ въ отдѣльности. Предложеніе только что было одобрено собраніемъ единогласно, когда Н. А. Алексѣевъ рѣшительно высказался противъ совмѣстительства и вступилъ въ пререканіе съ предсѣдателемъ управы Д. А. Наумовымъ, который заявилъ, что въ числѣ земскихъ санитарныхъ врачей находятся лица совершенно необходимыя земству, а между тѣмъ, занимающія другіе должности. Г. Алексѣевъ провозгласилъ, что «неумѣстно говорить обиняками объ общественномъ дѣлѣ», и прямо назвалъ профессора Эрисмана. Затѣмъ ораторъ заявилъ, что профессоръ не долженъ завѣдывать земскимъ участкомъ, а содержаніе отъ земства въ 2 т. р. долженъ получать не какъ земскій санитарный врачъ, но какъ «специалистъ для завѣдыванія работами санитарныхъ врачей», съ тѣмъ, чтобы сами врачи никакихъ другихъ должностей не занимали. Собраніе, которое только что единогласно рѣшило отклонить упомянутое ходатайство двухъ уѣздовъ относительно ограниченія дѣятельности врачей однимъ земскимъ участкомъ, единогласно же одобрило затѣмъ предложеніе г. Алексѣева—противъ мнѣнія губернской управы.

Но главный интересъ—great attraction, по принятому для спектаклей выраженію—сосредоточился на преніяхъ по докладу санитарнаго совѣта о мѣрахъ къ призрѣнію душевно-больныхъ. Мы должны съ нѣкоторою подробностью остановиться на этихъ преніяхъ, такъ какъ они были не

только предметомъ общихъ разговоровъ въ Москвѣ, но имѣли большой *success* и въ Петербургѣ. Нѣкоторые тамошнія, а также и провинціальныя газеты умилялись надъ такимъ фактомъ, что энергичный московскій городской голова такъ скоро разрѣшилъ вопросъ, котораго земство не могло рѣшить въ 15 лѣтъ, и *Московскія Вѣдомости* продолжали твердить это уже и послѣ того, какъ предложеніе Н. А. Алексѣева было значительно измѣнено и все дѣло окончилось къ общему удовольствію и къ дѣйствительной пользѣ. Въ дѣйствительности же, виновникомъ такого сенсационнаго опредѣленія, которое разошлось по газетамъ, былъ гласный М. Д. Пфайферъ, который такъ опредѣлилъ первое выраженіе благодарности г. Алексѣеву: «благодарить за разрѣшеніе въ 15 минутъ вопроса, который тянется 15 лѣтъ». На это предложеніе собраніе встало съ аплодисментами,—стало быть, нечего и упрекать нѣкоторыя газеты за то, что онѣ представили дѣло именно въ такомъ видѣ.

Но для точной провѣрки фактовъ необходимо сопоставить то, что предлагалось собранію самою губернскою управой, и то, что окончательно рѣшено собраніемъ, послѣ «энергическаго» почина, взятаго на себя городскимъ головою.

Вопросъ, дѣйствительно, «тянулся» 15 лѣтъ, въ томъ смыслѣ, что уже давно была сознаана необходимость устроить помѣщеніе для умалишенныхъ, которые, какъ справедливо замѣтилъ г. Алексѣевъ, иногда сидятъ по деревнямъ на цѣпи. Быть можетъ, вопросъ этотъ можно было рѣшить и скорѣе, чѣмъ сдѣлалось въ московскомъ земствѣ. Но вспомнимъ тѣ безконечныя нареканія, какія были вызваны большими расходами тверскаго земства на устройство дома умалишенныхъ, и тогда поймемъ, что и осторожность въ употребленіи слудныхъ земскихъ средствъ на предпріятія, хотя бы несомнѣнно полезныя, но дорого стоющія, имѣетъ также свое оправданіе.

Все равно, сколько бы ни продолжалось обсужденіе даннаго вопроса губернскимъ земствомъ, сравнивать мы можемъ только предложеніе управы и предложеніе гласнаго Н. А. Алексѣева. Въ 1888 году состоялось рѣшеніе губернскаго собранія о покупкѣ имѣнія для устройства пріюта умалишенныхъ. Затѣмъ, въ очередную сессію прошлаго 1889 года, рѣшено было войти въ соглашеніе съ московскимъ городскимъ управленіемъ объ уступкѣ земству до 100 кроватей въ городскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ и о собраніи свѣдѣній относительно числа въ губерніи умалишенныхъ, принадлежащихъ къ категоріи опасныхъ, съ тѣмъ, чтобы принять мѣры, хотя бы и временныя, для удаленія такого рода больныхъ изъ среды населенія.

Предположимъ теперь, что управа городская, которой предсѣдателемъ состоитъ тотъ же Н. А. Алексѣевъ, призналъ бы возможнымъ отвѣсти временно, хоть на годъ (какъ предположено теперь въ общинѣ сестеръ милосердія), помѣщеніе въ городскихъ больницахъ для 100 человекъ душевно-больныхъ изъ уѣздовъ. Нельзя не допустить, что, при докладѣ о такомъ результатѣ сношеній, земское собраніе немедленно утвердило бы

это предположеніе и соединенный съ его исполненіемъ расходъ, положимъ, въ тѣ же 25 т. рублей. И такъ, при успѣхѣ ходатайства губернской земской управы передъ городомъ, настоящій вопросъ могъ бы, по всей вѣроятности, быть рѣшенъ въ нынѣшнемъ земскомъ собраніи въ тѣ же 15 минутъ, а, быть можетъ, даже въ 13 минутъ, т.-е. скорѣе, чѣмъ его рѣшилъ затѣмъ гласный Алексѣевъ.

Но когда городская управа, въ которой председательствуетъ тотъ же земскій дѣятель, нашла невозможнымъ помѣщеніе уѣздныхъ больныхъ въ строящейся городской специальной больницѣ, то земская управа и въ настоящее время не могла предложить ничего иного, кромѣ приобрѣтенія участка земли и постройки на немъ зданія для безнадежныхъ душевнобольныхъ и вступленія въ какое-нибудь соглашеніе съ городомъ относительно временныхъ мѣръ по призрѣнію больныхъ до устройства постоянного земскаго пріюта.

Сравнимъ съ этимъ то, что предложилъ и сдѣлалъ гласный Алексѣевъ. Въ качествѣ городского головы, онъ рѣшительно отвергъ возможность помѣщенія земскихъ больныхъ въ устраиваемой городской больницѣ, а въ качествѣ земскаго гласнаго онъ предложилъ помѣстить тѣхъ изъ этихъ больныхъ, которые отличаются наиболѣе буйными характерами, въ городской больницѣ, для прочихъ же—нанять временно помѣщеніе на дачѣ Мамонова (принадлежащей г. Ноеву), съ тѣмъ, что городское управленіе дастъ для нихъ койки, постели и пришлетъ прислугу.

Въ дѣйствительности и не требовалось ничего болѣе; кромѣ согласія городского управленія принять нѣкоторое участіе въ этомъ земскомъ дѣлѣ. А затѣмъ, по устраненіи главнаго препятствія, было довольно безразлично, будетъ ли рѣшеніе исполнено въ теченіе 10 дней, какъ того непрежѣнно требовалъ Н. А. Алексѣевъ, или въ двѣ недѣли. Управа предлагала ассигновать 60 т. рублей на устройство постоянного губернскаго пріюта и 7½ т. рублей на устройство временнаго помѣщенія. Городской голова похвалился въ земствѣ тѣмъ, какъ устраивалась больница городская, и затѣмъ далъ земству такія указанія: «земству нужно начать то же самое съ завтрашняго дня, нанять завтра дачу Ноева или Якунчигова, завтра же начать топить, и непрежѣнно устроить дѣло не дальше, какъ въ 10 дней, къ сочельнику...». «Я обязательно ставлю вопросъ о срокѣ устройства лечебницы, и если собраніе не согласится поставить управѣ въ обязательство устроить все въ 10 дней, я беру свое предложеніе обратно и прошу его не баллотировать». Собраніе приняло предложеніе, съ обязательствомъ 10-тидневнаго срока исполненія.

Г. Алексѣевъ затѣмъ съ особеннымъ удареніемъ сообщилъ, что поѣдетъ на избранную дачу (Ноева) къ 9 часамъ утра, а на слѣдующій день—что былъ на ней дѣйствительно въ 9 часовъ и что все устроено, печи уже топятся, дано 100 рублей на дрова, заготовлены въ казармахъ койки, прислугу можно взять изъ Преображенской больницы. Далѣе городской голова сообщилъ собранію, что онъ обратился къ добрымъ людямъ для об-

легченія дѣла, «рѣшился вникнуть вникъ по Москвѣ», — «и эти добрые люди отвалинулись». Опуская подробности нечисленій на содержаніе больных на Ноевской дачѣ, издержекъ, несогласно опредѣлявшихся г. Алексѣевымъ и управою, скажемъ только, что, по заявленію г. Алексѣева, собранныя имъ пожертвованія могли все покрыть, хотя бы собраніе опредѣлило не болѣе 200 рублей на годовое содержаніе больнаго. Но когда Д. А. Наумовъ, сообщивъ о неудобствахъ Ноевской дачи, требовалъ, чтобы рѣшеніе было отложено до конца сессіи, для достаточнаго обсужденія дѣла, то городской голова заявилъ, что «лица, пожертвовавшія деньги, поставили имъ условіемъ, чтобы лечебница была открыта до праздниковъ; на отсрочки я не пойду».

Собраніе, однако, отложило на день рѣшеніе вопроса. Состоявшійся передъ тѣмъ осмотръ дачи Ноева членами управы, санитарнаго совѣта и врачами выяснилъ, что тамъ нѣтъ водопровода, нѣтъ никакихъ приспособленій и находится близко мѣсто для «свалин нечистотъ», а, вмѣстѣ съ тѣмъ, что содержаніе одного больнаго въ такой отдаленной (?) мѣстности будетъ обходиться не 250 р., какъ было предположено, а равно вдвое — въ 500 р. Не можемъ не признать, что эти возраженія были довольно слабы. Управа была права, когда жаловалась (устаами Д. А. Наумова), что гласный Алексѣевъ дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ независимо отъ нея и отъ санитарнаго совѣта, но соображенія, ею представленныя противъ найма дачи Ноева, не были достаточно убѣдительны, что, впрочемъ, находили и двое изъ членовъ санитарнаго совѣта.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи предсѣдатель Д. А. Наумовъ сообщилъ о предложеніи начальницы Александровской общины сестеръ милосердія «Утоли моя печали», предоставляющей на годъ помѣщеніе для 50 больныхъ, съ платою 300 р. за каждаго за содержаніе и уходъ, съ тѣмъ, чтобы врачебный персоналъ, приспособленіе и обзаведеніе были отнесены на счетъ земства. Управа рекомендовала эту комбинацію, главнымъ образомъ, потому, что при ней наилучшимъ образомъ будетъ обезпеченъ уходъ за больными, и что такое рѣшеніе соответствовало первоначальнымъ предположеніямъ самой управы, чтобы временное помѣщеніе душевно-больныхъ изъ уѣздовъ было устроено въ одномъ изъ городскихъ лечебныхъ заведеній; наконецъ, такимъ образомъ, разищеніе больныхъ могло послѣдовать даже ранѣе тѣхъ 10 дней, на которыхъ такъ настаивалъ гласный Алексѣевъ, а именно въ 4 дня. Что касается пожертвованій, то предсѣдатель управы заявилъ, что «такъ какъ они сдѣланы не земству, а Н. А. Алексѣеву, то нужно благодарить его, но принять эти пожертвованія управа не могла».

Мы, разумѣется, опускаемъ подробности дебатовъ, въ такомъ родѣ, какъ, наприм., замѣчанія: «изъ приличія слѣдовало обратиться къ управѣ» (Д. А. Наумовъ), «изъ приличія можно бы этого не говорить» (Н. А. Алексѣевъ) и т. п. Достаточно сказать, что при заключеніи этого «инцидента» г. Алексѣевъ занялъ положеніе, все-таки, болѣе симпатичное, чѣмъ при

значалъ. Онъ, безъ колебанія, присоединился къ новому предложенію, хотя оно было сдѣлано наперекоръ его собственному, и собранныя пожертвованія предназначилъ на расширеніе благотворительной дѣятельности земства, причемъ тутъ же въ засѣданіи получилъ еще одно пожертваніе въ 5 т. рублей.

Собраніе, по предложенію кн. А. А. Щербатова, еще разъ выразило г. Алексѣеву благодарность вставаніемъ. Кн. Щербатовъ при этомъ замѣтилъ, что хотя онъ, «можетъ быть, нѣкоторымъ приемамъ Н. А. и не сочувствуетъ», но «что это не умаляетъ главной его заслуги: онъ далъ толчокъ дѣлу, онъ же привлекъ къ нему и частную благотворительность». Съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться, хотя, точнѣе сказать, «толчокъ» былъ данъ столичновеніемъ самолюбій. Несомнѣнно, однако, что нѣкоторые выходы городского головы, наприм., когда онъ училъ управу стремительности, ставилъ ей ультиматумъ, хвалился, что самъ былъ на Воробьевыхъ горахъ въ 9 часовъ утра, когда грозилъ отказаться отъ дѣла и даже возратить пожертвованія, если не будетъ принято обязательный 10-ти-дневный срокъ,—могли назваться скорѣе забавными, чѣмъ симпатичными. Затѣмъ, г. Алексѣевъ, правда, не выказалъ упорства относительно выбора временнаго помѣщенія—въ той формѣ, въ какой его выказала управа, то-есть въ видѣ отказа принять предлагаемое помѣщеніе и пріисканія иного. Г. Алексѣевъ присоединился къ принятію предложенія общины «Утоли моя печали». Но онъ, все-таки, поставилъ на своемъ, чтобы на излюбленной имъ дачѣ Ноева былъ-таки пріютъ для умалишенныхъ. Какъ извѣстно, городской голова обратился къ г. генералъ-губернатору съ предложеніемъ устроить на два года и содержать на деньги, пожертвованныя въ личное распоряженіе г. Алексѣева, и именно на дачѣ Ноева, пріютъ для 50 душевно-больныхъ крестьянъ Московской губерніи, съ тѣмъ, чтобы пріютъ находился подъ надзоромъ врачебнаго управленія. Несомнѣнно, что единственною заслугой г. Алексѣева во всемъ этомъ дѣлѣ и представляется именно сборъ имъ пожертвованій. Во всемъ остальномъ образъ его дѣйствій нельзя не признать страннымъ, а настойчивость, чтобы на избранномъ имъ мѣстѣ, все-таки, былъ пріютъ, имѣетъ въ себѣ даже нѣчто ребяческое.

И такъ, въ дѣлѣ призрѣнія душевно-больныхъ изъ уѣздовъ сдѣланъ первый шагъ: найдены временныя помѣщенія и обезпечено содержаніе для 100 больныхъ. Что касается окончательнаго рѣшенія вопроса, то-есть устройства помѣщеній земской больницы для умалишенныхъ, то собраніе рѣшило ассигновать на это 60 т. р., не опредѣляя срока, такъ какъ еще не рѣшено, гдѣ нанять или построить помѣщеніе подъ эту больницу. Управа имѣетъ въ виду осмотрѣть весной съ этою цѣлью участки земли въ Подольскомъ уѣздѣ, сданный въ аренду крестьянамъ, которые, однако, перестали за него платить, такъ что онъ могъ бы быть обращенъ подъ постройку. Мы считаемъ, однако, заслуживающимъ вниманія замѣчаніе, какое по поводу временнаго помѣщенія было сдѣлано тѣмъ же Н. А. Але-

рѣшѣнымъ, именно, что больницы для душевно-больныхъ должны находиться въ большихъ городахъ, подъ надзоромъ извѣстныхъ специалистовъ, и что «нельзя забросить одного врача въ уѣздъ и предоставить тамъ врачу управляться какъ знаетъ». Устройство постоянного земскаго приюта для умалишенныхъ и представляетъ одну изъ тѣхъ потребностей, въ виду которыхъ собраніе обложило фабрично-заводскія, промышленныя и торговыя заведенія въ Москвѣ губернскимъ полутора-процентнымъ сборомъ. Ассигнованіе 60 т. р. на «дѣло устройства» постоянного помѣщенія для душевно-больныхъ состоялось въ расчетѣ на средства, какія дастъ этотъ сборъ. Если же протестъ губернатора одержитъ верхъ, то для покрытія расхода въ 60 т. р. губернскому земству придется увеличить размѣръ нынѣшняго обложенія уѣздовъ.

Изъ постановленій губернскихъ земскихъ собраній въ нынѣшнюю сессію о ходатайствахъ, отмѣтимъ принятое саратовскимъ собраніемъ рѣшеніе ходатайствованія о пониженіи размѣра процента по ссудамъ крестьянскаго банка. Пониженіе этого процента, дѣйствительно, представляется безусловно необходимымъ, и какъ бы объ этомъ ни думали теперь въ финансовыхъ кругахъ, но оно, все-таки, будетъ сдѣлано, если не въ-время, для отвращенія болѣе значительнаго накопленія недоимокъ, то—вслѣдствіе ихъ накопленія. Балансъ банка къ 1 декабря, помѣщенный въ *Вѣстникъ Финансовъ* въ истекшемъ мѣсяцѣ, показываетъ, что капитальнаго долга, числящагося на земельныхъ участкахъ, поступившихъ въ собственность банка, по безуспѣшности торговъ, состоитъ до 5³/₄ милл. р., что при общей суммѣ выданныхъ ссудъ до 46²/₃ милл. р. составляетъ уже замѣтную цифру. Если же принять во вниманіе, что перешедшихъ предѣлы льготнаго срока невнесенныхъ платежей состоитъ на 727 т. р., и предположить, что половина этихъ просроченныхъ платежей окончателно не поступитъ, тогда неуплаченный капитальный долгъ возросъ бы еще примѣрно на 5 милл. р., то-есть приблизился бы къ цѣлой четверти суммы ссудъ,—иными словами, оказалось бы, что банку можетъ предстоять продажа съ торговъ до четверти всего количества десятинъ, приобретенныхъ крестьянами при его посредствѣ. А такъ какъ продажи эти идутъ весьма туго и много участковъ остается за банкомъ, который никогда не можетъ съ нихъ выручить 7%, составляющихъ размѣръ годичнаго платежа, то вскорѣ представилась бы финансовая невозможность продолжать дѣло при нынѣшнихъ условіяхъ.

Тогда пониженіе размѣра процента, все равно, должно будетъ состояться, а текуція недоимки придется приписать къ капитальной суммѣ,—словомъ, сдѣлать то, что было сдѣлано въ дворянскомъ банкѣ. Но при этомъ на банкѣ, все-таки бы, тяготѣли ежегодные убытки отъ большого числа непроданныхъ и оставшихся за нимъ участковъ. Лучше сдѣлать эту реформу, не откладывая. Остатокъ наличности въ 20 м. р., который предвидится по исполненію росписи настоящаго финансоваго года, быть можетъ, полез-

ѣе было бы употребить на это дѣло, чѣмъ на совершеніе новой конверсіи, о чемъ будетъ сказано ниже.

Какъ то извѣстно, крестьянскій банкъ взимаетъ со ссудъ 1 процентъ въ свою пользу, $5\frac{1}{2}$ процентовъ на уплату по выпущеннымъ свидѣтельствамъ и $\frac{1}{2}$ процента на управленіе. Въ этихъ 7 процентахъ платежа присоединяется для крестьянина уплата поземельныхъ сборовъ. Оцѣнка земель при выдачѣ прежнихъ ссудъ въ губерніяхъ, которыя нынѣ оказываются наиболѣе недоимочными, наприм., въ Курской, дѣлалась выше 100 рублей въ среднемъ за десятину. А такъ какъ ссуда выдается крестьянскимъ банкомъ въ высокомъ размѣрѣ относительно оцѣнки, то-есть въ размѣрѣ примѣрно 90% оцѣнки, то можно принять, что приобретатели должны платить съ десятины по 7 рублей. Прибавивъ къ этому налоги, получимъ 9—10 рублей платежа съ десятины земли, изъ которой еще не все идетъ подъ пашню.

Между тѣмъ, паденіе цѣнъ на хлѣбъ и соответственное пониженіе цѣнности земли производятъ то, что означенные 9—10 рублей платежа съ десятины составляютъ въ дѣйствительности болѣе 10%, особенно если считать только землю, дѣйствительно идущую подъ посѣвъ. Но слишкомъ очевидно, что 10 процентовъ земля не дастъ и при даровомъ трудѣ. Вся операція, при высотѣ процентнаго размѣра, представляется, по измѣнившимся нынѣ условіямъ, ненадежною. При этомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что благоразумнѣе было бы именно предупредить ухудшеніе такого положенія дѣлъ, чѣмъ дѣлать какія-либо чрезвычайныя пожертванія послѣ того, какъ крестьянскій банкъ сталъ бы уже въ положительную невозможность продать большое количество оставшейся за нимъ земли.

Стараясь доказать необходимость реформы, мы говоримъ только объ интересахъ самого банка, не касаясь уже той житейской стороны его дѣятельности, что если крестьянскій банкъ сталъ бы продавать значительную часть участковъ, приобретенныхъ крестьянами при его помощи, то тѣмъ самымъ изъ учрежденія, имѣющаго цѣлью исправленіе и дополненіе земельного надѣла, онъ превратился бы въ органъ ликвидаціи земельного владѣнія крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ заемщиковъ банка находится не только товарищества, прикупающія землю, но и сельскія общества, переселившіяся на купленную землю. Такія общества, уступивъ прежніе надѣлы и согнанные съ приобретенной земли, очутились бы въ положеніи безвыходномъ и банкъ, по отношенію къ нимъ, сдѣлался бы орудіемъ обезземеленія, вопреки основному своему назначенію.

Вообще продажа крестьянской земли за неплатежъ представляется операціею, не только противорѣчащею цѣлямъ самого учрежденія, но и ненадежною въ смыслѣ финансовомъ, въ смыслѣ возмѣщенія убытковъ. Положимъ, крестьяне, при помощи банка, купили имѣніе. Пятую часть заплаченной цѣны они заняли у ростовщика и уже одинъ платежъ по этой части ссуды возвышаетъ размѣръ годовой платы съ десятины до цифры, которая превышаетъ приведенныя исчисленія. Но, купивъ имѣніе, они снесли

постройки и раздѣлили землю на полосы. Если окажется, что они не въ состояніи платить банку, то люди постѣннѣе не купятъ этихъ полосъ, а близкіе крестьяне удержатся отъ покупки тѣмъ соображеніемъ, что прежніе пріобрѣтатели той земли пошли «по міру».

Вообще, съ каждымъ годомъ практика показываетъ болѣе и болѣе, что уставъ крестьянскаго банка, составленный при помощи Н. Х. Бунге, положительно не соответствуетъ нынѣшнимъ условіямъ. Оцѣнка слишкомъ высока и процентъ чрезмѣрно высокъ, а платежъ банкомъ 5½% по свидѣтельствамъ не соответствуетъ положенію рынка, когда, наприм., 5-ти процентныя облигаціи петербургскаго городского кредитнаго общества, т. е. банка не-государственнаго, доходятъ до 100 за 100. Но, главное, самое направленіе дѣятельности банка, если бы оно свелось, съ одной стороны, къ скупкѣ земли зайточными крестьянами, составляющими товарищества, а съ другой стороны—къ обезземеленію цѣлыхъ обществъ, купившихъ новыя земли, съ оставленіемъ прежнихъ надѣловъ, оказалось бы вреднымъ. Такія явленія, какъ возростаніе суммъ недоимокъ, увеличеніе числа участковъ, продаваемыхъ банкомъ и остающихся за нимъ по неуспѣшности торговъ, а одновременно—стѣсненіе банкомъ самой выдачи ссудъ за послѣдніе годы несомнѣнно указываютъ на необходимость измѣненій въ уставѣ и даже преобразованія въ самой постановкѣ этого учрежденія.

Если бы уставъ былъ измѣненъ въ такомъ смыслѣ, что крестьянскій банкъ получилъ бы право покупать земли для уступки ихъ въ долгъ переселенцамъ, и если бы затѣмъ преобладающею чертой въ дѣятельности банка явилось именно нѣкоторое регулированіе переселенія, то этотъ пополнился бы чувствительный пробѣлъ въ нашей государственной-экономической дѣятельности. Но и при сохраненіи нынѣшняго круга дѣйствій банка, въ уставѣ его необходимы такія измѣненія, которыя значительно уменьшали бы неисправность въ платежахъ и число продажъ съ аукціона. Нѣтъ никакого рациональнаго основанія, чтобы земельный кредитъ для крестьянъ былъ дороже, чѣмъ для дворянъ: пониженіе процента и взиманіе платежей банку вмѣстѣ съ казенными сборами и тѣмъ же порядкомъ,—таковы наиболѣе необходимыя измѣненія, неоднократно уже указывавшіяся въ печати. Замѣтимъ, что курское губернское земское собраніе, въ настоящую сессію, признало даже паденіе доходности земель поводомъ, достаточнымъ для ходатайства о пониженіи казеннаго поземельнаго налога.

На происходившей въ минувшемъ мѣсяцѣ сессіи дворянства Нижегородской губерніи порѣшено «миромъ» дѣло о растратѣ въ Александровскомъ дворянскомъ банкѣ. Какъ извѣстно, растрату сиротскихъ и земскихъ денегъ на сумму до 40 тысячъ рублей совершилъ г. Андреевъ, состоявшій уѣзднымъ предводителемъ и предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Растроченная сумма была пополнена изъ прибыли банка. По уставу банка, прибыль отъ его операций употребляется на нужды дворянства. Губернскій предводитель, по иниціативѣ котораго было произведено упомянутое попол-

неніе, представилъ собранію, что означенное пополненіе и составляло одну изъ «нуждъ» дворянства. Такое толкованіе было усвоено большинствомъ, не безъ сильныхъ возраженій. Можно, пожалуй, согласиться, что когда растрчены подлежащія охраненію со стороны дворянскихъ опежъ деньги сиротъ дворянскаго сословія, то пополненіе этихъ денегъ представляетъ «нужду» дворянства. Но подобное толкованіе уже менѣе примѣнимо къ возврату земству его денегъ, растрченныхъ предсѣдателями управы. Во всякомъ случаѣ, если покрытіе растрченной суммы было нуждой дворянства, то при этомъ представлялась и другая потребность того же сословія, именно—чтобы упомянутая «нужда» не повторялась впредь, и вотъ эта-то потребность могла говорить за преданіе виновниковъ растраты суду.

Между тѣмъ, дворянское собраніе не только приняло растрату на счетъ банка, но и простило г. Андреева за растрату и другія служебныя злоупотребленія, постановивъ не подвергать его уголовной отвѣтственности, а только лишить его права участія въ дворянскихъ собраніяхъ, да и то лишь на трехлѣтіе. Другое, до нѣкоторой степени однородное дѣло представилось при обсужденіи предложеннаго прокурорскимъ надзоромъ вопроса о привлеченіи къ суду директоровъ того же банка гг. Панютина, Аверкіева и Демидова за выдачу правленіемъ одному изъ директоровъ банка ссуды подъ залогъ имѣнія въ размѣрѣ, превышающемъ цѣнность послѣдняго. Собраніе и этотъ вопросъ рѣшило въ духѣ милосердія, постановивъ не возбуждать судебного преслѣдованія противъ директоровъ.

Быть можетъ, конечно, что г. Андреевъ при совершенной имъ растратѣ самъ былъ жертвою увлеченій, быть можетъ, и то, что какъ онъ, такъ и названные директоры банка—симпатичные въ другихъ отношеніяхъ люди, пріятные собесѣдники и партнеры. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что въ упомянутыхъ постановленіяхъ проявились и большой просторъ взгляда на личныя права и общественныя обязанности, и особенное добродушіе. А еще дворянскія же газеты постоянно упрекаютъ нашихъ присяжныхъ засѣдателей въ излишней мягкости и склонности къ оправданіямъ при наличности вины.

Да, просторъ во взглядахъ на личныя права и общественныя обязанности у насъ еще великъ, какъ несомнѣнно и присущее русскому характеру добродушіе. Но дѣло въ томъ, что упомянутый просторъ, самъ по себѣ, вовсе не органически связанъ съ добродушіемъ, и въ силу такого простора могутъ иногда происходить случаи, въ которыхъ мѣсто добродушія занято жестокосердіемъ, а самый просторъ во взглядахъ на права и обязанности проявляется уже въ видѣ возмутительнаго произвола. Объ одномъ изъ такихъ именно случаевъ пишутъ въ *Недѣлю* изъ Винницкаго уѣзда. Въ большомъ селѣ Уладовкѣ существуютъ три крупныхъ завода, которыхъ фактическимъ владѣльцемъ является гр. Потоцкій. Служащіе у него преимущественно поляки; всѣхъ семействъ, служащихъ при заводахъ, 150. Школъ въ Уладовкѣ нѣтъ и служащіе, кто побогаче, посылали дѣтей учиться въ пансіоны или держали гувернантокъ, а кто побѣднѣе,

тотъ довольствовался обученіемъ дѣтей одной грамотѣ «какими-то иивалидами и учителями».

Въ нынѣшнемъ году генералъ-губернаторомъ сдѣлано было распоряженіе объ усиленіи надзора надъ домашнимъ обученіемъ дѣтей. «Въ сожалѣнію,—пишетъ корреспондентъ,—исполнительные органы истолковали это постановленіе по-своему». Мѣстный урядникъ объявилъ всѣмъ обывателямъ, что отнынѣ «обучать дѣтей не велѣно». Обыватели отказали учителямъ и стали учить своихъ дѣтей сами, урывая время отъ службы, или поручали старшимъ дѣтямъ учить младшихъ. «Но оказалось, что и такой способъ обученія противузаконенъ (?); мало того, даже дѣтскихъ книгъ, учебниковъ и тетрадей обыватель не воленъ держать въ своемъ домѣ. На дняхъ,—продолжаетъ корреспондентъ,—неизвѣстно по чьему велѣнію, сотскій и десятскій села Уладовки произвели повальный обыскъ въ нѣсколькихъ домахъ заводскихъ служащихъ, допрашивая, гдѣ учатся дѣти, кто ихъ учитъ и т. д., въ квартирѣ же г. В., заставъ его дѣтей за ученіемъ, власти эти забрали съ собой всѣ лежавшія на столѣ книги и учебныя пособія».

Намъ кажется, нѣтъ даже необходимости предполагать въ данномъ фактѣ чье-либо особое велѣніе: сами урядникъ, сотскій, десятскій могли сдѣлать все, что хотѣли и какъ понимали; ничто не препятствовало ни простору ихъ взгляда на права и обязанности, ни фактическому осуществленію какого бы то ни было ихъ взгляда. Вотъ гдѣ бѣда излишняго простора въ юридическихъ понятіяхъ и въ примѣненіи законовъ. Намъ могутъ сказать, что сопоставленные нами два случая слишкомъ разнородны: въ одномъ было дѣйствіе властей общественныхъ, въ другомъ—органовъ высшей администраціи; въ первомъ проявилось, какъ мы сами выразились, добродушіе, а въ послѣднемъ ничѣмъ необузданная строгость. Но не эти различія важны,—важны та путаница въ понятіяхъ и та беспорядочность въ условіяхъ нашей жизни, при которыхъ возможны такія явленія, что общественныя должностныя лица не исполняютъ своей обязанности по контролю общественныхъ суммъ, а полиція входитъ въ дома повѣрять, какъ родители учатъ дѣтей; растрата сиротскихъ и земскихъ денегъ на 40 т. р. не выискивается съ виновныхъ, а сотскіе и десятскіе отнимаютъ у матери книжки, по которымъ она учила дѣтей. И, добавимъ еще, такъ вяло наше нынѣшнее настроеніе, что оба факта даже не произведутъ въ обществѣ особеннаго впечатлѣнія. Въ «добродушіи» оно и усмотритъ только добродушіе, а въ строгости—строгость, и больше ничего.

Дѣло постройки въ Россіи элеваторовъ въ послѣднее время перешло изъ сферы споровъ о томъ, кому возводить такія постройки, въ область практическаго осуществленія. При первомъ же обсужденіи вопроса объ элеваторахъ, возбужденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ ходатайствомъ американской компаніи, мы высказали мнѣніе, что элеваторы всего естественнѣе строить владѣльцамъ желѣзныхъ дорогъ, т.-е. желѣз-

ко-дорожнымъ обществамъ, и казнѣ. На практикѣ дѣло и пошло въ этомъ направленіи. Элеваторы построены и строятся обществами юго-западныхъ дорогъ, рязанско-козловской дороги и казною. Казна употребила въ истекшемъ году 1 милл. руб. на постройку большого элеватора въ Николаевѣ и 10 зернохранилищъ на другихъ станціяхъ харьково-николаевской дороги. Частныя общества также нашли средства на это дѣло: рязанско-козловская и юго-западные дороги употребили приблизительно по 1 милл. рублей на постройку, первая—4, а вторая—10 элеваторовъ. Теперь въ мѣсту министерства путей сообщенія внесена сумма въ 4 милл. рублей на постройку элеваторовъ на казенныхъ дорогахъ.

Элеваторы, какъ извѣстно, уменьшаютъ расходы по перегрузкѣ хлѣба, а кромѣ того, очищаютъ и сортируютъ зерно, улучшая, такимъ образомъ, качество главнаго нашего отпускнаго товара. Но большихъ затратъ, какія гребутся для такихъ сооружений, нельзя въ ближайшемъ времени ожидать отъ частныхъ дорогъ малодоходныхъ или бездоходныхъ; другое дѣло—казна, которая при этомъ должна имѣть въ виду и интересы сельскаго хозяйства. Наиболѣе доходными изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, отъ которыхъ и слѣдуетъ ожидать скорѣйшаго почина въ устройствѣ элеваторовъ, представляются слѣдующія, которыя мы перечислимъ въ порядкѣ цифръ превышенія ихъ чистымъ доходомъ цифръ ихъ обязательнаго годоваго платежа на капиталъ (превышеніе показано въ тысячахъ рублей кредитныхъ): московско - курская (3,877), московско-рязанская (3,256), варшавско - вѣнская (2,896), николаевская (2,846), грязе-царицынская (2,138) и юго-западные (1,752).

Названныя дороги представились бы въ совсѣмъ иномъ порядкѣ, если бы ихъ классифицировать по цифрамъ валоваго дохода. Тогда первое мѣсто принадлежало бы юго-западнымъ дорогамъ (валовой доходъ 30 милл. 278 т. р.), а второе николаевской (21 милл. 367 т. р.). При этомъ случаѣ надо замѣтить, что въ общемъ результатъ по 40 главнымъ линіямъ, включающимъ протяженіе до 24 т. верстъ, общая сумма чистаго дохода все еще не сравнилась съ суммой обязательнаго годоваго платежа, а именно первая цифра составляетъ 23 милл. 734 т. р., а послѣдняя 25 милл. 699 т. рублей.

Чтобы показать разность въ относительной доходности дорогъ, достаточно привести такіе примѣры: чистый доходъ на 1 версту дороги составляетъ по николаевской дорогѣ 19,349 рублей, по московско-рязанской 18,630 руб., по юго-западнымъ 5,683 р., по петербургско-варшавской 3,671 р., по подѣскимъ 661 р., по оренбургской 1 рубль, а по самаро-уфимской получается общій дефицитъ въ 305 т. р., что на 1 версту составляетъ 658 руб. Всѣ приведенныя цифры относятся къ 1889 году.

Но если отъ многихъ линій нельзя ожидать, чтобы онѣ въ скоромъ времени принялись за возведеніе элеваторовъ, то одно требованіе въ интересахъ хлѣбной торговли и сельскаго хозяйства можно предъявить къ нимъ всѣмъ, а именно, чтобы для храненія хлѣба, при главныхъ станціяхъ,

гдѣ стекаются хлѣбные грузы, были порядочные склады, въ которыхъ хлѣбъ не подвергался бы порчѣ. Съ этою цѣлью на желѣзныхъ дорогахъ введешь, еще нѣсколько лѣтъ назадъ, особый сборъ въ $\frac{1}{8}$ коп. съ каждаго пуда ввозимаго на станцію груза, въ томъ расчетѣ, что такой сборъ можетъ въ общемъ составить до милліона рублей въ годъ. Но доселѣ желѣзныя дороги еще отговариваются отъ постройки или нужнаго расширенія складовъ недостаточностью накопленныхъ для этого средствъ. Чтобы ускорить дѣло, министерство путей сообщенія назначило на наступающій годъ 2 м. р., для выдачи изъ нихъ ссудъ желѣзнымъ дорогамъ на постройку складовъ, съ погашеніемъ изъ названнаго сбора, и, такимъ образомъ, представится возможность понуждать дороги къ безотлагательной постройкѣ складовъ для хлѣба.

Въ началѣ истекшаго мѣсяца курсъ нашъ продолжалъ понижаться, и въ половинѣ мѣсяца вдругъ поднялся на 9 марокъ въ 100 рубляхъ (съ 231 марки до 239 $\frac{3}{4}$ —курсъ 18 числа), а затѣмъ, къ праздникамъ, снова пошелъ на пониженіе, причѣмъ настроеніе берлинской биржи относительно нашей валюты было нерѣшительное. Перемены эти въ смыслѣ какъ пониженія, такъ и возвышенія курса теперь уже ставятъ въ прямую зависимость отъ биржевыхъ операцій нашего финансоваго управленія. Говорятъ, что курсъ искусственно понижался для установленія лучшихъ цѣнъ на кредитныя рубли по отпуску хлѣба, а затѣмъ, когда покупка золота на кредитныя рубли прекратилась, то и возобновилась тенденція къ повышенію, которая, однако, не рѣшилась идти далѣе извѣстнаго предѣла, опасаясь новыхъ покупокъ металла съ цѣлью ея задержанія.

«Сѣверное агентство» опять сообщило намъ о двухъ новыхъ сенсационныхъ статьяхъ, появившихся за-границею и выставившихъ на видъ могущество нынѣшняго русскаго финансоваго управленія. «Ключъ къ финансовому положенію Европы,—говоритъ вѣнская *Freie Presse*,—находится въ русскомъ министерствѣ финансовъ. Русское вліяніе на денежные рынки Европы заключается въ его активѣ въ Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи, составляющемъ около 21 милліона фунтовъ стерл. Г. Вышнеградскій имѣетъ силу парализовать всѣ операціи, которыя нарушаютъ его проекты... Русскій активъ составляетъ громадную кассу для спекуляціи Лондона, Берлина и Парижа, русское министерство финансовъ служитъ для Европы маклерскимъ банкомъ. Съ этимъ факторомъ долженъ считаться каждый банкиръ, каждый фабрикантъ» и т. д. Затѣмъ, 23 числа, говоря о новомъ французскомъ займѣ, та же газета снова заявляла, «что г. Вышнеградскій въ настоящее время самое важное лицо въ европейскихъ биржевыхъ дѣлахъ. Пользуясь каждою конверсіею для небольшихъ экстренныхъ (?) займовъ, онъ собралъ военный фондъ, превышающій 200 милліоновъ (вѣроятно, кредитныхъ рублей), посредствомъ котораго и производитъ на европейскихъ рынкахъ бурю и ясную погоду».

Само собою разумѣется, что сенсационныя статьи такого рода, часто

повторяющіяся, появляются въ иностранныхъ газетахъ безъ вѣдома нашего финансоваго управленія. Восхваляя его искусство въ биржевыхъ операціяхъ, онѣ едва ли даже могутъ быть ему пріятны, когда называютъ его маклерскимъ банкомъ для Европы и «самымъ важнымъ факторомъ въ биржевыхъ дѣлахъ». Не будемъ провѣрять, дѣйствительно ли наше министерство финансовъ располагаетъ наличностью у иностранныхъ банкировъ въ 21 милл. фунтовъ, хотя готовы согласиться, что оно можетъ располагать даже наличностью значительно большею и посредствомъ нея, дѣйствительно, производить давленіе на курсъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Пріемъ, едва ли требуется разъяснять, что принадлежащія самому министерству за границею суммы, происходящія отъ «экстренныхъ» займовъ, при помощи конверсій,—то-есть отъ увеличенія цифры нашей задолженности нѣсколько выше, чѣмъ того требовали расчеты по общему бумагу при конверсіяхъ,—составляютъ средства переходныя, которыя уже частью соотены въ бюджетѣ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, а потому не могли бы составлять «военнаго фонда», на подобіе тому, какой существуетъ въ Пруссіи со времени Фридриха II.

Несомнѣнно, однако, что русское министерство финансовъ всегда владѣетъ наличными средствами (хотя и имѣющими свое опредѣленное назначеніе), вполне достаточными для того, чтобы на нихъ возможно было производить весьма крупныя операціи, съ цѣлью поднятія цѣны кредитнаго рубля или пониженія этой цѣны, сообразно съ временными соображеніями. Въ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего новаго. Если въ настоящее время такіе излишки («экстренные», по выраженію вѣнской газеты) остались отъ трехъ конверсій, то и въ прежнее время министерство финансовъ всегда имѣло за границей наличные ресурсы въ видѣ суммъ отъ почти ежегодно заключавшихся займовъ. Изъ такъ называемаго «железно-дорожнаго фонда» всегда весьма значительныя переходныя суммы оставались у иностранныхъ банкировъ, суммы, вполне достаточныя для того, чтобы посредствомъ нихъ производить искусственное давленіе на нашъ курсъ. И такое давленіе, дѣйствительно, производилось и при М. Х. Рейтернѣ, и при С. А. Грейгѣ. Но давленіе это, въ прежнее время, всегда имѣло цѣлью лишь возвышеніе курса.

Новый пріемъ,—если вѣрить извѣстіямъ, весьма распространеннымъ и за границей, и въ Россіи,—представляется именно въ томъ, чтобы по временамъ искусственно понижать цѣнность русской валюты при помощи средствъ русскаго финансоваго вѣдомства. Говорятъ, что это дѣлается для пользы нашихъ сельскихъ хозяевъ. Мы уже высказали догадку, что такъ какъ предложеніе нашего хлѣба къ отпуску превышаетъ спросъ, то иностранный покупатель можетъ принимать въ расчетъ и колебанія курса на кредитныя рубли, чтобы предложить, при повышеніи ихъ, нѣсколько низшую цѣну въ рубляхъ металлическихъ. Затѣмъ, всякому понятно, что разница въ количествѣ выручаемыхъ за металл кредитныхъ рублей можетъ и для самихъ продавцовъ хлѣба имѣть значеніе лишь временное,

такъ какъ рассчитанное на цѣлый рядъ лѣтъ искусственное пониженіе кредитнаго рубля повело бы къ паденію его покупной силы и въ нѣ внутренней.

Но главное дѣло въ томъ, что биржевыми операціями на пониженіе всего менѣе могутъ воспользоваться сами производители хлѣба. О томъ землевладѣльцѣ, который продалъ хлѣбъ впередъ, по цѣнамъ гадательнымъ нечего уже и говорить. Но и тотъ, болѣе состоятельный, который продаетъ хлѣбъ въ главныхъ торговыхъ пунктахъ и хотя бы въ самыхъ портахъ (что уже составляетъ исключеніе), не можетъ воспользоваться иначе, какъ случайно, такими биржевыми колебаніями, что до 15 числа курсъ кредитнаго рубля былъ пониженъ, а 17 и 18 поднялся слишкомъ на 2 процента. Подобный барышъ доступенъ только продавцу-скупщику, а никакъ не производителю, для котораго выгоднѣе не платить за складъ хлѣба въ частныхъ магазинахъ, чѣмъ ожидать со дня на день результатовъ биржевой борьбы.

Такия измѣненія въ цѣнахъ происходятъ уже и сами по себѣ и хлѣбная торговля (безъ очень большаго капитала) принадлежитъ къ разряду наиболѣе рискованныхъ. Но если въ нее вносится еще элементъ искусственныхъ колебаній на средства громадныя, тогда хлѣбная торговля обращается прямо въ азартную игру съ весьма малою, случайною только пользою для самихъ производителей хлѣба. Для нихъ все зависитъ отъ случая—когда кто привезетъ свой хлѣбъ въ пунктъ сбыта.

Впрочемъ, за прошлый мѣсяцъ колебанія курса, сверхъ покупокъ и продажъ золота, производившихся по общему отзыву нашимъ финансовымъ управленіемъ, за границею, обусловились еще отчасти слухами о близкомъ осуществленіи четвертой конверсіи. Замѣчательно, —оговоримъ это мимоходомъ,—что слухи о минимомъ намѣреніи финансоваго вѣдомства «фиксировать» кредитный рубль возможно низко и возстановить размѣнъ, по совершеніи девальвации, ходившіе въ концѣ ноября и въ декабрѣ, оказали мало вліянія на цѣну кредитнаго рубля. Биржевыя сферы имѣютъ вообще весьма надежныя свѣдѣнія. Имъ, вѣроятно, было извѣстно, что если таковой проектъ дѣйствительно существовалъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, исходилъ не отъ министерства финансовъ, а стало быть, имѣлъ мало шансовъ на осуществленіе. Въ публикѣ, а отчасти и въ нашей печати, извѣстную статью *Русскаго Вѣстника* о фиксациі курса по низкой цѣнѣ приняли за отриженіе дѣйствительнаго проекта, но, по недоразумѣнію, приписали этотъ проектъ финансовому управленію.

Напрасно, однако, *Московскія Вѣдомости* указывали въ томъ «интригу противъ нынѣшняго финансоваго управленія, горшкую всѣхъ прежнихъ», а въ самой мысли о такой фиксациі угадывали откликъ прежнихъ «доктринерскихъ» и зловердныхъ для Россіи финансовыхъ взглядовъ. Тотъ «пагубный проектъ» Н. Х. Бунге, къ которому газета приравниваетъ нынѣшнюю мысль о фиксациі кредитнаго рубля, допускалъ обращеніе кредитнаго

для при внутреннихъ сдѣлкахъ по биржевому курсу, но имѣлъ при этомъ всегдѣ иную цѣль, а именно ту, чтобы сдѣлать возможнымъ у насъ рращеніе металла, которое при принудительномъ курсѣ немислимо,—тотъ проектъ вовсе не былъ направленъ противъ постепеннаго повышенія курса кредитнаго рубля и достиженія имъ хотя бы *pari* съ металлическимъ рублемъ. Нынѣшняя же мысль заключалась въ томъ, главнымъ образомъ, чтобы воспользоваться пониженіемъ курса и отвратить дальнѣйшую «опасность» его повышенія — посредствомъ фиксаціи цѣны рубля на низкой цѣнѣ — въ интересахъ землевладѣнія, а никакъ не въ интересахъ того, о чѣмъ газета называетъ «доктринерствомъ». Но, какъ бы то ни было, фактъ, что такой проектъ въ публикѣ приписывали министерству финансовъ, представлялъ только ошибку, а нисколько не «интригу», да еще «горшумъ всѣхъ». Есть ничего удивительнаго, что въ публикѣ всякій финансовый проектъ приписывается инициативѣ финансоваго вѣдомства.

Какъ *Моск. Вѣдомости*, такъ и *Новое Время* слишкомъ громко встали противъ мысли о девальваціи, объявляя это дѣло «умышленнымъ преступнымъ банкротствомъ» (*Моск. Вѣд.* и *Нов. Вр.*) и «преступленіемъ» (*Нов. Вр.*). Министерство финансовъ, конечно, было далеко отъ мысли о фиксаціи, но, выгораживая министерство, газеты слишкомъ увлеклись, заговоривъ объ интригѣ и преступленіи. Почему же фиксація въ цѣнѣ кредитнаго рубля, положимъ, на цифрѣ 0,70, заслуживала бы такихъ ужасныхъ названій, когда у насъ уже однажды совершена была фиксація цѣны бумажнаго рубля въ металлѣ по цѣнѣ 0,28? Мы, впрочемъ, не думаемъ защищать фиксаціи, то-есть девальваціи кредитнаго рубля, а только опровергаемъ преувеличеніе. Фиксація курса кредитнаго рубля была бы возможна только при возстановленіи размѣна ниже паритета цѣны, иначе какая бы норма ни была принята для отношенія цѣны кредитнаго рубля къ металлу въ обращеніи, это не устранило бы колебаній курса. А размѣнъ могъ бы установиться у насъ просто лишь при такомъ условіи, чтобы государственнй банкъ сдѣлался учрежденіемъ совершенно независимымъ отъ министерства финансовъ. Однимъ изъ средствъ для доставленія банку независимости могло бы быть превращеніе его въ учрежденіе полу-государственное, полу-акціонерное. Но это—вовсе не лучшее изъ средствъ къ достиженію цѣли; оно представляло бы важныя невыгоды, не будучи даже достаточно надежнымъ. Возстановлять же размѣнъ при нынѣшнемъ положеніи того банка, на ответственности котораго лежатъ кредитные билеты, значило бы только вызвать громадную спекуляцію, направленную къ извлеченію металлическаго фонда.

Возвращаясь къ биржевымъ слухамъ, повторимъ, что биржи вовсе не повѣрили слуху о фиксаціи, имѣя всегда довольно вѣрныя свѣдѣнія. Но, по той же причинѣ, онѣ отнеслись совсѣмъ иначе къ слуху о новой предстоящей конверсіи. Что наше финансовое управленіе можетъ приготовить новую конверсію, этому биржи легко могли повѣрить. Рассказывали, что министерство финансовъ нашло затруднительнымъ осуществленіе новой

конверсии на прежнихъ основаніяхъ, то-есть съ увеличеніемъ цифры задолженности и подпиской съ послѣдующею разверсткой, и что новая конверсія должна совершиться наоборотъ—съ сокращеніемъ долга. Петербургскія *Биржевыя Вѣдомости* даютъ объ этомъ слѣдующее извѣстіе: «Въ дѣловыхъ сферахъ утверждаютъ, что предстоящая операція конверсии 4½% консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій 1875 года будетъ произведена путемъ простаго обмѣна теперешнихъ облигацій на новыя 4-хъ-процентныя, причеиъ разница будетъ всецѣло покрыта наличнымъ платежомъ изъ остатка кассовыхъ средствъ по исполненію росписи текущаго года». Дѣло въ томъ, что по ходу поступленій нынѣшняго года предвидится вѣроятный избытокъ средствъ передъ расходами около 20 м. р., а упомянутая разница, при превращеніи 4½ процентныхъ облигацій въ 4-хъ процентныя, и требуетъ только принатія на счетъ казначейства 19-ти мил. рублей. Это уже было бы болѣе похоже на дѣйствительную конверсію. Конечно, можно, все-таки, сказать, что если бы не было сдѣлано прежнихъ конверсій съ увеличеніемъ задолженности, т.-е. съ тѣми «экстраенными остатками», о которыхъ упоминала *Neue Freie Presse*, то не оказалось бы, пожалуй, и излишка въ нынѣшнемъ году 20 миллионѡвъ.

Новый годъ намъ приходится отмѣтить печальнымъ извѣстіемъ: скончался С. Я. Капустинъ, составившій себѣ почетную извѣстность трудами по общинному землевладѣнію. Покойный давно уже работалъ въ повременныхъ изданіяхъ. Въ *Русской Мысли* онъ сотрудничалъ съ первой книжки перваго года изданія. Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ былъ напечатанъ послѣдній трудъ С. Я. Капустина: *Новыя данныя для освѣщенія старыхъ вопросовъ*. Русская литература лишилась въ лицѣ Семена Яковлевича неутомимаго, честнаго, глубоко-симпатичнаго труженика.

Въ № 279-мъ *Правительственнаго Вѣстника* напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

«Въ экстраординарномъ засѣданіи пятигорскаго бальнеологическаго общества, въ составѣ четырехъ членѡвъ онаго, 3 сентября текущаго года, предсѣдатель этого общества, докторъ С. А. Смирновъ, сдѣлалъ докладъ по поводу разработки источника № 17 въ Ессентукахъ, съ цѣлью упроченія и увеличенія дебита этого источника.

«Докладомъ своимъ докторъ Смирновъ, видимо, желалъ подорвать значеніе и цѣлесообразность указанной разработки, утверждая, что, вслѣдствіе работъ, непрерывно производившихся въ теченіе 3-хъ лѣтъ, источникъ № 17 уменьшился въ своемъ дебитѣ, а вода его утратила прежнія терапевтическія свойства и что она, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, составляетъ продуктъ «фабрикаціи» и даже «фальсификаціи».

«Въ опроверженіе этого голословнаго и совершенно невѣрнаго заявленія, горный департаментъ признаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее:

«1. Работы въ штольѣ источника № 17, одобренныя горнымъ ученымъ комитетомъ, не производились непрерывно въ теченіе 3-хъ лѣтъ, а только въ январь по апрѣль 1888 года.

«2. Результатомъ этихъ, еще не оконченныхъ, работъ было на первыхъ порахъ измѣненіе дебита съ 15 верстъ на 120—140. Въ настоящее время битъ источника равняется 70 ведрамъ въ сутки, но такое уменьшеніе было предусмотрѣно производившимъ работы горнымъ инженеромъ Незлозинскимъ еще въ 1887 году.

«3. Заявленіе объ уtratѣ водою источника № 17 прежнихъ терапевтическихъ свойствъ не имѣетъ рѣшительно никакого основанія. Терапевтическое свойство воды находится въ прямой зависимости отъ ея состава, а составъ воды источника № 17 въ настоящее время ничѣмъ не отличается отъ прежняго, такъ-называемаго стараго источника № 17, какъ видно изъ ряда анализовъ, начиная съ 1865 г., а также изъ постановленія бальнеогигиеническаго отдѣла русскаго общества охраненія народнаго здравія. Отъ имени того же общества въ засѣданіи, въ Ессентукахъ, въ августѣ 1889 года, признано, что терапевтическое дѣйствіе воды источника № 17 при своей разработкѣ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ.

«И, наконецъ, 4. Въ засѣданіи 30 ноября текущаго года общество охраненія народнаго здравія высказало заключеніе, что современный источникъ № 17 въ Ессентукахъ есть именно тотъ, который прежде приобрѣлъ такую заслуженную извѣстность, что ни химическій составъ его воды, ни терапевтическое дѣйствіе ея не измѣнились, что произведенныя надъ нимъ въ 1888 г. работы не только не испортили, а, напротивъ, спасли тотъ источникъ, и что заявленія доктора Смирнова сколько субъективны, столь же и голословны (газета *Врачъ* 6 декабря 1890 г., № 49).

«На искаженіе фактовъ докторомъ Смирновымъ было уже обращено вниманіе публики (*Правительственный Вѣстникъ* 1887 г., № 218).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Метеорологія и сельское хозяйство.

Древность эмпирическихъ знанийъ о погодѣ. — Народныя примѣты и ихъ оцѣнка. — Время посѣвовъ. — Никольскіе морозы. — Рождественскія бури. — Ожиданіе теплаго лѣта послѣ холодной зимы и обратно. — Недостаточность народныхъ примѣтъ. — Необходимость научнаго знанія климата и погоды. — Низкій уровеньъ знанийъ у насъ. — Примѣры. — Хлопокъ и чайное дерево. — Климатическіе и экономическіе предѣлы воздѣлыванія растений. — Большая зависимость урожаевъ отъ погоды у насъ, тѣмъ въ Западной Европѣ. — Необходимость метеорологическихъ наблюденій. — Разныя системы записей. — Польза единства плана для сравнимости данныхъ. — Обработка наблюденій. — Большая сельско-хозяйственная станція. — Зависимость урожая отъ погоды. — Начало разработки вопроса о страхованіи урожая. — Условія для его успѣха. — Вопросъ о предсказаніи погоды въ интересахъ сельскаго хозяйства. — Нынѣшнее положеніе и будущіе успѣхи. — Значеніе нѣкоторыхъ явленій для сельскаго хозяйства. — Температура воздуха. — Солнечная радіація. — Дожди. — Высота снѣга. — Влажность почвы. — Вѣтеръ. — Вліяніе на растенія и движущая сила. — Польза общенія хозяевъ съ учеными. — Основаніе и цѣли *Метеорологическаго Вѣстника*.

Каждый годъ, осенью, весной и лѣтомъ, наши хозяева съ надеждой и тревогой слѣдятъ за ходомъ погоды, ожидая, будутъ ли во-время дожди и ведро, вознаградятся ли ихъ усилія и труды, или нѣтъ.

Но за ходомъ погоды, въ виду ея вліянія на урожай, слѣдятъ не одни хозяева: въ такомъ земледѣльческомъ государствѣ, какъ наше, не многіе не зависятъ прямо или косвенно отъ урожая. Отъ него зависятъ барыши купца и фабриканта, заработки многихъ рабочихъ, исправное поступленіе государственныхъ доходовъ.

Но такъ ли легко судить о вліяніи погоды на урожай, какъ это кажется многимъ? Не нужно ли знанія въ этой области? Утвердительный отвѣтъ разумѣется самъ собой, и эта истина такъ стара, хозяйство такъ много зависитъ отъ условій погоды, что накопленіе эмпирическихъ знанийъ о погодѣ началось очень давно въ средѣ сельскихъ хозяевъ, съ глубокой древности, и теперь даже у полудикихъ народовъ есть опытные и талантливые хозяева, которые умѣютъ и сѣять, и жать во-время, умѣютъ даже предъугадывать погоду, конечно, инстинктивно, не отдавая себѣ отчета, почему, и, во всякомъ случаѣ, руководствуясь признаками, связь которыхъ съ погодой имъ не ясна.

Пока такая опытность и умѣнье практическихъ хозяевъ не записываются и не становятся достояніемъ науки, запасъ ихъ не только не уве-

чивается, а скорѣе уменьшается, старики часто уносятъ свой секретъ въ могилу, а меньшая преемственность занятій, меньшій авторитетъ гариковъ въ наше время уменьшаютъ вліяніе такихъ знаній и умѣній; тому мѣшаетъ и усложненіе жизни, и распространеніе грамотности, — грамотный человѣкъ болѣе полагается на записи и, конечно, менѣе на память.

Поэтому нужно торопиться записать народныя изреченія, касающіяся имата и погоды и ея вліянія на хозяйство, затѣмъ разработать ихъ ритически и сохранить для потомства. Метеорологическая комиссія Имп. русск. географическаго общества уже съ 1883 г. обратилась къ хозяевамъ съ просьбой сообщить ей такія поговорки и скоро разработаетъ полученный матеріалъ.

Нѣкоторые подобныя примѣры уже ранѣе записаны у насъ и въ другихъ странахъ, особенно въ Западной Европѣ. Относительно значенія ихъ у насъ существуетъ два рѣзко расходящихся мнѣнія. Одно изъ нихъ отноится къ народнымъ поговоркамъ о погодѣ такъ, какъ большинство врачей въ народной медицинѣ, т. е. отвергаетъ ихъ безусловно, считая чистымъ предрасудкомъ. Другое, указывая на большое значеніе народнаго опыта въ влеченіяхъ, столь тѣсно связанныхъ съ жизнью, придаетъ этимъ даннымъ преувеличенное значеніе. Истина здѣсь лежитъ по срединѣ, для чего лучше всего привести нѣсколько примѣровъ.

Въ народѣ существуетъ два рода правилъ для начала яровыхъ посѣвовъ: одни руководствуются днями, въ которые празднуютъ тѣ или другіе свята, другіе цвѣтеніемъ извѣстныхъ растений. Первые, слѣдовательно, держатся тѣхъ же дней года, притомъ, благодаря, нашему календарю, завыдывающихъ постепенно. Между тѣмъ, опытъ лучшихъ русскихъ и другихъ хозяевъ достаточно выяснилъ, что слѣдуетъ руководствоваться погодой и накопленіемъ тепла; этому удовлетворяетъ второй родъ примѣтъ — цвѣтенію растений, такъ какъ періодическія явленія растительнаго міра зависятъ отъ суммы тепла.

Столь же распространенны обычай не начинать сѣнокоса ранѣе Петрова дня и выгонять скоть въ поле съ Егорія весенняго. Первое нерѣдко ведетъ къ тому, что косятъ траву уже устарѣвшую и чаще попадаютъ подъ дождь, гѣмъ при сѣнокосѣ до Петрова дня, а благодаря второму, скоть иногда не выгоняется, когда уже есть трава, а иногда выгоняется тогда, когда ему ѣсть нечего; напримѣръ, въ Петербургѣ, въ холодную весну 1867 г., скоть стали, по обыкновенію, выгонять на пастбище съ 23 апрѣля, а трава появилась лишь мѣсяцемъ позже.

Во Франціи недавно собрали данныя для провѣрки народнаго повѣрья о дождяхъ послѣ дня св. Медарда (8 іюня нов. ст.). Оно гласитъ, что если въ этотъ день идетъ дождь, то и слѣдующіе 40 дней будутъ дождливы, а если въ этотъ день нѣтъ дожда, то его не будетъ и въ слѣдующіе 40 дней. Въ теченіе 53 лѣтъ въ департаментѣ Алліе (Allier) послѣ дождливаго св. Медарда было 16,4 дождливыхъ дня, по 17 іюля, а послѣ суха-

го—16,6 дождливыхъ дней, — наименьшее (7) и наибольшее (32) число дождливыхъ дней было послѣ дождливаго св. Медарда *).

У насъ, какъ извѣстно, существуетъ повѣрье о николевскихъ морозахъ (*Никола съ воздежъ*), которое оказывается вполне справедливымъ для обширнаго пространства Россіи, именно $\frac{6}{10}$ декабря и два слѣдующіе дня гораздо холоднѣе всѣхъ предъидущихъ и 5 или 6 послѣдующихъ дней, особенно $\frac{14}{10}$ декабря. То же замѣчу и о срътенскихъ морозахъ $\frac{1}{10}$ и $\frac{2}{10}$ февраля въ Петербургѣ холоднѣе предъидущихъ и послѣдующихъ дней **).

Цѣлый рядъ народныхъ примѣтъ въ разныхъ странахъ можетъ быть названъ отчасти справедливымъ, это—тѣ, которыя основаны на явленіяхъ, указывающихъ на влажность воздуха. Извѣстное положеніе серпа луны, краснота заката, сырѣніе соли служатъ признаками наступающей дурной погоды.

Однимъ словомъ, мы имѣемъ передъ собой пеструю смѣсь справедливыхъ примѣтъ и предрасудковъ,—все это уживается спокойно рядомъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что предрасудки уживаются такъ долго и упорно и, притомъ, въ такой области, гдѣ они отражаются очень вредно на успѣхахъ хозяйства; но, вдумавшись немного, легко понять, какъ это происходитъ. Убѣжденіе въ справедливости примѣты глубоко вкоренилось и всѣ удачные случаи идутъ въ счетъ, остаются въ памяти, а неудачные быстро забываются. Не такъ ли иногда составляются и провѣряются гипотезы, претендующія на ученость и торжественно возвѣщаемыя періодическою печатью? Авторъ гипотезы составилъ себѣ извѣстное мнѣніе и все, что ее подтверждаетъ, даже съ нѣкоторою натяжкой, сейчасъ же приводитъ какъ блестящее подтвержденіе гипотезы *знаменитою* N. N., а то, что не сходится, то просто замалчивается ***). Такимъ образомъ зарождаются *новые предрасудки* между людьми болѣе или менѣе образованными, какъ же удивляться, что старыя держатся у грамотныхъ или неграмотныхъ крестьянъ?

Упомяну объ одномъ предрасудкѣ болѣе или менѣе образованныхъ людей, самомъ распространенномъ. Послѣ холодной зимы обыкновенно ждутъ жарнаго лѣта и наоборотъ. Когда же спросимъ, почему, то получается отвѣтъ: какъ же, вѣдь, должна выйти средняя. Собесѣдникъ что-то читалъ или слышалъ о среднихъ и твердо убѣжденъ, что каждый годъ долженъ имѣть ту же среднюю температуру, что и предъидущіе. Этотъ предрасудокъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что онъ несомнѣнно распространяется между сельскими хозяевами; крестьянамъ онъ еще чуждѣ и дер-

*) A. de Rocquigay Adanson: „Le St. Medard dans l'Allier, Ciel et terre 1888“, стр. 302.

**) См. мою статью объ этомъ въ *Трудахъ VIII съезда русскихъ естествоиспытателей. Секція географіи*, стр. 45.

***) Достаточно указать на предсказанія бурь Фальба, о которыхъ нерѣдко бывають въ нашихъ газетахъ. Въ послѣдніе годы они часто провѣрялись и ихъ негодность вѣдъ сомнѣнію.

живя въ средѣ хозяевъ болѣе или менѣе образованныхъ, но незапомныхъ съ метеорологіей, постепенно распространяясь вмѣстѣ съ грамотностью и дешевыми газетами.

Наблюденія, однако, показываютъ слѣдующее: наприм., въ Петербургѣ 1809 г. имѣлъ среднюю температуру 1_{,1}, 1862 г. 1_{,2}, а 1826 г. 6_{,2}; если же взять 12 послѣдующихъ мѣсяцевъ, не совпадающихъ съ гражданскимъ годомъ, съ декабря 1808 г. по ноябрь 1809 г., средняя 0_{,8}, т.-е. равная многолѣтней средней Архангельска, а съ февраля 1826 г. по январь 1827 г. 6_{,6}, т.-е. почти такая же, какъ въ Петербургѣ (6_{,9}). Въ Лугани, въ восточной части Екатеринославской губ., гдѣ наблюденія начались лишь въ 1837 г., мы имѣемъ: 5_{,7} съ марта 1875 г. по февраль 1876 г. и 9_{,8} съ февраля 1869 г. по январь 1870 г. и т. д.

Но достаточно упомянуть о нѣсколькихъ годахъ, которые въ свѣжей памяти: за необычайно теплою зимой 1882 года послѣдовала очень ранняя весна, теплое лѣто и начало осени, то же было и въ прошломъ 1890 г., и, къ тому же, послѣ малоснѣжной зимы въ большей части Россіи были сухія весна, лѣто и осень. Въ 1889 г. за необычайно снѣжною зимой послѣдовало очень дождливое лѣто, особенно въ черноземной полосѣ.

Возьмемъ примѣръ изъ другой области. Моряки, какъ и земледѣльцы, издавна накопили извѣстный запасъ знаній относительно климата и погоды; атмосферныя явленія, отъ которыхъ зависитъ плаваніе, проще, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ вліяніе на урожай, если, главнымъ образомъ, опасаются направленія и силы вѣтра, и, благодаря наблюдательности моряковъ, накопилось много фактовъ, драгоценныхъ для науки, но и здѣсь, рядомъ съ вѣрными, много и невѣрнаго. Остановлюсь на общезвѣстныхъ *равноденственныхъ буряхъ*. Въ нихъ вѣрять почти всё моряки Европы и Сѣверной Америки. Уже эта распространенность повѣрья должна внушать нѣкоторое сомнѣніе. Исслѣдованіе Скотта въ Англіи за 15 лѣтъ, 1870—1884 гг., показало слѣдующее: осеннее равноденствіе падаетъ на 22 сентября новаго стиля, весеннее на 20 марта. Возьмемъ эти дни съ предъидущими и послѣдующими и сравнимъ число бурь въ Англіи въ эти дни и въ нѣкоторые другіе трехдневные промежутки.

Число бурь въ Англіи въ трехдневные періоды:

Новый стиль.	
19—21 марта	} Равноденствія. . . 2
21—23 сентября	
1—3 января	10
17—19 января	12
24—26 января	12
12—14 февраля.	7
5—7 марта.	8
26—28 октября.	4
20—22 октября.	11
10—12 ноября	9
20—22 декабря.	10

Съ 3 октября по 24 февраля нѣтъ трехдневнаго періода, когда бы не было наблюдаемо менѣе 3-хъ бурь, т.-е. болѣе чѣмъ въ весеннее и осеннее равноденствіа.

Группируя цифры въ 15-ти дневные періоды, такъ чтобы равноденствія приходились въ срединѣ ихъ, Скоттъ получилъ слѣдующія числа бурь:

	Число.	
Съ 29 декабря по 12 января	30	}
» 13—27 января	38	
» 28 января по 11 февраля	22	
» 12—26 февраля	27	
» 27 февраля по 13 марта	27	
» 14—28 марта (весенн. равнод.)	19	
» 29 марта по 12 апрѣля	10	
» 13—27 апрѣля	9	
» 16—30 августа	9	
» 31 августа по 14 сентября	8	
» 15—29 сентября (осен. равнод.)	10	
» 30 сентября по 14 октября	20	
» 15—29 октября	33	
» 30 октября по 13 ноября	23	
» 14—28 ноября	34	
» 29 ноября по 13 декабря	21	
» 14—28 декабря	27	

Во всё остальные не болѣе 3 въ каждыя.

Во всё періоды между осеннимъ и весеннимъ равноденствіями было гораздо болѣе бурь, чѣмъ въ періоды равноденствій, между весеннимъ и осеннимъ—обратно, т.-е. въ Англіи поздняя осень, зима и первые дни марта новаго стиля—время бурь, а лѣтомъ онѣ рѣдки. Въ осеннее равноденствіе число бурь очень медленно увеличивается, позже увеличеніе быстрое, а въ весеннее равноденствіе число бурь быстро уменьшается.

Для нашихъ морей нѣтъ такихъ подробныхъ изслѣдованій за отдѣльные дни, а вычислены лишь числа за цѣлые мѣсяцы новаго стиля. Такъ, по выводу г. Срезневскаго для мѣсяцевъ съ сентября по апрѣль (въ мѣсяцы съ мая по августъ бурь вообще мало), среднее число бурь на Черномъ и Азовскомъ моряхъ:

		Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.
Окрестности	{	Одессы	10	16	8	12	12	7	9
		Берчи	13	16	8	8	9	7	10
Азовское море		12	15	10	9	9	8	5	7
Таганрогскій заливъ		9	10	9	8	7	9	14	8
Новороссійская бухта		7	12	8	19	17	7	13	8
Юго-восточная часть Чернаго моря.		5	8	8	15	19	6	14	9

Здѣсь, слѣдовательно, есть нѣкоторое основаніе ожидать бури во времена равноденствій и почти вездѣ въ ноябрѣ и февралѣ замѣчается умноженіе бурь, т.-е. эти мѣсяцы разграничиваютъ зимній періодъ бурь отъ осенняго и весенняго.

Благодаря писателямъ классической древности, мы знаемъ, откуда произошло это повѣрье. На сѣверныхъ берегахъ Средиземнаго моря лѣто очень ясно, вѣтры слабы, бури и грозы бываютъ рѣдко. Онѣ гораздо чаще весной и осенью. Грозы налетаютъ быстро и южные вѣтры (шквалы) были особенно опасны для мореплавателей древности, плававшихъ вблизи береговъ. Съ весны и осени вообще понятіе было перенесено на времена равноденствій, а затѣмъ понятіе объ опасности равноденственныхъ бурь распространилось и на сѣверъ Европы, гдѣ уже несомнѣнно чаще и опаснѣе зимнія бури.

И такъ, будемъ собирать и изслѣдовать народныя повѣрья о климатѣ и погодѣ, относясь къ нимъ критически, не принимая на вѣру и не отвергая а priori.

Выше я замѣтилъ, что, держась одной преемственной народной мудрости, безъ записи и научной разработки народныхъ примѣтъ, хозяйство не можетъ идти впередъ. Но, однако, успѣхи существуютъ. Отчего же произошли эти успѣхи нашего хозяйства? Несомнѣнно, отъ примѣненія научныхъ знаній. Нашъ хозяинъ имѣетъ возможность пахать, жать, молотить болѣе совершенными орудіями, быстрѣе, дешевле и теряя менѣе продуктовъ, чѣмъ прежде. Этимъ онъ обязанъ успѣхамъ механики въ примѣненіи къ земледѣльческимъ орудіямъ. Онъ можетъ завести усовершенствованныя породы скота, и этимъ онъ обязанъ успѣхамъ зоологіи въ примѣненіи къ домашнимъ животнымъ. Энтомологія и ботаника въ нѣкоторыхъ случаяхъ дали уже средства для борьбы съ животными и растительными паразитами. Химія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству разработала вопросъ объ удобреніяхъ, и многіе хозяева уже воспользовались ея указаніями. Успѣхи технической разработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ громадны и вліяніе науки здѣсь неоспоримо.

Къ сожалѣнію, не то замѣчается относительно примѣненія метеорологіи. Сотни и тысячи образованныхъ и богатыхъ хозяевъ, примѣняющихъ усовершенствованныя орудія и имѣющихъ цѣнныя техническія заведенія (наприм., сахарныя заводы), знаютъ о климатѣ и погодѣ своей мѣстности не болѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, неграмотные крестьяне, и это незнаніе отражается на ихъ производствѣ громадными убытками.

Наши образованные хозяева привыкли брать примѣры съ Западной Европы, часто не справляясь съ тѣмъ, примѣнимы ли тамошніе пріемы къ нашимъ условіямъ, очень отличнымъ отъ тамошнихъ. А въ числѣ этихъ условій климатъ и погода играютъ первенствующую роль. Многія неудачи нашихъ просвѣщенныхъ хозяевъ происходятъ именно отъ этого. Они упустили изъ вида свойства нашего климата—и поплатились за это, то выписывая сорта растений, не выдерживающихъ нашихъ морозовъ и засухъ, то не получили ожидаемаго дѣйствія отъ фосфорнокислыхъ удоб-

решій вслѣдствіе засухи, то такъ глубоко вспахали и измельчили почву, что она уносится вѣтрами, и т. д. Нашъ климатъ очень отличенъ отъ климата средней и западной Европы и безъ изученія климата намъ не дадутся многіе успѣхи; мы будемъ и далѣе переходить отъ рутинны къ дорого стоющимъ, но часто неудачнымъ нововведеніямъ.

Хозяину нужно имѣть хотя бы элементарныя знанія о климатѣ и погодѣ: это одно уже избавить его отъ многихъ и убыточныхъ ошибокъ, а затѣмъ нужно дѣлать метеорологическія наблюденія и слѣдить за успѣхами метеорологіи.

До какой степени нивокъ уровень знаній нашей публики въ этой области, покажутъ примѣры того, что недавно печаталось въ газетахъ и журналахъ, и, притомъ, не уличныхъ листкахъ, а претендующихъ на извѣстность.

Сколько было писано о разведеніи хлопка и кунжута даже въ средней Россіи! Въ доказательство возможности разведенія этихъ растений приводилась даже температура на солнцѣ, будто бы болѣе высокая въ Москвѣ, чѣмъ на югѣ Соединенныхъ Штатовъ. Мало того, дѣлались опыты, стоившіе не мало денегъ. Небольшое знаніе климатологіи легко указало бы на мѣстности Россіи, гдѣ подобные опыты могутъ расчитывать на успѣхъ, т. е. кромя равнинъ Закавказья и Средней Азіи, гдѣ эти растенія уже давно воздѣлываются, развѣ еще на низовья Терека, Сунжи и Кубани на сѣверномъ Кавказѣ.

Далѣе, не разъ указывалось на возможность разведенія въ Закавказьѣ кофейнаго и хиннаго дерева. Охотниковъ дѣлать опыты, кажется, еще не нашлось, между тѣмъ, кофейныя плантаціи пострадали недавно отъ морозовъ въ Гватемалѣ, подъ 13° с. ш. и на высотѣ всего 4,000 ф. (1,200 метровъ) надъ уровнемъ моря. Во всей обширной Россіи нѣтъ мѣстности, гдѣ бы термометръ не падалъ иногда ниже 0° даже днемъ и не могъ бы падать до 5 нѣскольکو ночей сряду, а такихъ морозовъ кофейное дерево не выдерживаетъ. Въ Крыму и на восточномъ берегу Чернаго моря можно, конечно, воздѣлывать кофейное дерево—въ грунтовыхъ сараяхъ, но это—садоводство для любителей, а не сельское хозяйство. Еще хуже обстоитъ дѣло съ хиннымъ деревомъ: оно боится и морозовъ, какіе бываютъ въ самыхъ теплыхъ мѣстахъ Россіи, и сильнаго солнечнаго нагрѣванія, какое у насъ вездѣ бываетъ на югѣ, и растетъ лишь въ горахъ тропической полосы, гдѣ температура не высока, но очень ровна, днемъ облака защищаютъ отъ солнца и чуть не ежедневно идетъ дождь.

Обратное случилось у насъ съ чайнымъ деревомъ. На восточномъ берегу Чернаго моря климатъ теплѣе и столь же влаженъ, какъ въ нѣкоторыхъ чайныхъ округахъ Японіи и Китая, и чайное дерево давно отлично растетъ въ Сухумѣ, а многіе у насъ еще сомнѣваются въ возможности его разведенія и для доказательства этого ссылаются на климатъ чайныхъ округовъ Индіи. Тамъ дѣйствительно гораздо теплѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Россіи, и морозовъ не бываетъ, это правда, но точно также гораздо теплѣе въ Египтѣ, гдѣ уже за 4,000 л. до Р. X. воздѣлывалась

пшеница, что не мѣшаетъ, однако, ей удаваться даже въ Вологодской губерніи. Въ этомъ дѣлѣ нужна большая осторожность.

Не могу не указать на книгу, очень мало извѣстную нашимъ хозяевамъ и даже ученымъ: *Gasparin*: «*Cours d'agriculture*». Авторъ превосходно выяснилъ разницу между климатическими и экономическими условіями воздѣлыванія культурныхъ растений. Чѣмъ ближе къ климатической границѣ, тѣмъ чаще разныя невзгоды постигаютъ растение и тѣмъ рѣже его воздѣлываніе выгодно и можетъ приняты въ большихъ размѣрахъ. Нерѣдко морозъ убиваетъ растенія, которыя считались вполне акклиматизированными; еще чаще близъ своей климатической границы растенія даютъ такой малый сборъ, что ихъ воздѣлываніе становится невыгоднымъ.

Таможенные пошлины и другія мѣры правительства также могутъ имѣть большое значеніе. Англійскія хлѣбныя пошлины побуждали хозяевъ воздѣлывать пшеницу до ея климатическихъ предѣловъ, рискуя частыми неурожаями; послѣ ихъ отмены это уже стало невыгодно и во многихъ мѣстахъ травы и корнеплоды замѣнили пшеницу: влажный климатъ очень благоприятенъ для нихъ, а воздѣлываніе пшеницы усилилось въ странахъ, гдѣ климатъ благоприятенъ для нея,—въ нашей черноземной и степной полосахъ и на западѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Я, между прочимъ, потому указалъ на разведеніе чайнаго дерева на Кавказѣ, что наша огромная ввозная пошлина на чай имѣла бы значеніе покровительственной для нашихъ чайныхъ плантаторовъ и помогла бы имъ преодолѣть нѣкоторыя затрудненія, неизбежныя въ началѣ дѣла.

Существуютъ причины, по которымъ нашимъ хозяевамъ слѣдуетъ обратить большее вниманіе на изученіе своего климата, чѣмъ хозяевамъ Западной Европы: 1) нашъ климатъ измѣнчивѣе и потому чаще бываютъ неприятыя для хозяина случайности; 2) наше хозяйство экстензивнѣе и таковымъ еще надолго останется, а поэтому нѣтъ возможности защитить растенія отъ вредныхъ вліяній погоды, какъ это отчасти возможно при интензивномъ хозяйствѣ Западной Европы, и 3) у насъ менѣе наблюденій, поэтому слѣдуетъ поскорѣе увеличить ихъ число. Хозяинъ Западной Европы чаще, чѣмъ нашъ, можетъ пользоваться тѣмъ, что сдѣлано раѣе.

Во многихъ хозяйствахъ ведется простой метеорологическій дневникъ, безъ особой системы. И такія записи не бесполезны для хозяевъ, но лучше вести записи такъ, чтобы получились данныя болѣе точныя и сравнимыя между собою. Труда и времени на подобныя записи пойдетъ не болѣе, а результатъ получится гораздо лучший. При министерствѣ государственныхъ имуществъ въ настоящее время засѣдаетъ коммиссія, которая занята вопросомъ о системахъ наблюденій, наиболѣе важныхъ для сельскаго хозяйства. Она еще не окончила своихъ занятій. Теперь же замѣчу, что въ зависимости отъ времени, денежныхъ средствъ и охоты къ дѣлу, которыя находятся въ распоряженіи хозяина, онъ можетъ выбрать ту или другую систему записей, и несомнѣнно, что и самыя несложныя, если будутъ вестись аккуратно, будутъ полезны для хозяйства и дадутъ цѣнный матері-

аль по вопросу о зависимости урожаяевъ отъ климата и погоды. Самые простыя изъ предложенныхъ записей — сельско-хозяйственный дневникъ, выработанный въ метеорологической обсерваторіи Новороссійскаго университета. Для нихъ не требуется никакихъ инструментовъ, а сообщается лишь время хозяйственныхъ работъ, разныя явленія роста сельско-хозяйственныхъ растений и самыя простыя явленія погоды. Подобныя записи можетъ вести каждый хозяинъ, и онѣ особенно полезны, если ихъ число въ данной мѣстности велико и если вблизи есть станція, гдѣ ведутся болѣе точныя и подробныя метеорологическія наблюденія.

И между нашими хозяевами есть люди, ведущіе такія, болѣе точныя наблюденія, но ихъ еще очень немного. Для успѣховъ хозяйства нужно, чтобъ ихъ было болѣе, въ особенности потому, что число станцій, содержащихся на счетъ правительства, гдѣ ведутся наблюденія, полезныя для хозяйства, очень не велико. На подобныхъ станціяхъ еще необходимо вести наблюденія по плану, выработанному специалистами, для того, чтобы данныя были сравнимы между собою. Вообще всякому, ведущему метеорологическія наблюденія, должно подчиниться известной дисциплинѣ, необходимой для пользы дѣла.

Но строгое выполненіе принятой инструкціи не должно лишать наблюдателя личной инициативы. Человѣкъ наблюдательный и интересующійся своимъ дѣломъ всегда можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ отъ него требуется по инструкціи. Въ ней, во-первыхъ, всего предвидѣть нельзя; во-вторыхъ, стараются не обременять наблюдателей слишкомъ обширною программой.

Кому же, какъ не сельскому хозяину, и наблюдать явленія природы, посреди которой онъ живетъ? Въ рабочее время ему постоянно приходится бывать на воздухѣ, для хозяйства; поздней осенью и зимой этого не требуется, но за то и болѣе свободнаго времени, и, къ тому же, это время охоты, въ которое всегда можно многое замѣтить и относительно погоды. Благодаря записямъ явленій природы и знакомству съ метеорологіей, сельскій хозяинъ будетъ сознательно относиться къ окружающимъ явленіямъ и обращать вниманіе на многое, чего онъ прежде не замѣчалъ.

По мѣрѣ накопленія наблюденій должна идти ихъ разработка въ при-мѣненіи къ сельскому хозяйству. Она должна, между прочимъ, выяснитъ зависимость роста растений отъ метеорологическихъ явленій, при условіяхъ нашего климата; чѣмъ далѣе подвинется эта разработка, тѣмъ болѣе данныхъ будетъ въ распоряженіи хозяевъ, тѣмъ рѣже будутъ ошибки, происходящія отъ незнанія климата.

Нужно надѣяться, что разработка наблюденій будетъ въ рукахъ метеорологовъ, хорошо знакомыхъ съ условіями сельскаго хозяйства, а въ виду государственной важности дѣла, получится для него пособіе отъ правительства.

Въ послѣднее время необходимость метеорологическихъ наблюденій и ихъ разработки для дѣлей сельскаго хозяйства все болѣе сознается не од-

ними хозяевами, но и государственными людьми, и есть полное основаніе надѣяться, что это не преходящее увлеченіе.

У насъ уже давно существуетъ главная физическая обсерваторія, состоящая въ вѣдомствѣ Императорской академіи наукъ и имѣющая задачей чистую науку. Бюджетъ ея быстро увеличивается. Министерство государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи котораго находится сельское хозяйство, обратило должное вниманіе на примѣненіе къ нему метеорологіи и не только содержитъ нѣсколько станцій въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, но, какъ выше замѣчено, занято выработкой программы метеорологическихъ наблюденій для сельско-хозяйственной цѣли, собираетъ свѣдѣнія о времени хозяйственныхъ работъ и урожаяхъ, а также исходатайствовало субсидію Императорскому русскому географическому обществу на метеорологическія наблюденія, полезныя для сельскаго хозяйства. Эта субсидія дала возможность метеорологической комиссіи общества издать наблюденія надъ періодическими явленіями природы и снѣжнымъ покровомъ и устроить нѣсколько большихъ станцій, наблюдающихъ, между прочимъ, температуру почвы, солнечную радіацію и продолжительность солнечнаго свѣта *).

Наконецъ, въ послѣднее время въ департаментѣ оладныхъ сборовъ министерства финансовъ живо интересуются метеорологіей, на основаніи составленной въ департаментѣ карты снѣжнаго покрова судятъ о положеніи овиней слѣдующею весной, а по свѣдѣніямъ о дождяхъ—о положеніи хлѣбовъ лѣтомъ и осенью. На основаніи свѣдѣній о неблагоприятныхъ метеорологическихъ явленіяхъ дѣлаются и разсочки податей.

Тамъ же разрабатывается вопросъ о зависимости урожаяхъ отъ погоды,—разрабатывается, такъ сказать, экстензивно, на основаніи не особенно точныхъ, но очень многочисленныхъ данныхъ о посѣвахъ и урожаяхъ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ податными инспекторами.

Болѣе интензивно, такъ сказать, на основаніи точныхъ свѣдѣній изъ собственнаго хозяйства, этотъ вопросъ разработанъ графомъ А. В. Олсуфьевымъ въ его докладѣ VIII съѣзду русскихъ естествоиспытателей **). По-

*) Число такихъ большихъ сельско-хозяйственныхъ станцій такъ не велико, что не мѣшаетъ назвать ихъ: 1) Петровская земледѣльческая академія, 2) Земледѣльскій (Лѣсной) институтъ въ Петербургѣ (оба содержатся на сумми министерства государственныхъ имуществъ); 3) Елисаветградское земское реальное училище (получаетъ пособіе отъ земства и нѣкоторые инструменты получены отъ географическаго общества); 4) Коростышевская учительская семинарія, Кіевской губ.; 5) Рамоне, Воронежск. губ., имѣніе Е. И. В. принцессы Ольденбургской; 6) Богодухово, Орловской губ., имѣніе И. Н. Толстаго; 7) Никольское-Горухки, Московской губ., имѣніе графа Л. В. Олсуфьева; 8) Полтавское опытное поле, устроенное тамошнимъ обществомъ сельскаго хозяйства; 9) Оттоново, Минской губ., имѣніе Я. О. Наркевича-Юдко; 10) Заполье, Петербургской губ., имѣніе П. А. Бильдерлинга; 11) Сѣверная ферма, Вологодской губ., имѣніе гг. Масленниковыхъ; 12) Старо-Сидорово, Тобольской губ., имѣніе Л. Н. Балакшина (послѣднія 9 станцій содержатся на счетъ хозяевъ, но значительную часть инструментовъ получили отъ географическаго общества).

**) *Соотношеніе осадковъ и температуры съ урожаями ржи и овса въ средней полосѣ. VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей*, стр. 96.

добную работу, какъ мы слышали, готовить извѣстный дѣлатель нашего юга, Г. Я. Близининъ, на основаніи наблюденій въ Елисаветградѣ и свѣдѣній объ урожаяхъ въ его уѣздѣ, тщательно собранныхъ и разработанныхъ имъ.

Въ послѣднее время стали говорить и писать о дѣлѣ, имѣющемъ громадное значеніе для государства вообще и сельскаго хозяйства въ особенности, именно о *страхованіи урожая*. Дѣло сельскаго хозяина подвержено огромному риску отъ хода погоды и появленія растительныхъ и животныхъ паразитовъ,—риску, который хозяинъ можетъ уменьшить, но который онъ уничтожить не можетъ. Русскіе хозяева подвержены этому риску болѣе, чѣмъ западно-европейскіе, а хозяева черноземной и особенно степной полосы болѣе, чѣмъ нечерноземной. Страхованія являются лучшимъ средствомъ противъ такихъ невзгодъ. Въ годъ обильнаго урожая не трудно дать часть избытка, чтобы обезопасить себя отъ потерь и даже разоренія въ неурожайный годъ.

Еще важнѣе было бы примѣненіе страхованія къ обезпеченію продовольствія и засѣва полей у крестьянъ, вмѣсто существующихъ теперь ссудъ, которыя взыскиваются съ людей, еще не оправившихся отъ послѣдствій неурожая. Однимъ словомъ, нельзя не признать, что мысль о страхованіи урожая очень заманчива, но... большинство сужденій объ этомъ дѣлѣ сводится къ тому, что страхованіе невозможно.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ данную минуту оно затруднительно только потому, что мы еще имѣемъ слишкомъ мало наблюденій по сельско-хозяйственной метеорологіи и вліяніе различныхъ факторовъ на урожай недостаточно выяснено.

Прямо или косвенно главныя причины *неурожая не по винѣ хозяина* сводятся къ условіямъ погоды: засуха или несвоевременные дожди, вымерзаніе озимей отъ недостатка снѣга, ранніе и поздніе морозы, суховѣй—вотъ причины большинства нашихъ неурожаевъ. Къ нимъ присоединяются зависящія отъ растительныхъ или животныхъ паразитовъ. Но жизнь ихъ тоже зависитъ отъ погоды. Хозяинъ радуется, когда послѣ теплой весны наступаетъ сырая, холодная погода,—онъ ожидаетъ отъ нея гибели насѣкомыхъ, вредящихъ его полямъ и садамъ.

При достаточномъ числѣ точныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и разработкѣ ихъ результатовъ метеорологами, знакомыми съ условіями сельскаго хозяйства, можно будетъ выработать тарифъ страховыхъ премій въ зависимости отъ климата, воздѣлыванія растеній и приемовъ хозяйства. Напримѣръ, озимая пшеница у насъ подвержена большому риску, чѣмъ рожь, поэтому справедливо брать за нее и большую страховую премию. Поздніе озимые посѣвы рѣже удаются, чѣмъ ранніе, поэтому справедливо брать большую премию съ первыхъ, и т. д. Нѣкоторые растенія и приемы хозяйства такъ рѣдко удаются, что не подлежатъ страхованію, какъ не страхуются отъ огня слишкомъ опасныя строенія.

Если наблюденія, ранѣе сдѣланныя и разработанныя надлежащимъ обра-

онъ, дадутъ возможность установить справедливыя страховыя преміи, то обложенія за данный годъ должны имѣть особенное значеніе въ вопросѣ томъ, виноватъ ли хозяинъ въ случившемся неурожаѣ, или нѣтъ. Очевидно, что уплата вознагражденія справедлива лишь въ томъ случаѣ, если хозяинъ соблюлъ предосторожности, требуемыя обычаемъ своей мѣстности или тѣмъ способомъ хозяйства, который онъ обязался вести, страдая свой урожай. И за пожаръ не уплачиваютъ вознагражденія, если доказано, что страхователь держалъ въ домѣ вещества, опасныя отъ огня и которыхъ не упомянуто въ страховомъ полисѣ.

Сельское хозяйство настолько зависитъ отъ погоды что предвидѣть ее вранѣе, особенно за нѣсколько дней, было бы такъ важно, что хозяева и пожалѣли бы трудовъ и расходовъ на такое дѣло. Нерѣдки и запросы къ метеорологамъ: можете ли вы предсказывать погоду изъ вашихъ вѣтровъ или указать намъ способы предвидѣть ее самими? Отвѣтъ не особенно утѣшительный при нынѣшнемъ уровнѣ нашихъ знаній и средствъ: лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ погоды возможны довольно вѣроятныя предсказанія за сутки, еще рѣже за двое сутокъ, далѣе же, конечно, нѣтъ. Нава главная физическая обсерваторія посылаетъ предостереженія объ ожидаемыхъ буряхъ въ порты Балтійскаго и Чернаго морей за сутки и, однако, получаютъ предостереженія не о всѣхъ буряхъ и не всѣ предостереженія оправдываются. Между тѣмъ, бури на берегахъ морей легче поддаются предупрежденію, чѣмъ многія явленія, знаніе которыхъ нужно для сельскихъ хозяевъ, особенно лѣтніе грозы и ливни.

Но изъ того, что *теперь* дѣло у насъ не далеко подвинулось, еще и слѣдуетъ, чтобъ и впредь предсказанія у насъ были столь же трудны, какъ теперь. Положеніе Европейской Россіи въ этомъ отношеніи даже выгоднѣе, чѣмъ Западной Европы, такъ какъ большинство циклоновъ, областей низкаго давленія, приходитъ къ намъ съ запада, и мы, слѣдовательно, можемъ получать предупрежденія о нихъ по телеграфу. Примѣръ Западной Европы показываетъ намъ, что, прежде всего, нужно изучить *типы* *молоты* и условія перехода одного въ другой. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ метеорологовъ занятъ въ настоящее время этою работою, и когда она окончится, то предсказаніе погоды сдѣлаетъ значительные успѣхи.

Впрочемъ, и теперь предсказаніе нѣкоторыхъ явленій, важныхъ для хозяйства, легче, чѣмъ лѣтнихъ ливней; въ это число входятъ такъ называемые обложные дожди, бывающіе весною и осенью, а на сѣверѣ и отчасти въ Средней Россіи и лѣтомъ, сильныя вѣтры, напримѣръ, суховѣи, знои и т. д.

До нѣкоторой степени можно предвидѣть погоду и по мѣстнымъ признакамъ, напримѣръ, по облакамъ, влажности воздуха и т. д., но всего точнѣе *ночные* морозы.

Барометръ очень полезенъ въ этомъ отношеніи, но нужно изучить его показанія въ связи съ другими условіями погоды, а не ожидать всегда дождя или снѣга при пониженіи барометра и хорошей погоды при его повышеніи.

Укажу еще на нѣкоторые метеорологическія явленія и ихъ важность для сельскаго хозяйства.

Температура воздуха ранѣе другихъ явленій стала наблюдаться у насъ и, вазалось бы, должна быть хорошо изучена. Но это невѣрно. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи слишкомъ мало метеорологическихъ станцій, онѣ существуютъ недолго, а наиболѣе продолжительныя и точныя наблюденія сдѣланы въ большихъ городахъ, гдѣ, подѣ влияніемъ нагрѣтыхъ стѣнъ и крышъ, температура выше, чѣмъ въ окрестностяхъ. Это особенно бываетъ вечеромъ и ночью въ теплое время года. Слѣдовательно, наблюденія сельскихъ хозяевъ, сдѣланныя въ деревнѣ, т.-е. при болѣе нормальныхъ условіяхъ, несомнѣнно полезны.

Но, мало того, температура бываетъ очень различна въ близкихъ мѣстахъ, подѣ влияніемъ мѣстныхъ условій. Кто не знаетъ, что она гдѣто выше надѣ чернымъ паромъ, чѣмъ надѣ зеленымъ полемъ и особенно чѣмъ въ лѣсу? Ночью она выше на холмахъ, чѣмъ въ долинахъ и оврагахъ, отчего, напримѣръ, нижніе огороды часто побиваются морозомъ, когда повыше ихъ—нѣтъ. Эти явленія извѣстны въ общихъ чертахъ, но еще очень мало подробныхъ изслѣдованій вліянія мѣстныхъ условій въ Россіи.

Изслѣдованіе вліянія *солнечнаго свѣта* и *земли* составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ метеорологіи, особенно въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, врядъ ли о чемъ судить болѣе вѣривъ и вкось, чѣмъ о *температурахъ на солнцѣ*. Спиртовой термометръ, поставленный надѣ лугомъ, вдали отъ всѣхъ предметовъ, сильно нагрѣваемымъ солнцемъ, покажетъ температуру лишь на 1° или менѣе выше, чѣмъ въ тѣни, ртутный гладкій—выше, съ зачерненнымъ шарикомъ—еще выше, и помѣщеніе термометра вблизи стѣны, нагрѣтой солнцемъ, еще возвышаетъ температуру. Поэтому для того, чтобы получать сравнимыя данныя, нужна однородность инструмента и его установки, которая и достигается на хорошо устроенныхъ станціяхъ. Количество полученнаго растеніями солнечнаго тепла такъ важно, что даже при достаточно теплой и влажной погодѣ урожай зерна обыкновенно бываетъ не очень великъ и низкаго качества, если солнечнаго тепла мало. На основаніи своихъ наблюденій надѣ солнечною радіаціей (актинометрическихъ) обсерваторія Монсури въ Парижѣ не разъ уже дѣлала вѣрныя предположенія объ урожаѣ горадовъ раньше начала жатвы. По отчету завѣдующаго полтавскимъ опытнымъ полемъ, Б. П. Черепяхина, оказывается, что урожай 1887 года былъ очень великъ и превосходнаго качества, благодаря тому, что при достаточномъ количествѣ дождя температура воздуха была невысока, а солнечнаго тепла было много. Въ 1888 г. на основаніи выпавшаго дождя ожидали еще большаго урожая, но онъ вышелъ лишь среднимъ по количеству и низкимъ по качеству зерна, такъ какъ солнечнаго тепла было мало. Несомненно, что солнечный свѣтъ и тепло имѣютъ огромное вліяніе на урожай и качество другихъ продуктовъ, напримѣръ, плодовъ, винограда, свекловицы. Между тѣмъ, актинометрическихъ наблюденій у насъ еще очень не-

ного, и нашимъ просвѣщеннымъ хозяевамъ приходится самимъ озаботиться увеличеніемъ ихъ числа.

Водные осадки (дождь и снѣгъ) имѣютъ огромное значеніе для хозяйства, и такъ какъ особенно лѣтніе дожди распределены очень неправильно, то нужна густая сеть станцій для ихъ изученія. Помимо того, что ливни идутъ неправильными и узкими полосами, то тамъ, то здѣсь, опытные хозяева давно подмѣтили, что тутъ не одна случайность, а есть мѣста, по преимуществу посѣщаемыя дождями. Наблюденія въ Бѣло-Колодезскомъ имѣніи въ Харьковской губ. показали *)), что надъ водами и растительностью выпадаетъ болѣе дождя, чѣмъ надъ чернымъ паромъ. Очень желательно, чтобы такихъ наблюденій было поболѣе, и въ каждомъ крупномъ имѣніи этотъ вопросъ можетъ быть изучаемъ съ пользой, т.-е. въ предѣлахъ имѣнія окажутся мѣста, гдѣ выпадаетъ далеко не одинаковое количество дождя.

Влажность почвы имѣетъ самое важное значеніе для хозяйства и заслуживаетъ особаго вниманія. Между тѣмъ, наблюденій надъ нею очень и очень мало въ Россіи **). Современемъ можно будетъ рѣшить вопросъ, каковъ наибольшій урожай при данной небольшой влажности почвы и каковыхъ лучшихъ условіяхъ обработки и удобрения.

Снѣжный покровъ имѣетъ такое значеніе въ нашемъ суровомъ климатѣ, что заслуживаетъ самаго подробнаго изученія. Снѣгъ защищаетъ наши поля отъ вымерзанія зимой, даетъ имъ влагу и защищаетъ отъ быстрого колебанія температуры весной, наконецъ, питаетъ источники и ручьи. Кажется бы, у насъ должно было накопиться множество данныхъ по этому вопросу, однако, этого, къ сожалѣнію, нѣтъ, и наблюденія надъ высотой снѣга начались лишь съ осени 1888 г. по приглашенію Императорскаго русскаго географическаго общества и метеорологической обсерваторіи Новороссійскаго университета. Тѣмъ болѣе пора наверстать потерянное время и дружно приняться за работу.

Вѣтеръ является однимъ изъ условій, вредныхъ для нашего хозяйства, особенно на югѣ, и мѣстами просвѣщенные хозяева уже принимаютъ мѣры къ ослабленію вреда отъ него. Средства для этого давно извѣстны: разведеніе лѣсовъ, лѣсныхъ опушекъ и живыхъ изгородей. На метеорологическихъ станціяхъ обыкновенно устанавливаютъ флюгера съ дощечками возможно высоко и вдали отъ препятствій вродѣ высокихъ строеній, деревьевъ и т. д. и, конечно, это необходимо, но для сельскаго хозяина, рядомъ съ наблюденіями, дающими ему понятіе о направленіи и силѣ вѣтра на нѣкоторой высотѣ, нужно имѣть понятіе о силѣ вѣтра на уровнѣ его культурныхъ растений и о вліяніи разныхъ препятствій вродѣ изгородей и опушекъ.

*) См. мою статью *Вліяніе растительности на осадки* въ журн. *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* 1887 г.

**) Укажу на превосходное изслѣдованіе надъ влажностью почвы въ Елизаветградѣ Г. Я. Влишнява, напечатанное въ *Трудахъ Воинно-Экономическаго Общества* за 1890 г.

Наши хозяева, однако, не правы, если смотреть на вѣтеръ только какъ на явленіе, вредное для нихъ. Вѣтеръ—дешевая, почти даровая движущая сила и, благодаря удобнымъ вѣтрянымъ двигателямъ, нѣтъ можно пользоваться для очень разнообразныхъ цѣлей, наприм., молотьбы, подъема воды и т. д. Но для сужденія объ удобствѣ пользованія вѣтромъ нужно имѣть понятіе объ его силѣ въ разные времена сутокъ и года. Проф. Кюсовскій воспользовался для этой цѣли наблюденіями метеорологической станціи юго-западной Россіи. Оказалось, что весною и осенью почти всегда довольно вѣтра для подъема воды, но что лѣтомъ бывають періоды жаровъ и затишья, когда нужна вода для орошенія садовъ и огородовъ, а сила вѣтра недостаточна для ея подъема.

Замѣченнаго въ настоящей статьѣ кажется достаточно, чтобы доказать, что нашимъ хозяевамъ необходимо ближе ознакомиться съ климатомъ и погодой и самимъ приняться за метеорологическія наблюденія, хотя бы самыя простыя. Собранныя ими данныя послужать нашимъ ученымъ для вывода зависимости урожая отъ метеорологическихъ факторовъ и другихъ обобщеній, а по мѣрѣ накопленія данныхъ и успѣховъ метеорологіи стануть возможны и болѣе вѣрныя предсказанія погоды, которыми воспользуются сельскіе хозяева.

Я выше замѣтилъ, что хозяева и другія лица, занимающіяся метеорологическими наблюденіями, отнесутся сознательнѣе къ окружающимъ измѣненіямъ и отъ такого сознательнаго отношенія можно ожидать важныхъ результатовъ. Но важно и ознакомиться съ результатами, добытыми метеорологіей, необходимо и живое общеніе наблюдателей между собою и съ учеными специалистами. Этой потребности несомнѣнно будетъ удовлетворять новый журналъ *Метеорологическій Вѣстникъ*, выходящій съ нынѣшняго года въ Петербургѣ.

Исторія его возникновенія слѣдующая. Уже нѣсколько лѣтъ въ средѣ нашихъ метеорологовъ явилась мысль о подобномъ журналѣ, но было такъ мало надежды на успѣхъ подписки, что основаніе его считалось возможнымъ лишь при казенной субсидіи или частныхъ пожертвованіяхъ. Взглядъ на дѣло рѣзко измѣнился со времени прошлогодняго съѣзда естествоиспытателей въ Петербургѣ.

27 декабря 1889 г. всѣ члены съѣзда были приглашены на собраніе метеорологической комиссіи географическаго общества. Собраніе было многочисленное и пріѣзжіе выказали такое сочувствіе къ метеорологамъ, что 7 января 1890 г. тамъ же было созвано собраніе для обсужденія вопроса объ основаніи метеорологическаго журнала. Присутствовало до 40 членовъ и они единогласно рѣшили, что слѣдуетъ «учредить журналъ и назвать его *Метеорологическій Вѣстникъ*». Всѣ присутствующіе записались учредителями со взносомъ не менѣе 25 р. Эти взносы должны составить запасный капиталъ журнала.

Затѣмъ былъ избранъ редакціонный комитетъ изъ 7 петербургскихъ и

4 многогородныхъ ученыхъ. Собрание уполномочило ихъ принять мѣры къ осуществленію журнала.

Редакціонный комитетъ нашелъ, что лучше прилѣпнуть къ существующему учрежденію—географическому обществу, на что получилъ согласіе его совѣта. Былъ составленъ циркуляръ, напечатанный многими газетами и журналами, а также разосланный отдѣльно. Въ немъ всѣ сочувствующіе дѣлу приглашались заявлять желаніе вступить въ число учредителей или подписаться на журналъ.

Когда получилось болѣе 105 заявленій учредителей и болѣе 450 подписчиковъ, совѣтъ географическаго общества разрѣшилъ изданіе журнала.

Уже сначала было рѣшено помѣщать не однѣ спеціальныя статьи, но и научно-популярныя, а также обращать постоянное вниманіе на требованія практической жизни. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно отъ 2½ до 3 печатныхъ листовъ, съ картами и чертежами. Отдѣлы слѣдующіе: I) научныя и популярныя статьи по всѣмъ отдѣламъ метеорологіи, а также по гидрологіи и земному магнетизму; II) разныя извѣстія; III) обзорѣніе русской и иностранной литературы; IV) мѣсячныя и годовыя обзоры погоды и V) вопросы и отвѣты.

Редакторами выбраны: А. И. Воейковъ, М. А. Рыкачевъ и Г. Б. Шиндлеръ. Редакціонный комитетъ состоитъ, кромѣ этихъ трехъ лицъ, изъ барона Ф. Ф. Врангеля, Н. А. Гезехуса, Д. А. Лачинова, И. В. Мушкетова, М. М. Поморцева, Б. И. Срезневскаго и А. А. Тилло въ Петербургѣ, Р. А. Болли въ Москвѣ, П. И. Броунова, К. Н. Жука и Р. Н. Савельева въ Кіевѣ, А. В. Клоссовскаго въ Одессѣ и Н. Д. Пильчигова въ Харьковѣ.

А. Воейковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Вольная волюшка*, драма изъ временъ Ивана Грознаго, въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ, И. В. Шпагинскаго; *Подъ иголомъ утраты*, драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи, Г. Д. (мотивъ заимствованъ); *Причудницы (Les précieuses ridicules)*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Мольера, переводъ С. Е. Пугача; *Царь Иоаннъ четвертый*, хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ и 9-ти картинахъ съ прологомъ, кн. А. И. Сумбатова.).

Г. Шпагинскій придумалъ заманчивое заглавіе для своей драмы «изъ временъ Ивана Грознаго». Намъ очень было любопытно посмотреть, какаѧ это *Вольная волюшка* будетъ представлена на сценѣ приуроченною къ такой исторической эпохѣ, когда протопопъ Сильвестръ сочинилъ свой *Домострой*, кодексъ семейнаго деспотизма, а царь Иванъ Васильевичъ словомъ, письмомъ и дѣломъ закрѣплялъ деспотизмъ государственный въ самомъ ужасающемъ его видѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ такое тяжелое время сознаніе человѣческаго достоинства и стремленіе къ свободѣ на «вольную волюшку» не во всѣхъ замерли, и были люди, пытавшіеся такъ или иначе вырваться изъ-подъ тяжелаго гнета. Такія порыванія должны были неминуемо вести къ отчаянной борьбѣ между энергической, непокорливою личностію и всѣмъ общественнымъ строемъ, созданнымъ вѣковыми наслоеніями произвола, опиравшагося не только на силу, но и на убѣжденіе въ своемъ правѣ властвовать безгранично надъ тѣломъ и душою обязанныхъ повиноваться. Борьба съ насильствомъ почти всегда содержитъ въ себѣ элементы, изъ которыхъ можно создать болѣе или менѣе интересную и поучительную драму. И въ особенности найдется для драмы много серьезныхъ мотивовъ при такомъ положеніи общества, когда обѣ борящіяся стороны почитаютъ себя одинаково правыми, когда на сторонѣ насилія законъ и обычай, сила и право, весь фактический и нравственный авторитетъ власти, а на сторонѣ возстающихъ противъ насилія—сознаніе своего естественнаго права и неодолимая жажда осуществить это право по влеченію своего сердца столько же, сколько и по стремленію рвущагося къ свободѣ разума. Но такая борьба между собою двухъ сторонъ лишь тогда превращается въ настоящую драму, когда разумъ и сердце становятся въ противорѣчіе другъ съ другомъ или же съ тѣми за-

конами и обычаями, отъ почитанія которыхъ не въ силахъ сразу отрѣшиться герой или героиня изображаемаго событія. Этого-то именно мы и не находимъ въ драмѣ г. Шпажинскаго, «изъ времешь Ивана Грознаго». Не находимъ мы въ ней характернаго изображенія и самыхъ этихъ временъ. Совершенно то же самое могло бы случиться на Руси и за сто лѣтъ ранѣе этого времени, и черезъ сто, и черезъ двѣсти лѣтъ, и, пожалуй, даже еще позднѣе, — чуть не вплоть до уничтоженія крѣпостнаго права и «домостроевскаго» склада семейныхъ отношеній.

Въ первой картинѣ перваго дѣйствія авторъ представляетъ намъ большую комнату барскаго дома, въ которой за пьльцами и вышиваніями сидятъ дворовыя дѣвушки боярина Шалыгина. Для людей, помнящихъ пятидесятыя года нынѣшняго столѣтія, это — знакомая картина. Точь-въ-точь такія же крѣпостныя мастерскія можно было видѣть въ любомъ, даже небогатомъ, помѣщичьемъ домѣ и можно было слышать почти тѣ же самые разговоры, тѣ же грустныя пѣсни невольныхъ работницъ, тѣ же злые окрики на нихъ старухи-домоправительницы, изжившей свой вѣкъ въ атмосферѣ крѣпостничества. За дѣвушекъ вступается дочь боярина, Ольга (г-жа Ермолова). Домоправительница (г-жа Правдина) грозить и ей гнѣвомъ боярина-отца. Глѣбъ Акимовичъ Шалыгинъ (г. Рыбаковъ) — суровый деспотъ въ семьѣ, жестокой господинъ для своихъ холопей; но въ немъ такъ же точно, какъ въ его запуганной женѣ (г-жа Садовская) и въ его дочери, мы не видимъ ни одной черты, отличающей ихъ отъ деревенскихъ помѣщиковъ временъ екатерининскихъ, павловскихъ и даже александровскихъ. Въ каждой нашей дворянской семьѣ живы еще преданія о какомъ-нибудь прадѣдушкѣ или о его сосѣдѣ, наводившихъ страхъ и ужасъ не только на подневольныхъ имъ крѣпостныхъ, но и на мелкихъ дворянъ, на чиновниковъ, на всю округу, силою отнимавшихъ у сосѣдей ихъ земельныя угодья, разорявшихъ ихъ деревни и усадьбы. Особенность положенія Шалыгина состоитъ лишь въ томъ, что онъ доноситъ царю погубилъ своего сосѣда Подгорнаго и за то получилъ въ награду его вотчину. Сынъ Подгорнаго (г. Южинъ) спасся бѣгствомъ въ Литву. Но онъ вернулся, сталъ атаманомъ шайки разбойниковъ и скрывается съ ними въ лѣсу по близости усадьбы Шалыгина. Молодой Подгорный любитъ дочь своего «ворога», Ольга любитъ Подгорнаго, товарища своего дѣтства. А отецъ порѣшилъ отдать ее замужъ за стараго, богатаго и вліятельнаго при царскомъ дворѣ князя Мецецаго (г. Правдинъ). Чтобы избавиться отъ брака съ пьянымъ и негоднымъ старикомъ, Ольга соглашается, во второй картинѣ перваго дѣйствія, бѣжать съ Ильею Подгорнымъ, стать его женою и съ нимъ уйти за рубежъ. Все это и въ недавнюю старину нерѣдко бывало такъ же точно. Одинъ изъ театральныхъ критиковъ въ газетномъ разборѣ этой драмы указалъ на сходство Ильи Подгорнаго съ Дубровскимъ въ романѣ Пушкина. Указаніе совершенно вѣрное, и на Дубровскаго герой драмы г. Шпажинскаго много больше походить, чѣмъ на атамана лѣсной вольницы XVI вѣка. Въ своемъ объясненіи съ Ольгой онъ

говорить, что пришел мстить за обиды и неправды, чинимыя сильными слабымъ,—пришелъ защищать угнетенныхъ и спасти ихъ отъ насилій и звѣрствъ. Но такъ онъ говорить только, это одни слова, а соответственныхъ имъ дѣяній авторъ намъ никакихъ не показываетъ. Мы видимъ лишь изъ дальнѣйшаго хода пьесы, что онъ держитъ своихъ «воровъ-разбойниковъ» безъ всякаго дѣла, что «воры-разбойники» недовольны имъ и начинаютъ ему недовѣрять и что въ этомъ они правы, такъ какъ Подгорный, добывши любимую дѣвушку, хочетъ ихъ увести куда-то подальше отъ усадьбы Шалыгина, отдѣлаться отъ нихъ и бѣжать съ молодою женой за рубежъ.

Выведенные изъ себя тѣмъ, что онъ «выкралъ дѣвку», разбойники, вопреки волѣ атамана Подгорнаго и потихоньку отъ него, стовариваются напасть на усадьбу Шалыгина и разграбить накопленные имъ богатства. Этимъ исчерпывается содержаніе втораго дѣйствія. Въ третьемъ является князь Мезецкій закончить свое сватовство къ Ольгѣ. Весь домъ уже знаетъ, что боярышня пропала изъ дому; невѣдомо это только самому Шалыгину, и онъ требуетъ отъ жены, чтобы она вывела дочь къ нареченному ея жениху. Старая боярыня въ ужасѣ отъ той грозы, которая неизменно должна разразиться надъ нею и надъ всѣмъ домомъ, когда откроется побѣгъ дочери. Но тутъ налетаетъ иная гроза,—врываються разбойники, убиваютъ князя Мезецкаго и вьжутъ боярина Шалыгина. Четвертое дѣйствіе происходитъ опять въ лѣсу. Ольга уже повѣнчана съ Подгорнымъ. Не весело, однако, начинается ея медовый мѣсяцъ; въ разгаръ ея объясненій съ молодымъ мужемъ, бѣжавшая съ нею дворовая женщина, Дуняша (г-жа Порошина), заявляетъ, что горитъ шалыгинская усадьба. Черезъ минуту разбойники приводятъ самого боярина и привязываютъ его къ дереву. Чтобы спасти отца, Ольга подкупаетъ перстнемъ разбойника Батю (г. Макшеевъ), и тотъ уводитъ «воровъ» грабить усадьбу. Подгорный освобождаетъ Шалыгина. Въ пятомъ дѣйствіи мы присутствуемъ при разграбленіи усадьбы и пьянствѣ разбойничьей шайки. Одинъ по одному собираются и главные дѣйствующія лица. Приходить Шалыгинъ, плачетъ надъ своимъ разореніемъ и униженіемъ и кончаетъ тѣмъ, что вѣшается на поясѣ, — разумѣется, за кулисами. Являются Ольга, Подгорный, всѣ разбойники. Шайка возмущается противъ атамана, выбираетъ въ предводителя есаула Кирюху (г. Левицкій) и убиваетъ Подгорнаго. Входитъ старая боярыня и говоритъ удрученной горемъ дочери, что имъ ничего другаго не осталось, какъ идти въ монастырь и замаливать передъ Богомъ всѣ совершенныя здѣсь злодѣянія.

Все это—событія, конечно, возможныя, но въ чемъ же тутъ собственно драма? Ни въ комъ мы не видимъ никакой внутренней борьбы, ни борьбы внѣшней съ кѣмъ-либо или съ чѣмъ-либо. Все идетъ очень ровно и гладко, хотя совсѣмъ не благополучно. Только, вѣдь, неблагополучіе отнюдь еще не драма, а безвременно погибшій Илья Подгорный ни чуть не драматическій герой и несчастная Ольга не драматическая героиня. Въ ихъ

личной жизни все имъ удалось безъ малѣйшихъ помѣхъ, или съ такими препятствіями, какія въ мѣру только водевилю. Папенька хочетъ отдать дочку за старика, а дочка ночью вышла въ садъ и убѣжала съ своимъ милымъ. Самъ этотъ милый того только и добивался. Правда, не за свое оное дѣло взялся, ставши атаманомъ разбойниковъ, плоховать онъ для этого и погибъ за то, что плохъ, да за то еще, что вздумалъ надувать свою шайку. Не она измѣнила атаману, а онъ обманулъ довѣріе своихъ товарищей и потомъ сталъ у нихъ отпрашиваться отпустить его съ молодой женой въ Литву. Пьяная ватага разбуянилась и убила его. И выходитъ, что это не драма, а разбойничій набѣгъ въ лицахъ. Лица же, кромѣ героя и героини, очерчены авторомъ довольно хорошо и въ исполненіи гг. Рыбакова, Правдина, Магшеева и г-жи Садовской являются очень характерными, почти типичными, хотя, повторяемъ, не имѣющими неразрывной связи съ взятою авторомъ эпохой. Но всѣ лица безъ исключенія поставлены въ такое положеніе, что проходятъ передъ зрителемъ какъ разрозненные старинные портреты, не привлекая къ себѣ ничьихъ симпатій и не возбуждая ни въ комъ серьезныхъ негодованій. Шалыгинъ суровъ и жестокъ, но таково уже было время; къ тому же, его жестокость сглаживается и искупается его неустрашимостью, нѣкоторою даже возвышенностью духа передъ шайкой разбойниковъ, когда онъ, связанный и безсильный, не опускаетъ передъ ними головы, гордымъ вызовомъ отвѣчаетъ на ихъ издѣвательства.

На афишѣ этого спектакля значится, что декорации второй картины 1-го дѣйствія и 5-го дѣйствія сдѣланы г. Гельцеромъ. Мы очень высоко цѣнимъ этого талантливаго художника и большого мастера своего дѣла. А потому насъ неприятно удивилъ промахъ, допущенный имъ въ декорации 5-го дѣйствія. Изъ пьесы мы знаемъ, что усадьба Шалыгина горѣла, что она сожжена разбойниками. На сценѣ же мы видимъ, послѣ пожара, деревянный двухэтажный домъ съ провалившеюся, и то лишь отчасти, крышей, съ выбитыми окнами, съ обрушившимся переходомъ и съ совершенно цѣлыми стѣнами. Впечатлѣніе получается такое, будто домъ разбитъ пушечными ядрами, а не погорѣлъ отъ пожара, или же — пожаръ былъ потушенъ подоспѣвшими пожарными командами при содѣйствіи паровыхъ трубъ московскаго пожарнаго депо. Такъ деревенскіе дома не горятъ и въ наше время, и, конечно, не горѣли во времена Ивана Грознаго. Ради декораторскихъ эффектовъ нельзя отступать отъ естественности и правды, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда художнику-декоратору представлялась полная возможность изобразить и обгорѣлый садъ, и груды еще не совсемъ угасшихъ развалинъ.

Въ томъ же спектаклѣ, въ бенефисъ г. Рыбакова, шелъ одноактный «драматическій этюдъ» Г. Д. *Подъ метомъ утраты*, и нельзя не поблагодарить почтеннаго бенефицианта за постановку этой пьесы. «Дѣйствіе происходитъ въ провинціи, въ наши дни, въ помѣстьи княгини Бреженецкой». Старая княгиня (г-жа Федотова) живетъ одиноко, тоскуетъ «подъ

гнетомъ утраты», ею понесенной, и считаетъ, что жить ей уже не зачѣтъ, не для чего. Докторъ (г. Горевъ) старается ободрить удрученную горемъ княгиню, говоритъ, что пока живъ человекъ, онъ не можетъ быть убѣжденнымъ, что не для чего жить. Докторъ знаетъ нѣчто такое, что можетъ еще привязать къ жизни его упавшую духомъ пациентку и вновь дать смыслъ ее разбитой жизни. А разбита жизнь княгини, гордой своимъ именемъ и родомъ, тѣмъ, что ея единственный сынъ, вопреки волѣ матери, женился на недостойной дѣвушкѣ и, лишенный за то средствъ къ жизни, надѣлалъ долговъ, потомъ сдѣлалъ подлогъ векселей. Чтобы спасти сына отъ суда, княгиня заплатила долги, деньгами потушила скандальное дѣло, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, навсегда отказалась отъ сына, запретила даже говорить о немъ. На сцену является молодая женщина въ траурѣ, Софья Васильевна (г-жа Лешковская), съ маленькимъ сыномъ Мишей (экт. Егорова). Въ отсутствіе княгини докторъ принимаетъ ее, ребенка отсылаетъ съ слугою въ садъ и подготавливаетъ встрѣчу,—зритель уже догадывается,—вдовы отвергнутаго сына съ его старухою-матерью. Крѣпкая своимъ традиціямъ, старуха не мирится даже съ памятью умершаго сына и знать не хочетъ его вдовы. Но вбѣгаетъ ребенокъ, все въ немъ напоминаетъ старухѣ ея родное дитя; она беретъ на руки внука, осыпаетъ его ласками, говоритъ: «мой онъ, мой!...» Происходитъ примиреніе и жизнь женщины, погибавшей «подъ гнетомъ утраты», вновь получаетъ смыслъ, сулитъ возвратъ былыхъ радостей. Просто это, несложно, но необыкновенно трогательно. Въ исполненіи же г-жъ Федотовой и Лешковской эта, сама по себѣ, немудреная пьеса за душу хватаетъ и вызываетъ слезы на глаза,—добрыя слезы. И на душѣ зрителя остается мягкое и бодрящее впечатлѣніе, несмотря на кое-какіе мелкіе недочеты въ пьесѣ, сглаживаемые превосходною игрой г-жи Федотовой при такихъ талантливыхъ помощникахъ, какъ г-жа Лешковская, г. Горевъ и милая ученица Егорова.

Третьей пьесой бенефиснаго спектакля шла комедія Мольера *Причудницы* (*Les précieuses ridicules*). Самое заглавіе этой пьесы непередаваемо по-русски, а ужъ о содержаніи и говорить нечего. Для русской публики не имѣютъ никакого смысла «забавныя причуды», осмѣяныя—двѣсти тридцать лѣтъ назадъ—Мольеромъ. Теперь и въ русскомъ переводѣ это просто скучная пьеса.

26 декабря шла въ первый разъ «хроника» кн. А. И. Сумбатова *Царь Иоаннъ четвертый*. Объ этой пьесѣ былъ уже данъ отзывъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» нашего журнала (1889 г., кн. IX), когда хроника кн. Сумбатова появилась въ печати. Авторъ взялъ для своей пьесы интересное и почти нетронутое беллетристами время — молодость грознаго царя и поставилъ себѣ задачей выяснитъ въ сценическомъ произведеніи внѣшнія условія и внутренній процессъ, подъ вліяніемъ которыхъ царь Иванъ IV дошелъ до ужасающихъ злодѣйствъ, дающихъ поводъ усомниться въ нормальности его умственныхъ способностей. Всѣ событія дѣтства и молодости царя Ивана воспроизведены авторомъ съ такою вѣрностью

и рельефностью, каких только можно желать въ драматической хроникѣ. Нѣкоторые эпизоды изображены съ большимъ сценическимъ мастерствомъ, какъ, напримѣръ: прологъ, прощаніе съ царицей передъ походомъ на Казань, картина боярской крамолы въ опочивальнѣ больного царя, приѣмъ ливонскихъ пословъ въ Грановитой палатѣ и смерть царицы Анастасіи. Но есть, по нашему мнѣнію, и совсѣмъ лишнія сцены, хотя и очень красивыя съ внѣшней стороны,—таковы вторая и третья картины передъ осажденною Казанью. Въ характеристикѣ времени онѣ ничего не прибавляютъ, къ характеристикѣ же главнаго дѣйствующаго лица прибавляютъ очень немногое. Два монолога, для которыхъ, повидимому, вставлены эти картины, могли бы, при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, быть перенесены въ первую картину того же дѣйствія, представляющую сборы въ походъ.

Первенствующее мѣсто въ пьесѣ и, скажемъ больше, подавляющее всѣ другія личности, занимаетъ, конечно, царь Иванъ (г. Южинъ). За нимъ слѣдуетъ протопопъ Сильвестръ, переименованный для сцены въ «пустынника Кирилла» (г. Рыбаковъ). Для чего понадобилось такое переименованіе историческаго лица, мы не станемъ разбирать и будемъ называть это лицо его настоящимъ именемъ, Сильвестромъ, каковымъ онъ и значится въ напечатанной хроникѣ. На этихъ двухъ лицахъ авторъ сосредоточилъ все свое вниманіе и на взаимныхъ отношеніяхъ ихъ обосновалъ главные моменты своей пьесы. Прологъ хроники даетъ намъ картину неурядицы, происходившей вокругъ трона малолѣтняго Іоанна вслѣдствіе борьбы изъ-за власти между высшими боярами. Въ первомъ дѣйствіи царь является хотя и очень юнымъ, но уже принявшимъ власть въ свои руки. Неурядицы, тѣмъ не менѣе, продолжаются, борьба идетъ уже прямо открытая, поддерживаемая народными волненіями на улицахъ горящей Москвы. Въ эту минуту передъ теряющимся царемъ появляется протопопъ Сильвестръ, рѣзко обличаетъ дурныя дѣла царя, грозитъ ему вѣчными адскими мучками, наводитъ на него такой ужасъ, что юный властелинъ падаетъ ницъ передъ смѣлымъ протопопомъ и всецѣло отдаетъ себя его духовному руководству. Въ то же время, Іоаннъ приближаетъ къ себѣ Алексѣя Адашева (г. Ленскій) тоже за его правдивыя и смѣлыя рѣчи. Это все прекрасно. Но дальше во все продолженіе пьесы мы не видимъ, какое же благотворное вліяніе оказали и въ чемъ именно эти два знаменитые въ исторіи человека. Во второмъ дѣйствіи авторъ выводитъ на сцену царицу Анастасію (г-жа Ермолова) и на этотъ разъ не показываетъ намъ, чѣмъ и какъ сумѣла она укротить и умягчать жестокой нравъ своего супруга настолько, что въ ряду многихъ русскихъ царицъ она одна оставила въ исторіи память о себѣ, какъ объ ангелѣ, охранявшемъ всю землю Русскую отъ грозившихъ уже ей тяжкихъ испытаній. Въ хроникѣ царица Анастасія проситъ царя быть милостивымъ и добрымъ, щадить воеводъ и жаловать бояръ—и только. Затѣмъ слѣдуетъ нѣжная сцена прощанія супруговъ, прерываемая неупускающимъ ихъ изъ-подъ своего наблюденія Сильвестромъ. Сцена эта, несмотря на чудное исполненіе ея г-жею Ермоловой съ г. Южи-

нымъ, оставляетъ странное впечатлѣніе, съ одной стороны, неясности образа царицы, съ другой—мало правдоподобной назойливости крайне несимпатичнаго Сильвестра, неумно путающагося не въ свои дѣла. Въ концѣ сцены Іоаннъ оказывается, на нашъ взглядъ, слишкомъ покорнымъ и смиреннымъ, Анастасія — менѣе кроткою и незлобивою, чѣмъ она представляется нашему воображенію. Мы находимъ, что въ хроникѣ недостаточно выражено значеніе Сильвестра и Адашева въ дѣлѣ государственнаго строительства и неопредѣленно показано нравственное вліяніе царицы на Іоанна. Самъ царь Иванъ изображенъ слабохарактернымъ, ни въ чемъ неубѣжденнымъ, незнающимъ ни чего онъ хочетъ, ни что онъ сдѣлаетъ черезъ минуту, вѣчно подчиняющимся постороннимъ вліяніямъ и вызываемымъ ими порывамъ то къ добру, то къ злодѣйствамъ. Мы не видимъ въ Іоаннѣ послѣдовательнаго роста характера и нарастанія развивающейся мысли о значеніи царскаго сана и соединенной съ нимъ безграничной власти. Чѣмъ бы ни былъ царь Иванъ Васильевичъ въ дѣйствительности, — сознательнымъ ли тираномъ и злодѣемъ въ душѣ, или психически ненормальнымъ человекомъ, — для насъ кажется несомнѣннымъ одно, что онъ по натурѣ своей былъ человекомъ жесткимъ, крутымъ, упорнымъ, непреклонно убѣжденнымъ только въ томъ, до чего онъ дошелъ своимъ умомъ, твердо вѣрящимъ въ свой умъ, въ свои знанія, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не отступающимъ. Въ хроникѣ же кн. Сумбатова онъ изображенъ слишкомъ мягкимъ, склоннымъ къ мечтательности и романтизму, но постоянно сбиваемымъ съ добраго пути то неблагоприятно складывающимися обстоятельствами, то окружающими его людьми. Очень неясными представлены въ хроникѣ протопопъ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ. До конца пьесы мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи, что это были за люди и чего они хотѣли. Въ критическій моментъ болѣзни Іоанновы они оказываются невѣрными друзьями, измѣняющими царю слугами, перебѣжчиками на сторону бояръ, задумавшихъ отдать тронъ князю Старицкому.

Правда, они говорятъ, что дѣлаютъ это для пользы государства, чтобы предотвратить неурядицы, неизбежныя въ томъ случаѣ, если царемъ будетъ опять ребенокъ. Но то же самое говорятъ и другіе бояре, затѣявшіе измѣну царскому роду и еще живому царю. Въ опочивальнѣ лежащаго при смерти Іоанна, ближайшіе къ нему, имъ возведенные Сильвестръ и Адашевъ играютъ самую двусмысленную роль: въ то время, какъ между Захарьяными и Воротынскимъ, съ одной стороны, и Старицкимъ съ товарищами—съ другой дѣло доходитъ до рукопашной схватки, эти друзья царя держатся особнякомъ, какъ будто готовые пристать къ тѣмъ, кто одолѣетъ. Зрителямъ дѣла нѣтъ до того, такъ ли это было въ дѣйствительности, или не такъ; публика пришла въ театръ не исторію учиться, а смотрѣть драму, хотя бы и названную «хроникой». Само собою разумѣется, что мы не признаемъ за драматургами права искажать и перевертывать исторію; но, видѣвъ съ тѣмъ, мы требуемъ отъ авторовъ полной опредѣленности и ясности въ томъ отношеніи, кому должны мы и можемъ отдать наши

симпатіи. Хроника кн. Сумбатова симпатій наших не затрогиваетъ; а тамъ, гдѣ подобное чувство можетъ въ насъ шевельнуться, мы понимаемъ, что заведетъ оно туда, куда совершенно нежелательно, а именно на сторону Басманова, единственнаго человѣка, остающагося беззавѣтно преданнымъ Іоанну и побуждающимъ его учредить опричнину. Само собою разумѣется, что это не входило въ намѣренія автора. А, между тѣмъ, все дѣло сводится въ хроникѣ къ тому, что по совѣту монаха Вассіана царь рѣшается управлять государствомъ безъ бояръ, а по совѣту Алексѣя Басманова заводитъ опричнину, необходимую ему для огражденія себя отъ ихъ козней. Въ общемъ, хроника кн. Сумбатова оставляетъ смутное впечатлѣніе чего-то недоговореннаго, невыясненнаго, незатрогивающаго душу зрителя. Передъ нами проходитъ рядъ очень эффектныхъ картинъ, богатыхъ иллюстрацій къ русской исторіи, и только. Но картинъ этихъ слишкомъ много, интересъ онѣ представляютъ, по большей части, внѣшній и сами по себѣ онѣ довольно однообразны.

Разыграна пьеса превосходно. Г. Южинъ безукоризненно, мѣстами поразительно, изображаетъ царя Ивана, именно такимъ, какимъ задумалъ его авторъ. Постановка хроники въ декоративномъ, костюмерномъ и режиссерскомъ отношеніи не оставяла бы желать ничего лучшаго, если бы... не было двухъ легко поправимыхъ промаха. Скажемъ о нихъ по порядку. Декорация, изображающая видъ Казани при восходѣ солнца, — верхъ совершенства; вся постановка этой картины дѣлаетъ величайшую честь г. декоратору и режиссеру. Но есть пятна и на солнцѣ, здѣсь же такими пятнами являются всадники на коняхъ. Это эффектно, пожалуй, но очень неудобно: четвероногіе статисты пугаются, пятятся и своими движеніями обращаютъ въ забавное бѣгство нѣкоторыхъ доблестныхъ российскихъ воеводъ; своимъ топотомъ лошади заглушаютъ рѣчь царя. Все это отвлекаетъ вниманіе зрителей, и для большей части публики совершенно уничтожаетъ монологъ г. Южина. Мы думаемъ, что лошадей слѣдовало бы принять со сцены. Второй промахъ мы видимъ въ декорации, представляющей горницу въ домѣ князя Старицкаго, гдѣ изъ-за плохо написанной занавѣски выглядываютъ еще хуже намалеванные шлемы и всякое оружіе. Если нужны эти дреколія, то слѣдуетъ поставить все настоящее; на самомъ же дѣлѣ, ни на что это не нужно и оказывается негоднымъ пятномъ среди всего остальнаго великолѣпія.

Ан.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Въ одной охранительной нашей газетѣ императоръ Вильгельмъ, за его рѣчь о гимназіяхъ, былъ названъ «бывшимъ кассельскимъ гимназистомъ», у котораго «логика, на провѣрку, оказывается далеко не высокой пробы»... Если бы «бывшій кассельскій гимназистъ» пожелалъ познакомиться съ этими охранительными писателями, какъ бы онъ былъ удивленъ, увидѣвъ передъ собою группу маленькихъ, подобострастныхъ людей, съ «котомкой покорности» за плечами. Они напомнили бы ему тѣхъ «гимназистовъ-неудачниковъ» и «кандидатовъ на голодъ», которыми, по его словамъ, нѣмецкое классическое образованіе заполняетъ журналистику и отъ которыхъ независимая нѣмецкая печать отрекается рѣшительно и энергически, приписывая недоразумѣніе императора тому, что онъ имѣлъ возможность знать только оффиціозныхъ журналистовъ.

Изумительна историческая судьба Гогенцоллерновъ, дѣлогда ничтожнаго и безсильнаго маркграфства, терявшагося среди другихъ подавлявшихъ его германскихъ государствъ и только идеей прогрессивнаго патриотизма достигшаго теперешняго своего значенія, величія и первенствующаго положенія!

Вотъ коротенькая статистика этого изумительнаго превращенія:

1640 годъ.

Курфиршество Бранденбургское.

Пространство—36,700 квадр. верстъ.

Число жителей—2.400,000.

Царствующій государь: Фридрихъ-Вильгельмъ, курфирсть бранденбургскій.

1891 годъ.

Пруссія, королевство.

Пространство—348,354 кв. верстъ.

Число жителей—28.358,000.

Царствующій государь: Вильгельмъ II, король прусскій, императоръ германскій.

Насъ, русскихъ, привыкшихъ считать все сотнями милліоновъ, эти цифры, можетъ быть, и не поразятъ. Но за то содержаніе этихъ цифръ

такъ умно, что онѣ получаютъ выдающійся политическій смыслъ. Только умною государственною системою и прогрессивнымъ патриотизмомъ Пруссія достигла своего значенія.

«Бывшій кассельскій гимназистъ!» — восклицаютъ наши классики-патріоты. Нѣтъ, не «кассельскій гимназистъ» выступаетъ здѣсь съ своимъ новымъ преобразовательнымъ словомъ, а германскій императоръ, стоящій во главѣ нѣмецкаго племени, которому предстоятъ новыя государственныя и общественныя задачи, которыя возможно будетъ разрѣшить съ народомъ, получившимъ иное образованіе, на теперешнее не похожее. «Измѣнившееся международное положеніе Пруссіи и Германіи расширяетъ нашъ кругозоръ и заставляетъ всѣхъ насъ спросить себя: можетъ ли наше образованіе оставаться такимъ же, какимъ оно было въ то время, когда Германія и нѣмецкій народъ жили жизнью замкнутыхъ въ себѣ мыслителей? Теперь, съ измѣнившимися обстоятельствами, мы невольно приходимъ къ мысли, что намъ, быть можетъ, придется такъ или иначе прорвать ту ограду, которой стѣснена была до сихъ поръ наша школьная система», такъ разъяснилъ мысль императора Вильгельма министръ народнаго просвѣщенія.

Для чего же «такъ или иначе» (значитъ, безповоротчо, рѣшительно, во что бы то ни стало) придется Пруссіи порвать съ своею школьною системою образованія? Только для того, чтобы создать людей, выросшихъ въ знаніи своего отечества, въ пониманіи его практическихъ нуждъ и потребностей, создать тѣхъ дѣятельныхъ гражданъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ, которыхъ теперешняя школа, учившая совсѣмъ другому и старавшаяся отвлекать вниманіе отъ знакомства съ истинными нуждами своего отечества, совсѣмъ не создавала. Эту мысль, хотя и другими словами, императоръ Вильгельмъ высказалъ вполне ясно.

Говорятъ, что Вильгельмъ ищетъ популярности, что онъ во что бы то ни стало желаетъ оставить по себѣ слѣдъ въ исторіи. Все это возможно. Но вопросъ не въ этомъ; вопросъ — въ томъ, какими средствами Вильгельмъ думаетъ достигнуть этой цѣли, если вѣрно, что онъ только ради ея и работаетъ. И Вильгельмъ въ своихъ средствахъ является истымъ Гогенцоллерномъ. Выдающіеся Гогенцоллерны, имена которыхъ записаны исторіей, всегда отличались умѣньемъ понимать требованія своего времени и того, что нужно дѣлать для славы и возвеличенія Пруссіи. Такимъ же передовымъ представителемъ Пруссіи является и Вильгельмъ.

Выросшій среди побѣдныхъ кликовъ нѣмцевъ и всеобщаго воинственнаго возбужденія, Вильгельмъ еще ребенкомъ обнаруживалъ воинственныя наклонности, какъ бы уже формировался въ будущіе завоеватели и даже заставлялъ говорить о себѣ, какъ о будущемъ Фридрихѣ Великомъ. И вотъ этотъ будущій Фридрихъ Великій, ставъ императоромъ и королемъ, умѣряетъ свой военный пылъ и провозглашаетъ самую мирную программу: «Мы живемъ, — говоритъ онъ, — въ переходное время и находимся наканунѣ вступленія въ новое столѣтіе, а преимуществомъ моего дома, — и я думаю, мои предки давно это доказали, — всегда было то, что они, чувствуя біеніе

пульса времени, умѣли предъугадывать, что должно наступить. Тогда они становились во главѣ движенія, которымъ они рѣшились руководить и которое хотѣли направить къ новымъ цѣлямъ. Я полагаю, что узнавъ, къ чему склоняется новый духъ и заканчивающееся столѣтіе, и я рѣшился, какъ при возбужденіи вопроса о социальныхъ реформахъ, такъ и въ дѣлѣ воспитанія нашего молодого поколѣнія, выступить на новую дорогу,—идти по которой мы должны безусловно, потому что если мы не сдѣлаемъ этого, то мы будемъ къ тому черезъ двадцать лѣтъ принуждены».

Вотъ и весь секретъ Вильгельма,—секретъ очень простой и даже не новый, и лишь только заявленное во всеуслышаніе, какъ программа, которой Вильгельмъ будетъ держаться. Фридрихъ-Вильгельмъ, а еще болѣе Фридрихъ Великій не спрашивали своихъ подданныхъ -«дѣтей», что имъ нужно. Теперь уже такъ нельзя. И жизнь, и народное сознаніе выросли и развились настолько, что, кромѣ силы «сверху», явилась уже и сила «снизу». Нижнее теченіе, не только во Франціи и Италиі, но даже въ нѣмецкихъ земляхъ, даже въ Австріи, составляетъ фактъ, который нужно уже признать какъ одно изъ неустрашимыхъ основаній современной государственности.

И Вильгельмъ объявляетъ, что онъ этотъ фактъ признаетъ, что онъ останется вѣренъ гогенцоллернской традиціи прогрессивнаго консерватизма. Консерватизмъ этотъ заключается не въ настойчивомъ охраненіи всѣхъ старыхъ порядковъ, учрежденій, установленій и внутреннихъ отношеній,—онъ заключается въ томъ традиціонномъ идеалѣ, который выработали для себя Гогенцоллерны. Власть, какъ носитель справедливости, общаго блага, мирнаго развитія и просвѣщенія, на встрѣчу которымъ она идетъ сама, предъугадывая требованія жизни, и, притомъ, приуроченная собственно къ дому Гогенцоллерновъ, и есть именно тотъ традиціонный консервативный устой, на охраненіе и укрѣпленіе котораго Вильгельмъ намѣренъ положить всѣ свои силы. Въ сущности, это консерватизмъ правительственной системы дома Гогенцоллерновъ, прогрессивная роль котораго въ политической исторіи Германіи питаетъ въ Вильгельмѣ честолюбивую мечту не только поднять и укрѣпить, но и расширить значеніе Пруссіи, своей династіи и вообще монархической власти. Вильгельмъ немножко идеалистъ-мечтатель, настолько честолюбивый, энергичный и дѣятельный, что въ исторической борьбѣ разныхъ теченій, въ которой, можетъ быть, ему придется играть видную роль, онъ считаетъ возможнымъ выйти побѣдителемъ, а, пожалуй, стать и вождемъ монархизма, который онъ хочетъ обновить.

Честолюбіе Вильгельма заключается въ поднятій національнаго чувства и умственаго развитія. Нѣкогда приниженные нѣмцы, почти ставшіе предметомъ презрѣнія для своихъ болѣе сильныхъ сосѣдей, сдѣлались тѣмъ, что они теперь есть, только подъемомъ національнаго сознанія и національнаго чувства. Во главѣ этого возбужденія встала Пруссія, выставившая цѣлый рядъ великихъ и даровитыхъ патриотовъ, работавшихъ

въ литературѣ и на государственномъ и политическомъ поприщѣ. Томазій, Лессингъ и слѣдовавшая за ними плеяда писателей, ученыхъ, философовъ и цѣлый рядъ патріотовъ-правителей, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, Фридрихъ Великій, Вильгельмъ I, Штейнъ, Бисмаркъ, заканчивается на нашихъ глазахъ новымъ вождемъ прусско-нѣмецкаго государственнаго патріотизма—Вильгельмомъ II.

По мнѣнію Вильгельма II, новый германскій государственный строй стоить того, чтобы его сохранить, и содѣйствіе сохраненію и спокойному дальнѣйшему развитію этого государственнаго строя — задача достойная того, чтобы употреблять на нее всѣ силы человѣческія. И путемъ иного, осмысленнаго и патріотическаго образованія Вильгельмъ надѣется создать для Пруссіи новое поколѣніе гражданъ, спокойное, поступательное, сливающееся въ своихъ стремленіяхъ, желаніяхъ и цѣляхъ въ гармоническое и одномыслищее цѣлое съ правительствомъ.

Вмѣсто «очерка русской жизни», у меня выходитъ какъ будто бы «очеркъ прусской жизни». Но это именно «какъ будто-бы». Историческія иллюстраціи мнѣ казались (и думаю, что это такъ и есть) наиболѣе убѣдительнымъ противопоставленіемъ тому, что стараются доказать наши охранительныя газеты. Вильгельмъ II—крайній и убѣжденный идеалистъ монархизма, желающій поставить монархическую власть въ Германіи на высоту, на какой она стояла при Карлѣ Великомъ, когда и благо и добро, и правда и справедливость, и порядокъ исходилъ только отъ лица императора. А *Гражданинъ* усматриваетъ въ его программѣ укрѣпленія монархизма «колебаніе основъ».

Разгадка этого недоразумѣнія—въ томъ, что «основы», на которыхъ стоить *Гражданинъ* и его единомышленники, выдающіе ихъ за чисто-русскія, совсѣмъ не тѣ, на которыхъ стоить Вильгельмъ. Вильгельмъ—образованный человѣкъ и въ качествѣ образованнаго человѣка онъ знаетъ цѣну образованія, знаетъ, что только ему Пруссія обязана своимъ вызвышеніемъ, и потому въ inomъ образованіи юношества, образованіи общественно-политическомъ, основанномъ на знаніи дѣйствительныхъ и практическихъ нуждъ страны,—образованіи, на существовавшее до сихъ поръ образованіе не похожемъ,—усматриваетъ единственную возможность угадать «біеніе пульса времени» и «предусмотрѣть то, что должно наступить». Съ нетерпѣливостью молодости, но твердо, энергично и сознательно, Вильгельмъ сталъ готовить путь, на который онъ хочетъ поставить Пруссію, заживя старыхъ генераловъ и совѣтниковъ своего дѣда болѣе свѣжими людьми, иного режима. Энтузіастъ-императоръ, можетъ быть, уже и рисуетъ себя центральной фигурой обновленнаго прусскаго монархизма, окруженною созданными имъ новыми поколѣніями, начинающими новую эру не только для Пруссіи, но и для всей Германіи. Конечно, въ подобномъ консерватизмѣ ни для *Московскихъ Вѣдомостей*, ни для *Гражданина* съ ихъ сторонниками нѣтъ мѣста. Оба эти консерватизма отстаютъ другъ отъ друга на цѣлыя тысячелѣтія. Консерватизмъ Вильгельма—свѣтлый, доброжелательный кон-

серватизмъ, полный жизни и просвѣщенныхъ стремленій; консерватизмъ же *Московскихъ Вѣдомостей* и *Гражданина*—что-то мрачное, нелюдимое, озлобленное и недоброжелательное. Консерватизмъ Вильгельма основанъ весь на сознательной идеѣ развитія. Вильгельмъ говоритъ, что теперешній государственный строй Германіи стоитъ того, чтобы его сохранить и употребить на это всё силы человѣческія. Но чтобы этотъ строй могъ сохраниться, нужно, чтобы каждый гражданинъ убѣдился, что это именно такъ, чтобы каждый воспитался въ этомъ убѣжденіи, чтобы каждый зналъ всё условія развитія и роста той государственности, которая охраняетъ его гражданское и личное существованіе, чтобы онъ зналъ всё опасности, которыя грозятъ цѣлости этой государственности, и когда каждый пруссакъ убѣдится сознательно и безъ колебаній, что только въ теперешней прусской государственности, съ ея вождемъ Гогенцоллерномъ, онъ имѣетъ лучшія формы общественности, ужъ онъ, конечно, будетъ сознательно стремиться охранить эти формы отъ всякаго сторонняго покушенія на ихъ цѣльность и охранительное начало найдетъ свой непоколебимый источникъ само въ себѣ, въ сознаніи гражданъ. *Московскія Вѣдомости* и *Гражданинъ* выставляютъ совѣтъ противоположныя требованія. Они выстраняютъ изъ своей программы консерватизма всякую критическую мысль, сознательность и свободное отношеніе къ дѣйствительности, а *Гражданинъ* даже и прямо возстаетъ противъ образованія, въ немъ - то именно и усматривая опасность для охранительныхъ началъ. Подобный консерватизмъ, думающій укрѣпиться на невѣжествѣ, лежитъ, разумѣется, за десятки тысячъ верстъ отъ консерватизма Вильгельма, находящаго самый прочный и надежный устой въ образованіи и просвѣщеніи.

Разное отношеніе къ умственному развитію и сознательности устанавливаетъ и совѣтъ противоположныя практическія программы того и другаго консерватизма. Когда Штеккеръ, напримѣръ, вздумалъ возобновить при Вильгельмѣ II свой крестовый походъ противъ евреевъ, Вильгельмъ попросилъ его замолчать. Наши же охранительные органы думаютъ, что люди будутъ чувствовать себя лучше и счастливѣе, если не давать каждому свое, а давать его только нѣкоторымъ, а тѣхъ, для кого оно не полагается, турить вонъ...

Ставлю точки. И что я усиливаюсь доказать и для кого? Развѣ въ той же Пруссіи Вильгельма, о которой рѣчь, пришло бы какому-нибудь писателю въ голову доказывать, что государство и народъ сильны только образованіемъ, просвѣщеніемъ, сознаниемъ, что каждый гражданинъ долженъ знать учрежденія своей страны, ея исторію, что просвѣщенное правительство, опирающееся на просвѣщенныхъ гражданъ, образуетъ несокрушимую силу, дающую странѣ могущество внѣшнее и крѣпость внутреннюю, что управление должно быть основано на подъемѣ нравственности народа и на просвѣщенномъ патриотизмѣ, что соответственное воспитаніе подрастающихъ поколѣній есть единственный залогъ стройнаго и развивающагося внутренняго быта?... А у насъ все это нужно еще доказывать, и

доказывать безконечно, изо дня въ день, изъ года въ годъ, чѣмъ и занимаемся неустанно вотъ уже тридцать лѣтъ и, должно быть, прозанимаемся еще лѣтъ пятьдесятъ, растолковывая эти азбучныя истины не младенцамъ или дѣтямъ, а взрослымъ, и отстаивая просвѣщеніе, цивилизацію и истинный патріотизмъ отъ покушеній на нихъ разныхъ обскурантныхъ силъ то въ видѣ проповѣдниковъ морали, то въ видѣ органовъ печати.

Изъ всѣхъ европейскихъ обществъ только наше, едва вкусившее отъ плодовъ просвѣщенія, такъ колеблется между увѣренностью и неуверенностью, нужно ли образованіе, или не нужно, спасеть ли знаніе, или погубить. Только у насъ можно наблюдать такое любопытное явленіе, что вопросъ: нужно ли образованіе, или нѣтъ—является предметомъ обсуждения, споровъ и полемики, и что невѣжество, какъ общественный принципъ, встрѣчаетъ массу «убѣжденныхъ» сторонниковъ. Атмосфера, которую создаютъ эти «убѣжденные», есть пережитокъ того до-петровскаго, московскаго періода, когда мы замыкались отъ всего европейскаго, боялись знаній, какъ чумы, и думали, что лучше всего мы проживемъ «своимъ умомъ». Выростая въ этой атмосферѣ, каждый у насъ носитъ уже въ себѣ ея заразу, а возможность прожить, и даже хорошо, не разставаясь съ невѣжествомъ, дѣлаетъ всѣхъ насъ болѣе или менѣе равнодушными къ знанію, образованію и просвѣщенію. Вотъ съ этимъ-то равнодушіемъ и слѣдуетъ бороться изъ всѣхъ силъ и долбить на каждомъ шагѣ и каждому: учиись, учиись, учиись, знай, понимай, сознавай и протестуй, насколько, гдѣ и какъ можешь, противъ невѣжества и полуобразованія. Будить мысль, толкать ее на постоянную работу, не давать ей задремать и—Боже упаси—заснуть—вотъ единственная задача печати и дѣятельно-интеллигентной части нашего общества, которой дороги интересы отечества и благо народа.

По поводу письма толстовца, которое я приводилъ въ августовскомъ *Очеркѣ* прошедшаго года, *Неделя* въ одномъ изъ недавнихъ номеровъ сказала, что я боюсь за цивилизацію. Ни за какую цивилизацію я не боюсь, да и не думаю, чтобы за нее кто-нибудь изъ противниковъ толстовскаго общественнаго ученія и боялся. Юліанъ-Отступникъ былъ человѣкъ необыкновенно умный, высокаго образованія и располагавшій всѣми средствами громадной власти, да и тотъ не былъ въ состояніи, даже хотъ на время, задержать движеніе новой христіанской цивилизаціи. Чѣмъ же сравнительно съ Юліаномъ являются всѣ наши Достоевскіе и другіе проповѣдники морали, не признающіе знанія и образованія единственною силой и моральнаго прогресса? Вѣдь, это же, сравнительно, пигмеи мысли, отуманенные фанатики и прямолинейные энтузіасты, способные увлечь на свой путь только подобныхъ же себѣ людей, но общественное здравомысліе сбить съ толку,—на долго, по крайней мѣрѣ,—силъ не имѣющіе. Какая же можетъ быть отъ нихъ опасность цивилизаціи, которая будетъ идти своимъ путемъ и, не замѣтивъ даже, что они пытаются встать поперекъ ея, замететь всякій слѣдъ ихъ?

Не о цивилизации тутъ рѣчь и не ее приходится спасать. Нужно спасти общество отъ обскурантныхъ вліяній и отъ умственного усыпленія. Предположите, что обскурантное ученіе проповѣдниковъ морали становится настолько сильнымъ, что увлекаетъ за собой хоть 100,000 интеллигентныхъ людей и преимущественно молодежи, и всѣ эти люди «садятся на землю». Да, вѣдь, это же такое общественное бѣдствіе и такой общественный мнущъ, передъ которымъ должно поблѣкнуть нашествіе десяти Тамерлановъ и Аттиль. Сто тысячъ, вынутые изъ нашего скуднаго запаса образованныхъ и интеллигентныхъ людей и омужиченные ради того лишь, что «интеллигентъ долженъ отдать свой долгъ народу и своими руками добывать себѣ насущный хлѣбъ»,—это не только общественный абсурдъ, но и тягчайшее общественное преступленіе, которое должно бы вызвать проклятіе на главу проповѣдниковъ этого безбожнаго и бездушнаго избіенія людей, можетъ быть, даже нашихъ лучшихъ людей, ибо идти за нашими проповѣдниками только энтузіасты и люди, способные жертвовать собою ради нравственныхъ общественныхъ цѣлей. Обобщите извѣстіе, сообщаемое *Орловскимъ Вѣстникомъ*, предположите, что горькая судьба бѣдняковъ, о которыхъ онъ пишетъ, постигла всѣ эти 100,000 обращенныхъ. А *Орловскій Вѣстникъ* пишетъ, что «въ Орлѣ стали все чаще и чаще появляться возвращающіеся издавна на родину молодые интеллигентные люди въ оборванной одеждѣ, почти босые, и, несмотря на насмѣшки и оскорбленія, собирающіе милостыню по мѣстнымъ трактирамъ. Послѣдователи графа Толстаго по большей части люди съ извѣстными денежными средствами, которые даютъ имъ возможность покупать землю и безъ особеннаго труда обзаводиться хозяйствомъ: они, такъ сказать, только играютъ «въ мужички», но тѣмъ несчастнымъ, которые послѣ тщетныхъ попытокъ найти какую-нибудь работу на чужой сторонѣ возвращаются домой почти босыми и нагими, приходится глубоко задуматься надъ своею участью». Что же это такое? Да больше ничего, какъ давно извѣстная, старая картина бродяжества нашего крестьянина-пахаря, дополненная бродяжествомъ интеллигентнаго пахаря.

Теперь предположите, что тѣ же 100,000 интеллигентовъ не омужичиваются и не садятся на землю, а даютъ образованныхъ и даровитыхъ писателей, ученыхъ, педагоговъ, администраторовъ, художниковъ, техниковъ, вообще работниковъ мысли, двигателей просвѣщенія и честныхъ практическихъ дѣятелей, преимущественно въ области администраціи высшей и низшей. Когда выиграетъ больше Россія: тогда ли, когда она приобрететъ подобныхъ интеллигентныхъ дѣятелей, устроителей порядка въ нашемъ внутреннемъ управленіи, нуждающемся въ обновленіи, и просвѣщенныхъ представителей руководящаго общественнаго мнѣнія, или же когда девяносто милліоновъ деревенскаго населенія приобретутъ еще сто тысячъ плохихъ пахарей изъ интеллигентовъ, для нашего земледѣлія вовсе ненужныхъ, которые исчезнутъ незамѣтно въ общей массѣ земледѣльцевъ, нисколько не измѣнивъ ихъ сѣраго цвѣта?

Нельзя не повторить известнаго выраженія, что теперешніе представители консервативной печати и какой-то «русской» партіи и теперешніе роповѣдники моральныхъ вѣрученій, пытающіеся обновить русскую жизнь, одготавливаютъ неволью правильное общественное сознаніе. Тѣ и другіе, ржеде всего, сами отличаются недостаточнымъ общественнымъ и политическимъ развитіемъ, узостью общественнаго кругозора и априорностью въ редствахъ, которыми они думаютъ излечить Россію отъ всѣхъ ея болѣзей. Всѣ эти средства предвзятая, всѣ они личныя и всѣ они отличаютъ именно отсутствіемъ обобщенія и знанія дѣйствительныхъ нуждъ Россіи. (априм., социальная сущность общественной морали гр. Толстаго заключается въ томъ, что интеллигентъ долженъ отдать долгъ народу. Такое ученіе вполнѣ личное, вылившееся изъ той потребности нравственнаго обновленія, которую съ такою силой ощутилъ въ себѣ и созналъ гр. Толстой. И, удовлетворяя этому чувству, гр. Толстой отдаетъ своей долгу лично. Онъ ходитъ въ армякѣ, пашетъ землю, живетъ чуть не въ подвалѣ своего барскаго дома и *своими* руками зарабатываетъ свой хлѣбъ. Покаяніе Толстаго есть его личное дѣйствіе, вызванное нравственною потребностью освободиться отъ продолжающейся еще несправедливости нашихъ отношеній къ народу, традиционнымъ послѣдствіемъ которой чувствовалъ себя гр. Толстой.

Послѣдователи гр. Толстаго изъ того же дворянско-интеллигентнаго слоя являются подобными же «кающимися дворянами». Это тоже люди хорошихъ фамилій, со средствами, и «нравственный долгъ», который они отдаютъ народу, есть совершенно такое же нравственное дѣйствіе, такая же личная потребность уплатить народу цѣну созданнаго народомъ прогресса, дворянской интеллигенціи и ея наслѣдственныхъ состояній. Кающійся дворянинъ есть поэтому представитель или выразитель нравственнаго протеста противъ общественныхъ условій и отношеній, которыя его создали, и его формула,—отдача долга народу,—выражаетъ вѣрно сущность его покаятельнаго поведенія и какой общественной группѣ она должна служить программой.

Но освобожденіе крестьянъ выдвинуло еще и другую группу, ничего общаго съ этою группой не имѣющую, группу иного, новаго происхожденія, группу, вышедшую изъ того же народа и вмѣстѣ съ нами послужившую на созданіе нашей дворянской интеллигенціи,—эту новую общественную группу составилъ разночинецъ. Разночинецъ есть поднимающаяся вверху часть народа, имѣющая въ немъ свои корни и не чуждая протестующихъ чувствъ противъ первой группы, о которой я говорилъ. По способу происхожденія, разночинцу, конечно, нѣтъ мѣста въ формулѣ кающагося дворянина, потому что ему и каяться-то не въ чемъ и отдавать не кому. Нѣтъ ему поэтому мѣста и въ хвостѣ гр. Толстаго. Кающійся дворянинъ и разночинецъ—два противоположныхъ полюса нашей общественности, созданные двумя совсѣмъ несходными движеніями мысли. Кающійся дворянинъ выросъ изъ моральнаго, покаятельнаго чувства, а разночинецъ—прямой про-

дуктъ новыхъ общественно-гражданскихъ условій жизни, слѣдовательно, имѣть общественно-политическое происхожденіе. Кающійся дворянинъ есть явленіе личное и онъ возможенъ лишь тогда, когда есть люди, способные къ покаянію, поэтому и размѣръ вліянія ученія о покаяніи и отдачѣ долга народу зависитъ отъ числа людей, не только способныхъ проникнуться покаятельнымъ чувствомъ, но и сознать свое участіе въ предъидущей исторической несправедливости. Разночинецъ же, какъ продуктъ улучшившихся общественныхъ условій, есть явленіе общественное, выдвигаемое только жизнью. Покаятельная пропаганда, вся основанная на способности моральнаго проникновенія, выдвигаетъ впередъ личность и требуетъ личнаго поведенія. Успѣхъ ея поэтому зависитъ только отъ качествъ почвы, на которую падаетъ сѣмя, а когда такой почвы не особенно много, не взойдетъ на ней много сѣмянъ. Значить, это ученіе уже само въ себѣ заключаетъ свое собственное ограниченіе и не можетъ быть всеобщимъ ни въ смыслѣ широкаго общественнаго захвата, ни въ смыслѣ однородности проявленія, ибо каждый кающійся будетъ каяться на свой манеръ и получитъ лишь анархія единоличныхъ моральныхъ произволовъ. Единоличность же моральныхъ произволовъ приведетъ еще къ болѣе личной произвольности въ общественномъ мышленіи, если только до общественнаго мышленія дотянется. И вотъ откуда это отрицаніе личнаго развитія и воображаемая возможность прожить по-человѣчески безъ знаній. Все это, конечно, происходитъ только отъ того, что мы вовсе не воспитаны общественно-политически. Есть у меня письмо, въ которомъ приводится такое мнѣніе молодаго толстовца о Щедринѣ: «мнѣ, чтобы читать Щедрина, нужно знать хорошо исторію послѣднихъ 30—40 лѣтъ; на что мнѣ знать эту исторію, пусть они научатъ меня жить по-справедливому, «по-божески». Очевидно, что человѣкъ думаетъ, будто бы можно прожить «по-божески» безъ образованія и даже безъ знанія исторіи своего отечества!

Въ *Недѣль* былъ напечатанъ весьма поучительный рассказъ объ арміи спасенія и о тѣхъ поразительныхъ результатахъ, которыхъ это общество достигло, когда оно изъ пустопорожней области моральной дѣятельности перешло къ социальнo-экономической общественной практикѣ. Рассказъ этотъ былъ напечатанъ по поводу смерти жены «генерала» Бутса, основателя арміи.

Въ арміи считается теперь 2,500 отрядовъ, 7,000 офицеровъ, около 160,000 солдатъ, а ежегодный доходъ ея равняется 50,000 фунтовъ стерлинговъ. Вначалѣ армія спасенія задавалась только лично-моральными цѣлями и боролась противъ современнаго невѣрія, пьянства, разврата и нищеты, теперь же она вступила на социальный путь и предводитель ея, «генераль» Бутсъ, задумалъ громадное дѣло спасенія жителей лондонскихъ трущобъ отъ ихъ горькой участи посредствомъ эмиграции. Въ книгѣ генерала Бутса, которая вышла надняхъ, изложенъ подробный его планъ, въ который входитъ устройство въ Англіи кооперативныхъ квартиръ, мастерскихъ, школъ, рабочаго бюро, банка, юридическаго кабинета и конторы для заключенія браковъ;

въ провинціяхъ—кооперативныхъ селеній и фермъ, за моремъ—кооперативныхъ колоній. Одно изъ свѣтилъ англиканской церкви, извѣстный проповѣдникъ Лидонъ, посѣтивъ публичный митингъ арміи спасенія въ Вайтчепелъ, сказалъ, что онъ не зналъ, куда скрыться отъ стыда при видѣ тѣхъ результатовъ человѣческой проповѣди среди подонковъ лондонскаго общества, которыхъ достигли эти заблуждающіеся мистики, тогда какъ истинная христіанская церковь ничего не дѣлаетъ для народныхъ массъ. Другой извѣстный англичанинъ выразился о дѣятельности Бутса такъ: «Мы посвятили всю свою жизнь на дѣло уничтоженія суевѣрныхъ понятій и созданія новой эры, основанной на разумѣ, образованіи и просвѣщенности эгоизмъ, но одинъ Бутсъ произвелъ болѣе вліянія на цѣлое поколѣніе, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ. Конечно, онъ сдѣлалъ это не благодаря своимъ убѣжденіямъ, которыя просто суевѣрная чепуха, но онъ пробудилъ въ людяхъ чувство братства, и это обращеніе къ социальному инстинкту человѣка дало ему силу совершать чудеса». Въ совершеніи этихъ чудесъ дѣятельно помогала ему жена, которая, кромѣ общихъ цѣлей, предпринятаго нѣмъ общественнаго движенія, имѣла всегда въ виду стремленіе къ достиженію естественныхъ женскихъ правъ, и, главнымъ образомъ, благодаря ей, въ арміи спасенія женщины вполне сравнены съ мужчинами. Она питала пламенное сочувствіе ко всѣмъ, кто страдаетъ и нуждается, а потому новое направленіе, приданное общественной дѣятельности арміи спасенія, обязано отчасти ей. Она не только своею религіозною дѣятельностью, проповѣдями и многочисленными сочиненіями заслужила прозвище «женщины-епископа», но была въ полномъ смыслѣ слова матерью какъ арміи спасенія, такъ и всего трущобнаго населенія Лондона...

Ну, вотъ примѣръ того, какія чудеса творятся изъ мелкихъ начинаній, когда за нихъ берутся люди истинно образованные, развитые, убѣжденные, которымъ извѣстна и исторія ихъ страны, исторія стремленій народа, его нужды, требованія, общій ходъ и направленіе современнаго социальнаго движенія. Въ англійской арміи спасенія не только ни одинъ офицеръ, да ни одинъ рядовой не скажетъ: «зачѣмъ мнѣ знать исторію послѣднихъ 30—40 лѣтъ, пускай научатъ меня жить по-справедливому». Да, вѣдь, справедливость только изъ этого знанія и получается, а оно вовсе не существуетъ въ видѣ пилюли, которую какъ проглотить, такъ и почувствуешь въ себѣ присутствіе справедливости и начнешь жить «по-божески». Готовыхъ «пилюль справедливости» на свѣтѣ нѣтъ и каждый такую пилюлю долженъ приготовить для себя самъ. Рецептъ же пилюли очень простъ: образованіе, знаніе, развитіе.

Наша армія спасенія думаетъ, однако, иначе. Она вѣритъ только въ чудеса и въ какое-то «непосредственное начало», которое нужно умѣть только зашевелить и изъ него сейчасъ же выростетъ древо познанія добра и зла. Безъ знаній ничего не вырастаетъ, а, напротивъ, все заглохнетъ и умираетъ. Жаль будетъ, если и нашу армію спасенія постигнетъ то же, но ничего, должно быть, не похѣлаешь противъ этого, когда армія эта

сама себя роетъ яму. Не спасти ей никого, если она сама себя спасти не умѣетъ. Изъ ничего Бутсъ создалъ 2,500 отрядовъ и завербовалъ 7,000 «офицеровъ» и 160,000 «солдатъ». По расчету нашего населенія мы бы должны имѣть 7,500 отрядовъ, 21,000 офицеровъ и 500,000 солдатъ. Гдѣ они? И Бутсъ началъ проповѣдь противъ невѣрія, пьянства, разврата и бѣдности, но смыслъ, знаніе и наблюденіе ему подсказали, что моральный конекъ, если ѣздить на немъ одномъ, только измучитъ ѣздока и нигуда не привезетъ, и онъ перешелъ къ практическимъ мѣрамъ гражданскаго, эконоическаго и соціалнаго устроенія и повернулъ въ свою сторону все передовое общественное мнѣніе Англии. Лидонъ говоритъ, что ему стало стыдно при видѣ результатовъ, которыхъ достигли эти «заблуждающіеся мистики», «тогда какъ христіанская церковь ничего не дѣлаетъ для народныхъ массъ». Другой англичанинъ увѣряетъ, что «убѣжденія Бутса—суевѣрная чепуха», и онъ свершилъ свои чудеса, обратившись къ соціальному инстинкту человѣка и пробудивъ чувство братства. Но развѣ англиканская церковь, о которой говоритъ Лидонъ, что-нибудь и хочетъ дѣлать для массъ? Развѣ она въ своихъ проповѣдяхъ говоритъ имъ то, что говоритъ Бутсъ? «Убѣжденія Бутса—суевѣрная чепуха!» Какія убѣжденія—не знаю, но знаю, что за суевѣрною чепухой англійскія массы не пойдутъ и сила Бутса не въ чепухѣ, не въ пустыхъ словахъ, которыя бы давно разнесъ вѣтеръ, а въ глубокомъ знаніи природы человѣка и въ совершенно отчетливомъ и ясно представленіи какъ съ этою природою и съ чѣмъ къ ней нужно обращаться. Чувство справедливости, т.-е. братства, равнаго достоинства, — вотъ тѣ великія струны сердца, которыя надо было твердо знать, чтобы умѣть на нихъ играть, и чтобы среди подонковъ лондонскаго населенія водворить равенство правъ мужчины и женщины. Нужно было имѣть свѣтлый, реальный взглядъ на жизнь и знать больше, чѣмъ только исторію за послѣдніи 30—40 лѣтъ назадъ, чтобы вступить на путь тѣхъ соціальныхъ мѣропріятій, на который Бутсъ теперь всталъ. Большой умъ требовался для всего этого, большое знаніе явленій жизни и ея требованій, большое знаніе законовъ души и большое умѣнье ими пользоваться, чтобы свершить то, что свершилъ Бутсъ.

Вотъ единственный секретъ Бутса. А мы все нянчимся съ «непосредственностью» и думаемъ, что можно творить общественныя чудеса, не имѣя общественныхъ знаній и понятій.

Общее заключеніе этого *Очерка* такое: у насъ очень слабо общественно-политическое развитіе, и мы этого не только не сознаемъ, но и проповѣдуемъ, что этого и сознавать не нужно. Наши «охранители» увѣряютъ, что только при невѣжествѣ можно прожить спокойно и счастливо; а наши моралисты поучаютъ, что для развитія правильной общественности достаточно одной «непосредственности», а думать въ общественно-политическомъ направленіи совершенно излишне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь.

1891 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія и статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники и дѣтскія книги.—Календари. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1890 г.—„Русское Обзорніе“, сентябрь — декабрь 1890 г.—„Русская Старина“, мартъ — декабрь 1890 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Восточные мотивы“. В. Л. Величко.—„Сказки дѣйствительности“. Вас. И. Немировича-Данченко.—„Москвичка“. Вл. Микшевича.

Восточные мотивы. Стихотворенія В. Л. Величко. Слб., 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к. *Восточные мотивы* занимаютъ почти половину книжки стихотвореній г. Величко, за ними слѣдуютъ: „лирическія стихотворенія, фантазіи и эскизы“, и въ концѣ десятокъ страницъ занять „шутками“. Общій тонъ всѣхъ стихотвореній производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе свѣжести и непринужденной легкости, свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ и большомъ поэтическомъ дарованіи автора. Стихъ вездѣ звученъ, красивъ, простъ и гибокъ, напоминаетъ собою произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ. Выборъ *Восточныхъ мотивовъ* сдѣланъ очень удачно и самыя „мотивы“ переданы такъ, что отъ нихъ дѣйствительно вѣетъ настоящею восточною поэзіей, съ ея оригинальными оттѣнками то мечтательности, то добродушнаго юмора. И лучшими намъ кажутся тѣ, въ которыхъ преобладаетъ послѣднее настроеніе, очевидно, подходящее къ настроенію самого автора. Мы не называемъ г. Величко „переводчикомъ“ потому, что такую передачу чужеземныхъ мотивовъ считаемъ самостоятельнымъ творчествомъ, вызваннымъ тѣми или иными достоинствами подлинниковъ. Мы затрудняемся выбрать и указать лучшія „восточныя“ стихотворенія поэта, — такъ много между ними такихъ, о которыхъ можно сказать, что они „лучшія“, и такъ разнообразны выраженные въ нихъ мотивы, что не знаешь, какимъ отдать предпочтеніе. Намъ одинаково плѣняютъ и *Девъ милостыни*, и *Омаръ въ Иерусалимѣ*, и страстная жалоба красавицы *Въ гаремѣ*, и вызывающій улыбку „татарскій анекдотъ“ *Ахметъ на минаретѣ*. Больше легкимъ мы считаемъ сдѣлать выборъ изъ отдѣла „лирическихъ стихотвореній“ и приведемъ здѣсь пѣликомъ одно изъ самыхъ лучшихъ, по нашему мнѣнію, — сонетъ, озаглавленный *Весенній праздникъ*:

„Въ зеленой дымѣ мѣтеть лѣсъ,
Шуметь ручьи волной кристальной,

Несется звонъ изъ церкви дальней,
 Дрожа, подъ сводами небесъ...
 Проснулася жизнь! Христосъ воскресъ!...
 Звени-жь и ты, мой гимнъ пасхальный,
 Мольбой за всѣхъ, чей духъ печальный
 Не въ силахъ вѣрять въ мѣръ чудесъ,—

Мольбой о томъ, чтобъ непогода
 И лютой утренникъ-морозъ
 Хлѣбовъ не погубили восхода
 И чтобы цвѣтъ, мужалъ и росъ,
 Чтобъ не погнѣть отъ равнинъ грозъ
 Восходъ молодежи—цвѣтъ народа!...“

Не менѣе поэтично и полно смысла стихотвореніе *Ключъ*, слишкомъ большое для того, чтобы привести его цѣликомъ. Изъ него мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько выдержекъ, могущихъ дать о немъ нѣкоторое понятіе.

„Грозна, всевышна смерть! Побѣждена природа!
 Глубокой свѣтъ покрывъ дубрава и поля,
 Корою ледяной подернулася вода
 И замерла въ цѣпяхъ страдалца земля...“

... Изъ-подъ крутой горы, струею серебрястой,
 Какъ слово истины, необходимъ, живутъ,
 По камнямъ прыгаетъ и плещетъ влагой чистой,
 Какъ дитячко рзався, неутомимый ключъ...
 ... И передъ нимъ зима суровая бессильна:
 Она, сковавшая такъ много мощныхъ рѣкъ,
 Все задушившая подъ зеленой могильной,
 Малютка-ручейка сдержатъ не въ силахъ бѣгъ...“

... Такъ ты иди, нѣвецъ, тяжелой дорогой,
 Надъ жизни холодомъ и зноемъ властелинъ,
 Смѣясь надъ золотомъ,—приманкою убогой,—
 И грязной роскошью сверкающихъ долинъ!
 Когда-жь наступитъ часъ, подобный сну природы,
 Когда подъ гнетомъ бѣдъ замретъ твоя страна,—
 Ты громко скажешь ей, что вновь придетъ весна,
 Ты гордо возвѣстишь дни правды и свободы“.

Въ числѣ лирическихъ стихотвореній есть, вонечно, и неудачныя, какъ, напримѣръ, *Женскіе силуэты*, *Лютый ночью* и др. Но однимъ важнымъ достоинствомъ обладаютъ всѣ произведенія г. Величко: стихъ вездѣ гладокъ, строенъ и правиленъ, безъ натяжекъ въ удареніяхъ. Выходъ въ свѣтъ собранія такихъ стихотвореній, изданныхъ, къ тому же, весьма тщательно, есть, несомнѣнно, очень пріятное явленіе въ наши времена замѣтнаго ослабленія поэтическаго творчества.

Сказки дѣйствительности. Вас. И. Немировича-Данченко. Спб., 1891 г. Цѣна 2 р. Это оригинальное заглавіе какъ нельзя лучше подходитъ къ семи рассказамъ, помѣщеннымъ въ лежащей передъ нами книжкѣ. Въ дѣйствительности случается не мало такого, что похоже на сказку, хотя для того, надъ вѣкъ продѣлывается рассказываемое, все кажется необыкновенно простымъ и, пожалуй, даже совсѣмъ вычужнымъ, не имѣющимъ никакого значенія. При извѣстномъ же умѣнью рассказывать, довольно обыденный жизненный случай, оставаясь вполнѣ возможнымъ въ дѣйствительности, получаетъ характеръ сказочный и повѣствованіе о немъ становится увлекательнымъ, какъ сказка. Тутъ все дѣло въ томъ, какъ рассказать. А на это Вас. Ив. Немировичъ-Данченко мастеръ большой, и не только онъ мастеръ рассказывать, но умѣетъ, сверхъ того, вложить и глубокое чувство, и серьезный смыслъ

въ такія повѣствованія, какъ, наприимѣръ, *Егорка*, *Заклеванная воробей* и *Бессонная ночь*, три лучшихъ, по нашему мнѣнію, изъ семи *Сказокъ дѣйствительности*, вошедшихъ въ эту книжку. Быть ничего не можетъ проще исторіи маленькаго Егорки, крестьянскаго мальчуга, круглаго сироты, завезеннаго въ Москву и брошеннаго безъ призора на улицѣ. А, между тѣмъ, въ этой повѣсти, какъ живое, развертывается передъ читателемъ „дѣйствительное“ и, въ то же время, какое-то „сказочное“ существованіе уличныхъ бродягъ столицы,—раскрывается цѣлая картина „сказочнаго“ быта той части населенія, которую мы высокоимѣнно называемъ „подонками общества“ и о которой мы, въ сущности, не имѣемъ никакого понятія. Безъ прикрасъ, безъ сантиментальностей, очень вѣрно и лишь съ ничтожною данью такъ называемому реализму, авторъ проводитъ передъ нами цѣлую вереницу наиболее характерныхъ лицъ, начиная съ жалкихъ, покинутыхъ дѣтей и кончая старухами и стариками, составляющими населеніе московскихъ трущобъ или совсѣмъ бездомными, ночующими гдѣ попало, на кустыряхъ. Этотъ оборванный, голодный людъ ведетъ поистинѣ „сказочную“ жизнь, вѣчно на-сторожѣ отъ „фараоновъ“, т.-е. полицейскихъ, находится въ непрерывномъ страхѣ передъ постоянною травлей, которую считаетъ себя вправѣ поднимать на безпріютныхъ всякій сытый обыватель, и передъ „облавами“, которыми администрація тщетно пытается „очистить“ городъ отъ бродягъ и нищихъ. Само собою разумѣется, что въ наиболѣе несчастномъ положеніи находятся дѣти, такъ или иначе попавшія въ эту среду, губящую физически и нравственно всѣхъ ихъ безъ разбора. Благодаря особенно счастливо сложившимся обстоятельствамъ, герой разсказа, Егорка, спасается отъ горькой участи, постигшей товарищей его безпріютнаго дѣтства; подъ благотворнымъ вліяніемъ добрыхъ людей и хорошей земской школы, онъ вспоминаетъ ужасы своего бродяжничества и мечтаетъ о томъ, какъ, ставши взрослымъ, онъ выстроитъ „большой домъ“, гдѣ найдутъ пріютъ брошенныя дѣти, гдѣ имъ будетъ тепло, сытно и гдѣ ихъ будутъ учить дѣлу, а не нищенству и карманничеству, какъ учили его въ трущобахъ. Но, когда-то Егорка выростетъ, когда-то будутъ у него средства выстроить „большой домъ“ и будутъ ли, что весьма мало вѣроятно,—обыватели большихъ городовъ сдѣлали бы честное дѣло, если бы, вмѣсто травли брошенныхъ ребятишекъ, выстроили бы сами „большой домъ“ и пріютили бы неповинно гибнущихъ дѣтей. Къ такой доброй, гуманной мысли приводитъ разсказъ г. Немировича-Данченко всякаго читателя, въ комъ не изсохло сердце, чья душа жива для любви къ „малымъ симъ“.

Въ „сказкѣ“ про *Заклеваннаго воробья* авторъ показываетъ, какъ умягчается сердце, какъ просвѣтляется сознаніе самаго грубаго, озвѣрѣлаго чловека подъ вліяніемъ чувства любви даже къ такой ничтожной твари, какъ воробей, летавшій клевать хлѣбныя крошки на рѣшетчатомъ окнѣ убійцы - арестанта. Задушевнымъ тепломъ вѣчетъ отъ этой симпатичной и трогательной повѣсти. *Бессонная ночь* выпала на долю предсѣдателя окружнаго суда, безукоризненнаго предсѣдателя, почитавшагося образцомъ судейскаго безпристрастія и считавшаго себя самого непоколебимо стоящимъ на стражѣ правосудія. Бессонную ночь онъ провелъ вотъ по какому ничтожному случаю: „закатавши“,—какъ говорится въ судейскихъ кружкахъ,—въ каторжную работу сознававшегося въ своемъ злодѣяніи преступника, высокоуважаемый предсѣдатель суда отправился въ театръ развлечься опереткой отъ своихъ утомитель-

нихъ занятій. Дорогой изъ разговора съ извозчикомъ онъ узналъ, что сынъ его возница сидитъ въ тюрьмѣ и обвиняется въ убійствѣ сельскаго старосты. На разпросы старика баринъ объясняетъ, что убійцу сошлютъ или въ каторгу, или на поселеніе. „А на дѣтей ему скидки не будетъ? — любопытствовалъ извозчикъ. — На дѣтей, значитъ, на семерыхъ младенцевъ, которые... ѣсть просятъ, пиш-шать... Имъ-то какое рѣшеніе выйдеть?...“ Предсѣдатель смѣется, говорить, что „скидки на дѣтей не дѣлаютъ, что рѣшенія для нихъ никакого не будетъ, такъ какъ про нихъ въ законѣ не сказано“... Въ театрѣ было весело, уживъ послѣ спектакля въ дорогомъ ресторанѣ пропелъ оживленно, въ домѣ предсѣдателя миръ, довольство, счастье, а неотвязныя слова, что „ребятки пиш-шать, ѣсть просятъ“, нѣтъ-нѣтъ, да и пронесутся въ голову, на языкъ наворачиваются, вспоминается какое-то женское рыданіе, слышанное въ судѣ, когда „закатали“ на пятнадцать лѣтъ въ каторгу „какого-то, не то Ивана Еремѣева, не то Еремѣя Иванова“... И безупречный судья не можетъ отдѣлаться отъ этихъ докучныхъ впечатлѣній; ему не спится, вздорныя мысли лѣзутъ въ голову: сколькихъ онъ „закаталъ“ въ каторгу за время своего предсѣдательства? На сколько лѣтъ? Сколько ихъ тамъ „пиш-шало“ и „пиш-шитъ“? Чье рыданіе слышалось въ судѣ?... Эту *Бессонную ночь* надо прочесть въ подлинникѣ, чтобы понять и, въ особенности, почувствовать, какъ подъ вліяніемъ мимолетныхъ впечатлѣній отъ разсмѣившихъ его словъ извозчика неутомимый судья мало-по-малу утрачиваетъ сначала вѣру въ свою безупречность, потомъ свое внутреннее, казавшееся непоколебимымъ, равновѣсіе, довольство собою, своею женой, своимъ высокимъ положеніемъ, достаткомъ... Мы не досказываемъ конца этой прекрасной „сказки“, оставляющей по себѣ очень сильное впечатлѣніе, испортить которое мы не желали бы передачею своими словами ея содержанія сполна.

Наименѣе удачнымъ и неподходящимъ къ общему тону другихъ *Сказокъ дѣйствительности* мы считаемъ рассказъ, озаглавленный *Приключенія „Коровьяго судла“*. Ничтожность этого анекдота изъ боевой жизни послѣдней турецкой войны не скрывается даже мастерствомъ такого повѣствователя, какъ авторъ *Счастья Ивана-невозможнаго*, — одной изъ лучшихъ „сказокъ“, не вошедшей въ лежащую передъ нами книжку. Въ ней, кромѣ вышеназванныхъ, помѣщены: *Сорокъ пять дней*, *Застрѣмился* и *Въ театрѣ попала*.

Москвичка. Романъ-фельетонъ изъ петербургскихъ нравовъ. Вл. Михневича. Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. 25 к. „Романъ-фельетонъ“, — какъ называетъ авторъ свое произведеніе, — состоитъ изъ ряда картинокъ „петербургскихъ нравовъ“, связанныхъ между собою лишь тѣмъ, что въ каждой изъ нихъ въ различныхъ положеніяхъ появляется одна и та же героиня, пріѣзжая изъ москвы купеческая вдова-милліонерша, по фамиліи Моржова. Романа, въ общепринятомъ значеніи этого слова, здѣсь почти нѣтъ, но интересна героиня рассказываемыхъ приключеній и любопытны ея похождения среди неизвѣстнаго ей общества, которое самъ авторъ знаетъ отлично и умѣетъ изображать очень живо и рельефно. Моржова — молодая дама недавно народившагося купеческаго фасона изъ того круга, что въ Москвѣ претендуетъ на положеніе и наименованіе „денежной аристократіи“. Денегъ у такихъ московскихъ дамъ тѣма-тѣмушая; онѣ зачастую не знаютъ, куда съ ними дѣваться, а счета имъ, все-таки, не теряютъ и расходуютъ ихъ хотя и большими гушами, но не безъ соображеній „себѣ на-умѣ“. Такъ и вдова Моржова готова вышвырнуть полмилліона на устройство какихъ-то жен-

скихъ школъ особеннаго типа. Себѣ же на умѣ держать, что этимъ способомъ она приобрѣтетъ извѣстное положеніе въ средѣ вліятельныхъ людей Петербурга, и это поможетъ ей выиграть процессъ, начатый противъ нея родными ея умершаго мужа. Вокругъ вдовы съ милліонами начинаютъ увиваться петербургскіе „акробаты благотворительности“, очень характерно изображенные г. Михневичемъ. Особенно хорошъ нѣкій благочестивый господинъ, разыгрывающій праведника и превратившій благочестіе въ удобное орудіе для обдѣльванія всякихъ гешефтовъ и темныхъ хищническихъ дѣлъ. Въ пестрой вереницѣ выведенныхъ авторомъ лицъ этотъ современный Тартюфъ, съ душою и аллюрами шедринскаго Іудушки, изображенъ наиболее ярко. Вотъ что говоритъ авторъ о немъ и близкихъ къ нему лицахъ: „Онъ — не первый, не послѣдній изъ категоріи лицемѣровъ, обращающихъ въ предметъ спекуляціи священныя установленія религіи и ритуалъ благочестія. Едва ли заблуждались и тѣ друзья и поклонники Платона Амвросіевича насчетъ его благочестія, которые какъ бы условились признавать въ немъ патентованнаго благовѣрнаго, богоноснаго мужа. У каждаго почти изъ нихъ былъ замѣшанъ въ этомъ взаимномъ, омерзительномъ самообманѣ тотъ или иной свой личный интересъ. Въ Петербургѣ сформировалась особая среда жадныхъ хапугъ, которые подъ маской постыныхъ минъ и изувѣрства самымъ беззастѣнчивымъ образомъ эксплуатируютъ религіозныя движенія въ обществѣ“... Этотъ господинъ принадлежалъ ранѣе къ категоріи завзятѣйшихъ „ташкентцевъ“, какъ Шедринъ въ свое время окрестилъ извѣстный типъ петербургскихъ проходимцевъ. Изъ „ташкентцевъ“ онъ прямо превратился въ ревнителя и столпъ благочестія. И „былъ пріятно изумленъ, когда удостовѣрился, что усвоенное имъ „ташкентское“ свободомыслящее сквернословіе можетъ послужить ему достаточною эрудиціей и для изувѣрскаго витійства. Терминологія остается одна и та же, нужно только измѣнить ея духъ и адресы“... И вотъ цѣлая компанія такихъ-то благочестивцевъ кругомъ обступила и не выпускаетъ изъ своихъ загребистыхъ лапъ княгиню Галеницынскую, очень знатную и очень богатую великосвѣтскую даму, искренно желающую дѣлать добро и совершенно безсильную сдѣлать что-либо путное, по милости окружающей ее фаланги „акробатовъ“. Разбитная москвичка не даетъ себя провести „на благочестивой мякинѣ“ и отдѣляется благополучно отъ петербургскихъ „хапугъ“, выкинувши имъ ничтожную подачку. Въ картинахъ, скорѣе набросанныхъ, чѣмъ написанныхъ авторомъ, проходятъ передъ нами разнокалиберные дѣльцы Петербурга, начиная съ председателя какой-то важной комиссіи и кончая обдѣлистыми художниками и всякими адчущими поживиться изъ чужаго кармана, не разбирая средствъ. Тутъ мелькаютъ кое-гдѣ и симпатичныя лица, но какъ-то въ тѣни, за исключеніемъ, впрочемъ, молодой дѣвушки Катеньки, исправляющей должность секретаря при милліонершѣ Моржовой. Собственно романтическая часть повѣствованія захватываетъ именно эту Катеньку, влюбленную въ дряннаго господина, состоящаго при Моржовой въ скверномъ положеніи вѣчно нуждающагося любовника богатой женщины. Кромѣ этихъ лицъ, очень жива и симпатична фигура московскаго купчика Ѳединки, безнадежно влюбленнаго въ Моржову. Въ общемъ же романъ г. Михневича производитъ впечатлѣніе слишкомъ скороспѣлаго, чисто-фельетоннаго писанія, талантиливаго, но мѣстами ужъ черезъ-чуръ эскизнаго, а кое-гдѣ и совсѣмъ грубоватаго, неотдѣланнаго, дѣйствующаго непріятно рѣзкостью тоновъ, умаляющей значеніе сценъ и фигуръ, набросанныхъ какъ попало.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„О бракѣ и безбрачїи“. Проф. А. Гусевъ.—„Критико-биографическій словарь писателей и ученых“. С. А. Венерова.—„Вопросъ о нищенствѣ и объ организаціи благотворительности въ Москвѣ“. А. Краевского.

О бракѣ и безбрачїи. Противъ „Крейцеровой сонаты“ и „Послѣсловїя“ къ ней графа Л. Толстаго. Профессора А. Гусева. Казань, 1891 г. Цѣна 50 коп., съ пер. 65 коп. Профессоръ казанской духовной академіи Гусевъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года прочелъ двѣ лекціи, посвященныя разбору *Крейцеровой сонаты* и *Послѣсловїя*. Лекціи эти были напечатаны въ журналѣ *Православный Собесѣдникъ* и недавно появились отдѣльнымъ изданїемъ. Въ нихъ почтенный профессоръ направляетъ свою критику почти исключительно на ту сторону ученїа гр. Толстаго, которому безбрачїе ставится выше брака, а самый бракъ—дѣломъ дурнымъ, безнравственнымъ и противнымъ христіанству, каковыя его установили Христосъ и апостолы. Критикъ даетъ большія выписки изъ *Послѣсловїя*, приводитъ его почти цѣлкомъ, затѣмъ дѣлаетъ сопоставленїя мнѣній, выраженныхъ въ *Послѣсловїи* съ нѣкоторыми положенїями, взятыми изъ другаго произведенїа гр. Толстаго *Въ чемъ моя вѣра*, раскрываетъ противорѣчїа, оказывающїяся въ этихъ двухъ произведенїяхъ по вопросу о бракѣ, и, наконецъ, цитатами изъ Евангелїа и другихъ источниковъ христіанскаго ученїа доказываетъ ошибочность мнѣнія, будто бракъ есть установленїе, противное христіанству. Графъ Толстой пишетъ въ *Послѣсловїи*: „Христосъ не только никогда не устанавливалъ брака, но если ужъ отыскивать нѣшнія опредѣленїа, то скорѣе отрицалъ его („оставь жену и иди за Мною“, говорилъ Онъ)“... „Христіанскаго брака быть не можетъ. Такъ и понималось это *всегда* истинными христіанами и первыми, и послѣдующими вѣковъ... Для христіанина плотское общенїе въ бракѣ не только не можетъ представляться законнымъ, праведнымъ и счастливымъ состоянїемъ, каковыя оно представляется въ нашемъ обществѣ нашими церквами, а *всегда* паденїемъ, слабостью, грѣхожъ. Христіанскаго брака *никогда* не было. Христосъ не женился и *не устанавливалъ* брака, и ученики Его не женились. Брака христіанскаго и *не можетъ* быть, но есть христіанское отношенїе къ браку. Отношенїе же это таково: христіанинъ *не можетъ* смотрѣть на плотское общенїе иначе, какъ на отступленїе отъ ученїа, какъ на грѣхъ, что и сказано въ Евангелїа Маттея (5, 28). Такъ называемый христіанскїй обрядъ брака не можетъ ни на волосъ измѣнить этого“... Проф. Гусевъ приводитъ далѣе мнѣніе о бракѣ, высказанное гр. Толстымъ въ его сочиненїи *Въ чемъ моя вѣра*, гдѣ было высказано, что „назначенїе человѣка жить не иначе, какъ парами“, что „одинокое, безбрачное состоянїе человѣка, созрѣвшаго для половыхъ отношенїй, есть *уродство и позоръ*“. Перечисляя условїа счастливой жизни людей въ томъ же сочиненїи, гр. Толстой однимъ изъ „несомнѣнныхъ“ условїй таковой жизни призналъ семейную жизнь. Въ извѣстномъ своемъ письмѣ *Женщинамъ* (напечатанномъ послѣ вышеназваннаго) гр. Толстой опредѣлялъ для мужчинъ и женщинъ „обязанности, *не выдуманныя* людьми, но лежащїя въ природѣ вещей“. При этомъ онъ писалъ: „Изъ этого же различїа (половаго) вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мужчины,—оцѣнка, существовавшая во *всѣ* вѣка, теперь существующая и *никогда* не перестанущая существовать, пока въ людяхъ былъ, есть и будетъ разумъ. Всегда было и *будетъ* то, что мужчина, прово-

дающій большую часть своей жизни въ свойственномъ ему многообразномъ физическомъ и умственномъ общественномъ трудѣ, и женщина, проводящая большую часть своей жизни въ свойственномъ исключительнѣйшю ей трудѣ рожденія, кормленія и возвращенія дѣтей, будутъ одинаково чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и будутъ одинаково возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что оба исполняютъ свое то, что предназначено имъ по ихъ природѣ... „Идеальная женщина, по мнѣ,—заключаетъ гр. Толстой,—будетъ та, которая, усвоивши высшее міровоззрѣніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдастся своему женскому, *непреодолимо вложенному въ нее* призванію, т. е. родить, выкормить и воспитать *наибольшее* количество дѣтей, способныхъ работать для людей по усвоенному ей міросозерцанію. Для усвоенія же высшаго міросозерцанія нужно только прочесть Евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца“. Такимъ образомъ, въ то время, когда гр. Толстой писалъ *Въ чемъ моя вера* и объяснительное письмо *Женщинамъ*, онъ находилъ, что высшими законами нравственными на женщину возложены обязанности родить и кормить дѣтей, что исполненіе такихъ обязанностей согласуется съ высшимъ міровоззрѣніемъ, почерпаемымъ изъ Евангелія. Тогда,—замѣчаетъ проф. Гусевъ,—гр. Толстой „утверждалъ, что разумъ человѣчскій всегда былъ, есть и будетъ на сторонѣ брачнаго сожитія... Половое физическое общеніе въ супружеской жизни, значитъ, казалось ему не чѣмъ-то неестественнымъ, не паденіемъ мужчины и женщины въ нравственномъ отношеніи, но выполненіемъ воли Бога и закона природы“. Теперь же гр. Толстой въ *Крейцеровой сонатѣ* и въ *Послѣсловіи*, на тѣхъ же основаніяхъ ученія Христова, разума и закона природы, утверждаетъ совершенно противоположное. Перечисливши еще многія противорѣчія, въ которыя гр. Толстой впадаетъ съ самимъ собою въ *Крейцеровой сонатѣ* и въ *Послѣсловіи* и съ собственными взглядами, выраженными въ другихъ его произведеніяхъ, критикъ переходитъ къ положительнымъ доказательствамъ того, что установленіе брака вполне согласуется съ ученіемъ Христа, Его учениковъ и церкви христіанской. Критикъ говоритъ: „указывая то на одно, то на другое изреченіе І. Христа, якобы неблагоприятное браку, Л. Н. Толстой нарочито обошелъ дипломатическимъ умолчаніемъ прямое, не допускающее никакихъ сомнѣній, признаніе брака І. Христомъ“. Въ доказательство проф. Гусевъ выписываетъ сполна относящійся къ предмету текстъ изъ Евангелія Матвея (19, 3—6), изъ коего мы знаемъ, что въ отвѣтъ фарисеямъ Христосъ сказалъ: „Посему оставить человѣкъ отца и мать и прильзнется къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію. Такъ что они уже не два, но одна плоть. И такъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучитъ“. „Не очевидно ли,—продолжаетъ проф. Гусевъ,—что въ этихъ словахъ нашего Спасителя бракъ признается божественнымъ учрежденіемъ?“ Мы считаемъ это настолько яснымъ и очевиднымъ, что не вводимъ дальнѣйшихъ доказательствъ критика въ подтвержденіе мнѣнія, признающаго бракъ установленіемъ христіанскимъ, согласнымъ съ ученіемъ церкви, утвержденнымъ апостолами и соборами. Возражая гр. Толстому, проф. Гусевъ напоминаетъ, что апостоль Петръ былъ женатъ, что апостолы дозволяли бракъ даже епископамъ, что ни І. Христосъ, ни апостолы, ни отцы церкви, ни соборы церковные никогда не ставили „безбрачія выше брака, а признаютъ ихъ одинаково законными и достойными формами проявленія нравственной жизни человѣка“.

Эпиграфомъ своей книги проф. Гусевъ поставилъ латинское изреченіе: „Auditur et altera pars“. Всѣмъ, прочитавшимъ послѣднія произведенія Л. Н. Толстаго, было бы, по нашему мнѣнію, полезно ознакомиться и съ возраженіями на нихъ, между которыми лекціи проф. Гусева занимаютъ, по серьезности и по спокойствію тона, выдающееся мѣсто.

Критико-біографическій словарь писателей и ученыхъ. С. А. Венгерова. Выпускъ 23-й. Главная статья двадцать восьмаго выпуска *Словаря* г. Венгерова посвящена В. П. Безобразову. Она написана г. Слонимскимъ. „Научные и литературные труды Безобразова,—говоритъ авторъ,—имѣютъ ту общую отличительную черту, что при чисто-практическомъ характерѣ своихъ задачъ и дѣлей они проникнуты необычайнымъ и иногда даже слишкомъ преувеличеннымъ уваженіемъ къ авторитету науки, олицетворяемой извѣстною школой западно-европейскихъ ученыхъ“. Разсужденія и взгляды самого Безобразова, по мнѣнію г. Слонимскаго, всегда отличаются трезвымъ пониманіемъ дѣйствительности. Покойный академикъ высказывался противъ слѣпago подраженія Западу и проповѣдывалъ лишь необходимость его усвоенія лучшихъ идей и культурныхъ пріобрѣтеній. Особенно заслуживаетъ сочувствія въ трудахъ Безобразова его настойчивая защита основныхъ началъ земскаго самоуправления. Указывая, что для правильного хода законодательства необходимо историческое изученіе родной страны и ясное пониманіе ея современныхъ нуждъ, Безобразовъ прибавлялъ: „Но мы обязаны усильно изучать также законодательство передовыхъ народовъ Европы, чтобы въ немъ узнавать то общее движеніе европейской государственной жизни, въ сторонѣ отъ котораго мы оставаться не можемъ. Общій духъ этого движенія мы должны рано или поздно водворять и въ нашемъ государствѣ, которое не можетъ уже не быть европейскимъ, хотя и обязано доискиваться своихъ собственныхъ путей къ общеевропейскимъ успѣхамъ. Какъ бы ни были своеобразны историческія условія государственнаго быта Россіи и какъ ни должны быть самобытны свойственныя ей административныя учрежденія, но уклониться отъ этого всеобщаго движенія нашего времени къ водворенію правомѣрности въ государствѣ—нельзя“.

Г. Слонимскій, подвергая основательной критикѣ многіе изъ взглядовъ В. П. Безобразова, въ заключеніе своей статьи воздаетъ справедливую похвалу этому экономисту и публицисту за вѣрность гуманнымъ и либеральнымъ идеямъ, сторонникомъ которыхъ выступилъ Безобразовъ на страницахъ *Русскаго Вѣстника* первыхъ годовъ его существованія подъ редакціей М. Н. Каткова.

Новый выпускъ *Словаря* г. Венгерова составленъ съ прежнею обстоятельностью и интересомъ.

Вопросъ о нищенствѣ и объ организаціи благотворительности въ Москвѣ. Александра Краевскаго. Выпуски 1-й и 2-й. Вопросъ о нищенствѣ пріобрѣтаетъ для Москвы все болѣе и болѣе важное значеніе. Брошюры г. Краевскаго, посвященныя гласнымъ городской думы, являются поэтому очень кстати. Авторъ справедливо вооружается противъ того, что „всякія предначертанія нашихъ комиссій и нашихъ составителей проектовъ, посвященныхъ благу общественному, непременно, въ концѣ-концовъ, сводятся къ порученію полиціи осуществлять ихъ на дѣлѣ“. Намъ кажется, однако, что г. Краевскій впадаетъ въ ошибку, и очень большую ошибку, утверждая, что нищенство въ Москвѣ порождается „притворствомъ, обманомъ и пазойливостью жить

паразитомъ на счетъ труда и имущества своихъ ближнихъ". Дѣйстви- тельно, одною благотворительностью, какъ бы ни была она хорошо организована, справиться со зломъ растущаго у насъ городского про- летаріата—дѣло невозможное. Существуютъ общія причины возникно- венія и усиленія этого зла, и въ этомъ отношеніи брошюры г. Краев- скаго не даютъ никакихъ матеріаловъ для разрѣшенія вопроса. Авторъ самъ говорить въ началѣ втораго выпуска своей работы: „Собственно говоря, теперь пока прямыхъ и успѣшныхъ мѣръ къ искорененію нищен- ства предлагаемо быть не можетъ. Нищенство должно быть сперва изучено, распознано, многообразныя причины его раскрыты, затѣмъ уже, по степени ознакомленія съ нимъ, сами собою будутъ выясняться и тѣ мѣры, какія требуются для борьбы съ нимъ“. Нѣкоторыя прак- тическія соображенія г. Краевскаго не лишены интереса и значенія.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы философіи и психологіи“. — „Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ“. *Иберсех-Гейнце.*

Вопросы философіи и психологіи. Январь 1891 г. Новая книга ученаго журнала, издающагося подъ редакціей профессора Грота, со- ставлена еще интереснѣе, чѣмъ предшествовавшія книги. Проф. Козловъ продолжаетъ свои *Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстаго „О жизни“*. Проф. Бекетовъ напечаталъ статью *Нравственность и естествознаніе*. Кн. Трубецкой помѣстилъ этюдъ *О природѣ человѣческаго сознанія*. Обыч- ные отдѣлы журнала составлены съ прежнею тщательностью и компе- тентностью. Вступительная статья редактора еще разъ трактуетъ о задачахъ журнала. Мы познакоимъ читателя съ мыслями профессора Грота, но напередъ замѣтимъ, что напрасно онъ вступаетъ въ поле- мику съ *Московскими Выдѣлками*. Это изданіе, благодаря многосто- роннимъ дарованіямъ его нынѣшняго редактора, г. Петровскаго, обра- тилось въ дурнаго тона уличную газетку, которой даже ея ближайшій единомышленникъ *Московскій Листокъ* читаетъ не безъосновательныя наставленія о литературной порядочности.

Проф. Гротъ продолжаетъ твердо и достойно стоять на той точкѣ зрѣнія, которую онъ развивалъ въ первомъ выпускѣ *Вопросовъ фило- софіи и психологіи*. Самъ онъ открыто и опредѣленно признаетъ себя метафизикомъ, но не видитъ, разумѣется, никакого основанія отрицать философское значеніе иныхъ направленій мысли. Странно, — гово- рить г. Гротъ, — что „тѣ самые органы печати, которые радуются появ- ленію у насъ *серьезнаго философскаго журнала* и даже признаютъ за нимъ право на извѣстное руководительство въ развитіи общественнаго сознанія, сами берутся въ свою очередь съ высокоуміемъ насъ учить не только тому, что мы должны дѣлать, съ кѣмъ и противъ кого бо- роться, но даже и тому, что мы должны понимать подъ истинною и неистинною философіей, какой кругъ задачъ должны включить въ эту науку, или систему „наукъ“, какъ должны ихъ разрѣшать“. Недоумѣ- ніе почтеннаго профессора объясняется тѣмъ, что ему не приходилось слѣдить за нашею *консервативною* печатью. Теперь тамъ слышится такое торжествующее пѣніе куцыхъ, но шустрыхъ провинціальныхъ пѣ- тушковъ, благовременно обмѣнявшихъ свое опереніе, что обращаться туда съ серьезными доводами и придавать этой пѣтушковой филосо- фіи какое-нибудь значеніе будетъ только напрасною тратой времени.

Мы не согласны съ утвержденіемъ профессора Грота, будто бы для русскихъ философовъ не настала еще пора построения политическихъ теорій, тѣмъ болѣе, что самъ же редакторъ философскаго журнала прибавляетъ: „и теперь можно указать у насъ, по крайней мѣрѣ, на двухъ-трехъ талантливыхъ мыслителей, которые, выработавъ разными путями свои философскія міросозерцанія, проповѣдуютъ обществу, въ свой собственный страхъ, свои нравственныя и политическія убѣжденія“. Несогласны мы съ г. Гротомъ и въ томъ, что „Достоевскій—одинъ изъ самыхъ типическихъ выразителей тѣхъ началъ, которыя должны лечь въ основаніе нашей своеобразной раціональной нравственной философіи“. За то съ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ сочувствіемъ приводимъ мы слѣдующія заключительныя слова статьи проф. Грота: „Пусть близорушіе приверженцы національнаго тщеслavia, мнящіе себя истинными выразителями національныхъ идей, проповѣдуютъ вражду, взаимную ненависть, нетерпимость, гнетъ надъ убѣжденіями и совѣстью, — *русскій философскій журналъ* не пойдетъ за ними и не поклонится идолу чуждой нашему народу ненависти къ ближнему и *вражды всѣхъ противъ всѣхъ*. Его задача—дать полный просторъ русской мысли, искренней проповѣди человѣческаго добра и вселенской правды, каки бы выраженія она ни принимала“.

Любопытнымъ развитіемъ этой мысли можетъ отчасти служить статья нашего извѣстнаго естествоиспытателя Бекетова: *Нравственность и естествознаніе*. Ученый авторъ доказываетъ, что „основныя идеи Дарвина, подлешація, конечно, нѣкоторому видоизмѣненію, а, главное, болѣе точной формулировкѣ, всего болѣе способны дать христіанскому міровоззрѣнію прочную научную основу“. Подъ міровоззрѣніемъ г. Бекетовъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ ученіе о нравственности. „Вся исторія человѣчества, — говоритъ авторъ, — есть ничто иное, какъ постепенная, но—увы! —бессознательная отборка, ради усовершенствованія народовъ, племенъ и каждаго человѣка въ отдѣльности. Пора дѣйствовать сознательно, разумомъ и любовью помогая великимъ силамъ природы, ведущимъ насъ къ добру и прогрессу, не взирая на наше безпрестанное сопротивленіе и на всяческія противодѣйствія“. Такимъ образомъ, г. Бекетовъ приходитъ къ выводу, похожему на утвержденіе Спенсера, что прогрессъ есть *благодѣтельная необходимость*. Спенсеръ писалъ потомъ о грядущемъ, по его мнѣнію, рабствѣ, о томъ, что все въ этой необходимости благодѣтельно. Намъ думается, что эту благодѣтельную необходимость должны создавать именно разумъ и любовь.

Въ приложеніи къ январской книжкѣ *Вопросовъ философіи и психологіи* продолжается печатаніе интересныхъ *Матеріаловъ для исторіи философіи въ Россіи*, собираемыхъ г. Колубовскимъ (на этотъ разъ собраны данныя объ И. В. Кирѣевскомъ, А. С. Хомяковѣ и Ю. Ѡ. Самаринѣ).

Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ Ибервега-Гейнце. Перевелъ съ седьмаго нѣмецкаго изданія Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки философіи у славянъ и два указателя. Спб., 1890 г. Нельзя не порадоваться появленію исторіи новой философіи Ибервега-Гейнце въ русскомъ переводѣ. До сихъ поръ въ нашей литературѣ не было такой книги по исторіи философіи, которая по достаточной полнотѣ и строгой научности могла бы служить руководствомъ при специальныхъ занятіяхъ философіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, справочною книгой для не-специалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстная исторія философіи Льюиса, при всей ея безспорной талантливости, не уда-

дстворитъ строгимъ научнымъ требованіямъ, а менѣе извѣстная исторія философіи А. Вебера, переведенная когда-то въ качествѣ противодіянія книгѣ Льюиса, не отличается ни научными, ни философскими, ни литературными достоинствами, да въ тому и переведена образцово плохо. Такимъ образомъ, Ибервегъ-Гейнце отвѣтитъ насущной потребности преподаванія въ нашихъ университетѣхъ и духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ и вполнѣ удовлетворитъ запросамъ лицъ, серьезно интересующихся философійю, но не знакомыхъ съ иностранными языками. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ положительно необходимымъ предупредить, что исторія философіи Ибервега вовсе не книга для чтенія, тѣмъ болѣе бѣлаго: это очень серьезный и обстоятельный учебникъ, съ изложеніемъ весьма сжатымъ и потому нѣсколько тяжеловатымъ и требующимъ при чтеніи большаго напряженія вниманія; изложеніе это по большей части, особенно при важнѣйшихъ представителяхъ философіи, ведется словами самихъ авторовъ и сопровождается богатымъ матеріаломъ историческихъ, литературныхъ и терминологическихъ данныхъ; при этомъ сообщается по возможности полный библиографическій указатель литературы предмета, особенно нѣмецкой. Отсюда легко видѣть, что исторія философіи Ибервега представляетъ для перевода и изданія значительныя затрудненія, а мы съ удовольствіемъ должны сказать, къ чести нашей философской литературы, серьезная и хорошая книга нашла себѣ хорошаго и серьезнаго переводчика, внесшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, при переводѣ очень много и самостоятельной работы, которая еще болѣе увеличиваетъ цѣнность книги. Г. Колубовскій вычеркнулъ, по соглашенію съ проф. Гейнце, нынѣшнимъ редакторомъ книги Ибервега, нѣсколько мелкихъ диссертаций изъ перечней литературы до Банта, во многихъ мѣстахъ вывелъ изъ текста въ примѣчанія нѣкоторые вводныя разъясненія (чѣмъ сдѣлалъ изложеніе книги легче и прозрачнѣе), въ соответствующихъ мѣстахъ далъ возможно полныя указанія на русскую литературу предмета и приложилъ два подробныхъ указателя: личныхъ именъ, не особенно полный въ подлинникѣ, и понятій, совсѣмъ въ подлинникѣ не существующихъ. Сверхъ этого, г. Колубовскій написалъ специально для своего перевода обстоятельный историко-библиографическій очеркъ русской философіи и присоединилъ параграфы о философіи у чеховъ и поляковъ, написанные опять-таки специально для настоящаго изданія гг. Г. Забою и М. Массониусомъ. Переводъ сдѣланъ г. Колубовскимъ очень близко къ подлиннику и въ общемъ весьма удовлетворительно, хотя, при громадности работы, нельзя было избѣжать кое-гдѣ и не совсѣмъ вѣрнаго перевода отдѣльныхъ мѣстъ и неудачно выбранныхъ выраженій и стилистическихъ недочетовъ *). Нельзя также не обратить вниманія на одну, сравнительно слабую, сторону перевода, именно—*терминологию*. Во-первыхъ, въ переводѣ незамѣтно въ этомъ отношеніи строгаго проведенія какого-либо одного опредѣленнаго принципа: г. Колубовскій то оставляетъ безъ перевода такіе термины, которые уже нашли себѣ въ русскомъ языкѣ подходящія и довольно общепотребительныя выраженія, то переводитъ такіе термины, вото-

*) Замѣтимъ кстати, что въ переводѣ сохранены нѣкоторыя опечатки подлинника; одну изъ нихъ необходимо указать. На стр. 141 перевода (а также въ указателѣ) встрѣчается имя *Rasnage-de-Beval* (въ подлинникѣ *Rasnage de B.*). Здѣсь имѣется въ виду довольно извѣстное лицо—*Basnage-de-Beauval* (Банажъ-де-В.), издатель одного изъ первыхъ научно-философскихъ журналовъ—*Histoire des ouvrages savants*, перешедшаго къ нему въ 1687 году отъ Пьера Вейля, который издавалъ его подъ названіемъ *Nouvelles de la République des Lettres*.

торне лучше было бы оставить въ ихъ нерусскомъ видѣ. Во-вторыхъ, при передачѣ отдѣльныхъ терминовъ, въ одномъ и томъ же значеніи, переводчикъ часто употребляетъ, безъ видимыхъ основаній, различныя выраженія. Такъ, напримѣръ, слово *distinctus* у Декарта, въ одномъ и томъ же значеніи и въ однихъ и тѣхъ же сочетаніяхъ, передается выраженіями то „раздѣльный“, то „опредѣленный“, то рѣже всего „отчетливый“, хотя послѣднее выраженіе самое подходящее; тотъ же терминъ у Лейбница передается посредствомъ „отчетливый“. Слово *modus* при одномъ и томъ же значеніи у Декарта либо переводится чрезъ „видоизмѣненія“, либо передается латинскимъ терминомъ, въ латинскомъ же написаніи—„modi“; у Спинозы—чрезъ „модусы“, „видоизмѣненія“ и „modi“; у Локка чрезъ „modi“, „модусы“. Для перевода термина *perceptions insensibles*, у Лейбница, берется то „нечувствительныя перцепціи“, то „бессознательныя представленія“. Мы открыто говоримъ объ указанномъ недостаткѣ перевода потому, что отъ этого нисколько не пострадаютъ важныя и серьезныя заслуги переводчика передъ русскою публикой; потому всякому, знакомому съ предметомъ, извѣстно, до какой степени трудно установить безупречную и послѣдовательную терминологию для новой философіи.

Къ переводу г. Колубовскій приложилъ весьма цѣнный собственный трудъ—*Историко-библиографическій очеркъ русской философіи*, занимающій болѣе 60 страницъ большаго формата, очень убористаго шрифта. Это положительно выдающееся явленіе въ нашей литературѣ и оно, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть важное значеніе далеко за предѣлами нашихъ философскихъ кружковъ; трудомъ г. Колубовскаго съ благодарностью воспользуются и историки русской литературы и русскаго просвѣщенія. Автору пришлось положить очень много труда, чтобы разыскать и собрать въ одно цѣлое такую массу библиографическаго матеріала. При группировкѣ этого матеріала авторъ держался, главнымъ образомъ, логическаго принципа, по характеру философскихъ направленій, причѣмъ между отдѣльными направленіями сохранена, въ общемъ, хронологическая послѣдовательность; при этомъ мыслители, стоявшіе на почвѣ положительнаго, *церковнаго* православія выдѣлены не безъ основанія, по нашему мнѣнію, въ обособленную группу. Затѣмъ, произвести дальнѣйшее размѣщеніе отдѣльныхъ представителей, въ предѣлахъ отдѣльныхъ направленій, особенно за послѣднія 20 лѣтъ, установить между этими представителями логическую или генетическую связь и выслѣдить ихъ взаимное вліяніе другъ на друга было бы, конечно, задачею очень тяжелой и во многихъ случаяхъ вѣдь ли стоящей труда. Тамъ, гдѣ существуютъ философскія каедры съ обязательными диссертациями,—тамъ философы найдутся и философская литература будетъ обезпечена; пройдетъ время, исторія сдѣлаетъ свое дѣло и просвѣтъ этотъ матеріалъ; отъ многаго останутся лишь библиографическія воспоминанія; многое образуетъ то, что Максъ Штирнеръ называетъ *Mist der Weltgeschichte*. Тогда многое уяснится; зачѣмъ же историка предвосхищать дѣло исторіи? Изъ подробностей отмѣтимъ одно: въ очеркѣ г. Колубовскаго опущены нѣкоторыя видныя и вліятельныя представители русской мысли.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать наше душевное желаніе (выраженное и авторомъ въ предисловіи къ своему труду), чтобы г. Колубовскій „не оставлялъ дальнѣйшихъ работъ по исторіи философіи въ Россіи“. Онъ первый положилъ серьезное начало систематической разработкѣ этой исторіи, и благо, если ему будетъ суждено завершить это давно ожидаемое дѣло.

ИСТОРИЯ И БИОГРАФИИ.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца". — „Священная Римская имперія". Джамса Брайса. — „Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs par Luchaire. — „Жизнь Диккенса". А. Н. Плещеева.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 3-я, Кіевъ, 1889 г.; кн. 4-я, Кіевъ, 1890 г. Въ Кіевѣ подъ вліяніемъ научно-общественнаго настроенія, охватившаго мыслящую часть населенія послѣ археологическаго съѣзда 1874 года, образовались ученныя общества: отдѣленіе Императорскаго географическаго общества и общество Нестора Лѣтописца. Отдѣленіе географическаго общества просуществовало въ Кіевѣ недолго, и хотя успѣло ознаменовать свою дѣятельность изданіемъ нѣсколькихъ солидныхъ сборниковъ этнографическаго и статистическаго матеріала, но скоро прекратило свою дѣятельность, благодаря внѣшнимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ. Со времени закрытія отдѣленія общество Нестора Лѣтописца, занятое преимущественно работами по исторіи русской, осталось единственнымъ мѣстомъ, гдѣ вопросы исторической науки могли обсуждаться коллегией ученыхъ, гдѣ интеллигентная публика Кіева, не имѣющая доступа къ университетской аудиторіи, могла соприкасаться въ живомъ словѣ съ ученою средой, съ вопросами и положеніемъ современной научной исторической мысли. Таково значеніе общества Нестора Лѣтописца для ученаго кіевскаго міра и публики, съ любопытствомъ слѣдящей за засѣданіями общества и наполняющей тѣ аудиторіи университета, въ которыхъ происходятъ засѣданія общества. Но, конечно, напряженіе вниманія публики зависитъ отъ большаго или меньшаго оживленія и популярности поднимаемыхъ въ засѣданіи вопросовъ. Въ началѣ 80 годовъ въ февралѣ мѣсяцѣ бывали засѣданія общества, посвященныя памяти популярнаго малорусскаго поэта Шевченка; эти засѣданія были наиболее интересными собраніями и коллегіума кіевскихъ ученыхъ, и массы публики, съ большимъ интересомъ слѣдившей за рядомъ рефератовъ, трагующихъ о произведеніяхъ и литературномъ характерѣ стихотвореній любимаго поэта. Въ засѣданія общества внесли значительное оживленіе гипотезы, предложенныя проф. Соболевскимъ, о происхожденіи южно-руссовъ отъ переселенцевъ Западной Руси на берега Днѣпра въ послѣ-татарскую эпоху. Заявленія г. Соболевскаго вызвали въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ общества горячіе споры по поводу обновленной теоріи Погодина, выдвинутой и поддерживаемой филологическими данными, собранными г. Соболевскимъ. Противъ утвержденій г. Соболевскаго особенно сильно выступили съ историческими данными профессора В. Антоновича и Дашкевичъ п съ филологическими указаніями г. Житецкій.

Передъ нами два сборника чтеній общества за послѣдніе годы засѣданій его. Если мы не найдемъ въ этихъ сборникахъ живыхъ изслѣдованій, затрагивающихъ общественныя идеи и близкіе современности вопросы, не найдемъ историческихъ, литературныхъ и этнографическихъ популярныхъ очерковъ, особенно интересующихъ неученую публику, то, все-таки, каждый рефератъ, каждое изслѣдованіе сборниковъ представляетъ солидную ученую работу, что особенно относится къ сообщеніямъ и изслѣдованіямъ по археологіи южнаго края. Кромѣ статей проф. В. Антоновича, мы отмѣтимъ сообщенія объ археологическихъ экскурсіяхъ профессоровъ Завитневича (Волынь) и Кнауера (Бессарабія). Особенно интересъ вызвали сообщенія, касавшіяся вопроса о годѣ кре-

щенія Руси, сообщенія, въ свою очередь вызвавшія острую полемику между киевскими учеными въ 1888 году (проф. Соболевскій, Завитневичъ, Голубовскій и др.). Мы встрѣчаемъ въ сборникахъ цѣлый рядъ рефератовъ профессоровъ киевскаго университета: г. Лучицкаго (по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, о сятрахъ), г. Иконникова (по исторіи великорусскаго края въ XVII и XIII вв.), г. Дашевича (былинны объ Алешѣ Поповичѣ) и др. Наибольшее вниманіе останавливаютъ изслѣдованія проф. Владимірскаго-Буданова. Въ данное время, благодаря участію проф. В. Антоновича исключительно археологическими работами, г. Будановъ является самымъ выдающимся изслѣдователемъ судьбы литовской и южно-русской исторіи. Работы его отличаются серьезностью и новизною собираемыхъ имъ данныхъ, оригинальными и яркими освѣщеніемъ описываемой эпохи, точностью и солидностью научной критики. Въ указанныхъ сборникахъ общества Нестора Лѣтописца помѣщены двѣ статьи проф. Буданова: *Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства* (3-я кн., стр. 63—114) и *Черты семейнаго права западной Россіи въ половинѣ XVI в.* (4-я кн., стр. 42—78). Исторіи крестьянскаго вопроса посвящены двѣ статьи: г. Романовича-Славатинскаго *Крестьянскій вопросъ по позднѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ* и г. Ясинскаго *Волемя помѣщичьихъ крестьянъ Киевской губерніи въ 1855 году*.

Мы не будемъ перечислять лучшихъ работъ, помѣщенныхъ въ указанныхъ сборникахъ. Читатель, интересующійся судьбою южнаго края, его литературнаго, политическаго и бытоваго прошлаго, найдетъ немало интереснаго въ изслѣдованіяхъ киевскихъ ученыхъ, собранныхъ въ 3-й и 4-й книгахъ *Чтеній Общества Нестора Лѣтописца*. Къ третьей книгѣ чтеній приложены *Помишки по А. А. Котляревскому*, извѣстномъ ученомъ славистѣ и основателѣ общества Нестора, а также списокъ сочиненій проф. Котляревскаго.

Священная Римская имперія. Джемса Брайса. Перевелъ съ полскаго англійскаго изданія Д. М. Петрушевскій. М., 1891 г. Ц. 2 р. Русская литература по всеобщей исторіи очень небогата. Правда, она обладаетъ уже такими изслѣдованіями, которыя не только отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ современной науки, но и въ самой западной историографіи должны занять почетное мѣсто среди работъ лучшихъ ея представителей. Но такіа изслѣдованія очень немногочисленны, притомъ же, изученіе ихъ требуетъ извѣстной подготовки, хотя бы предварительнаго знакомства съ общими сочиненіями по всеобщей исторіи. И вотъ именно въ этомъ отношеніи русская историческая литература представляетъ большіе пробѣлы. Оригинальныхъ сочиненій общаго содержанія почти не существуетъ, переводятся ихъ очень немного: книги, которыя въ подлинникѣ выдержали по нѣскольку изданій и должны войти въ бібліотеку всякаго образованнаго человѣка, какова бы ни была его специальность, все еще ожидаютъ перевода. Къ числу такихъ книгъ принадлежала до сихъ поръ и *Священная Римская имперія* Брайса, переводомъ которой г. Петрушевскій оказалъ публикѣ большую услугу. Объ авторѣ книги еще недавно говорилось на страницахъ *Русской Мысли* по поводу его другаго капитальнаго сочиненія объ учрежденіяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, только что переведеннаго на русскій языкъ (см. *Американская демократія* проф. П. Г. Виноградова. *Русская Мысль*, кн. XI и XII). Репутация самой книги достаточно установлена. Сочиненіе о Священной Римской имперіи (оно вышло въ свѣтъ въ 1866 г.) сразу высоко поставило ученое имя Брайса и выдержало

8 являній. Книга посвящена одному изъ основныхъ вопросовъ исторіи западной культуры. Средневѣковая теологія требовала единой явдимои католической церкви. Духовенство сохранило для среднихъ вѣковъ римскую идею единого всемірнаго государства. Подъ вліяніемъ философіи идеальное государство предполагалось воплощеннымъ въ Римской имперіи, которая вмѣстѣ съ папствомъ являлась центромъ христіанскаго міра. Римская церковь и Священная Римская имперія представляли двѣ стороны—божественную и человѣческую—одного и того же учрежденія. Излагая систему идей и вѣрованій, на которыхъ покоилось зданіе средневѣковой имперіи, Брайсъ даетъ и очеркъ тѣхъ формъ, которыя она принимала въ различныя эпохи. Эпизодомъ къ исторіи Священной имперіи, оканчивающейся съ 1806 годомъ, когда Францъ II отрекся отъ императорской короны—служитъ дополнительная глава о *Новой Германской имперіи*. Не вдаваясь въ подробную характеристику книги, мы отсылаемъ читателя къ статьѣ Эрнеста Лависса, которая составляетъ предисловіе къ французскому переводу *Священной Римской имперіи*.

Что касается перевода, онъ очень хорошъ. Намъ кажется только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Петрушевскій безъ особенной надобности отстываетъ отъ обычной транскрипціи собственныхъ именъ: такъ, наприм., онъ пишетъ Гоэнштауфены, Гоэнцоллерны, Набукедаръ, Уиллфъ и т. д. Къ книгѣ приложена хронологическая таблица императоровъ и папъ и указатель.

Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs, par Luchaire, Paris, 1890. Въ обширной литературѣ по коммунальному движенію во Франціи нельзя указать на какое-нибудь отдѣльное сочиненіе, которое, представляя собою краткую, но толково составленную обработку научныхъ данныхъ, могло бы служить надежнымъ руководствомъ при изученіи этого въ высшей степени сложнаго и интереснаго явленія средневѣковой исторіи: въ однихъ изслѣдованіяхъ читатель найдетъ талантливо изложенныя и блестящія теоріи происхожденія и общаго характера коммунальнаго движенія, но эти теоріи окажутся противорѣчащими другъ другу, часто доведенными до крайности и не всегда соотвѣтствующими дѣйствительности; другія сочиненія представляютъ собою монографическія изслѣдованія, иногда слишкомъ спеціальнаго характера, и поэтому не могутъ дать общаго представленія о томъ, что такое коммуна, какъ возникла она, какое значеніе имѣла въ общемъ историческомъ развитіи Франціи и въ какомъ отношеніи стояла къ современнымъ ей условіямъ средневѣковаго быта. Дать по возможности точный и опредѣленный отвѣтъ на всѣ эти вопросы и поставилъ себѣ цѣлью Люшеръ, авторъ пользующейся заслуженною извѣстностью *Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens*.

Новая книга Люшера раздѣляется на 4 части, изъ которыхъ первая посвящена вопросу о происхожденіи коммуны, исторической обстановкѣ, среди которой возникло это своеобразное учрежденіе, и общему характеру коммуны; вторая часть трактуетъ о коммунальной хартіи и ея содержаніи, а также объ основныхъ типахъ хартіи; третья—объ организаціи коммуны, объ ея финансовомъ управленіи, администраціи, коммунальной милиціи и о политическихъ партіяхъ, существовавшихъ среди населенія коммунъ; наконецъ, четвертая часть книги занята выясненіемъ отношенія въ коммунѣ феодальнаго общества, духовенства и королевской власти.

Основной характеръ этой книги, въ общемъ заслуживающей пол-

наго вниманія и одобренія, состоитъ въ томъ, что она представляетъ собою не изслѣдованіе явленія, а лишь описаніе его, правда, довольно полное и разностороннее, но лишенное строгой послѣдовательности и, вслѣдствіе чрезвычайной сложности предмета, иногда сбивчивое; авторъ не подводитъ даже въ своемъ заключеніи общаго итога отдѣльнымъ замѣчаніямъ и выводамъ, разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ его книги. Въ связи съ этимъ основнымъ характеромъ разбираемаго сочиненія находятся какъ достоинства его, такъ и недостатки. Не связанный никакою предвзятою теоріей, Люшеръ послушно идетъ за фактами, стараясь точно воспроизвести дѣйствительность совсѣми ея частными случаями, исключеніями и даже противорѣчiami, а не ведетъ факты за собой, выбирая изъ нихъ только тѣ, которые подходятъ подъ усвоенную имъ раньше точку зрѣнія. Вообще, Люшеръ относится довольно отрицательно къ теоріи, и въ этомъ онъ, можетъ быть, не совсѣмъ неправъ: теорія, конечно, должна быть и она явится, но лишь тогда, когда будутъ тщательно провѣрены и изучены всѣ факты, необходимые для обобщенія; между тѣмъ какъ именно въ историографіи даннаго вопроса произошло совершенно обратное явленіе: основныя черты различныхъ теорій были намѣчены еще въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго, тогда какъ дѣйствительно-научная разработка фактовъ была произведена лишь въ послѣдніа десятилѣтія. Поэтому нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ мысли автора, по мнѣнію котораго „теорія о происхожденіи коммуны, какъ бы блестяща и талантлива ни была она, не стоитъ добросовѣстно составленной монографіи, которая ставитъ себѣ скромную задачу возстановить въ подробностяхъ организацію и историческія судьбы той или другой отдѣльной коммуны“; „и если современная наука, — говоритъ онъ далѣе, — сдѣлала значительные успѣхи въ разработкѣ этого вопроса, то исключительно благодаря тому, что она стремилась не столько объяснить явленіе, сколько изучать его“. Извѣстныя теоріи о римскомъ или германскомъ происхожденіи коммуны Люшеръ устраняетъ указаніемъ на полное отсутствіе данныхъ относительно исторіи средневѣковаго города въ періодъ отъ VII до XI вв.; и если анализъ позднѣйшей коммуны и даетъ поводъ къ сближеніямъ съ германскимъ или римскимъ строемъ, то, по мнѣнію автора, здѣсь можетъ быть рѣчь не о преимущественности учреждений, а о живучести нѣкоторыхъ воззрѣній и понятій, сложившихся еще въ римскую эпоху — съ одной стороны, а съ другой — о вліяніи общихъ условій германскаго быта, сыгравшихъ извѣстную роль въ образованіи средневѣковаго строя, и то еще нужно предварительно рѣшить спорный вопросъ о размѣрахъ и значеніи этой роли. Еще болѣе отрицательно относится авторъ къ теоріи Семишона, приводящаго въ связь коммуну съ такъ назыв. *Trève de Dieu*: по замѣчанію Люшера, ассоціаціи Божьяго мира, возникшія и развивавшіяся благодаря дѣятельности духовенства, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сопоставлены съ коммуной, такъ какъ онѣ были всесословны и вовсе не ставили себѣ непосредственною цѣлью улучшеніе быта зависимаго населенія и урегулированіе повинностей, которыми оно было обязано по отношенію къ сеньору, тогда какъ именно это обстоятельство и является специфическою чертой коммунальнаго движенія. Коммуна — явленіе чисто-средневѣковое, мѣстное или, по не совсѣмъ осторожному выраженію Люшера, національное; авторамъ различныхъ теорій слѣдовало бы, вмѣсто того, чтобы искать отдаленныхъ причинъ возникновенія коммуны, обратить вниманіе на то, что это явленіе стоитъ далеко не изолированнымъ въ исторіи средневѣковой Фран-

дѣя, а представляетъ собою лишь известный моментъ въ широко-развившемся процесѣ, который охватилъ всю зависимую массу населенія и былъ направленъ къ постепенному высвобожденію ея отъ феодальнаго гнета; образованіе коммуна въ некоторыхъ городахъ представляется, такимъ образомъ, лишь однимъ изъ результатовъ этого обширнаго движенія. Люшеръ указываетъ на villes de bourgeoisie, гораздо болѣе многочисленные и имѣвшіе болѣе значеніе въ исторіи третьяго сословія, чѣмъ политически самостоятельныя коммуны; на возстанія крестьянъ въ Нормандіи и другихъ областяхъ Франціи, начавшіяся задолго до коммунальнаго движенія, наконецъ, на такъ называемыя „деревенскія коммуны“, которыя были гораздо болѣе распространены, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Что касается формы, которую выработало коммунальное движеніе, то и она, какъ оказывается, обязана своимъ появленіемъ не возрожденію римской муниципалитетной и не германскимъ учрежденіямъ, которыя будто бы просуществовали до XI в.; коммуна возникла среди условій средневѣковой жизни, въ своеобразной исторической обстановкѣ, которая и наложила на нее свой отпечатокъ, придавши коммуна характеръ самостоятельной, политически-независимой сеньории, со всѣми признаками феодальнаго суверенитета, со всѣми правами и обязанностями члена феодальной іерархіи; самая организація коммуны не явилась фактомъ совершенно новымъ, или же возстановленіемъ давно забытаго германскаго или римскаго учрежденія: она была въ значительной степени подготовлена существовавшими еще до появленія коммуны многочисленными городскими корпораціями, а также городской общиной, слѣды которой можно уловить во многихъ фактахъ предшествовавшей исторіи городовъ. Эту часть книги Люшера нельзя не отмѣтить, какъ представляющую особый интересъ и научное значеніе: въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни рѣшали вопросъ о степени и формахъ вліянія римскаго или германскаго элемента на образованіе коммуны, ее, въ концѣ-концовъ, все таки, приходится разсматривать преимущественно какъ своеобразное средневѣковое явленіе, вызванное къ жизни современными историческими условіями, подготовленное ими, получившее свою форму въ значительной степени подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ; поэтому всякая болѣе или менѣе удачная попытка выяснить эти условія, изучить ихъ вліяніе на происхожденіе и развитіе коммуны, должна быть признана несомнѣннымъ шагомъ впередъ, способствующимъ успѣшному и вполне научному слѣдованію этого сложнаго и представляющаго особый интересъ явленія средневѣковой исторіи.

Мы уже сказали, что въ зависимости отъ основнаго характера являемой книги находятся не только достоинства ея, но и главныя недостатки: поставивъ себѣ цѣлью дать только описаніе коммуны, организація, авторъ долженъ былъ пожертвовать двумя въ историческомъ отношеніи важными условіями, необходимыми для всякаго правдиваго и всесторонняго научнаго изслѣдованія: историческою перспективою и возможностью изучить сложное явленіе въ его разновидностяхъ. Коммуны представляютъ собою, конечно, развитіе одной и той же основной формы, но не всегда поддаются общему опредѣленію и характеристическому описанію въ виду слишкомъ общія черты явленія. Люшеръ не успѣлъ преркнуть въ полномъ отсутствіи указаній на различія между французской коммуны и на измѣненія, происшедшія въ ея внутренней организаціи; но эти различія и измѣненія могутъ отсутствовать тамъ, гдѣ ихъ надо было особенно подчеркнуть.

нута, и очень часто факты, относящиеся къ совершенно различнымъ эпохамъ, служатъ для характеристики коммуны въ периодъ ея высшаго и наиболѣе полнаго развитія. Во всякомъ случаѣ, авторъ не даетъ полной исторіи возникновенія, развитія и паденія коммунальной формы городской свободы. Съ другой стороны, онъ почти совершенно пренебрегаетъ различіемъ въ формахъ описываемаго имъ явленія: хотя въ книгѣ и посвящена цѣлая глава типамъ коммунальной хартии, но авторъ совершенно упускаетъ изъ вида, что типамъ хартии соответствовали типы коммунъ, и пользуется изложенными имъ въ этой главѣ данными лишь для выясненія вопроса о сношеніяхъ между отдѣльными коммунами и ихъ вліяніи другъ на друга. Не говоря уже о южныхъ городахъ, которые во многихъ отношеніяхъ стоятъ особнякомъ и которыхъ авторъ совсѣмъ не касается, на сѣверѣ и западѣ Франціи выработалось нѣсколько болѣе или менѣе различныхъ типовъ коммунальнаго устройства, да иначе и быть не могло: въ одномъ мѣстѣ коммуна возникла благодаря дружному воздѣйствію всего населенія города, не исключая даже лицъ привилегированныхъ сословій, въ другомъ—она могла развиться изъ корпораціи крупныхъ негодантовъ; одна коммуна явилась въ результатѣ революціоннаго движенія и добилась полной самостоятельности со всеми признаками суверенитета, не исключая даже права чеканить монету, другая—въ результатѣ соглашенія съ сеньоромъ, который сохранилъ за собою большую часть своихъ правъ на зависимое населеніе города; жители одного города прокладывали новый путь, впервые выработывая организацію городской свободы, другіе вводили уже готовую форму, успѣвшую уже окончательно сложиться и стать привычной. Все это, а также и многія другія условія, не могло, конечно, не способствовать развитію нѣсколькихъ типовъ коммунальнаго устройства, иногда существенно отличавшихся другъ отъ друга; между тѣмъ, Люшеръ вовсе не принимаетъ этого во вниманіе и старается дать общій, наиболѣе характерный и чистый типъ коммуны, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ никогда и не существовалъ въ дѣйствительности. Почти каждый разъ, когда авторъ ставитъ какой-нибудь вопросъ, касающійся внутренней организаціи коммуны или ея отношеній къ сеньору, ему приходится сознаться, что на практикѣ этотъ вопросъ рѣшался весьма различно и даже противорѣчиво, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вовсе не рѣшался. Изъ всей массы фактовъ авторъ обыкновенно выбираетъ нѣсколько иллюстрирующихъ выведенное имъ правило, а остальные фигурируютъ въ его изложеніи въ качествѣ исключеній, но этихъ исключеній оказывается иногда слишкомъ много; притомъ, часто они настолько существенно противорѣчатъ общему правилу, что совершенно подрываютъ его значеніе. Вообще, нельзя не признать подобный пріемъ неудачнымъ и мало научнымъ, особенно въ прижненіи къ такому сложному явленію, какъ коммуна.

Изъ отдѣльныхъ замѣчаній и возраженій, вызываемыхъ тѣмъ или другимъ мѣстомъ разбираемой книги, мы ограничимся лишь однимъ, чтобы не удлинять и безъ того слишкомъ длинной рецензіи. Говоря о составѣ коммуны, а затѣмъ въ двухъ главахъ, специально посвященныхъ выясненію отношеній высшихъ слоевъ средневѣковаго общества къ коммуналь, авторъ, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно и мало-убѣдительно настаиваетъ на существованіи какой-то принципиальной вражды между ними, особенно со стороны духовенства, которое будто бы не могло примириться съ существованіемъ свободныхъ городовъ. Не ограничиваясь простымъ указаніемъ на то, что коммуна и ея сеньоръ,

ето бы онъ ни былъ—свѣтскій или духовный, являлись естественными противниками, между которыми, впрочемъ, вполне былъ возможенъ компромиссъ (какъ это не разъ и случалось въ дѣйствительности), и что коммуниѣ обыкновенно чаще всего приходилось имѣть дѣло съ епископами и аббатствами,—не ограничиваясь на этотъ разъ простымъ описаніемъ факта, авторъ старается отыскать принципъ тамъ, гдѣ его не было и не могло быть, и для доказательства своей мысли принужденъ дѣлать очевидныя натяжки надъ фактами.

Несмотря, однако, на всѣ эти недостатки и промахи, иногда неизбежныя, книга Люшера обладаетъ многими весьма солидными достоинствами вполне научнаго изложенія и, въ то же время, читается легко, такъ что ее смѣло можно рекомендовать въ качествѣ руководства всякому, кто пожелаетъ ознакомиться съ исторіей сѣверо-французской коммуны, не имѣя возможности специально изучить ее.

Жизнь Диккенса. А. Н. Плещеева. Спб., 1891 г. Цѣна 1 руб. Мало найдется иностранныхъ писателей, справедливо замѣчаетъ А. Н. Плещеевъ, которые бы пользовались у насъ такою обширною и продолжительною популярностью, какъ Диккенсъ. Эта популярность началась у насъ со временъ Бѣлинскаго и продолжается до настоящаго времени. Диккенсъ поистинѣ служилъ человечеству, являлся защитникомъ угнетенныхъ и утѣшителемъ страдавшихъ.

Жизнь Диккенса очень живо и обстоятельно рассказана нашимъ поэтомъ. Образъ знаменитаго писателя выступаетъ чрезвычайно ярко. Въстѣ съ тѣмъ, г. Плещеевъ даетъ и литературную характеристику автора *Давида Коперфильда*. Диккенсъ нѣсколько разъ выступалъ въ Англии и въ Америкѣ съ публичными лекціями и всегда имѣлъ оригинальный успѣхъ. Но послѣднее путешествіе въ Соединенные Штаты окончательно подорвало силы Диккенса. Онъ скончался пятидесяти восьми лѣтъ отъ роду. Всѣ журналы и газеты выразили по поводу смерти знаменитаго романиста глубокую печаль. *Times* явился выразителемъ общественнаго мнѣнія въ слѣдующихъ строкахъ передовой статьи: „Государственные люди, люди науки, филантропы, знаменитые благодѣтели своей расы умираютъ, не оставляя за собою такой пустоты, какъ та, которую оставляетъ смерть Диккенса. Можетъ быть, жизнь ихъ была рядомъ триумфовъ и почестей, можетъ быть, они окружены были толпой друзей и почитателей, но каково бы ни было преимущество ихъ положенія, какъ бы велики ни были ихъ таланты и заслуги, ими оказанныя,—никто изъ нихъ не былъ, подобно нашему великому романисту, другомъ каждаго домашняго очага. Вѣка проходятъ, не порождая такихъ людей, потому что нужно необычайное сочетаніе умственныхъ и нравственныхъ качествъ для того, чтобы міръ согласился увѣнчать человѣка, какъ своего постоянного безупречнаго любимца. А Диккенсъ болѣе четверти вѣка занималъ подобное положеніе и въ Англии, и въ Америкѣ. Вестминстерское аббатство—мѣсто упокоенія литературнаго гения въ Англии; и между тѣми, священныя прахъ которыхъ былъ погребенъ въ немъ или имена которыхъ начертаны на его стѣнахъ, мало такихъ, которые были бы достойнѣе Диккенса занимать мѣсто въ этомъ славномъ и послѣднемъ жилищѣ“.

Книга г. Плещеева издана вполне удовлетворительно и стоитъ очень дешево (въ ней почти 300 страницъ довольно большаго формата).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Die drei Bevölkerungsstufen“ von Hansen.—„Institute für Arbeits-Statistik in den Vereinigten Staaten, in England und der Schweiz“ von Joachim.—„Eléments d'économie politique pure“ par Walras.—„Principes d'économie politique“ par Gide.—„Ходатайства Императорскаго вольнаго экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ“.—„Что даютъ и что могутъ дать подворныя описки“.

А. П. Шмисевича.—„Материалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда“.

Die drei Bevölkerungsstufen, von Hansen. 1889. Книга Ганзена имѣетъ цѣлью раскрыть процессъ происхожденія трехъ общественныхъ слоевъ. Все общество, по мнѣнію автора, дѣлится на три слоя: 1) Тѣ классы, которые извлекаютъ свой доходъ отъ земли. Эти классы пользуются наибольшою самостоятельностью, и доходъ ихъ есть, въ главной своей долѣ, продуктъ силъ природы. 2) Второй общественный слой образуетъ такъ называемый средній классъ: къ нему относятся не только чиновники, солдаты, лица свободныхъ профессій, но и всѣ капиталисты. Всѣ члены этого класса получаютъ доходъ, который имѣетъ своимъ источникомъ умственный трудъ: такимъ является не только трудъ врача, учителя, судьи, но и капиталиста. Это положеніе авторъ поддерживаетъ такимъ малоубѣдительнымъ аргументомъ: „Очень искусный фабрикантъ можетъ оплачивать трудъ рабочихъ такою цѣной, при которой менѣе искусный не могъ бы продолжать дѣло. Если кто-нибудь, посредствомъ изобрѣтенія новаго орудія или машины, получаетъ прибыль, то она является результатомъ его умственной работы. Она принадлежитъ только ему; вовсе нѣтъ надобности дѣлить ее съ работниками“ (стр. 73). При этомъ авторъ смѣшиваетъ предпринимателя и изобрѣтателя, съ одной стороны, и капиталиста—съ другой. 3) Въ составъ третьяго общественнаго слоя входятъ работники; ихъ доходъ имѣетъ физическій трудъ своимъ источникомъ. Общественные слои находятся въ условіяхъ весьма несходныхъ. Средній классъ, благодаря большому запасу умственной энергіи, отличается наибольшою подвижностью и претерпѣваетъ двоякое измѣненіе. Подъ вліяніемъ соперничества, которое происходитъ въ его средѣ, слабѣйшіе его члены выбрасываются и спускаются на уровень третьяго слоя. Но онъ производитъ давленіе на землевладѣльцевъ, вытѣсняетъ многихъ и занимаетъ ихъ мѣсто представителями изъ своей среды. Третій же классъ, въ своей главной массѣ зависящій только отъ физическаго труда, почти не имѣетъ надежды на крупное улучшеніе своего быта. Борьба между общественными слоями и соперничество внутри каждой группы еще не оказываетъ особенно вреднаго вліянія на общественную жизнь, пока первая группа, связанная съ землею, довольно многочисленна; но какъ скоро представители ея уменьшаются въ числѣ,—весь государственный бытъ теряетъ свою устойчивость.

Рядъ историческихъ картинъ долженъ доказать положеніе автора: кратковременное процвѣтаніе средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ, Голландіи и нѣкоторыхъ другихъ государствъ должно быть приписано слишкомъ многочисленному городскому населенію и слабости первой общественной группы. Первый общественный слой уже условіями своего воспитанія поставленъ такъ, что даетъ государству наиболѣе здоровое и пригодное ко всякой работѣ населеніе. Нѣсколько страницъ содержатъ мѣткую критику системъ современнаго воспитанія и образованія. Деревня даетъ уму ребенку гораздо болѣе здоровую пищу, нежели городъ. Уже съ дѣтства человекъ лучше познаетъ лю-

дей въ деревнѣ, „такъ какъ постоянно поддерживаетъ съ ними общеніе въ радости и горѣ, ненависти и любви. Кто же основательно знаетъ сотню людей, тотъ знаетъ ихъ всѣхъ, тотъ знаетъ, вообще, чело-вѣка“ (стр. 163) Очень мѣтко указываетъ авторъ ошибочныя воззрѣнія, господствующія и въ Германіи, относительно полезности трудныхъ экзаменовъ. Въ трудныхъ экзаменахъ многіе видятъ средство повысить умственный уровень чиновниковъ; однако, достигается цѣль прямо противоположная. „Трудные экзамены являются только премироваиіемъ посредственности; хорошая сдача спеціального экзамена доказываетъ только, что кандидатъ имѣлъ время и прилежаніе для усвоенія чужихъ мыслей. Мыслилъ ли онъ самъ, сдѣлались ли его достояніемъ всѣ усвоенныя имъ свѣдѣнія,—это не подлежитъ провѣркѣ. А потому львами на экзаменахъ бываютъ именно тѣ люди, которые не остаются четверти часа безъ того, чтобы не держать передъ собой книги... На нихъ возлагаютъ большія надежды, но обыкновенно вскорѣ наступаетъ разочарованіе... Одна собственная мысль вѣснѣе тысячи чужихъ, а современное образованіе часто въ самомъ зародышѣ уничтожаетъ способность мышленія“ (стр. 188 — 89). Золотыя слова, которые нужно повторять почаще.

Заключительныя главы книги посвящены вопросу о задачахъ современнаго государства. Оно должно направить всѣ свои силы на *сохраненіе земледѣльческихъ классовъ и, особенно, крестьянскаго двора*. Государство обязано „создать для земледѣлія такія условія, чтобы семья, при нормальныхъ обстоятельствахъ, могла сохранить владѣніе землею“ (стр. 332). Въ этихъ видахъ должны быть поставлены извѣстныя преграды дробленію участковъ, обремененію ихъ долгами и т. д. Вообще, при нѣкоторыхъ теоретическихъ ошибкахъ, книга Ганзена содержитъ много мѣткихъ указаній на недуги современнаго общественнаго строя.

Institute für Arbeits-Statistik in den Vereinigten Staaten, in England und der Schweiz, von Joachim. 1890. Уже много лѣтъ говоримъ мы и пишемъ о безобразныхъ условіяхъ, въ которыя у насъ поставлены отхожіе промыслы. Пока мы пережевывали одну и ту же банальную истину, что рабочіе, передвигаясь на „авось“ за многими сотнями верстъ, часто проживаютъ послѣдніе гроши и на обратномъ пути питаются Христовымъ именемъ,—наши западные сосѣди организовали цѣлыя статистическія учрежденія, которыя всесторонне изучаютъ рынокъ труда и приводятъ въ тѣсную связь спросъ на рабочія руки съ ихъ предложеніемъ. Авторъ названной книжки и знакомитъ насъ съ этою организаціей.

Въ Соединенныхъ Штатахъ движеніе началось еще въ 1866 году. По примѣру Массачузетса, основавшаго бюро въ 1869 году, и большинство штатовъ приняло участіе въ этомъ движеніи. Цѣль этихъ бюро состоитъ въ томъ, чтобы собирать статистическія данныя о всѣхъ отрасляхъ труда, въ особенности о положеніи рабочаго класса съ точки зрѣнія туземной промышленности и торговли, и гигиены. Эти бюро, въ первые годы по своему основанію, пробовали письменно сноситься съ промышленниками и торговцами для разъясненія различныхъ вопросовъ. Но когда опыты показали, что на вопросные листы отвѣчаютъ, сравнительно, немногіе, то законы отдѣльныхъ штатовъ снабдили ихъ широкими полномочіями. Законъ штата Пенсильванія гласитъ: „Дабы бюро могло исполнять свои обязанности, всѣ корпораціи, фирмы и отдѣльные предприниматели, занимающіеся горнымъ дѣломъ, фабричною промышленностью или другими отраслями, а также всѣ наемные работники

въ государствѣ обязаны сообщать предсѣдателю бюро статистическія свѣдѣнія“. Предсѣдатель бюро или заступающій его мѣсто вправе приглашать свидѣтелей и спрашивать ихъ подъ присягой. Тотъ, кто не отвѣчаетъ письменно или не является въ теченіе 30 дней для личныхъ объясненій, платитъ пеню въ 100 долларовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ (Массачузетсъ, Калифорнія) за ложное показаніе назначается тюремное заключеніе до 5 лѣтъ. На содержаніе бюро штаты затрачиваютъ по 7—10—12 тысячъ долларовъ въ годъ. Разнородность трудовъ этихъ бюро побудила учредить въ 1884 г. союзное бюро, состоящее при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и распространяющее свою дѣятельность на все государство. Въ первомъ году на содержаніе бюро было назначено только 25,000 долларовъ, а въ 1889 г. — на личный составъ и изданіе трудовъ—уже 173,000. Бюро издало статистическіе обзоры разныхъ сторонъ быта рабочихъ классовъ. Эти обзоры имѣютъ и научное значеніе, и служатъ для ближайшихъ практическихъ потребностей; они выясняютъ состояніе различныхъ отраслей промышленности, размѣры спроса на трудъ, колебаніе заработной платы, число свободныхъ рабочихъ рукъ, съ распредѣленіемъ по мѣстностямъ, и другія условія относительно отдѣльныхъ отраслей производства. Подобное учрежденіе основано и въ Англіи. Въ 1886 году учреждено особое бюро для статистики труда, которое успѣло уже выполнить цѣлый рядъ работъ по изслѣдованію быта рабочаго класса: о рабочихъ союзахъ, sweating system'ы въ Лидсѣ, о стачкахъ, объ иммиграціи иностранцевъ въ Соединенное Королевство, о положеніи различныхъ отраслей промышленности. Статистику труда находимъ мы и въ Швейцаріи. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ существуютъ различныя общества для содѣйствія земледѣлію и промышленности, изслѣдующія отдѣльныя отрасли хозяйства. Но въ 1886 году, по предложенію союза Грютли, былъ образованъ особый комитетъ для занятія статистикой труда; въ составъ комитета входятъ представители отъ всѣхъ швейцарскихъ рабочихъ союзовъ. Комитетъ уже успѣлъ произвести цѣлый рядъ важныхъ изслѣдованій. Эти явленія должны бы и намъ послужить примѣромъ. Собраніе свѣдѣній о положеніи рабочихъ изъ года въ годъ имѣетъ большую важность. Въ нашемъ отечествѣ это особенно необходимо относительно отхожихъ промысловъ, которыми занимается огромная масса русскихъ людей. Эти промыслы—одно изъ характерныхъ явленій русской хозяйственной жизни, а мы знаемъ о нихъ только изъ отрывочныхъ корреспонденцій газетъ. Периодическое изслѣдованіе этихъ промысловъ помогло бы избавить многія тысячи русскихъ людей отъ напраснаго скитанія по Русской землѣ.

Eléments d'économie politique pure, par Walras. 2 édition, 1889. Книга Вальраса принадлежитъ къ тѣмъ немногочисленнымъ трактатамъ по политической экономіи, въ которыхъ законы хозяйственныхъ явленій выражаются математическими формулами. Тюненъ, Курно, Девонсъ, наконецъ, Вальрасъ—вотъ главные представители этой методы.

Исходя изъ того основнаго положенія, что нужно строго различать между наукой, изучающей факты, и искусствомъ, которое направляетъ и подаетъ совѣты, авторъ ограничивается только теоретическою частью политической экономіи. Книга распадается на 6 отдѣловъ: о предметѣ и составныхъ частяхъ политической экономіи, теорія обмѣна, теорія производства, теорія образованія капиталовъ и кредита, теорія денегъ, о тарифахъ и налогахъ.

Нѣсколько главъ отведено вопросу о цѣнности. Авторъ считаетъ

невѣрными какъ англійскую теорію, основывающую цѣнность на трудѣ, такъ и французскую, которая считаетъ полезность источникомъ цѣнности. Слѣдую Бурламаки, Вальрасу-отцу и нѣкоторымъ другимъ новѣйшимъ писателямъ, авторъ основываетъ цѣнность на рѣдкости вещей. Анализъ этой теоріи приводитъ къ заключенію, что она далеко не разрѣшаетъ всѣхъ недоразумѣній, связанныхъ съ вопросомъ о цѣнности, и, съ этой стороны, вовсе не заслуживаетъ предпочтенія предъ теоріей Рикардо-Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что цѣнность вещей измѣряется ихъ рѣдкостью. Тогда платина, имѣющая высокую полезность, должна бы быть во много десятковъ разъ дороже золота и въ сотни разъ дороже серебра: средняя ежегодная добыча платины не превышаетъ 300 пудовъ на земномъ шарѣ, тогда какъ золота добывается до 9,000 пудовъ, а серебра—болѣе 200,000 пудовъ (въ 1885 году—219,700). А, между тѣмъ, мы видимъ, что цѣнность платины составляетъ $\frac{1}{3}$ цѣнности золота и только въ 5—6 разъ превосходить цѣнность серебра (1 фунтъ золота приблизительно стѣитъ 450 р. с., платины 100 р., серебра 20 р.). Сторонники ученія, основывающаго цѣнность вещей на ихъ рѣдкости, охотно ссылаются на такіе случаи, которые, будто бы, не могутъ быть истолкованы съ помощью трудовой теоріи цѣнности: вода не стѣитъ ничего или почти ничего, а въ осажденномъ городѣ или въ пустынѣ, вслѣдствіе недостатковъ въ ней, вслѣдствіе ея рѣдкости, за нее готовы платить на вѣсь золота. Но этотъ случай, нашедшій себѣ мѣсто почти во всѣхъ учебникахъ, очень легко разрѣшается съ помощью трудовой теоріи: при обычномъ, нормальномъ положеніи дѣла, добываніе воды стѣитъ ничтожной затраты труда, въ осажденномъ же городѣ—огромныхъ усилій, даже жизни (вылазки для пріобрѣтенія пищи и воды).

Усердное пользованіе математическими формулами не спасаетъ Вальраса отъ цѣлаго ряда несообразностей въ ученіи о капиталѣ. Капиталь, по опредѣленію Вальраса, составляетъ всѣ вещи, которыя имѣютъ болѣе или менѣе продолжительное существованіе и служатъ источникомъ дохода. Отъ капиталовъ слѣдуетъ отличать всѣ предметы потребленія, а также сырые матеріалы: сѣмена, удобреніе, волокнистыя вещества и т. д. Капиталы же Вальрасъ раздѣляетъ на 3 группы: 1) земельные участки, которые приносятъ доходъ въ видѣ растеній или доходъ отъ пользованія ими, какъ мѣстомъ для сооруженія зданій или же, наконецъ, служатъ мѣстомъ отдыха и развлеченія (сады, парки). 2) Вторую группу образуютъ люди (*personnes*): работники и работницы, ремесленники, кучера, горничныя, чиновники, литераторы, даже праздношатающіеся. „Всѣ эти лица являются капиталами въ точномъ смыслѣ слова. Праздношатающійся, который слоняется нынче, будетъ слоняться (flâneur) и завтра; кузнецъ, окончившій нынче работу, имѣетъ передъ собою еще рядъ рабочихъ дней; адвокатъ, выходящій изъ суда, снова пойдетъ туда для веденія тяжбы... Удовольствіе, которое получаютъ праздношатающійся, работа, выполненная ремесленникомъ, защитительная рѣчь, произнесенная адвокатомъ, составляютъ доходы этихъ лицъ. Такова вторая категорія капиталовъ, *капиталы личные*“ (стр. 200). 3) Всѣ движимости, способныя приносить доходъ или реальный, или въ видѣ тѣхъ пріятныхъ ощущеній, которыя доставляетъ пользованіе: фабрики, мастерскія, жилые дома, животныя, орудія и машины, затѣмъ картины, статуи, драгоценности для украшеній (всѣмъ вещамъ этого рода нѣмецкіе экономисты даютъ названіе *Nutz-vermögen*). Какъ ни много возраженій вызываетъ третья группа, но охотно цѣликомъ при-

нимаешь ее послѣ второй. Все это ученіе о капиталахъ есть чистѣйшій сумбуръ, далеко оставляющій за собою разсужденія нѣмецкихъ экономистовъ о *невещественныхъ* капиталахъ, которое вызвало столь заслуженныя насмѣшки Маркса и Лассалля. Вообще, полемизируя съ англійскою школою экономистовъ, Вальрасъ отрицаетъ и теорію фонда рабочей платы. Авторъ руководствуется тѣмъ соображеніемъ, что число людей, получающихъ заработную плату, не есть величина постоянная: она измѣняется, равнымъ образомъ, какъ измѣняются и доли народнаго капитала, которыя употребляются для оплаты труда въ различныхъ отрасляхъ производства. Все это вѣрно; но въ аргументаціи Вальраса получается большой пробѣлъ отъ того, что онъ не принялъ въ расчетъ теоріи Родбертуса, Уокера и Джорджа о поступленіи заработной платы изъ текущаго дохода, а не изъ капитала, существовавшаго въ началѣ производства. Послѣдняя глава посвящена вопросу о налогахъ. Налоги должны падать только на доходъ, не уменьшая капиталовъ. Дабы налоги удовлетворяли требованіямъ о всеобщности, они должны состоять изъ трехъ категорій: на доходъ отъ земли, доходъ отъ личныхъ капиталовъ въ вышеуказанномъ смыслѣ и налогъ на прибыль отъ капиталовъ вещныхъ. Только такимъ путемъ „и будутъ обложены податями люди праздные, какъ владѣльцы личныхъ способностей“. Все это—налоги прямые; не прямые же надаютъ на товары. Скажемъ въ заключеніе, что книга Вальраса представляетъ много пробѣловъ: потребленію и народонаселенію вовсе не отведено мѣста; ученіе о заработной платѣ изложено бѣгло, тогда какъ деньгамъ посвящено болѣе 100 страницъ. Все это заставляеть насъ признавать книгу Лозанскаго профессора очень умѣреннымъ вкладомъ въ экономическую литературу.

Principes d'économie politique, par Gide Deuxième édition, complètement réfondue. 1890. Этотъ краткій курсъ представляетъ особенно отрадное явленіе именно во французской экономической литературѣ, гдѣ и до сихъ поръ очень охотно повторяютъ и разжигаютъ то, что говорили Сэй, Дюнаубе и Бастиа. Gide, хотя книга его не пестритъ цитатами, обнаруживаетъ основательное знакомство съ новѣйшими теченіями въ литературѣ. Онъ научился кое-чему у исторической школы, а многія страницы написаны подъ вліяніемъ Маркса. Противъ индивидуалистическаго направленія въ политической экономіи было писано такъ много, что крайне трудно сказать что-либо новое. И, все-таки, не совсѣмъ обычно встрѣчать во французской книгѣ такіа, наприм., слова: „Эта школа особенно заслуживаетъ упрека за свое черевъ-чуръ оптимистическое направленіе; въ основаніи оптимизма лежитъ не столько научный характеръ изслѣдованія, сколько стараніе оправдать существующій порядокъ вещей“ (стр. 21). Книга состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Богатство и цѣнность; II) производство, которое разсматривается съ точки зрѣнія условій вѣобщественныхъ (природа, трудъ и капиталъ), условій общественной жизни (сотрудничество, кредитъ, обменъ и т. д.) и, наконецъ, съ точки зрѣнія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ; III) потребленіе и IV) распределеніе. Въ четвертомъ отдѣлѣ мы находимъ двѣ части: 1) ученіе о принципахъ распределенія цѣнностей (право собственности, формы рѣшенія социальнаго вопроса, предлагаемыя коммунистами и индивидуалистами и т. п.) и 2) ученіе о доляхъ общественнаго дохода, поступающихъ отдѣльнымъ участникамъ въ производствѣ. Въ приложеніи, на 30-ти страницахъ, изложены общія начала государственныхъ расходовъ, доходовъ и долговъ.

Въ ученіи о цѣнности авторъ стоитъ на рубежѣ между двумя главными школами, основывающими цѣнность на полезности и трудѣ. Многія явленія мѣшаютъ тому, чтобы цѣнность была сведена исключительно къ одному изъ этихъ началъ. Факты показываютъ, что цѣнность вещей болѣею частью пропорціональна нашимъ потребностямъ въ данныхъ товарахъ. Идея же труда, положенная въ основаніе цѣнности, выражаетъ то, что должно быть: „желательно, чтобы цѣнность была соразмѣрна съ усиліями, затраченными на данную вещь“ (стр. 65). Подобно многимъ французскимъ экономистамъ, Gide смѣшиваетъ здѣсь цѣнность съ цѣною.

Въ главахъ, посвященныхъ вопросу объ обращеніи цѣнностей (стр. 183—254), авторъ очень остроумно проводитъ ту мысль, что высокій уровень экономического развитія позволяетъ упростить многія сложныя хозяйственныя отношенія. Торговый классъ, служа посредникомъ между производителями и потребителями, становится слишкомъ многочисленнымъ. Но улучшеніе путей, развитіе сотрудничества вызываетъ къ жизни различныя формы (товарищества), посредствомъ которыхъ потребители получаютъ возможность сноситься съ производителями безъ посредниковъ. Аналогичныя же явленія наблюдаются и въ области денежнаго обращенія: ростъ культуры позволяетъ народу довольствоваться одною и тою же суммой денегъ (и даже бумажныхъ) для совершения несравненно большаго числа сдѣлокъ, нежели въ предъидущіе періоды; а путемъ взаимнаго погашенія долговъ чрезъ банкировъ или расчетныя палаты потребность въ деньгахъ сводится до *minimum'a*. Всѣ эти теченія сберегаютъ народному хозяйству очень много силы. Видное мѣсто отведено также вопросу о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ (стр. 275—296). Авторъ считаетъ совершенно фантастическимъ выводъ о томъ, что страна, съ промышленностью мало-развитою, потеряетъ весь свой запасъ золота и серебра, которые уйдутъ въ уплату за иностранные товары, что данная страна обѣднѣетъ или впадетъ въ зависимость отъ своихъ сосѣдей, что ввозимые изъ-за границы товары окончателно подавятъ туземный трудъ и т. д. Онъ считаетъ невыгоднымъ только рѣзкій переходъ отъ покровительственной таможенной политики къ свободной торговлѣ: совершится быстрое переобращеніе труда и капиталовъ изъ однихъ отраслей въ другія, а вслѣдствіе этого—временные убытки для многихъ предпринимателей и рабочихъ. Законъ Мальтуса нашелъ въ Gid'ѣ весьма осторожнаго критика: весь XIX вѣкъ доказываетъ, по мнѣнію автора, что нельзя придавать серьезнаго значенія прогрессіямъ Мальтуса. Можно надѣяться, что люди, въ своемъ размноженіи, никогда не обгонятъ средствъ продовольствія. „Какія же причины помѣшаютъ этому?—спрашиваетъ авторъ.—Знать эти причины равносильно знанію закона народонаселенія; а мы должны признаться, что находимся въ совершенномъ невѣдѣніи относительно этого закона“ (стр. 351). Глава, посвященная хозяйственнымъ кризисамъ (стр. 368—381), принадлежитъ къ наименѣе удачнымъ: авторъ перечисляетъ признаки кризисовъ (переполненіе рынка или недостатокъ товаровъ, капиталовъ, монеты и т. п.) и отождествляетъ эти признаки съ причинами. Къ истинной же причинѣ—недостатку покупательныхъ средствъ у рабочихъ классовъ, связанному съ характеромъ распредѣленія общественаго дохода,—авторъ относится очень легкомысленно: въ распредѣленіи общественнаго дохода „слѣдуетъ видѣть только перенесеніе потребительной способности съ одного класса на другой; непонятно, почему бы избытокъ товаровъ не могъ быть потребленъ предпринима-

телями въ такой же мѣрѣ, какъ рабочими“ (стр. 370). Въ ученіи о заработной платѣ авторъ всего ближе подходит къ нѣмецкимъ экономистамъ: онъ отрицаетъ существованіе фонда заработной платы, не вѣритъ въ возможность поднять вознагражденіе за трудъ такими искусственными мѣрами, какъ стачки, но признаетъ большую важность за фабричнымъ законодательствомъ и разными формами коопераціи, особенно производительными товариществами. Рантье́ры—люди праздные. Можно ли говорить о правѣ на правдо́сть? Можно, по мнѣнію автора, если люди съ обезпеченными доходами, освобожденные отъ необходимости въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, посвящаютъ свое время общественнымъ обязанностямъ, наукѣ, искусству и въ этой формѣ приносятъ пользу согражданамъ. Здѣсь повторяется мысль, высказанная Шеффле уже 20 лѣтъ тому назадъ.

Повторяемъ, книжка Gid'a производитъ очень хорошее впечатлѣніе: съ серьезностью содержанія соединяется большая сжатость изложенія и отсутствие цѣтвовъ краснорѣчія, на которые такъ падала французскіе экономисты.

Ходатайства Императорскаго вольнаго экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Спб., 1890 г. Установленіе таможенныхъ тарифовъ дѣлается у насъ обыкновенно подъ вліяніемъ заявленій со стороны представителей обрабатывающей промышленности. Не только отъ потребителей, но даже отъ представителей сельско-хозяйственной промышленности не спрашивали прежде мнѣнія о надобности въ пошлинахъ и о размѣрѣ пошлинъ. Тѣмъ утѣшительнѣе предложеніе, сдѣланное вольному экономическому обществу по порученію министра финансовъ. На это предложеніе вольное экономическое общество откликнулось объемистою (въ 17 печатныхъ листовъ) и весьма интересною запиской, гдѣ по пунктамъ разобраны вредныя вліянія высокихъ охранительныхъ и запретительныхъ пошлинъ на развитіе русскаго земледѣлія и на хозяйственное благосостояніе русскаго народа.

Ходатайства объ измѣненіяхъ тарифа составлены особою комиссіей изъ 20 членовъ, работавшею въ теченіе полугода. Согласно желанію департамента торговли и мануфактуръ, ходатайства общества подробно мотивированы, причемъ составители записки пользовались довольно богатымъ статистическимъ матеріаломъ. Разобравъ отдѣльныя статьи дѣйствующаго тарифа, записка останавливается на общихъ вопросахъ о дороговизнѣ жизни и обѣднѣніи и подробно разбираетъ парадоксальныя мнѣнія профессора Менделѣева, высказавшагося за усиленный охранительный тарифъ. Вольному экономическому обществу, въ составъ котораго входятъ многіе хозяева свеклосахарнаго района, дѣлаетъ особую честь то обстоятельство, что оно высказывается противъ запретительнаго тарифа на сахаръ. На стр. 266 справедливо подчеркивается тотъ фактъ, что кievскій сахаръ продается въ Кіевѣ по 5 р. 50 к., а въ Лондонѣ тотъ же сахаръ продается по 2 р. 60 к. за пудъ, въ Генуѣ по 2 р. 64 к. „Это не только не идеаль,—говоритъ записка,—а прямое самонтощеніе въ пользу Англій и Италіи“. Взглядъ записки на тарифы резюмируется, между прочимъ, на стр. 35, гдѣ говорится: „В. э. общество не знаетъ такого производства въ Россіи, которое подъ охраной высокаго тарифа доросло бы до вожделѣнной дешевизны“.

Вся записка написана живымъ и сильнымъ языкомъ и заслуживаетъ

большаго вниманія со стороны всѣхъ лицъ и учреждений, соприкасающихся съ сельско-хозяйственными интересами Россіи.

Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи. А. П. Шликевича. Черниговъ, 1890 г. Послѣ шестилѣтняго молчанія А. П. Шликевичъ, подарившій русской земской статистикѣ первую комбинаціонную таблицу, нашелъ возможнымъ вновь принять участіе въ статистической литературѣ, на этотъ разъ небольшою брошюрой методологическаго содержанія. Г. Шликевичъ находитъ, что предложенная имъ (въ сборникѣ по Козелецкому уѣзду) идея комбинаціонной таблицы подверглась существенному искаженію въ послѣдующихъ трудахъ земскихъ статистиковъ. По мнѣнію автора, нужно теперь же изготovitъ для комбинацій вполне неподвижный и непрекаемый шаблонъ (стр. 26). Въ этотъ шаблонъ авторъ находитъ возможнымъ включить, между прочимъ, этнографическія особенности населенія (стр. 31) и, въ то же время, рѣшительно отказывается (стр. 33 и 34) торговымъ заведеніямъ и промысламъ населенія. Вполнѣ соглашаемся съ авторомъ въ томъ, что *общими силами* можно было бы установить въ общихъ чертахъ схематическую желательную форму для комбинаціонныхъ таблицъ, но полагаемъ, что и послѣ такой работы возможны будутъ полезныя варіаціи, руководимыя мѣстными цѣлями. Авторъ высказывается противъ комбинаціонныхъ таблицъ по отдѣльнымъ уѣздамъ (стр. 37); между тѣмъ, тація таблицы могли бы имѣть практическое значеніе для уѣзднаго земскаго хозяйства. Во всей статьѣ авторъ какъ бы игнорируетъ справочное значеніе подворныхъ описей и смотритъ на эти описи преимущественно какъ на матеріалъ для научной обработки; при этомъ г. Шликевичъ предъявляетъ слишкомъ строгія требованія къ однородности матеріала. Слова о возможности примѣнять экспериментъ въ статистикѣ (стр. 16) мы отказываемся понимать иначе, какъ въ видѣ иносказанія. Проявляя по большей части значительный пессимизмъ въ отношеніи къ современнымъ земско-статистическимъ работамъ, авторъ является крайнимъ оптимистомъ по вопросу о возможности установки районовъ (стр. 22).

Во всякомъ случаѣ, брошюра г. Шликевича представляетъ собою важный вкладъ въ крайне небогатую русскую литературу по теоретическимъ вопросамъ хозяйственной статистики.

Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда. Выпускъ I. Казань, 1890 г. Первый выпускъ красноуфимскихъ *Матеріаловъ* отличается отъ многихъ земско-статистическихъ изданій обстоятельнымъ изложеніемъ хода работъ, процесса выработки программъ, погрѣшностей наблюденія, приемовъ сводки и разработки матеріала. Все это изложено въ обширномъ предисловіи руководителемъ работъ, Н. Л. Скалзубовымъ. На каждой страницѣ этого предисловія видно вдумчивое отношеніе автора къ критикѣ статистическаго матеріала. Въ формахъ наблюденія замѣчаются нѣкоторыя особенности: напримѣръ, скотъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ переписывался весь безъ исключенія какъ для точности отвѣтовъ, такъ и для возможности заключать о составѣ стадъ. Весьма интересныя результаты получились въ отвѣтахъ регистраторовъ на заданные со стороны завѣдующаго вопросы объ отношеніи крестьянъ къ мѣстному статистическому изслѣдованію и отдѣльнымъ его пунктамъ. Отъ внимательнаго редакторскаго анализа не ускользнули даже ошибки при переписываніи матеріала, и ошибки эти подверглись цифровому учету. Наблюденіе производилось неслѣпно, ибо въ день переписывались только 27 дворовъ; стоимость наблюденія около 5 коп.

на дворъ (въ томъ числѣ $1\frac{1}{4}$ к. на разъѣзды), стоимость разработки $4\frac{1}{2}$ копѣек.

Кромѣ предисловія, въ первомъ выпускѣ помѣщены поселенныя и групповыя (по размѣрамъ обрабатываемой площади) таблицы и краткія текстовыя примѣчанія для 102 селеній одного района Красноуфимскаго уѣзда.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что работа г. Скалозубова обратитъ на себя вниманіе далеко за предѣлами Пермской губерніи.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Учебникъ минералогіи“. Лебедева.—„Поиски цѣнныхъ минераловъ“. Д-ра М. Глубоковского.

Учебникъ минералогіи. Часть описательная (физиографія минераловъ). Лебедева. Вып. I. Спб., 1890 г. Ц. 3 р. Въ нашей литературѣ давно уже чувствуется недостатокъ въ учебникѣ минералогіи, отвѣчающемъ современному развитію этой отрасли знанія. Въ то время, какъ въ минералогіи и кристаллографіи, съ середины семидесятихъ годовъ, наблюдается особое оживленіе, развились методы искусственнаго полученія минераловъ, создавалась математическая теорія строенія кристаллическихъ средъ, открыты совсѣмъ невѣдомые раньше классы химическихъ соединеній, изучены новыя проявленія физическихъ свойствъ кристалловъ и всецѣло создана область микроскопической минералогіи, у насъ были въ ходу лишь учебники, составленные много раньше всего этого движенія. Ни одинъ изъ курсовъ минералогіи, читаемыхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не увидѣлъ свѣта, не появилось ни одного перевода многочисленныхъ западно-европейскихъ и американскихъ учебниковъ, которые одинъ за другимъ выходили за это время. Изданные въ шестидесятихъ годахъ учебники Медвѣдева и переводный Науманна оставались единственными, какими могли пользоваться образованные люди нашей страны, вслѣдствіе малой доступности для многихъ иностранной литературы. Лишь въ восьмидесятихъ годахъ появились часть перевода минералогіи Чермака, сдѣланнаго г. Лебедевымъ, начало учебника кристаллографіи Прендела, синоптическія таблицы г. Тутковскаго и, наконецъ, теперь вышелъ 1-й выпускъ описательной минералогіи г. Лебедева.

Учебникъ г. Лебедева является сопоставленіемъ новыхъ данныхъ о минералахъ, взятыхъ изъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, учебниковъ минералогіи. Въ первой части своего труда г. Лебедевъ почти не пользуется литературой послѣ 1885 года и въ числѣ руководствъ, служившихъ для составленія учебника, указаны старыя изданія. Такъ, авторъ пользовался вторымъ изданіемъ *Lehrbuch der Mineralogie* Чермака, тогда какъ третье изданіе этой книги, вышедшее въ 1889 году, осталось ему неизвѣстнымъ. Способъ составленія книги сказывается въ текстѣ, гдѣ часто видны переводъ съ нѣмецкаго: наприм., Валахію г. Лебедевъ называетъ „Валахей“ (стр. 31), Анатолию — „Натоліей“ (стр. 31 и 236), Жювенъ — „Ювенасъ“ (стр. 52), работы Стривера въ *Atti Turinской академіи* цитируетъ, какъ „Schriften d. Turin. Akad.“ (стр. 126) и т. п. Иногда плохой переводъ ведетъ даже къ прямому искаженію (наприм., о рутилѣ въ сланцахъ на стр. 146 или на стр. 59). Въ литературныхъ указаніяхъ г. Лебедевъ часто приводитъ нѣмецкіе источники, не называя русскихъ переводовъ или даже оригиналовъ.

Такъ, напримѣръ, не указано существованіе первыхъ 5 томовъ *Матеріаловъ для минералогіи Россіи* Кокшарова и на русскомъ языкѣ; статья Пренделя о видунитѣ (см. *Зап. Одес. Общ. Естествоисп.*) приведена по нѣмецкому извлеченію изъ нея (стр. 263) и т. п. Вопреки обѣщанію, указаніе русскихъ мѣсторожденій является неполнымъ и даже менѣе подробнымъ, чѣмъ то, какое дается въ хорошихъ нѣмецкихъ руководствахъ, напримѣръ, у Гинтце. Замѣтимъ еще нѣсколько погрѣшностей: не указано описаніе кристалловъ свинца Гамбергомъ и др., а говорится, что кристаллы свинца не найдены (стр. 14); для сѣры авторъ приводитъ двѣ разности (стр. 48), тогда какъ ихъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, пять. На стр. 58 приведено различеніе гемидрическихъ формъ пирита по ихъ термоэлектрическимъ свойствамъ, что является очень сомнительнымъ; на стр. 82 г. Лебедевъ ничего не говоритъ о гемиморфизмѣ пираргирита и прустита, дованномъ Майрсомъ; окенитъ и пектолитъ (стр. 205) отнесены къ волластониту и нахожденіе въ нихъ натрія (до 10%) не указано; непонятно, какимъ образомъ петалитъ (стр. 214) отнесенъ авторомъ къ авгитамъ, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго, и т. д.

Несмотря на подобныя недосмотры, учебникъ г. Лебедева даетъ въ общемъ вѣрную сводку нашихъ свѣдѣній о минералахъ и воспоминаетъ давно ощущаемый недостатокъ учебниковъ минералогіи въ русской литературѣ. Къ сожалѣнію, цѣна (3 руб.) за первый выпускъ этого учебника нѣсколько высока.

Поиски цѣнныхъ минерал(л)овъ. Общепонятное изложеніе д-ра М. Глубоковскаго. Москва, 1891 г. Цѣна 25 коп. Съ перваго раза можно подумать, что г. Глубоковскій весьма опытный „поискатель“ цѣнныхъ минераловъ, а на самомъ дѣлѣ оказывается, что онъ представляетъ собою просто несчастную жертву двухъ самообольщеній, такъ какъ, съ одной стороны, онъ увѣряетъ, что въ нѣдрахъ русской земли скрыты „неисчерпаемыя залежи всевозможныхъ естественныхъ богатствъ“, а съ другой—онъ думаетъ, что можно смѣло писать руководства и преподавать наставленія по какому-либо предмету, не будучи даже поверхностно знакомымъ съ нимъ. По словамъ г. Глубоковскаго, напримѣръ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, кромѣ Алтая и Нерчинска, въ Россіи „серебро есть во многихъ другихъ мѣстахъ, но пока не найдено“ (стр. 31). Въмѣстѣ съ этимъ, какъ болѣе чѣмъ вѣроятное, г. Глубоковскій допускаетъ существованіе серебра на Кавказѣ, повидимому, совершенно не зная про то, что серебро давнымъ-давно здѣсь извѣстно и даже разрабатывается. Цинка у насъ, по увѣреніямъ г. Глубоковскаго, тоже видимо-невидимо. „Но мало ли у насъ богатствъ, — восклицаетъ онъ съ чувствомъ, — о самомъ существованіи коихъ мы не знаемъ, пока ихъ не захватятъ иностранцы?“.. (стр. 37). Что же касается научной опытности г. Глубоковскаго, то для характеристикъ его въ этомъ отношеніи мы позволимъ себѣ привести его же собственныя слова: „Многія лица, — говоритъ онъ, — считающіяся опытными, высказываютъ свое сужденіе *на взглядъ*“ (1). Дѣйствительно, опытность г. Глубоковскаго въ минералогіи только „на взглядъ“. По его увѣреніямъ, напримѣръ, бѣлый цвѣтъ можетъ быть *мякшій* и *твердый* (стр. 9); гипсъ съ трудомъ чертится *ножомъ* (стр. 9); платина есть *малоизвѣстный металлъ* (стр. 35); нефть добываютъ изъ *лубокихъ колодезевъ*, откуда нерѣдко она бьетъ фонтаномъ (стр. 46); аметистъ по своимъ химическимъ свойствамъ *похожъ* на топазъ, изумрудъ и рубинъ (стр. 51) и т. д. Даже самое слово „минералъ“ г. Глубоковскій счелъ нужнымъ исковеркать, упо-

требляя, вмѣсто одного, два „л“. Короче сказать, „небольшое сочиненіе“ г. Глубоковского вовсе не достигает своей цѣли и не избавляетъ отъ необходимости пользоваться хотя и болѣе дорогими, но за то и болѣе содержательными руководствами и пособиями какъ по поискамъ, такъ и по опредѣленію минераловъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Материалы по изученію русскихъ почвъ“. А. Совѣтова и В. Докучаева.—„Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плододовства“. Э. Клаусена.—„Справочная книжка для пчеловодов“. Л. А. Потькина.—„Общедоступный учебникъ домашнихъ животных“. Я. М. Шмелевича.—„Практическое птицеводство“. П. Н. Еланина.—„Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Императорскаго вольнаго экономического общества“. Н. Н. Бекетова.—„Русскія канусты“. М. Рытова.—„Варка спривъ бакштейна и цекарно“. Е. Ростовцевой.—„Практическое руководство для произволства кастраціи свиней“. С. Т. Нейштубе.

Материалы по изученію русскихъ почвъ. А. Совѣтова и В. Докучаева. Вып. VI. Спб., 1890 г. Мы неоднократно говорили уже объ этомъ полезномъ изданіи, которому проф. Совѣтовъ даетъ, кажется, только свою фирму, а проф. Докучаевъ помогаетъ редакціонными примѣчаніями. Въ шестомъ выпускѣ мы находимъ пять статей. Г. Падарину пришла въ голову счастливая мысль суммировать идеи древнихъ писателей по почвовѣдѣнію: оказывается, что Катонъ, Варронъ и Колумелла высказывали много правильныхъ взглядовъ на оцѣнку почвъ. Г. Падаринъ справедливо сожалѣетъ о томъ, что сочиненія древнихъ писателей подвергаются теперь анализу только со стороны филологовъ, но не со стороны натуралистовъ. Въ статьѣ г. Падарина приложенъ списокъ латинскихъ сельско-хозяйственныхъ сочиненій въ различныхъ изданіяхъ, имѣющихся въ трехъ петербургскихъ бібліотекахъ. Г. Агаѣоновъ даетъ сводъ нѣсколькихъ попытокъ по опредѣленію возраста почвъ и предлагаетъ программу для будущихъ работъ такого рода. Г. Богословскій путемъ химическаго анализа выводитъ интересныя заключенія о различіи лѣсныхъ почвъ и подзолистыхъ суглинковъ. Въ статьѣ г. Богусhevскаго суммированы случаи химическаго анализа русскихъ почвъ; къ сожалѣнію, не приложена карта, для которой собственно статья и писалась. Послѣдняя статья представляетъ рефератъ работъ Келлера о перегноѣ животнаго происхожденія.

Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плододовства, особенно для юга Россіи. Составилъ Э. Клаусенъ. Часть I. Огородничество. Спб., 1891 г. Цѣна 20 коп. Изд. Девриена. Книжка г. Клаусена должна служить пособіемъ для начинающихъ преподавателей садоводства и повторительнымъ конспектомъ для учениковъ. Двадцатилѣтняя педагогическая практика автора видна въ мастерской сжатости изложенія, которое можно считать образцовымъ для техническихъ учебниковъ. Первая треть книжки посвящена общему огородничеству, остальное—описанію отдѣльныхъ огородныхъ культуръ (числомъ 37); изъ ягодъ отмѣчены только клубника и земляника, но, вѣроятно, одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ будетъ отведенъ специально культурѣ ягодныхъ растений. Хотя учебникъ написанъ преимущественно для южной Россіи, но онъ не лишенъ указаній и на приемы сѣверной культуры и пригодится для ежедневнаго употребленія въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ (отчасти, можетъ быть, и въ народныхъ) школахъ по разнымъ угламъ нашего обширнаго отечества. Цѣна книжки выгодно

отличается отъ многихъ изданій той же фирмы. По полевой культурѣ мы не имѣемъ еще ничего подобнаго.

Справочная книжка для пчеловодовъ. Составилъ Л. А. Потъкинъ. Съ 88 рисунками въ текстѣ. Спб., 1891 г. Изд. Девриена. Цѣна 50 коп. Удачное размѣщеніе матеріала должно считаться достоинствомъ справочной книги; къ сожалѣнію, такого достоинства въ книжкѣ г. Потъкина мы не находимъ. Изложеніе начинается почему-то съ календаря-пчеловода, а въ восьмой главѣ уходъ за пчелами описанъ по временамъ года, такъ что предварительный календарь оказывается почти излишнимъ. Выборъ мѣста для пасѣки запрятанъ въ девятую главу. Хотя по языку книжка не можетъ конкурировать съ извѣстными произведеніями Бутлерова, но будетъ не бесполезнымъ приобрѣтеніемъ для нашей специальной литературы, благодаря описанію нѣкоторыхъ новостей пчеловодной техники и многочисленнымъ рисункамъ. Латинскіе термины (наприм., на стр. 3, 9, 23, 27, 29) изобилуютъ опечатками, лучше было ихъ и не приводить. Въроятно, къ опечаткамъ слѣдуетъ отнести и такое заглавіе, какъ „Продукты пчеловода“ (гл. VI). Списокъ русскихъ пчеловодовъ для справочной книжки слишкомъ вратовъ. Въ числѣ учебныхъ учреждений по пчеловодству не поминена преобразованная съ 1887 года пасѣва Петровской академіи.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ съ особенымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Составленъ Я. М. Шмулевичемъ. Со многими рисунками. Изданіе 2-е (Девриена), совершенно переработанное и дополненное. Спб., 1891 г. Цѣна 3 рубля. Это цѣлая энциклопедія ветеринарныхъ знаній, назначенная для сельскихъ хозяевъ. Въ составленіи втораго изданія, кромѣ д-ра Шмулевича, принимали участіе еще 9 лицъ, въ томъ числѣ г. Котельниковъ и профессора Брандтъ, Воронцовъ, Гутманъ, Земмеръ и Раунахъ. Коллективное авторство не могло, конечно, обойтись безъ многочисленныхъ повтореній, которыя, впрочемъ, иногда оказываются вполне уместными. Анатомическая и физиологическая часть изложены довольно просто, общая патологія, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко. Въ книгѣ, подписанной нѣсколькими представителями науки, неприятное впечатлѣніе производятъ фразы вродѣ слѣдующей: „соединительную тканью называются мягкія волокна, находящіяся во всѣхъ частяхъ и органахъ тѣла животныхъ и служащія только для того, чтобы помѣстить и соединить между собою отдѣльныя работающія части или клѣтки органовъ“ (примѣч. на стр. 7).

Въ спискѣ ядовитыхъ растений (стр. 70) полезны были бы систематическія названія въ виду изобилія русскихъ синонимовъ. Шаблонный календаръ беременности животныхъ (стр. 96) совсѣмъ не приуроченъ къ русскимъ даннымъ. Въ специальной части книги (представляющей лечебникъ въ собственномъ смыслѣ слова) слишкомъ много частностей, не связанныхъ общими идеями. При составленіи втораго изданія видимо принята во вниманіе литература послѣднихъ лѣтъ: напримѣръ (стр. 627), сообщаются постановленія парижскаго конгресса 1889 г. о немедленномъ убиваніи животныхъ, пораженныхъ жемчужиной, и о воспрещеніи употреблять въ пищу мясо этихъ животныхъ.

Во всякомъ случаѣ, сборникъ г. Шмулевича не имѣетъ соперниковъ въ нашей литературѣ и долженъ составлять непримѣнную принадлежность каждой русской сельско-хозяйственной библіотеки.

Практическое птицеводство. П. Н. Елагина. Съ 80 рисунками птицъ и принадлежностей птицеводнаго хозяйства и съ чертежами

птичниковъ. Спб., 1891 г. Изданіе Деврѣна. Цѣна 2 руб. Лица, знакомыя съ недавнимъ трудомъ того же автора *Объ условіяхъ разведенія домашней птицы въ Россіи*, встрѣтятъ немного новаго въ *Практическомъ птицеводствѣ* г. Елагина. Но надо замѣтить, что первоначальный планъ сочиненія совершенно измѣненъ, оно стало подходить къ типу руководства и снабжено массою рисунковъ, изъ которыхъ многіе выполнены весьма удачно. Между прочимъ, имѣется рисунокъ и подробное описаніе „шотландскихъ доркинговъ“ (или породы Скотчъ-Грей), которымъ принадлежитъ, въ ряду всѣхъ куриныхъ породъ, одно изъ первыхъ мѣстъ по суммѣ вѣса спесенныхъ яицъ и которые стали распространяться въ Россіи только въ самое послѣднее время. Г. Елагинъ высказывается, впрочемъ (стр. 57), противъ разведенія у насъ иностранныхъ породъ въ чистомъ видѣ. Существованіе особенной русской курицы авторъ отрицаетъ (стр. 151). Индѣйкамъ отведено слишкомъ мало мѣста (три страницы). Къ книгѣ приложенъ полезный библиографическій указатель, не ограничивающійся голымъ перечисленіемъ книгъ и статей.

Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Императорскаго вольнаго экономическаго общества съ 1865 до 1890 года, составленный А. Н. Бекетовымъ. Спб., 1890 г. Императорское вольное экономическое общество, старѣйшее не только среди русскихъ, но и западно-европейскихъ ученыхъ обществъ, праздновало въ 1890 году сто-двадцатипятилѣтнюю годовщину своего существованія. За этотъ періодъ общество проявило самую разностороннюю дѣятельность: оно много способствовало просвѣщенію, распространенію сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній среди русскаго народа; по его инициативѣ у насъ возникли нѣкоторыя, до толѣ невѣдомныя, отрасли сельскаго хозяйства и, наконецъ, оно ознаменовало свою дѣятельность рядомъ чисто-научныхъ трудовъ. Въ виду всего этого, отчетъ, составленный А. Н. Бекетовымъ, представляетъ не мало интереса. Въ этомъ отчетѣ мы находимъ краткую характеристику дѣятельности общества за первыя сто лѣтъ и сжатый, но полный очеркъ дѣятельности за послѣднія 25 лѣтъ. Образовавшись въ то время, когда земледѣліе и вообще культура народа стояла далеко ниже, чѣмъ теперь, оно на первыхъ же порахъ, по предложенію императрицы Екатерины II, приступило къ обсужденію вопроса о крѣпостномъ правѣ. Матеріальныя средства общества въ то время были ничтожны и ему пришлось употребить много усилій на собственную организацію и укрѣпленіе. Этотъ періодъ характеризуется, главнымъ образомъ, дѣятельностью просвѣтительной и пропагандой сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній; научныхъ трудовъ въ это время еще сдѣлано было мало. Въ противоположность этому періоду, за послѣднее 25-лѣтіе, кромѣ того, произведено не мало блестящихъ научныхъ изслѣдованій. По народному образованію за это время обществу принадлежитъ починъ въ изданіи *Положенія о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ* и учрежденіе комитета грамотности при одномъ изъ отдѣленій общества еще въ 61-мъ году. Благодѣтельная дѣятельность этого комитета проявилась только за послѣднее 25-лѣтіе и состояла: въ безплатной рассылкѣ книгъ въ бѣднѣйшія школы и бібліотеки, въ устройствѣ книжныхъ складовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ изданіи книгъ для народнаго чтенія; вообще комитетъ оказалъ несомнѣнную услугу дѣлу народнаго образованія и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Что касается сельскаго хозяйства собственно, то общество въ этомъ отношеніи сдѣ-

лало еще больше. При помощи энергичнаго Н. В. Верещагина оно дало ходъ дѣлу артельного сыроваренія, предприняло изслѣдованіе черноземной полосы Россіи и, благодаря трудамъ В. В. Докучаева, разработавъ вопросъ о происхожденіи чернозема, нанесено на карту его распространеніе и опредѣлено содержаніе перегной въ разныхъ мѣстахъ черноземной полосы. Затѣмъ, съ помощью экспедицій, разрѣшался вопросъ объ изслѣдованіи Россіи въ экономическомъ отношеніи и составленъ сборникъ свѣдѣній о дѣятельности земства за десятилѣтній періодъ его существованія, съ 1865 по 1875 г., а съ 1876 г. издался обществомъ журналъ *Земскій Ежегодникъ*, который явился важнымъ органомъ, объединявшимъ всю земскую работу. Кромѣ того, въ 1877 г. была выработана программа для собиранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ; программа эта имѣла успѣхъ и быстро разошлась.

Словомъ, не было почти ни одного вопроса въ экономической и хозяйственной жизни страны, въ которомъ бы общество не принимало горячаго участія.

Отчетъ легко читается и написанъ довольно живо, несмотря на специальность вопросовъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло автору его.

Русскія капустаы. Составилъ преподаватель Горецкаго земледѣльческаго училища М. Рытовъ. Съ 12 таблицами. Спб., 1890 г. Изданіе Девріена. Ц. 75 к. Небольшая брошюра г. Рытова описываетъ „наиболѣе извѣстные и распространенные (въ Россіи) сорта капустаы и ихъ измѣненія“; описаніе это, по словамъ подробнаго заглавія, „сдѣлано для практиковъ съ цѣлью вѣрнаго распознаванія и лучшаго выбора для культуры и на сѣмена“. Мы полагаемъ, что для послѣдней цѣли едва ли будетъ достаточно наружнаго ботаническаго описанія сортовъ капустаы: автору слѣдовало изложить, хотя бы вкратцѣ, технику воздѣлыванія капустаы и важнѣйшія требованія, предъявляемыя потребителями къ хорошей капустаѣ.

Для тринадцати сортовъ капустаы дано довольно подробное описаніе, снабженное двадцатью шестью весьма изящными рисунками (оригиналы рисунковъ исполнялись карандашомъ на каленкорѣ при помощи камеръ-обскуры). Сомнѣваемся въ томъ, чтобы этимъ описаніемъ исчерпывались наиболѣе распространенные сорта русской капустаы. Изъ числа не встрѣчающихся въ сѣменной торговлѣ сортовъ описаны болгарская малая (стр. 13) и низовая капуста (стр. 27). Если бы не относительно-высокая цѣна (вызванная, вѣроятно, прекрасными рисунками), мы не задумались бы причислить брошюру г. Рытова къ числу полезныхъ учебныхъ пособій для тѣхъ школъ, при которыхъ имѣются огороды.

Варка сыровъ бакштейна и пекарينو. Составила Е. Ростовцева. Съ 9 рисунками. Спб., 1890 г. Изд. Девріена. Ц. 30 к. Г-жа Ростовцева изучала варку сыровъ на Маріинской фермѣ въ Саратовской губерніи. Въ настоящей брошюрѣ описывается преимущественно варка бакштейна; сыру „пекарينو“, который готовится изъ овечьяго молока, отведены только двѣ страницы. Кромѣ сыроваренія, г-жа Ростовцева описываетъ еще приготовленіе сладкаго сливочнаго масла на Маріинской фермѣ, о чемъ почему-то не упомянуто въ заглавіи брошюры. Издатель, вѣроятно, не раздѣляетъ пожеланій автора о „наибольшемъ распространеніи брошюры въ средѣ русскихъ дѣателей по молочному хозяйству“, поэтому за 28 страницекъ назначена цѣна 30 коп.

Практическое руководство для производства кастраціи свиней. Составлено ветеринарнымъ врачомъ С. Т. Нейштубе. Спб., 1890 г. Изд. Девріена. Ц. 40 к. Въ послѣдніе мѣсяцы можно замѣтить охлаж-

деніе министерства государственныхъ имуществъ къ мѣропріятіямъ, содѣйствующимъ развитію промышленнаго свиноводства; эти мѣропріятія играли видную роль въ дѣятельности министерства въ теченіе пяти лѣтъ. Брошюра г. Нейштубе написана передъ самымъ поворотомъ въ дѣятельности министерства. Авторъ надѣется своимъ краткимъ руководствомъ помочь распространенію кастраціи свиней въ Россіи. Руководство назначается какъ для ветеринаровъ, такъ и для хозяевъ. Техника кастраціи самцовъ и самокъ изложена кратко, но достаточно ясно; рисунки недурны. Цѣна не можетъ считаться дешевою.

ДѢТСКІЯ КНИГИ И УЧЕБНИКИ.

„Наталья Борисовна Долгорукова“. П. Р. Фурмана.—„Влижній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ“. *Его же.*—„Даръ Мыдасъ и другія сказки, рассказы и стихотворенія“.—„Синъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ“. П. Р. Фурмана.—„Александръ Македонскій, знаменитый завоеватель, прозванный Великимъ“.—„Изъ дальняго прошлаго“. А. П. Смирнова.—„Практическій курсъ русскаго правописанія“. Н. Петикова.—„Геометрія для ремесленныхъ и техническихъ школъ“. П. И. Межеричера.—„Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ“. М. Карякина.—„Ариметика“. Г. Голубева.—„Таблицы для опредѣленія минераловъ“. М. Соловьева.—„Предварительный курсъ физики“. В. Кошелюкова.—„Элементарный курсъ практической грамматики“. С. Ѳ. Хворова.—„Практическое руководство къ устройству и веденію „Яслей“. Ф. Марбо.—„Прямолинейная тригонометрія“. П. Злотчанскаго.—„Подробный атласъ Россійской имперіи съ планами главнѣйшихъ городовъ“. А. Ильина.—„Учебникъ русскаго языка“. Н. Воспашенскаго.—„Древняя исторія въ отрывкахъ въ источникахъ“. П. Кумская.

Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣвицъ, въ трехъ частяхъ. Сочиненіе П. Р. Фурмана. Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. 25 коп. Сюжетъ повѣсти взятъ изъ временъ Петра II и Анны Ивановны. Главное дѣйствующее лицо—Наталья Борисовна Долгорукова, внучка знаменитаго Шереметева, сподвижника Петра Великаго. Повѣсть эта отличается тѣми же недостатками, какъ и нѣкоторые другія того же автора: слишкомъ много описаній придворныхъ интригъ, нравочительный тонъ и растянутасть изложенія. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ сужденій, высказываемыхъ авторомъ и совсѣмъ нежелательныхъ въ дѣтскомъ разсказѣ. Такъ, описавъ двухъ молодыхъ людей, ихъ обрученіе и подарки, при этомъ полученные, авторъ говорить: „Безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякихъ преувеличеній я старался представить вамъ, милыя читательницы, картину высшаго земнаго частія (курсивъ въ подлинникѣ). Судьба избрала два существа, двухъ прелестныхъ молодыхъ дѣвушекъ, и возвела на высокую степень величія. Знатность и богатство, красота и молодость — все было имъ дано... Здѣсь понятіе о счастья является синонимомъ „знатности“, богатства, красоты. Считаемъ излишнимъ доказывать, что въ дѣтской книгѣ, больше чѣмъ гдѣ-либо, было бы умѣстно разграничить понятіе о чисто-внѣшнихъ достоинствахъ человѣка съ его внутреннимъ содержаниемъ. Впрочемъ, нѣкоторые моменты въ повѣсти отличаются задушевностью и вѣрностью дѣйствительности, напримѣръ, прощаніе Натальи съ ея гувернанткой и отношеніе Топорникова къ семейству Долгоруковыхъ. Мѣстами-же въ книгѣ (какъ и вообще въ повѣстяхъ Фурмана) попадаются фразы, — напримѣръ, на стр. 86, — которыя показываютъ, что авторъ человѣкъ суевѣрный. Цѣна книги очень высока.

Ближній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Историческая повѣсть для дѣтей, въ двухъ частяхъ. Сочиненіе П. Р. Фурмана. Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. 25 коп. Разказы Фурмана были изданы въ

концѣ 40-хъ годовъ; съ тѣхъ поръ они не встрѣчались въ продажѣ и теперь снова явились въ изданіи Мартынова. И такъ, книги эти не новыя и рѣдко кому изъ насъ не приходилось читать ихъ, такъ какъ во всѣхъ такъ называемыхъ классныхъ ученическихъ бібліотекахъ воспитатели и наставники считаютъ долгомъ помѣщать повѣсти Фурмана, который давно извѣстенъ, какъ писатель, пробуждающій въ дѣтяхъ добрыя и патріотическія чувства. Можетъ быть, это и такъ, но, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время повѣсти эти уже не имѣютъ того значенія, какъ раньше. Манера писать дѣтскія повѣсти въ наставительномъ тонѣ и досаждаютъ юнымъ читателямъ правилами прописной морали давно и по справедливости признана никуда негодной. Много произошло измѣненій за то время, пока повѣстей не было въ продажѣ, значительно измѣнился за это время и литературный слогъ. Послѣ живаго и образнаго языка Тургенева, *Записки Охотника* котораго принадлежатъ теперь къ любимымъ дѣтскимъ книгамъ, тяжело читать Фурмана.

Въ разбираемой повѣсти мы находимъ рядъ перечней и описаній, написанныхъ такимъ тяжелымъ слогомъ, что они только утомляютъ вниманіе читателя, увеличиваютъ объемъ книги и ничего не даютъ ни уму, ни сердцу. Таковы: перечень должностныхъ лицъ, перечень сочиненій Матвѣева и другихъ, таково описаніе Пустозерскаго острова. Но все это можно назвать только излишнимъ балластомъ, описанія же придворныхъ интригъ и возней бояръ являются совсѣмъ неумѣстными. Передъ читателемъ изображается рядъ лицъ, управлѣвшихъ судьбой отечества и готовыхъ изъ-за пустаго тщеславія и корысти пожертвовать самыми высокими, самыми чистыми душевными качествами. Это можетъ подорвать довѣріе въ ребенка въ людямъ и внушить ему дурное отношеніе къ нимъ. Неумѣстными являются и главы, въ которыхъ разсказывается объ испытаніи юнаго Матвѣева, такъ какъ слогъ и отдѣльныя слова въ нихъ совсѣмъ непонятны, ибо взяты прямо изъ лѣтописей и древнихъ житій святыхъ. То же самое можно сказать и о письмахъ Матвѣева изъ заточенія: они были бы на своемъ мѣстѣ въ сборникъ матеріаловъ для исторіи той эпохи, изъ которой взяты разсказы, а не въ дѣтской книгѣ.

Типъ самого Матвѣева является очень симпатичнымъ, жаль только, что авторъ иногда заставляетъ его безъ нужды принимать правоучительный тонъ; слуга его арабъ Иванъ хорошо охарактеризованъ, какъ натура честная, преданная, прямая и готовая принести себя въ жертву для другихъ.

Книга издана чисто, но цѣна ея очень высока.

Царь Мидасъ и другія сказки, разсказы и стихотворенія. Сборникъ для дѣтей школьнаго возраста. Москва, 1891 г. Цѣна 9 коп. Всѣ разсказы, сказки и стихотворенія, помѣщенные въ этой небольшой книгѣ, безусловно хороши: во всѣхъ замѣчается теплое и участливое отношеніе къ людямъ и, кромѣ того, проведенъ весьма желательный взглядъ на трудъ, безъ котораго жизнь теряетъ всякій смыслъ. Не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ сказать, что въ книгѣ мы находимъ сочиненія Некрасова, Никитина, Гаршина и друг. Нѣкоторыя сказки, правда, не особенно гармонируютъ съ общимъ характеромъ книги, какъ, напримѣръ, *Новое платье короля*, и всѣ разсказы и стихотворенія довольно не систематично подобраны, такъ какъ одни не пригодны для старшаго возраста, другіе для младшаго. Во всякомъ случаѣ, эта книга найдетъ для себя обширный кругъ читателей, бла-

годаря разнообразію матеріала и незначительной цѣнѣ при сравнительно большомъ объемѣ (142 стран. небольшого формата).

Сынъ рыбака Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ. Повѣсть для дѣтей. Сочиненіе П. Р. Фурмана. Спб., 1890 г. Цѣна 50 коп. Большая часть этой небольшой повѣсти посвящена описанію жизни Ломоносова до его поступленія въ школу и затѣмъ его школьной жизни въ Москвѣ и за границей. Такимъ образомъ, взяты самые существенные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые интересныя для дѣтей моменты изъ жизни нашего ученаго. Книга написана живо и занимательно, а, главное, очень удачно описано дѣтство Ломоносова, такъ что читателю становится ясно, почему сынъ рыбака задумалъ бѣжать изъ Архангельска въ Москву. Впрочемъ, нравоучительнаго тона авторъ не оставляетъ и въ этой повѣсти.

Цѣна, какъ и вообще всѣхъ книгъ Фурмана, очень высока.

Александръ Македонскій, знаменитый завоеватель, прозванный Великимъ. Изъ древней исторіи. Составлено по Квинту Курцію и другимъ источникамъ. Москва, 1890 г. Неизвѣстный авторъ этой небольшой книжки задался цѣлью провести мысль о вредѣ и дурномъ вліяніи войны на человѣка. Описывая рядъ подвиговъ знаменитаго завоевателя, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно старается показать, какъ дурно вліяетъ успѣхъ въ такомъ дѣлѣ, какъ война. Съ каждымъ новымъ завоеваніемъ Александръ все болѣе и болѣе падаетъ нравственно, все болѣе въ немъ развиваются жажда завоеваній, славы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, растетъ его недовѣріе къ людямъ и подозрительность. Жертвой этого недовѣрія гибнутъ его лучшіе друзья, а мѣсто погибшихъ занимаютъ льстецы и люди безнравственные. Царь требуетъ себѣ поклоненія, какъ Богу, вполне довѣряетъ всякой клеветѣ и, наконецъ, гибнетъ, какъ сказано, отъ объѣденія. Книжка написана въ нравоучительномъ тонѣ; нѣкоторыя мѣста довольно скучны и замѣтна даже дѣланность и искусственный подборъ фактовъ. Цѣна не проставлена.

Изъ давняго прошлаго. Историческіе очерки и картины вреженъ гайдамачины. А. П. Смирнова. Съ 17 рисунками Е. Е. Баумгартена. Спб., 1890 г. Цѣна 2 руб. 75 коп. Литература наша относительно не богата хорошими историческими повѣстями, и это обстоятельство заставляетъ даже иногда переиздавать старыя, давно забытыя и не отличающіяся особенными достоинствами, повѣсти, какъ это случилось съ повѣстями Фурмана. Разбираемую нами повѣсть, конечно, нельзя сравнить съ этими повѣстями,—она гораздо выше ихъ. Г. Смирновъ рисуетъ польскіе нравы XVIII столѣтія и оставивается, главнымъ образомъ, на воспитаніи, которымъ завѣдывали иезуиты и такъ называемые отцы піары (монахи). Картина нравственнаго упадка польскаго общества того времени передана довольно ярко и правдиво. Первое и самое главное зло, обусловившее паденіе Польши, это—шляхта, которую составляли бѣдные поляки, жившіе при какомъ нибудь богатомъ панѣ. Панъ съ ними дѣлалъ „наязды“ на сосѣднихъ помѣщиковъ, т. е. по-просту грабежь, и это страшно деморализировало этихъ шляхтичей, которые „презирали трудъ и смотрѣли на вѣковѣчныхъ работниковъ-хлоповъ какъ на рабочій скотъ, а сами, изъ-за подачки, готовы были, порой, сапоги вылизать у своего пана“. Другое зло—это иезуиты и вообще католическое духовенство, которое освѣщало всѣ сословные предразсудки, потакало сильнымъ и богатымъ и, что самое важное, уродовало нравственно польскихъ дѣтей въ разныхъ школахъ и коллегіяхъ. Всѣ школьники раздѣлялись на 4 разряда. Къ

первому принадлежали такъ называемые „императоры“ — дѣти очень богатыхъ родителей. Они считались лучшими и примѣрными учениками, хотя обыкновенно ничего не дѣлали и не знали. Императоровъ не называли, за то другихъ „драли не на животъ, а на смерть, и сплошь да рядомъ за пустяки, нестоющіе вниманія“.

Второй разрядъ—дѣти не очень богатыхъ, но благородныхъ родителей. Этихъ драли рѣдко сравнительно. Въ третьемъ разрядѣ были дѣти шляхтичей и бѣдныхъ помѣщиковъ. Съ этими уже не церемонились. Къ четвертому разряду принадлежали дѣти свободныхъ крестьянъ и хлоповъ. Этими послѣдними было хуже всего; изъ нихъ же часто профессорами вербовались шпионы и сплетники, которые пользовались особыми привилегіями и также, какъ и императоры, могли ничего не знать. „Школьнымъ девизомъ было: *carpiat, qui carere possit*—и кулакъ являлся чуть не единственнымъ аргументомъ... Набожность выражалась выполненіемъ однихъ только вѣшнихъ обрядовъ“. Результатомъ дурнаго отношенія пановъ къ хлопамъ является гайдачина. Гайдамаки—это были недовольные панами хлопы, которые составляли летучіе отряды и грабили панскіе хутора и часто избивали самихъ пановъ.

Книга довольно легко читается и вполне пригодна для дѣтей старшаго возраста. Главное достоинство ея—это отсутствіе школьной морали, которую авторы дѣтскихъ книгъ такъ любятъ заполнять свои повѣсти. Среди безотрадной картины, которую рисуетъ авторъ, встрѣчается нѣсколько свѣтлыхъ личностей, хорошо понимавшихъ царившее вокругъ нихъ зло. Типъ ребенка, выведенный г. Смирновымъ, является исключеніемъ въ этой средѣ невѣжества, приличій и аристократизма. Хотя характеръ этого ребенка (Стася) и не вполне опредѣлился, но авторъ приписываетъ ему такіа душевные качества, которыя, очевидно, поставятъ его въ разрѣзъ со всѣмъ обществомъ. Уже тотъ фактъ, что мальчикъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ и въ своихъ поступкахъ только руководится голосомъ совѣсти, освобождая, напримѣръ, изъ заключенія главнаго атамана гайдамаковъ, указываетъ прямо на основныя черты характера героя повѣсти.

Авторъ собирается продолжать свой рассказъ и мы отъ души желаемъ ему успѣха.

Цѣна книги довольно велика; рисунки сдѣланы схематично и отчасти карикатурно.

Практическій курсъ руескаго правописанія. (Согласованъ съ „Руководствомъ“ Я. К. Грота). Часть I. Пособіе для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для городскихъ училищъ, для домашней подготовки и самообученія. Н. Цвѣткова, преподавателя гимназіи. Тула, 1890 г. Цѣна 50 к. Эта книга, по словамъ ея автора, имѣетъ цѣлю: „Избѣгая промаховъ существующихъ пособій, дать вполне достаточный, какъ теоретическій, такъ въ постоянной тѣсной связи съ нимъ и практическій матеріалъ для выработки правильнаго и сколько возможно сознательнаго письма“. Она раздѣляется на 5 отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ знакомитъ съ общими элементарными правилами, во второмъ—съ отдѣльными, болѣе затруднительными случаями правописанія сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ, въ третьемъ—съ частями рѣчи и ихъ измѣненіемъ, въ четвертомъ—съ правописаніемъ суффиксовъ въ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи, въ пятомъ, наконецъ, съ неизмѣняемыми частями рѣчи. Каждый отдѣлъ содержитъ рядъ ясно выраженныхъ правилъ и обильный матеріалъ для

усвоения этих правил въ видѣ примѣровъ, довольно удачно подобранныхъ въ томъ отношеніи, что они не отличаются тою бессодержательностью и пустотой, какъ это часто встрѣчается во многихъ руководствахъ и учебникахъ. Несомнѣнное достоинство книги состоитъ въ томъ, что авторъ, путемъ обобщенія отдѣльныхъ случаевъ правописанія, стремится къ сознательному усвоению учащимся грамматическихъ правилъ и этимъ самымъ избѣгаетъ того, чтобы учащійся усваивалъ правописаніе только посредствомъ навыка, какъ это часто у насъ практикуется. Нельзя не замѣтить, что дѣленіе грамматики на вышеупомянутые отдѣлы, можетъ быть, и достигнеть на практикѣ цѣли, намѣченной авторомъ,—постепеннаго и толковаго усвоения правописанія,—но, тѣмъ не менѣе, заставляетъ его иногда повторять одни и тѣ же правила (наприм., на стр. 9 и 59). Кромѣ того, это дѣленіе грамматики на отдѣлы и потому еще неудобно, что заставляетъ автора дѣлать нѣкоторыя натяжки и ухищренія при объясненіи въ первомъ и во второмъ отдѣлахъ правилъ правописанія, которыя, будучи сами по себѣ просты, являются трудно-объяснимыми безъ знанія частей рѣчи и ихъ измѣненія, о чемъ говорится въ третьемъ отдѣлѣ книжки. Въ заключеніе еще скажемъ, что непонятными являются примѣры на сомнительные гласные звуки: „предсказаніе“ и „представлять“,—по нашему мнѣнію, въ обоихъ этихъ словахъ совершенно нѣтъ сомнительныхъ гласныхъ, и хотя авторъ ставитъ около названныхъ словъ въ скобкахъ: предсказывать и представить, но это нисколько не разъясняетъ дѣла.

Книжка издана хорошо и цѣна ея не высока.

Геометрія для ремесленныхъ и техническихъ школъ. П. И. Межеричера. Одесса. Ц. 75 к. Учебникъ г. Межеричера представляетъ собою довольно грустное явленіе въ современной учебной литературѣ. Прежде всего, это даже и не курсъ геометріи, а просто кака-то смѣсь теоремъ безъ доказательствъ, съ чертежными приемами построения кривыхъ линий, разматываемыхъ обыкновенно въ курсахъ геометрическаго черченія. Сваливъ въ одно два совершенно различные предмета, авторъ мнитъ, повидимому, что составилъ своеобразный курсъ геометріи. Но обратимся лучше къ тексту. Онъ самъ за себя говорить.

Въ § 53 читаемъ: „два многоугольника съ равными основаніями относятся, какъ высоты, а съ равными высстами, какъ основанія“; въ § 90: „эллипсъ получается, если цилиндръ или шаръ перерѣзать косо плоскостью“; въ § 123: „если двѣ плоскости, будучи перерѣзаны третьей, образуютъ съ нею прямые углы, то онѣ параллельны“; въ § 125: „если двѣ или болѣе взаимно параллельныхъ плоскостей пересѣкаются новою плоскостью, то образованшіяся линіи пересѣченія плоскостей взаимно параллельны; также и наоборотъ“. Наконецъ, мы положительно утверждаемъ, что предлагаемое авторомъ рѣшеніе задачи № 49 представляетъ собою чистѣйшую нелѣпость. Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для безпристрастной оцѣнки произведенія г. Межеричера. Тщетно также мы стали бы искать въ немъ какой-нибудь системы: теоремы лонгиметріи чередуются безъ всякой видимой связи и послѣдствительности съ теоремами планиметріи.

Въ предисловіи авторъ оговаривается, что, сообразуясь съ математическими познаніями учениковъ техническихъ и ремесленныхъ школъ, онъ придерживался геометрическаго метода доказательствъ теоремъ, вмѣсто алгебраическаго. Противъ этого, разумѣется, трудно что-либо возразить, тѣмъ болѣе, что и всѣ новѣйшіе учебники по геометріи видимо стремятся къ той же цѣли. Къ сожалѣнію, однако, г. Межеричера

черъ совсѣмъ не даетъ никакихъ доказательствъ; подъ геометрическимъ доказательствомъ авторъ, очевидно, разумѣлъ чертежъ, сводя, такимъ образомъ, все доказательство теоремы въ простому глазомѣру.

Несмотря на то, что въ системѣ средняго образованія геометрія должна играть роль какъ бы практической логики, авторъ въ § 57 впадаетъ въ прямое противорѣчіе съ собою: „хорда“,—говоритъ онъ,—есть линія, соединяющая двѣ точки на окружности, но не проходящая черезъ центръ“, и затѣмъ ниже въ томъ же § читаемъ: „діаметръ—это наибольшая изъ всѣхъ хордъ“. Къ особенностямъ учебника г. Межеричера надо еще отнести нѣкоторыя новшества въ геометрическихъ опредѣленіяхъ: такъ, линію центровъ онъ называетъ централью, ребро двуграннаго угла—вершиною его, египетскій треугольникъ — пиагоровымъ и проч.

Насколько внимательно просмотрѣвъ авторомъ его собственный учебникъ, видно изъ того, что задачи подъ №№ 52 и 53 повторены еще разъ подъ №№ 60 и 61, но только съ нѣскольکو иною редакціей рѣшеній.

Въ заключеніе замѣтимъ, что вообще составленіе учебника по геометріи для учащихся, обладающихъ лишь знаніемъ ариметики до десятичныхъ дробей влючительно, представляетъ огромныя затрудненія. Трудъ этотъ, можетъ быть, конечно, по силамъ только для лицъ, обладающихъ серьезнымъ математическимъ образованіемъ.

Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ. Курсъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспектирующій преподаватель „Владимірскаго“ нижегородскаго реальнаго училища М. Карякинъ. 1889 г. Ц. 40 к. Авторъ не имѣлъ въ виду составленія руководства по ариметикѣ; онъ хотѣлъ лишь „помочь учащимся припомнить дома то, что имъ было разъяснено на урокахъ въ школѣ, и, кромѣ того, доставить имъ практическое пособіе при исполненіи письменныхъ работъ“. Хотя, такимъ образомъ, книжка г. Карякина и не претендуетъ на роль учебника, однако, кромѣ образцовъ рѣшенія задачъ на такъ называемыя тройныя правила, въ ней содержатся опредѣленія каждаго изъ этихъ правилъ, а также всѣ необходимыя свѣдѣнія, позволяющія учащемуся безъ затрудненія справиться съ рѣшеніемъ любой изъ задачъ разсматриваемаго отдѣла. Нѣкоторыя правила разобраны г. Карякинымъ даже нѣскольکو подробно, чѣмъ это принято въ употребительнѣйшихъ руководствахъ по ариметикѣ.

Всѣ задачи, разобранныя въ учебникѣ, сопровождаются повѣркою, на что весьма полезно обратить вниманіе учащихся. Въ концѣ книги для повторенія приведены рѣшенія трехъ задачъ, предложенныхъ на окончательныхъ испытаніяхъ въ московскомъ учебномъ округѣ. Такимъ образомъ, по своему содержанію, книжка г. Карякина можетъ быть полезной не только для учениковъ III класса, но и для учениковъ высшихъ классовъ.

Всѣ рѣшенія задачъ просмотрѣвны внимательно и объясненія составлены такъ, чтобы „пріучить ученика располагать вычисленія послѣдовательно и въ своихъ объясненіяхъ останавливаться лишь на необходимомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточномъ“.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что задачи на тройное правило слѣдовало бы еще пополнить такими, въ которыхъ даются не самыя размѣры однородныхъ величинъ, а лишь ихъ отношенія, а также задачами, въ которыхъ встрѣчается сравненіе степени трудности извѣстной работы или скорость ея исполненія, какъ это бываетъ дано въ за-

дачахъ съ работниками. Затѣмъ можно еще указать на недостаточнo точное опредѣленіе процента. Въ общемъ, книжка г. Карякина составлена вполне удовлетворительно.

Арифметика. Курсъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Г. Голубевъ, преподаватель орловскаго реального училища. Москва. Ц. 35 к. Еще новый курсъ арифметики, но только краткій, удивительно краткій. Въ небольшую книжку, всего въ 68 страницъ, авторъ зачѣмъ-то постарался втиснуть полный курсъ арифметики всѣхъ трехъ низшихъ классовъ. Давая почти конспективное изложеніе предмета, авторъ „имѣлъ въ виду изложить арифметику въ такомъ видѣ, въ какомъ возможно было бы желать усвоенія ея со стороны учениковъ“,—цѣль, которую преслѣдуютъ, конечно, и всѣ другіе составители учебниковъ. Для достиженія столь похвальной цѣли, г. Голубевъ, „при изложеніи каждой статьи, прямо приступаетъ къ сущности дѣла, находя, что разработка подробностей и пространныя объясненія должны имѣть мѣсто при изустномъ преподаваніи, такъ какъ они затрудняли бы чтеніе и усвоеніе учебника“. Мы съ своей стороны полагаемъ бы, что болѣе всего затруднить въ учебникѣ г. Голубева именно излишняя краткость, сопровождаемая, къ тому же, довольно неточными опредѣленіями арифметическихъ дѣйствій и нерѣдко весьма неясною формулировкой правилъ. Приведемъ примѣры: „умноженіе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго число повторяется слагаемымъ нѣсколько разъ“, или: „вычитаніе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго отъ числа отнимаемъ нѣсколько единицъ“, и т. п. Очевидно, при составленіи учебника авторъ упустилъ изъ вида, что правило дѣйствія выводится изъ его опредѣленія и что поэтому это послѣднее должно быть выражено возможно строже и точнѣе. Кромѣ того, съ расширеніемъ понятія о числѣ должно, по мѣрѣ надобности, вводить новыя опредѣленія дѣйствій надъ этими числами; поэтому для арифметическихъ дѣйствій съ дробями необходимо было дать новыя опредѣленія, такъ какъ опредѣленія этихъ дѣйствій, данныя въ арифметикѣ цѣлыхъ чиселъ, не согласны съ понятіемъ о дробномъ числѣ.

То же отсутствіе ясности и точности замѣчается въ правилѣ о нахожденіи наименьшаго кратнаго, въ опредѣленіи десятичной дроби и проч. Для нѣкоторыхъ арифметическихъ преобразованій и дѣйствій, каковы, наприм., раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ, въ учебникѣ г. Голубева вовсе не имѣется опредѣленій, въ другихъ же правила даны безъ всякаго доказательства, какъ, наприм., при дѣленіи дробей. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ существуетъ нѣсколько выводовъ правила, авторъ выбираетъ, ради краткости, часто наименѣе рациональный, какъ это мы находимъ при обращеніи простой дроби въ десятичную: безъ идеи о предѣлѣ выводъ, приведенный у г. Голубева, ввести въ умы учащихся рѣшительно нежелательное сомнѣніе въ строгости математическихъ вычисленій и преобразованій.

Самое изложеніе курса грѣшитъ непослѣдовательностью: такъ, наприм., въ арифметикѣ цѣлыхъ чиселъ (на стр. 12) введены дроби.

Увлекаясь желаніемъ быть возможно болѣе краткимъ, авторъ пропустилъ вовсе статью о скобкахъ. Наконецъ, не безупреченъ и языкъ учебника: такъ, наприм., въ § 21, вмѣсто какого-нибудь числа, авторъ говоритъ: „что-нибудь“. Лучше изложена та часть учебника, которая составляетъ собственно курсъ III класса.

Вслѣдствіе указанныхъ выше недостатковъ, врядъ ли новый учебникъ можетъ быть полезенъ „не только для учениковъ первыхъ трехъ

классовъ, для которыхъ собственно учебникъ и написанъ, но даже и для учениковъ старшихъ классовъ, особенно при подготовкѣ къ экзаменамъ⁴.

Таблицы для опредѣленія минераловъ. Составилъ М. Соловьевъ. Енатеринбургъ, 1890 г. Хотя на русскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько опредѣлителей минераловъ, тѣмъ не менѣе, *Таблицы* г. Соловьева появляются очень кстати и значительно пополняютъ собою недостатокъ пособій по этому предмету. Составлены онѣ вполне добросовѣстно и позволяютъ опредѣлять минералы съ большою легкостью и удобствомъ. Въ введеніи авторъ предпосылаетъ нѣкоторыя замѣчанія объ общихъ свойствахъ минераловъ и о производствѣ испытаній надъ ними. Ключомъ къ опредѣленію минераловъ по таблицамъ г. Соловьева служатъ ихъ удѣльный вѣсъ и твердость. Зная то и другое и продѣлавъ нѣсколько довольно простыхъ испытаній, легко по этимъ таблицамъ отыскать и название даннаго минерала. Точное же описаніе его, имѣющее цѣлью провѣрить произведенное опредѣленіе, не трудно найти въ любомъ руководствѣ минералогіи. Число минераловъ, которые могутъ быть опредѣлены по таблицамъ г. Соловьева, очень значительно, по крайней мѣрѣ, всѣ важнѣйшіе минералы включены въ ихъ составъ. Къ сожалѣнію, внѣшняя сторона изданія не можетъ быть названа вполне удачною, такъ какъ отдѣльныя таблицы крайне велики по своимъ размѣрамъ, отчего ихъ приходится складывать всякій разъ для того, чтобы умѣстить въ форматъ книги, а при этомъ, конечно, онѣ очень легко подвергаются порчѣ. При послѣдующихъ изданіяхъ было бы крайне желательно обратить на это обстоятельство особое вниманіе и, если то будетъ возможно, отпечатать таблицы не въ провинціальной, а въ какой-либо столичной, хорошо обставленной типографіи. При расположеніи таблицъ на страницахъ общаго съ книгой размѣра, опредѣлитель г. Соловьева значительно выиграетъ съ внѣшней стороны и, конечно, найдетъ себѣ еще большее распространеніе, котораго онъ вполне заслуживаетъ.

Предварительный курсъ физики въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими политипажамъ въ текстѣ. Составилъ В. Кошельковъ, директоръ и преподаватель физики новгородскаго реальнаго училища. Часть I. Новгородъ, 1890 г. Цѣна 1 руб. Въ предисловіи авторъ жалуется на различнаго рода недостатки современныхъ учебниковъ физики, каковы, напримѣръ, излишнее обиліе матеріала, множество несущественныхъ подробностей, неправильный и несовременный способъ объясненія многихъ физическихъ явленій и т. п. Результатомъ этого, какъ заявляетъ г. Кошельковъ, является то, что „нашимъ ученикамъ при поступленіи въ высшія учебныя заведенія приходится переучиваться по физикѣ“. При такомъ печальномъ положеніи дѣла, г. Кошельковъ и рѣшилъ придти на помощь не только *своимъ*, но и всѣмъ вообще ученикамъ среднеучебныхъ заведеній и съ этою цѣлью составилъ первую часть своего *краткаго* руководства, обѣщая въ скоромъ времени выпустить и вторую. Первая часть содержитъ 257 страницъ текста, благодаря чему уже по одному этому руководству г. Кошелькова не можетъ быть названо краткимъ. Что же касается его содержанія, то въ немъ хотя и много *новаго* какъ въ выборѣ матеріала, такъ и въ изложеніи, но за то и не менѣе стараго въ смыслѣ тѣхъ недостатковъ, на которые указываетъ самъ авторъ въ своемъ предисловіи. Такъ, обиліе матеріала въ его краткомъ руководствѣ подавляющее, и при двухъ урокахъ въ недѣлю онъ положительно не можетъ

Быть вполне основательно усвоенъ учениками четвертаго класса, которыхъ имѣть въ виду г. Кошельковъ. Далѣе, распределение этого матеріала довольно беспорядочно, что приводитъ автора къ необходимости часто повторяться. Послѣдній недостатокъ особенно чувствителенъ при необычайномъ многословіи г. Кошелькова. Многословіе это вредитъ также краткости и точности опредѣлений. Такъ, на стр. 15 авторъ называетъ силой „всякую причину, которая выводитъ тѣло изъ покоя или измѣняетъ движеніе какимъ-либо образомъ, или стремится измѣнить покой или движеніе тѣла“. Особенно странно опредѣленіе и разъясненіе протяженности физическихъ тѣлъ. По словамъ г. Кошелькова, „если бы пальцы могли свободно проникать вещество, то мы не имѣли бы понятія о протяженности“ (стр. 2). Это, дѣйствительно, нѣчто непроницаемое. На стр. 21 авторъ говоритъ, что „за единицу мѣры силъ принимается дина, которая почти равна 1,02 миллиграмма“. Опредѣленіе это прямо неточно, и если бы г. Кошельковъ думалъ упростить строго-научное опредѣленіе, то такіа упрощенія нужно дѣлать съ крайнею осторожностью, особенно въ руководствахъ. Еще непростительнѣе грубыя ошибки въ фактическихъ данныхъ. Такъ, г. Кошельковъ думаетъ, что діаметръ земли приблизительно равенъ 2.060,500 метрамъ, а окружность земли 6.181,500 метрамъ (стр. 33). На стр. 61 авторъ толкуетъ о „силѣ тепла“, а главу VIII посвящаетъ изложенію ученія о „теплотѣ“. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что мы нисколько не удивляемся, прочтя учебникъ г. Кошелькова, тому, что онъ пришелъ къ убѣжденію о необходимости для ея учениковъ перечувствовать физикъ при поступленіи въ высшія учебныя заведенія. Но утверждать то же самое относительно учениковъ другихъ преподавателей, по меньшей мѣрѣ, смѣло.

Элементарный курсъ практической русской грамматики съ задачами, упражненіями и образцами различныхъ разборовъ и работъ. Курсъ концентрической. Составленъ по академическому „руководству“ Я. К. Грота С. Ф. Хворовымъ. Спб., 1891 г. Книга г. Хворова представляетъ довольно обстоятельный и подробный учебникъ и дѣлится на два курса: въ первомъ сообщаются нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія для начинающихъ, во второмъ излагаются отдѣльныя части рѣчи. Это подраздѣленіе вполне понятно и рационально и, намъ кажется, не особенно удобнымъ только самый порядокъ изложенія перваго курса. Здѣсь мы видимъ, что авторъ, познакомивъ сначала съ звуками, буквами и словами, прямо переходитъ къ изученію предмета и дѣйствія, а о слогѣ, удареніи и переносѣ словъ изъ строки въ строку говоритъ послѣ. Такое расположеніе является неудобнымъ, потому что ученики съ первыхъ же дней обученія, при списываніи съ какихъ-либо статей, принуждены бываютъ встрѣчаться съ слогами и переносами, да и примѣры, даваемые авторомъ при изученіи предмета и дѣйствія предложенія и его частей, не могутъ быть написаны безъ знанія этихъ правилъ. Во второмъ курсѣ какъ правила, такъ и матеріалъ для упражненій расположены довольно систематично и послѣдовательно. Что касается матеріала для самостоятельныхъ работъ учениковъ, то считаемъ необходимымъ замѣтить, что авторъ *Элементарнаго курса*, задавшись цѣлью дать „разнообразныя упражненія и задачи съ болѣе мѣткими и толковыми примѣрами“, и, притомъ, примѣрами, „въ которыхъ преобладало бы не количество, а качество работъ“, далеко отступаетъ отъ этого. О качествѣ и разнообразіи упражненій мы можемъ судить изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Усопшему миру, а доктору

пиръ; денежки на чужой стороншѣ лучшій другъ; не жалѣйте денегъ на кушанье; лишнюю копѣйку издержишь — цѣлый рубль потеряешь; маленькое, кругленькое, бѣленькое, а всему свѣту миленькое; дорогія вещи полезны“. Всѣ эти примѣры бесодержательны, однообразны, ибо во всѣхъ нихъ замѣтна мысль о деньгахъ, которымъ придается первенствующее значеніе въ жизни, они не затрагиваютъ хорошихъ сторонъ человѣческой природы, дають ученику рядъ несимпатичныхъ образовъ и могутъ только дурно повліять на него.

Такого рода матеріалъ, встрѣчаясь не въ единичныхъ случаяхъ, но рѣшительно во всѣхъ упражненіяхъ, дѣлаетъ книгу г. Хворова совершенно непригодною для учениковъ младшаго возраста, которымъ она назначена.

Цѣна книги (35 коп.) сравнительно не велика.

Практическое руководство къ устройству и веденію „яслей“. Фирмена Марбо. Переводъ Т. А. Цемшъ. Изданіе редакціи журнала „Дѣтская Помощь“. М., 1890 г. Среди мѣръ, улучшающихъ участь рабочаго, „ясли“ или дневные пріюты для малолѣтнихъ дѣтей трудящихся женщинъ должны занимать одно изъ видныхъ мѣстъ. „Ясли“ ставятъ себѣ цѣлью охранять дѣтей, матери которыхъ заняты цѣлый день работою. Такого рода учрежденія появились не особенно давно, именно въ первый разъ въ Парижѣ въ 1844 году, и отсюда они мало-по-малу начали открываться и въ другихъ городахъ Франціи, а затѣмъ въ Германіи, Бельгіи и друг. странахъ. Въ настоящее время эти въ высшей степени полезныя учрежденія находятся почти во всѣхъ промышленныхъ центрахъ на Западѣ, у насъ же они распространены пока мало, и даже такой центръ промышленности, какъ Москва, гдѣ масса трудящихся женщинъ, совсѣмъ не имѣетъ ни однихъ „яслей“. Цѣль редакціи, издавшей брошюру Марбо, была ознакомить русское общество съ устройствомъ и веденіемъ подобнаго рода учреждений во Франціи. Эта небольшая книжка содержитъ въ себѣ рядъ наставленій, какъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ можно устраивать „ясли“, но намъ кажется, что выборъ книжки для перевода сдѣланъ не особенно удачно, такъ какъ помимо вклячивальнаго оттѣнка, который замѣчается во всѣхъ наставленіяхъ, самыя наставленія Марбо часто довольно шаблонны и даже болѣе—обнаруживаютъ безцеремонное отношеніе автора брошюры къ средствамъ для достиженія цѣли. Такъ, когда „ясли“ устроены, Марбо предлагаетъ „пригласить на торжество открытія не только основателей и жертвователей, но всѣхъ болѣе или менѣе состоятельныхъ лицъ данной мѣстности, чтобы заручиться ихъ сочувствіемъ дѣлу... Это трогательное и святое торжество почти всегда служить средствомъ къ приобрѣтенію новыхъ симпатій и матеріальныхъ пособій... Хорошо, если мэръ или другое высокопоставленное лицо произнесетъ нѣсколько словъ, чтобы ободрить лицъ, готовыхъ посвятить „яслямъ“ время, труды, заботы и деньги“. Очевидно, что у Марбо самыя странныя понятія о нравственности, если торжественныя молитвы для него служатъ средствомъ для полученія денегъ съ молящихся. Намъ кажется, что такая прекрасная идея, какъ устройство „яслей“, сама по себѣ вызоветъ частую благотворительность, а предлагаемыя авторомъ приемы для приобрѣтенія средствъ могутъ только помѣшать этому добродѣлу.

Прямолинейная тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ П. Злотчанскій, преподаватель одесскаго реаль-

наго училища св. Павла. Одесса, 1890 г. Цѣна 75 коп. Учебникъ тригонометріи, составленный г. Злотчанскимъ, нѣсколько отличается отъ общепринятыхъ у насъ учебниковъ и въ особенности наиболѣе распространеннаго учебника Малинина, какъ по методу доказательствъ различныхъ тригонометрическихъ положеній, такъ и по болѣе подробному развитію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей.

Задача автора—построить учебникъ тригонометріи, болѣе соответствующій новымъ учебнымъ планамъ и программѣ реальныхъ училищъ, полагающихъ „цѣлью преподаванія тригонометріи научить учащихся рѣшать треугольники“. Въ виду этого, авторъ и отводитъ прикладному отдѣлу тригонометріи больше мѣста, чѣмъ это обыкновенно принято (напримѣръ, у Малинина). Такъ, авторомъ приведено рѣшеніе равнобедренныхъ треугольниковъ и правильныхъ многоугольниковъ; вычисленіе площадей треугольниковъ (изложенное отдѣльно отъ рѣшенія треугольниковъ) разобрано подробнѣе, чѣмъ это принято, причѣмъ прибавлено еще вычисленіе площади круговаго сегмента; наконецъ, статьи о приложеніи прямолинейной тригонометріи къ производству различныхъ измѣреній на мѣстности также дополнена нѣсколькими новыми примѣрами. Къ числу особенностей этой прикладной части курса тригонометріи г. Злотчанскаго нужно отнести еще рѣшеніе треугольниковъ безъ логарифмическихъ таблицъ при помощи приложенной авторомъ въ концѣ книги таблицы тригонометрическихъ величинъ отъ 0° до 90° съ интерваломъ въ 1° при точности 0,01, въ чемъ г. Злотчанскій, очевидно, слѣдовалъ г. Дмитріеву, помѣстившему въ своемъ учебникѣ подобныя же таблицы, но съ точностью до седьмаго десятичнаго знака и при интервалѣ въ 10 минутъ. Прикладная часть курса содержитъ, кромѣ рѣшенія треугольниковъ, еще рѣшеніе тригонометрическихъ уравненій.

Что касается отдѣла гониометріи, то онъ мало чѣмъ разнится отъ таковаго же въ общепринятыхъ учебникахъ по матеріалу, но нѣсколько отличается по его обработкѣ. Такъ, методъ, какимъ авторъ здѣсь пользовался, по обычаю, двойной: аналитическій и геометрический; но послѣднему отведено болѣе замѣтное мѣсто, что облегчаетъ усвоеніе курса учащимися. Въ началѣ учебника обращено вниманіе на точное опредѣленіе понятій о тригонометрическихъ линіяхъ, причѣмъ удачно сдѣланы переходы отъ изученія первыхъ къ изученію послѣднихъ. Чтобы получить общій отвѣтъ при отысканіи дуги или угла по тригонометрической величинѣ, введена глава объ обратныхъ тригонометрическихъ функціяхъ.

Задачъ въ учебникѣ г. Злотчанскаго почти нѣтъ, и потому при прохожденіи курса по этому учебнику необходимо пользоваться какимъ-либо изъ задачникъ по тригонометріи (наиболѣе подходящимъ авторъ считаетъ задачникъ Минина).

Можно посоветовать г. Злотчанскому въ слѣдующемъ изданіи сдѣлать нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, незначительныя, измѣненія и добавленія, а именно: 1) въ статьѣ о соотношеніи тригонометрическихъ величинъ одного и того же угла слѣдовало бы выдѣлать пять основныхъ формулъ тригонометрическихъ величинъ; 2) полезно было бы выяснитъ необходимость введенія въ тригонометрію правила о знакахъ; 3) отступивъ при схематическомъ изображеніи знаковъ тригонометрическихъ линій въ расположеніи надписей, сдѣланныхъ надъ этими чертежами, отъ г. Дмитріева, авторъ можетъ ввести въ заблужденіе учащихся (особенно начинающихъ); 4) обобщеніе формулъ приведенія, намъ кажется, слѣдовало бы подтвердить не на частныхъ примѣрахъ, какъ это умышленно сдѣлано авторомъ, а доказать ихъ приимчивость вообще для

всякихъ дугъ; то же нужно сказать и о распространеніи формулъ синуса и косинуса суммы или разности двухъ дугъ. Этого тѣмъ болѣе можно было бы ожидать отъ новаго учебника тригонометріи для реальныхъ училищъ, что по новымъ учебнымъ планамъ предметъ этотъ будетъ проходить не въ пятомъ классѣ, а въ шестомъ. Во всякомъ случаѣ, вполне строгое доказательство, напечатанное мелкимъ шрифтомъ, было бы здѣсь вполне уместно.

Въ заключеніе можно сказать, что учебникъ г. Злотчанскаго (кстати сказать, во многомъ напоминающій извѣстный учебникъ А. Дмитріева) съ пользой можетъ быть введенъ въ качествѣ руководства при преподаваніи курса тригонометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ количество заключающагося въ книгѣ учебнаго матеріала, его расположение и языкъ дѣлаютъ ее вполне для этого пригодной. Съ вѣшной стороны книга издана вполне опрятно, скорректирована тщательно (всего двѣ опечатки: на стр. 3 и на стр. 64) и стоитъ не дорого.

Подробный атласъ Россійской имперіи съ планами главнѣйшихъ городовъ. А. Ильина. Выпускъ X. Спб. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ общую карту Россійской имперіи въ масштабѣ $\frac{1}{1:400,000}$ или 200 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, на трехъ листахъ, карту Виленской губерніи въ масштабѣ $\frac{1}{630,000}$ или 15 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, на одномъ листѣ, и одинъ листъ небольшихъ картограммъ Европейской Россіи, показывающихъ движеніе населенія относительно браковъ за десятилѣтіе 1874 — 1883 гг. На этомъ же листѣ изображены диаграммы, показывающія колебаніе числа браковъ за 19 лѣтъ, съ 1867 по 1885 гг., по естественнымъ областямъ Европейской Россіи. Въ общемъ исполненіе этихъ картъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ работъ картографическаго заведенія А. Ильина. Относительно же общей карты Россійской имперіи нельзя не замѣтить, что детали въ ней разработаны довольно грубо, благодаря чему многія подробности на ней выступаютъ недостаточно отчетливо. Особенно многого оставляетъ желать выработка подробностей относительно рельефа страны и ея гидрографіи. Сверхъ всего этого, хотя карта эта составлялась и по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, однако, въ ней немало промаховъ, особенно относительно желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія. Укажемъ на отсутствіе Уфа-Златоустовской, Рененбургъ-Данковъ-Лебедянской линіи и друг. Значительно лучше и чище исполнена карта Виленской губерніи съ планомъ г. Вильно. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ было побольше обращено вниманія на техническую сторону изданія и чтобы вообще фирма А. Ильина внесла необходимыя улучшенія въ свои работы, которыя подчасъ бываютъ крайне небрежными.

Учебникъ русскаго языка. Отдѣлъ теоретическій. Часть I. Этимология. Составилъ Алексѣй Новопашенный. 1890 г. Цѣна 20 коп. Учебниковъ, подобныхъ учебнику г. Новопашеннаго, слишкомъ много: всѣ они существуютъ давно и вовсе не составляютъ собою чего-нибудь очень цѣннаго. Нашъ авторъ, повидимому, ставитъ себѣ въ услугу, что онъ не гонится за обиліемъ матеріала (см. предисловіе); но другіе учебники не всѣ же гонятся за этимъ обиліемъ. Во всякомъ случаѣ, матеріалъ матеріалу рознь, а въ учебникѣ г. Новопашеннаго едва ли все одинъ подходящій, цѣлесообразный и необходимый матеріалъ. Укажемъ хоть бы на § 26, въ которомъ помѣщенъ списокъ всѣхъ важнѣйшихъ словъ съ буквой *ө* и который, можно сказать положительно, для городскихъ школъ, для которыхъ предназначается учебникъ, вовсе излишенъ

(стр. 17). Далѣе, г. Новопашенный говоритъ, что „все вниманіе было обращено на точность и возможную сжатость языка въ опредѣленіяхъ и изложеніи правилъ, которыя должны быть заучены“ (см. предисловіе). Опять-таки, многіе учебники обращали вниманіе на то же самое, и относительно всёхъ ихъ неоднократно дѣлалось замѣчаніе, что употреблять какія бы то ни было опредѣленія нужно по возможности осторожно. Опредѣленія всегда и постоянно сухи, всегда и постоянно трудны, и ученики городскихъ школъ едва ли останутся благодарны г. Новопашенному, когда онъ заставитъ ихъ заучивать по своему учебнику, что „предлогъ—неизмѣняемая часть рѣчи, служащая для обозначенія отношеній между словами въ предложениі“ (стр. 64). Параллель между учебникомъ г. Новопашеннаго и другими подобными же можно проводить и дальше, но уже и сказаннаго достаточно. Самая цѣна, очень маленькая, тоже не новость: составители другихъ учебниковъ давно уже научились назначать за свои книжки очень дешевую цѣну.

Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Историческая хрестоматія. Пособіе при начальномъ изученіи исторіи, часть первая. Составилъ П. Кумской, преподаватель тифлисской мужской прогимназіи. Тифлисъ, 1890 г. *Историческая хрестоматія* г. Кумскаго страдаетъ точно такими же недостатками какъ и разобранный уже нами *Историческій вопросникъ* того же автора („Библ. отд.“ *Русск. Мысли* 1890 г., кн. VI). Цѣль всякаго пособія—пополнить слѣдствія, приобретаемыя ученикомъ въ классѣ, а, главное, по возможности освѣтить ему самый предметъ. Что же дѣлаетъ для этого г. Кумской въ своемъ *Пособіи при начальномъ изученіи исторіи*, какъ онъ самъ рекомендуетъ свою хрестоматію? Содержаніе книги составлено имъ изъ отрывковъ, взятыхъ изъ античныхъ поэмъ, изъ произведеній какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ историковъ, и, наконецъ, изъ капитальныхъ сочиненій по греческой, восточной и всемірной литературѣ (см. предисловіе). Познакомить ученика съ различными капитальными произведеніями—мысль, конечно, хорошая, но пособіе г. Кумскаго, все-таки, мало освѣтитъ ученику строй жизни древняго міра. Выборъ отрывковъ изъ историковъ нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ въ нихъ ученикъ найдетъ только нѣсколько лишнихъ подробностей, которыхъ нѣтъ въ учебникѣ г. Иловайскаго, да и подробности эти подчасъ слишкомъ спеціальны,—такова, наприм., родословная Ликурга (стр. 245). Что же касается отрывковъ изъ поэмъ, то, конечно, желательно было бы, чтобы ученики прочли эти поэмы, и даже не въ отрывкахъ, а цѣликомъ.

КАЛЕНДАР И.

„Царь-Колоколъ“. Изд. Э. Э. Гиппиуса.—„Современный календарь на 1891 г.“. Изд. А. Д. Ступина.—„Записная книжка 1891 г.“. Изд. К. Л. Рихтера.

Царь - Колоколъ, иллюстрированный календарь - альманахъ на 1891 годъ. Изданіе Э. Э. Гиппиуса. Москва. Цѣна 60 коп. По изяществу и художественности рисунковъ календарь г. Гиппиуса занимаетъ выдающееся, пожалуй, даже первое мѣсто среди множества календарей, издаваемыхъ нашими „книгопродавцами-лубочниками“. Календарь *Царь-Колоколъ*, со стороны внѣшности, можетъ соперничать съ иностранными альманахами, равными ему по цѣнѣ. Въ немъ, попрежнему, привлекательны наше вниманіе красивыя виньетки, иллюстрирующія мѣсяцы, рисованныя талантливыми художниками Вишневымъ и Богатовымъ. Въ мастерской

Мейсенбаха сдѣланы для календаря снимки съ пятнадцати картинъ иностранныхъ художниковъ. Кромѣ того, въ текстѣ помѣщено много полтипажей, иллюстрирующихъ содержаніе календаря. Самое же содержаніе мы не можемъ признать вполне удовлетворительнымъ. Начнемъ съ путей сообщенія. Въ календарѣ помѣщенъ *Списокъ городовъ Россійской имперіи*, „съ обозначеніемъ числа жителей, разстоянія отъ С.-Петербурга и Москвы, платы за почтовые посылки и стоимости проѣзда по ближайшимъ желѣзнымъ дорогамъ отъ С.-Петербурга и Москвы“.

Этотъ никому ненужный вздоръ занимаетъ четыре страницы. А что это вздоръ и что никому онъ не нуженъ, доказывается нижеслѣдующимъ: 1) изъ этого „списка“ я узнаю стѣимость проѣзда по *ближайшимъ* дорогамъ, а какія эти „ближайшія“ дороги и на какой вокзалъ мнѣ ѣхать, чтобы попасть на нихъ, тамъ я долженъ искать свѣдѣній гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, такъ какъ въ календарѣ г. Гиппіуса таковыхъ не имѣется; 2) для того, чтобы узнать, во сколько обойдется мнѣ проѣздъ отъ Рязани до Козлова, мнѣ нужно дѣлать ариеметическую задачу, узнать же, что стоитъ дорога отъ Козлова до Орла, я уже не имѣю никакой возможности, если не желаю ѣхать на Москву или на С.-Петербургъ, и 3) нельзя разсчитать время проѣзда по этому „списку“, что иногда болѣе необходимо, чѣмъ разсчитать, сколько стоитъ проѣздъ. Въ другихъ календаряхъ мы имѣемъ списки желѣзныхъ дорогъ, обстоятельно составленные, съ обозначеніемъ промежуточныхъ станцій и разстояній между ними, и такія таблицы занимаютъ почти столько же мѣста, сколько г. Гиппіусъ отвелъ своимъ бесполезнымъ цифрамъ, причемъ дѣло, конечно, не обошлось безъ пропусковъ. Какъ на примѣръ, укажемъ на пропускъ въ „спискѣ“ городовъ по *Царь-Колоколу* заштатнаго города Воскресенска (Новый Іерусалимъ), куда москвичи ѣздятъ очень охотно, да и не одни только москвичи, тогда какъ въ имѣющійся въ календарѣ заштатный городъ Кадомъ никто не ѣздитъ.

Давая отзывы о прежнихъ выпускахъ календаря *Царь-Колоколъ*, мы уже указывали на совершенную ненужность такихъ статей, какъ *Руководство въ постройкѣ и украшенію домовъ*. Въ лежащемъ передъ нами выпускѣ мы опять находимъ длинное разсужденіе, озаглавленное *Искусство въ деревнѣ*, въ которомъ намъ преподается, какъ надо „красиво“ проводить дороги, дѣлать мостки и т. под., и дается, между прочимъ, такое наставленіе: „Если выборъ возможенъ, то выгоднѣе, чтобы нагруженные тележки могли спускаться, при подъемѣ же были бы пустыми; это особенно важно при уборкѣ полей“. Такую же, если не болѣшую еще, бесполезность представляетъ собой статья: *Ковровая стѣнная живопись*, занимающая 6½ страницъ, подъ дороги съ мостами и кустами ушло 5 страницъ, — итого загублено 11½ страницъ на пустословіе. Вообще выборъ статей представляется намъ совершенно случайнымъ и производитъ странное впечатлѣніе. Мы ихъ перечислимъ по порядку: *О городскихъ учрежденіяхъ*, *Искусство въ деревнѣ*, *Волшебникъ XIX вѣка* (фонографъ Эдиссона), *Періодическая литература 1791 г.* (интересная статья), *О лошадяхъ*, *Памяти Лермонтова*, *Очеркъ исторіи царь-пушки*, *Ковровая стѣнная живопись*. Неловко какъ-то становится отъ этихъ воспоминаній о дорогахъ намъ поэтѣ, очутившихся между лошадьми и царь-пушкой, послѣ Эдиссона и деревенскихъ мостяковъ... Не только въ выборѣ матеріала, но и въ его распредѣленіи по мѣстамъ составителю альманаха необходимо быть внимательнымъ и обдуманно-осторожнымъ.

Современный календаръ на 1891 годъ. А. Д. Ступина. Цѣна

15 коп. Г. Ступинъ издаетъ свой календарь второй годъ, и,—надо отдать справедливость издателю,—онъ сразу съумѣлъ его составить превосходно, съумѣлъ дать за очень дешевую цѣну такую массу полезныхъ свѣдѣній, какой не найти въ дорогихъ календаряхъ. Видно, что дѣло это ведется обдуманно, разумно, съ пониманіемъ того, что можетъ удовлетворить наибольшее число покупателей. Съ внѣшней стороны *Современный календарь* исполненъ прекрасно: печать убористая и мелкая, но очень четкая; рисунки, отчасти гравюры, отчасти фототипія знаменитой фирмы „бр. Ангереръ и К^о.“ въ Вѣнѣ, сдѣланы красиво и отчетливо. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ большія страницы съ множествомъ портретовъ русскихъ писателей, начиная съ Ломоносова и кончая Островскимъ, Салтыковымъ и Заіончковской-Хвошчинской. Всѣхъ портретовъ 72. Они служатъ иллюстраціей къ алфавитному списку русскихъ поэтовъ и беллетристовъ, въ которомъ обозначены имена писателей, годы ихъ рожденія и смерти и главнѣйшія ихъ произведенія. Въ этомъ спискѣ мы насчитали 208 именъ. Въ него не вошли имена людей, хотя и пользующихся громкою литературною извѣстностью, но не писавшихъ стиховъ, драмъ и романовъ, а равно и живыхъ нашихъ писателей. Хорошо бы сдѣлалъ г. Ступинъ, если бы къ слѣдующему году подготовилъ такой же списокъ съ портретами сошедшихъ въ могилу публицистовъ и выдающихся ученыхъ, а затѣмъ каждый годъ дополнялъ бы свой календарь таковымъ же перечисленіемъ художниковъ, артистовъ — живыхъ русскихъ людей, получившихъ извѣстность въ области мысли и искусства. Рядъ такихъ списковъ дастъ *Современному календарю* значеніе такого изданія, который покупается не для пользованія имъ одинъ только годъ; его желательно будетъ сохранить, какъ справочную книгу и какъ интересную галерею портретовъ.

По случаю пятистолѣтія со времени блаженной кончины св. Сергія, 25 сентября 1391 года, помѣщена въ календарѣ небольшая, но обстоятельная статья, озаглавленная *Великій подвижникъ и печальныйъ земли Русской*. Трехсотлѣтіе со времени убіенія св. Димитрія-царевича (15 мая) отмѣчено статьей, посвященной памяти объ этомъ событіи. Пятидесятой годовщиной *Подвига рядоваго Архима Осипова* посвященъ любопытный рассказъ о тяжелой боевой жизни старыхъ временъ на Кавказѣ. 15 іюля нынѣшняго года исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня великой утраты, понесенной русскою литературой въ лицѣ безвременно погибшаго поэта М. Ю. Лермонтова, и по этому поводу имѣется въ календарѣ г. Ступина хорошо составленный очеркъ.

Свѣдѣнія о путяхъ желѣзно-дорожныхъ и пароводныхъ составлены полно и тщательно. Къ календарю приложена довольно четкая карта желѣзныхъ дорогъ Россіи. Въ общемъ, мы считаемъ *Современный календарь* г. Ступина лучшимъ изъ всѣхъ дешевыхъ изданій этого рода, большинство которыхъ бьетъ въ глаза пестро размалеванными обертками, прикрывающими собою не мало существенныхъ недочетовъ и промаховъ.

Записная книга 1891 г. (XXI годъ изданія). Изданіе К. Л. Риккера. Спб. Подъ этимъ заглавіемъ г. Риккеръ издаетъ ежегодно карманный календарь съ бѣлыми листками на каждый день года. Къ книжкѣ приложены три карты, исполненные красками, Европейской Россіи, Европы и Азіи, съ обозначеніемъ на первой всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, на двухъ послѣднихъ—главнѣйшихъ изъ нихъ. Календарныя свѣдѣнія составлены очень дѣльно и обстоятельно. Книжка издается въ 4-хъ ви-

дажь: 1) съ цѣлою страницей на каждый день. Цѣна въ холщевомъ переплетѣ 1 р. 20 к., въ кожаномъ переплетѣ 1 р. 50 к.; 2) съ под-
 страницей, раздѣленною вдоль, 1 р. и 1 р. 30 к.; 3) съ полстраницей
 на каждый день—1 р. и 1 р. 30 к.; 4) съ третвей частью страницы
 на каждый день,—въ коленкоровомъ переплетѣ 60 к., въ холщевомъ—
 80 к., въ кожаномъ—1 р. 10 к. Печать четкая, изданіе изящное, пере-
 плеты красивые и прочные, при нихъ карандаши и сумочки для кар-
 точекъ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь 1890 г.—„Русское Обозрѣніе“, сентябрь—декабрь
 1890 г.—„Русская Старина“, мартъ—декабрь 1890 г.

Вѣстникъ Европы, декабрь 1890 г. Что прежде всего привлекаетъ вни-
 маніе читателя въ декабрьской книгѣ *Вѣстн. Евр.* 1890 г., это—доволь-
 но объемистое приложение въ концѣ книги, которое заключаетъ въ
 себѣ списокъ авторовъ, статей и вообще всего, намечатавшаго въ
Вѣстникъ Европы за послѣднія двадцать пять лѣтъ, ибо настоящимъ
 книгой, какъ извѣстно, заканчивается четверть вѣка служенія даннаго
 журнала русскому просвѣщенію и русской общественной мысли. Ничѣмъ
 новымъ не отмѣчено здѣсь это хорошее событіе; ничего праздничнаго,
 ничего торжественнаго нѣтъ въ „юбилейномъ“ номерѣ; не встрѣчается
 даже обычныхъ самоотчетовъ и итоговъ. И врядъ ли этому можно удив-
 ляться въ данномъ случаѣ. Пожалуй, трудно теперь настроить себя на
 праздничный ладъ, хотя бы и по такому законному поводу. Что же
 касается отчетовъ и итоговъ, то, очевидно, журналу предоставляеть
 сдѣлать ихъ самими читателями. „Вотъ что я далъ вамъ, вотъ къ
 чему стремился,—судите сами“, какъ бы заявляетъ онъ, печатая пе-
 речень помѣщеннаго у себя за 25 лѣтъ матеріала. И дѣйствительно,
 достаточно просмотрѣть страницы этого перечня, чтобы мало-по-малу
 воскресала и развертывалась въ памяти читателя вся дѣятельность поч-
 тенаго прогрессивнаго органа. Появившись вслѣдъ за реформаціон-
 нымъ періодомъ, какъ бы имъ именно вызванный къ новой жизни,
Вѣстникъ Европы сразу становится истолкователемъ новаго дѣла и
 проводникомъ основныхъ началъ реформъ прошлаго царствованія въ
 массу читающихъ. Въ этомъ заключается главнѣйшая историческая за-
 слуга *Вѣстника Европы*, не менѣе важная, какъ и блестящее служеніе
 его наукѣ и литературѣ. Критикуя примѣненіе реформаціонныхъ идей
 въ нашей жизни, этотъ органъ съ самаго своего возникновенія не уку-
 снительно стремился къ тому, чтобы реформы не только широко и
 прочно воплотились въ русской дѣйствительности, но чтобы онѣ полу-
 чили въ ней дальнѣйшее логическое развитіе. Въ послѣдніе годы,
 правда, журналу чаще всего приходилось ограничиваться лишь отстаива-
 ніемъ основныхъ началъ преобразованій, стремленіемъ сохранить
 хоть то, что осуществилось изъ нихъ на практикѣ въ реформаціонный
 періодъ.

Такимъ образомъ, вниманіе читателя въ указанномъ приложеніи
 невольно пристально останавливается на содержаніи внутренняго от-
 дѣла *Вѣстника Европы*. Извѣстно, что отдѣлъ этотъ съ теченіемъ
 времени снискалъ себѣ почетную репутацію цѣльности, таланта и зна-
 нія. Еси бы напечатать отдѣльною книгой данный матеріалъ, получи-
 лась бы своего рода сжатая, но краснорѣчивая исторія внутреннихъ

вопросов послѣреформеннаго періода, судьбы многихъ начинаній, борьбы мнѣній, поднятой ими, а, главное, той роли, каковую въ этой борьбѣ играла либеральная печать въ лицѣ серьезнѣйшаго и лучшаго своего представителя. И въ этомъ-то органѣ „западной“ науки и просвѣщенія, въ этомъ *Вѣстникѣ Европы* будущій историкъ русской общественной мысли наилучшимъ образомъ усмотритъ ту замѣчательную и, можно сказать, „самобытную“ особенность, которую носить въ себѣ идея русскаго либерализма, вслѣдствіе чего послѣдній рѣзко отличается отъ программы, каковую принято окрещивать этимъ именемъ на Западѣ. Особенность эта, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что названная идея покоится на болѣе широкомъ основаніи, включая въ свою область серьезную заботу о матеріальномъ благосостояніи трудящихся массъ и энергичный протестъ противъ всего, что въ этомъ отношеніи можетъ прямо или косвенно повести только къ удовлетворенію узкихъ классовыхъ интересовъ и сословныхъ вождеднѣй. По крайней мѣрѣ, такого круга идей всегда держался *Вѣстникъ Европы*, который, впрочемъ, говорилъ только отъ своего имени, а не былъ и не могъ, конечно, быть представителемъ всей либеральной печати. Въ этомъ отношеніи, т.-е. въ смыслѣ опредѣленности и ясности указанныхъ принциповъ журнала, читателямъ особенно памятна полемика *Вѣстника Европы* съ газетою *Русь* въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ одномъ изъ замѣчательныхъ *Внутр. обзорнѣй* этого періода *) точно очерчены основные взгляды и пожеланія либеральнаго органа, которыхъ онъ твердо держался и держится до сихъ поръ. Обзорнѣе представляетъ подробный отвѣтъ на вопросъ: „есть ли программа у русскихъ либераловъ?“—вопросъ, задававшійся органомъ покойнаго И. С. Аксакова, упрекавшаго „либераловъ“ въ отсутствіи опредѣленныхъ взглядовъ, въ ничетѣ понятій и стремленій. „Общихъ мнѣств о реформахъ, о прогрессѣ въ наше время никто не сталъ бы слушать“—говорилось въ *Обзорнѣи* 1882 г. Представителями „либерализма“,—употребляемъ это слово за недостаткомъ другого, столь же общепринятаго,—давно уже высказаны цѣлыя программы, съ недоумевками по тѣмъ лишь пунктамъ, свободное обсужденіе которыхъ доступно для однихъ „не-либераловъ“... Перечисляя затѣмъ важнѣйшіе вопросы политическаго, административнаго и экономическаго свойства и указывая съ своей точки зрѣнія способы ихъ разрѣшенія, журналъ рѣшительно настаиваетъ на томъ, что безъ правильнаго разрѣшенія экономическихъ вопросовъ „невозможно достигнуть послѣдней цѣли государственнаго управленія — народнаго блага“. Отвѣчая на упрекъ, который дѣлался, да и теперь раздается изъ среды неразборчивой на аргументы печати по адресу либеральныхъ органовъ, которые будто бы слѣпо и безъ разбора преклоняются передъ извѣстными формами, не глядя на сущность, *Обзорнѣе* справедливо замѣчаетъ: „Парламентарныя формы“, въ которыя облечена дѣятельность городовъ и земства, никогда не ослѣпляли „либераловъ“, никогда не мѣшали имъ видѣть и раскрывать ошибки и злоупотребленія городскихъ думъ и земскихъ собраній. Недостатки городского и земскаго положеній, со всѣми ихъ практическими результатами, нигдѣ не были выставлены га видъ такъ опредѣленно и такъ ярео, какъ именно въ органахъ „либеральной“ печати. Обвинять ее въ умолчаніи печальныхъ явленій, къ неуказанію средствъ къ ихъ предупреденію—значитъ доводить недобросовѣстность до крайнихъ предѣловъ.

*) *Вѣстникъ Европы* 1882 г., № 4.

Мы не станемъ, однако, приводить дальнѣйшія выдержки этого рода, ибо хотѣли лишь напомнить современнымъ читателямъ о томъ матеріалѣ въ указанномъ спискѣ *Вѣстника Европы*, которымъ наиболѣе характеризуется внутренняя фizioномія органа, двадцатипятилѣтняя дѣятельность котораго снискала общее уваженіе. Хотѣлось бы только отмѣтить еще одну изъ важнѣйшихъ заслугъ журнала, а именно—постоянное стремленіе и требованіе широкой постановки и распространенія образованія во всѣхъ классахъ общества. „Исторія „либеральной“ печати за послѣднія пятнадцать лѣтъ,—говорится въ томъ же *Обозрѣніи*,—это исторія неустанной борьбы противъ стѣсненій, замедлявшихъ и затруднявшихъ поступательное движеніе народной школы“. Таковую же борьбу съ противуположными взглядами велъ *Вѣстникъ Европы* по насущнѣйшимъ вопросамъ средняго и университетскаго образованія. Въ первые годы въ немъ существовала даже особая *Педагогическая хроника*, да и впослѣдствіи почти ни одна книга журнала не обходилась безъ обсужденія вопросовъ образованія, а въ началѣ 70-хъ годовъ не мало копій было поломано *Вѣстникомъ Европы* за допущеніе реалистовъ въ университеты и вообще противъ „классицизма“, какъ орудія извѣстной политической партіи. Въ настоящее время, наконецъ, сама жизнь потребовала поправокъ и измѣненій въ системѣ средняго образованія въ томъ именно направленіи, которое указывалось передовою печатью двадцать лѣтъ тому назадъ, и всякому непредубѣжденному взгляду стаятъ, наконецъ, очевиденъ огромный вредъ, который нанесла образованію юношей пристрастная, узкая политика охранительной печати 70-хъ гг.

Переходя къ общему содержанію декабрьской книги *Вѣстника Европы*, находимъ, что для исторій нашего образованія очень много любопытныхъ фактовъ заключается въ *Воспоминаніяхъ* г. Буслаева. Мы имѣли уже случай указывать на цѣнность показаній автора относительно дореформенной гимназій, ея достоинствъ и недостатковъ. Въ настоящихъ главахъ г. Буслаевъ подробно описываетъ преподаваніе и порядки въ Московскомъ университетѣ въ серединѣ тридцатыхъ годовъ. Здѣсь уже картина получается нѣсколько иная: демократическій обликъ и относительная свобода дореформенной гимназій уступаютъ мѣсто словности и дисциплинѣ въ стѣнахъ университета. Здѣсь уже дѣйствуетъ тотъ специальный „духъ“ въ преподаваніи и обращеніи со студентами, который именно съ николаевскихъ временъ наложилъ на русскаго студента особую печать, отъ которой совершенно свободны клиенты науки въ другихъ странахъ. Московскій университетъ былъ особенно опальнымъ во мнѣніи императора Николая. Императоръ Николай называлъ Московскій университетъ „волчьимъ гнѣздомъ“, и когда случалось ему проѣзжать мимо него, долго оставался въ дурномъ расположеніи духа. Попечитель Московскаго университета въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, любимецъ государя, кн. Голицынъ, тоже не терпѣлъ университета и предоставилъ вполне распоряжаться въ немъ Голохвастову, ректорство котораго отличалось необычайнымъ казарменнымъ гнетомъ, доводявшимъ студентовъ до самоубійства. Попечитель никогда не бывалъ въ аудиторіяхъ на лекціи. „Только однажды,—рассказываетъ г. Буслаевъ,—посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами и, закинувъ голову, смотрѣлъ по верхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого не взглянулъ“. Назначенный послѣ кн. Голицына графъ Строгановъ всѣми силами старался примирить императора Николая съ университетомъ. Его усилія въ этомъ смыслѣ, его постоянное вниманіе къ преподаванію и стремленіе обно-

вить профессорскій персоналъ описываются г. Буслаевимъ, какъ огромная заслуга въ дѣлѣ нашего университетскаго образованія. Особенность тогдашнихъ порядковъ сравнительно съ позднѣйшими заключалась въ томъ, что въ стѣнахъ университета строго поддерживались табель происхожденія и матеріальнаго достатка студентовъ. Представители податныхъ сословій, т.-е., главнымъ образомъ, мѣщане, допускались въ то время въ университетъ на особомъ положеніи, — не въ качествѣ студентовъ, а въ качествѣ *слушателей*, — и получали одинаковыя съ остальными права только по окончаніи курса, когда выпускной экзаменъ снималъ съ нихъ презрѣнную печать принадлежности къ податному сословию. Студентъ тогда былъ чѣмъ-то вродѣ чиновника, ибо съ этимъ званіемъ связанъ былъ извѣстный чинъ, на который, однако, имѣли право только отирьски привилегированныхъ сословій. Отсюда и дѣленіе на студентовъ и слушателей. Матеріально же неравенство сказывалось въ дѣленіи студентовъ на казенныхъ и своекоштныхъ, „которое постоянно напомидало о контрастѣ между неимущими и имущими, или, по крайней мѣрѣ, между бѣдными и богатыми. Согласно такому порядку вещей, само собою приходилось и въ рубрикахъ своекоштныхъ отличать разночинцевъ отъ столбовыхъ дворянъ и вообще невзатныхъ отъ знатныхъ“. Такимъ образомъ, студенчество николаевскаго времени представляло не однородную массу витомцевъ общей матери-науки, а какую-то сословную и разночинную толпу, объединенную одною общою дисципличиной. Раздѣленіе особенно рѣзко бросалось въ глаза вслѣдствіе нѣкоторыхъ обычаевъ, совершенно непонятныхъ для нынѣшнихъ правовъ. Такимъ обычаемъ, на примѣръ, было посылать со студентами высшихъ классовъ гувернеровъ, которые сѣдѣли вмѣстѣ съ ними въ аудиторіи. У извѣстнаго Юрія Фед. Самарина роль гувернера игралъ собственный отецъ, посѣщавшій вмѣстѣ съ сыномъ лекціи. Несмотря на такой бдительный надзоръ, а, можетъ быть, именно поэтому, въ тогдашнихъ студентахъ было очень много шаловливаго ребячества. Они проказничали и дурачились какъ дѣти, единственно этимъ способомъ протестуя противъ той скуки и мертвенности, которыми отличались лекціи профессоровъ стараго поколѣнія, какимъ былъ, на прим., Каченовскій. Юрій Самаринъ особенно отличался шалостями во время лекцій Каченовскаго.

Г. Буслаевъ чрезвычайно добродушно рисуетъ портреты этихъ старыхъ профессоровъ, типы которыхъ совершенно немислимы въ наше время на кафедрѣ; но съ большою любовью останавливается онъ на профессорахъ позднѣйшаго поколѣнія 80-хъ годовъ, именно: Надеждинъ, Шевыревъ и Погодинъ. Разрабатывая впервые по рукописямъ источники русской старины и народности, эти преподаватели вдохнули въ автора *Воспоминаній* любовь къ родному языку и словесности и дали ему серьезную подготовку для собственныхъ работъ въ этомъ направленіи.

Кромѣ чисто-историческаго интереса, *Воспоминанія* г. Буслаева, несмотря на полную безпретенциозность и простоту, являются и самыми живыми страницами послѣдней книги *Вѣстника Европы*. Наряду съ ними такіе плоды художественнаго вдохновенія, какъ повѣсть г. Ахшарумова *Новая деревня*, кажутся вдвойнѣ скучными и вялыми, хотя и трактуютъ, повидимому, о самыхъ послѣднихъ новинкахъ русской жизни. Новинки эти — земледѣльческія колоніи или товарищества интеллигентныхъ работниковъ, „саднящихся на землю“. Но никакой „новой“ колоніи или деревни этого рода у г. Ахшарумова не вышло. Вмѣсто того, чтобы выкинуть и изобразить душу подобнаго предпріятія, а извѣстно, что всѣ они совидаются „для души“, или же

описать нѣкоторые типы, характеры, г. Ахшарумовъ вдался въ дѣловую сторону предпріятія и утонулъ своею темою въ массѣ закутанннхъ и неинтересныхъ соображеній промышленно-юридическаго характера, ибо вся повѣсть вертится на способахъ выкупа заложеннаго имѣнія, дѣлежѣ дивиденда и т. п. Въ смыслѣ дѣловыхъ вопросовъ уже гораздо полнее и интереснѣе остановиться на замѣткѣ *Изабелло* *и увелеченія протекціонизма*, тѣмъ болѣе, что въ ней съ чрезвычайною живостью и краснорѣчіемъ излагаются принципы, гораздо болѣе отвлеченные, и факты, гораздо болѣе сухіе, нежели о какихъ разсказывается въ повѣсти г. Ахшарумова. Кромѣ того, замѣтка трактуетъ о вопросѣ первостепенной важности, касающемся благосостоянія огромнаго большинства русскаго народа, и который вызываетъ въ обществѣ и печати все болѣшую и напряженную борьбу имѣній. Сторонники высшихъ пошлинъ, называя себя практиками, презрительно относятся къ противникамъ, какъ къ „доктринерамъ“, ничего не смыслящимъ въ вопросахъ дѣловой жизни. Характеризуя эту любознательную борьбу и ея участниковъ, авторъ замѣтки говоритъ: „Нельзя отрицать, что приверженцы протекціонизма оказываются болѣею частью „практиками“ въ житейскомъ смыслѣ этого слова, они хлопочутъ о выгодахъ крупнаго капитала, своего или чужаго, въ ущербъ всей массѣ населенія. Промышленники и фабриканты, относящіеся свысока къ доктринерству экономистовъ, имѣютъ за себя двойное оправданіе: во-первыхъ, они вообще беззаботны насчетъ какой бы то ни было науки и литературы, такъ что и экономическія свѣдѣнія для нихъ необязательны, и, во-вторыхъ, дѣло идетъ объ ихъ собственныхъ карманнхъ интересахъ, не допускающихъ никакого разумнаго теоретическаго спора. Но, какъ это ни странно, въ союзѣ съ промышленными дѣятелями, усердно ратуютъ за нихъ несомнѣнные теоретики, специалисты всѣхъ отраслей знанія, кромѣ только одной, и именно той, которая имѣетъ своимъ предметомъ народное хозяйство. Наиболѣе рѣшительными протекціонистами у насъ являются ученые химики, инженеры, технологи, которые не могутъ уже утверждать, что для правильныхъ разсужденій о предметѣ не нужно знакомство съ его элементарными основами. Въ числѣ нашихъ протекціонистовъ есть замѣчательные знатоки балета, но нѣтъ ни одного серьезнаго изслѣдователя экономической жизни, есть профессора химіи и механики, но ни одного профессора политическаго экономіи. А, между тѣмъ, вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ, если смотрѣть на него не съ точки зрѣнія фабрикантовъ, есть, прежде всего, вопросъ народно-хозяйственный, экономическій.“

Замѣтка неизвѣстнаго автора написана по поводу недавно вышедшаго сборника *Ходатайства Императорскаго вольнаго экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ*. Общество не принадлежитъ къ безусловнымъ противникамъ протекціонизма, и въ его доводахъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ и безноворотныхъ осужденій этой системы, какія встрѣчаются, напримѣръ, у американскихъ экономистовъ, не стѣсняющихся характеризовать протекціонизмъ какъ „диничный видъ экономическаго шарлатанства, который съ аффектаціей маскируется наукой“, какъ „жестокій и несправедливый способъ завладѣвать правами другихъ“, какъ „сціальное злоупотребленіе, экономическую ошибку и политическое зло“. Вольное экономическое общество не идетъ такъ далеко, но въ сборникѣ все собрано масса краснорѣчивыхъ фактовъ и цифръ, доказывающихъ огромный вредъ протекціонизма для всего хозяйства страны и для интересовъ огромнаго большинства русскаго на-

рода, и предлагается держаться лишь той умеренной покровительственной системы, которая существовала до введения золотой пошлины 1877 г. и приносила гораздо большую пользу для развития самой промышленности. Настоящая записка как нельзя более уместна въ „Общественномъ“ номерѣ *Вѣстника Европы*, ибо вопросъ о протекціонизмѣ и борьба съ излишествами его составляютъ одно изъ постоянныхъ требованій экономической программы журнала.

Русское Обзоріе, сентябрь—декабрь 1890 г. Сравнивая молодое *Русское Обзоріе* со старымъ *Русскимъ Вѣстникомъ*, находимъ, что въ первомъ гораздо менѣе печатается историческаго матеріала, нежели во второмъ, что въ немъ отдается болѣе мѣста вопросамъ современности. За то обсужденіе этихъ вопросовъ, особливо самыхъ жгучихъ, совершается здѣсь совершенно въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ старѣйшемъ охранительномъ органѣ, только дѣлается это въ нѣсколько болѣе смягченныхъ и полнрваныхъ формахъ. „Сдержанность и свѣтское приличіе—вотъ мои правила“, могло бы сказать *Русск. Обзоріе*. Въ то время, какъ въ *Русск. Вѣстн.* почти не затрогивался одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ минуты, — о реформѣ средняго образованія, — въ *Русск. Обзор.* въ теченіе года появилось нѣсколько статей на эту тему, но всѣ онѣ принадлежали ярымъ защитникамъ дѣйствующей классической системы, гг. Горбову, Кирѣеву и др. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ лишь разсужденіе Н. А. Любимова *Новая Атлантида конца XIX в.*, трактующее о постановкѣ и значеніи предметовъ реального образованія. Хотя статья г. Любимова не рѣшаетъ жгучаго вопроса и, такъ сказать, оставляетъ его лежать на томъ же мѣстѣ, но постановка нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ здѣсь иная и привлекаетъ гораздо болѣе вниманія, нежели обычныя избитыя разсужденія на ту же тему гг. Кирѣевыхъ и Горбовыхъ. Въ этомъ отношеніи *Новая Атлантида* является знаменіемъ времени, ибо, принадлежа перу извѣстнаго сподвижника Каткова въ борьбѣ противъ преобразовательныхъ стремленій въ области средняго образованія, перу бывшаго противника введенія въ школу естественнаго и вообще равноправности реального образованія съ классическимъ, она выставляетъ нынѣ такіе положенія и взгляды, которые отнюдь не высказывались авторомъ двадцать лѣтъ назадъ. Нынѣ г. Любимовъ признаетъ, — въ теоріи, по крайней мѣрѣ, — необходимость, на ряду съ лингвистическою и математическою основами средняго образованія, поставить также естественно-историческую или, другими словами, рядомъ съ диалектическимъ методомъ размышленія развивать въ дѣтахъ, какъ онъ выражается, размышленіе предметное—„съ открытыми окнами чувствъ“, методъ котораго заключается въ самоличномъ наблюденіи и опытахъ надъ живою дѣйствительностью. Въ противоположность прасажнымъ защитникамъ классицизма, которые выставляютъ древніе языки какъ исключительное педагогическое средство въ дѣлѣ развитія самостоятельнаго мышленія, г. Любимовъ находитъ, что для всесторонняго развитія интеллекта одной лингвистической или математической основы недостаточно, и гармонія достигнется лишь тогда, когда къ этимъ двумъ элементамъ будетъ присоединенъ третій — естественный. „Воспитать умы въ томъ направленіи, чтобы размышленіе предметное, размышленіе съ открытыми окнами чувствъ, стало общимъ достояніемъ; чтобы человѣкъ, имѣющій общее образованіе, былъ приготовленъ къ правильному чувственному наблюденію и могъ быть Робинзономъ, — снабженнымъ средствами науки, — въ какой угодно новой странѣ,

есть трудная задача будущаго. Поколѣніе, которое будетъ воспитано въ этомъ направленіи, будетъ въ дѣлѣ изученія природы и вопросахъ примѣненія научныхъ положеній плодотворѣе поколѣній, ему предшествовавшихъ. Изошрѣненіе чувственнаго наблюденія, соединенное съ знаніемъ основныхъ фактовъ, добытыхъ наукой, сдѣлаетъ отношенія человѣка къ природѣ, — и внѣшней, и собственной, — иными, чѣмъ доннѣ. Отвертія пойдутъ быстрѣе". Отсюда видно, какихъ огромныхъ результатовъ ждетъ авторъ отъ измѣненія существующей односторонней системы общаго образованія. Точно также, въ отличіе отъ обычной аргументаціи приверженцевъ древнихъ языковъ, выставляющихъ ничтожество и даже вредъ реальной школы вообще, *an und für sich*, г. Любимовъ нападаетъ не на нее, а на способъ преподаванія естественно-историческихъ знаній. Относительно этого можно замѣтить, что критика постановки у насъ средней реальной школы и естественно-научныхъ предметовъ, конечно, вполне умѣстна; но дѣло въ томъ, что неудовлетворительное состояніе реальныхъ знаній и ничтожество результатовъ ихъ, — по крайней мѣрѣ, въ нашей школѣ, — объясняются многими неблагоприятными условіями, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали полемическіе аргументы охранительной печати. Не былъ, вѣдь, принятъ и признанъ принципъ равноправности и высокаго педагогическаго значенія реальныхъ знаній, какъ онъ, напримѣръ, представляется въ настоящей статьѣ г. Любимова, а безъ признанія этого принципа реальное знаніе стало какъ бы пасынкомъ русской школы и методы преподаванія естественныхъ наукъ остались безъ прогрессивнаго движенія, окаменѣли на извѣстной стадіи.

Чтобы „предметный“ методъ давалъ дѣйствительные результаты, нужно, по мнѣнію г. Любимова, чтобы преподаваніе естественныхъ наукъ въ средней школѣ было поставлено на очень широкую почву, чтобы оно не сводилось къ механической передачѣ и воспріятію, но представляло всѣ данныя для самостоятельнаго развитія въ ученикахъ способности всесторонняго наблюденія природы. Словомъ, авторъ требуетъ, чтобы средняя школа „обратилась въ лабораторію, обсерваторію, академію, если естествознаніе должно быть положено въ основѣ школы наравнѣ съ другими ея фундаментами: языками и математикой“.

Никто не станетъ спорить, что реальное образованіе должно быть серьезно и прочно организовано, методы преподаванія лучше выработаны и обставлены, разъ оно должно стать дѣйствительною педагогическою силой, формулирующею мышленіе и волю; но не слишкомъ ли ужъ широкія требованія предъявляетъ г. Любимовъ средней школѣ, когда онъ хочетъ, чтобы реальное преподаваніе въ ней мало чѣмъ разнилось отъ обстановки и преподаванія на естественномъ факультетѣ, чтобы естественно-научное развитіе школьника чуть ли не равнялось университетскому? Между тѣмъ, „все или ничего“, — таковъ смыслъ всей статьи г. Любимова. Въ то же время, конечно, авторъ самъ признаетъ полную невозможность въ данное время ввести въ программу средней школы столь широкія и радикальныя измѣненія.

Подобная слишкомъ категорическая постановка вопроса о реальномъ образованіи, а, главное, фантастическій характеръ „педагогическихъ мечтаній“ (подзаголовокъ статей г. Любимова), приданный всему разсужденію, отнимаетъ отъ него всякое практическое значеніе, въ которомъ, однако, такъ нуждается теперь обсужденіе наболѣвшаго вопроса о реформѣ средняго образованія. Вѣдь, несомнѣнно, современное положеніе этого вопроса вызвало статью г. Любимова *Новая Атлантида*.

Предлагать известную постановку естественно-научного образования въ видѣ „утопіи“ и описывать такое „мечтательное устройство и воображаемое богатство“ среднеучебныхъ заведеній, какое можетъ осуществиться въ далекомъ будущемъ, лѣтъ эдакъ черезъ 500,—все это на дѣлѣ равносильно полному отрицанію возможности реформы среднего образованія въ наше время. Разумѣется, въ качествѣ *Атлантиды*, въ качествѣ утопическихъ мечтаній, основанія положенія г. Любимова, защищающія принципъ равноправности естествознанія, теряютъ свою обязательную правительственную силу и могутъ явиться только лишнимъ орудіемъ въ рукахъ защитниковъ *status quo* нашего общаго образованія. Быть можетъ, впрочемъ, это и входило въ задачу автора...

Въ виду того шума, который наше тиняйшее время считаетъ умѣреннымъ восточною поднимать вокругъ имени гр. Толстаго, весьма многіе, вѣроятно, прочтутъ статью французскаго писателя Мельхиора де-Вогюэ *По поводу Крейцеровой сонаты*, напечатанную въ декабрьской книгѣ *Русская Обзорня*. И дѣйствительно, статья стоитъ прочтенія, хотя бы ужъ потому, что большинство разношерстныхъ поклонниковъ „великаго писателя земли Русской“ ограничиваются болѣе междометіями и восточными гиперболами по адресу его таланта. Полезно имъ познаться, слѣдовательно, съ болѣе словеснымъ и осмысленнымъ отношеніемъ къ гр. Толстому иностраннаго, притомъ, безспорно талантливаго писателя.

Вогюэ давно извѣстенъ и у насъ, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и поклонниковъ русской литературы, какъ авторъ даже цѣлой книги о русскомъ романѣ. Правда, этимъ еще не особенно много сказано. „Цѣлая книга“, трактующая обо всѣхъ выдающихся русскихъ писателяхъ, начиная съ Пушкина до нашихъ дней, сводится въ небольшому томику, въ которомъ рядомъ съ остроумнѣйшими замѣчаніями, съ очень иѣткими сужденіями попадаются грубѣйшія фактическія ошибки и поверхностное обращеніе съ серьезнѣйшими вопросами русской жизни и литературы.

Однако, въ настоящей статьѣ г. Вогюэ о *Крейцеровой сонатѣ* почти не встрѣчается указанныхъ недостатковъ и много несомнѣнныхъ достоинствъ. Тонъ французскаго критика блестящій, живой, свержающій испрамя остроумія, благоухающій оміамомъ мечтательнаго и вѣжливаго восторга, надъ которымъ, впрочемъ, порою севозитъ тонкая усмѣшка и нѣсколько покровительственное отношеніе старшаго многоопытнаго мужа къ наивнымъ полудикарямъ. Вообще рѣчь г. Вогюэ замѣчательно ярко, свѣтло и безъ усилій освѣщаетъ такія свойства мысла и произведеній гр. Толстаго, о которыхъ у насъ принято говорить не иначе, какъ съ глубокомысленнѣйшими нотугами, наморщивши чело и приложивъ къ нему увазательный перстъ.

И раньше, еще въ своей книгѣ *Русскій романъ*, г. Вогюэ являлся восторженнымъ поклонникомъ художественнаго таланта гр. Толстаго, но и рѣшительнымъ перидателемъ его морально-философскихъ произведеній. Ничего увлекательнаго для своей націи не находилъ онъ въ мистическимъ отравеніяхъ „апостола изъ Тулы“, ибо они не казались ни новыми, ни оригинальными представителю вѣковой цивилизаціи, многое уже пережарившей въ своемъ долгомъ теченіи. „Счастливая Россія, гдѣ могутъ еще казаться новыми эти красивыя грѣзы!“—нѣсколько проинческія восклицалъ онъ. То же отношеніе, но въ болѣе зрѣлой и глубокой формѣ, проявляетъ г. Вогюэ къ гр. Толстому и по поводу *Крейцеровой сонаты*. Разсматривая ее сначала какъ художест-

важное произведение, критикъ не отказывается ей въ пролескати замѣчательнаго искусства, но вообще въ этомъ отношеніи находитъ ее слабѣе прежнихъ твореній гр. Толстаго, ибо проповѣдникъ адѣсь слишкомъ уже склоняется художника: „разговоръ автора непосредственный, несвязный,—говоритъ онъ,—въ концѣ-концовъ, онъ утомляетъ чѣмъ-то напряженнымъ и рѣзкимъ“. Съ другой стороны, богатство отдѣльныхъ мыслей, рассыпанныхъ въ *Соматъ*, хотя и ослѣпляетъ читателя своимъ блескомъ, но не на долго: „гр. Толстой злоупотребляетъ этими частными нетвердыми истинами; онъ исчерпываетъ ихъ; онъ хочетъ извлечь изъ нихъ все, что онѣ могутъ дать“. Что касается основнаго тезиса *Соматы*, то истина его кажется критику слишкомъ широкой, слишкомъ общезвѣстной. „Авторъ выказываетъ большую роскошь аргументовъ,—говоритъ г. Вогюэ,—чтобъ убѣдить насъ, что въ полночь бываетъ темно и что было бы еще свѣтлѣе, если бы мы могли вернуться къ полудню. Но это замѣтилъ и до него. Ежедневно на каедрѣхъ всего міра раздаются проповѣди духовенства на эту тему. Но священникъ негѣе исключителенъ, чѣмъ моралистъ Ясной Поляны; онъ указываетъ намъ на гѣварство отъ зла и учитъ насъ, въ какой мѣрѣ разумъ при помощи благодати долженъ бороться съ природою. Графъ Толстой хочетъ упразднить природу, и этотъ избытокъ логики ставитъ его въ невозможность сдѣлать выводъ... Мы не видимъ, куда онъ ведетъ насъ, или слишкомъ хорошо видимъ, что ведетъ къ совершенной фантазіи. Только одно заключеніе выдѣляется по временамъ (въ *Постмслоиіи*). Это заключеніе состоитъ въ томъ, что міръ долженъ кончиться, потому что онъ нехорошъ, и идеалъ состоитъ въ томъ, чтобъ онъ окончился какъ можно скорѣе посредствомъ всеобщаго безбрачія. Знаменитый писатель не можетъ надѣяться на серьезное обсужденіе этого радикальнаго средства, состоящаго въ томъ, чтобъ убить большаго, ради излеченія его болѣзни. А такъ какъ его проникательность научила насъ искать общій корень идей подъихъ разнообразными проявленіями, то онъ позволитъ мнѣ сказать слѣдующее: подъ прикрасами діалектики и литературы мысль его совершенно сходна съ мыслью спонцовъ. Еще не много, одною степенью философскаго образованія меньше, и логика великаго мыслителя привела бы его обратно къ дикому заблужденію народной секты“. Вообще, сохраняя удивленіе къ природному тенію и къ постоянной работѣ мысли гр. Толстаго, французскій критикъ констатируетъ упадокъ его таланта и его мысли, хотя дѣлаетъ это удивительно вѣжливо и спокойно, опрыскивая свои рѣзкія замѣчанія тончайшими французскими духами. Онъ доказываетъ, главнымъ образомъ, что способность анализа у гр. Толстаго убилъ способность синтеза.

Опредѣливъ исходную точку *Соматы*, какъ мистическій пессимизмъ, какъ продуктъ аскетизма и умственной реакціи, г. Вогюэ,—и это составляетъ самое замѣчательное его положеніе,—квалифицируетъ взгляды гр. Толстаго, какъ звено одного довольно сильнаго умственнаго теченія, пробивающагося и въ Европѣ не со вчерашняго дня. Это—крикъ разочарованія въ жизни, который впервые услышали отъ Шопенгауэра, Спенсера, Тэна. Подъ нимъ тысячи голосовъ, болѣе скромныхъ, коромъ повторить его. Смотра по складу ума, у |каждаго изъ нихъ новая философія принимаетъ, повидимому, различные оттѣнки,—буддистская шривана, христіанскій аскетизмъ, атеистическій нигилизмъ; но всѣ эти теоріи вытекають изъ того же чувства, всѣ эти ученія могутъ быть сведены къ одной формулѣ: „будемъ умалать жизнь, будемъ избѣгать ея

сѣтей*. Это направление, составною частью котораго являются теорія г. Толстаго, представляетъ, по мнѣнію г. Вогюэ, своего рода знаменіе времени, служа показателемъ надвигающейся сильной реакціи духа противъ матеріи, аскетизма противъ цивилизаціи. „Теперь эта реакція чисто-философическая, но всѣ историческіе прецеденты позволяютъ думать, что она расчищаетъ почву для какого-нибудь великаго религіознаго воссозданія. Излишекъ цивилизаціи (?) и исключительная погоня за матеріальными благами неизбѣжно вызываютъ противуположную крайность, безуміе отреченія и стремленіе къ ничтожеству. Быть можетъ, мы будемъ свидѣтелями минутнаго торжества этихъ стремленій, прежде чѣмъ они будутъ снова затоплены неудержимою волной жизни“. Сбудется ли пророчество г. Вогюэ о минутномъ торжествѣ указаннаго реакціоннаго направленія мысли, или оно останется въ нѣнѣшнихъ скрытыхъ предѣлахъ, не могущихъ даже „на моментъ“ задержать могучій бѣгъ человѣческаго творчества,—это другой вопросъ. Въ данномъ случаѣ читателя интересуетъ, главнымъ образомъ, отношеніе французскаго писателя къ сущности и роли философіи г. Толстаго. Мы видимъ, что, съ точки зрѣнія г. Вогюэ, философія эта занимаетъ свое опредѣленное мѣстечко въ нѣкоторой части европейской мысли, не являясь чѣмъ-то обособленнымъ и одинокимъ, чѣмъ-то оригинальнымъ и окончательнымъ. На это, впрочемъ, уже давно указывали наши передовые критики и публицисты, еще гораздо ранѣ появленія *Крейцеровой сонаты*, точно также какъ и нѣкоторые другіе взгляды ихъ на послѣднія произведенія г. Толстаго сходны во многомъ со взглядами французскаго критика. Послѣ двухъ предвѣдущихъ статей, остальное содержаніе послѣднихъ книгъ *Русскаго Обзорнія* представляетъ весьма слабый интересъ, и мы попытаемся сдѣлать ему общую характеристику.

Оставаясь при сравненіи двухъ родственныхъ органовъ, можно отмѣтить, что и въ беллетристикѣ *Русскаго Обзорнія* болѣе свѣтскаго лоска и приличія, нежели въ томъ же отдѣлѣ *Русскаго Вѣстника*: рѣзкій и колющій репейникъ замѣненъ здѣсь болѣе мягкими сортами растений. Здѣсь замѣчается стремленіе не писать на обветшалые клише *Русскаго Вѣстника*: нѣтъ здѣсь ни юдофобскихъ романовъ, ни чисто-нигилистическихъ темъ, ни слишкомъ великосвѣтскихъ мелодій; напротивъ, здѣсь какъ будто затрогиваются новые, живые сюжеты. Но искусство и мысль мало выигрываютъ отъ этихъ добрыхъ намѣреній и все ограничивается однимъ „какъ будто“. Такъ, напримѣръ, номеръ первый въ беллетристикѣ *Русскаго Обзорнія*, г. Ясинскій, какъ будто касается интересныхъ явленій современной психологіи: въ повѣсти *Современникъ* выводится своего рода „благоразумный человѣкъ“, напоминающій героя талантливой повѣсти г. Поталенко—*Здравья понятія*, но, кромѣ вычурной, плохой мелодрамы, ничего изъ этого авторскаго плана не выгорѣло. Чѣмъ стремительнѣе г. Ясинскій старается схватить интересныя сюжеты въ своихъ художественныхъ сѣти, тѣмъ менѣе въ его произведеніяхъ жизни, типичности, тѣмъ обильнѣе какая-то дѣланная, холодная риторика. Ни одно лицо въ *Современникѣ* у него слова въ простотѣ не скажетъ, а все „съ вывертомъ“, какъ тотъ отчаянный „дуракъ съ вывертомъ“,—одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти,—который представляетъ собою сплошную натуралистическую карикатуру, а не живое лицо хотя бы съ поврежденною головою. Въ другой повѣсти, *Муза*, г. Ясинскій опять какъ бы пытается прищипать къ сюжету интересное явленіе „толстовизма“, но останавливается въ самомъ началѣ и

увлекается описаніемъ самой заурядной интрижки провинціальной дамочки буржуазной среды съ завѣскимъ артистомъ.

Точно также не выдерживаетъ сколько-нибудь вѣской аммуниціи и г. Ахшарумовъ, помѣстившій въ *Русскомъ Обзорннн* повѣсть *Блудный сынъ*. Подобно тому, какъ у г. Ясинскаго сколько-нибудь серьезный сюжетъ вырождается въ карьературу и водевилъ, у г. Ахшарумова онъ незамѣтно переходитъ въ сухую докладную записку о совершенно постороннихъ вещахъ. Мы выше отмѣтили это свойство по поводу повѣсти г. Ахшарумова *Новая деревня*. Въ *Блудномъ сынѣ* одинъ способный молодой человѣкъ, чиновникъ, подъ вліяніемъ вѣяній 60-хъ гг., начинаетъ критически относиться къ бюрократическому міру, пишетъ на него сатиры и, наконецъ, бросаетъ службу; но бросаетъ не съ тѣмъ, чтобы служить литературу и критику, а съ тѣмъ, чтобы поступить въ болѣе выгодные ряды плутократіи. Однако, растерявъ въ биржевой игрѣ прибрѣтенныя богатства, „блудный сынъ“ возвращается снова въ лоно бюрократіи. Опять-таки, затронувъ краешекъ любопытнаго времени и его типовъ, г. Ахшарумовъ спѣшитъ сбросить непосильное бремя и со свойственною ему безжизненно-повѣствовательною манерой пространно докладываетъ о финансовыхъ спекуляціяхъ „блуднаго сына“ и его жены, представляющей не женское лицо, а биржеваго маклера въ юбкѣ.

Такимъ образомъ, беллетристы *Русскаго Обзорннн* стремятся иногда затрогивать тѣ же темы, которыя въ послѣднее время разрабатывались другими писателями, какъ гг. Боборыкинъ, Поталенко, но ихъ изображенія далеко отстаютъ отъ повѣствованій названныхъ лицъ какъ по значительности таланта, такъ и по очевидной несвойственности для нихъ подобнаго рода темъ. Встрѣчая еще иногда въ *Русскомъ Обзорннн* повѣсти Кота-Мурлыки, вродѣ *Фанатика*, читатель готовъ повторить извѣстный совѣтъ маленькой итальянки Жанъ-Жаку Руссо: „*Studiate la matematica, e lasciate la donna*“. Совѣтъ этотъ тѣмъ болѣе напрашивается въ данномъ случаѣ, что тутъ же, рядомъ съ повѣстью *Фанатикъ*, помѣщена незаконченная еще научная статья проф. Вагнера *Этика съ зоологнн*. Насколько въ послѣдней, представляющей рядъ превосходныхъ наблюденій и научныхъ фактовъ, все ясно, свѣтло, стройно, настолько въ повѣсти Кота-Мурлыки все сбивчиво, запутано, болѣзненно-темно и многословно.

Замѣчательною темнотою отличается и статья г. Влад. Соловьева *О лирической поэзіи*, объектомъ которой, главнымъ образомъ, послужили стихи г. Фета. Наши буддисты-эстетика, ищущіе примиренія и самозабвенія въ надзвѣздномъ паренн, куная свой слухъ въ звучныхъ переливахъ и сладкихъ звукахъ, совершенно оправедливо считаютъ себя какою-то обособленною „высшею“ кастой, которой единственно принадлежать ключъ къ пониманію всей лирической метафизики Фетовской музы. Для простыхъ смертныхъ очень многіе изъ безпредметныхъ стихотвореній г. Фета кажутся по меньшей мѣрѣ апокалипсическими и до чрезвычайности однообразными, однотонными. Обращаясь къ г. Соловьеву, можно сказать, что названная статья его вполне соотвѣтствуетъ избранному предмету, и критику является достойнымъ своего поэта: разсужденіе г. Вл. Соловьева *О лирической поэзіи* столь же метафизично и апокалипсично, какъ и стихи, которымъ оно посвящено. Въ лирикѣ г. Вл. Соловьевъ видитъ не выраженіе субъективнаго настроенія поэта, навѣяннаго природой или сильнымъ личнымъ аффектомъ, а видитъ въ ней, т.-е. въ данномъ случаѣ въ стихахъ г. Фета, „откровеніе“, голосъ изъ jenseits; въ ней слышатся ему „нездѣшнія рѣчи“, и любовныя сти-

хатворенія г. Фета, по его мнѣнію, „могутъ служить гораздо лучшимъ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ мистическихъ истинъ, нежели всевозможныя шлохныя доказательства“. Никто изъ „понимающихъ дѣло“ не смѣшаетъ, — говоритъ авторъ, — чистой лирики съ лирикою прозаическою, вдохновляющеюся патриотическими и гражданскими мотивами. Чѣмъ дальше муза улетаетъ отъ жизни здѣшней, „отъ житейской заурядности“, тѣмъ произведенія ея выше; поэтому самыми совершенными стихами должно считать тѣ, которыя нѣкоимъ образомъ не могутъ быть переложены въ гнусную житейскую прозу. „Стихотвореніе, котораго содержаніе можетъ быть только и связано рассказано своими словами въ прозѣ, ни не принадлежать къ чистой лирикѣ, или нигде не годится“, — категорически возвѣщаетъ г. Соловьевъ.

Что много безглагольныхъ и иныхъ стихотвореній г. Фета въ прозаическомъ переводѣ окажутся лишь бесвязнымъ наборомъ словъ, это никоимъ образомъ не доказываетъ истинности вышеприведеннаго положенія. Предлагаемъ г. Соловьеву взглянуть, напримѣръ, въ классическій французскій переводъ соч. Байрона Виллемена. Здѣсь „только и связано“ переданы въ прозѣ и лирическія произведенія Байрона. Въ они сохраняютъ смыслъ и читаются съ удовольствіемъ, хотя, разумѣется, лишены спеціального художественнаго аромата и красоты развѣренной рѣчи. Между тѣмъ, это не только лирика, переложенная въ прозу, но еще переложенная въ прозу чужаго языка. Мы не сомнѣваемся, однако, что г. Соловьевъ причисляетъ Байрона къ истиннымъ лирическимъ поэтамъ, по крайней мѣрѣ, не ниже г. Фета.

Гг. Соловьевъ, Ясинскій, Котъ-Мурлыка — имена, часто встрѣчающіеся на страницахъ газовой половины *Русскаго Обзорнія* (другую, заднюю, какъ извѣстно, составляютъ многочисленныя заграничныя хроника и т. под.) — принадлежатъ къ спеціальнымъ сотрудникамъ даннаго журнала и не смѣшиваются съ тѣми, которые состоятъ въ то же время сотрудниками *Русскаго Вѣстника*. Они-то и вносятъ нѣкоторое вѣдѣнное отличие въ фязіономію обоихъ органовъ, хотя и весьма несущественное. Въ остальномъ же, какъ мы знаемъ, т. е. во взглядѣхъ и освѣщеніи важнѣйшихъ вопросовъ современности и русской жизни, оба журнала держатся почти тождественной программы. Упомянутые писатели являются, такимъ образомъ, не болѣе, какъ флагами безразличныхъ дѣятель, подъ которыми провозится тотъ же знакомый русско-вѣстническій грузъ. И теперь, по прошествіи года со дня рожденія *Русскаго Обзорнія*, читатель, какъ и вначалѣ, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя: какою такою „проблѣмъ“ заполняется *Русское Обзорніе* въ журналистикѣ, ради чего откололось оно отъ своего старшаго брата и для какой цѣли выбрало неблагодарный девизъ: „тѣхъ же щей, да поуже взей“?

Русская Старина, мартъ—декабрь 1890 г. Вещью, наиболѣе обрѣтшей на себя вниманіе въ этихъ книжкахъ *Русской Старины*, несомнѣнно слѣдуетъ признать продолженіе дневника А. В. Никитенка. Въ разбираемыхъ книжкахъ онъ объимаетъ очень интересное десятилѣтіе 1850—1860 г. Было уже замѣчено, что за это время самъ авторъ дневника успѣлъ значительно измѣниться, что, съ выступленіемъ на сцену новаго поколѣнія общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, онъ настолько успѣлъ передвинуться направо, что и образъ мыслей, и дѣятельность этого поколѣнія были для него уже не вполне новы и не симпатичны. Это наблюденіе совершенно вѣрно, но къ нему необходимо прибавить, что наблюдаемая переимѣна происходитъ, собственно говоря, не столько во взглядѣхъ, сколько въ настроеніи Никитенка, а измѣненіе

настроения находится въ самой тѣсной связи съ переживной общественнаго положенія автора дневника. Переживна во взглядахъ не могла быть у Никитенка особенно рѣзка уже потому, что самые взгляды автора никогда не были особенно рѣзки. Въ одномъ мѣстѣ дневника (IV, 29) Никитенко различаетъ два періода въ „нашей умственной дѣятельности отъ Карамзина до Гоголя“. У Карамзина и Жуковского онъ отмѣчаетъ „состояніе юношеской неопытности, которое не вѣдаетъ зла“, своего рода „прекраснодушіе“. Въ слѣдующемъ періодѣ „лучшіе умы постепенно вытрезвляются, глубже всматриваются въ вещи и находятъ, что тутъ не до сибаритской роскоши чувствъ. Душа болитъ отъ мерзостей и страданій человѣческихъ“; оказывается невозможнымъ „завертѣться въ поэтическомъ прекраснодушіи, усновивать себя безплодными чаяніями лучшаго, а суровые, животрепещущіе вопросы о кровныхъ, существенныхъ страданіяхъ человѣка оставлять безъ разрѣшенія“. Пушкинъ является переходомъ къ этому періоду: онъ уже недоволенъ, тревоженъ, хотя еще въ личномъ смыслѣ; а дальше слѣдуютъ Лермонтовъ, Гоголь. Читая эти параллели, нужно помнить, что собственное воспитаніе Никитенка цѣликомъ принадлежитъ эпохѣ „прекраснодушія“; несмотря на борьбу за социальное положеніе, выдержанную имъ лично, онъ въ глубинѣ души постоянно оставался эстетикомъ стараго пошиба, литераторомъ въ этомъ „узвонѣ смыслѣ“. Самая его дѣятельность, вращавшаяся или въ сферѣ преподавательства, или въ безчисленныхъ комитетахъ, гдѣ дорожили больше всего его гладкимъ перомъ и красивымъ стилемъ, не могла расширить его житейской опытности дальше психологическихъ наблюденій надъ отдѣльными личностями, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ этихъ сферахъ. Между тѣмъ, впечатлительный и отзывчивый, онъ не могъ не „болѣть душой“ отъ человѣческихъ страданій среди поколѣнія, которое похоронило прекраснодушіе стараго времени. А такъ какъ складъ жизни, складъ воспитанія и, можетъ быть, темперамента поставили его далеко отъ теченія дѣйствительной жизни, то въ результатѣ объектомъ его благородныхъ стремленій и чувствъ оставались только общія моральныя понятія и ему приходилось, такъ сказать, выматывать изъ себя самого предметы своихъ сочувствій и антипатій. Временами онъ жутко чувствовалъ это двусмысленное положеніе книжнаго человѣка передъ запросами дѣйствительности. „Вѣда, если умъ ни на что не годенъ, кромѣ тѣнныя понятій, идей истиннаго и прекраснаго и тому подобной наутины, въ которую ничего нельзя ловить, даже мухъ“, — говоритъ онъ съ горечью въ одномъ мѣстѣ. Но проходить минуты отчаянія, и нашъ авторъ съ трогательнымъ упорствомъ и съ наивною вѣрой продолжаетъ тѣять свою наутину понятій: иногда дѣлается и смѣшно, и больно, когда присутствуешь при этой работѣ автодидакта, съ большими усилиями ума и вольемъ чувства доходящаго до азбучныхъ истинъ. Нельзя сдѣлать для всей этой дѣятельности оцѣнки болѣе вѣрной, чѣмъ та, которую дѣлалъ себѣ самъ авторъ. „Всю систему моей жизни я основалъ на нравственныхъ принципахъ, на идеяхъ высшаго человѣческаго достоинства и совершенства. Мнѣ хотѣлось дѣйствовать на людей этими силами, которымъ я старался придать и вѣшнюю привлекательность, совмѣщая ее опять-таки отъ одного изъ нравственныхъ началъ — отъ уваженнаго. Поступки мои соразмѣрялись не съ требованіемъ лицъ и обстоятельствъ, а съ личнымъ моимъ одушевленіемъ. Выходило, что я иногда обращалъ на себя вниманіе, но такъ какъ во мнѣ мало было добродѣтели съ тѣмъ, что составляло насущную нужду или къ чему

клонились страсти и намеренія людей моей среды, то меня скоро забывали. Мною при случаѣ пользовались, но по минованіи нужды бросали. Я не хотѣлъ или не умѣлъ дѣлать уступокъ, но это не изъ гордости или непониманія вещей, а въ силу принциповъ и наклонностей, выработавшихся во мнѣ съ дѣтства. Однимъ словомъ, я всегда былъ, есть и, кажется, навсегда останусь тѣмъ, что называется *доктринеромъ*“.

Если бы нужно было нарочно придумать для такого человѣка занятіе, которое бы соотвѣтствовало его стремленію къ общественной дѣятельности, но не требовало бы пониманія общественныхъ вопросовъ, которое, занимая умъ и давая исходъ чувству, въ то же время, оказывалось бы, въ концѣ-концовъ, однимъ словеснымъ упражненіемъ, однимъ словомъ, которое, представляясь весьма важнымъ, было бы, въ концѣ-концовъ, совершенно безплоднымъ,—повторяемъ, если бы нарочно пришлось придумывать для Никитенка соотвѣтствующее его склонностямъ и способностямъ занятіе, то, кажется, не нашлось бы болѣе подходящаго, чѣмъ вопросъ о пересмотрѣ цензурнаго устава при Николаѣ и Александрѣ II. Непрерывная исторія этой работы Данаидъ начинается съ вступленіемъ въ министерство А. С. Норова, весьма расположеннаго къ Никитенкѣ, особенно когда тотъ былъ ему нуженъ для составленія всяческихъ проектовъ и докладовъ. Не занимая никакого положенія въ канцеляріи министерства, Никитенко съ примѣрнымъ самоотверженіемъ дѣлаетъ за министра самую трудную и отвѣтственную часть работы, убѣжденный въ пользѣ его благихъ намереній. Правда, при полной несамостоятельности министра, онъ оказывается неспособнымъ провести какую бы то ни было оригинальную идею, но Никитенко этого не видитъ и доходитъ до этого открытія собственнымъ горькимъ опытомъ. Въ сентябрѣ 1853 г. Норовъ проситъ его приготовить записку о цензурѣ (будемъ уже слѣдить за одною этою стороною дѣятельности Никитенка); надо помнить, что дѣло происходитъ въ самый разгаръ дѣятельности *дванадцати* цензуръ николаевскаго времени, дополняемыхъ еще негласнымъ комитетомъ 2 апрѣля; Никитенко сидитъ за проектомъ цѣлые дни, но—проходить годъ: Никитенко пишетъ министру доклады и отчеты по министерству, получаетъ за это „жаркія объятія“; заговариваетъ въ сентябрѣ 1854 г. опять о цензурѣ, и что же? Министръ „обнаруживаетъ такое равнодушіе, что мнѣ даже стало досадно и я круто повернулъ разговоръ на другой предметъ“. „Отложимъ атаку до болѣе благопріятной минуты“,—оптимистически прибавляетъ Никитенко. Проходитъ десять дней: Никитенко въ удивленіи записываетъ: „Что сдѣлалось съ Авр. Серг.? не понимаю! Онъ поступаетъ съ цензурой чуть не хуже, чѣмъ его робкій и неспособный предшественникъ (кн. Ширинскій - Шихматовъ). На него напалъ какой-то панческій страхъ“. И опять прибавляетъ радомъ: „но честный человѣкъ не долженъ слагать оружія и предаваться бездѣйствію, доколѣ есть хоть тѣнь возможности дѣйствовать... Надо приготовить записку о цензурѣ“. Дѣйствительно, онъ работаетъ, напоминаетъ, и министръ выслушиваетъ, проситъ продолжать; произноситъ даже нѣсколько „смѣлыхъ и благородныхъ“ фразъ, получивши отъ Никитенка готовый докладъ о пенсіяхъ. Нашъ авторъ, въ восторгѣ отъ этихъ фразъ; забывъ все предъидущее, онъ пишетъ; „Надо отдать справедливость А. С.: онъ вообще дѣйствуетъ благородно и смѣло... намеренія его чисты, какъ асный день... Съ министромъ, такъ благородно настроеннымъ, хорошо и работать... Ахъ, если-бъ только не эти канцелярскіе тормазы!“ Раньше, чѣмъ Никитенко успѣваетъ окончить работу, умираетъ императоръ

Николай. Едва успѣваетъ наладиться новый порядокъ, какъ Никитенко, черезъ три мѣсяца послѣ описаннаго разговора, напоминаетъ министру о цензурѣ и записываетъ, что „А. С. съ жаромъ ухватился за эту мысль и просилъ меня заняться теперь исключительно инструкціей цензорамъ“. Дѣло двинулось разомъ; рѣшено подать Государю предварительную записку, которая составлена въ нѣсколько дней, привела въ восторгъ министра, будетъ подана Государю, сейчасъ же по утвержденіи „всѣ старыя цензоры получать отставку и будутъ назначены новыя“. Никитенко въ восторгѣ: ущербъ для нѣсколькихъ лицъ покроеся общемою пользою. Но проходитъ недѣля; министръ былъ у Государя и докладывалъ о цензурѣ, но записки не представилъ, а его устыжи замѣчанія о вредѣ комитета 2 апрѣля Государь встрѣтилъ замѣчаніемъ, что, „такъ какъ онъ, министръ, теперь самъ членъ этого комитета, то послѣдній уже не можетъ быть такъ вреденъ“. Объ инструкціи цензорамъ вовсе ничего не было сказано. „Боюсь, чтобъ дѣло не было испорчено“, — наивно записываетъ нашъ неисправимый оптимистъ и упорно сидитъ за „инструкціей“. Наконецъ, проектъ конченъ, прочтенъ Норову: „обычныя восторги и объятія“. „Я и самъ сознаю важность моего труда... Произволъ цензоровъ обузданъ, литературѣ данъ просторъ и указаны мѣры противъ злоупотребленій“. Рѣшено представить инструкцію черезъ главное управленіе цензуры Государю. Повидимому, дѣло кончено. Увы, проходитъ мѣсяцъ и Никитенко записываетъ: „Дѣло о цензурѣ застряло въ канцеляріи. По приказанію министра я отдалъ туда мою записку для перебѣленія: вотъ ужъ скоро мѣсяцъ, она переписывается. Это ужасъ! Я говорилъ министру. Онъ отвѣчалъ, что канцелярія его безтолкова, а директоръ... обѣщаль подвинуть дѣло, но все забываетъ. Вотъ какъ дѣлаются у насъ серьезныя дѣла! И вотъ какъ трудно прошибить оптимизмъ и довѣрчивость нашего автора, продолжающаго дѣлать для своего министра „работу за другихъ“: попрежнему, „проработаетъ онъ „ночь... восторги, объятія!“

Но всему бываетъ конецъ, и Никитенко, наконецъ, разошелся съ Норовымъ, какъ разъ когда зашла рѣчь о томъ, чтобы дать ему какое-нибудь официальное положеніе въ министерствѣ. Дѣло въ томъ, что противъ этого былъ дѣлопроизводитель канцеляріи министра, не пріятель Никитенка, „подъячій“, забравшій Норова въ руки. Скоро и самъ Норовъ получалъ отставку и при новомъ министрѣ, Евгр. П. Ковалевскомъ, вопросъ о цензурѣ вступилъ въ новый фазисъ. Въ апрѣлѣ 1858 г. Никитенко записываетъ: „Былъ у новаго министра. Рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ со стороны литературы ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснять мысль. Какъ это согласить? Министръ сказалъ, что онъ надѣется на меня“. Такимъ образомъ, новый толчокъ данъ былъ личнымъ желаніемъ Государя, — желаніемъ, однако, довольно неопредѣленнымъ. „Надобно же что-нибудь сдѣлать, чтобы успокоить Государя, котораго сильно озабочиваетъ цензура“, — говорили лица, для которыхъ вопросъ о цензурѣ былъ совершенно безразличенъ. Наконецъ, Никитенко узнаетъ отъ Блудова новость, что назначенъ комитетъ изъ гр. Адлерберга, Муханова и Т***, „который бы любовно, патриархально и разумно направлялъ литературу... *мирами кроткаго назиданія*, не вступая ни въ какія цензурныя права“. „Если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей, — замѣчаетъ Никитенко, — то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать

имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ, — они, которые никогда ни о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! И смѣхъ и горе*. И нашъ авторъ съ убѣжденіемъ повторяетъ мнѣніе Влудова, что это „безтолковое учрежденіе“ превратится или въ негласный Вутурлинскій комитетъ, или въ „самое смѣшное ничто“. Но опять для нашего оптимиста готовится испытаніе, болѣе жестокое, чѣмъ всѣ предыдущія. Министръ передаетъ ему, что комитетъ желаетъ съ нимъ, Никитенкомъ, посоветоваться. Никитенко удивленъ и раздраженъ. „Что же я съ ними буду говорить? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе“. Но, — опять но, — „дѣло объ опредѣленіи васъ въ комитетъ печати явилось серьезный и щевотливой оборотъ, — сообщаетъ ему черезъ нѣсколько времени министръ, — на это изъявилъ желаніе Государь“. Съ этого момента въ авторѣ дневника происходитъ любовитная внутренняя борьба: ему приходится, какъ говорятъ, *faire bonne mine au mauvais jeu*; онъ старается обставить дѣло такъ, чтобъ убѣдить самого себя, что онъ сталъ участникомъ комитета по внутреннему убѣжденію, а не по печальной необходимости. Прежде всего, онъ изложилъ членамъ комитета свое *profession de foi*. Тутъ говорилось, что комитетъ, по мнѣнію Никитенка, долженъ дѣйствовать на общественное мнѣніе исключительно тѣмъ же способомъ, какимъ дѣйствуетъ и литература, — путемъ печати, что „есть два рода прогресса: одинъ можно назвать прогрессомъ *слова ялову*, который часто проскакиваетъ мимо цѣли, а другой — *умственно, постепенно*, но вѣрнымъ шагомъ идущій къ цѣли“; что онъ, Никитенко, „поборникъ послѣдняго — и неуклонный“. Естественно, что члены комитета, которые, очевидно, могли ожидать и худшаго отъ названнаго имъ волей Государя товарища, послѣдшіи согласиться со всѣмъ, что говорилъ Никитенко. Нашъ авторъ сталъ членомъ комитета, представился Государю. „Многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ засѣдать въ трибуналѣ, который признается гасительнымъ, но въ томъ-то и дѣло, господа, — утѣшаетъ себя Никитенко, — что я хочу парализовать его гасительныя воздѣлнія. Будетъ возможность дѣйствовать благородно — буду; нельзя — пойду прочь“. Правда, „нѣкоторые изъ крайнихъ полагаютъ, что поступленіемъ моимъ въ комитетъ я утвердилъ его существованіе“, что иначе онъ „принужденъ былъ бы закрыться, какъ дѣло вполнѣ неудавшееся и невозможное“; но, полагаетъ Никитенко, могло быть и иначе: комитетъ могъ бы терроризировать прессу; не лучше ли принять на себя роль — неблагодарную, конечно — „посредника между литературой и правительствомъ?“ И вотъ Никитенко въ роли посредника. Какъ посредникъ, онъ начинаетъ сердиться, конечно, что противныя партіи не хотятъ мириться; однако, незамѣтно для него самого, объектъ его гнѣва мѣняется. Прежде онъ обвинялъ въ этой враждѣ администрацію. Всегда виноватъ неспособный министръ, если происходитъ революція, — говорилъ онъ когда-то. Ему очень нравилась фраза Галебрана, что есть кто-то, кто умнѣе его и Наполеона, это — именно всѣ, — общественное мнѣніе. Но теперь настроеніе его мѣняется. Онъ поручился передъ комитетомъ и самимъ Государемъ за литературу, что она „вообще не питаетъ никакихъ враждебныхъ правительству замысловъ“; онъ рассчитывалъ, вслѣдъ за Влудовымъ, эту литературу, „людей благородныхъ и даровитыхъ, которые могутъ дѣйствовать только по убѣжденію“, „привлечь на сторону правительства, сдѣлавъ ихъ участниками благихъ видовъ“ послѣдняго. Но такъ какъ, естественно, оказалось,

что у литературы свои собственные „виды“, то Никитенку оstarалось, по Блудовской же классификаціи литераторовъ, зачислить ихъ въ типъ „зломѣренныхъ и упорныхъ въ своихъ крайнихъ желаніяхъ“. Съ наивною литератора, незнакомаго съ дѣйствительнымъ ходомъ государственной жизни, онъ не видитъ ничего средняго между примиреніемъ и революціей: если оппозиція не согласна на компромиссъ, значитъ, она хочетъ революціи, хаоса, анархіи и, въ концѣ-концовъ, „усиленнаго деспотизма“. Естественно, что, ставъ на эту точку зрѣнія, Никитенко оказался, въ сущности, ближе къ своимъ новымъ, чѣмъ къ своимъ старымъ товарищамъ. Въ общихъ идеяхъ, къ своему удивленію, онъ оказался почти согласнымъ съ членами комитета: всѣ они, какъ Т***, „совершенно соглашались съ тѣмъ, что надо идти путемъ умѣреннаго и благоразумнаго либерализма“, даже Мухановъ оказался „доступенъ хорошимъ идеямъ“. Такимъ образомъ, въ комитетѣ онъ не находилъ „никакихъ особенно враждебныхъ покушеній на литературу“. Правда, когда пришлось перейти отъ слова къ дѣлу, отъ общихъ идей—къ частностямъ, нашему автору опять приходилось безконечно изумляться. „Вотъ, я опять наткнулся на замѣчанія, которыхъ уже больше не ожидалъ, наприм., что общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, да едва ли оно и возможно“, или: „графъ А. В. обнаружилъ невообразимое незнаніе и непониманіе самыхъ простыхъ вещей въ умственной и государственной жизни“. Мухановъ возражаетъ графу А. „довольно умно и удачно“; но и онъ, и *** „сильно озлоблены противъ литературы и, *кажется*, расположены къ самымъ жестокимъ мѣрамъ“ etc.

Наконецъ, члены комитета сами пришли къ убѣжденію въ его бесполезности, и комитетъ слился съ главнымъ управленіемъ цензуры подъ начальствомъ бар. М. А. Корфа. „Зачѣмъ звалъ меня Корфъ?—записываетъ Никитенко въ ноябрѣ 1859 г.,—не понимаю. Не полагалъ ли онъ, что я буду просить его взять меня въ новый цензурный комитетъ? Въ такомъ случаѣ, онъ ошибся“. Къ сожалѣнію, какъ разъ въ этотъ мѣстѣ дневникъ прерывается вслѣдствіе тяжелой болѣзни автора; когда онъ начинается въ февралѣ 1860 года, Никитенко уже засѣдаетъ въ главномъ управленіи и не философствуетъ болѣе по поводу той пользы, которую можетъ принести его участіе для примиренія правительства съ литературой. Теперь философія его принимаетъ новый оттѣнокъ. Какъ прежде въ афоризмахъ своего дневника онъ возвращался къ идеѣ о „самообладаніи и воспитаніи темперамента“ посредствомъ „воли“, такъ теперь онъ безпрекословно отдается „судьбѣ“. „Бываютъ состоянія человеческой жизни, когда человѣкъ совершенно лишается всякой возможности управлять своею судьбой, когда онъ блуждаетъ во мракѣ, не зная, куда направить шаги свои и что ожидаетъ его въ двухъ шагахъ отъ него. Тутъ ничего болѣе не остается, какъ отдать всего себя текущему мгновенію, не удручая себя мыслью о будущемъ“. Отсюда не далеко до полнаго разочарованія въ жизни; „дѣйствительно, въ жизни такъ много эфемернаго и разочаровывающаго, что давать ей высокую цѣну становится почти смѣшнымъ въ глазахъ разсудка“; жизнь похожа, въ сущности, „на мечту, на сновидѣніе, даже на насмѣшку надъ нашими стремленіями, желаніями и надеждами“. Что же остается? Остается—„вѣрованіе“; „не ясное понятіе, не аксіома разумнаго вѣдѣнія“, а именно вѣрованіе въ то, „что среди всей этой страшной путаницы, неурядицы и безтолковщины человеческой жизни есть что-то доброе, разумное, примиряющее и покоящееся на прочныхъ основаніяхъ, и что это что-то заключается въ единомъ, всеобъемлющемъ, всесовершенномъ

существо, которое имѣетъ и желаніе, и власть исправлять недостатки и несовершенство вещей...“ Остается, словомъ, замкнуться въ „лаптину понятій“.

Вотъ все, что осталось отъ оптимизма нашего автора. Какъ бы нарочно для того, чтобы подчеркнуть весь трагизмъ этого вывода изъ всей жизни одного изъ наиболѣе умныхъ и талантливыхъ русскихъ людей, Никитенкѣ пришлось придти къ нему какъ разъ въ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ моментовъ русской исторіи, когда все вокругъ спѣшило жить и дѣйствовать, бороться, — и тоже вѣрить, но вѣрить въ силу человѣческой мысли и воли, въ тотъ „прогрессъ“, который нашему автору казался самою несомнѣнною „иллюзіей“. Конечно, Никитенко не могъ и не хотѣлъ раздѣлять похмѣлья въ чужомъ пиру; эта „вѣра“ казалась ему „самонадѣянностью“, эта жажда борьбы — жадной выставить впередъ свое личное я, дать пищу мелкому самолюбію; стремленіе къ пропагандѣ — деспотизмомъ, насиліемъ надъ чужимъ мнѣніемъ и чужою совѣстью. У насъ не хватаетъ рѣшимости осуждать его за этотъ поворотъ, который для него былъ выводомъ изъ неудачъ цѣлой жизни. Самую строгую оцѣнку своей дѣятельности онъ сдѣлалъ самъ въ цитированныхъ выше словахъ; все, что можетъ добавить къ этому приговору историкъ русскаго общества, будетъ только смягченіемъ его собственнаго приговора.

Мы такъ долго остановились на дневникѣ Никитинки, что только очень коротко можемъ упомянуть о другихъ интересныхъ статьяхъ и матеріалахъ *Русской Старины*. Въ числѣ ихъ назовемъ, прежде всего, переводную статью Е. Скайлера, проведшаго двадцать лѣтъ назадъ нѣсколько времени въ „Ясной Полянѣ“ и описывающаго тогдашнюю домашнюю обстановку, времяпрепровожденіе и бесѣды гр. Л. Н. Толстаго. Ф. В. Духовниковъ сообщаетъ со словъ саратовскихъ сторожиловъ интересныя свѣдѣнія о семейной обстановкѣ и молодыхъ годахъ Н. Г. Чернышевскаго, до его отправленія въ университетъ. Есть кое-что новаго и въ запискахъ Н. А. Огаревой-Тучковой, тоже преимущественно о высшей сторонѣ жизни ея кружка и о ея личныхъ отношеніяхъ къ Орлову. Довончены печатаніемъ письма Сефдовскаго къ Ахматовой и Смирновой къ Гоголю; о тѣхъ и другихъ мы уже говорили раньше; первыя, попрежнему, прикрываютъ цвѣтами краснорѣчія старческую чувственность, во-вторыхъ, тоже, попрежнему, молитва чередуется съ танцами и запахъ духовъ съ запахомъ деревяннаго масла. Изъ матеріаловъ болѣе древняго времени замѣчательна *Гисторія* кн. Куракина, но о ней мы надѣемся поговорить особо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. КНИГИ.

	Стр.
Беллетристика: „Восточные мотивы“. В. Л. Величко.—„Сказки дѣятельности“. Вас. И. Немировича-Данченко.—„Москвичка“. Ва. Михайлова	1
Критика и публицистика: „О бравѣ и безбравіи“. Проф. А. Гусева.—„Критико-біографическій словарь писателей и ученых“. С. А. Венерова.—„Вопросъ о нищенствѣ и объ организаціи благотворительности въ Москвѣ“. А. Краевского	6
Философія и психологія: „Вопросы философіи и психологіи“.—„Исторія новой философіи въ скатомъ очеркѣ“. Иверсега-Гейтце	9
Исторія и біографія: „Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтписца“.—„Священная Римская имперія“. Джамеа Брайса.—„Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs“ par Luchaire.—„Жизнь Диккенса“. А. Н. Плещеева	13
Политическая экономія и статистика: „Die drei Bevölkerungsstufen“ von Hansen.—„Institute für Arbeits-Statistik in den Vereinigten Staaten, in England und der Schweiz“ von Joachim.—„Éléments d'économie politique pure“ par Walras.—„Principes d'économie politique“ par Gige.—„Ходатайства Императорскаго вольнаго экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ“.—„Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи“. А. П. Шмелевича.—„Материалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда	20
Естествознаніе: „Учебникъ минералогіи“. Лебедева.—„Поиски данныхъ минераловъ“. Д-ра М. Глубоковскаго	28
Сельское хозяйство: „Материалы по изученію русскихъ почвъ“. А. Соотнова и В. Докучаева.—„Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плодородства“. Э. Клаусена.—„Справочная книжка для пчеловодовъ“. Л. А. Поттхима.—„Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ“. Я. М. Шмелевича.—„Практическое птицеводство“. П. Н. Елачина.—„Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Императорскаго вольнаго экономическаго общества“. А. Н. Бекетова.—„Русскія кашусти“. М. Рытова.—„Варка сировъ бакштейна и пекарнио“. Е. Росточевой.—„Практическое руководство для производства кастраціи свиной“. С. Т. Нейштубе	30

Дѣтскія книги и учебники: „Наталя Борисовна Долгорукова“. П. Р. Фурмана.—„Ближній болгаринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матѣевъ“. Елю асс.—„Царь Мидасъ и другія сказки, рассказы и стихотворенія“.—„Снѣгъ рыбака Михаила Васильевичъ Домоносовъ“. П. Р. Фурмана.—„Александръ Македонскій, знаменитый завоеватель, прованный Великимъ“.—„Изъ давняго прошлаго“. А. П. Смирнова.—„Практическій курсъ русскаго правописанія“. Н. Цоткова.—„Геометрія для ремесленныхъ и техническихъ школъ“. П. И. Межеричера.—„Образцы письменныхъ работъ по арифметикѣ“. М. Карякина.—„Арифметика“. Г. Голубева.—„Таблицы для опредѣленія минераловъ“. М. Соловьева.—„Предварительный курсъ физики“. В. Кошелева.—„Элементарный курсъ практической грамматики“. С. О. Хворова.—„Практическое руководство къ устройству и веденію „лесей“. Ф. Марбо.—„Прямолінейная тригонометрія“. П. Златчанскаго.—„Подробный атласъ Россійской имперіи съ планами главнѣйшихъ городовъ“. А. Илчина.—„Учебникъ русскаго языка“. А. Новомашеннаго.—„Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ“. П. Кузскаго	34
--	----

Календари: „Царь-Бололозь“. Изд Э. Э. Гимнуса.—„Современный календарь на 1891 г.“. Изд А. Д. Ступина.—„Записная книжка 1891 г.“. Изд. Б. Л. Риккера	46
---	----

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь 1890 г.—„Русское Обзоріе“, сентябрь—декабрь 1890 г.—„Русская Старина“, мартъ—декабрь 1890 г.	49
---	----

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

НОВАЯ КНИГА:
ЗАПРОСЫ НАРОДА
И
ОБЯЗАННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ВЪ ОБЛАСТИ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ И ПРОСВѢЩЕНІЯ.

А. С. Пругавина.

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“.

Содержаніе: Вольныя крестьянскія школы.—Публичныя чтенія для народа въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Ярославлѣ и т. д.—Народныя библиотеки и читальни.—Почему „хорошія книжки“ не доходили до народа?—Лубочныя издатели.—Литература улицы.—Офени-книгошени.—Странствующие чтенці.—Современная лубочная литература.—Публика выросла.—Что и какъ читаетъ народъ?—Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія.—Къ вопросу о расплатѣ съ народами.—Приложенія: Циркулярныя министерства народнаго просвѣщенія, относящіяся до школъ грамотности.—Правила для устройства народныхъ чтеній.—Правила о народныхъ читальняхъ.—Какъ основалась первая сельская общественная бібліотека?

Цѣна съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Русская Мысль“
(Москва, Леонтьевскій, № 21).

Вышла и продается у всѣхъ книгопродавцевъ **НОВАЯ КНИГА:**

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ (ПОЛНОЕ)

Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

Въ двухъ томахъ, въ большую осьмушку компанійной печати въ двѣ колонны, СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ и ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА, исполненнымъ въ фототипіи Шерера, Набольцъ и №., въ Москвѣ.

11
СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА. Крестьянскія повѣсти и разсказы: Разсказы заводскаго хлопца.—Крестьяне-присяжники.—Въ артели.—Авраамъ.—Деревенскій король Лиръ.—Горе стараго Кабана.—Пропала деревня.—Пророчица.—Устой. (Исторія одной деревни). Повѣсть въ четырехъ частяхъ. СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА. Повѣсти и разсказы: Золотая сердца. (Повѣсть).—Барская дочь.—Скиталецъ. (Прійѣздъ въ деревню.—Израильская жизнь.—Миша и Гриша.—Семья Кремлевыхъ.—Конецъ Русанова).—Моя видѣнія.—Господа Караваевы.—Надо торопиться.—Изъ однихъ воспоминаній.—Предводитель золотой роты.—Лѣсъ.—Труженики.—Городъ рабочихъ.—Искра Божія.—Везумецъ.—Гетманъ.—Витомне очерки: Деревенскія будни. (Очерки крестьянской общины).—Красный кусть.—Деревенскіе политикъ. (Бабые царство.—Солдатикъ Василь.—Облюбовали).

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“. Цѣна за ДВА тома 3 р., съ перес. 3 р. 80 к., Подписчикъ „Русской Мысли“ за пересылку не платитъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21).

